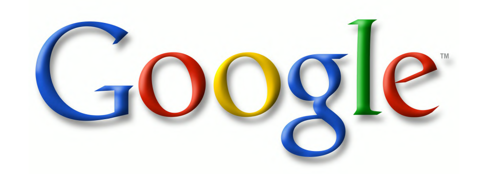
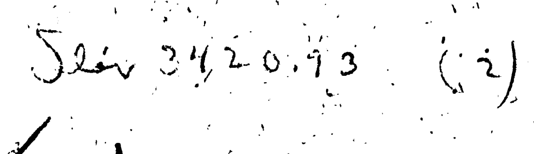
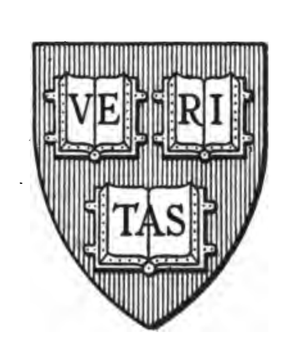
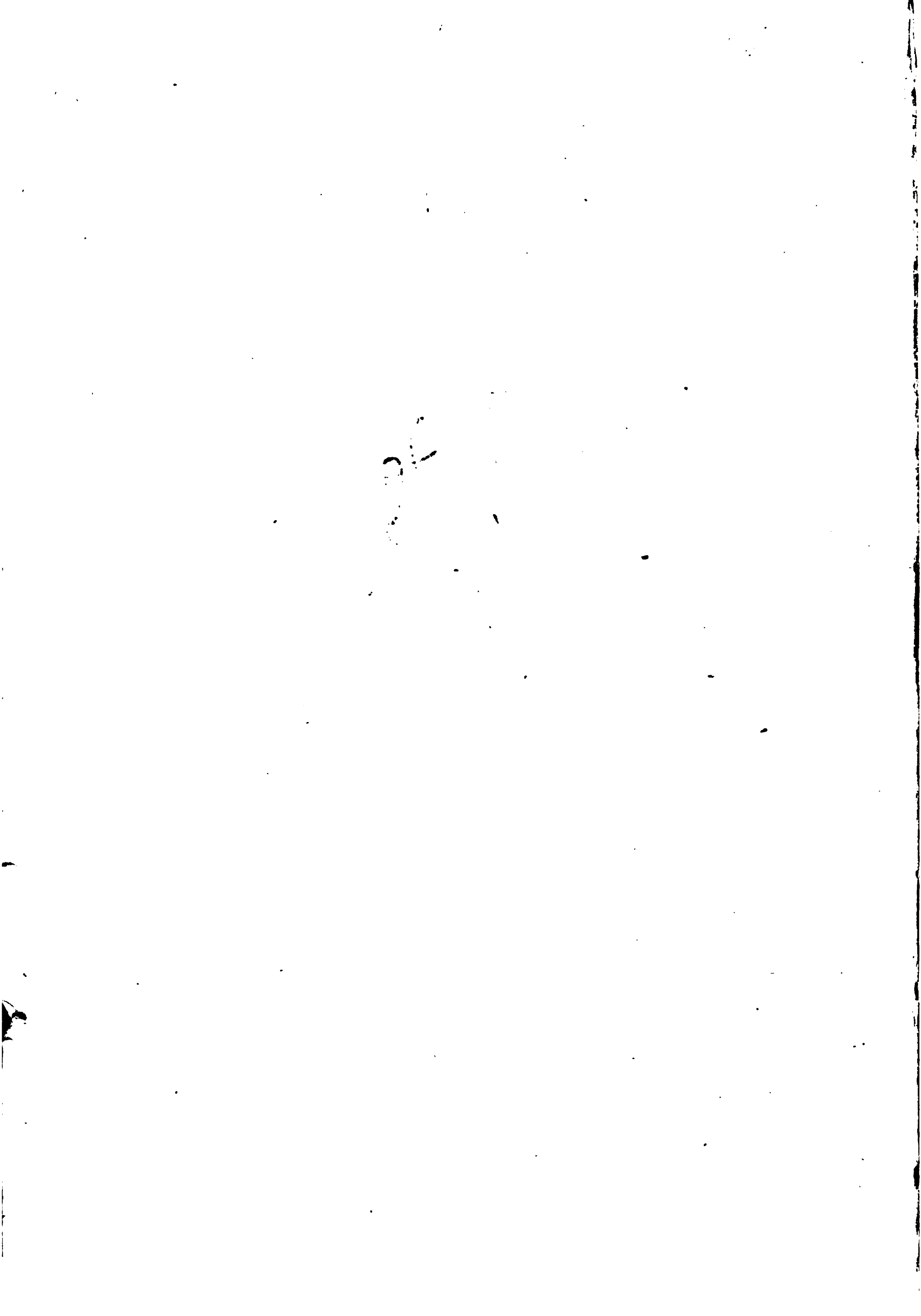



Slav 3420.93 (2)


VE RI
TAS



ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

НА

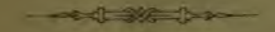
КАВКАЗѢ

(1842—1867)

А. Л. ЗИССЕРМАНЪ

Часть вторая

1851—1856



С-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1879

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

НА

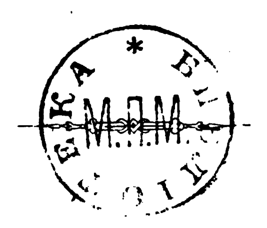
КАВКАЗѢ

(1842—1867)

А. Л. ЗИССЕРМАНА

Часть вторая

1851—1856



С-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1879

XXXV.

28-го апрѣля 1851 года, въ прекрасный солнечный день, когда праздникъ весны обнималъ свою излюбленную Грузію, когда и природа и люди тамъ носятъ печать какого-то добродушнаго веселья и беззаботности, когда въ воздухѣ какъ будто носится лозунгъ: „да ну, братцы, бросьте къ чорту всѣ ваши заботы, всѣ *злобы дня*, давайте пить и веселиться“— въ такое-то восхитительное утро, часу въ девятомъ, вышелъ я изъ своей квартиры къ стоявшей уже готовою и уложенною перекладной. И опять, какъ странствующіе рыцари, взобрались мы съ Давыдомъ на это орудіе пытки, именуемое почтовою телѣгой, и понеслись въ далекія, еще нами невиданныя мѣстности обширнаго Закавказья.

Скачка на курьерскихъ, среди облаковъ пыли, по обнаженной, монотонно однообразной мѣстности, чрезъ Елисаветполь, Шемаху, Кубу и Дербентъ, не можетъ дать матеріала для мало-мальски интереснаго разсказа, еслибъ у меня въ памяти даже сохранились кое-какія подробности. Отъ однаго города до другаго всѣ почтовыя станціи почти исключительно выстроены въ степи, вдали отъ ауловъ мѣстныхъ жителей; ихъ очень мало встрѣчалось даже по дорогѣ; изрѣдка проѣдетъ одинъ-другой верхомъ; преобладалъ какой-то характеръ пустыни. Солнце жгло немилосердно. Былъ только конецъ апрѣля, а у меня уже къ вечеру втораго дня вся

правая сторона лица обгорѣла, покрылась черноватыми пятнами, а затѣмъ кожа полѣзла какъ послѣ обжога.

Въ Елисаветполѣ, кругомъ базарной площади, меня поразили громадной величины чинары. Въ Мингичаурѣ, переправляясь на паромѣ чрезъ Куру, я не узналъ своей тифлисской знакомки: изъ бурливой, быстрой, вѣчно шумящей рѣки она здѣсь обратилась въ широкую, глубокую, плавно несущую свои грязно-желтыя волны къ Каспію. Тутъ только можно было ясно видѣть, что мысль князя Воронцова учредить по ней пароходство—не химера, не безплодная затѣя, какъ старались представлять ее въ Тифлисѣ нѣкоторые скептики. Былъ заведенъ пароходъ, совершалъ нѣкоторое время рейсы отъ Сальянъ до Мингичаура и, кажется, выше по теченію Куры; потрачено было, безъ сомнѣнія на это не мало казны, но дѣло не пошло въ ходъ... Почему, въ чемъ встрѣтились затрудненія и препятствія—не знаю. Можетъ-быть и весьма уважительныя препятствія; но въ такомъ случаѣ нужно было предварительно основательно ихъ изслѣдовать, чтобы, вопервыхъ, не бросать безъ пользы государственныхъ суммъ, вовторыхъ, не дискредитировать въ глазахъ невѣжественнаго населенія нашихъ нововведеній и попытокъ примѣнять плоды западныхъ открытій и изобрѣтеній. Вообще, наши подобныя предпріятія, все равно гдѣ бы мы ихъ ни затѣяли, на Курѣ или Амурѣ, какъ будто судьбой предназначены умирать преждевременною, трагикомическою смертью. Лѣтъ чрезъ десять послѣ попытки на Курѣ, была сдѣлана другая, на Кубани, и кончилась чуть ли не плачевнѣе. Для извилистой, довольно быстрой, усѣянной мелями и карчами рѣки, ухитрились пріобрѣсти въ Англіи какой-то забракованный длинный пароходъ, кажется за 95 тысячъ. рублей. Совершивъ торжественное шествіе по Кубани, при помощи высылавшихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ сотенъ казаковъ, входившихъ въ воду, чтобы стаскивать засѣвшій на мель неуклюжій пароходъ, онъ былъ оставленъ у города Темрюка, *впредь до дальнѣйшаго распоряженія*. Годика черезъ три такого печальнаго прозябанія на берегу, его продали съ

аукціона какому-то провіантскому чиновнику за *шесть тысячъ* рублей, а этотъ перепродалъ машину кому-то въ Керчь, какъ говорили, за *двѣнадцать тысячъ*.

Такихъ примѣровъ на одномъ Кавказѣ можно бы привести не мало, а съ прибавленіями бѣломорскихъ, амурскихъ и проч., крупно субсидированныхъ компаній, можно пожалуй составить изрядный томъ. Что же это за злая судьба, такъ жестоко преслѣдующая наши предпріятія, повидимому, истекающія изъ такихъ прекрасныхъ общеполезныхъ побужденій? Особенныя географическія, климатическія, этнографическія условія? Рѣдкость и крайняя неразвитость населенія? Отсутствіе въ большинствѣ мѣстностей всякой заводской, фабричной дѣятельности? Скудоуміе, неопытность или недобросовѣстность органовъ созидающихъ и агентовъ приводящихъ въ исполненіе всѣ эти, столь много обѣщающія предпріятія?.. Можетъ-быть и то, и другое, и третье. Очень грустно! Не пора ли появиться наконецъ опытнымъ, хорошимъ діагностамъ?...

Раскинутая на крутой горѣ Шемаха, ежечасно угрожаемая землетрясеніемъ; далѣе Куба, переправа въ бродъ чрезъ быстрый Самуръ—переправа, сопряженная съ опасностью быть опрокинутымъ; рѣзко измѣняющаяся мѣстность отъ все ближе и ближе подступающихъ отроговъ Кавказскаго хребта, сближающихся съ Каспіемъ; бо̀льшая жизненность природы, выражающаяся, какъ всегда, обиліемъ и роскошью растительности; далѣе Дербентъ — этотъ оригинальный татарско-персидскій городъ, съ крѣпостью на горѣ и остатками стѣны кругомъ до самаго берега моря, возбуждающій воспоминанія о Великомъ Петрѣ, геній коего указалъ намъ путь къ этимъ владѣніямъ; затѣмъ рядъ большихъ богатыхъ ауловъ, прочно изъ камня построенныхъ, утопающихъ въ роскошной, цвѣтущей зелени; Буйнакъ, напомнившій мнѣ соблазнительнаго *Амалатъ-бека* Марлинскаго, эту пылкую фантазію, приводившую когда-то въ восторгъ неопытныя юныя души и сманившую меня на Кавказъ; далѣе еще нѣсколько ауловъ и станцій,

уже носящихъ болѣе тревожно-воинственный характеръ, вслѣдствіе близости непокорныхъ горцевъ — вотъ что̀ возникаетъ предо мною при воспоминаніи о тогдашнемъ странствованіи.

Наконецъ, въ полдень 2-го мая, я въѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, проскакавъ въ четверо сутокъ 840 верстъ. Сдавъ въ штабъ командующаго войсками привезенныя бумаги, я, по указанію „базарнаго“, остановился на квартирѣ въ домѣ какого-то женатаго солдата; отдохнулъ сутки, явился командующему войсками князю Аргутинскому и былъ приглашенъ имъ къ обѣду; затѣмъ осмотрѣлъ административную столицу Дагестана, этого театра главнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ тридцатыхъ годовъ, и приготовился отправиться въ штабъ-квартиру своего Дагестанскаго пѣхотнаго полка, укрѣпленіе Ишкарты.

Темиръ-Ханъ-Шура, основанная въ 1832 году, какъ штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка и центръ управленія Дагестаномъ, страдала недостаткомъ хорошей воды и отличалась классическою грязью и лихорадочнымъ воздухомъ, вслѣдствіе низменнаго своего положенія и какого-то гнилаго озера. Въ мой первый пріѣздъ въ 1851 году, она, впрочемъ, имѣла видъ порядочнаго уѣзднаго города, имѣла площадь съ неизбѣжнымъ базаромъ по воскресеньямъ, нѣсколько правильныхъ улицъ съ изрядными домами, не мало порядочныхъ магазиновъ и лавокъ, нѣсколько трактировъ съ биліардами и въ одномъ даже съ *машиной*, переносившею слушателя въ Москву, главный пріютъ этихъ музыкальныхъ наслажденій. Былъ довольно обширный публичный садъ съ неизбѣжною дощечкой: „не мять, не рвать“ и т. д., гдѣ по праздникамъ играла музыка. Кругомъ Шура *) была обнесена неглубокимъ рвомъ; по фасамъ были устроены батареи, на коихъ красовались крупныя крѣпостныя пушки; двѣ или три башни доми-

*) Для сокращенія тарабарскаго названія Темиръ-Ханъ-Шура, всѣ говорили просто — Шура.

нировали надъ ближайшею окрестностью; въѣздъ и выѣздъ ограничивался тремя воротами: дербентскими, ишкартинскими и кяфыръ-кумыкскими, у коихъ стояли часовые и никого безъ прикрытія не выпускали, особенно въ ишкартинскія, чрезъ которыя дорога вела въ нашу штабъ-квартиру по пересѣченной, лѣсистой мѣстности, ближе къ отрогу хребта, отдѣлявшаго Шамхальскую плоскость отъ непокорныхъ сосѣдей, койсубулинцевъ.

Населеніе Шуры, понятно, было исключительно военное, съ незначительною примѣсью русскихъ и армянскихъ торговцевъ и подрядчиковъ, да нѣсколькихъ евреевъ ремесленниковъ. Интеллигентное общество составляли чины штаба командующаго войсками, офицеры Апшеронскаго полка, нѣсколько инженеровъ и артиллеристовъ да значительный медицинскій персоналъ; массу же — люди Апшеронскаго полка и другихъ военныхъ командъ, да женатые служащіе и отставные солдаты, устроившіеся весьма хорошо. Нечего грѣха таить, въ первомъ преобладали карты и сплетни, во второй — пьянство. Служебное дѣло, впрочемъ, исполнялось болѣе или менѣе удовлетворительно; о какихъ нибудь безпорядкахъ или крупныхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ не могло быть и помину *), не только потому что командовавшій войсками генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій, какъ я уже упоминалъ, былъ неоспоримо честный, безкорыстный человѣкъ, но еще болѣе потому, что онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, умѣлъ, помимо сплетень или мелкихъ интригъ, узнавать что дѣлается въ краѣ и имѣлъ въ этомъ отношеніи хорошаго помощника въ своемъ начальникѣ штаба, полковникѣ Индреніусѣ, принадлежавшемъ къ той категоріи офицеровъ, про которыхъ у насъ говорили:

*) Обычныя въ тѣ времена пользованія извѣстными „экономіями" и выгодами, само собою, практиковались и тутъ; въ этомъ отношеніи во всей Россіи исключеній не было, а были только, такъ сказать, оттѣнки: гдѣ слабѣе, осторожнѣе, гдѣ шире, безцеремоннѣе... Шура и вообще Дагестанъ при кн. Аргутинскомъ принадлежали къ категоріи умѣренныхъ.

„честенъ какъ шведъ“. Всѣ они, эти офицеры изъ финляндцевъ, отличались своею пуританскою честностью, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, нѣкоторымъ педантизмомъ, плохимъ знаніемъ русскаго языка, неособенными способностями, могущими выдвинуть человѣка изъ обобщей массы, и скромнымъ образомъ жызни. Это были въ высшей степени полезные труженики и помощники во всѣхъ отрасляхъ военной службы.

Умственная жизнь вертѣлась, главнымъ образомъ, на толкахъ о предстоящихъ и минувшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, на критикѣ распоряженій начальства, наградахъ и повышеніяхъ. Читающихъ было весьма мало. Въ мой пріѣздъ въ Шуру, много было разговоровъ о недавнемъ происшествіи, въ которомъ пострадалъ 1-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Дѣло въ томъ, что Гаджи-Мурадъ, о которомъ я разсказывалъ въ первой части, совершилъ одинъ изъ своихъ замѣчательно смѣлыхъ набѣговъ, пробравшись чрезъ Акушу къ берегу моря, угналъ пасшихся тамъ 200 казенныхъ лошадей Самурскаго пѣхотнаго полка и ушелъ съ ними, пробираясь въ тылу всѣхъ нашихъ укрѣпленій и штабовъ. Близъ урочища Озень, въ лѣсистой пересѣченной мѣстности, онъ былъ настигнутъ поскакавшими по тревогѣ изъ Шуры двумя эскадронами драгунъ, и, не видя возможности продолжать отступленіе, занялъ одну лѣсистую высоту, наскоро оградивъ ее нѣсколькими засѣками, и засѣлъ съ своими тремя стами мюридами, разсчитывая, что драгуны въ этой позиціи его не рѣшатся атаковать; до прибытія же пѣхоты наступитъ ночь, и можно будетъ улизнуть, бросивъ добычу. Командовавшій драгунами подполковникъ Золотухинъ, зная что за нимъ бѣгомъ слѣдуетъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, долженъ былъ бы, по возможности, окружить занятую горцами позицію, не давая имъ уйти до прибытія пѣхоты, которая уже распорядилась бы съ ними по своему, и, нѣтъ сомнѣнія, Гаджи-Мурадъ со всею партіей палъ бы жертвой отваги. Вмѣсто того, Золотухинъ, спѣшивъ одинъ эскадронъ, рѣшился съ нимъ атаковать лѣ-

систую, загражденную засѣками высоту, занятую болѣе чѣмъ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, притомъ храбрѣйшими наѣздниками, готовившимися въ своемъ отчаянномъ положеніи дорого продать свою жизнь. Заносчивость Золотухина имѣла печальныя послѣдствія: самъ онъ былъ убитъ, молодой офицеръ князь Ратіевъ тоже, эскадронный командиръ, капитанъ Джемарджидзе, и еще одинъ офицеръ ранены; изъ 85—90 человѣкъ въ эскадронѣ выбыло изъ строя убитыми болѣе 30 человѣкъ... Безумный штурмъ былъ отбитъ, и Гаджи-Мурадъ, отдѣлавшись дешево отъ угрожавшей ему опасности, потерялъ лишь нѣсколько человѣкъ и ушелъ. А между тѣмъ баталіонъ почти бѣгомъ совершилъ 30-ти верстный переходъ и появился на мѣстѣ происшествія, когда непріятеля слѣдъ простылъ!

И излишняя храбрость не всегда полезна и похвальна; все необходимо подчинять благоразумію. Кавказкая малая война была великая школа; тутъ на практикѣ можно было поучиться и военному ремеслу, и военной администраціи, во всѣхъ ихъ разнородныхъ проявленіяхъ, и выработать нужную военному человѣку быстроту взгляда, силу характера и энергію. Была бы лишь нѣкоторая способность наблюденія, нѣкоторая подготовка, да охота учиться. Изъ этой школы вышли многіе хорошіе военные дѣятели, а нѣкоторые поистинѣ замѣчательные, впослѣдствіи довершители долголѣтней кавказской борьбы, внесли свои имена на страницы нашихъ лѣтописей—имена, которыя потомство должно будетъ произносить съ благодарностью.

Въ Шуру почти ежедневно приходили изъ Ишкарты оказіи за полученіемъ почты, денегъ, для пріема выписывающихся изъ госпиталя людей и т. п. Для этого въ Шурѣ постоянно находился изъ Дагестанскаго полка офицеръ, завѣдывавшій всѣми этими дѣлами. Къ нему я и отправился, чтобъ узнать, когда и какъ можно будетъ уѣхать въ Ишкарты. Отъ него я узналъ, что въ Шурѣ находится полко-

вой казначей, возвращающійся на другой день въ полкъ, и что, повидавшись съ нимъ, я устрою всѣ свои дѣла.

Отыскавъ квартиру казначея, подпоручика Ясницкаго, я встрѣтилъ въ немъ очень любезнаго однополчанина, предложившаго мнѣ мѣсто на своей повозкѣ, а моему Давыду съ вещами—на другой полковой телѣгѣ. Такимъ образомъ, 6-го мая мы выступили въ Ишкарты *съ оказіей*, подъ прикрытіемъ 40 человѣкъ, и пропутешествовали 14 верстъ часа три.

Въ теченіи этихъ часовъ мы успѣли наговориться досыта, и я получилъ нѣкоторое понятіе о полкѣ, о службѣ въ немъ, о начальствующихъ лицахъ, расположеніи баталіоновъ и разныхъ условіяхъ предстоящаго мнѣ, совершенно для меня новаго, полковаго житья-бытья. Между прочимъ, Ясницкій сказалъ мнѣ, что большинство вновь прибывающихъ въ полкъ офицеровъ полковой командиръ, полковникъ Броневскій, оставляетъ въ штабъ-квартирѣ, для испытанія степени ихъ познанія по фронтовой службѣ, что̀, конечно, не особенно пріятно, ибо лишаетъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а слѣдовательно и наградъ; но бываютъ и исключенія. Если я попаду въ число такихъ счастливцевъ, то мнѣ вѣрно не долго придется оставаться въ Ишкарты, такъ какъ въ концѣ мая отрядъ уже выступитъ въ горы; впрочемъ, изъ полка только одинъ 3-й баталіонъ поступитъ въ составъ отряда: 1-й, 2-й и 4-й расположены были въ разныхъ укрѣпленіяхъ и аулахъ для обороны края, а 5-й вообще постоянно остается въ штабѣ.

Прибывъ въ Ишкарты, я остановился въ отведенной мнѣ квартирѣ, и съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ ожидать слѣдующаго утра—явки къ новому начальству, о строгости и педантизмѣ коего я уже кое-что слышалъ, и дальнѣйшей своей судьбы. Признаюсь, сердце у меня постукивало не совсѣмъ спокойно: самый видъ Ишкарты уныло-сѣрый, отсутствіе всякой жизни и движенія, молчаливо кое-гдѣ проходящіе солдаты, тишина—уже настроивали на какой-то мрачный ладъ; а тутъ еще—сознаніе въ своемъ совершенномъ невѣжествѣ по части фронтовой службы, въ которой я былъ

хуже рекрута, воспоминанія о дѣятельности въ Тушинскомъ округѣ, Элису, Кутаисѣ, гдѣ такъ или иначе я игралъ болѣе или менѣе замѣтную роль, о своихъ отношеніяхъ къ наивысшимъ властямъ въ краѣ и т. д., и вдругъ долженъ очутиться въ жалкомъ положеніи ничего незнающаго ученика, подвергающагося за это рѣзкимъ замѣчаніямъ и выговорамъ... Я проходилъ весь вечеръ взадъ и впередъ предъ своею квартирой, думая, думая безъ конца... Давыдъ, между тѣмъ, устроивъ на скорую руку мою постель, стоялъ у воротъ и какъ-то печально приглашалъ меня идти чай пить. Онъ какъ будто инстинктивно догадывался о моемъ безпокойствѣ, и самъ, очутившись уже въ вовсе ему дикой сферѣ, былъ очевидно печаленъ, вспомнивъ, безъ сомнѣнія, объ оставленной далекой Грузіи, женѣ, саклѣ, шумящей Іорѣ съ ея форелями...

И какъ это я такъ легкомысленно, думалось мнѣ, пустился въ такую службу? На чемъ это я основывалъ свои мечты, что вотъ прибуду въ полкъ, дадутъ мнѣ роту, пойду я съ нею въ походъ, начнется дѣло, меня пошлютъ занять какую-нибудь гору или обойти непріятеля, все это я отлично, какъ опытный въ горахъ человѣкъ, исполню, въ рѣшительную минуту крикну: „за мной, братцы, *ура*!“ послѣдуетъ молодецкій ударъ въ штыки, непріятель побитъ, я возвращаюсь съ торжествомъ, пишется и печатается реляція, получаются награды... Чортъ знаетъ, какую глупость сдѣлалъ!— упрекалъ я себя, все болѣе и болѣе озлобляясь и впадая уже въ противоположную крайность. Вотъ засадятъ въ Ишкарты изучать фронтовую службу, очутишься послѣднимъ изъ послѣднихъ, наслушаешься каждый день этихъ: „вы, м. г., ничего не знаете, извольте учиться, такъ служить нельзя-съ, вы здѣсь не приставъ“ и т. п. Окончательно обезкураженый и утомленный, я наконецъ повалился на свою походную желѣзную кровать и долго еще ворочался, пока не заснулъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ...

Въ восемь часовъ утра, въ полной формѣ, отправился

являться. Прихожу въ переднюю квартиры полковаго командира, застаю трехъ офицеровъ при шарфахъ, одного унтеръ-офицера и рядоваго съ ружьями, въ ранцахъ и горниста съ трубой. Спрашиваю, какъ мнѣ явиться къ полковнику. Говорятъ, подождите здѣсь, онъ сейчасъ выйдетъ, тогда представитесь. [Ждемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, въ теченіи коихъ одинъ изъ офицеровъ все осматривалъ унтера и рядоваго, поправляя на нихъ то ранецъ, то какой-нибудь крючокъ, то повторяя: „смотри-же, подходить смѣло, говорить громко, внятно,“—отворилась дверь, и на порогѣ предсталъ полковникъ, видный, среднихъ лѣтъ мужчина, съ просѣдью, строгій, внушительный взглядъ. Какъ только онъ остановился, къ нему подошелъ офицеръ, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ.

— Господинъ полковникъ, на всѣхъ постахъ и караулахъ Его Императорскаго Величества обстоитъ благополучно.—Отступилъ въ сторону.

Подходитъ другой.

— Господинъ полковникъ, дежурнымъ по карауламъ въ укрѣпленіе Ишкарты назначенъ.—Отступилъ.

Третій.

— Господинъ полковникъ, визитиръ-рундомъ назначенъ.

Полковникъ, дѣлая видъ, что меня не замѣчаетъ, обращается къ унтеръ-офицеру: „подходи“.

Тотъ беретъ на плечо, подходитъ три шага, вытянувшись, выпучивъ грудь, втянувъ животъ, смотря прямо предъ собою; остановился, громко говоритъ: „къ вашему высокоблагородію отъ 15-й мушкатерской роты на ординарцы наряжонъ“. Едва замѣтно легкое дрожаніе въ голосѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Иванъ Бондарчукъ, ваше высокоблагородіе.

— Съ котораго года на службѣ?

— Съ 1844, ваше высокоблагородіе.

— Какой губерніи?

— *Катеринославской*, ваше высокоблагородіе.

— Налѣво кругомъ, въ свое мѣсто.

Поворачивается, какъ слѣдуетъ по уставу, отходитъ.

— Подходи, обращается полковникъ къ рядовому.

— Къ вашему высокоблагородію, для *обсылокъ* присланъ.

Повторяется та же процедура.

— Горнистъ, играй № 9-й.

Раздаются рѣзкіе, въ комнатѣ невыносимые звуки.

— Ординарецъ, пой сигналъ.

— Разсыптесь, молодц*и*, за камни, за кусты, по два въ рядъ!—пропѣлъ потѣющій, дрожащій унтеръ какимъ-то надтреснувшимъ голосомъ?

— Горнистъ, № 4-й. Пой.

— Лѣ-вому хлангу.

У полковника появляется едва замѣтная улыбка, безъ сомнѣнія отъ *хланга*, вмѣсто фланга. (Хохолъ говоритъ наоборотъ: фостъ вмѣсто хвостъ и хвантазія вмѣсто фантазія).

То же повторяется съ вѣстовымъ.

Затѣмъ полковникъ говоритъ: „хорошо", на что раздается громко: „ради стараться, ваше высокоблагородіе!" Обращаясь къ офицерамъ: „мое почтеніе". Тѣ начинаютъ выходить, а полковникъ обращаетъ ко мнѣ вопросительный взглядъ. Тогда я, наконецъ, подхожу, подражая уже только-что видѣнному, вытягиваясь въ струнку.

— Господинъ полковнинъ, честь имѣю явиться: зачисленный въ Дагестанскій пѣхотный полкъ поручикъ З.

— Когда прибыли? Гдѣ прежде служили?

Отвѣтивъ на эти вопросы, вынимаю изъ кармана письмо отъ генерала Вольфа и подаю.

— Отъ кого?

— Отъ Николая Ивановича Вольфа, говорю.

— А генералъ васъ лично знаетъ?

— Точно такъ, говорю,—имѣю честь быть лично знакомымъ.

— Что подѣлываетъ Николай Ивановичъ?

— Слава Богу, говорю, здоровъ; поручилъ мнѣ передать его поклонъ.

— Извольте явиться въ полковую канцелярію и ожидать дальнѣйшихъ приказаній, сказалъ полковникъ, кивнулъ мнѣ головой и съ нераспечатаннымъ письмомъ удалился.

Во всей этой сценѣ, если хотите, не было ничего особеннаго; но для меня, новичка, ничего подобнаго не видавшаго, въ полнѣйшей серьезности, съ какою все это продѣлывалось, въ родѣ какого-то священнодѣйствія, выразился какой-то новый міръ, странный, не вполнѣ мнѣ понятный, отчасти комическій... Съ теченіемъ времени, постепенно, видя и продѣлывая ежедневно самъ всѣ эти артикулы тогдашней сложной фронтовой службы, я привыкъ къ нимъ; они уже не казались мнѣ такими странными и весьма рѣдко возбуждали смѣхъ, хотя въ другихъ полкахъ они или почти вовсе не практиковались, или, во всякомъ случаѣ, далеко не съ такою педантичностью, что не мѣшало имъ служить и драться ничуть не хуже Дагестанскаго, гдѣ описанная процедура съ ординарцами повторялась неукоснительно каждый день.

Изъ дальнѣйшаго разсказа о службѣ моей въ Дагестанскомъ полку читатель увидитъ, что въ немъ, по заведеннымъ полковникомъ Броневскимъ порядкамъ, вообще преобладало много такой мелочной педантичности, такой не совсѣмъ нужной строгости и какого-то холодно-мрачнаго „въ страхѣ держанія“, напоминавшихъ чуть не времена Павловскія, — которыя вообще въ кавказскихъ войскахъ не практиковались, не были въ обычаѣ, нерѣдко осуждались даже высшими начальниками, лучше изучившими духъ войскъ и условія ихъ тяжелой службы; а въ офицерскихъ кружкахъ своего полка возбуждали неудовольствіе, отъ чужихъ полковъ насмѣшки и глумленія... Ишкарты были прозваны монастыремъ, а полковникъ—игуменомъ. И дѣйствительно, то и другое было такъ похоже на правду. При всемъ томъ, не грѣша предъ истиной, долженъ сказать, что Павелъ Нико-

лаевичъ Броневскій былъ человѣкъ вполнѣ достойный, дѣйствовавшій такъ въ силу своихъ убѣжденій, считавшій строгость, педантизмъ и пр. неизбѣжными въ военной службѣ. Самъ подавалъ примѣръ своимъ замкнутымъ, спартанскимъ образомъ жизни, своею неутомимою дѣятельностью, порядкомъ и исполнительностью. Любви подчиненныхъ, само собою, пріобрѣсти онъ не могъ; но въ уваженіи никакой безпристрастный человѣкъ не могъ ему отказать. Характеръ тяжелый, желчный, суровый, внушавшій страхъ полку, и несмотря на то, не внушавшій къ себѣ особенно непріязненныхъ чувствъ или даже неуважительныхъ отзывовъ. Заявлялись неудовольствія, роптали нерѣдко на чрезмѣрную строгость, но въ то же время отдавали ему во многомъ справедливость. Тогда же о другихъ командирахъ, державшихся совершенно другой системы командованія, не педантовъ, вовсе не строгихъ, мнѣ нерѣдко приходилось слышать самые презрительные отзывы.

Выйдя отъ полковаго командира послѣ такого изрядно холоднаго пріема, невольно напоминавшаго мнѣ совсѣмъ иные пріемы, какихъ я удостоивался отъ князя Воронцова, Бебутова и др., дѣйствительно *сильныхъ* кавказкаго міра, я отправился тутъ же по сосѣдству въ полковую канцелярію, гдѣ засталъ нѣсколько офицеровъ въ разговорѣ съ полковымъ адъютантомъ, штабсъ-капитаномъ Немира. Познакомились. Оказался онъ бывшій студентъ Кіевскаго университета, попавшій на Кавказъ солдатомъ по извѣстному дѣлу Канарскаго, хорошій, скромный человѣкъ, не отличавшійся воинственностью. По его словамъ, мнѣ вѣроятно придется долго прожить въ Ишкарты для изученія службы, да и вообще полковой командиръ бо̀льшую часть новыхъ офицеровъ оставляетъ для испытанія въ штабъ-квартирѣ; а впрочемъ, бываютъ исключенія. Остается ожидать распоряженій, которыя послѣдуютъ вѣроятно чрезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, совѣтуетъ мнѣ явиться къ командиру 5-го баталіона, маіору Котля-

ревскому, какъ второму лицу послѣ полковника въ Ишкартахъ и быть-можетъ моему будущему ближайшему начальнику.

Я тотчасъ и отправился. Г. маіоръ, хотя и однофамилецъ извѣстнаго кавказскаго героя генерала Котляревскаго (біографію его написалъ графъ Соллогубъ), оказался далеко на него не похожимъ. Это былъ типъ фронтоваго офицера тридцатыхъ годовъ, который могъ промаршировать съ полнымъ стаканомъ воды на киверѣ, не проливъ ни единой капли, но подъ кивером искать было нечего. Фронтовая служба, какъ искусство для искусства,—въ этомъ заключался весь умственный кругозоръ господъ этого типа. Грамота была имъ нужна только для чтенія уставовъ и приказовъ по полку. Внѣ фронтоваго міра, для нихъ ничто не существовало; внѣ производства по вакансіи или за отличіе — никакимъ интересовъ; олицетворенный Скалозубъ. Впрочемъ, при всемъ педантизмѣ и строгости, повидимому въ подражаніе полковому командиру, маіоръ Котляревскій былъ простой, добрый человѣкъ и подчасъ по-своему любезный.

На вопросъ его, гдѣ я прежде служилъ и твердъ ли по фронту, я откровенно сознался, что не только не твердъ, но вовсе ничего не знаю и весьма боюсь неудовольствій за это начальства.

— Однако на *восьмирядныхъ ученіяхъ* бывали же?

Я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Что такое восьмирядное ученіе? Первый разъ слышу.

— Нѣтъ, господинъ маіоръ, не бывалъ; не знаю.

— Ну, это ужь совсѣмъ скверно. Какъ же это вы до поручика дослужились? Придется вамъ усердно заняться; вотъ возьмите, я вамъ дамъ, уставъ рекрутскій, хорошенько прочитайте, а послѣ возьмете слѣдующія части. Да, да, нехорошо; но вы не унывайте: не святые же горшки лѣпятъ; *годъ, другой* поучитесь — и пойдетъ дѣло.

Господи! восьмирядное, рекрутскій уставъ, годъ, другой поучитесь!.. Совсѣмъ придавленный, уничтоженный, вернулся

я на квартиру, не въ силахъ отвѣчать на вопросы Давыда, что̀ сказалъ начальникъ, что предстоитъ намъ дальше.

Прошло нѣсколько дней. Я расхаживалъ по безжизненно унылымъ улицамъ Ишкарты, заходилъ въ полковую канцелярію къ адъютанту, выслушивая все одинъ отвѣтъ: „ничего объ васъ еще нѣтъ,“ познакомился съ нѣсколькими офицерами, вращавшимися въ кругу мизерныхъ интересовъ, и томился какъ никогда. Наконецъ, въ одно прекрасное, по истинѣ прекрасное утро, меня позвали въ полковую канцелярію и объявили приказъ по полку: поручикъ З. назначается баталіоннымъ адъютантомъ въ 3-й баталіонъ и предписывается ему, съ первоотходящею оказіей, отправиться въ селеніе Кутиши. „Поздравляю васъ“, сказалъ мнѣ Немира, когда я прочиталъ эти нѣсколько строкъ. — „Это какая-то особая милость: вы попадете прямо въ отрядъ, да еще адъютантомъ, что̀ даетъ тридцать рублей въ мѣсяцъ раціоновъ. Очень радъ за̀ васъ. Оказія изъ 3-го баталіона ожидается со дня на день, и вамъ скоро придется выступить; нужно приготовиться, лошадей купить, завести вьюки и прочія принадлежности; явитесь къ полковнику и просите позволенія ѣхать для этого въ Шуру: тамъ по воскресеньямъ базаръ и все можно пріобрѣсти; а если не хватаетъ денегъ, то подайте рапортъ и просите въ счетъ жалованья“.

Радостно сіяющій, побѣжалъ я скорѣе объявить объ этомъ Давыду; настрочилъ рапортъ о деньгахъ и сдѣлалъ все по указаніямъ Немиры. Въ теченіе 4 — 5 дней я былъ совсѣмъ готовъ, и около 20-го мая выступилъ съ оказіей чрезъ Шуру въ Кутиши.

Бывшій помощникъ окружнаго начальника, элисуйскій приставъ, управлявшій значительными горскими обществами, стоявшій въ такихъ служебныхъ отношеніяхъ къ высшимъ властямъ въ краѣ, обрадовался донельзя назначенію баталіоннымъ адъютантомъ. Вотъ какъ, въ силу стеченія условій и обстоятельствъ, приходится человѣку мириться съ различными жизненными перипетіями!

XXXVI.

Путешествія съ оказіями были однимъ изъ весьма непріятныхъ условій нашей кавказской жизни. Тянуться цѣлый день съ безпрестанными остановками, дѣлая отъ двадцати до двадцати пяти верстъ, подъ палящимъ зноемъ, въ густыхъ тучахъ пыли, безъ возможности сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону—наводило тоску невыносимую. Уѣхать-же впередъ или отстать отъ оказіи было самымъ безразсуднымъ рискомъ, за который, на моей памяти, пришлось многимъ жестоко поплатиться. Мѣстность во всемъ краѣ какъ будто самою природой приспособлена къ характеру воинственнаго населенія, умѣвшаго довести хищническій способъ борьбы съ нами до высокой степени искусства. Малѣйшая, вовсе незамѣтная балочка, нѣсколько одиноко торчащихъ кустиковъ или крупнаго бурьяну, крутой поворотъ дороги, куча крупныхъ камней и т. п., уже были совершенно достаточны этимъ смѣлымъ, ловкимъ горцамъ, чтобы залечь, съежившись змѣей или распластавшись по землѣ тигромъ, и внезапно броситься на жертву, ничего не подозрѣвающую. Въ одно мгновеніе ока совершалось кровавое дѣло, и тигры исчезали, какъ бы провалившись сквозь землю. Приведу примѣръ: однажды изъ Закаталъ въ Лагодехи слѣдовала команда Тифлисскихъ егерей, человѣкъ въ сорокъ, подъ начальствомъ офицера (кажется, прапорщикъ Волоцкой). На совершенно ровной, открытой мѣстности, которую можно было обнять глазомъ на нѣсколько верстъ кругомъ, люди двигались въ совершенномъ порядкѣ, офицеръ пѣшкомъ, не болѣе 10—15 шаговъ впереди. Вдругъ раздается стонъ, офицеръ падаетъ, передніе солдаты подбѣгаютъ и находятъ его плавающимъ въ крови, проколотымъ кинжаломъ въ животъ. Бросились кругомъ по густой травѣ, шарили цѣлый часъ — никакого слѣда, никакого признака присутствія человѣка!.. Такъ и ушли, унеся несчастнаго молодаго человѣка на ружьяхъ.

Другой случай: въ 1848 году возвращались изъ Дагеста-

на въ свою штабъ-квартиру два баталіона Кабардинскаго полка. Подойдя въ одномъ мѣстѣ близко къ рѣкѣ Сулаку, отрядъ остановился отдохнуть. Два офицера, если не ошибаюсь прапорщики Соковнинъ и Тарновскій, вздумали подъѣхать къ рѣкѣ, напоить лошадей; разстояніе отъ дороги, на которой расположились баталіоны, не болѣе 50 шаговъ. Только-что подъѣхали они къ берегу, скрытому нѣсколькими растущими здѣсь деревьями, выскакиваютъ какъ изъ земли человѣкъ пять горцевъ, приставляютъ пистолеты къ растерявшимся отъ такой неожиданной встрѣчи офицерамъ, схватываютъ подъ уздцы ихъ лошадей, бросаются на своихъ, стоявшихъ тутъ-же скрытыми коней и вплавь достигаютъ другаго берега. Все это было дѣломъ какихъ-нибудь 3—4 минутъ! Ну, а на той сторонѣ они уже были внѣ всякой опасности не только отъ двухъ, но и отъ десяти баталіоновъ. Перейти пѣшкомъ чрезъ Сулакъ невозможно, да и конныхъ не догонишь. Такимъ образомъ, два офицера, въ виду своихъ баталіоновъ, были связаны по рукамъ и ногамъ и уведены въ горы, гдѣ въ теченіи года вынесли муки неимовѣрныя. Разъ они пытались бѣжать, были пойманы, терзаемы, однако все же вырвались: Соковнина, кажется, чуть ли не на своихъ плечахъ вынесъ какой-то плѣнный солдатъ, а Тарновскаго, если память не измѣняетъ мнѣ, вымѣняли на плѣнныхъ горцевъ, и я встрѣтилъ его послѣ служащимъ въ Дагестанскомъ полку.

Такими примѣрами можно бы наполнить не одну страницу, да мнѣ, въ своемъ мѣстѣ, еще придется и разсказать о нѣкоторыхъ. Это были характеристическія особенности нашей многотрудной, тревожной кавказской жизни, тѣмъ и отличавшейся отъ всякой другой военной службы, что она и лѣто и зиму, и день и ночь, изо дня въ день, въ теченіи болѣе полувѣка, составляла какую-то непрерывную цѣпь ежеминутнаго опасенія за свою жизнь или свободу. Вовсе не нужно было экспедиціи въ непокорную часть края, встрѣчи съ непріятелемъ въ открытомъ бою, чтобы стать лицомъ къ

лицу съ опасностью; нѣтъ: каждый шагъ, среди, такъ сказать, мирной обстановки, выходя за ограду укрѣпленія, за ближайшую черту лагеря, станицы или всякой другой стоянки, для водопоя, для покоса, для пастьбы лошадей, для рубки дровъ и т. п. надобностей,—долженъ былъ сопровождаться обстановкой военныхъ предосторожностей, иначе не избѣжать было кровавой катастрофы. Да и при всѣхъ предосторожностяхъ, особенно въ мѣстностяхъ прилегающихъ къ лѣсамъ, рѣдкій разъ обходилось возвращеніе съ дровами или накошенною травой безъ того, чтобы на повозкахъ не привезти и нѣсколько убитыхъ или раненыхъ! Однимъ словомъ, никто никогда не могъ быть увѣренъ, что, вставъ утромъ здоровымъ, онъ къ вечеру останется живъ или не изувѣченъ. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, во все можетъ втянуться, и въ тѣ времена никому изъ насъ и въ голову не приходило задумываться, оглядываться, унывать; напротивъ, уныніе появлялось, если проскакивали періоды какого то затишья, не было встрѣчи съ горцами, не было стрѣльбы, гиканья и того своеобразнаго, трудно передаваемаго треска, который при перестрѣлкахъ раздавался по лѣсу, перемежаясь то съ гуломъ пушечнаго выстрѣла, то со свистомъ и шипѣніемъ летящей гранаты, то съ оригинально рѣзкимъ звукомъ сигнальнаго рожка или зыкомъ и щелканіемъ впивающихся въ дерево пуль! Да, это была своего рода музыка, раздражающая, духъ захватывающая музыка!..

Итакъ, мы потянулись съ оказіей.

Первый переходъ изъ Шуры до аула большой Дженгутай. Это резиденція мехтулинскихъ хановъ, гдѣ тогда обитала ханьша, выкупленная уже изъ плѣна, въ который она попала благодаря одному изъ набѣговъ Гаджи-Мураиба, о чемъ я уже разсказывалъ. Для прикрытія аула, тамъ бывалъ всегда расположенъ баталіонъ Апшеронскаго полка. Близость непокорныхъ койсубулинцевъ, отдѣленныхъ отъ плоскости однимъ, не трудно доступнымъ хребтомъ, грозила Дженгутаю и его окрестностямъ опасностью; однако жители, владѣя пре-

красными удобными землями и удобствомъ сбыта своихъ произведеній въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, жили безбѣдно; сакли ихъ отличались прочностью и опрятностью, все каменныя, обнесенныя такими же стѣнками, выбѣленныя, съ крытыми балкончиками; скота и лошадей имѣли достаточно; одѣвались опрятно, а женщины, сравнительно съ горскими, даже щеголевато, и большинство ихъ, какъ и въ Шамхальскомъ владѣніи, были красивы.

По прибытіи въ аулъ, старшина указалъ намъ квартиры, а Апшеронцы, по издавна принятому на Кавказѣ обычаю, угостили команду, разобравъ солдатъ по своимъ саклямъ. Объ этомъ своеобразномъ гостепріимствѣ кавказскихъ войскъ нельзя не вспомнить съ особеннымъ удовольствіемъ. Баталіоны, роты разныхъ полковъ считали своею обязанностію встрѣчать проходящихъ и угощать чѣмъ Богъ послалъ. Если знали заранѣе, что будутъ проходить роты, хотя бы и другихъ полковъ, то фельдфебели выходили на встрѣчу и приглашали не отказать принять хлѣбъ-соль. Выносились бурдючки со спиртомъ, хлѣбъ, куски сала или вареной говядины и съ самымъ искреннимъ радушіемъ предлагались боевымъ товарищамъ; офицеры расходились по знакомымъ. Нѣкоторые полки, а изъ нихъ еще особо баталіоны и роты, водили просто дружбу, поддерживавшуюся десятки лѣтъ; тутъ, при встрѣчахъ, уже готовы были подѣлиться послѣднимъ. Нерѣдко обмѣнивались болѣе обильными достатками: у однихъ, напримѣръ, были хорошіе огороды и всегда много капусты (очень важный продуктъ въ солдатскомъ хозяйствѣ), у другихъ зато болѣе въ экономіи крупы, и вотъ какая-нибудь 3-я мушкетерская рота одного полка пишетъ 5-й мушкетерской ротѣ другаго письмо: „Милостивая Государыня 5-я мушкетерская рота, у насъ все благополучно, чего и вамъ желаемъ, а чрезъ мѣсяцъ ждемъ приказа выступать *подъ Шмеля* (то-есть на Шамиля), и можетъ, дастъ Богъ, встрѣтимся. А теперь посылаемъ вамъ двѣ четверти крупъ и покорнѣйше просимъ не отказать намъ одолжить бочку капусты, ибо у насъ

огороды совсѣмъ плохо уродились“ и т. п. Подпись фельдфебеля да двухъ, трехъ капраловъ. Особенность быта кавказскихъ войскъ, вся окружавшая ихъ обстановка, удаленіе отъ всего роднаго, русскаго, постоянная опасность, вырабатывали такіе отличительные, оригинальные отношенія и нравы.

Въ Дженгутаѣ я былъ тогда приглашенъ на чай однимъ изъ ротныхъ командировъ, и очутился свидѣтелемъ презабавной сцены, врѣзавшейся мнѣ въ память. Входитъ мѣстный житэль, кланяется и подаетъ намъ руку. — „Нахабаръ?“ *) спрашиваетъ его офицеръ. Татаринъ начинаетъ что-то разказывать; офицеръ не понимаетъ. Не успѣлъ я предложить своихъ услугъ въ качествѣ толмача (говорятъ тамъ кумыкскимъ нарѣчіемъ, рѣзко рознящимся отъ адербиджанскаго, но все же объясниться я могъ), какъ ротный командиръ крикнулъ: „Эй, вѣстовой! позови переводчика“; а вслѣдъ за тѣмъ явился въ саклю солдатъ и вытянулся у дверей.

— Спроси у него, что ему надо.

— *Твоя что баяръ шалтай-балтай?* спрашиваетъ пресерьезно солдатъ.

— *Солдузъ шура гайда, алаша мая пропалъ, ахча давай,* говоритъ татаринъ.

— Онъ, ваше благородіе, сказываетъ, что солдатъ на его лошади уѣхалъ въ Шуру и пропалъ, а денегъ не заплатилъ.

— Что ты врешь! Какой солдатъ на лошади уѣхалъ?

— *Твоя шалтай-балтай, солдузъ нѣтъ шура гайда алаша?*

Въ этомъ родѣ продолжается разговоръ, при помощи усиленныхъ жестикуляцій; и солдатъ, и татаринъ—оба въ полной увѣренности, одинъ—что говоритъ по-русски, другой—по-татарски, потому что вмѣсто *лошадь* говорятъ *алаша* и т. д.

Я просто покатился со смѣху! Разспросилъ татарина, въ чемъ дѣло: оказалось, что въ прошломъ году выступилъ какой-то баталіонъ изъ Дженгутая, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него пропала лошадь; онъ увѣренъ, что ее украли солдаты, и настаиваетъ, чтобъ ему заплатили деньги.

*) Нахабаръ—что новаго? Это зналъ уже всякій.

Татарину я растолковалъ, что съ такою жалобой ему слѣдуетъ обратиться къ своему приставу или къ начальству въ Шурѣ, что ротный командиръ тутъ ничего сдѣлать не можетъ. Переводчикъ же, сконфуженный, удалился. Мой новый знакомецъ-офицеръ объяснилъ мнѣ, что такіе переводчики есть почти въ каждой ротѣ, и что обходятся ими весьма удобно въ сношеніяхъ съ жителями; „ужь чортъ ихъ тамъ знаетъ, какъ они это ухищряются другъ съ другомъ объясняться; а все-таки что̀ понадобится—чрезъ нихъ и дѣлаемъ“.

Впослѣдствіи встрѣчалъ я и офицеровъ такихъ, которые, коверкая русскія слова, да прибавляя кой-какія татарскія, объяснялись съ жителями, а тѣ, въ свою очередь, заучивая эти исковерканныя выраженія, считали ихъ русскими; такимъ образомъ велись объясненія, нерѣдко приводившія къ самымъ забавнымъ недоразумѣніямъ.

Съ разсвѣтомъ другаго дня, выступили мы изъ Дженгутая. Въ нѣсколькихъ верстахъ мѣстность стала измѣняться, принимая болѣе горный характеръ. За небольшимъ переваломъ чрезъ Кизиль-Яръ растительность скуднѣе, все принимаетъ сѣрый, болѣе угрюмый видъ, почва каменистѣе, а подъѣзжая къ селу Оглы, всего восьмнадцать верстъ, разница замѣтна во всемъ рѣзкая: горы безлѣсныя, вообще нигдѣ дерева не видно, все усѣяно булыжникомъ; аулъ представляетъ массу сѣрыхъ саклей, сложенныхъ изъ нетесаныхъ, небѣленныхъ камней, жители грубѣе, смотрятъ изъ подлобья, совсѣмъ другаго типа, неуклюжѣе, совсѣмъ иначе одѣты, бѣднѣе, говорятъ аварскимъ нарѣчіемъ.

Въ Оглы всегда располагались двѣ роты Дагестанскаго полка. У нихъ мы ночевали. Познакомился я съ нѣсколькими однополчанами офицерами,—съ кѣмъ именно—само-собою вспомнить теперь не могу; но впечатлѣніе это знакомство произвело на меня, новаго человѣка, вращавшагося до того совершенно въ другой, относительно гораздо болѣе развитой сферѣ, довольно грустное... Ни книгъ, ни газетъ, никакихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ самыхъ узкихъ, ежеднев-

ныхъ, мелкихъ! Назначенія, производства, штабъ-квартирныя сплетни, диковинные слухи о начальствѣ—дальше ни шагу... Въ массѣ полковыхъ офицеровъ, доходившихъ тогда до 120 — 140 человѣкъ, понятно, были исключенія; были и поумнѣе, и поразвитѣе, и кое-что читавшіе, но мало ихъ было, да и тѣ втягивались исподоволь въ эту тину. Походъ, экспедиціи, дѣла съ горцами оживляли и производили нѣкоторое движеніе въ этой стоячей водѣ; но неосвѣжаемая новыми притоками, съ окончаніемъ двухъ, трехмѣсячнаго похода, она опять покрывалась плѣсенью... Нѣкоторые полки составляли болѣе счастливыя исключенія въ этомъ отношеніи; въ нихъ чаще появлялись молодые искатели боевой славы, сильныхъ ощущеній, прямо изъ столичныхъ салоновъ, и вносили элементъ свѣтскаго лоска, лучшаго тона и хоть поверхностныхъ признаковъ образованности. Дагестанскій полкъ не принадлежалъ къ этому числу. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ только сформированнный (въ 1846 году) изъ баталіоновъ 5-го корпуса, онъ хотя уже и успѣлъ показать себя не хуже старыхъ полковъ въ боевомъ отношеніи, особенно на штурмѣ Салты, но не нользовался еще тою боевою славой, какая гремѣла по Кавказу о нѣкоторыхъ другихъ старыхъ полкахъ. Большинство офицеровъ были прежняго состава пятаго корпуса, со всѣми хорошими и дурными качествами, преобладавшими въ тѣ времена въ русскихъ полкахъ, когда маршировка въ три пріема и заряжаніе ружей на двѣнадцать темповъ составляли исключительное занятіе и открывали путь къ высшимъ ступенямъ въ военной іерархіи... (Сообразно съ этимъ, съ первыхъ же дней существованія, въ полку образовался и духъ, не подходившій къ старому кавказскому); на всемъ лежала печать чего-то тяжелаго, отчасти угрюмаго; не было той шикозной, воинственной безшабашности и удали, которая носила особый поэтическій характеръ, такъ увлекавшій когда-то лучшую военную молодежь и давшій, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, Лермонтову, графу Л. Толстому и другимъ обильныя темы

для поэтическихъ произведеній. Болѣе строгая дисциплина, слишкомъ рѣзкія чинопочитательныя отношенія между старшими и младшими офицерами, большія требованія фронтовыхъ, даже нѣкоторыхъ вовсе лишнихъ познаній, отсутствіе тѣснаго товарищества—все это ставило въ тѣ времена Дагестанскій и другіе новосформированные полки въ какое-то исключительное, рѣзкое противъ другихъ кавказскихъ полковъ положеніе. Съ одной стороны, нельзя не отдать справедливости полку, что въ немъ представлялась хорошая школа офицеру и онъ могъ выработать изъ себя основательнаго командира роты, баталіона; но съ другой—служба въ полку всякому, не принадлежавшему къ категоріи служакъ пятаго корпуса, была до крайности тяжела, непривѣтлива, уныніе наводящая.

Если строки эти попадутся кому-нибудь изъ служившихъ въ Дагестанскомъ полку въ пятидесятыхъ годахъ, то меня могутъ упрекнуть въ измѣнѣ, такъ-сказать, той части, къ которой я самъ же принадлежалъ, и быть можетъ даже обвинять въ неправдивости. Но я разъ навсегда поставилъ себѣ за правило въ моихъ воспоминаніяхъ держаться строгой истины и ставить ее выше личныхъ отношеній; поэтому излагаю и въ этомъ случаѣ взглядъ мой совершенно откровенно, безъ всякихъ искаженій. Да и обижаться здѣсь никому не приходится: на свѣтѣ никогда не бываетъ дѣйствія безъ причины; обстоятельства такъ сложились, что не только полки, но цѣлыя дивизіи, цѣлые большіе районы Кавказа получали свою особою типическую окраску. Дагестанъ — я говорю объ обществѣ, о войскахъ и характерныхъ чертахъ — также мало походилъ на лѣвый флангъ, какъ этотъ на правый или лезгинскую линію. Рѣзкая разница, кидавшаяся въ глаза наблюдательному человѣку при переходѣ границы одной военной области въ другую, была также поразительна, какъ и то различіе, которое замѣчается на Кавказѣ на каждомъ шагу въ коренномъ его населеніи. Очевидно, что и физическія свойства края, и характеръ бли-

жайшаго враждебнаго племени имѣли свою долю вліянія на войска наши; кромѣ своихъ домашнихъ условій, зависѣвшихъ отъ состава офицеровъ, качества полковыхъ командировъ и т. п., дѣйствовавшихъ на образованіе извѣстной типичности полковъ, войска незамѣтно для себя подчинялись естественному закону — зависимости человѣка отъ окружающей его природы. Старые кавказцы, особенно тѣ, коимъ приходилось перебывать на разныхъ театрахъ войны и сходиться въ походахъ то съ тѣми, то съ другими полками Кавказской арміи, безъ сомнѣнія, замѣчали эти особенности; ничего новаго, слѣдовательно, въ словахъ моихъ они не встрѣтятъ; но я счелъ все-таки не лишнимъ привести и эту черту, чтобъ охранять по возможности всѣ оттѣнки дорогой намъ, кавказцамъ, эпохи отъ забвенія.

Отъ Оглы до Кутиши считалось двадцать пять верстъ. Выступили мы рано, тянулись обычнымъ, медленнымъ ходомъ; дорога пересѣчена множествомъ балокъ, усѣяна сплошь камнями; характеръ мѣстности все угрюмѣе и сѣрѣе. Въ пятомъ часу пополудни наконецъ показался аулъ Кутиши, напомнившій мнѣ отчасти Шатиль; тѣ же почернѣвшія груды камней, постепенно другъ надъ другомъ возвышаясь, упираются въ отвѣсныя скалы, и только вблизи, всмотрѣвшись, видишь, что это сакли амфитеатромъ построенныя, со стѣнками, покрытыми лепешками свѣжаго кизяку, мимо котораго, по узенькимъ кривымъ переулкамъ, приходится пробираться, терзая и обоняніе, и осязаніе. Кругомъ ни деревца, ни кусточка, ни травки, ни воды, только камень и камень; кое-гдѣ запаханныя терраски, съ большимъ трудомъ и усиліями устроенныя жителями; далѣе—справа и слѣва—горы, сѣрыя, обгорѣлыя, изрытыя, будто оспа свирѣпствовала и исказила всю мѣстность. Кое-гдѣ разбросаны акушинскіе аулы, едва различаемые въ этомъ общемъ морѣ сѣрыхъ, мертвенно-сѣрыхъ тоновъ.

На меня природа производила всегда чрезвычайное впечатлѣніе; картины ея отражались не столько въ моемъ зрѣ-

ніи, сколько въ душевныхъ ощущеніяхъ, въ воображеніи. Въѣдешь, бывало, въ ущелье Аргуна, или верховья Пшавской Арагвы, или Андійскаго Койсу, взбираешься по узенькой, скользкой, только мѣстной лошади и привычному всаднику доступной тропинкѣ; кругомъ нависли скалы съ торчащими изъ ращелинъ соснами; далѣе высокія, зеленыя крутопокатыя горы, за ними снѣговые пики; жаркій полдень, чистое лазуревое небо, изрѣдка прорывающійся легкій свѣжій вѣтерокъ; внизу клубится, пѣнится, бушуетъ рѣка, и не однообразнымъ, монотоннымъ гуломъ—нѣтъ, какъ будто подчиняясь какимъ-то законамъ гармоніи, то тише, то громче, то порывами, то замирая, то гулъ слышится глухой, то какъ бы завываніе... А кругомъ, между тѣмъ, мертвое молчаніе, какое-то торжественное спокойствіе, такая тишина, что не можетъ нарушить ее ревъ рѣки, что только ее, эту тишину, и слышишь... Все это, бывало, охватитъ меня какимъ-то особенно прекраснымъ, поэтическимъ ощущеніемъ, забьется оживленнѣе пульсъ, унесется воображеніе въ сферу фантастическихъ картинъ и невольно вспоминались иныя строфы Лермонтовскихъ стиховъ, и тутъ только становилось яснымъ, какъ правдивы выразившіяся въ нихъ картины. Напримѣръ: „Орелъ, недвижимъ на крылахъ, едва виднѣетъ въ облакахъ“. Сколько разъ наблюдалъ я этого орла, дѣйствительно недвижнаго на крыльяхъ, едва-едва—и то хорошему глазу—замѣтнаго въ самой лазури неба, рѣзко подъ угломъ къ снѣжнымъ вершинамъ высящагося надъ вами. Или: „Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана“ и т. д. Прекраснѣе, типичнѣе нельзя очертить нѣсколькими словами этой природы!... Эта сѣрая сплошная масса камня, припекаемая жгучимъ солнцемъ, на впечатлительнаго человѣка дѣйствительно можетъ произвести только уныніе, тоску; здѣсь, придавленный этими чувствами, невольно обратится онъ къ воспоминаніямъ о далекихъ родныхъ мѣстахъ и лицахъ, его потянетъ неотразимою силой въ свою, родную сферу, и съ болью сердечною онъ сознается въ невозможности вырваться...

Подходя къ аулу, мы стали встрѣчать офицеровъ и солдатъ, спѣшившихъ скорѣе узнать что-нибудь. Ихъ нетерпѣливое любопытство было вполнѣ понятно: въ теченіи 7—8 мѣсяцевъ баталіонъ подвергался, такъ-сказать, *одиночному заключенію*, и хотя всякій разъ, при возвращеніи оказій, ожиданія какихъ-нибудь особенныхъ извѣстій, иными писемъ, денегъ и пр. оставались безплодными ожиданіями, все-таки опять въ день прихода оказіи всѣ уже съ утра волновались тѣми же ожиданіями и не могли утерпѣть, чтобы не побѣжать за версту-другую на встрѣчу.

Вмѣстѣ съ офицеромъ, начальствовавшимъ оказіей, и я тотчасъ отправился къ баталіонному командиру являться. Послѣ обычнаго: „г. подполковникъ, честь имѣю“ и пр., командиръ Илья Алексѣевичъ Соймоновъ—царство ему небесное—встрѣтилъ меня начальнически любезно, усадилъ и сталъ разспрашивать.

— Ну-съ, что же Павелъ Николаевичъ-съ (полковой командиръ) здоровъ-съ, ничего особеннаго не приказалъ-съ? А въ Шурѣ ничего не слыхали, когда выступать войска будутъ? Князю (М. З. Аргутинскому) вы представились? и т. д. Затѣмъ, извольте сейчасъ вступить въ должность-съ и отдайте въ приказѣ по баталіону-съ; писаря бестію держите въ рукахъ-съ: пьянствуетъ; сакля вамъ готова та же, гдѣ квартировалъ прежній адъютантъ; расположитесь, отдохните, послѣ подробнѣе потолкуемъ-съ.

И началась для меня совершенно новая служба, новая жизнь. Съ величайшимъ удовольствіемъ и теперь еще вспоминаю, что особенно счастливый случай бросилъ меня въ 3-й баталіонъ Дагестанскаго полка, лучшій въ полку баталіонъ. Соймоновъ, характеристику коего я постараюсь, по возможности, изобразить подробнѣе, умѣлъ поставить себя въ отличнѣйшія отношенія и къ полковому, и къ высшему въ краѣ начальству. Князь Аргутинскій особенно къ нему благоволилъ. Полагаю, что только этому обстоятельству и можно приписать лучшій составъ офицеровъ въ баталіонѣ, а еще

болѣе то, что его постоянно, внѣ очереди, назначали лѣтомъ въ отряды, а на зиму—большею частью на передовые пункты; это было тогда постояннымъ мечтаніемъ офицеровъ: возможность получить награду, прибавка къ жалованью въ видѣ раціоновъ, отпускавшихся довольно щедро всѣмъ, исключая субалтерновъ, и избавленіе отъ слишкомъ близкаго сосѣдства съ полковымъ штабомъ, его педантическими требованіями фронтовыхъ ученій и проч. И баталіонный, и всѣ четыре ротные командира, и баталіонный лекарь оказались хорошими людьми, съ которыми можно было жить; это весьма облегчило мнѣ первое непривычное время, когда мною овладѣло въ высшей степени тягостное, тоскливое чувство...

Устроившись наскоро въ саклѣ, я прежде всего отправился къ моему предмѣстнику, чтобы, по возможности, получить хоть какое-нибудь понятіе о предстоящей мнѣ дѣятельности. Я встрѣтилъ штабсъ-капитана Сѣницкаго, добрѣйшаго, простѣйшаго человѣка, вытянувшаго въ званіи вольноопредѣляющаго чуть-ли не 10—12 лѣтъ въ Одесскомъ егерьскомъ полку, занимавшагося тамъ въ полковой канцеляріи и изучившаго до тонкости весь механизмъ „требованій", „зачетовъ" „на прибылыхъ", „убылыхъ" и пр. Когда я ему объяснилъ, что никакого понятія объ этомъ не имѣю, и сталъ въ тупикъ отъ этихъ „зачетовъ", „прибылыхъ" и т. п., Сѣницкій растолковалъ мнѣ, что въ этомъ-то и заключается вся суть адъютантской должности, потому что она ведетъ къ страшной отвѣтственности: все излишне неправильно вытребованное—провіантъ, спиртъ, деньги—взыскивается послѣ вдвое, да кромѣ того ведетъ къ разнымъ непріятностямъ, не рѣдко и подъ судъ; писаря большею частью плуты, и если подмѣтятъ, что адъютантъ дѣла не понимаетъ—подведутъ непремѣнно; всѣ же прочія обязанности адъютанта—небольшая переписка по канцеляріи, полученіе и передача приказаній и пр. — хотя и хлопотливы, но въ сущности пустяки, которыя чрезъ нѣсколько дней, могутъ быть усвоены легко всякимъ. Сѣницкій съ полнѣйшею готовностью обѣщалъ мнѣ

свое содѣйствіе къ изученію трудной науки о требованіяхъ и зачетахъ; онъ еще съ мѣсяцъ оставался при баталіонѣ, и я, благодаря ему, уразумѣлъ эту механику достаточно; все же прочее дѣйствительно оказалось пустяками. Баталіонеръ былъ мною доволенъ и нѣкоторымъ образомъ даже какъ бы польщенъ, что вотъ-де у него адъютантъ-съ офицеръ, занимавшій разныя должности, лично извѣстный самому главнокомандующему и всему высшему начальству-съ... Даже по поводу моего признанія, что я никакого понятія о фронтовой службѣ не имѣю, покойникъ сказалъ: „ничего-съ, обойдетесь пока безъ этого; зимою можно будетъ поучиться; а теперь одно, безъ чего уже никакъ нельзя-съ—это сигнальчики-съ; возьмите старшаго горниста, да каждый день часикъ займитесь съ нимъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ-съ, а я васъ послѣ проэкзаминую-съ...“ Я такъ и сдѣлалъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней выходилъ съ горнистомъ за аулъ, усаживались мы на камняхъ, и трубилъ онъ мнѣ по тетрадочкѣ по порядку всѣ нумера этой милой музыки, и очень скоро заучилъ я эти нехитрые мотивы, и также бойко могъ выдержать экзаменъ, какъ и тѣ ординарцы, что̀ *въ потѣ лица* ежедневно, дрожа, выступали въ Ишкартахъ предъ полковымъ командиромъ... „Разсыптесь молодцы, за камни, за кусты, по̀ два въ рядъ!“ вертѣлось на языкѣ какъ-то невольно по нѣскольку часовъ сряду.

Илья Алексѣевичъ Соймоновъ былъ типичный человѣкъ. Лѣтъ пятидесяти, довольно полный, коренастый, здоровый, съ коротко остриженною сѣдою головой, плотно сидѣвшею въ широкихъ плечахъ. „А ужь *кандрашка* хватитъ меня когда-нибудь непремѣнно-съ“, говаривалъ онъ нерѣдко. Прибылъ онъ на Кавказъ въ 1844 году съ Минскимъ полкомъ, поступилъ въ составъ Дагестанскаго майоромъ, и въ 1846, при пораженіи княземъ Бебутовымъ Шамиля въ Кутиши, съ своимъ третьимъ баталіономъ захватилъ непріятельскую пушку. Злые языки говорили, что пушка была брошена горцами, бѣжавшими отъ стремительной атаки Нижегородскихъ драгунъ, но

реляція сказывала иначе, и Соймоновъ получилъ Георгіевскій крестъ. Это и было первымъ его шагомъ по пути къ репутаціи хорошаго боеваго баталіонера. И онъ въ самомъ дѣлѣ былъ таковымъ. Всегда исправный, точный въ исполненіи всякихъ распоряженій, умѣвшій показать товаръ лицомъ, еще болѣе умѣвшій ладить со всякимъ начальствомъ и нужными людьми изъ „штабныхъ", умѣвшій постоять за свою часть, когда касалось представленій къ наградамъ, — онъ пользовался расположеніемъ и высшихъ, и подчиненныхъ. Не былъ онъ ни образованъ, ни начитанъ (кромѣ приказовъ никогда и не читалъ ничего), ни особенно уменъ, но съ чисто-русскою сметкой и *себѣ на умѣ*. Любилъ сытно поѣсть и другихъ угостить; ни педантъ, ни *громовержецъ*, какъ большинство тогдашняго некавказскаго военнаго начальства, никого „въ бараній рогъ не гнулъ", никого „не посылалъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ..." Распечь—пожалуй, распечетъ, солдатика велитъ иногда наказать, но все безъ пѣны у рта, безъ свирѣпости. Чудачествъ водилось за нимъ тоже не мало, и препотѣшныхъ. Каждый вечеръ, напримѣръ, послѣ пробитія зори и усердной молитвы, начинается отдача приказаній. Стою я, дежурный по баталіону офицеръ, четыре вытянувшихся въ струнку фельдфебеля, докторъ и др.

— Господинъ адъютантъ, а по которое число у насъ провіантъ и спиртъ принять-съ?

Не успѣлъ я отвѣтить, онъ уже обращается къ другому.

— Ты, Батмановъ, у меня смотри! борщъ у тебя всегда хуже другихъ-съ; твой капитанъ, я знаю, плохой хозяинъ— волю тебѣ далъ большую... Смотри, вздую шибко!

Батмановъ, фельдфебель 8-й роты, старый унтеръ, любившій выпить, но молодецъ, служака, только пальцами перебираетъ...

— А вы, господинъ дежурный, извольте посты хорошенько повѣрить-съ: мнѣ дали знать, что Гаджи-Мурадъ тутъ гдѣ-то близко-съ.

— Господинъ адъютантъ, подтвердите приказомъ по ба-

таліону, чтобы господа ротные командиры лично осмотрѣли ноги у всѣхъ людей: скоро походъ-съ; у кого есть потертыя, сейчасъ къ лекарю ихъ.

— Эй, Тупичка! завтра чтобы къ борщу сальникъ былъ, да маркитанту скажи, если молодой баранины не достанетъ—прогоню-съ, слышишь? (Это къ своему повару).

— А ты, Иваньчукъ, завтра мнѣ покажи пары двѣ ординарцовъ на случай пріѣзда полковаго командира.

— Эй, Тупичка! нѣтъ, завтра сдѣлай супъ вмѣсто борщу.

И такъ далѣе, и все это вмѣстѣ—то повару, то мнѣ, то фельдфебелямъ; этакъ цѣлый часъ. Забавно выходило очень.

— Ну-съ, ступайте! да глядѣть мнѣ въ оба за порядкомъ.—А послѣ еще раза два вернетъ, еще что-нибудь, уже нѣсколько разъ сказанное, повторитъ. Затѣмъ, уйдетъ въ саклю, позоветъ и меня, да лекаря; закуримъ трубки—и начинаются нескончаемые разговоры все на одну и ту же тему: о предстоящемъ походѣ, да будутъ ли дѣла, представленія къ наградамъ, да гдѣ придется будущую зиму стоять, или о лошади какой-нибудь, о темиръ-ханъ-шуринской сплетнѣ какой-нибудь и т. п. Въ минуту откровенности проговорится, что пора бы уже въ полковники.

— Вотъ тогда, Илья Алексѣевичъ, и о полкѣ придется похлопотать. *Такому-то* недавно дали полкъ отличный.

— Гдѣ же намъ-съ; мнѣ бы хоть *какой-нибудь егерьскій полчишка,* и за то спасибо скажу-съ.

А въ сущности вѣдь что пѣхотный, что егерьскій—разницы не было никакой.

Дни шли за днями своимъ чередомъ. Кой-какія занятія, переливанія изъ пустаго въ порожнее, преферансъ по полкопѣйки, да немножко чтенія какой-нибудь старой книжки *Отечественныхъ Записокъ;* а больше всего длинные разговоры по-грузински съ моимъ Давыдомъ, начинавшимъ сильно скучать и тосковать за родными Тіонетами, за Іорой и форелями.

Наконецъ полученъ былъ приказъ выступить на Кути-

шинскія высоты въ лагерь. 7-го іюня мы оставили аулъ, прошли въ гору верстъ за восемь и разбили свои палатки на указанномъ мѣстѣ, въ сосѣдствѣ съ Апшеронцами, прибывшими того же числа на высоты изъ Шуры. Собрался отрядъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ драгунъ, десятка орудій, милиціи, казаковъ. Командующій войсками князь Аргутинскій со всѣмъ своимъ штабомъ былъ тутъ же. Что предстояло дальше—никто не зналъ; въ этомъ отношеніи князь былъ очень молчаливъ, и въ его времена всякіе толки и слухи были рѣшительно выдумками. Одному генералу, пріѣхавшему изъ Тифлиса для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и имѣвшему неосторожность спросить Аргутинскаго на походѣ о его дальнѣйшихъ предположеніяхъ, онъ отвѣтилъ, что „кромѣ своей трубки, объ этомъ никогда никому не сообщаетъ“.

Простояли мы тогда на Кутишинскихъ высотахъ дней десять. Жилось и дышалось здорово; на высотѣ въ нѣсколько тысячъ футъ, вставая въ пятомъ часу утра, весь день на свѣжемъ горномъ воздухѣ, ночью въ палаткѣ ежась отъ холода, неприхотливая походная ѣда, да молодость — какъ тутъ не быть здоровымъ, бодрымъ. Такихъ десяти, пятнадцати дней бывало достаточно, чтобы всѣ переболѣвшіе лихорадками въ Шурѣ и другихъ неизменныхъ стоянкахъ солдаты, изнуренные крѣпостными работами, а еще пуще промозглымъ воздухомъ сырыхъ казармъ и госпиталей, вполнѣ поправились и изъ блѣдныхъ превратились въ краснощекихъ. Кормили людей недурно: борщъ съ сушеною капустой и говядиной, заправленный саломъ и мукой, вечеромъ кашица съ саломъ, по воскресеньмъ по полуфунту мяса (изъ борща, три-четыре раза въ недѣлю по крышкѣ спирту, а въ слякоть или тяжелые переходы и каждый день. Правда, и труды приходилось солдатикамъ переносить иногда неимовѣрные, и всякаго горя и нужды набраться не мало, и тяжесть нести на себѣ дьявольскую, но по-крайней-мѣрѣ въ полку, гдѣ я служилъ, дѣлалось по части продовольствія людей все

возможное; эта отрасль военнаго хозяйства, съ назначеніемъ главнокомандующимъ князя Воронцова, улучшилась въ Кавказской арміи въ весьма рѣзкой степени, и столь общія тогда злоупотребленія не касались ея вовсе или въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, тотчасъ обнаруживаемыхъ и строго преслѣдуемыхъ.

18-го числа, отрядъ выступилъ по направленію къ ущелью Кара-Койу. Спустившись по очень крутому каменистому спуску и пройдя ущельемъ верстъ десять, мы стали у укрѣпленія Ходжалъ-Махи, построенаго въ 1847 году послѣ взятія Салты, если не ошибаюсь, нашимъ знаменитымъ инженеромъ Тотлебеномъ, тогда штабсъ-капитаномъ. Вблизи укрѣпленія расположенъ значительный аулъ того же названія, обращавщій на себя вниманіе своими отличными фруктовыми садиками, разведенными на скалистыхъ террaскахъ съ наносною землей, садиками, свидѣтельствовавшими о чрезвычайныхъ трудахъ жителей. Урожай фруктовъ предвидѣлся отличный: деревья гнулись подъ тяжестью яблоковъ, грушъ, абрикосовъ.

Послѣ двухчасоваго привала, тронулись дальше. Пройдя нѣсколько верстъ по узенькой дорожкѣ надъ обрывами, мы приблизились къ Цудахарскому ущелью, въ которомъ, между отвѣсныхъ скалъ, прорывается съ шумомъ Койсу; на небольшой возвышенности праваго берега стоялъ одиноко фортъ, занятый двумя ротами Самурскаго пѣхотнаго полка, а за нимъ—Цудахаръ, большой аулъ, со множествомъ разрушенныхъ саклей—слѣды жестокаго наказанія, понесеннаго жителями отъ Шамиля за непокорность ему. Вблизи аула, на небольшой площадкѣ, отрядъ провелъ ночь, а на слѣдующее утро двинулся далѣе, и послѣ продолжительнаго, утомительнаго марша по каменистой дорогѣ, при сильной жарѣ, къ вечеру вытянулся на Гамашинскія высоты, гдѣ и разбилъ лагерь. У подножія высотъ виднѣлись въ развалинахъ остатки ауловъ Унджугатай и Гамаши, тоже подвергшихся за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ нашествію мюридовъ; впереди

тянулась дорожка на гору Турчидагъ, увѣнчанную обрывистыми осыпями.

На четвертый день стоянки, около полудня, по обрыву Турчидага, вдругъ показались горцы, не менѣе двухъ тысячъ, и стали отдѣльными кучами, окружая свои красные значки. Появленіе ихъ очевидно было неожиданностью для отряднаго начальства, потому что никакихъ предварительныхъ мѣръ принимаемо не было, а напротивъ—отъ всѣхъ частей войскъ уже были въ готовности пріемщики съ командами, имѣвшими отправиться въ укрѣпленіе Казыкумухъ за пріемомъ сухарей. Я тоже долженъ былъ идти, и уже собирался выѣзжать на сборный пунктъ, доканчивая въ палаткѣ какое-то писаніе. Въ эту минуту барабаны забили тревогу, все высыпало изъ палатокъ, лагерь мигомъ снялся, отрядъ построился на своихъ мѣстахъ въ боевой порядокъ. Солдатики крестились, оправлялись, слышны были то шуточки, то серьезныя слова, въ родѣ: „нечего зубы скалить“, „ты прежде свое дѣло сполни, а тамъ ужь кто живъ останется, тотъ смѣхи свои поведи“. Фельдфебели повѣряли ряды, наряжали людей къ вьюкамъ и т. п., а офицеры строили предположеніе — кто пойдетъ впереди, кому первымъ придется открыть дѣло; всякому хотѣлось быть первымъ и, Боже упаси, не остаться въ прикрытіи вьюковъ.

Сомнѣніе продолжалось недолго. Прошло какихъ-нибудь 10—15 минутъ—и 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка уже тронулся налѣво и потомъ прямо но крутой осыпи къ занятымъ горцами обрывамъ, а дивизіонъ драгунъ съ ракетною командой и милиціей—по дорогѣ. Прочія войска продолжали стоять на мѣстѣ. Движеніе апшеронцевъ представляло великолѣпную картину, которою нельзя было не залюбоваться всякому мало-мальски военному человѣку. Безъ всякой дороги, по усѣянной каменьями рыхло-глинистой покатости, разсыпавъ впереди густую цѣпь, подвигался баталіонъ почти ползкомъ, безъ выстрѣла. Съ обрыва обозначился рядъ дымковъ, защелкали глухіе звуки, все чаще и чаще, но бата-

ліонъ продолжалъ подвигаться; съ каждою минутой, передовые люди близились къ обрыву; казалось, вотъ встрѣтитъ ихъ залпъ, оглушительное гиканіе и ударъ въ шашки. Сердце невольно стало замирать у насъ, зрителей, всегда больше волнующихся, чѣмъ сами участники боя. Ужэ начинали раздаваться голоса, что слѣдовало одновременно двинуть и еще баталіонъ правѣе; уже слышались все чаще и чаще звуки рожка: тà-та-та-та, тà-та-та-та (наступленіе); уже мелькали уносимые назадъ раненые,—какъ вдругъ горцы засуетились, значки исчезли и все мгновенно скрылось въ надвигавшемся туманѣ... Это они увидѣли въѣзжавшихъ на гору драгунъ, готовыхъ ударить имъ во флангъ. Въ ту же минуту приказано нашему баталіону какъ можно скорѣе идти по дорогѣ за драгунами. Мы пустились почти бѣгомъ. Крутая, узкая дорога въ гору едва давала возможность двигаться справа рядами; люди растягивались, не взирая на всѣ приказанія. Вотъ тутъ-то я впервые увидѣлъ—чтò могъ совершать нашъ незабвенный кавказскій солдатъ. Хорошей лошади только въ пору было слѣдовать за нимъ, навьюченнымъ тяжелымъ ружьемъ, патронами, мѣшкомъ съ сухарями и разными принадлежностями, шанцовымъ инструментомъ, двумя-тремя полѣнами дровъ, въ придачу съ шинелью чрезъ плечо, въ длинныхъ, сплошь усыпанныхъ гвоздями сапожищахъ!..

Взобравшись на высоты, мы увидѣли остановившихся драгунъ, успѣвшихъ пустить нѣсколько ракетъ за отступавшимъ непріятелемъ, и дальше, верстахъ въ четырехъ-пяти—хвостъ горскаго полчища, медленно двигавшагося по плоской возвышенности Турчидага. Остановились и мы перевести духъ, прошли еще версты двѣ съ драгунами; затѣмъ подъѣхалъ командующій войсками съ своимъ штабомъ, поздоровался съ людьми, поблагодарилъ за быстроту движенія и прекратилъ преслѣдованіе. Такъ намъ и не удалось въ этотъ разъ подраться.

У апшеронцевъ было нѣсколько человѣкъ потери и въ числѣ раненыхъ баталіонный командиръ ихъ, майоръ Ду-

бельтъ, сынъ извѣстнаго въ свое время начальника третьяго отдѣленія. Когда подошли всѣ остальныя войска съ обозомъ, да присоединился взобравшійся по кручѣ Апшеронскій баталіонъ, отрядъ продвинулся еще версты двѣ впередъ и расположился лагеремъ. Нашему баталіону было указано мѣсто особо, впереди, надъ противоположнымъ обрывомъ Турчидага, съ котораго виднѣлись нѣсколько непокорныхъ ауловъ и укрѣпленный Согратль; вблизи нашего расположенія проходилъ обрывистый спускъ, который намъ слѣдовало главнѣйше караулить.

Простояли мы тутъ до 7-го іюля. По обилію травы, хорошей воды, здоровому воздуху, Турчидагское плато было отличнымъ лагернымъ пунктомъ, тѣмъ болѣе, что, по своей центральности, давало возможность двигаться и поспѣвать на всякій угрожаемый пунктъ; но на высотѣ какихъ-нибудь семи тысячъ футовъ надъ поверхностью моря приходилось нерѣдко выносить такія адскія атмосферическія нападенія, что проклинали мы судьбу свою горемычную очень и очень. Пронизывающій до костей густой туманъ, плотными массами налегавшій, такъ что почти руками можно было его хватать; рѣзкій, порывистый, холодный вѣтеръ; иногда нѣсколько дней сряду проливной дождь, то вдругъ сѣкущія до крови градинки, то снѣгъ; въ палаткахъ вода, на тѣлѣ ни сухой нитки, вмѣсто огня *на кухняхъ* (т.-е. въ ямкахъ, подъ котлами) ѣдкій дымъ, окоченѣлые члены, къ чему ни прикоснешься—все мокро, слизко—однимъ словомъ, положеніе отвратительное! А стоило только показаться солнышку—исчезнутъ туманы, мигомъ все обсушивалось, оживало, веселѣло, раздавался шумный говоръ, шутки, пѣсни; все забывалось, больныхъ почти не было!..

Двѣ недѣли протянулись довольно монотонно, среди обычной лагерной службы (оригинальную характеристику коей я представлю дальше, въ слѣдующихъ главахъ). Непріятель не показывался. Мы уже начинали скучать и томиться непріятною перспективой простоять такъ все лѣто на Турчидагѣ,

когда 7-го іюля совершенно неожиданно раздался изъ главнаго лагеря барабанный бой, призывающій всѣхъ адъютантовъ. Я тотчасъ отправился въ штабъ, гдѣ и получилъ приказаніе: баталіону сняться и выступать по дорогѣ къ Гамашинскимъ высотамъ.

XXXVII.

На Гамашинскихъ высотахъ мы расположились лагеремъ, полагая что здѣсь придется намъ продолжать скучное прозябаніе, надоѣвшее уже порядочно на Турчидагѣ. Утѣшали мы себя тѣмъ, что здѣсь по крайней мѣрѣ теплѣе, не такъ часты и непроницаемы туманы, вообще легче тянуть службу аванпостную.

Вечеръ; пробили зорю; ударили на молитву; весь лагерь, по искони принятому прекрасному обычаю, огласился стройнымъ пѣніемъ въ каждомъ баталіонѣ молитвы Господней; построенныя на линейкахъ роты усердно осѣняли себя большими крестами, слышался шепотъ произносимыхъ молитвъ; на темномъ фонѣ звѣзднаго неба вырѣзывались обрывы, причудливой формы горныя цѣпи, гдѣ-то вдали то мерцалъ, то исчезалъ огонекъ; торжественная тишина нарушалась изрѣдка только фырканіемъ лошадей въ коновязяхъ... Раздалась послѣдняя барабанная дробь, обрядъ кончился, всѣ расползлись по палаткамъ, а люди, назначенные въ цѣпи, секреты и проч., тронулись въ путь.

— Господинъ адъютантъ, слышу я зовъ моего баталіонера Сойманова:—извольте идти за приказаніями-съ.

— Сейчасъ иду.

И навѣсивъ шашку, пускаюсь въ путь, безпрестанно натыкаясь на коновязи, наступая на какого-нибудь завернувшагося въ шинель фурштата, или цѣпляясь за палаточные колья и веревки, что̀ производитъ сотрясеніе въ палаткѣ и оттуда слышится сердитый голосъ: „какая тамъ скотина (или шельма) по палаткамъ ходитъ“!—Добравшись кое-какъ до штаба,

я получилъ совершенно неожиданныя приказанія: въ семь часовъ утра пріемщикамъ отъ всѣхъ войскъ отправиться въ Казикумухъ для полученія провіанта, спирта, патроновъ и проч., затѣмъ въ 10 часовъ командующій войсками со штабомъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, часть конной милиціи, нашъ и 2-й баталіоны дагестанскаго полка и четыре горныя орудія выступаютъ туда же, гдѣ присоединяютъ къ себѣ своихъ пріемщиковъ. Оба же апшеронскіе баталіона, съ остальною артиллеріей и двумя сотнями донскихъ казаковъ, остаются на Гамаши, подъ начальствомъ генералъ-маіора Грамматина.

Я поспѣшилъ назадъ въ палатку, чтобы поскорѣе усѣсться за составленіе требованій на сухари и проч., за эту квинтъ-эссенцію адъютантской премудрости. Но милѣйшій Илья Алексѣевичъ, выслушавъ приказанія штаба, въ свою очередь приступилъ къ отдачѣ приказаній по баталіону, уже описаннымъ мною раньше способомъ, и цѣлый битый часъ держалъ меня безо всякой надобности свидѣтелемъ безконечныхъ внушеній и распеканій фельдфебелей, заказовъ повару и т. п. Какъ только я порывался уходить, раздавались слова: „позвольте-съ, успѣете-съ“.

Наконецъ уже въ десятый разъ выслушалъ я повторенія о назначеніи по десяти человѣкъ отъ каждой роты въ мое распоряженіе, и чтобы фурштаты хорошенько смотрѣли, а то если-де у какой лошади окажется побитая спина, то меньше пяти сотъ палокъ не ждалъ бы, и чтобы поваръ приготовилъ бы закуску и пирожковъ съ кашей и т. д. Забрался я въ свою палатку, и засталъ своего сожителя, баталіоннаго доктора, Ал. Павлов. Джогина, уже въ постели и весьма довольнаго перспективой выступленія въ Казикумухъ: все равно, куда бы то ни было, лишь бы не стоять на одномъ мѣстѣ, а главное коли бы гдѣ-нибудь *дѣла*, то-есть драки, перестрѣлки. Таковы были общія желанія офицеровъ, даже медиковъ, не только ради честолюбивыхъ видовъ на награды, но и изъ простаго стремленія избавиться отъ скуки монотонной лагерной жизни; даже и солдаты, ко-

торымъ всякій походъ приносилъ лишній тяжелый трудъ, лишенія и опасности, предпочитали движеніе продолжительному пребыванію на мѣстѣ, гдѣ, собственно говоря, солдату оставалось тоже не много свободнаго времени и покоя. Аванпостная служба, исключительно отбывавшаяся пѣхотой, конвоированіе пріемщиковъ продовольствія, при малѣйшемъ свободномъ времени—ученія, собираніе по кручамъ и балкамъ горючихъ веществъ для варки себѣ пищи, тасканіе за двѣ-три версты по кручѣ огромныхъ ротныхъ котловъ съ водой или, напримѣръ, *нащипываніе руками* по скатамъ горъ травы для полковыхъ и своихъ артельныхъ лошадей—а вѣдь ихъ было не мало—штукъ 70—80 при баталіонѣ—все это и безъ похода дѣлало службу солдатскую далеко не легкою, а тянулась она тогда de jure 25, а de facto 28—30 лѣтъ!..

Покончивъ съ составленіемъ требованій и билетовъ больнымъ, которыхъ слѣдовало сдать въ Казикумухѣ, я послѣдовалъ примѣру доктора: растянулся на походную кровать, т.-е. на холстъ, натянутый между двумя вьючными сундучками, завернулся въ пальто и бурку, задулъ свѣчу и вскорѣ заснулъ.

7-го іюля, въ назначенный часъ, сборная колонна была готова, и мы потянулись гуськомъ по извилистой дорогѣ къ Казикумуху. Съ нами же поѣхалъ и старшій докторъ войскъ въ Дагестанѣ Эдуардъ Романовичъ Гольмблатъ, съ которымъ я былъ немного знакомъ, а въ этотъ разъ, ѣдучи вмѣстѣ и все время въ разговорахъ о разныхъ дѣлахъ, познакомился ближе. Э. Р. Гольмблатъ былъ замѣчательный человѣкъ на Кавказѣ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, начавъ свою службу въ краѣ съ ранней молодости и не отличаясь никакими особенными по своей спеціальности заслугами, онъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, переходя отъ одного повышенія къ другому, достигъ должности генералъ штабъ-доктора всей Кавказской арміи, съ чиномъ тайнаго совѣтника и нѣсколькими звѣздами до Бѣлаго Орла включительно — карьера въ медицинскомъ вѣдомствѣ довольно рѣдкая; вовторыхъ, отличался

многими такими курьезными оригинальностями, что анекдоты объ немъ были неистощимымъ кладомъ для охотниковъ до забавныхъ и смѣхотворныхъ разсказовъ. Особенно его чрезвычайная трусливость—не въ смыслѣ военномъ, ибо какъ доктору ему нечего было и отличаться храбростью—давала безконечный анекдотическій матеріалъ. Лошадей держалъ онъ не иначе какъ самыхъ старыхъ, отъявленныхъ клячъ, и на тѣхъ ѣздилъ только шагомъ, безпрерывно бранясь съ кучеромъ, какъ только тотъ вздумалъ бы прикрикнуть на лошадей или взяться за кнутъ; а при малѣйшемъ спускѣ, выходилъ изъ экипажа и брелъ пѣшкомъ. Такъ, нерѣдко случалось мнѣ видѣть и въ Шурѣ, и въ Тифлисѣ покойнаго Эдуарда Романовича ѣдущаго съ семействомъ, и, въ мѣстахъ мало-мальски неровныхъ, онъ слѣзалъ и шелъ пѣшкомъ, а дамы его ѣхали дальше. При разъѣздахъ по краю на почтовыхъ, садясь въ тарантасъ, онъ неизмѣнно на каждой станціи подтверждалъ своему человѣку и ямщикамъ, чтобы отнюдь не смѣли ѣхать скоро и предупреждали его, гдѣ будетъ спускъ съ горки; ямщикъ, не выдерживавшій двадцативерстнаго перегона и пускавшійся рысью, подвергался крику, брани и не получалъ на водку. Самое мучительное горе для почтеннаго доктора была необходимость отправляться съ отрядами, причемъ приходилось ѣхать верхомъ. Какъ ни жалка была кляча, на которой онъ пускался въ путь, но все же и ей было подчасъ не втерпежъ, особенно когда ее обгоняли другія, а нѣкоторые шалуны изъ штабныхъ офицеровъ нарочно хлопали нагайками, гикали и т. п.: она невольно пускалась вдругъ рысью... Эдуардъ Романовичъ хватался за гриву, блѣднѣлъ, краснѣлъ, звалъ своего вѣстоваго казака, и тотъ долженъ былъ хватать разгорячившагося буцефала за поводья. Фигуру изображалъ онъ тогда изъ себя самую комическую: галстухъ вылѣзетъ за воротникъ, брюки безъ штрипокъ поднимутся выше голенищъ, фуражка съѣдетъ на бокъ или затылокъ...

Помню уморительную сцену. Кажется предъ походомъ въ 1852 году, въ Шурѣ, послалъ онъ своего казака на кон-

ный базаръ купить лошадь. Приходитъ казакъ и докладываетъ, что приторговалъ у татарина отличную лошадь, не старую, крѣпкую и дешево.

— Что же въ ней хорошаго? спрашиваетъ Эдуардъ Романовичъ.

— Во всемъ, говоритъ донецъ, — хорошая, ваше превосходительство.

— А шагъ у нея спокойный?

— И шагъ спокойный, и скачетъ хорошо, ваше превосходительство.

— Скачетъ?! Пошелъ вонъ, болванъ! не надо, даромъ не возьму!

Сконфуженный казакъ ушелъ въ недоумѣніи, а мы, собравшіеся у милѣйшаго Эдуарда Романовича съ воскреснымъ визитомъ нѣсколько офицеровъ, не воздержались—и разразились хохотомъ, что весьма озлило хозяина, и онъ ушелъ въ свою комнату, не простившись.

Большой любитель преферанса, покойный вѣчно горячился, выходилъ при проигрышахъ изъ себя, вскакивалъ, бранился, а шутники нарочно выкидывали разныя штуки и помирали со смѣху. На эту тему анекдотовъ было тоже безъ числа.

Однако, какъ я уже сказалъ, проведя почти сорокъ пять лѣтъ на службѣ исключительно административной, покойный всегда пользовался почетомъ и особымъ расположеніемъ высшихъ властей.

Нѣсколько часовъ пути до Казикумуха укрѣпили наше знакомство, и только подъ конецъ мы чуть было не разсорились серьезно. У самаго аула протекаетъ съ ревомъ и бѣшенствомъ, какъ обыкновенно въ горахъ, рѣка Кара-Койсу, чрезъ которую перекинутъ мостъ на правый берегъ къ нашему укрѣпленію; мостъ прочный, но узкій и, по необъяснимой дѣйствительно безпечности, безъ перилъ. Наскучивъ длиннымъ переѣздомъ шагомъ, я, по старой моей тушинской привычкѣ, выѣхавъ на ровную площадку предъ мостомъ, вдругъ шлепнулъ нагайкой свою лошадь—и маршъ-маршъ

пронесся черезъ мостъ на ту сторону и въ гору къ крѣпости. Совсѣмъ не приготовленный къ такому внезапному съ моей стороны пассажу, докторъ обомлѣлъ, закрылъ глаза, скорѣе слѣзъ съ коня и когда тоже пріѣхалъ въ укрѣпленіе, встрѣтилъ меня весьма сердито и рѣзкимъ выговоромъ за неумѣстныя *надъ нимъ шутки*, прибавивъ, что въ другой разъ со мною не поѣдетъ вмѣстѣ, что такихъ глупостей онъ не любитъ. Сколько я ни извинялся—все было напрасно, и дулся онъ на меня долго.

Покончивъ пріемку и посѣтивъ раненаго 21-го іюня маіора Дубельта, начинавшаго уже поправляться, я переправился обратно на лѣвый берегъ и присоединился къ прибывшему между тѣмъ отряду, расположившемуся на небольшой каменистой площадкѣ, у самаго аула, гдѣ мы застали уже давно тамъ расположенными 1-й баталіонъ Ширванскаго и 1-й баталіонъ Самурскаго полковъ.

Казикумухъ—резиденція хановъ, владѣнія коихъ довольно значительны и важны по своему центральному положенію въ Дагестанѣ и вблизи непокорной тогда части края; большой аулъ этотъ обыкновеннаго горскаго типа, съ каменными этажными саклями, узенькими переулками и кучами навоза кругомъ. Жители, большею частью торговцы, мѣдники и оружейники, слыли богатыми, отличались вѣрностью исламу и искони играли важную роль среди дагестанскихъ племенъ. Аулъ свой они съ гордостью называли *шагаръ* (городъ) и вообще считали себя нѣкоторымъ образомъ аристократіей. Ханы ихъ, послѣ аварскихъ, играли главнѣйшую роль въ политическихъ судьбахъ Дагестана, и нѣкоторые, еще со временъ перваго похода Петра I къ Дербенту, были важнѣйшими факторами въ нашихъ отношеніяхъ къ Кавказу. То они были на нашей сторонѣ, то противъ насъ, то вели двусмысленную политику, то пользовались большимъ вниманіемъ русскаго правительства, производились въ генералы, то были преслѣдуемы, арестуемы или изгоняемы. Послѣ долгихъ препирательствъ и интригъ между собою, ханомъ

наконецъ былъ назначенъ не прямой наслѣдникъ ханскаго рода, а дальній ихъ родственникъ Агаларъ-бекъ, зачисленный въ гвардію полковникомъ. Въ описываемый мною періодъ управлялъ онъ ханствомъ своимъ такъ усердно и добросовѣстно, въ смыслѣ нашихъ интересовъ, что Шамиль ни силой, ни происками, ни увѣщаніями ничего съ нимъ сдѣлать не могъ, и всѣ попытки поднять противъ насъ Казикумухское ханство, да даже и другія сосѣднія общества, остались тщетными. Командовавшій войсками въ прикаспійскомъ краѣ князь Аргутинскій цѣнилъ это и благоволилъ къ Агаларъбеку, оказывая ему всяческое вниманіе; а этотъ, въ свою очередь, не только держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ свое владѣніе и отражалъ всякія нашествія мюридизма, но еще оказывалъ важную услугу намъ тѣмъ, что имѣя возможность, по своимъ связямъ и вліянію, получать важнѣйшія и подробныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ горахъ, сообщалъ эти извѣстія князю Аргутинскому. Впослѣдствіи онъ былъ тоже генералъ, й со звѣздой, но, къ сожалѣнію, умеръ еще далеко не старымъ человѣкомъ *).

Вечеромъ пошелъ я, по обыкновенію, за приказаніями, и, къ общей радости, узналъ слѣдующее: въ 6 часовъ утра нашъ баталіонъ, первый Ширванцевъ, рота стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ (1-й и 10-й эскадроны), 8 сотенъ конной милиціи, 10 горныхъ орудій и ракетная команда выступаютъ, а 1-й баталіонъ Самурцевъ и 2-й Дагестанцевъ, съ двумя орудіями, остаются у Кумуха. Куда идемъ, по какому поводу—намъ конечно не объявлялось. Въ первую минуту намъ и не до того было: главное—радость: идемъ съ командующимъ войсками, и уже слѣдовательно не даромъ—будутъ *дѣла̀*.

---

*) Въ 1877 году главный толчокъ возстанія въ Дагестанѣ послѣдовалъ изъ Казикумуха, гдѣ, какъ извѣстно, истреблено все наше управленіе съ командой солдатъ въ 50 человѣкъ. Думаю, что будь живъ Агаларъ-бекъ, едва ли бы что-нибудь подобное могло случиться. Теперь же главнымъ зачинщикомъ оказался сынъ его и еще нѣкоторые офицеры изъ туземцевъ, служившихъ въ конвоѣ, въ Петербургѣ.

Полагаю, однако, что дальнѣйшій разсказъ о нашихъ движеніяхъ не имѣлъ бы достаточно интереса для читателя, безъ нѣкотораго объясненія обстоятельствъ, бывшихъ поводомъ этого похода. Всѣ относящіяся къ этому свѣдѣнія, само собою, сдѣлались мнѣ въ подробности извѣстны только впослѣдствіи, но я скажу о нихъ теперь, и затѣмъ уже возвращусь къ разсказу о моихъ личныхъ похожденіяхъ, насколько ихъ сохранила память.

Неудачная экспедиція генерала Граббе въ Ичкерію, весной 1842 года, когда русскимъ войскамъ пришлось испытать отъ горцевъ сильное пораженіе, съ весьма значительной потерей, дала поводъ находившемуся тогда на Кавказѣ военному министру князю Чернышеву настоять на установленіи оборонительной системы дѣйствій противъ Шамиля. Несчастная система эта не замедлила принести печальные плоды. Она подняла духъ горцевъ, убѣдившихся въ нашей слабости и робости, она ободрила покорную часть населенія къ попыткѣ тоже сбросить съ себя власть гяуровъ; торжество ислама стало казаться имъ близко осуществимымъ, они уже мечтали о возвращеніи заманчивой независимости, дававшей имъ возможность нападать и грабить сосѣдей, жить хищничествомъ, не страшась возмездія.

Насталъ злосчастный 1843 годъ. Дагестанъ поднялся, и разбросанныя по всему обширному гористому краю, разобщенныя горными трущобами мелкія части нашихъ войскъ оказались не въ силахъ противостоять обрушившимся на нихъ лавинамъ. Одно за другимъ пали наши слабыя укрѣпленія, гарнизоны истреблялись, артиллерія, снаряды и проч. попадали въ руки полчищъ Шамиля, а сильныхъ резервовъ не было подъ рукой. Въ теченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ почти весь Дагестанъ ускользнулъ изъ нашихъ рукъ и только Шура держалась еще съ остатками своихъ защитниковъ, окруженная массами ликовавшаго непріятеля, пока не выручилъ ее подоспѣвшій съ Кавказской линіи генералъ Фрейтагъ.

Всѣ эти прискорбныя происшествія вынудили отказаться

отъ оборонительной системы и возобновить наступательную. На Кавказъ былъ двинутъ весь пятый пѣхотный корпусъ и главнымъ начальникомъ назначенъ генералъ Нейдгартъ. Но и наступательныя дѣйствія 1844 года, не взирая на столь увеличенныя средства, не привели ни къ какимъ результатамъ. Неуспѣхъ былъ приписанъ неумѣлости главныхъ распорядителей; на мѣсто генерала Нейдгарта назначенъ князь Воронцовъ, съ званіемъ и полномочіями намѣстника и главнокомандующаго. Ему предстояло повторить ударъ и положить конецъ борьбѣ, начавшей принимать слишкомъ грозные размѣры...

Но знаменитая въ лѣтописяхъ Кавказской войны Даргинская экспедиція 1845 года, подъ личнымъ начальствомъ новаго главнокомандующаго, въ той же Ичкеріи, гдѣ потерпѣлъ три года предъ тѣмъ пораженіе генералъ Граббе, окончилась почти еще неудачнѣе, еще съ бо̀льшими потерями, и отрядъ князя Воронцова, находившійся въ самомъ критическомъ положеніи, былъ выручень опять тѣмъ же Фрейтагомъ...

Въ этотъ разъ неудачу уже нельзя было приписать неумѣлости вождя, а пришлось сознаться, что самая мысль покончить съ Кавказомъ однимъ ударомъ ошибочна. Гдѣ борьба происходитъ почти на тысячеверстномъ разстояніи не съ регулярною арміей, а съ цѣлымъ воинственнымъ народонаселеніемъ, имѣющимъ на своей сторонѣ такого союзника, какъ грозная кавказская природа; гдѣ климатическія, этнографическія, религіозныя и соціальныя условія на каждомъ шагу ставятъ неожиданныя трудно-одолимыя преграды, а часто смѣняемыя, не всегда соотвѣтствующія должностямъ или недобросовѣстныя начальствующія лица плохо ведутъ дѣло,—тамъ нельзя основаться на одномъ планѣ какого-нибудь сраженія, а надлежитъ выработать цѣльную, обдуманную систему дѣйствій. Военныя предпріятія должны идти рядомъ съ административными, наступательныя дѣйствія—съ оборонительными, и все въ примѣненіи къ данной мѣстности,

къ характеру природы и народонаселенія, географическому положенію и разнымъ другимъ условіямъ, также разнообразнымъ, какъ самъ Кавказъ, этотъ удивительный калейдоскопъ, съ его сотнями различныхъ племенъ, нарѣчій, вѣрованій, обычаевъ, съ его собственными тропическими и полярными мѣстностями.

Князь Воронцовъ оказался на высотѣ этой трудной задачи. Хотя не сразу, но исподоволь соотвѣтствующая система выработалась, и пройдя черезъ горнило ошибокъ и неудачъ, въ концѣ-концовъ, переданная въ энергическія руки князя Барятинскаго, сломила болѣе чѣмъ полувѣковое упорство кавказскихъ горцевъ-мюридовъ.

Неудачный опытъ 1845 года окончательно убѣдилъ, что въ чеченскихъ лѣсахъ нужно дѣйствовать зимой, и притомъ не одними ружьями, но и топорами, постепенно отхватывая у непріятеля его плодородныя поляны и заселяя ихъ казачьими станицами, обезпечиваемыми рядомъ укрѣпленій впереди. Лѣтомъ же — дѣйствовать въ Дагестанѣ.

Такимъ образомъ, въ 1846, 1847, 1848 и 1849 годахъ происходили зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, лѣтомъ же собирались значительные отряды въ Дагестанѣ. Наступленіе здѣсь имѣло цѣлью овладѣвать укрѣпленными пунктами Шамиля, очевидно въ предположеніи лишать его точекъ опоры, наносить большія потери и тѣмъ подрывать его силу матеріальную и нравственную. Ближайшими къ нашимъ владѣніямъ непріятельскими укрѣпленіями были Гергебиль, Салта и Чохъ. Они и послужили цѣлью дѣйствій.

Въ 1847 году начали съ Гергебиля. Но природная крѣпость мѣста, невозможность употребить въ дѣло осадную артиллерію, отчаянная храбрость горцевъ, особеннно при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ — общее свойство азіятскихъ народовъ—были причиной, что геройство нашихъ войскъ сокрушилось объ эти препятствія: штурмъ былъ отбитъ, и осада была снята...

Чтобы не произвести, однако, дурнаго нравственнаго влія-

нія на войска, не допустить торжества непріятеля и не возбудить противъ себя покорнаго мусульманскаго населенія, весьма чуткаго къ каждой нашей неудачѣ, рѣшено было перенести дѣйствіе къ Салтѣ. Пятьдесятъ два дня длилось здѣсь геройское сопротивленіе горцевъ, изумившихъ даже нашихъ испытанныхъ вождей: два штурма были ими отбиты; потери наши возросли до почтенной для Кавказской войны цифры—до двухъ тысячъ человѣкъ. Наконецъ мужество и неугомимость нашихъ войскъ взяли свое: Салта пала, небольшое число защитниковъ успѣли спастись. Одна Шамилевская твердыня была сокрушена.

На слѣдующій годъ та же участь постигла и Гергебиль, и уже сравнительно легче, скорѣе и безъ значительныхъ потерь. Въ 1849 году подступили къ Чоху, доставивъ туда съ громадными усиліями нѣсколько тяжелыхъ осадныхъ орудій и мортиръ. Однако, не взирая на вредъ, нанесенный и веркамъ укрѣпленія, и гарнизону, а въ нѣкоторыхъ стычкахъ и расположеннымъ кругомъ Чоха полчищамъ Шамиля, цѣль не была достигнута: укрѣпленіе осталось въ рукахъ непріятеля...

Послѣ такого трехлѣтняго опыта, стоившаго не малыхъ жертвъ, пришлось сдѣлать въ системѣ измѣненія: оставивъ въ силѣ часть ея, относившуюся до наступательныхъ зимнихъ дѣйствій въ Чечнѣ, успѣвшихъ уже выказать ощутительные результаты въ нашу пользу,—для Дагестана, вмѣсто наступленія, рѣшились ограничиться оборонительными дѣйствіями. И совершенно основательно. Еслибы всякая осада непріятельскихъ укрѣпленій даже увѣнчивалась успѣхомъ, то все же это не могло имѣть вліянія на общій ходъ дѣла. Вопервыхъ, Чохъ, Салта или Гергебиль не то что какая-нибудь европейская крѣпость, имѣющая стратегическое значеніе и служащая опорой владѣнія извѣстною частью страны, опорой дѣйствій непріятельской арміи, источникомъ ея запасовъ или прикрытіемъ какого-нибудь важнаго пути и т. д. Вовторыхъ, постройка такого укрѣпленія для горцевъ не сопровождалась никакими особыми трудностями или издержками.

Стоило отойти отъ какого-нибудь Гергебиля три-четыре версты—и природа давала готовую крѣпость, ничѣмъ не уступающую только-что потерянной, благо и матеріалъ подъ рукой, и рабочія руки не оплачиваемыя. Слѣдовательно, продолжать осады всякаго воздвигаемаго горцами укрѣпленія значило бы десятки лѣтъ вертѣться вокругъ да около, какъ въ заколдованномъ кругу, и каждое лѣто жертвовать множествомъ людей и денегъ, рискуя къ тому же терпѣть и неудачи. Къ такому заключенію, вѣроятно, и пришли военныя власти послѣ неудачной осады Чоха.

Такимъ образомъ, съ 1850 года военная картина въ Дагестанѣ приняла новый видъ. Главная цѣль заключалась въ томъ, чтобъ удерживать въ полномъ повиновеніи и порядкѣ покорную часть страны, укрѣплять административные порядки и не давать непріятелю возможности проникать въ наши владѣнія ни для хищничества, ни для пропагандированія мюридизма или возмущенія покорныхъ жителей. Для подобной задачи нельзя было найти болѣе соотвѣтствующаго человѣка, какъ генералъ-адъютантъ князь М. З. Аргутинскій-Долгорукій. И какъ администраторъ, вслѣдствіе совершеннаго знанія края и характера народонаселенія, и какъ боевой генералъ, вслѣдствіе долголѣтней опытности въ горной войнѣ, при никогда не измѣнявшемъ ему счастіи, онъ, въ теченіи своего командованія войсками огромнаго Прикаспійскаго края, ни разу не допустилъ непріятеля торжествовать какой-нибудь значительный, серьезный успѣхъ. Оборонительные пункты, для расположенія лѣтомъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ отрядовъ, а зимой—отдѣльныхъ частей войскъ, были имъ выбраны такъ удачно, что не взирая на громадное протяженіе обороняемаго края, на страшно пересѣченную хребтами и дико ревущими горными рѣками мѣстность, не взирая на еще болѣе важную скрытность и быстроту движеній непріятельскихъ партій—быстроту, о которой въ европейскихъ войнахъ и понятія не имѣютъ,—Шамилю и его наѣздникамъ не удавалось добиться какого-нибудь особенно важнаго результата.

Послѣ этого краткаго очерка, не претендующаго на подробное и рельефное изображеніе нашего военнаго положенія на Кавказѣ въ пятидесятыхъ годахъ, полагаю однако, что читателю все же нѣкоторымъ образомъ станетъ немного яснѣе послѣдующій разсказъ о событіяхъ, въ которыхъ принялъ участіе отрядъ, къ составу коего принадлежалъ 3-й баталіонъ Дагестанскаго полка, и съ которымъ я, въ качествѣ баталіоннаго адъютанта, совершилъ эти нижеописанныя движенія и дѣла.

Каждое лѣто, какъ только устанавливалась болѣе сносная погода и на горахъ показывалось достаточно травы для фуражированія, отряды выдвигались на Кутишинскія, затѣмъ на Гамашинскія и наконецъ на Турчидагскія высоты. Отъ этихъ трехъ центральныхъ пунктовъ, прикрывавшихъ собою тылъ, т. е. весь край до береговъ Каспійскаго моря, войска, какъ я уже упоминалъ въ предшествовавшей главѣ, могли удобно бросаться къ угрожаемымъ пунктамъ и—или преграждать непріятелю пути наступленія, или угрожать путямъ его оступленія. Для этого, однако, самымъ важнымъ было своевременное полученіе вѣрныхъ свѣдѣній о сборахъ и замыслахъ горцевъ. Князь Аргутинскій въ этомъ отношеніи былъ болѣе или менѣе обезпеченъ, благодаря отлично устроеннымъ имъ отношеніямъ къ разнымъ ханамъ и владѣтелямъ покорныхъ обществъ, а также многимъ давнишнимъ его связямъ и знакомствамъ съ нѣкоторыми горцами, хотя и остававшимися въ рядахъ подвластныхъ Шамилю, но не стѣснявшимися, за хорошее вознагражденіе, измѣнять его дѣлу. Случалось при всемъ томъ однако, что Шамилю удавалось съ чрезвычайною ловкостью вводить насъ въ обманъ, и партіи его появлялись какъ снѣгъ на голову, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать; такъ и случилось въ описываемое мною время—въ іюнѣ 1851 года.

Еще 17-го іюня на Кутишинскихъ высотахъ князь Аргутинскій узналъ, что горцы что-то замышляютъ, что Шамиль прибылъ изъ своей резиденціи Ведень въ окрестности Тур-

чидага и собираетъ большія массы людей. По слухамъ, онъ намѣренъ былъ ворваться въ Нухинскій уѣздъ, чему князь не повѣрилъ, ибо зная расположеніе войскъ въ сосѣднемъ районѣ лезгинской кордонной линіи, находилъ такое движеніе невозможнымъ и грозившимъ Шамилю опасностью быть отрѣзаннымъ отъ горъ. Онъ думалъ, что скорѣе горцы могли замышлять что-нибудь противъ лѣваго фланга лезгинской линіи, т. е. Кахетіи. Впрочемъ, и такое движеніе по самымъ возвышеннымъ мѣстамъ главнаго хребта, въ іюнѣ еще покрытымъ снѣгомъ, казалось сопряженнымъ даже для горцевъ съ необычайными трудностями и опасностями. На всякій случай были сдѣланы нѣкоторыя передвиженія войскъ къ Казикумухскому ханству. Когда же 18-го числа свѣдѣнія о прибытіи Шамиля въ Чоху окончательно подтвердились, часть собраннаго на Кутишинскихъ высотахъ отряда, какъ выше разсказано, двинута была на Гамашинскія высоты.

Утромъ 21-го числа произошло описанное мною дѣло при подъемѣ на Турчидагъ, но уже къ вечеру того же дня получены свѣдѣнія, что большая партія горцевъ потянулась чрезъ южныя части ханства по направленію къ Кайтаху (Дербентской губерніи). Итакъ, дѣло 21-го числа было очевидно только демонстраціей. Тотчасъ были посланы два батальона съ нѣсколькими сотнями конной милиціи и казаковъ въ соотвѣтствующемъ направленіи. Горцы 23-го числа были встрѣчены неожиданно на одномъ изъ переваловъ и послѣ незначительной перестрѣлки отступили. Шамиль, разсерженный за такой неуспѣхъ, смѣнилъ всѣхъ трехъ наибовъ, начальствовавшихъ партіей.

1-го іюля опять пришло извѣстіе, что Шамиль не оставилъ своего намѣренія и поручилъ дѣло своему лучшему помощнику, извѣстному наѣзднику наибу Гаджи-Мурату, съ отборными сотнями аварцевъ, и что Гаджи-Муратъ ночью выступилъ изъ Чоха, но неизвѣстно въ какомъ направленіи. Немедленно было послано извѣщеніе всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ разныхъ пунктахъ по направленію чрезъ

Мехтулинское ханство къ Шурѣ, чтобъ удвоить бдительность; нарочные изъ конныхъ милиціонеровъ поскакали во всѣ концы съ „летучками“. Такъ назывались пакеты экстреннаго содержанія, и я помню, что для приданія наружному виду этихъ пакетовъ пущей экстренности и необходимости везти ихъ безостановочно отъ одного поста до другого, къ сургучной печати приклеивали кусочекъ гусинаго пера съ пухомъ—выходило уподобленіе крылу, а отъ того—названіе „летучки“. На лезгинской линіи практиковалось это постоянно еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Иногда же, чтобы дать знать о прорывѣ хищнической партіи или внезапномъ нападеніи и т. п., посылались открытыя, не запечатанныя извѣщенія отъ поста до поста, отъ станицы до станицы, и эти извѣщенія назывались, даже и въ оффиціальной перепискѣ, „цыдулами“ (?). Встрѣтишь, бывало, скачущаго по дорогѣ донца. „Ты куда?“—„Съ *лятучкою* или съ *цыдулою*, ваше благородіе.“ Дошло до того, что донцамъ говорили: „эхъ ты, *лятучка*!“

И такъ, дали знать повсюду, чтобы были осторожны и строго наблюдали за дорогами. Но это не помогло, и Гаджи-Муратъ ночью на 2-е число іюля уже перешелъ между Малымъ Дженгутаемъ и Дуранги (солдаты называли этотъ аулъ Дураки) въ Губденскіе лѣса, а на разсвѣтѣ 3-го числа очутился уже въ селеніи Буйнакъ, на почтовой дорогѣ изъ Дербента въ Шуру, въ тылу всѣхъ нашихъ отрядовъ, линій, укрѣпленій и проч. Въ тридцать часовъ онъ сдѣлалъ съ своими удальцами 150 верстъ по горамъ, оврагамъ и лѣсамъ, лавируя притомъ между войсками, пикетами и мѣстнымъ населеніемъ, между коими могли найтись и такіе, что дали бы знать ближайшимъ русскимъ властямъ.

Буйнакъ, столь памятный читателямъ тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ по фантастической повѣсти Марлинскаго *Амалатъ-бекъ*, аулъ, принадлежащій къ владѣніямъ шамхала Тарковскаго, расположенъ на плоской полосѣ, прилегающей къ берегу Каспія; аулъ живописно раскинулся на

небольшой горкѣ, среди садовъ, и своими каменными саклями, двумя-тремя старинными башенками обращалъ вниманіе всякаго проѣзжавшаго въ Шуру. Здѣсь была почтовая станція, постъ съ десяткомъ казаковъ для конвоированія почты и т. п. Въ аулѣ жилъ, управлялъ и пользовался доходами съ него братъ шамхала, гвардіи штабъ-ротмистръ Шахъ-Вали.

Внезапно ворвавшись въ аулъ и прямо къ дому Шахъ-Вали, вздумавшаго защищаться, горцы самого его и нѣсколько человѣкъ его нукеровъ (служителей) застрѣлили, весь богатый домъ ограбили, а жену съ пятью дѣтьми и служанкой захватили съ собой. Бросившись сначала по почтовой дорогѣ къ станціи у аула Каякентъ, оттуда далѣе чрезъ Терекемейскій участокъ Дербентскаго уѣзда въ Каракайтахъ, гдѣ присоединилъ къ своей партіи нѣсколько десятковъ мѣстныхъ разбойниковъ, Гаджи-Муратъ перешелъ въ Вольную Табасарань *).

Князь Аргутинскій, предполагая, что Гаджи-Муратъ поспѣшитъ съ награбленною добычей пробираться въ горы, распорядился занять всѣ извѣстные пути, особенно тотъ, по которому недавно неудачно пробирались предшественники Мурата, а самъ остался въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій на Турчидагѣ.

Между тѣмъ, смѣлый помощникъ Шамиля вовсе не думалъ объ отступленіи. Ободренный успѣхомъ и сочувственною встрѣчей среди населенія Кайтаха и Табасарани, на что̀, при отдаленности этихъ обществъ отъ центра мюридизма, онъ едва-ли много разсчитывалъ, Муратъ рѣшился остановиться тамъ на болѣе продолжительное время со своими семью стами удальцовъ, укрѣпиться въ лѣсу Улумешь и попытаться поднять все народонаселеніе на священную войну. Это вынудило дербентскаго губернатора, генералъ-маіора Минквица, собрать

*) Названіе вольной она носила въ отличіе отъ другой Табасарани имѣвшей своихъ бековъ владѣльцевъ, но обѣ Табасарани одинаково были изъ числа изстари намъ покорныхъ и входили въ составъ Дербентской губерніи.

наскоро двѣ роты Самурскаго полка съ нѣсколькими милиціонерами и отравить ихъ въ Кайтахъ. Однако, это не произвело никакого дѣйствія: такой отрядецъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго, а между тѣмъ жители стали уже массами переходить на сторону мюридовъ. Оказалось, что намъ предстоитъ дѣло уже не съ партіей Гаджи-Мурата, а съ возставшими населеніями двухъ значительныхъ обществъ, близь самаго ядра южно-дагестанскаго мусульманскаго населенія, почти на границѣ Шемахинской губерніи и на нашихъ сообщеніяхъ. Требовались рѣшительныя мѣры. Это и было поводомъ выступленія отряда съ Турчидага.

Имѣя однако въ виду, что Шамиль со значительнымъ скопищемъ горцевъ все еще оставался недалеко отъ Казикумуха и въ наще отсутствіе могъ предпринять въ тылу что-нибудь, князь Аргутинскій вынужденъ былъ ограничиться небольшимъ числомъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ, прикрыть, по возможности, всѣ болѣе важные пункты и такимъ образомъ занять довольно опасное, растянутое положеніе. Онъ самъ отлично понималъ это, но больше ничего не оставалось дѣлать. Обо всемъ этомъ, предъ выступленіемъ съ Турчидага, было донесено подробно военному министру, который, по заведенному порядку, всѣ подобныя донесенія докладывалъ государю, читавшему ихъ всегда съ большимъ вниманіемъ. На этомъ военномъ журналѣ покойный государь Николай Павловичъ, 29-го іюля 1851 года, собственноручно написалъ: „дурное начало“. Эти два лаконическія слова доказываютъ, однако, вполнѣ ясно, что онъ былъ отлично знакомъ съ кавказскими дѣлами и имѣлъ вполнѣ правильный на нихъ взглядъ. И дѣйствительно, при такомъ положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ, достаточно было одной какой-нибудь неудачи, разбитія одного изъ разбросанныхъ по краю небольшихъ отрядовъ или овладѣнія какимъ-нибудь укрѣпленнымъ пунктомъ, чтобы искра превратилась въ пламя, охватила весь край и пошла бушевать, какъ въ 1843 году. Не всегда

можно было расчитывать на одну лишь беззавѣтную храбрость нашихъ войскъ: бываютъ случаи, когда и героямъ не удается побѣдить. Опасность была тѣмъ болѣе серьезна, что мусульманскій Кавказъ, да еще въ то время, можно сравнить съ вулканомъ, на которомъ мы стояли въ ежечасномъ ожиданіи взрыва.

XXXVIII.

Послѣ такого длиннаго отступленія, возвращаюсь къ прерванному разсказу о нашемъ походѣ.

Великолѣпно было утро 8-го іюля 1851 года. Въ самомъ веселомъ расположеніи духа вытягивались мы изъ Кумуха въ ущелье, провожаемые худо скрытою завистью остававшихся на мѣстѣ товарищей. Путь на югъ, или, правильнѣе, на юго-востокъ, былъ чѣмъ-то необычнымъ, особенно для насъ дагестанцевъ; мы съ апшеронцами и съ самурцами все больше кружили по сѣверо-западной части края, а та, южная, составляла спеціальность ширванцевъ, какъ поселенныхъ вблизи, въ Кусарахъ. Понятно, что любопытство было возбуждено въ высшей степени. Только и слышалось „господа, куда это мы идемъ?“

„Про то барабанщики знаютъ“, сострилъ вдругъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ. (Барабаньщики и горнисты идутъ всегда впереди, а баталіонъ уже за ними).

Послѣ небольшого перехода, мы привалили у селенія Кюлюли. Здѣсь, въ 1842 году, князь Аргутинскій, тогда еще генералъ-маіоръ, начальникъ небольшого отряда, называвшагося самурскимъ и имѣвшаго ограниченный районъ дѣйствій въ южномъ Дагестанѣ, разбилъ на-голову горцевъ, успѣвшихъ возмутить Казикумухское ханство и захватить въ плѣнъ своего окружнаго начальника, подполковника Снаксарева, съ нѣкоторыми другими офицерами. Объ этомъ славномъ дѣлѣ зналъ весь Кавказъ; оно было главнымъ фундаментомъ извѣсности и послѣдующей карьеры князя Моисея Захаровича. Была и солдатская пѣсня про Кюлюлинское дѣло,

въ которой помнится мнѣ припѣвъ: „ай люли, ай люли, какъ мы брали Кюлюли, а генералъ Абасъ-Кули растерялъ свои туфли“ и т. д. (Генералъ-маіоръ Абасъ-Кули Бакихановъ, возведенный русскимъ начальствомъ въ кубинскіе аристократы, весьма преданный Россіи человѣкъ, былъ большимъ любимцемъ Аргутинскаго и всегда назначался начальникомъ кавалеріи въ отрядахъ, ибо кавалерія большею частью и исключительно почти состояла изъ туземныхъ милицій, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ сотенъ донцовъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій, но особенною воинственностью не отличался).

Въ позднія сумерки достигли мы селенія Хозрекъ. Я не говорю ничего о природѣ: это было бы лишь безпрерывнымъ повтореніемъ уже мною не разъ сказаннаго и давно извѣстнаго. Горы и горы, кое-гдѣ сѣрыя, шифернопластныя, кое-гдѣ покрытыя сочною зеленою травой; подъемы и спуски, вездѣ камень, солнце жжетъ, нигдѣ ни деревца. Хозрекъ извѣстенъ тѣмъ, что здѣсь, кажется, въ 1823 или 24 году, еще въ самомъ началѣ возникновенія ученія мюридовъ и провозглашенія газавата, извѣстный сподвижникъ Цицiанова, Ермолова и Паскевича, генералъ князь Мадатовъ разбилъ толпу фанатиковъ, впервые собравшихся осуществлять идею священной войны противъ гяуровъ.

Послѣ ночлега у Хозрека, подошли мы 9-го числа къ укрѣпленію Чирахъ, памятнику геройскаго подвига двухъ офицеровъ нашихъ: Овечкина и Щербины, которые съ горстью солдатъ, лишенные воды, почти ужь безъ патроновъ, съ большею половиной израненыхъ людей, сами истекая кровью, все-таки отбились отъ нѣсколькотысячной толпы осаждавшихъ горцевъ. (Этотъ подвигъ описанъ Марлинскимъ).

Такъ, на Кавказѣ почти каждый шагъ напоминаетъ о доблести и отвагѣ русскаго солдата, о геройски пролитой крови и вдали отъ родины честно сложенныхъ костяхъ. Мы равнодушны къ нашей славѣ; мы какъ-то скоро забываемъ и не придаемъ особой цѣны подвигамъ, которые другія націи возвѣстили бы міру и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ карти-

нахъ, и въ памятникахъ. Какъ будто у насъ мало дѣлъ, ничуть не уступающихъ подвигу грека Леонида, съ его тремястами человѣкъ, защищавшаго Ѳермопилы! Вспомните дѣйствія полковника Карягина съ отрядомъ въ 400 человѣкъ противъ двѣнадцатитысячной арміи персіянъ, подъ начальствомъ Абасъ-Мирзы, вспомните подвигъ Овечкина и Щербины, вспомните защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія, взорвавшихъ себя вмѣстѣ съ непріятелемъ на воздухъ, вспомните Баязидъ наконецъ. Это ли не подвиги! Развѣ не достоинъ удивленія и вѣчной славы солдатъ Эриванскаго полка Гаврило Сидоровъ, бросающійся въ канаву и подставляющій свои плечи, чтобы по немъ можно было провезти пушки, задерживавшія отрядъ Карягина, и умирающій со словами: „прощайте, братцы, не поминайте лихомъ", на что̀ ему отвѣчаютъ: „моли Бога за насъ". Вотъ и теперь, въ послѣднюю войну подъ Карсомъ, фельдфебель, смертельно раненый шестью пулями, испустилъ духъ со словами: „Господи, дай-то нашимъ успѣхъ!" А унтеръ-офицеръ Даниловъ, сожженный на кострѣ коканцами и не измѣнившій вѣрѣ и своэму долгу? А артиллерійскій офицеръ (кажется Потемкинъ), сожженный въ 1843 году горцами за то, что не согласился стрѣлять изъ захваченныхъ у насъ орудій въ русское укрѣпленіе?..

На ночлегѣ у Чираха присоединились къ намъ еще два баталіона ширванцевъ. Великолѣпно, съ иголочки одѣтые, въ новыхъ, недавно введенныхъ тогда въ арміи юфтовыхъ ранцахъ, свѣжіе, бодрые люди, со старыми усачами и бакенбардистами молодцами въ гренадерскихъ ротахъ, съ залихватскими пѣсенниками, ширванцы, въ сознаніи своей древней боевой славы, импонировали намъ, сильно поизносившимся, съ холщевыми мѣшками вмѣсто ранцевъ, уже болѣе года въ походѣ бывшимъ дагестанцамъ. Слышались легкія насмѣшки и намеки на наше происхожденіе отъ *русскихъ* полковъ. (Я уже упоминалъ, что Дагестанскій полкъ только въ 1846 году былъ сформированъ изъ баталіоновъ Волынскаго и Минскаго полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса, приходившаго на Кавказъ и

не пожавшаго особыхъ лавровъ). Я сейчасъ же замѣтилъ это отношеніе къ намъ и очевидное желаніе ширванцевъ задать предъ нами шику. Ничего, думали мы въ свою очередь, подождемъ дѣла—видно будетъ, плоше ли мы.

Когда ширванцы подходили, мнѣ невольно бросились въ глаза двѣ выдававшіяся фигуры, о которыхъ я и спросилъ у оказавшагося моимъ знакомымъ молодого ширванскаго прапорщика князя Гагарина, племянника кутаисскаго генералъ-губернатора. Фигуры эти были: артиллерійскій подпоручикъ, обращавшій на себя вниманіе полнотой не по чину: оберъ-офицеръ, да еще ниже капитанскаго чина, долженъ быть если не худощавый, то отнюдь не толстый; это привиллегія генераловъ и штабъ-офицеровъ. А тутъ вдругъ подпоручикъ—съ фигурой по крайней мѣрѣ штабъ-офицера! Это былъ Ростиславъ Андреевичъ Ѳадѣевъ, извѣстный нынѣ писатель по военнымъ и соціальнымъ вопросамъ, по дѣятельности у египетскаго хедива и въ славянскихъ княжествахъ, а тогда только-что возвратившійся изъ продолжительнаго заграничнаго проживанія и отправленный *не по собственному* желанію на Кавказъ артиллерійскимъ офицеромъ. Обстоятельства свели меня послѣ съ нимъ довольно близко, и въ своемъ мѣстѣ я подробнѣе разскажу объ этомъ. Тогда же Ѳадѣевъ пользовался большимъ расположеніемъ ширванцевъ за свой веселый характеръ и блестящее острословіе, сыпавшее каламбурами, парадоксами, удачными сравненіями, и по-русски, и по-французски, какъ ракетами.

Вторая фигура обращала на себя вниманіе еще болѣе небывалымъ видомъ: въ солдатской шинели, въ золотыхъ очкахъ и верхомъ (подумайте объ этомъ явленіи двадцать восемь лѣтъ назадъ, при тогдашнихъ строгихъ порядкахъ!) и съ французскою книгой въ рукахъ. Это былъ сосланный по дѣлу Петрашевскаго изъ молодыхъ дипломатовъ, коллежскій ассессоръ Головинскій или Голынскій — не ручаюсь за свою память. На Кавказѣ вообще искони былъ уже вкоренившійся обычай относиться самымъ снисходительнымъ, даже предупредительно

внимательнымъ образомъ ко всякимъ разжалованнымъ русскимъ, полякамъ, безъ различія. Счастливы были тѣ, которые попадали къ намъ, а не въ Оренбургскій или Сибирскій корпусъ. Тамъ они встрѣчали педантическій взглядъ того времени на „нижняго чина“, да въ добавокъ безъ исключенія офицеровъ изъ бурбоновъ, т. е. выслужившихся изъ кантонистовъ и сдаточныхъ, а такіе въ тѣ времена были бичомъ для солдатъ: бурбоны какъ будто вымещали то—что перенесли когда-то сами: воспоминаніе о проглоченныхъ зуботычинахъ, о перенесенныхъ тысячами палкахъ проявлялось какимъ-то зудомъ производить такія же операціи надъ другими. У насъ было нѣсколько ротныхъ командировъ изъ такихъ господъ, пользовавшихся особымъ благоволеніемъ полкового начальства и въ такой же мѣрѣ ненавистью солдатъ... Я, внѣ службы, вовсе не маскировалъ своего къ нимъ презрѣнія. Нашъ полковой командиръ составлялъ и въ этомъ случаѣ исключеніе изъ принятаго на Кавказѣ обычая: къ разжалованнымъ относился безъ всякаго снисхожденія. И въ Дагестанскій полкъ былъ присланъ рядовымъ одинъ изъ участниковъ по дѣлу Петрашевскаго, нѣкто Толстовъ (объ немъ буду еще подробно говорить ниже), но его П. Н. Броневскій встрѣтилъ словами: „ослушникъ закона!“ и потачки никакой приказалъ не давать, хотя все же многіе офицеры его принимали въ числѣ юнкеровъ, и только бурбоны говорили ему „ты“. Повторяю уже сказанное: полковникъ Броневскій былъ человѣкъ образованный, но рабъ усвоеннаго имъ воззрѣнія на необходимость преувеличенной строгости, педантизма, какого-то аскетизма въ образѣ жизни войска, какъ будто безъ этого грозило распаденіе арміи; къ тому же желчный, раздражительный, быть можетъ страдавшій болѣзнью печени...

Послѣ дневки, отрядъ тронулся дальше. Оставивъ влѣво аулъ Эмохъ, очень живописно раскинувшійся на зеленѣющей высотѣ, весь облитый горячими лучами утренняго солнца, отъ чего выбѣленныя сакли и мечеть съ минаретомъ казались какою-то особенно оригинальною бѣлою массой, въ

противоположность большинству горскихъ ауловъ, всегда темносѣраго мрачнаго вида, мы перевалили чрезъ крутую гору Кукма-дагъ и въ 11 часовъ прибыли въ Буршакъ, у подошвы хребта, отдѣляющаго Казикумухское и Кюринское ханства отъ Вольной Табасарани. Недостатокъ положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ заставилъ отрядъ оставаться 12-е число у этого аула, что̀, послѣ крайне трудныхъ переходовъ, конечно, весьма радовало солдатъ; у насъ же все сильнѣе и сильнѣе возбуждало нетерпѣніе скорѣе встрѣтить непріятеля.

Наконецъ стало достовѣрно̀ извѣстно, что Гаджи-Муратъ утвердился близъ Табасаранскаго аула Гужникъ, въ густомъ лѣсу, покрывающемъ ущелье рѣки Рубасъ; что онъ укрѣпилъ дорогу сильными завалами, а мелкія партіи возмутившихся жителей, подъ начальствомъ своихъ мюридовъ, разослалъ по разнымъ направленіямъ, для распространенія возстанія и наказыванія тѣхъ, которые уклонялись отъ этого. Терроризованіе было всегда однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ средствъ Шамилевской системы, свойственной, впрочемъ, всѣмъ организаторамъ возмущеній.

Узнавъ однако о приближеніи самого командующаго войсками со значительнымъ отрядомъ, неувѣренный въ возможности удержаться съ своими нѣсколькими стами человѣкъ, когда общаго возстанія народонаселенія онъ все еще не добился, а главное, боясь быть отрѣзаннымъ отъ пути отступленія въ Аварію, Гаджи-Муратъ нашелъ нужнымъ бросить свою позицію у Гужника и отойдти къ аулу Хива, отъ котораго легче можно было, въ случаѣ надобности, пробраться на Рычу въ горы. Обо всемъ этомъ свѣдѣнія были получены утромъ 13-го числа и тотчасъ вся кавалерія послана въ такомъ направленіи, чтобы преградить путь непріятелю на Рычу.

14-го числа новыя свѣдѣнія убѣдили, что Гаджи-Муратъ опять обманулъ насъ. Пустивъ слухъ о движеніи въ Хивѣ, чтобы ввести насъ въ заблужденіе и заставить думать, будто

онъ озабоченъ отступленіемъ, онъ снялся съ своею партіей у Гужника и выступилъ совершенно въ противоположную сторону—внутрь края, чрезъ южную въ сѣверную Табасарань, къ аулу Хошни. Удаляясь такимъ образомъ отъ встрѣчи съ нами, онъ выигрывалъ время для возбужденія возстанія жителей, что и составляло его главную цѣль, въ случаѣ достиженія коей результаты могли оказаться для дѣла мюридовъ блестящими. Пришлось немедленно возвратить кавалерію, сдѣлавшую напрасно два-три усиленныхъ перехода.

Смѣлый, ловкій партизанъ Гаджи-Муратъ удачно маневрировалъ, вводя насъ въ заблужденіе. Будь на мѣстѣ князя Аргутинскаго другой, менѣе знакомый съ горцами и Кавказомъ генералъ, онъ легко могъ бы поддаваться всѣмъ подобнымъ, повидимому вполнѣ достовѣрнымъ, извѣстіямъ и бросался бы, конечно, съ отрядомъ то въ одну, то въ другую сторону, что въ горахъ, въ іюльскій зной, напрасно изнурило бы отрядъ, обремененный къ тому же значительнымъ обозомъ. Осторожный же нашъ Моисей Захаровичъ не суетился, выжидалъ, медлилъ, ограничивался наконецъ движеніемъ одной кавалеріи, для которой два-три лишнихъ перехада лѣтомъ, при обиліи травы, не могли составить большого обремененія, и вообще это былъ „кунктаторъ Дагестанскій“.

Выждавъ возвращеніе кавалеріи и окончательно убѣдившись въ уходѣ непріятеля къ Хошни, князь Аргутинскій двинулъ 15-го числа отрядъ впередъ. Поднявшись на довольно высокій хребетъ, мы увидѣли предъ собою все ущелье Рибаса. Картина была очаровательная. Въ сѣверномъ и южномъ Дагестанѣ, среди голыхъ сѣрыхъ скалъ и угрюмо-мрачныхъ ауловъ, мы совсѣмъ отвыкли отъ такого рода мѣстности, какая представилась здѣсь глазамъ нашимъ. Великолѣпные, густые лѣса, купы дикихъ фруктовыхъ деревъ, среди зелени одинъ за другимъ аулы Вольной Табасарани, все бѣлыя чистенькія сакли, раскинувшіяся на отлогихъ покатостяхъ, кругомъ еще не сжатыя густо заросшія хлѣбомъ и кукурузой поля, все глядѣло какъ-то особенно привѣтливо, какъ бы

улыбаясь чистому небу и жаркому солнцу. Прелестный, уютный уголокъ, созданный не для грохота пушекъ, не для меча и огня! Но взглянувъ на извивавшуюся съ горы въ ущелье дорогу, терявшуюся затѣмъ въ лѣсныхъ чащахъ, мы предчувствовали, что путь нашъ будетъ не тихо-идиллическими мечтаніями сопровождаться. Лѣсные завалы на узенькой дорожкѣ напоминали о нѣсколькихъ чеченскихъ катастрофахъ, знакомыхъ нѣкоторымъ по собственному опыту, другимъ по свѣжимъ разсказамъ. Въ такихъ мѣстахъ, если необходимость уже заставляетъ непремѣнно ихъ проходить, главное условіе быть войскамъ по возможности налегкѣ, чтобы артиллерія, и особенно возы не задерживали и не стѣсняли движенія. И хотя у насъ артиллерія была исключительно горная, а обозъ вьючный, но послѣдній, по невозможности разсчитывать на продовольствіе реквизиціоннымъ или вообще мѣстнымъ способомъ, былъ весьма великъ и состоялъ изъ большого количества такъ-называемыхъ черводарскихъ, т. е. наемныхъ у закавказскихъ татаръ лошадей. Эти черводары были сущимъ нашимъ наказаніемъ. Кони у нихъ вѣчно приставали, падали подъ тяжелою ношей; вьюки сваливались; при подъемахъ неуклюжія сѣдла съѣжали на хвостъ, а при спускахъ на шею лошади; ежеминутныя остановки, перевьючиванія, пересѣдлыванія, брань, крики. Аріергардному баталіону доставалась горькая доля мучиться съ этою „аравой“ и утомленнымъ солдатамъ не было худшаго наказанія, какъ помогать черводарамъ въ ихъ сизифовой работѣ. Отрядъ успѣвалъ уже придти на позицію, отдохнуть, разбить палатки, а аріергардъ все еще гдѣ-нибудь назади возился изъ-за одной упавшей лошади, или свалившагося съ кручи вьюка сухарей. Съ такимъ обозомъ предстоявшее намъ движеніе въ лѣса не могло не казаться рискованнымъ.

— А жарко будетъ сегодня, господа, сказалъ я собравшимся за закуской у нашего баталіонера Соймонова нѣсколькимъ офицерамъ.

— Что же-съ на то іюль мѣсяцъ; сюртучки снять мож-

но-съ, отвѣчаетъ покойный Соймоновъ, какъ будто не понимая, что̀ я понималъ подъ словомъ „жарко будетъ“.

Однако мы напрасно безпокоились. Осторожный князь Аргутинскій не любилъ напрасныхъ потерь, да и къ лѣсной войнѣ не привыкъ: онъ весь вѣкъ все въ горахъ воевалъ. Осмотрѣвъ такъ картинно раскинувшееся предъ нами ущелье, онъ счелъ за лучшее обойти его по гребню горъ, хоть бы и по худшимъ дорогамъ. И потянулись мы по какой-то тропинкѣ чрезъ Кошанъ-дагъ, и по открытымъ отрогамъ хребта, то спускаясь, то поднимаясь, поднялись на слѣдующую горную цѣпь и ночевали на Фухти-дагѣ.

16-го іюля отъ разсвѣта и до самаго почти вечера, двигались мы опять по какимъ-то горнымъ дорогамъ, то спускаясь чуть не въ преисподнюю, то опять взбираясь подъ облака; до перваго часа удушливый жаръ томилъ насъ до невозможности, а затѣмъ вдругъ наползли тучи и разразился ливень, не оставившій на насъ сухой ниточки. Баталіонъ нашъ былъ въ аріергардѣ и набрались мы муки ужасной: черводарскія лошади съ каждымъ днемъ становились слабѣе и не выдерживали горныхъ переходовъ.

Наконецъ дождь пересталъ, небо стало очищаться отъ тучъ, воздухъ сдѣлался такимъ чистымъ, живительнымъ, что даже измученныя клячи какъ будто легче стали выступать, а погонщики рѣже издавать свои дикіе покрики. Часовъ около шести вечера мы спустились на какую-то поляну, гдѣ отрядъ уже успѣлъ разбить лагерь, и ставъ на указанное намъ мѣсто, тоже начали снимать съ коней перемокшія палатки и вьюки—какъ вдругъ совершенно неожиданно почти совсѣмъ потемнѣло. Что̀ за диво: въ шесть часовъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ — ночь! Кинулись смотрѣть часы: всѣ, съ незначительными разницами, стоятъ около шести. Даже лагерный шумъ какъ будто стихъ. Всеобщее недоумѣніе разрѣшилось чрезъ нѣсколько минутъ, когда вдругъ вновь развиднѣло, солнце показалось еще въ полномъ блескѣ и мы вспомнили о предсказанномъ на 16-е іюля 1851 г. солнечномъ затмѣніи.

17-го числа взобрались мы опять на какую-то высоту Каргулъ-Капухъ и по скату ея у аула Куярыхъ стали лагеремъ. Вдали на высотахъ виднѣлись непріятельскіе пикеты, и такимъ образомъ мы, наконецъ, послѣ десяти дней утомительнаго похода, сблизились съ противникомъ. Окрестности Куярыха представляли довольно грустную выжженную солнцемъ картину; травы не было, да и воды немного. На фуражировъ, посланныхъ отъ лагеря версты за двѣ, напалъ непріятель, тотчасъ же атакованный съ одной стороны 2-мъ баталіономъ Ширванскаго полка, съ другой—драгунами и кубинскими милиціонерами. Горцы засѣли за камнями и ложбинами довольно крутой высоты, по которой ширванцы и полѣзли вверхъ. Намъ изъ лагеря отлично было видно все это дѣло, весь рядъ этихъ вспыхивавшихъ бѣлыхъ дымковъ, слышны были сигналы рожковъ, наконецъ „ура", и баталіонъ очутился наверху, а непріятель скрылся. Однако эта первая встрѣча, въ видѣ интродукціи, обошлась намъ не совсѣмъ дешево: три солдата были убиты, два офицера и 26 человѣкъ солдатъ ранены.

18-го числа отрядъ остался на мѣстѣ, а всѣхъ раненыхъ и больныхъ отправили уже пройденнымъ путемъ назадъ, въ укрѣпленіе Курахъ. Въ этотъ день къ намъ присоединились во множествѣ различные ханы, беки, аристократы-туземцы со своими конвоями и милиціями. Самымъ замѣтнымъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Юсуфъ-бекъ, управлявшій Кюринскимъ ханствомъ, слывшій за весьма искренно намъ преданнаго человѣка. Какъ братъ уведенной Гаджи-Муратомъ изъ Буйнака жены Шахъ-Вали, Юсуфъ-бекъ былъ особенно озлобленъ на мюридовъ, представителей чистаго демократизма, и потому вообще враждебныхъ всѣмъ высшимъ мусульманскимъ сословіямъ.

Свѣдѣнія о непріятелѣ получались между тѣмъ разнорѣчивыя. Одни говорили, что онъ будетъ держаться до крайней возможности, дабы, въ случаѣ успѣшнаго отраженія русскихъ войскъ, распространить возмущеніе; другіе увѣряли,

что Гаджи-Муратъ только обманываетъ табасаранцевъ и, видя невозможность успѣха, заботится о благополучномъ отступленіи со своими мюридами. Эти разнорѣчія вынуждали князя Аргутинскаго не предпринимать ничего рѣшительнаго и выжидать. На всякій же случай, чтобы непріятель не могъ безнаказанно уйти, предписано было 1-му баталіону Дагестанскаго полка, спѣшившему форсированными маршами изъ Чирьюрта на соединеніе съ отрядомъ, остановиться у укрѣпленія Чираха, откуда можно было удобно, при первомъ извѣстіи, броситься на перерѣзъ отступавшаго изъ Табасарани Гаджи-Мурата. Кстати вспоминаю здѣсь объ этомъ замѣчательномъ маршѣ 1-го баталіона: въ семь дней онъ пришелъ изъ Чирьюрта на рѣкѣ Сулакѣ къ Чираху, сдѣлавъ болѣе 215 верстъ по горнымъ, каменистымъ дорогамъ, съ полнымъ походнымъ вьюкомъ на плечахъ, въ іюльскіе жары, и оставивъ по дорогѣ заболѣвшими кажется *трехъ* человѣкъ изъ 750! Вотъ это суворовскіе походы, никого, однако, на Кавказѣ не удивлявшіе.

На нашей лагерной позиціи между тѣмъ, для разнообразія, непріятель предпринималъ безвредныя для насъ демонстраціи: то ночью вдругъ съ нѣсколькихъ высотъ раздавались по лагерю выстрѣлы, на которые мы не отвѣчали; то нѣсколько человѣкъ подкрадывались къ мѣсту, гдѣ лагерь бралъ воду, и изъ-за камней стрѣляли по людямъ; одного солдата такъ и убили тутъ. Строжайше было приказано не пускать людей поодиночкѣ, безоружныхъ, къ водѣ, а наряжать команды. По этому случаю вышла у насъ презабавная сцена. Только-что передали по ротамъ это приказаніе, а дежурный по отряду, одинъ изъ ширванскихъ штабъ-офицеровъ, получивъ сильную головомойку отъ командующаго войсками, бѣгалъ впопыхахъ по лагерю съ предвареніями не пускать людей къ водѣ: — смотримъ, нашъ солдатъ несетъ требуху отъ зарѣзанной скотины и пробирается, очевидно, къ водѣ мыть ее. Мы стояли въ эту минуту съ баталіонеромъ у палатки.

— Эй, ты, иди-ка сюда! кричитъ Соймоновъ солдату. Подходитъ.

— Ты куда это, миленькій, идешь?

— На воду, ваше высокоблагородіе, требуху помыть.

— Ахъ ты, такой-сякой, не слыхалъ приказанія? изъ-за васъ, скотовъ, тутъ отвѣчать приходится! Ординарецъ, возьми-ка у него эту требуху, да валяй-ка его по мордѣ.

Подбѣжавшій унтеръ-офицеръ беретъ мокрую требуху—и хлобъ ею бѣднаго солдатика разъ-другой по лицу, обливая его отвратительною вонючею жижицей... Кругомъ высыпали солдаты; всеобщій хохотъ. Сконфуженный обладатель гастрономическаго куска ретируется, вытирая полой шинели запачканную рожу. Уморительно!

Наконецъ, 21-го іюля рѣшено было идти и атаковать все еще остававшагося у аула Хошни Гаджи-Мурата. Чтобы еще болѣе облегчить предстоявшее движеніе по лѣсамъ, внушавшимъ осторожному и непривычному къ нимъ князю Аргутинскому большія опасенія, рѣшено было оставить отрядъ безъ палатокъ и облегчить до возможной степени обозъ, отославъ назадъ 400 вьюковъ. Въ это число включили почти всѣ офицерскіе вьюки, за исключеніемъ, конечно, штабныхъ. Этимъ счастливцамъ всѣ удобства, хорошій столъ и начальства, спокойный сонъ, когда другіе всю ночь мерзнутъ и мокнутъ въ цѣпи или секретѣ, имъ же за то — лучшія и, главное какъ можно скорѣе, награды...

Такимъ образомъ, мы остались уже совершенно налегкѣ; каждый изъ насъ могъ рѣшительно сказать: omnia mea mecum porto. Этотъ вьючный отрядъ рано утромъ выступилъ, подъ прикрытіемъ обоихъ драгунскихъ эскадроновъ, чрезъ Курахъ въ Чирахъ. Въ предстоявшихъ лѣсныхъ дѣлахъ кавалерія никакой пользы принести не могла и потому сочли возможнымъ отослать её.

Часа чрезъ полтора послѣ выступленія этого обоза, двинулся отрядъ чрезъ хребетъ Карпулъ-Канухъ къ auламъ Вечрикъ и Куркакъ. На высотахъ, впереди и по бокамъ,

видны были конные непріятельскіе аванпосты, которые дали нѣсколько выстрѣловъ и скрылись. Авангардный 2-й баталіонъ Ширванцевъ двигался почти безпрепятственно и безъ выстрѣла, вся же толпа по преимуществу пѣшаго непріятеля насѣла на нашъ 3-й баталіонъ Дагестанцевъ, занимавшій лѣвую цѣпь, и частію на аріергардный 1-й баталіонъ Ширванцевъ. Въ теченіи четырехчасоваго перехода то лѣсомъ, то открытыми мѣстами, по скверной узкой дорогѣ, горячая перестрѣлка не умолкала ни на минуту; но намъ благопріятствовала мѣстность въ томъ отношеніи, что мы двигались выше, а непріятель занималъ покатость, и пули его большею частію перелетали чрезъ наши головы; когда же онъ, понукаемый мюридами, придвигался ближе къ дорогѣ, его встрѣчали картечью, а резервныя роты бросались съ громкимъ *ура* въ штыки и отгоняли его опять по склону внизъ. Будь въ этомъ мѣстѣ нашими противниками чеченцы, они, конечно, не ограничились бы дѣйствіемъ съ боку, а преградили бы завалами дорогу и встрѣчали бы насъ одновременно съ фронта и съ фланговъ, что̀ дѣлало бы положеніе гораздо опаснѣе и стоило бы большихъ жертвъ.

Наконецъ мы вышли на обширную поляну къ упомянутымъ двумъ ауламъ, и хотя было еще очень рано, но отрядъ остановился, ибо дальше дорога пролегала еще болѣе густымъ лѣсомъ; къ тому же нужно было отдохнуть утомленнымъ войскамъ, двигавшимся подъ палящими лучами іюльскаго солнца, нужно было оправиться, пополнить патронныя сумки, а главное позаботиться о раненныхъ, которыхъ несли на рукахъ и не успѣли перевязать какъ слѣдуетъ. Потеря наша заключалась въ смертельно раненомъ офицерѣ нашего баталіона, прапорщикѣ Герасимѣ Аглинцовѣ (умершемъ чрезъ нѣсколько дней) и до 50 солдатъ убитыхъ и раненыхъ.

Расположились мы бивуакомъ на несжатыхъ, по преимуществу кукурузныхъ поляхъ. Всѣ торопились прилечь и вытянуть изморенные члены; солдаты, составивъ ружья въ козлы и скинувъ тяжелые ранцы, раскидывались на просторѣ среди

высокихъ стеблей. Мнѣ, какъ баталіонному адъютанту, однако не скоро еще можно было воспользоваться отдыхомъ: пришлось собрать свѣдѣнія о потеряхъ, о выпущенныхъ патронахъ, составить рапортъ и отнести въ отрядный штабъ, да десять разъ явиться на зовъ неугомоннаго баталіонера, для выслушанія его приказаній. Наконецъ, покончилъ и я свои обязанности и явился къ устроенному между тѣмъ однимъ изъ нашихъ ротныхъ командировъ шалашу изъ кукурузныхъ стеблей. Ни вьюковъ, ни деньщиковъ съ нами не было; являлся вопросъ, какимъ бы образомъ раздобыть стаканъ чаю. Но не успѣлъ я заговорить объ этомъ наиважнѣйшемъ дѣлѣ, какъ капитанъ Багизардовъ, командиръ 9-й мушкетерской роты, кликнулъ горниста и торжественно произнесъ: „возьми чайникъ и завари чаю, да живѣй!“

— Ахъ, благодѣтель вы нашъ, милый Степанъ Яковлевичъ! всю жизнь не забудемъ! раздалось нѣсколько голосовъ.

— То-то! вы всѣ, франты, мало еще походовъ по Дагестану сдѣлали; а мы, старики, уже всего испытали, и въ расплохъ насъ не захватишь; мы и безъ вьюковъ запасецъ найдемъ, и чаю выпьемъ, и водочки достанемъ, да и закусочку снарядимъ, произнесъ не безъ нѣкотораго тщеславнаго самодовольствія Багизардовъ.

— Господа, ура капитану 9-й роты!

Въ ожиданіи блаженной минуты, т. е. появленія мѣднаго чайника, мы вели оживленный разговоръ о событіяхъ дня, вспоминали эпизоды драки, спорили и—нужно признаться—вели разсчеты о будущихъ наградахъ.

— Однако, что̀ же чай?

— Горнистъ! что̀ же тамъ такъ долго варится? подавай скорѣе.

— Сейчасъ, ваше благородіе.

„Несутъ, несутъ!“ невольно вспомнилъ я Хлесткова.

Положили по куску сахару въ стаканы, наливаемъ—не идетъ. Засорилось горлышко, что ли? продули, пропустили соломенку—не идетъ. Заглянули въ чайникъ—что̀ за дьяволъ!

чаю нѣтъ, а какая-то гуща только виднѣется на днѣ. Что̀ же это такое? спрашиваемъ въ недоумѣніи.

— Эй, горнистъ! Ты что̀ же это сдѣлалъ? гдѣ же чай?

— Точно такъ, ваше благородіе: чай сварилъ.

— Какъ сварилъ?.. Что ты врешь?

— Точно такъ: вы приказали сварить, я и сварилъ.

Каковъ ударъ! зарѣзалъ человѣкъ совсѣмъ: взялъ всю четверку чаю, высыпалъ въ чайникъ, налилъ воды и далъ выкипѣть!.. Сварилъ, какъ крутую кашу.

Взбѣшенный капитанъ готовъ былъ уже кинуться съ кулаками на недоумѣвающаго, оторопѣвшаго горниста, но мы его удержали, разразились смѣхомъ и посыпали утѣшеніями. Пришлось еще разъ налить воды и дать закипѣть, такъ что чрезъ часикъ все-таки выпили стакана по два какой-то сѣрой жидкости, а для дальнѣйшаго похода рѣшились раздобыться чаемъ у извѣстнаго метръ-д'отеля князя Аргутинскаго, офицера изъ имеретинъ. Глахуна, съ которымъ я, благодаря грузинскому языку, былъ знакомъ. При этомъ было разсказано не мало анекдотовъ, аналогичныхъ съ настоящимъ случаемъ, и одинъ особенно презабавный—о томъ, какъ, сильно продрогши и проголодавшись, два наши офицера пріѣхали въ Моздокъ или Георгіевскъ на станцію и, не найдя тамъ ничего съѣстнаго, послали бывшаго съ ними вѣстового: „Бѣги скорѣе въ городъ, и вотъ тебѣ два гривенника: на одинъ купи бѣлаго хлѣба, на другой — молока". — „Слушаю-съ".—Проходитъ часъ нетерпѣливѣйшаго ожиданія. Наконецъ, вѣстовой возвращается. „Принесъ?"— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе." — „Это отчего?" — „Виноватъ, ваше благородіе: перемѣшалъ гривенники кой на хлѣбъ, кой на молоко."—Положимъ, это si non e vero... Но дѣйствительно попадались солдатики изъ бѣлоруссовъ или мордвы отъ природы тупые, къ тому же, при ученіяхъ въ резервныхъ баталіонахъ, палками дотого притупленные, что почти могли считаться идіотами и, пожалуй, перемѣшать гривенники.

Стемнѣло; пробили зорю; пропѣли „Отче нашъ"; бивуачный

шумъ и говоръ утихъ; я отправился въ штабъ за приказаніями.

Первое, что я тамъ узналъ, было непріятное извѣстіе—что, пока мы дрались съ пѣшими толпами, Гаджи-Муратъ послалъ свою конницу напасть на наши вьюки. Пользуясь растянутостью въ одинъ конь, мюриды ворвались въ средину и начали рубить фурштатовъ и деньщиковъ, но драгуны, невзирая на неудобную мѣстность, отбили непріятеля и изрубили нѣсколько человѣкъ, при чемъ барабанщикъ 1-го эскадрона отхватилъ голову знаменоносцу и взялъ значекъ. Однако нѣсколько верстъ дальше, въ лѣсу, на вьюки опять было сдѣлано нападеніе, и въ этотъ разъ драгуны уже не помогли; горцы изрубили до 30 человѣкъ деньщиковъ и фурлейтовъ, захватили до 50 вьюковъ и ушли. Это происшествіе очень опечалило бѣдное офицерство: у большинства все скромное имущество заключалось въ его вьючной лошади и вьюкѣ, въ которомъ и платье, и бѣлье, и прочій скарбъ хранился; завести все это вновь изъ скромнаго жалованья не легко. Нашъ баталіонъ оказался однако особенно счастливъ: ни одного офицерскаго вьюка у насъ не пропало; пострадали больше казенные, съ палатками.

Получивъ и передавъ приказаніе, по коему, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, отрядъ долженъ былъ выступить дальше, а нашему баталіону назначалось идти съ двумя орудіями въ аріергардъ, я вернулся въ шалашъ и легъ. Великолѣпная звѣздная тихая ночь покрывала бивуакъ, окрестныя лѣсистыя высоты въ волшебныхъ очертаніяхъ бросали на насъ свои тѣни, вдали тянулся красноватый дымъ—это горѣли зажженные нами по пути аульчики и хлѣбные скирды...

XXXIX.

22-го іюля было великолѣпное утро. Красное солнце поднималось отъ Каспія и грозило жаркимъ днемъ. На небѣ ни облачка, только дымъ двухъ ближайшихъ зажженныхъ ауловъ лѣниво тянулся къ лѣсу. Мы предчувствовали, что намъ предстоитъ бой горячѣе вчерашняго.

Пробили генералъ-маршъ. Солдаты, крестясь, становились въ ружье; на всѣхъ былъ отпечатокъ серьезной думы. Наконецъ, тронулся авангардъ, нѣсколько минутъ спустя одинъ за другимъ баталіоны Ширванцевъ, въ своихъ лоснившихся юфтовыхъ ранцахъ; потянулись вьюки, носилки съ ранеными, и когда все уже двинулось по дорогѣ, мѣсто бивуака опустѣло, раздался голосъ нашего командира Соймонова: „3-я гренадерская и 9-я роты налѣво въ цѣпь, 7-й и 8-й ротамъ, съ орудіями между ними, въ аріергардъ, да не растягиваться, соблюдать порядокъ и не стрѣлять безъ надобности, беречь патроны".—Пошли. Верстахъ въ двухъ, на возвышенности, показалась большая толпа съ самимъ Гаджи-Муратомъ, окруженнымъ конными мюридами и нѣсколькими значками; слышны были явственно напѣвы *ля-илля, иль-Алла*. Отступали они, дѣлая нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, еще версты двѣ; наконецъ, по мѣрѣ втягиванія отряда въ лѣсъ, все скопище свернуло влѣво и насѣло на Ширванцевъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ дороги былъ глубокій, густо заросшій лѣсомъ оврагъ, отъ котораго по покатости было навалено нѣсколько рядовъ срубленныхъ деревьевъ, и изъ-за нихъ-то началась жаркая пальба и по авангарду, и особенно по разсыпанному въ лѣвой цѣпи 1-му баталіону Ширванцевъ. Пришлось остановиться. Огонь все усиливался, уже слышались крики *ура*; мы сближались къ мѣсту боя. Прискакалъ одинъ изъ адъютантовъ командующаго войсками съ приказаніемъ: всѣмъ вьюкамъ, подъ прикрытіемъ нашихъ двухъ ротъ, свернуть вправо отъ дороги въ рѣдколѣсье, а двумъ другимъ ротамъ съ орудіями усилить лѣвую цѣпь и примкнуть къ 1-му Ширванскому баталіону.

Соймоновъ приказалъ мнѣ проскакать впередъ и заворачивать вьюки. Когда всѣ они перешли въ указанное мѣсто, гдѣ я увидѣлъ и князя Аргутинскаго въ шапкѣ съ наушниками (онъ не могъ выносить гула пушечныхъ выстрѣловъ), со всѣмъ его штабомъ и конвоемъ,—наши 7-я и 8-я роты прикрыли это мѣсто, а я возвратился опять черезъ дорогу къ цѣпи.

Нѣсколько попытокъ Ширванцевъ выбить горцевъ изъ ближайшихъ къ дорогѣ заваловъ не имѣли успѣха. Какъ только люди бросались въ лѣсъ, крутая покатость мѣшала твердости хода, залпы въ упоръ вырывали переднихъ изъ рядовъ, нѣкоторыхъ ближайшихъ горцы схватывали за штыки и стаскивали къ завалу, а вслѣдъ за тѣмъ на верхъ летѣли отрубленныя головы... Раненые тоже скатывались внизъ и подвергались той же участи.

Между тѣмъ наши двѣ роты загнули немного лѣвымъ плечомъ впередъ и начали стрѣлять во флангъ заваловъ, что̀ заставило горцевъ отдѣлить часть людей противъ насъ, и они, выйдя изъ оврага, разсыпались по густому хлѣбу, покрывавшему бывшую предъ нами поляну, и открыли частый огонь.

Такъ прошло съ добрыхъ полчаса; дѣло оставалось въ томъ же положеніи; къ счастью, и въ этотъ разъ непріятель сосредоточился весь съ одной стороны, оставивъ безъ всякой хоть бы только демонстраціи правую сторону дороги, гдѣ весь, все еще значительный обозъ и штабъ прикрывались только нашими двумя ротами. Наконецъ, къ самому центру боя сосредоточили шесть орудій, и, послѣ десятка залповъ картечными гранатами по заваламъ, лихія ширванскія роты съ крикомъ *ура* бросились внизъ. Раздались крики *Алла, Алла,* по лѣсу пошелъ какой-то гулъ, и трескъ, и стонъ, *ура* все неслось сильнѣе и сильнѣе въ глубь оврага, бывшія предъ нами кучки тоже бросились назадъ, провожаемыя нашими пулями, и чрезъ какихъ-нибудь 15—20 минутъ все стихло. Ошеломленныя, побитыя толпы бросились изъ заваловъ на другую сторону оврага въ чащу, и уже никакая сила не могла остановить бѣгства...

Путь былъ очищенъ. Ширванцы стянулись обратно на дорогу, и отрядъ двинулся впередъ. Кратковременный бой этотъ стоилъ намъ трехъ офицеровъ и до 80 нижнихъ чиновъ. Отличный офицеръ Ширванскаго полка штабсъ-капитанъ Желтухинъ палъ на мѣстѣ, сраженный пулей въ голову.

Засвѣтло, не тревожимый болѣе непріятелемъ, отрядъ достигъ аула Хошни.

Еще наканунѣ табасаранцы, потерявшіе въ перестрѣлкѣ съ нами нѣсколько десятковъ человѣкъ и нѣсколько сожженныхъ ауловъ, пристали къ Гаджи-Мурату съ упреками, что онъ все ихъ высылаетъ впередъ драться съ русскими, а своихъ мюридовъ держитъ сзади, внѣ выстрѣловъ; что они потеряли много людей, потерпѣли разореніе, но результата не видятъ. Гаджи-Муратъ, не очень-то полагавшійся на новыхъ прозелитовъ мюридизма, и видѣвшій, что, какъ боевой элементъ, они далеко не то, что его аварцы, само собою, берегъ прибывшихъ съ нимъ нѣсколько сотъ мюридовъ, какъ единственную силу, на которую въ крайнемъ случаѣ можно было опереться, и держалъ ихъ въ резервѣ. Чтобы однако удовлетворить заявленнымъ жалобамъ табасаранцевъ и ободрить ихъ къ дальнѣйшему сопротивленію, онъ отвѣтилъ, что завтра, т.-е. 22-го числа, его мюриды будутъ впереди, и покажутъ, какъ слѣдуетъ драться съ гяурами.

И дѣйствительно, въ этотъ день большая часть партіи Гаджи-Мурата участвовала въ дѣлѣ за завалами, что̀ и было причиной относительнаго ожесточенія вышеописаннаго боя. Но такъ какъ результатъ и въ этотъ разъ оказался не въ пользу ихъ, и, понеся значительную потерю, табасаранцамъ вмѣстѣ съ мюридами пришлось удирать отъ огня нашихъ орудій и штыковъ Ширванцевъ, то раздумье наконецъ охватило болѣе разсудительныхъ. Они смекнули, что Гаджи-Муратъ со своими пришельцами уберется въ свои горы, а они останутся единственными отвѣтчиками предъ русскими и должны будутъ вынести всю тягость заслуженнаго наказанія. Поэтому всѣ старшины возмутившихся ауловъ, тотчасъ послѣ пораженія 22-го числа, отправили къ Гаджи-Мурату депутацію, съ порученіемъ объявить ему, что изъ всѣхъ обѣщаній его ничего не вышло, кромѣ разоренія и гибели людей, что до его прихода они жили спокойно и въ довольствѣ, а теперь имъ грозитъ гибель, и что они не видятъ

другого исхода, какъ покориться и просить пощады у непобѣдимыхъ русскихъ.

Гаджи-Муратъ окончательно увидѣлъ, что никакого успѣха въ затѣянномъ дѣлѣ ожидать нельзя, и что самое лучшее—поскорѣе спасаться, пока, чего добраго, жители не перейдутъ на русскую сторону и сами не заградятъ ему отступленія. Продержавъ депутацію подъ разными предлогами до поздняго вечера, онъ отпустилъ ее, обѣщавъ на утро явиться для личныхъ объясненій и совѣщаній со старшинами, а между тѣмъ ночью незамѣтно снялся съ своей позиціи и ушелъ чрезъ Джуфу-Дагъ.

Расположенные по горамъ на границѣ своего ханства Казикумухцы, замѣтивъ движеніе партіи, тотчасъ дали знать объ этомъ только-что прибывшему къ укрѣпленію Чирахъ 1-му баталіону Дагестанскаго полка, о замѣчательномъ суворовскомъ походѣ коего я говорилъ выше. Баталіонный командиръ подполковникъ Козляниковъ (объ немъ я сообщу въ другомъ мѣстѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній), оставивъ свои тяжести при одной ротѣ возлѣ укрѣпленія, съ остальными тремя ротами бросился бѣгомъ на встрѣчу Гаджи-Мурату, котораго и встрѣтилъ у Эмоха. Горцы съ обнаженными шашками бросились на нашихъ въ атаку, желая прочистить себѣ дорогу, но встрѣченные убійственнымъ залпомъ, шарахнулись назадъ. Оправившись, они съ дикими криками повторили атаку, но наши роты, подпустивъ ихъ на какую-нибудь сотню шаговъ, опять дали убійственный залпъ и съ крикомъ *ура* двинулись впередъ. Тогда мюриды вынуждены были кинуться въ сторону, въ оврагъ, и искать спасенія въ бѣгствѣ, въ разсыпную. Преслѣдовать утомленными пѣшими людьми конныхъ не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что уже начинались сумерки, и потому Козляниновъ велѣлъ бить сборъ, и собравъ людей, потянулся назадъ къ Чираху. Въ рукахъ нашихъ молодцовъ осталось 120 лошадей, много добычи изъ награбленной горцами въ Буйнакѣ и Табасарани, плѣнная жена убитаго Шахъ-Вали, ея служанка и одинъ ребенокъ, да во-

семь плѣнныхъ мюридовъ. — Случись тутъ хоть одинъ эскадронъ драгунъ, Гаджи-Муратъ и его партія погибли бы, безъ сомнѣнія, до единаго. Но драгуны отдыхали въ Курахѣ, и самый прекрасный случай отличиться отъ нихъ ускользнулъ.

Остатки разбитой партіи пробрались между Чирахомъ и Рычи и пустились къ Самуру. Въ одномъ мѣстѣ ихъ встрѣтилъ рутульскій наибъ съ своею милиціей, но она струсила, или, вѣрнѣе, не захотѣла драться противъ единовѣрцевъ. 25-го числа еще разъ встрѣтилъ уже весьма порѣдѣвшую партію помощникъ самурскаго окружнаго начальника ротмистръ Македонскій съ пятью сотнями милиціонеровъ и заградилъ ей путь. Гаджи-Муратъ, у котораго уже оставалось всего около 300 человѣкъ (половина, потерявшая лошадей, разсѣялась и пробиралась горами), выхватилъ шашку и какъ разъяренный тигръ бросился впереди своихъ удальцовъ. Милиціонеры дали залпъ, но не устояли, и партія пронеслась дальше, потерявъ съ десятокъ убитыхъ, двухъ плѣнныхъ и до двадцати лошадей. У милиціонеровъ оказалось до 40 человѣкъ потери, вѣрно изъ людей, высланныхъ впередъ въ видѣ аванпоста.

Это была послѣдняя встрѣча, послѣ которой Гаджи-Муратъ, самъ раненый, уже безпрепятственно достигъ Аваріи, дорого поплатившись за смѣлый набѣгъ и мѣсячное пребываніе въ нашихъ предѣлахъ.

Отрядъ между тѣмъ остановился у Хошни. Сюда явились уже нѣкоторые изъ возмутившихся жителей съ покорностью, умоляя о пощадѣ. 23-го и 24-го мы сдѣлали еще небольшіе переходы впередъ по Табасарани, не разоряя ауловъ, и все населеніе окончательно явилось съ повинною. Князь Аргутинскій объявилъ имъ прощеніе, потребовавъ только расчистки широкой просѣки въ лѣсу по пройденному отрядомъ пути. *Обѣщаніе*, конечно, было дано безпрекословно; исполненія же не послѣдовало *)...

*) Впослѣдствіи, кажется въ 1855 или 56 году, въ Табасарань былъ посланъ съ отдѣльной колонной начальникъ штаба войскъ Прикаспійскаго

26-го іюля отрядъ двинулся обратно, не встрѣчая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, и 30-го мы возвратились на знакомыя Гамашинскія высоты. Здѣсь мы узнали, что въ наше отсутствіе, 11-го іюля, Шамиль со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ атаковалъ отрядъ генералъ-маіора Грамматина, а чтобы не допустить къ нему подкрѣпленія отъ двухъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Казикумухѣ, послалъ на ведущую туда дорогу другую партію для демонстрацій. Въ обоихъ Апшеронскихъ баталіонахъ съ двумя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, составлявшихъ отрядъ Грамматина, было не болѣе полутора тысячъ человѣкъ, и имъ приходилось выдерживать натискъ тройного непріятеля, на сторонѣ коего была еще та выгода, что онъ владѣлъ всѣми командующими высотами. Но Апшеронцы, оставивъ двѣ роты и казаковъ для прикрытія своего лагеря и тяжестей, остальными шестью ротами заняли болѣе удобныя для защиты мѣста и почти цѣлыя сутки съ успѣхомъ отбивались отъ атакъ, пока къ нимъ не подошелъ наконецъ изъ Кумуха 1-й баталіонъ Самурскаго полка съ двумя орудіями, разсѣявшій по дорогѣ демонстрировавшую тамъ партію. Шамиль вынужденъ былъ оставить свое предпріятіе и отступить съ значительною потерей. Апшеронцы отдѣлались, кажется, пятидесятью человѣками убитыхъ и раненыхъ и потеряли одного офицера.

Это былъ чрезвычайно важный успѣхъ, ибо въ случаѣ разбитія этого отряда, Шамилю открывался свободный путь въ Акушу, и разбросанныя мелкими частями на огромномъ протяженіи войска не въ состояніи были бы оказать ему нигдѣ достаточнаго сопротивленія; а при этихъ условіяхъ и при отсутствіи командующаго войсками въ Табасарани, могло послѣдовать возмущеніе большинства жителей, что̀ въ свою очередь поставило бы и насъ, ушедшихъ такъ далеко отъ всякихъ опорныхъ пунктовъ, въ весьма критическое положеніе.

края полковникъ Радецкій (извѣстный нынѣ защитникъ Шипки) собственно для расчистки просѣки и разработки дорогъ, и все обошлось мирно, безъ драки.

Благодаря стойкости и мужеству генерала Грамматина *), стараго служаки временъ ермоловскихъ, и старыхъ молодцовъ Апшеронцевъ, все обошлось благополучно.

2-го августа получено было положительное извѣстіе, что Шамиль, послѣ неудачной атаки на Апшеронцевъ, возвратясь къ Ругджѣ, все время держалъ свои скопища въ сборѣ; но когда узналъ о плачевномъ исходѣ экспедиціи Гаджи-Мурата, распустилъ все сборище по домамъ и самъ уѣхалъ въ свою резиденцію Ведень.

Вслѣдствіе этого, баталіоны изъ нашего отряда были направлены на назначенные имъ по диспозиціи оборонительные пункты, а самъ князь Аргутинскій, серьезно между тѣмъ заболѣвшій, отправился 3-го августа въ Шуру, взявъ съ собою нашъ 3-й баталіонъ.

Всю дорогу пришлось нести сильно больного на носилкахъ, для чего отъ баталіона наряжалась особая команда, завѣдываніе коей Соймоновъ поручилъ мнѣ, съ настойчивымъ постоянно повторяемымъ внушеніемъ, чтобы все было въ порядкѣ, чтобы люди шли въ ногу, чтобы ихъ чаще мѣнять и т. д. Такимъ образомъ, я весь этотъ длинный путь, кажется въ теченіе пяти дней, сдѣлалъ пѣшкомъ у носилокъ. Лицо больного осунулось, глаза были какіе-то безжизненные, все устремленные въ одну точку, губы отвисли; это былъ первый припадокъ паралича, отъ котораго, года чрезъ три впрочемъ, князь Аргутинскій и скончался.

Сдѣлавъ въ Шурѣ дневку, мы отправились 10-го августа въ свою штабъ-квартиру Ишкарты, гдѣ сильно обносившійся, болѣе года бывшій въ походѣ баталіонъ долженъ былъ обмундироваться и привести себя въ порядокъ.

Осьмнадцатидневное пребываніе въ нашей унылой штабъ-квартирѣ, такъ удачно названной монастыремъ, прошло въ

---

*) Грамматинъ, Алексѣй Петровичъ, артиллеристъ, всю службу съ чина прапорщика провелъ на Кавказѣ, еще во время Ермолова, былъ впослѣдствіи начальникомъ центра Кавказской линіи; очень хорошій, добрый человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ; умеръ въ 60-хъ годахъ.

мелкихъ, неинтересныхъ хожденіяхъ изъ полковой канцеляріи въ швальню, изъ швальни въ ротные цейхгаузы и т. п. Одинъ разъ только оно было прервано интересною поѣздкой на лежащія невдалекѣ Гимринскія высоты. Не помню уже по какому случаю, туда была послана небольшая колонна, къ которой я и примкнулъ, чтобы полюбоваться видомъ, о которомъ много слышалъ. Довольно сносная дорога пролегала отъ Ишкарты, верстъ съ десять все въ гору, чрезъ развалины большого аула Каранай къ обрыву, крутому, скалистому, у подножія коего, на берегу бурлящаго Койсу, на небольшой полянкѣ виденъ знаменитый на Кавказѣ аулъ Гимры — знаменитый, вопервыхъ, потому, что онъ былъ взятъ штурмомъ отрядомъ барона Розена въ 1831 году, причемъ погибъ извѣстный Кази-Мулла, вовторыхъ, какъ родина Шамиля.—Видъ съ этого обрыва дѣйствительно поразительный: горные хребты, одинъ выше другого, какъ бы нагромождены одинъ на другой; подъ вами мрачная пропасть, въ которой едва виднѣется аулъ, да кое-гдѣ отсвѣчиваетъ рѣка; затѣмъ эта масса громадъ самыхъ разнообразныхъ очертаній и цвѣтовъ, то сѣрыхъ, то зеленѣющихъ, то снѣговыхъ. Все вмѣстѣ какъ-то грозно, величаво, производитъ подавляющее впечатлѣніе. Сила впечатлѣнія увеличивалась тогда еще въ зрителѣ мыслью, что это впереди лежащее пространство и есть тотъ ужасный, недающійся намъ заколдованный міръ, захваченный крѣпкими руками Шамиля; что тамъ, среди этихъ горъ и трущобъ, нѣтъ почти мѣста, гдѣ не лилась уже кровь русская; что тамъ-то и есть Ахульго, Ашильта, Цатаныхъ, Зыраны и еще много другихъ, добытыхъ русскими штыками неприступныхъ орлиныхъ гнѣздъ, и снова потерянныхъ; что тамъ опять рано или поздно ждетъ насъ тотъ же кровавый пиръ, что тамъ совершались тѣ знаменитые въ лѣтописяхъ Кавказской войны геройскіе подвиги, о которыхъ намъ, новымъ солдатамъ, столько разсказывалось...

Обыкновенный зритель, стоя на гимринскомъ обрывѣ, можетъ любоваться рѣдкими, поразительными видами, особенно если

онъ еще не свыкся съ картинами дикой горной природы; но испытывать такія впечатлѣнія, волноваться такими чувствами, какія испытывалъ я, въ первый разъ очутившись на этомъ мѣстѣ,—могъ только участникъ новаго періода Кавказской войны — періода, начатаго послѣ несчастной экспедиціи князя Воронцова лѣтомъ 1845 года, и вообще человѣкъ достаточно знакомый съ исторіей минувшихъ кровавыхъ событій.

Наконецъ, баталіонъ былъ обмундированъ, обшитъ, люди, отдохнули, отъ всѣхъ отдавало коммиссаріатскимъ запахомъ юфти, новаго сукна и холста.

17-го числа вечеромъ, Соймоновъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что полковому командиру угодно, чтобы я, какъ поручикъ, готовился въ ротные командиры и для этого занялся фронтовой службой, поэтому сдалъ бы должность адъютанта другому, а самъ поступилъ субалтерн-офицеромъ въ 9-ю роту къ капитану Багизардову.

— Мы съ вами отмахали славный походъ-съ, прибавилъ покойникъ Илья Алексѣевичъ; — все начальство баталіономъ довольно-съ; безъ наградишекъ не останемся. Завтра Павелъ Николаевичъ осмотритъ баталіонъ-съ, а 19-го числа выступимъ въ Шуру-съ, караулы занимать-съ.

На этомъ кончилась моя кратковременная адъютантская должность. Приходилось поступать въ новую науку и я не безъ смущенія подумывалъ о предстоявшемъ на другой день смотрѣ и моемъ дебютѣ въ строю. Я поспѣшилъ къ капитану Багизардову, явился въ качествѣ подчинённаго, хотя у насъ отъ субалтерновъ въ отношеніи ротныхъ командировъ, по издавна вкоренившимся обычаямъ, строгой подчиненности не требовалось. Я передалъ ему о предстоящемъ смотрѣ и моихъ опасеніяхъ. Но онъ меня успокоилъ увѣреніемъ, что смотръ будетъ преимущественно хозяйственный, будетъ относиться главнѣйше до мундировъ и аммуниціи, и что поэтому субалтернъ-офицерамъ придется только присутствовать, въ качествѣ зрителей.

И дѣйствительно, 18-го числа, полковой командиръ пере-

бралъ чуть не весь баталіонъ по одиночкѣ, осматривая пригонку вещей, сапоги, ранцы и проч. За тѣмъ, поблагодаривъ баталіонера и ротныхъ командировъ за отличное состояніе баталіона, пропустилъ насъ „справа по отдѣленіямъ“, пожаловалъ людямъ по чаркѣ водки, раздалось „покорно благодаримъ ваше высокоблагородіе!“ и баталіонъ ушелъ съ плаца. А 19-го числа, часу въ 10-мъ утра, еще разъ осмотрѣнные, мы выступили въ Шуру, провожаемые женскимъ населеніемъ Ишкарты, предъ которымъ ротные пѣсенники постарались лихо затянуть свои: „сѣни, мои сѣни, сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!“ съ акомпаниментомъ барабана, бубна, ложекъ и приплясной ложечника.

Когда мы поднялись на гору и оставшіяся за нами въ лощинѣ сѣрыя земляныя крыши штабъ-квартиры стали исчезать, я почувствовалъ облегченіе, какъ будто вырвался изъ заточенія на свободу. Человѣкъ нерѣдко, безъ видимой причины, чувствуетъ антипатію къ другому человѣку; у меня бывала такая антипатія и къ нѣкоторымъ мѣстамъ. Къ этому разряду на Кавказѣ принадлежали Ишкарты и еще нѣкоторыя другія, о которыхъ придется говорить позже.

Въ Шурѣ мы простояли три недѣли, занимаясь хожденіемъ въ караулъ; при этомъ мнѣ поочереди пришлось нѣсколько разъ быть „визитиръ-рундомъ“, т. е. обязаннымъ обходить всѣ караулы и посты, повѣряя ихъ исправность. Ночью, особенно въ скверную погоду, это было сущее наказаніе; часовые разставлялись кругомъ по валу, которымъ Шура, какъ и всякая штабъ-квартира, была обнесена; протяженіе въ окружности составляло нѣсколько верстъ. Въ потемкахъ, по невылазной грязи, по ямамъ, рытвинамъ, всякимъ колдобоинамъ, подъ проливнымъ дождемъ, или снѣгомъ, при пронзительномъ вѣтрѣ, два раза за ночь совершить сонному такое путешествіе тоже составляло своего рода подвигъ. Большинство офицеровъ ограничивалось однимъ разомъ, иные и вовсе не ходили, полагаясь на унтеръ-офицеровъ и

заходя только на гауптвахту расписаться въ книгѣ, что въ такомъ-то часу обошелъ и нашелъ все исправно; но я не рисковалъ: на грѣхъ мастера нѣтъ, и ну, думаю себѣ, вдругъ, какъ на зло, случится какое-нибудь происшествіе и окажется, что я не ходилъ повѣрять постовъ — вѣдь подъ судъ отдадутъ? Къ счастію, за все это время въ Шурѣ стояла хорошая погода и визитиръ-рундство не такъ было тяжело, какъ пришлось мнѣ его испытать немного послѣ, въ самое мерзѣйшее время года, въ Ишкартахъ.

Къ 19-му сентября возвратились въ Шуру Апшеронцы, остававшіеся на Гамашинскихъ высотахъ, и нашему баталіону приказано выступить въ Большія Казанищи на зимнія квартиры.

XL.

Большія Казанищи, одинъ изъ значительнѣйшихъ ауловъ Шамхальскаго владѣнія, расположенъ всего верстахъ въ шести отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Выше его, по теченію небольшого ручья, лежитъ другой аулъ Малые Казанищи, отъ котораго начинается лѣсистый отрогъ, служившій источникомъ снабженія Шуры дровами, углемъ, лѣснымъ строительнымъ матеріаломъ и проч. Въ этомъ лѣсу, занятомъ Кази-Муллой въ разгарѣ его дѣятельности (1830—31 г.) на урочищѣ Чумкескентъ было имъ устроено нѣчто въ родѣ укрѣпленія, въ коемъ онъ и засѣлъ съ толпой первыхъ мюридовъ. Отсюда онъ предполагалъ поддерживать свою пропаганду среди населенія Шамхальской плоскости и безпрерывно тревожить наши, въ то время весьма малочисленныя, войска, не имѣвшія прочно обезпеченныхъ сообщеній. Этотъ Чумкескентъ былъ однако взятъ штурмомъ нашими молодцами 42-го егерскаго полка, въ 1831 году, подъ командой отважнѣйшаго и распорядительнѣйшаго командира полковника Миклашевскаго, тутъ же, къ несчастію, убитаго. Миклашевскій былъ настолько извѣстенъ и грозенъ туземному населенію, что смерть его возбудила особую радость, и вѣсть о гибели „*кара*-пулков-

ника“ (чернаго, онъ былъ брюнетъ) разнеслась быстро. Мюриды тоже потеряли много людей и спаслись бѣгствомъ чрезъ хребетъ въ Гимры.

Въ этомъ лѣсу былъ устроенъ уже нами впослѣдствіи другой редутъ Агачь-кале, въ которомъ находилась постоянная команда Апшеронскаго полка, въ видѣ прикрытія дровосѣковъ, угольщиковъ и проч., что̀, впрочемъ, не мѣшало мелкимъ хищническимъ шайкамъ нерѣдко производить удачныя экскурсіи, убивать или захватывать въ плѣнъ одиночныхъ солдатъ, угонять лошадей и т. п.

Жители обоихъ Казанищъ, вслѣдствіе близости Шуры и постоянныхъ сношеній съ русскими войсками, имѣли видъ самаго мирнаго, покорнаго, дружелюбнаго населенія. Батальоны, поочереди здѣсь зимовавшіе, размѣщались по саклямъ жителей, очищавшихъ на это время нѣкоторые дома совсѣмъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣляли половину какою-нибудь перегородкой.

По приходѣ баталіона въ Казанищи, всѣмъ были указаны квартиры. Мнѣ досталась третья со въѣзда въ аулъ. Одноэтажная сакля съ навѣсомъ, поддерживаемымъ шестью деревянными столбами, дѣлилась на четыре комнаты, если можно назвать этимъ именемъ подобныя жилья; одну изъ нихъ занялъ я; длинная, въ видѣ амбара, она была выбѣлена, а внизу обведена широкою полосой красноватаго цвѣта; полъ смазанъ глиной, превращавшеюся подъ нашими сапогами въ мелкую пыль; потолокъ подбитый пучками камыша; двери замѣнялись двумя тяжелыми дубовыми досками, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было плотно притворить; куры, собаки находили у меня свободный пріютъ; былъ у меня каминъ, нѣсколько полокъ съ разнокалиберною посудой, даже два какихъ-то тусклыхъ зеркала, привѣшанныхъ подъ самымъ почти потолкомъ. Во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ саклями моихъ старыхъ друзей горцевъ Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, даже кахетинцевъ и элисуйскихъ татаръ, сакля шамхальца оказалась весьма приличною, опрятнюю и

служила признакомъ благосостоянія. Отъ всей души желалъ бы, чтобы все русское деревенское населеніе когда-нибудь обладало такими жилищами и проводило жизнь среди такой матеріальной обстановки...

Благодаря моему знанію татарскаго языка, а еще болѣе азіятскихъ обычаевъ, я съ первыхъ же дней сталъ къ хозяевамъ въ наилучшія отношенія. Ни я, ни мой неизмѣнный Давыдъ, конечно, не позволяли себѣ никакихъ нескромностей или неприличій въ отношеніи къ женскому персоналу; то же было строжайше приказано и деньщику моему; за всякую мелочь я расплачивался, а дѣтей угощалъ сахаромъ. Ко мнѣ не собирались компаніи, шумно проводившія вечера за картами и выпивкой; тишина, спокойствіе и порядокъ—все это внушало хозяевамъ даже нѣкоторый родъ удивленія, и они никакъ не хотѣли вѣрить словамъ моего Давыда, что я русскій... Они, къ крайнему сожалѣнію, составили себѣ не совсѣмъ лестное понятіе объ насъ, потому что большинство не прочь было зашибаться хмѣлемъ и побезобразничать; а между солдатами случались и воришки, и буяны, и сквернословы. Мусульманинъ — своего рода пуританинъ: трезвый, приличный, не допускающій никакого безобразія, горделиво и съ достоинствомъ всегда себя держащій, онъ презрительно относится къ нѣкоторой распущенности нашихъ нравовъ, къ слишкомъ свободному отношенію съ женщинами и т. п. Если прибавить къ этому религіозную ненависть, затаенную вражду къ побѣдителю и страхъ предъ грозною силой, то неудивительно, что никакимъ расположеніемъ мы не пользовались даже здѣсь, въ шести верстахъ отъ центра нашего управленія, во владѣніи Шамхала—нашего генералъ-лейтенанта и стариннаго покорнаго слуги русской власти. Читатель не долженъ однако забывать, что мой разсказъ касается дѣлъ давно минувшихъ, что и въ описываемое мною время уже многое было гораздо лучше, чѣмъ десять-пятнадцать лѣтъ до того, и что взгляды туземцевъ установились еще ранѣе, когда составъ войскъ былъ переполненъ многими элементами гораздо

худшаго качества. По мѣрѣ развитія просвѣщенія, по мѣрѣ улучшенія нравовъ въ самомъ русскомъ обществѣ, измѣнялся, само собою, къ лучшему и составъ войскъ, что̀ не могло не повліять на измѣненіе понятій туземцевъ. Если это не подѣйствовало на смягченіе враждебности къ намъ, что̀ доказывается кавказскими событіями 1877 года, то причинъ нужно искать уже въ другомъ направленіи. Но объ этомъ говорить здѣсь не приходится: я и то слишкомъ часто отвлекаюсь отъ прямой цѣли—передавать воспоминанія о моей кавказской жизни и службѣ.

Жизнь въ Казанищахъ проходила для меня въ невыносимой скукѣ; служебныхъ обязанностей никакихъ, если не считать пустой формальности разъ въ недѣлю быть дежурнымъ по баталіону; чтеніе и писаніе не могли занять много времени: первое стѣснялось недостаткомъ книгъ, второе—отсутствіемъ матеріала, или, лучше сказать, непривычкой и неподготовкой. Тогда-то я и взялся, впрочемъ впервые, за составленіе моихъ воспоминаній, впослѣдствіи напечатанныхъ въ *Современникѣ* 1854 года.

Ѣзжалъ я иногда верхомъ въ Шуру, съ непремѣннымъ приказаніемъ баталіоннаго командира къ вечеру возвратиться обратно, что и исполнялось мною аккуратно. Одинъ разъ—помню живо и теперь еще — такая поѣздка сопровождалась траги-комическимъ приключеніемъ. Хотя до Шуры было очень близко, и отъѣхавъ отъ Казанищъ не болѣе полуверсты, ее уже можно было видѣть, однако все же нельзя было считать этотъ переѣздъ совсѣмъ безопаснымъ. Не только два-три горца изъ непокорныхъ могли удобно нападать на одиночныхъ людей, но и свои жители, подъ видомъ непокорныхъ, могли соблазниться; а узнать ихъ, одинаково одѣтыхъ, не было возможности. Поэтому мы ѣздили съ конвоемъ въ 5—6 человѣкъ солдатъ, и чтобы сократить скучную ѣзду съ пѣшими людьми, отправляли ихъ впередъ, затѣмъ догоняли, проѣзжали вмѣстѣ съ версту, и опять уѣзжали впередъ уже почти въ виду часовыхъ у воротъ Шуры.

Одинъ разъ, въ сѣрый дождливый день, я и поѣхалъ въ Шуру. Бывшему съ пятью рядовыми въ прикрытіи унтеръ-офицеру я приказалъ въ пять часовъ пополудни выйти за шуринскія ворота, куда и я къ тому часу выѣду; если же бы я немного опоздалъ, то позволялъ ему идти не спѣша въ Казанищи, а я догоню его.

Заболтавшись что ли у знакомыхъ Апшеронцевъ, я сѣлъ на коня когда уже почти совсѣмъ смерклось и поспѣшилъ къ воротамъ, а то вѣдь какъ стемнѣетъ, и не выпустятъ. Спросилъ у часового про команду; оказалось, что она уже давно ушла. Я погналъ рысью; но дорога была скользка, у лошади ноги безпрерывно расползались; пришлось уменьшить шагъ, чтобы не шлепнуться съ конемъ вмѣстѣ. А дождикъ какъ-то особеннымъ осеннимъ образомъ сѣялъ; темень, усиленная туманомъ, была непроглядная; соблюсти тишину никакъ нельзя было, потому что лошадь и фыркала, и ногами по грязи шлепала. Мнѣ стало жутко. И въ который разъ уже приходилось бранить себя за непонятную глупость пускаться безъ конвоя! Какъ будто я не могъ заночевать въ Шурѣ и явиться на утро съ извиненіемъ?..

Проѣхалъ я версты двѣ или три; но при томъ настроеніи, въ которомъ я тогда находился, мнѣ казалось, что уже давно бы пора и аулу быть. Я все подталкивалъ коня, осторожно ступавшаго и какъ бы тоже чувствовавшаго тревожное настроеніе; — вдругъ онъ разомъ уперся ногами, навострилъ уши... Я сталъ вглядываться въ темень, и, послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ секундъ, замѣтилъ что-то бѣлѣющееся, движущееся съ лѣвой стороны дороги. Что дѣлать? кромѣ шашки, никакого оружія; уходить, но куда—впередъ, назадъ, или въ сторону? а сердце между тѣмъ стучитъ молотомъ и кровь то прильетъ, то отхлынетъ... Я рѣшился продолжать путь впередъ; тронулъ коня, проѣхалъ съ сотню шаговъ, слышу легкій свистъ и вижу уже явственнѣе движеніе чего-то бѣлаго. Я опять остановился, замеръ и жду... Бѣлое ближе, свистъ повторяется. Лошадь моя начинаетъ храпѣть,

я невольно начинаю вытаскивать шашку изъ ноженъ, я уже окончательно вижу неизбѣжность гибели и думаю только, какъ бы не даться живымъ; а сердце стучитъ, и нервная дрожь по всему тѣлу мучительно работаетъ... Вотъ уже, кажется, сейчасъ подходитъ опасность, вотъ бросятся на меня два-три человѣка, у меня мелькаетъ въ головѣ именно въ эту минуту вспомнившееся, когда-то давно читанное римское правило: на одного и на двухъ нападать, отъ трехъ и четырехъ защищаться, а бѣжать позволяется только отъ пятерыхъ, и — думаю — если ихъ только двое, не поступить ли въ самомъ дѣлѣ по-римски и вдругъ ринуться съ шашкой и гикомъ, — въ этотъ мигъ я вдругъ явственно слышу: „шарикъ, шарикъ“ и затѣмъ легкій свистъ. Что за чертовщина? горцы, непріятель и „шарикъ!“ Еще минутка—и „бѣлое“ вышло на дорогу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, продолжая свое „шарикъ, шарикъ“ и свистъ. Оказалось, что это былъ нашъ же солдатъ-охотникъ, что онъ, для удобнѣйшаго подхода къ уткамъ, устроилъ какой-то щитъ изъ холста, за которымъ и подвигался къ пугливой дичи, что запоздалъ онъ въ этотъ разъ и потерялъ свою драгоцѣнную собаку „шарика“, коего и разыскиваетъ, а татарвы онъ не боится, ибо „я и ночью ему зарядомъ въ самую рожу попаду...“ И отправились мы вмѣстѣ къ аулу, куда и прибыли благополучно.

Но не всегда такъ оканчивались путешествія безъ конвоевъ; не всегда комическій финалъ заключалъ представленіе. Когда я явился къ Соймонову и разсказалъ о своемъ приключеніи, онъ меня распекъ и сталъ доказывать всю глупость этого вкоренившагося у большинства офицеровъ удальства — пускаться въ опасныхъ мѣстахъ впередъ отъ оказій, или и вовсе безъ нихъ; доказывалъ, что слѣдуетъ отдавать за это подъ судъ, какъ за ослушаніе, ибо уже неоднократно отдаваемы были приказы, чтобы никто не смѣлъ этого дѣлать и т. д.

— Я бы васъ, господинъ поручикъ-съ, заключилъ онъ,—

долженъ бы теперь арестовать-съ, но такъ какъ вы сами явились разсказать и, по новости, можетъ еще не знали о существующихъ приказахъ,—я только предваряю васъ, что въ другой разъ даже полковому командиру донесу-съ.

Это, впрочемъ, не помѣшало милѣйшему Ильѣ Алексѣевичу оставить меня у себя ужинать, начать любимѣйшій разговоръ о предстоящихъ за Табасаранскій походъ наградахъ, о производствѣ въ полковники и вѣнцѣ всѣхъ желаній—„какой-нибудь полчишко бы получить-съ“.

Въ этотъ вечеръ я случайно присутствовалъ при приказаніяхъ, и узналъ, что надняхъ готовится отправка отъ баталіона команды въ Петровскъ за какими-то покупками. Я тутъ же сталъ просить назначить меня вмѣсто очереднаго офицера, желая воспользоваться случаемъ увидѣть новыя мѣста, Каспійское море и вообще поразнообразить монотонную жизнь. Соймоновъ согласился, и чрезъ два дня назначено было выступленіе.

Команда изъ 40 рядовыхъ при четырехъ унтеръ-офицерахъ и барабанщикѣ, съ осьмью ротными троечными повозками, собралась у воротъ Казанищъ рано утромъ, помнится, ноябрьскаго дня. Мы выступили съ тѣмъ, чтобы къ вечеру быть въ Петровскѣ — верстъ около сорока. Пришли мы на мѣсто поздно, и команда расположилась у ротныхъ дворовъ постоянно квартировавшаго въ Петровскѣ линейнаго баталіона. На другой день люди производили покупки: свиного сала, соли, луку, перцу и овчинъ — продукты доставляемые изъ Астрахани и обходящіеся здѣсь дешевле, чѣмъ въ Шурѣ — а я бродилъ по приморскому *городу* Петровску и долго наблюдалъ за моремъ, прибоемъ волнъ и кувырканіемъ небольшихъ судовъ. Погода была пасмурная, сильный вѣтеръ, вздымавшій тучи песку, темнозеленый цвѣтъ волнъ, безлюдье — все это очень уныло настраивало человѣка пріѣзжаго, не имѣвшаго ни живой души знакомыхъ. Такъ я и бродилъ цѣлый день; въ сумерки улегся въ от-

веденной мнѣ у женатаго солдата квартирѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, чтобы пуститься въ обратный путь.

Петровскъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1722 году Петръ Великій стоялъ лагеремъ, двигаясь къ Дербенту. Прежнее укрѣпленіе, назначеніе коего служить прикрытіемъ выгружающихся здѣсь для войскъ провіанта и военныхъ принадлежностей, было въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе и называлось Низовымъ. Въ 1843 году оно было осаждено и атаковано горцами, но успѣло удержаться до прибытія выручки; гарнизонъ потерялъ однако много людей, терпѣли недостатокъ въ водѣ, а самая мѣстность Низоваго уже давно оказывалась никуда негодною въ климатическомъ отношеніи; укрѣпленіе не соотвѣтствовало своей цѣли. Обо всемъ этомъ, задолго до дагестанской катастрофы 1843 года, мѣстный командующій войсками генералъ Клюки фонъ-Клугенау представлялъ по начальству; но все ограничилось перепиской. Наконецъ, горцы положили свою резолюцію, тутъ же привели ее въ исполненіе, и всѣ эти укрѣпленія были уничтожены, а переписка сама собою прекратилась. Въ 1844 году перенесли укрѣпленіе нѣсколько верстъ выше, на болѣе здоровое мѣсто, ближе къ Тарху—бывшей столицѣ шамхаловъ—и назвали Петровскимъ, въ память великаго Преобразователя Россіи. Укрѣпленіе было возведено вдоль небольшой возвышенности и довольно красиво смотрѣло на море; у подножія горы былъ разбросанъ форштатъ, или городъ, съ нѣсколькими лавками и изрядными домиками; на берегу моря лежали наваленные десятки тысячъ кулей провіанта, развозившагося отсюда на арбахъ туземцевъ по всѣмъ магазинамъ Дагестана; рядомъ покоилось на брусьяхъ нѣсколько чугунныхъ пушекъ, назначенныхъ на вооруженіе какого-нибудь укрѣпленія; вдоль отлогаго, но каменистаго морского берега, сновали взадъ и впередъ небольшія лодки, а болѣе крупныя „косовыя“, на которыхъ люди рисковали переѣзжать море въ Астрахань, стояли поодаль на якоряхъ и кувыркались во всѣ стороны отъ порывистаго сѣверо-

восточнаго вѣтра. Вдали близь Тарки или Тарху виднѣлся довольно большой лѣсъ, съ полуобнаженными вѣтвями, и развалины бывшаго здѣсь еще ранѣе укрѣпленія, тоже осаждавшагося Кази-Муллой въ 1830 году. (Осаду эту я подробно описалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1864 года). Все вмѣстѣ, повторяю, показалось мнѣ весьма непривѣтливымъ и унылымъ. Теперь, послѣ того, какъ Петровскъ, при помощи казенныхъ милліоновъ, превращенъ въ портовый городъ, на Каспіи развилось пароходство и усилились торговыя сношенія, тамъ вѣроятно кипитъ болѣе дѣятельная жизнь, городъ сталъ и впрямь городомъ, число жителей увеличилось и, безъ сомнѣнія, прежней безжизненности уже слѣдъ простылъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно полагать.

Возвратный путь, съ нагруженными повозками, мы уже не могли совершить въ одинъ день и ночевали у какого-то казачьяго поста, кажется Азень или Кумтуръ-Кале—не помню хорошенько; а затѣмъ, безъ всякихъ приключеній, прибыли въ Казанищи. И потянулась опять скучная, однообразная жизнь, еще болѣе скучная среди слякоти и холода.

Для развлеченія я раза два ходилъ въ Малые Казанищи, гдѣ заказалъ себѣ у извѣстнаго оружейнаго мастера, Уста Омара, кинжалъ. При этомъ свелъ я съ нимъ довольно близкое знакомство, и за трубками у насъ велись небезъинтересные разговоры о *политикѣ*, до которой всѣ азіятцы большіе охотники. Отъ Омара я, между прочимъ, узналъ тогда, что между Шамилемъ и Гаджи-Муратомъ произошла серьезная ссора, разразившаяся чуть не междоусобною войной. Дѣло въ томъ, что когда Гаджи-Муратъ возвратился изъ Табасарани съ остатками разбитой партіи, Шамиль остался весьма недоволенъ и выразилъ это при многихъ постороннихъ, чѣмъ Муратъ, конечно, оскорбился. Затѣмъ къ Шамилю прибыли нѣсколько табасаранскихъ муллъ и старшинъ, жалуясь на Гаджи-Мурата, что онъ ихъ возмутилъ, подвелъ подъ русское нашествіе и разореніе, не оказавъ обѣщанной поддержки, что такимъ образомъ они, не принося дѣлу мюридизма

никакой пользы, совершенно напрасно только потеряли много людей и вообще сильно пострадали. (Кстати, эта депутація хорошій примѣръ смиренія и покорности, только-что заявленныхъ табасаранцами! Вотъ такъ дѣйствовали всѣ кавказскіе туземцы-мусульмане).

Шамиль еще болѣе озлился; смѣнилъ Гаджи-Мурата съ наибства и потребовалъ отъ него представленія всей награбленной въ набѣгъ добычи. Тотъ послалъ ему часть денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, взятыхъ въ Буйнакѣ у брата Шамхала,—какъ говорили, до четырехъ тысячъ рублей; отъ выдачи же остального отказался. Имамъ, не привыкшій къ непослушанію, отправилъ нѣсколько сотъ своихъ мюридовъ наказать ослушника и обобрать его до тла; но Гаджи-Муратъ поспѣшилъ уйти изъ Хунзаха, гдѣ ему неудобно было защищаться, въ другой небольшой крѣпкій аулъ Бетлагачъ и собралъ около себя нѣсколько сотъ человѣкъ приверженцевъ. Дошло до перестрѣлки, и шамилевскіе мюриды, потерявъ нѣсколько человѣкъ, должны были уйти ни съ чѣмъ. Дѣло грозило разыграться серьезное и послѣдствія могли оказаться для дѣла мюридизма плачевныя. Это поняли многіе изъ главныхъ сподвижниковъ имама, особенно весьма вліятельный въ горахъ наибъ Кибитъ-Магома, и поспѣшили своимъ посредничествомъ унять гнѣвъ Шамиля, готовившагося уже къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Посредники настояли на прекращеніи ссоры. Но Гаджи-Муратъ не могъ не понимать, что съ этой минуты его значеніе пало и жизнь его будетъ въ постоянной опасности. Онъ обратился къ Шамилю съ просьбой позволить ему переселиться въ Чечню, вѣроятно полагая, что среди чеченцевъ труднѣе будетъ найти людей, готовыхъ, изъ преданности имаму, посягнуть на его жизнь. Шамиль не согласился на его просьбу. Въ горахъ по этому поводу разнесся слухъ, что Гаджи-Муратъ собирается бѣжать къ русскимъ.

Всѣ эти свѣдѣнія были чрезвычайно интересны. Я, однако, заявилъ Омару свои сомнѣнія на счетъ возможности измѣны

Гаджи-Мурата дѣлу мюридизма, тѣмъ болѣе, что въ горахъ онъ былъ одинъ изъ виднѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ предводителей, пользовался большимъ почетомъ, а перейдя къ русскимъ, долженъ былъ бы поселиться гдѣ-нибудь въ Россіи и доживать вѣкъ незамѣтнымъ человѣкомъ, безъ всякой дѣятельности, чтò не могло соотвѣтствовать его самолюбію и джигитскимъ наклонностямъ. Я даже сомнѣвался въ серьезности самой ссоры, потому что Шамиль съ своей стороны не такъ легко рѣшился бы лишиться навсегда содѣйствія такого смѣлаго и опытнаго человѣка, единственнаго, можно сказать, успѣшно дѣйствовавшаго противъ насъ наиба.

Омаръ былъ того же мнѣнія и не хотѣлъ вѣрить, чтобы Гаджи-Муратъ передался русскимъ, которые могутъ и повѣсить его за многократные набѣги и разоренія.

Въ это время мы узнали, что въ Шуру ожидаютъ главнокомандующаго князя Воронцова, совершавшаго одинъ изъ обычныхъ объѣздовъ по краю. Я попросился у Соймонова и поѣхалъ въ Шуру, надѣясь увидѣться съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ въ свитѣ князя. Узнавъ, что въ числѣ пріѣхавшихъ находился В. П. Александровскій, я отправился къ нему.

Василій Павловичъ очень обрадовался, увидѣвъ меня, сталъ разспрашивать о службѣ, походѣ и т. д. Между прочимъ сообщилъ мнѣ, что князь получилъ извѣстіе о желаніи Гаджи-Мурата бѣжать къ намъ, что онъ только проситъ обѣщанія князя не подвергать его казни или ссылкѣ, и что онъ постарается сослужить намъ вѣрой и правдой. Я и Александровскому выразилъ тѣ же сомнѣнія, о которыхъ упоминалъ выше, и прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, довѣряться азіятцамъ вообще, а такому, какъ Гаджи-Муратъ, въ особенности, отнюдь нельзя. Еслибы онъ дѣйствительно явился, то, само собою, это было бы хорошо, лишило бы Шамиля лучшаго помощника и во многомъ обезопасило бы насъ отъ набѣговъ; что не только казнить его нѣтъ резона, но даже оказать ему хорошій пріемъ, дать денегъ, орденовъ, пожалуй, можно, —

только услать бы его куда-нибудь подальше на жительство и ужь ни въ какомъ случаѣ не довѣряться, въ смыслѣ полезной службы противъ горцевъ.

— А князь, кажется, напротивъ, очень радъ заявленію Гаджи-Мурата и разсчитываетъ извлечь изъ него много пользы.

— Можетъ быть ошибаюсь, сказалъ я, — но думаю, что „волка сколько ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ“, и я не довѣряю ни одному горцу, сколько бы онъ ни клялся въ преданности намъ.

— Но вѣдь Гаджи-Муратъ совсѣмъ разсорился съ Шамилемъ и, ужь разъ бѣжавъ, едва ли рискнетъ возвратиться?

— Вопервыхъ, вся эта ссора что-то мнѣ подозрительна и во всякомъ случаѣ, едва ли такъ серьезна, какъ объ ней говорятъ; вовторыхъ, Шамиль и Гаджи-Муратъ очень хорошо понимаютъ, что имъ лучше жить въ обоюдномъ согласіи, и потому найдутъ удобныя условія для совершеннаго примиренія, для чего стóитъ только Мурату раскошелиться и послать въ тощую казну имама нѣсколько тысячъ звонкихъ рублей; втретьихъ, Гаджи-Муратъ былъ нашимъ офицеромъ и бѣжалъ къ Шамилю; теперь бѣжитъ отъ Шамиля къ намъ; почему же ему не бѣжать опять отъ насъ къ Шамилю? Не на честное ли слово его положиться?...

Послѣ этого разговора, В. П. Александровскій предложилъ мнѣ представиться князю, которому пріятно будетъ видѣть меня фронтовымъ офицеромъ; да и вообще не безполезно-де освѣжить себя въ памяти намѣстника. Я поблагодарилъ, и на другой день, благодаря любезности В. П., дѣйствительно былъ потребованъ къ князю, который встрѣтилъ меня своею всегдашнею дружественною улыбкой, разспросилъ гдѣ служу, что дѣлаю и т. д., сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ и отпустилъ.

На слѣдующій день былъ назначенъ отъѣздъ князя Михаила Семеновича изъ Шуры, и я зашелъ къ Александровскому попрощаться. При этомъ я просилъ его убѣдитель-

нѣйше сдѣлать что-нибудь въ Тифлисѣ для скорѣйшаго окончанія все еще безпокоившаго меня дѣла о неоказавшихся послѣ смерти Челокаева деньгахъ (о чемъ подробно разсказано въ первой части), что онъ и обѣщалъ мнѣ съ полною готовностью.

Вскорѣ послѣ этого стало извѣстно, что Гаджи-Муратъ дѣйствительно бѣжалъ изъ горъ и съ двумя или тремя преданнѣйшими мюридами явился въ Тифлисъ. Князь Воронцовъ принялъ его весьма милостиво; ему отвели хорошее помѣщеніе, отпускали ежедневно кажется по пяти полуимперіаловъ, приглашали на обѣды, возили въ театръ, давали верховыхъ лошадей для прогулокъ по окрестностямъ города; онъ присутствовалъ на парадахъ войскъ—однимъ словомъ, любезностямъ не было конца. Проживъ довольно долго въ Тифлисѣ, Гаджи-Муратъ обѣщалъ оказать намъ великія услуги и просилъ предварительно позволенія объѣхать наши передовыя линіи, чтобы познакомиться съ расположеніемъ войскъ и укрѣпленій. Согласіе было дано, и онъ, побывавъ во Владикавказѣ и Чечнѣ (подробности этихъ поѣздокъ мнѣ, впрочемъ, достовѣрно неизвѣстны), проѣхалъ на Лезгинскую линію въ Закаталы, а оттуда въ Нуху, гдѣ и остался временно жить. Въ качествѣ ассистента, къ нему былъ назначенъ особый офицеръ, имѣвшій секретное порученіе наблюдать строго за гостемъ. Кромѣ того, нухинскій уѣздный начальникъ полковникъ Каргановъ прикомандировалъ еще квартальнаго надзирателя изъ туземцевъ, Халиль-бека, и казачьяго урядника. Почти каждый день послѣ обѣда Гаджи-Муратъ, въ сопровожденіи своихъ трехъ мюридовъ и еще одного возвратившагося изъ бѣговъ джарскаго лезгина, а также Халиль-бека и урядника, ѣздилъ гулять по окрестностямъ Нухи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 года онъ однажды, немного позже обыкновеннаго, выѣхалъ на прогулку и удалившись верстъ на 6—7 отъ города, вдругъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, убилъ наповалъ урядника, одинъ изъ его мюридовъ тяжело ранилъ квартальнаго, и всѣ пятеро поскакали

по дорогѣ къ Элису. Но разсчитавъ, что вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ погоня и, безъ сомнѣнія, по направленію въ горы, къ ущелью Самура, гдѣ легко наткнуться на наши войска, онъ, вѣроятно по совѣту измѣнника джарскаго лезгина, хорошо знавшаго мѣстность, рѣшился на хитрость, которая могла ввести преслѣдующихъ въ обманъ и дать ему возможность скрыться. Вмѣсто того, чтобы броситься въ горы, бѣглецы пустились, напротивъ, внутрь края, съ цѣлью переправиться чрезъ Алазань на нухинскую почтовую дорогу, куда никому и въ умъ бы не пришло кинуться за ними въ погоню; затѣмъ, проѣхавъ почтовою дорогой вверхъ по Алазани, опять переправиться на лѣвый ея берегъ и лѣсами, между сочувствующихъ мюридизму ауловъ Закатальскаго округа, на Бѣлокань, уже пуститься въ горы. Хитрость удалась бы непремѣнно, еслибы не помогъ намъ случай.

Проскакавъ отъ мѣста убійства еще 5—6 верстъ, Гаджи-Муратъ съ своими спутниками, въ виду аула Беляджикъ, бросился въ сторону отъ дороги, но направленію къ Алазани. Въ это время уже смерклось; они попали на сплошныя рисовыя поля, какъ извѣстно, искусственно заливаемыя водой, и бросаясь то вправо, то влѣво, никакъ не могли попасть на тропинку, а все вязли въ топяхъ. Пробившись такимъ образомъ часа два и замучивъ лошадей, они рѣшились забраться въ виднѣвшійся вблизи кустарникъ и дождаться тамъ разсвѣта.

Между тѣмъ, оставшійся въ Нухѣ прикомандированный къ гостю офицеръ, когда уже стемнѣло и Гаджи-Муратъ съ прогулки не возвращался, сталъ безпокоиться и поспѣшилъ заявить уѣздному начальнику. Полковникъ Каргановъ, отлично знавшій туземцевъ, уже давно подозрительно относился къ бѣглому наибу, и какъ только ему стало извѣстно такое долгое отсутствіе его, не сомнѣвался въ возможности побѣга. Вслѣдъ за тѣмъ дали ему знать, что нашли на дорогѣ убитыхъ урядника и квартальнаго. Схвативъ тогда все то, что можно наскоро собрать изъ вооруженныхъ жителей и пославъ при-

казанія въ ближайшіе аулы, чтобы конные скакали за нимъ, Каргановъ пустился по слѣдамъ бѣглецовъ, въ надеждѣ узнать отъ кого-нибудь о ихъ направленіи. Въ то же время онъ послалъ нарочныхъ впередъ въ Элису къ приставу, чтобы тотъ тоже собралъ милиціонеровъ и разослалъ извѣстія во всѣ стороны.

Подъѣзжая къ Беляджику, Каргановъ встрѣтилъ какого-то татарина, возвращавшагося на арбѣ домой, и безъ особенной надежды узнать отъ него что-нибудь, а просто, какъ бы по наитію, остановилъ его вопросомъ: откуда ѣдешь? Получивъ отвѣтъ, что съ работы въ полѣ, онъ еще спросилъ его: какая же у тебя работа могла быть такъ поздно, въ потьмахъ? Тогда татаринъ разсказалъ, что въ сумерки, уже собираясь домой, онъ замѣтилъ какихъ-то пятерыхъ вооруженныхъ верховыхъ людей, разъѣзжающихъ по полямъ, испугался и притаился въ канавкѣ, не смѣя подняться все время, пока верховые кружили около него, очевидно отыскивая дорогу; когда же они въѣхали въ кусты, онъ незамѣтно проползъ къ оставленной въ сторонѣ своей арбѣ и отправился домой.

Обрадованный такимъ неожиданнымъ открытіемъ, Каргановъ тотчасъ послалъ вскачь нарочнаго къ элисуйскому приставу, чтобы тотъ со своими людьми спѣшилъ къ нему, а самъ, посадивъ татарина верхомъ, приказалъ ему показать кусты, въ которые заѣхали бѣглецы. Ночь была совершенно темная, и пробравшись кое-какъ нѣсколько верстъ полемъ, Каргановъ, съ присоединившимися къ нему нѣсколькими десятками беляджикскихъ жителей, добрался до роковыхъ для Гаджи-Мурата кустовъ и окружилъ ихъ. Броситься въ кусты Каргановъ въ темнотѣ не рѣшился и до разсвѣта оставался въ наблюдательномъ положеніи, безпрестанно обходя кругомъ, чтобы не дать бѣглецамъ возможности воспользоваться оплошностью плохо вооруженной, трусливой, да и не вполнѣ надежной толпы.

Чуть стало разсвѣтать, Каргановъ увидѣлъ пять спутан-

ныхъ лошадей, щипавшихъ между кустами траву. Тогда, уже окончательно убѣжденный въ присутствіи здѣсь бѣглецовъ, онъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобы поднять бѣглецовъ на ноги и велѣлъ своимъ людямъ идти въ кусты; но храбрецовъ, не взирая на угрозы, на просьбы, не оказывалось; а между тѣмъ, бѣглецы, въ свою очередь, поздно увидѣвъ себя окруженными, рѣшились защищаться, и сдѣлавъ два-три выстрѣла, уже ранили одного изъ милиціонеровъ. Каргановъ былъ въ отчаяніи; онъ боялся, что если эти пять удальцовъ, выхвативъ шашки, бросятся на его толпу, она непремѣнно обратится въ бѣгство, и добыча ускользнетъ изъ рукъ... Онъ началъ кричать Гаджи-Мурату, чтобъ онъ лучше сдавался, что ему всѣ пути отрѣзаны и что, положившись на милость сардаря (главнокомандующаго), онъ сохранитъ свою жизнь и т. п. Вмѣсто отвѣта, послѣдовали выстрѣлы, опять ранившіе человѣка. Тогда Каргановъ, не успѣвъ убѣдить своихъ полтораста человѣкъ броситься въ кусты, приказалъ имъ, по крайней мѣрѣ, стрѣлять туда учащенно хоть на авось. Такъ длилось дѣло уже часа два безъ всякаго результата, пока, наконецъ, показалось человѣкъ сто элисуйцевъ, скакавшихъ съ исправлявшимъ должность пристава, капитаномъ изъ туземцевъ Гаджи-Ага (моимъ бывшимъ помощникомъ, когда я былъ приставомъ въ Элису) и его сыномъ, корнетомъ лейбъ-казачьяго полка Ахметъ-ханомъ. Сцена сейчасъ перемѣнилась. Элисуйцы—не нухинскіе жители: будучи близкими сосѣдями горцевъ, они болѣе воинственны и отважны. Гаджи-Ага выдвинулся съ своими людьми впередъ, крикнулъ по-аварски Гаджи-Мурату, съ которымъ онъ самъ, будучи когда-то въ бѣгахъ, былъ лично знакомъ: „сдавайся, а то погибнешь“; но когда тотъ отвѣтилъ ему: „ты измѣнникъ святому дѣлу мюридовъ, попробуй меня взять“, Гаджи-Ага сдѣлалъ по кустамъ залпъ и, выхвативъ саблю, съ сыномъ своимъ впереди, бросился къ кустамъ, за нимъ всѣ элисуйцы и многіе ободренные примѣромъ нухинцы. Пять выстрѣловъ встрѣтили ихъ почти въ упоръ; но это

не остановило Гаджи-Агу, и они, наконецъ, наскочили на бѣглецовъ. Гаджи-Муратъ, раненый уже до того нѣсколькими пулями, причемъ онъ всякій разъ вырывалъ изъ своего бешмета куски ваты и затыкалъ себѣ раны, сидѣлъ подъ кустомъ съ пистолетомъ въ рукахъ, и какъ только показались первые люди, выстрѣлилъ въ упоръ, убивъ наповалъ одного изъ элисуйцевъ. Гаджи-Ага рубнулъ его саблей по головѣ разъ, другой—и знаменитаго наѣздника, грозы нашихъ передовыхъ линій въ теченіи девяти лѣтъ, лучшаго шамилевскаго наиба не стало!.. Двухъ другихъ его спутниковъ изрубили, а двухъ раненыхъ взяли живьемъ.

У насъ убито два, ранено девять человѣкъ и нѣсколько лошадей. Такова была борьба этихъ пяти удальцовъ противъ трехсотъ человѣкъ!

Голову Гаджи-Мурата отрѣзали и отправили въ Шемаху къ губернатору, а тотъ ее съ курьеромъ отослалъ въ Тифлисъ, гдѣ князь Воронцовъ, получивъ уже донесеніе о бѣгствѣ, былъ крайне огорченъ и взволнованъ, и успокоился только, увидѣвъ такое реальное доказательство неудачнаго побѣга.

Голова была выставлена въ Тифлисѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней для любопытныхъ, а мѣстный художникъ Коррадини снялъ съ нея портретъ.

Элисуйцы воспользовались хорошею добычей, ибо кромѣ отличнаго оружія, въ бешметѣ Гаджи-Мурата нашли разложенными между ватой и подкладкой нѣсколько десятковъ, а по другимъ свѣдѣніямъ до 800 полуимперіаловъ, сбереженныхъ Гаджи-Муратомъ отъ нашихъ щедротъ, съ цѣлью, конечно, подарить половину по возвращеніи въ горы своему имаму и повелителю...

Хорошо, что такъ кончилось, а то Гаджи-Муратъ, ознакомившись подробно со всѣми нашими военными порядками, по возвращеніи въ горы, безъ сомнѣнія, скоро напомнилъ бы о себѣ отчаянными набѣгами.

Узнавъ въ маѣ мѣсяцѣ объ этомъ происшествіи, я вспом-

нилъ свой разговоръ съ В. П. Александровскимъ. Мои сомнѣнія вполнѣ оправдались.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай читать донесеніе князя Воронцова объ этомъ происшествіи покойному государю, бывшему тогда заграницей, въ Потстдамѣ. На этомъ донесеніи Николай Павловичъ собственноручно написалъ слѣдующее: „Хорошо, что такъ кончилось. Вотъ новое доказательство, какъ слѣдуетъ довѣрять этимъ коварнымъ разбойникамъ! Но надобно отдать справедливость распорядительности мѣстнаго начальства и усердію туземныхъ милицій. 13 (25) мая 1852".

Покойный государь, какъ видно, отлично нонималъ кавказскихъ туземцевъ, и во всякомъ случаѣ лучше многихъ мѣстныхъ правителей. Религіозный фанатизмъ въ соединеніи съ хищническими наклонностями—качества, для устраненія которыхъ нужны многіе и многіе годы самой настойчивой, систематически и съ энергіей проводимой политики. Только совокупностью различныхъ, хорошо примѣненныхъ мѣръ можно надѣяться въ будущемъ достигнуть среди кавказскаго мусульманскаго населенія ослабленія этихъ двухъ главныхъ золъ, источниковъ ихъ враждебности къ намъ. Мы, къ крайнему сожалѣнію, дѣйствовали въ разрѣзъ со стремленіями къ подобной цѣли, и если противъ хищничества принимали болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, то противъ ослабленія фанатизма, противъ вреднаго вліянія мусульманскаго духовенства не только не боролись, но всѣми силами старались его поощрять и поддерживать... Мои слова могутъ показаться невѣроятными, даже клеветой; но—увы!—они совершенная истина, и я еще вернусь къ этому предмету и приведу нѣсколько примѣровъ.

XLI.

Скучно тянулись осенніе дни на зимнихъ квартирахъ въ Большихъ Казанищахъ. Въ саклѣ съ бумажнымъ окномъ

становилось совсѣмъ темно, а выходить не хотѣлось, потому что рѣзкій сѣверный вѣтеръ прохватывалъ насквозь, а дождь смѣнялся хлопьями мокраго снѣга; квартиры другихъ офицеровъ были довольно далеко раскинуты другъ отъ друга и посѣщенія совершались рѣдко. Всѣ четыре ротные командира, съ которыми я находился въ наилучшихъ товарищескихъ отношеніяхъ, были посвоему хорошіе офицеры и не менѣе хорошіе люди; каждый имѣлъ свой типическій образъ и наблюдательному человѣку не могли не кидаться въ глаза эти характеристическія особенности; талантливому художнику каждый изъ нихъ доставилъ бы богатый, благодарный матеріалъ. Командиръ 3-й гренадерской роты Добржанскій, изъ мелкой бѣдной шляхты западнаго края, протянувшій нѣсколько лѣтъ лямку вольноопредѣляющимся въ Тобольскомъ полку, перепросился въ Волынскій полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ его старшій братъ, и въ 1844 году приплелся на Кавказъ съ этапами, пѣшкомъ, кормясь казеннымъ пайкомъ. Здѣсь ему повезло и чрезъ семь лѣтъ онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ. Имя его было Яковъ, но весь полкъ иначе не звалъ его, какъ Якубъ. Исправнѣйшій ротный командиръ, отлично знавшій службу, скромный, разсчетливый, молчаливый, усердно по два раза въ день молившійся по католическому обычаю предъ Распятіемъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, невзрачный, сутуловатый, Якубъ дослужился до маіорскаго чина, женился, былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, но въ пустѣйшей перестрѣлкѣ въ Ичкеріи, въ мартѣ 1859 года, убитъ.

Командиръ 7-й мушкетерской роты штабсъ-капитанъ Вертгеймъ — старый служака, тоже протянувшій, за неразысканіемъ какихъ-то документовъ, чуть ли не двѣнадцать лѣтъ до офицерскаго чина въ одномъ изъ полковъ въ Россіи, былъ также исправнѣйшій, отлично знавшій свое дѣло ротный командиръ, но строгій, съ какою-то презрительною жесткостью относившійся къ солдатамъ, которые его зато и не терпѣли; ни въ одной ротѣ не было столько дезертировъ, какъ въ 7-й,

и Якубъ, пріятель Вертгейма, одинъ разъ весьма мѣтко сострилъ: „онъ отлично довелъ свою роту до *бѣглаго* шага“. Какъ товарищъ по службѣ, Вертгеймъ былъ человѣкъ обязательный и интересный разсказчикъ чисто полковыхъ старой окраски анекдотовъ. Оба они съ Якубомъ были, конечно, люди безъ всякаго образованія, едва грамотные, ничего кромѣ приказовъ по полку не читавшіе; меня и еще одного офицера, Астафьева, они звали „бонжурами“, потому только, что мы читали книги и ѣли чаще супъ, чѣмъ солдатскія щи... Вертгеймъ уже въ апрѣлѣ слѣдующаго 1852 года умеръ скоропостижно отъ удара въ Шурѣ.

8-ю ротой командовалъ штабсъ-капитанъ Астафьевъ — одинъ изъ тѣхъ милыхъ типовъ, созданныхъ барскою Россіей временъ крѣпостного права—типовъ, которые были много разъ, въ различныхъ видахъ, нарисованы лучшими нашими писателями. Обломова болѣе всего напоминалъ онъ по своему добродушію, по своей лѣни, распущенности; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ было много комически-шалопайскаго, наивно-тщеславнаго, хотя онъ вовсе не былъ глупъ, съ хорошимъ домашнимъ воспитаніемъ и образованіемъ, про которое ничего больше нельзя сказать, какъ: „и онъ учился понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Довольно крупный помѣщикъ Нижегородской губерніи, Астафьевъ молодымъ офицеромъ попалъ въ адъютанты къ бывшему въ Тифлисѣ помощнику начальника главнаго штаба генералу Норденстаму и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Тифлисѣ промоталъ достаточное количество денегъ и не меньшее количество способности къ какой-нибудь работѣ, хотя бы даже такой немудреной, какъ фронтовая служба и командованіе ротой. Все, къ чему онъ еще былъ способенъ—читать, и то не усидчиво, какой-нибудь французскій романишко, да лежать по часамъ, покуривая и глядя на потолокъ. Вѣчно безъ гроша въ карманѣ, весь въ долгахъ, самъ больной, запертый въ жарко натопленной саклѣ, на декоктѣ, милѣйшій Модестъ Астафьевъ, бывало, лежитъ и занятъ—чѣмъ, какъ бы вы думали?—

укладываетъ какой-то узоръ изъ морскихъ мелкихъ ракушекъ для будущаго прессъ-папье, который онъ намѣренъ заказать!.. При мнѣ его пройда фельдфебель Батмановъ докладываетъ: „Ваше благородіе, подполковникъ (т. е. Соймоновъ) изволили замѣтить, что въ нашей ротѣ пища не въ примѣръ хуже прочихъ и полушубковъ больше изодранныхъ на людяхъ; приказали безпремѣнно озаботиться“. А Астафьевъ ему самымъ добродушнѣйшимъ тономъ отвѣчаетъ: „Теперь *у меня* денегъ нѣтъ—ты вѣдь знаешь, а вотъ скоро получу изъ деревни, тогда, братецъ ты мой, на свой счетъ хоть всей ротѣ полушубки построю“. Живетъ человѣкъ только благодаря маркитанту, отпускающему припасы подъ книжечку, а самъ пишетъ въ деревню и требуетъ немедленной высылки какого-то крѣпостнаго повара, служащаго въ Нижнемъ, въ клубѣ. И вѣдь пріѣхалъ этотъ человѣкъ, и явился въ Казанищи въ саклю къ барину, у котораго едва ли былъ рубль, чтобы купить табаку!... Соймоновъ, для испытанія искусства повара, заказалъ у себя обѣдъ, и мы дѣйствительно пальчики облизывали и отъ пожарскихъ котлетъ, и отъ какого-то компота, покрытаго сахарно-леденцовою сѣткой. Жилъ Астафьевъ одно время въ Шурѣ и выкопалъ себѣ откуда-то араба, одѣлъ его въ фантастическій костюмъ — красную куртку, бѣлыя шальвары, зеленую чалму, и заставилъ торчать на крыльцѣ своей квартиры въ качествѣ швейцара. Но насталъ холодъ—арабъ мерзнетъ, требуетъ теплаго платья, а у Астафьева нечѣмъ въ комнатѣ протопить, а не то чтобы арабу шубу покупать; ну, и убирается арабъ куда-то, а офицерство, конечно, хохочетъ... При всемъ томъ добрѣйшій, милѣйшій, симпатичный, разсердиться на него не было никакой возможности; и даже нашъ суровый игуменъ—полковой командиръ, казнившій безъ снисхожденія направо и налѣво, какъ будто сквозь пальцы смотрѣлъ на службу Астафьева. Вскорѣ Астафьевъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ свое Нижегородское имѣніе, по слухамъ, до насъ дошедшимъ, женился и вѣрно до сихъ поръ поживаетъ мирнымъ семьяниномъ, со смѣхомъ вспоминая

какую-нибудь кутишинскую или казанищенскую жизнь. Еслибы эти строки попали ему на глаза, я бы просилъ его не сердиться за слишкомъ откровенный набросокъ его портрета. Онъ былъ одинъ изъ тысячи сыновей своего круга, своего общественнаго развитія, продуктъ той праздной, пустой жизни, которая царила (и кажется царитъ?) среди высшихъ классовъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, это были симпатичные джентльмены; между грубаго до цинизма большинства офицеровъ Модестъ Астафьевъ былъ пріятное явленіе, къ которому я чувствовалъ тогда и сохранилъ до сихъ поръ самое дружеское расположеніе.

9-ю ротой командовалъ упомянутый выше капитанъ Багизардовъ или Багирзадовъ (этого никакъ не удавалось разрѣшить окончательно), изъ кизлярскихъ армянъ, проведшій всю свою жизнь, съ 17-тилѣтняго возраста, на службѣ въ Дагестанѣ, въ Апшеронскомъ, а съ 1850 г. въ Дагестанскомъ полкахъ. Въ бѣдственную катастрофу 1843 года, когда Шамиль овладѣлъ всѣми нашими мелкими укрѣпленіями, уничтоживъ ихъ гарнизоны, Багизардовъ, въ чинѣ подпоручика, командовалъ ротой и стоялъ въ Гимры, въ кое-какъ устроенномъ редутикѣ. Благодаря своему происхожденію и знанію кумыкскаго нарѣчія, которое знакомо почти всѣмъ горцамъ ближайшихъ къ Шамхальскому владѣнію обществъ, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими изъ мѣстныхъ жителей и отъ нихъ своевременно узналъ о судьбѣ, постигшей другія укрѣпленія. Багизардовъ не могъ не сознавать, что съ его 120 человѣками защищаться отъ нѣсколькихъ тысячъ горцевъ, по приходѣ коихъ, въ нападеніи примутъ самое дѣятельное участіе и мѣстные жители, было бы безумнымъ дѣломъ, напрасною жертвой и лишнимъ торжествомъ для непріятеля. Онъ зналъ очень хорошо, что помощи, выручки ждать не откуда, что въ Шурѣ оставалось небольшое количество войска, едва достаточное для ея прикрытія, и что другимъ укрѣпленіямъ помощи оказано не было. Когда же его друзья дали ему знать, что Шамиль взялъ сосѣднее

укрѣпленіе Унцукуль, уже двигается къ Гимры, Багизардовъ рѣшился бросить редутъ и отступить въ Шуру. Ночью онъ перетаскалъ и потопилъ въ Койсу чугунную пушку, запасы провіанта, пороху и снарядовъ, затѣмъ тихонько вышелъ и до свѣта успѣлъ подняться по единственной дорогѣ, ведущей въ Шуру, и выйти изъ мѣстности, которую сами гимринцы, въ угоду Шамилю могли занять и преградить всякую возможность отступленія. Къ вечеру онъ съ ротой достигли Шуры, гдѣ были встрѣчены какъ воскресшіе изъ мертвыхъ, потому что тамъ уже считали всѣ безъ исключенія гарнизоны погибшими; да рота Багизардова и дѣйствительно была единственная спасшаяся. Были люди обвинявшіе Багизардова въ трусости за это дѣло, но это былъ фальшивый взглядъ, и лучшимъ доказательствомъ этому служило то, что такой безупречной храбрости человѣкъ какъ генералъ Клюки фонъ-Клугенау встрѣтилъ тогда Багизардова благодарностью за его благоразумную распорядительность и спасеніе 120 Апшеронцевъ отъ напрасной гибели; время же тогда было такое критическое, что и эта горсть людей была не малою поддержкой для гарнизона самой Шуры. Какъ ротный командиръ, Багизардовъ былъ безупреченъ; но какъ человѣкъ не пользовался расположеніемъ даже среди своихъ соотечественниковъ. По выходѣ въ отставку подполковникомъ, онъ былъ кизлярскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ.

Кромѣ чётырехъ ротныхъ командировъ, были въ баталіонѣ еще, кажется, человѣка три-четыре субалтернъ-прапорщиковъ; но это были, такъ-сказать, какія-то невозможныя личности, и мнѣ, новичку въ сферѣ полковой жизни, эти господа казались воплощеннымъ безобразіемъ. И третировалъ же ихъ полковой командиръ Броневскій! Какіе приказы отдавались объ этихъ офицерахъ по полку! Объявлялось напримѣръ оффиціально, что маркитанту разрѣшается отпускать прапорщикамъ NN не болѣе какъ на десять руб. въ мѣсяцъ продуктовъ, въ противномъ случаѣ, остальныя деньги казначеемъ полка выданы

не будутъ; при этомъ и отпускъ долженъ былъ производиться только въ такомъ случаѣ, если книжечка выдана прошнурованная казначеемъ. То же самое дѣлалось и на счетъ платья, которымъ снабжалъ весь полкъ одинъ законтрактованный портной: безъ выданной казначеемъ книжки, онъ не долженъ былъ ничего шить господамъ офицерамъ, подъ угрозой не получить денегъ... Между тѣмъ, эти господа вѣчно въ долгу, безъ всякихъ видовъ получить жалованье, думали однако о томъ, какъ бы выпить и поиграть въ карты, да подебоширить въ шуринскихъ трущобахъ (были и тамъ таковыя). И доходили они до того, что выданную казначеемъ книжку на право заказать портному платья на 30 р. продавали тому же портному за 20 р. на наличныя деньги, вписавъ, что получили платьемъ сполна. Затѣмъ, конечно, ходили чуть не въ лохмотьяхъ и въ однихъ сюртукахъ зимой. Такая же участь постигала и маркитантскія книжки, гдѣ вмѣсто постепеннаго забора въ теченіе трети продуктовъ на опредѣленную сумму, забиралось въ одинъ вечеръ все сполна винами и водкой; а за тѣмъ питаніе происходило нѣкоторымъ образомъ чуть не Христа-ради у другихъ попорядочнѣе офицеровъ, или большею частью изъ ротнаго солдатскаго котла, съ позволенія ротнаго командира и по благоволенію фельдфебеля. Выговоры, аресты, не въ очередь наряды, временныя прикомандированія къ другимъ полкамъ въ своей дивизіи—всѣ эти мѣры мало дѣйствовали на потерянныхъ окончательно людей; а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были изъ порядочныхъ дворянскихъ домовъ, нѣкоторые славные ребята, чрезвычайно смѣтливые, распорядительные, и въ сраженіяхъ, для посылки въ цѣпь, въ секретные залоги, съ охотниками и т. п. опасныя командировки, незамѣнимые. Въ этомъ отношеніи Дагестанскій полкъ не составлялъ исключенія; такіе офицеры были и во всѣхъ другихъ полкахъ на Кавказѣ, можетъ-быть только въ меньшемъ количествѣ, да вѣроятно и въ Россіи вообще въ нихъ недостатка тогда не было. Таково было время, состояніе общественнаго развитія,

низкій уровень просвѣщенія, отсутствіе потребности въ чтеніи или какомъ бы то ни было умственномъ занятіи и развлеченіи и проч.

Предъ самыми рождественскими праздниками получилъ я изъ Тифлиса отъ добрѣйшаго В. П. Александровскаго письмо съ наипріятнѣйшимъ извѣщеніемъ о благополучномъ окончаніи надѣлавшаго мнѣ столько хлопотъ и огорченій дѣла на счетъ неоказавшихся послѣ смерти Михаила Челокаева денегъ. Не взирая на увѣренія губернатора князя Андроникова, что онъ отлично знаетъ все и вполнѣ убѣжденъ въ моей невинности, не взирая на его обѣщанія сдѣлать все къ моей защитѣ, оказалось, что онъ не обратилъ никакого вниманія на дѣло и представилъ его въ совѣтъ главнаго управленія Кавказскимъ краемъ съ заключеніемъ губернскаго правленія „передать дѣло на разсмотрѣніе уголовной палаты,“ а совѣтъ согласился съ этимъ и представилъ на утвержденіе намѣстника. Счастливому случаю угодно было, чтобы докладъ этотъ былъ доставленъ князю именно въ день дежурства Василія Павловича, на обязанности коего лежало читать князю присланные доклады и писать на боку резолюціи намѣстника, тутъ же имъ подписываемыя. Увидавъ въ числѣ докладовъ мое дѣло, съ такимъ неблагопріятнымъ заключеніемъ, Александровскій рѣшился употребить все возможное къ огражденію меня и, воспользовавшись присутствіемъ у князя покойнаго Ильи Орбельяни, упросилъ его поддержать свое ходатайство. Благодаря этому, а отчасти конечно и личному ко мнѣ благоволенію князя, резолюція состоялась слѣдующая: „такъ какъ главный виновникъ настоящаго дѣла князь Челокаевъ уже умеръ, то не передавая въ уголовную палату, возвратить въ губернское правленіе для постановленія о мѣрахъ къ пополненію недостающихъ денегъ“. Губернское же правленіе впослѣдствіи опредѣлило взыскать деньги съ имѣнія Челокаева.

Слава Богу! тяжелый камень свалился съ груди, четырехлѣтнее непріятное ожиданіе ничѣмъ незаслуженной грозы

кончилось. Я поспѣшилъ выразить чувства сердечной благодарности обоимъ моимъ защитникамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ получился приказъ по полку о назначеніи меня начальникомъ команды крѣпостныхъ ружей и предписывалось мнѣ немедленно явиться въ штабъ полка.

Распрощался я съ своимъ баталіонеромъ Соймоновымъ, давшимъ мнѣ нѣсколько добрыхъ наставленій, со всѣми ротными командирами, и, уложивъ свой скарбъ на вьюкъ, отправился въ Шуру, а на другой день прибылъ съ оказіей въ Ишкарты, гдѣ и нанялъ квартиру у полкового толумбасиста, то-есть музыканта, играющаго на турецкомъ барабанѣ.

На слѣдующее утро, при описанной уже мною въ прежнихъ главахъ обстановкѣ, явился я къ полковому командиру. Встрѣтилъ онъ меня довольно любезно, и объявилъ, что имѣетъ въ виду дать мнѣ роту когда откроется вакансія, но что предварительно я долженъ заняться изученіемъ фронтовой службы, подъ руководствомъ командира 5-го баталіона маіора Котляревскаго, и что отъ степени моихъ успѣховъ будетъ зависѣть время моего назначенія. Между тѣмъ, я долженъ завѣдывать командой крѣпостныхъ ружей, имѣющею свою отдѣльную организацію, свое маленькое хозяйство, и потому она будетъ для меня тоже школой.

Петръ Ѳедоровичъ Котляревскій, о которомъ я уже упоминалъ, когда я явился къ нему, прочиталъ мнѣ цѣлую лекцію о разныхъ ученіяхъ, особенно о восьмирядномъ и ротномъ егерьскомъ (то-есть разсыпномъ строѣ); далъ мнѣ нѣсколько уставовъ для внимательнаго чтенія и пригласилъ приходить каждый вечеръ къ нему, чтобы вмѣстѣ съ другими офицерами, тоже собранными въ штабъ для изученія службы, выслушивать толкованія уставовъ; а послѣ новаго года, какъ только немного потеплѣетъ, начнемъ уже практику на плацу, съ людьми. И началась у меня новая жизнь, новое дѣло, въ которомъ первые шаги рѣшительно оправдывали извѣстное изреченіе: „корни ученія горьки, но пло-

ды его сладки". Чтеніе уставовъ, сколько я ни напрягалъ своего вниманія, застилало голову туманомъ, и всѣ эти: „четверть круга направо заходи", „первый взводъ направо, осьмой взводъ налѣво" и т. д. выходили какою-то тарабарщиной. Я сталъ сознавать полнѣйшую свою неспособность къ этому мудреному дѣлу и никакъ не могъ къ тому же сообразить, для чего собственно это нужно, когда за весь лѣтній походъ ни разу не видѣлъ, чтобы кто-нибудь заходилъ четверть круга налѣво, или строился въ колонну справа?

По вечерамъ у Котляревскаго собиралось съ десятокъ офицеровъ, познанія коихъ не далеко ушли отъ моихъ. Это меня крайне удивляло: ну, положимъ я, недавній гражданскій чиновникъ, отъ роду во фронтѣ не стоявшій, ничего не смыслю въ этой наукѣ; но какъ же они-то, думалъ я, все изъ юнкеровъ произведенные, и тоже ничего не знаютъ? А были между ними вѣдь и поручики, и штабсъ-капитаны даже, слѣдовательно уже по нѣскольку лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. Впослѣдствіи мнѣ это объяснилось очень просто: кавказская боевая служба и постоянно походная, тревожная жизнь выработала своебразные порядки, свою особую тактику, ограничившуюся главнѣйше разсыпнымъ строемъ и разными пріемами, ни въ какихъ уставахъ не обозначенными. Баталіонные и ротные командиры, да и то не всѣ, знали кое-что; изъ субалтерновъ же весьма рѣдкіе, именно выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ, или недавно переведенные изъ Россіи. Но большинство ничего незнавшихъ, изъ старыхъ кавказскихъ юнкеровъ, между тѣмъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ и вообще въ походахъ, въ аванпостной службѣ и т. п. исполняли свои обязанности очень хорошо, просто по практикѣ, а новички сами отдавались въ распоряженіе опытнымъ унтеръ-офицерамъ. Въ старыхъ же кавказскихъ полкахъ, особенно въ Чечнѣ, а частью и въ Дагестанѣ, фронтовое образованіе, такъ-сказать, игнорировалось, или ограничивалось рѣдкими гомеопатическими дозами. Дагестанскій полкъ, недавно сформированный изъ баталіоновъ

5-го корпуса, и получившій такого исключительнаго педанта-командира, составлялъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе, что не мало сердило служившихъ въ немъ офицеровъ, не изъ внутренней Россіи переведенныхъ.

Вечернія лекціи происходили такимъ образомъ. На столѣ раскладывались дощечки, означавшія взводы; одинъ изъ офицеровъ читалъ громко какой-нибудь параграфъ построенія, а маіоръ двигалъ дощечками (взводиками) въ такомъ порядкѣ какъ бы слѣдовало производить это на самомъ дѣлѣ съ людьми, и объяснялъ, что каждый изъ взводныхъ командировъ долженъ былъ командовать. Затѣмъ назначалъ насъ во взводы, и заставлялъ продѣлывать то же, т. е. двигать дощечками и выкрикивать команду. Понятливыхъ оказывалось весьма мало, выходила какая-то путаница, маіоръ и смѣялся, и сердился, и острилъ, употребляя иногда такіе казарменные, почти неудобопечатные эпитеты и сравненія, что, при другихъ обстоятельствахъ, казалось бы невозможнымъ не оскорбиться; но онъ и не думалъ оскорблять—онъ добродушно трунилъ... Откровенно говоря, я тоже все хлопалъ глазами, тоже ничего не понималъ, за что подвергался разнымъ шутливо-дружественнымъ замѣчаніямъ, въ родѣ: „а еще приставъ, а еще съ самимъ главнокомандующимъ знакомъ“ и т. п. Я наконецъ сталъ думать, что вся эта „службистика“, какъ въ насмѣшку называли всѣ фронтовыя занятія, и впрямь нѣчто вовсе не легкое, требующее не мало ума и сообразительности. Вообразите же мое удивленіе, когда послѣ двухъ-трехъ *практическихъ* занятій тою же премудростью, не съ дощечками, а на плацу и съ людьми, я вдругъ какъ будто прозрѣлъ и убѣдился, что не можетъ быть ничего проще. Съ каждымъ новымъ днемъ я такъ подвигался на пути *прогресса*, мнѣ такъ ясно стало все темное, что мнѣ вовсе не было надобности въ особыхъ толкованіяхъ, и не успѣвала раздаться команда, какъ я уже схватывалъ въ воображеніи форму ея исполненія и до очевидности сознавалъ, что второму взводу нужно идти налѣво,

а седьмому направо и т. д. Оставалось только преодолѣть нѣкоторую робость при выходѣ впередъ и громкомъ командованіи взводу, что̀ сначала меня немножко конфузило, точь-въ-точь какъ первый выходъ на сцену въ любительскомъ спектаклѣ.

Чрезъ какую-нибудь недѣлю маіоръ Котляревскій, вообще приходившій въ восторгъ, если какое-нибудь построеніе совершалось удачно, не зналъ какъ выразить свое удивленіе по поводу успѣховъ моихъ и еще одного офицера, поручика Басова. Послѣ ученія соберетъ онъ, бывало, всѣхъ и начнетъ дѣлать разныя замѣчанія, толковать, выговаривать, а наконецъ обратится къ Басову: „ты, *Басинька,* молодецъ; ну, да и не удивительно, вѣдь изъ нашихъ юнкеровъ, изъ Волынскихъ; а вотъ *приставъ*—такъ уже это просто мое почтеніе. Да вы не надували ли насъ, показывая, будто ничего не знаете? Не въ пять же дней выучились?!“ .И на радостяхъ потащитъ меня съ Басинькой *на колбасу.*

Должно быть Котляревскій счелъ нужнымъ о результатахъ своихъ занятій и нашихъ отличіяхъ доложить полковому командиру, ибо въ одинъ прекрасный день мы съ Басовымъ были приглашены обѣдать и—что̀ было еще неожиданнѣе — полковникъ сказалъ намъ: „прошу каждый день ко мнѣ обѣдать“. И вѣдь что̀ значатъ извѣстныя условія, окружающія положеніе человѣка: я, столько разъ обѣдавшій у князя Воронцова и другихъ высшихъ начальствующихъ лицъ, отъ приглашенія полковника Броневскаго пришелъ въ весьма торжественное настроеніе; я видѣлъ въ немъ какое-то особое отличіе, я былъ польщенъ такимъ необычнымъ знакомъ вниманія педантически-суроваго командира, предъ которымъ полкъ ходилъ по стрункѣ. Да, когда Павелъ Николаевичъ Броневскій „жаловалъ“ кого-нибудь къ своему столу, то, за исключеніемъ двухъ-трехъ „вольнодумцевъ“, въ цѣломъ полку, всѣ прочіе считали это за особую награду. Я не раздѣлялъ взгляда этихъ двухъ-трехъ, потому что не могъ не видѣть,

что „вольнодумство“ имѣло источникомъ просто личное неудовольствіе.

Обѣды эти носили тотъ же педантически-служебный характеръ. Всѣ должны были собраться въ назначенную минуту; выходилъ полковникъ, дѣлалъ общій поклонъ, произносилось повелительно „подавать“ и „прошу садиться“, — само-собою по чинамъ. Кромѣ Котляревскаго, какъ штабъ-офицера, никто не позволялъ себѣ заговорить; одинъ маіоръ оглашалъ безмолвный столъ разсказами, большею частію изъ фронтоваго или походнаго міра. Ораторскими способностями онъ не отличался, привиралъ и подчасъ заговаривался до изумительныхъ вещей. Такъ, одинъ разъ онъ увѣрялъ, что жиды слѣпые родятся, какъ щенята!.. Разсмѣяться не позволялось, ибо говоритъ штабъ-офицеръ; и мнѣ передавали, что былъ случай, когда одинъ изъ обѣдавшихъ офицеровъ не воздержался и фыркнулъ громкимъ смѣхомъ при какомъ-то разсказѣ маіора о томъ, что онъ, преслѣдуя непріятеля, попалъ въ трясину одной, другой, *третьей* ногой. Полковникъ тутъ же сдѣлалъ разсмѣявшемуся замѣчаніе и пересталъ приглашать къ обѣду. Я однако рѣшился разъ прервать тишину и разсказалъ что-то изъ моей жизни въ горахъ, среди тушинъ. Всѣ взглянули на меня съ какимъ-то смущеніемъ, какъ бы боясь за мою участь; но, сверхъ ожиданія, разсказъ былъ встрѣченъ благосклонно, дополнительными вопросами, что и ободрило меня на этомъ пути: я пользовался антрактами рѣчей маіора и разсказывалъ о мѣстности Аргуна или Андійскаго Койсу, о кистинахъ, набѣгахъ или моихъ похожденіяхъ съ горцами и проч. Полковникъ слушалъ съ видимымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Какъ офицеръ генеральнаго штаба и образованный человѣкъ, онъ, само-собою, интересовался краемъ, еще мало ему знакомымъ.

Такъ проходило время въ Ишкартахъ и въ этотъ разъ мѣсто не казалось мнѣ уже до такой степени антипатичнымъ и унылымъ, тѣмъ болѣе, что въ полковой библіотекѣ получались *Отечественныя Записки* и имѣлось много порядочныхъ

книгъ. Полковой хоръ былъ у насъ очень хорошій, и я часто, бывало, зайду въ музыкантскую школу, дамъ старшему на чай, да цѣлый часъ и слушаю музыку, особенно нѣкоторыя нравившіяся мнѣ піесы. Варіаціи на малороссійскіе мотивы и увертюру изъ *Вильгельма Телля* исполняли они отлично.

На шестой недѣлѣ великаго поста, наконецъ, былъ назначенъ всѣмъ намъ, офицерамъ, экзаменъ. Для этого былъ выведенъ въ полномъ составѣ баталіонъ, и мы въ полной формѣ стали во фронтъ уже совсѣмъ какъ слѣдуетъ—кто въ званіи ротнаго, кто—взводнаго командира. Явился маіоръ, прочиталъ намъ торжественнымъ голосомъ наставленіе, произвелъ маленькую репетицію, а затѣмъ пришелъ на плацъ и полковникъ. Было произведено полное баталіонное ученіе и церемоніальный маршъ съ музыкой. Затѣмъ люди отпущены въ казармы, а офицеры вызваны предъ командира. Полковникъ прежде всего поблагодарилъ Котляревскаго за его труды. Послѣ похвалилъ Басова, меня и еще кого-то; остальнымъ выразилъ неудовольствіе, а штабсъ-капитану Васильеву намылилъ жестоко голову за совершенное незнаніе дѣла, прибавивъ: „извольте взять примѣръ съ поручика З., первый разъ ставшаго во фронтъ; я вынужденъ дать ему, младшему, роту прежде васъ; извольте учиться, и если въ слѣдующій разъ вы не окажете лучшихъ познаній, представлю по начальству къ увольненію за неспособность“. Еще разъ поблагодаривъ меня за успѣхи, полковникъ прибавилъ: „теперь прошу заняться еще егерьскимъ ученіемъ и пріучиться къ командованію ружейныхъ пріемовъ“.

Служба во все это время не ограничивалась, впрочемъ, одними лекціями маіора Котляревскаго; кое-что приходилось дѣлать и по завѣдыванію командой крѣпостныхъ ружей, люди коей, въ числѣ 27 человѣкъ, постоянно требовались для исполненія разныхъ обязанностей, до ихъ спеціальности вовсе не относившихся; кромѣ того, нерѣдко наряжался я дежурнымъ по штабъ-квартирѣ, или визиторъ-рун-

домъ, что въ Ишкартахъ, въ виду строгости полковника, исполнялось гораздо педантичнѣе, чѣмъ въ Шурѣ, и двукратный обходъ ночью, кругомъ довольно обширнаго штаба, въ грязь или холодную непогоду, было крайне тяжелою обязанностью.

За время бытности моей въ Ишкартѣ случилось замѣчательное происшествіе. Въ началѣ ноября, еще до моего туда прибытія, ожидался пріѣздъ бригаднаго генерала Волкова для инспекторскаго смотра. Начались приготовленія, и въ ротахъ было отдано строгое приказаніе всѣмъ людямъ къ смотру чиститься, имѣть все положенное по штату въ ранцахъ, вообще быть въ полной исправности. На другое утро послѣ отдачи этого приказанія, въ 13-й мушкетерской ротѣ оказался одинъ солдатъ бѣжавшимъ ночью 3-го числа. Для ротнаго командира, конечно, происшествіе непріятное, тѣмъ болѣе, что этотъ солдатъ былъ хорошій по фронту; но побѣги случались тогда нерѣдко, и потому дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. 22-го ноября, рано утромъ, въ мое дежурство, изъ ближайшаго покорнаго аула Ишкарты явились два татарина и объявили, что наканунѣ были они на охотѣ въ горахъ и среди развалинъ Караная, привлеченные сильнымъ лаемъ своихъ собакъ, совершенно нечаянно нашли въ снѣгу больного солдата; но какъ онъ не въ состояніи былъ подняться, они же вдвоемъ нести его не могли, то и пришли дать намъ знать объ этомъ. Я тотчасъ доложилъ полковому командиру, а онъ распорядился послать офицера съ сорока человѣками и полковою повозкой за найденнымъ солдатомъ. Въ сумерки команда возвратилась и доставила въ полковой лазаретъ полуживаго солдата съ отмороженными ногами. Когда его обогрѣли и дали ему немного теплаго супу, онъ пришелъ въ себя настолько, что могъ отвѣчать на вопросы. Вотъ что онъ показалъ: получивъ приказаніе готовиться къ инспекторскому смотру и испугавшись отвѣтственности за какую-то утраченную вещь, кажется, рубаху, онъ рѣшился бѣжать. Въ сумерки, воспользовавшись туманомъ, онъ успѣлъ

проскользнуть мимо часового въ ворота и пустился въ горы, разсчитывая къ утру добраться въ Гимры. На немъ была только шинель сверхъ бѣлья и короткіе сапоги на ногахъ, да захватилъ онъ фунта два хлѣба. Туманъ, однако, такъ сгустился, что онъ скоро потерялъ дорогу и, проплутавъ всю ночь, очутился надъ какимъ-то ужаснымъ обрывомъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ и съѣвъ свой хлѣбъ, онъ пустился дальше; но туманъ въ горахъ не исчезалъ, никакой дороги онъ не находилъ, всѣ поиски въ разныя стороны постоянно приводили его къ ужаснымъ обрывамъ, такъ что на третій день, выбившись изъ силъ, мучимый голодомъ, прорвавъ по камнямъ сапоги и поранивъ до крови ноги, онъ рѣшился пуститься по склону горъ назадъ, чтобы попасть въ Ишкарты и явиться съ повинною. И это ему не удавалось въ теченіе двухъ сутокъ: онъ, казалось ему, спускался внизъ уже столько времени, что долженъ былъ бы давно быть въ Ишкартахъ, или, по крайней мѣрѣ, услышать барабанный бой утренней или вечерней зори, а между тѣмъ попадалъ въ какія-то балки, заваленныя крупными камнями, въ водомоины; туманъ же все не проходилъ, холодъ становился рѣзче, а голодъ уже производилъ судороги въ животѣ... Проведя въ одной изъ такихъ балокъ ночь, онъ, на разсвѣтѣ, уже почти ползкомъ, все придерживаясь ея направленія, пустился дальше и чрезъ нѣсколько часовъ очутился въ старомъ Каранаѣ, мѣстности ему знакомой (сюда часто хаживали наши команды по тревогамъ, за фуражемъ и т. п.), откуда онъ уже могъ навѣрно попасть въ штабъ, до котораго осталось верстъ восемь. Но силъ идти дальше не хватило; онъ прилегъ подъ старою стѣной, закрываясь ею отъ вѣтра, и думалъ, что, отдохнувъ, можетъ быть еще въ силахъ будетъ доползти до мѣста... Заснулъ онъ тутъ. Но чрезъ нѣкоторое время муки голода возобновились до нестерпимой боли. Онъ открылъ глаза—на дворѣ темная ночь, рѣзкій вѣтеръ свищетъ и снѣгъ огромными хлопьями носится въ воздухѣ... Прошла ночь, развиднѣло, но занесен-

ный почти весь снѣгомъ, несчастный не могъ уже подняться съ мѣста: къ совершенному упадку силъ, къ голоднымъ спазмамъ, присоединилась жестокая боль отмороженныхъ ногъ... Онъ то впадалъ въ забытье, то очнется и глотнетъ разъ, другой снѣгу... Въ такомъ положеніи онъ пробылъ *пятнадцать* сутокъ, пока его не нашли татарскія собаки, обратившія своимъ лаемъ вниманіе своихъ хозяевъ. Не забудьте, что предъ этимъ онъ уже четверо сутокъ блуждалъ по горамъ, съѣвъ за все время два фунта хлѣба! И что еще удивительнѣе: солдатъ этотъ, видный, большого роста, отлично сложенный человѣкъ, обладалъ громаднымъ аппетитомъ, такъ что никогда не довольствовался отпускаемою порціей хлѣба и щей, а прикупалъ бѣлый хлѣбъ, или другіе съѣстные припасы. Онъ былъ изъ зажиточнаго мѣщанскаго семейства города Сумы (Харьковской губерніи) и часто получалъ письма съ деньгами.

Снявъ съ него это показаніе, я отправился доложить о немъ полковому командиру. Удивленіе по поводу такого почти невѣроятнаго случая было всеобщее. *Восемнадцать сутокъ* пробыть безъ пищи, при той обстановкѣ, въ которой этотъ несчастный солдатъ очутился—казалось намъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Докторъ объяснялъ это тѣмъ, что глотаніе снѣга служило нѣкоторымъ питаніемъ, хотя и эскулапъ нашъ соглашался, что случай замѣчательный, едва ли бывалый. Въ правдивости же разсказа несчастнаго страдальца не было никакого сомнѣнія.

Принятыя медицинскія мѣры ни къ чему не повели; антоновъ огонь въ обѣихъ ногахъ уже поднялся слишкомъ высоко, и въ ту же ночь солдатъ отдалъ Богу душу.

Въ январѣ 1852 года случилось другое происшествіе, меня въ особенности глубоко поразившее.

13-го числа получено извѣстіе, что наканунѣ мой милѣйшій баталіонный командиръ, подполковникъ Соймоновъ, на дорогѣ изъ Казанищъ въ Шуру, убитъ горцами... День былъ субботній, и онъ, по обыкновенію, поѣхалъ въ Шуру попа-

риться въ банѣ, затѣмъ въ воскресенье нарядиться въ форму и представиться съ почтеніемъ по начальству, сдѣлать визиты второстепеннымъ, но вліятельнымъ лицамъ, отобѣдать у командующаго войсками, провести время у знакомыхъ, а въ понедѣльникъ утромъ вернуться къ баталіону. Все время расположенія баталіона въ Казанищи, Соймоновъ акуратно всякую недѣлю совершалъ такую поѣздку. Такъ и 12-го января, послѣ обѣда, онъ приказалъ унтеръ-офицеру съ шестью рядовыми идти потихоньку по дорогѣ къ Шурѣ, а самъ, отдавъ различныя приказанія, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Верстахъ въ двухъ догналъ команду, проѣхалъ съ ними съ полверсты и, по всегдашнему, исподоволь сталъ все болѣе и болѣе отъѣзжать впередъ; это дѣлалось незамѣтно, благодаря хорошему ходу лошади. Не прошло пяти минутъ, солдаты, только-что спустившіеся въ небольшую балку, услыхали выстрѣлъ; выбѣжавъ наверхъ, они увидѣли четырехъ конныхъ горцевъ, скачущихъ въ сторону отъ дороги съ лошадью Соймонова; солдаты пустились бѣгомъ, сдѣлали на бѣгу нѣсколько выстрѣловъ и, пробѣжавъ еще саженъ триста, увидали на дорогѣ уже бездыханное тѣло, съ глубокою раной въ груди... Кромѣ лошади, хищники успѣли еще сорвать съ него обдѣланную въ серебро шашку.

Такъ погибъ человѣкъ, уцѣлѣвшій въ теченіи многихъ лѣтъ походовъ, жаркихъ дѣлъ съ непріятелемъ; погибъ въ минуту самыхъ завѣтныхъ мечтаній о полковничьемъ чинѣ и командованіи полкомъ, отличіяхъ, накопецъ, о какой-то молодой вдовѣ, уже давно ждавшей его въ Орловской губерніи. И вотъ этотъ-то опытный, бывалый на Кавказѣ человѣкъ, мнѣ же читавшій нотаціи за неосторожность, за рискованныя поѣздки безъ конвоя, погибъ отъ руки гнуснѣйшаго хищника, не въ честномъ бою, а на большой дорогѣ и, какъ послѣ по разсказамъ туземцевъ выяснилось, не предчувствуя никакой опасности, принявъ ѣхавшихъ по дорогѣ на встрѣчу четырехъ человѣкъ за мирныхъ жителей и привѣтствуя ихъ татарскимъ „Аллахъ сахла-сынъ...“

Бѣдный Илья Алексѣевичъ, царство ему небесное! Печальное извѣстіе о его смерти нѣсколько дней не выходило у меня изъ головы и все стоялъ онъ предо мною въ своей комической позѣ, отдающій разомъ приказанія и мнѣ, и фельдфебелямъ, и повару своему, и доктору...

XLI.

Я пишу настоящія воспоминанія, черпая единственно изъ моей, не совсѣмъ еще отупѣвшей памяти. Неудивительно поэтому, что строгаго хронологическаго порядка соблюсти не могу. Прочитывая написанное, вдругъ вспоминаешь какое-нибудь обстоятельство, случившееся гораздо раньше, но пропущенное, а между тѣмъ оно, въ ряду другихъ, не менѣе заслуживаетъ упоминанія. Такъ и теперь: разсказавъ два происшествія, случившіяся въ ноябрѣ 1851 и январѣ 1852 года, я вижу, что на предшествовавшихъ страницахъ говорилъ уже о смотрѣ и экзаменѣ, бывшихъ на шестой недѣлѣ поста, слѣдовательно не раньше конца марта 1852 года; а между тѣмъ совсѣмъ забылъ упомянуть еще объ одной интересной командировкѣ, имѣвшей мѣсто въ январѣ и февралѣ, и теперь только всплывшей на поверхность въ моей памяти.

Дѣло въ томъ, что въ Самурскомъ пѣхотномъ полку произошли безпорядки по денежной части. Казначей былъ отданъ подъ судъ, дѣло тянулось, по тогдашнимъ обычаямъ, весьма долго и кончилось наложеніемъ взысканія на всѣхъ офицеровъ, какъ выбирающихъ казначея. Вскорѣ однако возникли новыя претензіи разныхъ маркитантовъ и поставщиковъ, предъявившихъ массу росписокъ и счетовъ и требовавшихъ уплаты; между тѣмъ полкъ отказывался отъ этого, увѣряя, что всѣ эти счеты въ свое время были уже выплачены. Главнокомандующій приказалъ составить особую коммисію для разслѣдованія и разбора всѣхъ этихъ претензій; а князь Аргутинскій возложивъ дѣло на командира 4-го баталіона

Дагестанскаго полка, полковника Асѣева, своего любимца и бывшаго полковаго казначея, когда князь Моисей Захаровичъ еще командовалъ Тифлисскимъ полкомъ, предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ командирамъ Апшеронскаго и Дагестанскаго полковъ командировать по одному опытному офицеру, коимъ и явиться къ Асѣеву. Выборъ въ Дагестанскомъ полку палъ на меня. Я тотчасъ отправился въ Шуру, явился къ Асѣеву, познакомился тутъ же съ назначеннымъ отъ Апшеронскаго полка поручикомъ Шиманскимъ, и чрезъ день мы всѣ, на двухъ перекладныхъ, выѣхали въ Дешлагаръ, штабъ Самурскаго полка, верстахъ въ восьмидесяти отъ Шуры.

Дешлагаръ—названіе урочища, до 1848 года никѣмъ незаселеннаго, было выбрано подъ полковой штабъ весьма удачно. Мѣсто, удаленное отъ непокорныхъ обществъ, окруженное, и то не въ весьма близкомъ разстояніи, аулами съ запада и сѣвера шамхальцевъ, съ востока терекамейцевъ и съ юга Акушою, все населеніемъ давно покорнымъ, мирнымъ и не особенно воинственнымъ; всѣ угодья для полкового хозяйства имѣлись въ изобиліи; единственный недостатокъ былъ въ отсутствіи рѣчки или озера, вообще чувствовалось отсутствіе достаточнаго количества воды. Въ теченіи трехъ съ небольшимъ лѣтъ Дешлагаръ успѣлъ такъ устроиться и разростись, что многимъ уѣзднымъ городамъ Россіи пришлось бы ему позавидовать. Оборонительныя казармы, полковыя мастерскія, лазаретные флигеля съ соединительными стѣнками, составили кварталъ, родъ цитадели, съ обширною посрединѣ площадью, на которой воздвигали каменный храмъ. За воротами этого укрѣпленнаго квадрата раскинулся базаръ съ десяткомъ лавокъ и духановъ; далѣе правильными линіями тянулось нѣсколько улицъ съ чистенькими офицерскими и женатыхъ солдатъ домиками; еще далѣе ротные дворы, бани, кухни; на другой окраинѣ раскинулся прекрасный садъ съ прудомъ, бесѣдками и проч.; въ немъ же видѣлъ я и памятникъ убитому хищниками на почтовой дорогѣ изъ Дербента къ Дешлагару ин-

женеръ-капитану Попову. Кругомъ всей штабъ-квартиры, для усиленія обороны, возведены четыре красивыя башни. Все вообще имѣло видъ прочности и благообразія, что, впрочемъ, и неудивительно, какъ по самому выгодному положенію Дешлагара, такъ и по тому, что полкомъ командовалъ Эдуардъ Θедоровичъ Кеслеръ, извѣстный инженеръ, завѣдывавшій всѣми работами при осадѣ Салты и Гергебиля.

Окрестности Дешлагара не лишены живописности. На сѣверъ открытая равнина, пересѣченная кое-гдѣ волнообразными холмами, а за ними едва виднѣлось Каспійское море, и въ хорошую погоду изъ оконъ дома полкового командира можно было видѣть даже парусъ мимо плывущаго судна. На югъ лѣсистыя горы, разсѣкаемыя скалистымъ, но не лишеннымъ растительности ущельемъ, по коему пролегала хорошая колесная дорога въ Акушу и чрезъ нее къ Цудахару, Казикумуху и на Турчидагъ. Съ востока и запада спускались довольно отлогія, покрытыя хорошею травой покатости, по которымъ виднѣлись пасущіяся стада овецъ.

Мы прожили тогда въ Дешлагарѣ довольно долго, пока успѣли распутать и привести хоть въ нѣкоторое подобіе порядка кучу счетовъ, претензій и жалобъ и положить основанія правильному окончанію всего этого дѣла. Все время мы пользовались извѣстнымъ кавказскимъ гостепріимствомъ Э. Θ. Кеслера и его семейства, съ которыми съ тѣхъ поръ я уже и остался въ тѣхъ дружески-родственныхъ отношеніяхъ, какія въ нашъ исключительно практическій вѣкъ стали попадаться все рѣже и рѣже. Были мы не менѣе любезно приняты и въ другихъ семейныхъ домахъ Дешлагара, такъ что время между усидчивою работой и развлеченіями проходило быстро и пріятно, и воспоминаніе о немъ до сихъ поръ составляетъ свѣтлую точку въ панорамѣ прожитыхъ мною въ Дагестанѣ годовъ.

Нужно сказать, что и коммиссія составилась особенно удачно: всѣ трое сошлись какъ нельзя лучше, не взирая на самые рѣзкіе контрасты лѣтъ, характеровъ, понятій и по-

знаній. Дмитрій Кузьмичъ Асѣевъ, напримѣръ, хоть и былъ полковникъ, а мы только поручики, хоть и предсѣдатель, а мы члены, хоть изъ подражанія полковому командиру и доказывалъ, что чинопочитаніе первая основа военной службы, что слѣдуетъ соблюдать ее педантически даже и въ частныхъ отношеніяхъ и т. д.,—тѣмъ не менѣе самъ съ какимъ-то чисто-солдатскимъ добродушіемъ говорилъ намъ обоимъ „ты", разсказывалъ намъ и выслушивалъ отъ насъ анекдотцы и приключенія самаго уморительнаго качества, держалъ себя самымъ товарищескимъ образомъ и — что̀ важнѣе всего — не отказывалъ намъ давать въ займы деньжонки, въ которыхъ мы крайне нуждались, ибо безпрестанно проигрывали дешлагарскимъ дамамъ въ преферансъ... Во избѣжаніе отеческихъ наставленій, которыя приходилось при этомъ выслушивать, я придумалъ обращаться къ „Кузьмичу" (подъ этимъ именемъ зналъ его весь Дагестанъ отъ командующаго войсками до солдата въ полку) письменно, въ смѣхотворной формѣ. Послѣ обѣда, возвратясь отъ Кеслера, мы съ Шиманскимъ садились за работу, а Кузьмичъ отправлялся *дрыхнуть*, какъ самъ онъ говорилъ. Если требовались деньги, мы составляли, за общею подписью, „слезно-рыдающее" прошеніе, въ самыхъ жалостныхъ словахъ, выражали грозящую намъ при отказѣ гибель и клали бумагу на столикъ около кровати. Кузьмичъ, проснувшись, тотчасъ звалъ деньщика и тотъ долженъ былъ являться со свѣчкой и чаемъ. Первый предметъ, кидавшійся въ глаза, было наше прошеніе, и громкій хохотъ густымъ басомъ раздавался изъ-за двери.

„Ахъ ты, шустрый бонжурикъ"—обращался онъ ко мнѣ.— „Ахъ вы, шаромыжники, чужеженины поклонники"—говорилось уже обоимъ вмѣстѣ. Но въ результатѣ—удовлетвореніе просьбы, съ резолюціей, чтобы отнюдь уже больше его не безпокоить, ибо никакія слезнорыданія не помогутъ. А чрезъ недѣлю новая просьба и опять та же исторія.

Д. К. Асѣевъ былъ своего рода кавказскій типъ. Уроженецъ Курской губерніи, изъ класса самобѣднѣйшихъ, мелкопомѣст-

ныхъ дворянъ, за которыми числилось *полторы души* крѣпостныхъ, онъ юношей добрался до Кавказа, вступилъ вольноопредѣляющимся въ Тифлисскій егерскій полкъ, и, благодаря хорошему знанію грамоты, природному уму и трезвому поведенію, довольно скоро былъ произведенъ въ офицеры, выбранъ полковымъ казначеемъ и сталъ близкимъ человѣкомъ тогдашняго полкового командира князя Аргутинскаго, который уже не оставлялъ ему покровительствоватъ до самой смерти своей. Такимъ образомъ Асѣевъ достигъ полковничьяго чина, командовалъ впослѣдствіи Апшеронскимъ полкомъ и, произведенный въ генералъ-майоры, былъ назначенъ дербентскимъ губернаторомъ, и въ этой должности умеръ, кажется, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Покойникъ былъ толковый, дѣловой человѣкъ, хорошо знавшій Прикаспійскій край и съ пользой служилъ все время, хотя боевымъ офицеромъ не былъ и особыхъ способностей не выказывалъ; въ полку отъ подчиненныхъ расположеніемъ не пользовался.

Товарищъ мой по коммиссіи, Николай Андреевичъ Шиманскій, если не ошибаюсь, былъ присланъ на Кавказъ рядовымъ прямо изъ гимназистовъ одной изъ гимназій Царства Польскаго за участіе въ какихъ-то политическихъ мечтаніяхъ, сочиненіе или декламированіе возмутительныхъ виршей, или за что-то въ этомъ родѣ. Подобно многимъ своимъ соотечественникамъ на Кавказѣ, вмѣсто ссылки и страданій, онъ нашелъ радушнѣйшее благорасположеніе и поддержку. Произведенный въ офицеры Апшеронскаго полка, онъ оказался хорошимъ исправнымъ служакой, добрымъ, скромнымъ человѣкомъ и товарищемъ, постепенно подвигался по іерархіи фронтовыхъ должностей, командовалъ баталіономъ стрѣлковъ своего полка; въ 1862 году, при усиленныхъ дѣйствіяхъ на Западномъ Кавказѣ, за рѣкой Бѣлою, съ баталіономъ и одною казачьею сотней совершилъ блистательный подвигъ, отбившись отъ окружившей его въ лѣсу нѣсколько-тысячной толпы черкесовъ, за что̀ получилъ георгіевскій крестъ; наконецъ,

произведенный въ полковники, получилъ Тенгинскій пѣхотный полкъ, которымъ командуетъ и теперь.

Съ большимъ сожалѣніемъ разстались мы, особенно я, съ Дешлагаромъ и возвратились въ Шуру, откуда я, чрезъ день, съ бумагой отъ Асѣева отправился въ Ишкарты. Явившись къ своему полковому командиру, я вручилъ ему бумагу и на словахъ объяснилъ въ чемъ заключалось наше порученіе. П. Н. Броневскій, сказавъ, что полковникъ Асѣевъ въ своемъ рапортѣ весьма лестно отзывался обо мнѣ, выразилъ мнѣ свою благодарность.

Тотчасъ послѣ Святой Недѣли явился приказъ по полку о назначеніи меня командиромъ 2-й мушкетерской роты, для принятія коей я и долженъ отправиться въ аулъ Кяфыръ-Кумыкъ, вблизи Шуры, въ окрестностяхъ коей былъ тогда расположенъ 1-й баталіонъ нашего полка.

Полковой командиръ, когда я явился къ нему предъ отъѣздомъ, встрѣтилъ меня слѣдующими, памятными мнѣ словами: „Я чрезвычайно доволенъ всею вашею службой, и назначаю васъ ротнымъ командиромъ, хотя есть много старше васъ офицеровъ не командующихъ; надѣюсь, что въ новомъ званіи вы окажетесь такимъ же исправнымъ, какъ до сихъ поръ. Вы примете роту распущенную и доведенную до того, что она рѣшилась оказать неповиновеніе своему баталіонному командиру. Дѣло объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи уже окончено, главные виновники наказаны и переведены въ другія части; но вамъ предстоитъ подтянуть роту, строго соблюдать дисциплину, усердно заняться ея фронтовымъ образованіемъ, за малѣйшій безпорядокъ взыскивать и не допускать никакихъ послабленій. Если нужно будетъ, пишите прямо мнѣ — я васъ поддержу. Затѣмъ извольте ѣхать, пріемъ произвести со всею аккуратностью и вниманіемъ, чтобы не отвѣчать въ случаѣ какихъ-нибудь недостатковъ“. И подалъ мнѣ руку.

— Постараюсь, господинъ полковникъ, исполнить все и оправдать ваше довѣріе.

Я уже довольно подробно говорилъ о П. Н. Броневскомъ, о его строгости, педантичности, неприступности, о томъ, какъ онъ поставилъ себя съ подчиненными, и потому читатель пойметъ, что такое вниманіе, такія слова не могли не польстить моему самолюбію, тѣмъ болѣе, что если я не могъ чувствовать къ нему особой симпатіи, то питалъ зато полное уваженіе и сознавалъ, что служба подъ его начальствомъ была хорошею школой. Я вышелъ отъ него совершенно довольный и пріемомъ, и самимъ собою, и далъ себѣ слово сдержать обѣщаніе, оправдать его увѣренность въ моей готовности и усердіи въ новой должности.

По прибытіи въ Шуру, я тотчасъ явился къ баталіонному командиру подполковнику Козлянинову, котораго до тѣхъ поръ никогда не встрѣчалъ.

Молодой, симпатичный, отчасти образованный, переведенный на Кавказъ изъ гвардіи Измайловскаго полка, Козляниновъ былъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые въ тѣ времена рвались на Кавказъ „для битвъ, для жизни боевой и для отличій". При штурмѣ Салты въ 1847 году онъ былъ раненъ, участвовалъ послѣ того еще во многихъ дѣлахъ и наконецъ принялъ 1-й баталіонъ въ Дагестанскомъ полку. Не подходя къ общему типу тѣхъ офицеровъ, которые старались дѣйствовать въ духѣ полковника Броневскаго, жившій на товарищеской ногѣ съ своими офицерами, ласковый въ обращеніи съ солдатами, онъ не пользовался расположеніемъ полкового командира, державшагося совсѣмъ другихъ взглядовъ. Наконецъ въ Чирьюртѣ, гдѣ былъ расположенъ баталіонъ, случилось важное во фронтовой службѣ происшествіе. Козляниновъ протежировалъ своему баталіонному адъютанту, молодому офицеру изъ кадетъ, этотъ въ свою очередь протежировалъ фельдфебелю 2-й роты, какому-то ловкому унтеру изъ кантонистовъ, а тотъ, пользуясь такимъ покровительствомъ, позволялъ себѣ въ ротѣ разныя мелкія злоупотребленія и третировалъ уже слишкомъ свысока не только рядовыхъ, но даже и старыхъ унтеръ-офицеровъ, что и вызвало общее не-

удовольствіе. Ротный же командиръ штабсъ-капитанъ Шульманъ, добрѣйшій, тихій человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, про коихъ говорятъ: „мухи не обидитъ“, не имѣлъ достаточно характера прекратить дѣло въ зародышѣ. Кончилось тѣмъ, что рота оказала неповиновеніе фельдфебелю при какомъ-то нарядѣ, не послушала и Шульмана, когда онъ сталъ ихъ успокоивать, и съ шумомъ требовала смѣнить фельдфебеля Явился самъ баталіонеръ, вызвалъ всю роту во фронтъ и сталъ требовать зачинщиковъ безпорядка.

— Мы всѣ зачинщики!—крикнула рота въ одинъ голосъ.— Не желаемъ служить съ этимъ фельдфебелемъ!

Козляниновъ вызвалъ остальныя три роты, окружилъ *бунтовавшую* и перепоролъ роту, кажется, черезъ десятаго человѣка, а унтеръ-офицеровъ арестовалъ. Кромѣ того, при выступленіи баталіона изъ Чирьюрта, велъ всю дорогу 2-ю роту съ *отомкнутыми штыками*.

Окончилось все же тѣмъ, что фельдфебель былъ признанъ виновнымъ въ растратѣ какой-то ротной экономической муки и превышеніи власти, за что и разжалованъ въ рядовые; ротный командиръ былъ устраненъ за слабость, а нерасположеніе полкового командира къ Козлянинову усилилось до того, что оставаться послѣднему въ полку уже очевидно было неудобно. Онъ и хлопоталъ о переводѣ въ другой полкъ, а до того собирался въ отпускъ.

Когда я явился къ Козлянинову, онъ мнѣ тотчасъ же и объявилъ, что онъ уже только калифъ на часъ, что скоро вѣроятно уѣдетъ, потому особаго интереса къ дѣламъ баталіона не имѣетъ. „Впрочемъ—прибавилъ онъ—очень радъ познакомиться, и жалѣю, что не придется вмѣстѣ послужить“ *).

Баталіонъ стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ Шуры. Прі-

*) Впослѣдствіи Козляниновъ перешелъ на службу въ Россію, былъ произведенъ въ полковники, командовалъ стрѣлковымъ баталіономъ въ Одессѣ, затѣмъ назначенъ командиромъ муромскаго пѣхотнаго полка. Во время польскаго возстанія, онъ съ ротой, преслѣдуя банду повстанцевъ, ворвался въ лѣсъ впереди своихъ солдатъ и былъ *изрубленъ топорами*.

ѣхавъ, я былъ очень радъ, встрѣтивъ штабсъ-капитана Вертгейма командиромъ 1-й мушкетерской роты; старый знакомый по службѣ въ 3-мъ баталіонѣ и опытный офицеръ, онъ могъ мнѣ дать не мало полезныхъ совѣтовъ, особенно по части пріема роты. Благодаря его указаніямъ, я покончилъ пріемъ довольно скоро и безъ особыхъ затрудненій, а затѣмъ уже всецѣло отдался командованію, стараясь знакомиться съ людьми, запоминать ихъ фамиліи, вникалъ въ мельчайшія условія ротнаго хозяйства (въ тѣ времена довольно сложнаго), въ правильность нарядовъ и. пр. „Хочу — половина могу.“ Стоитъ только искренно захотѣть и съ энергіей взяться за дѣло, тотчасъ и окажется, что „не святые горшки лѣпятъ“. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, я уже такъ вошелъ въ свою роль, что нѣкоторое презрительно-ироническое ко мнѣ отношеніе старыхъ ротныхъ командировъ, какъ къ „штафиркѣ“, то есть къ статскому, совершенно исчезло, и когда приходилось обсуждать какое-нибудь обстоятельство до ротныхъ дѣлъ относящееся, мое мнѣніе тоже выслушивалось.

Въ концѣ апрѣля насъ перевели изъ ауловъ въ самую Шуру и расположили лагеремъ. Баталіонъ нарядили на работы по укрѣпленію *); люди рыли канавы, насыпали брустверъ и т. п., а намъ, офицерамъ, приходилось простаивать при нихъ цѣлые дни напролетъ. Когда не было наряда на работы, производились ученія каждой ротѣ особо. Тогда я преимущественно занялся ружейными пріемами съ тою безплодною, напрасно мучившею людей эквилибристикой, которая въ тѣ времена считалась чуть не альфой и омегой военной науки.

Довольно вспомнить одни *ефрейторскіе пріемы*, чтобы стать втупикъ предъ ослѣпленіемъ, царствовавшимъ въ сильныхъ сферахъ военнаго міра! А нечего было дѣлать: требовалось знать и требовалось, чтобы все это дѣлалось чисто, въ

*) Работы производились инженеръ-поручикомъ Фолькенгагеномъ, извѣстнымъ впослѣдствіи строителемъ Петровскаго и Потійскаго портовъ.

тактъ, чтобы весь баталіонъ сдѣлалъ пріемъ, „какъ одинъ орѣхъ щелкнулъ". Ну, вотъ и разведешь бывало роту „покоемъ", то-есть три шеренги строились на подобіе буквы П, да часа два и дерешь глотку, командуя: „отъ дождя, на погребеніе" и т. п., а тамъ опять сведешь шеренги и начнется „заряжаніе на двѣнадцать темповъ". Еслибы теперь продѣлать что-нибудь подобное, то это было бы наипотѣшнѣйшее для военнаго человѣка зрѣлище.

Мы съ Вертгеймомъ нанимали вмѣстѣ на окраинѣ Шуры близь лагеря квартирку и вообще были въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя ни по лѣтамъ, ни по понятіямъ ничего общаго у насъ не было. Я часто пользовался его совѣтами въ разныхъ „вопросахъ" по командованію ротой, но не могъ подражать его способу обращенія съ солдатами, а онъ не скрывалъ своего неудовольствія за „нѣжности", какъ онъ называлъ мои отношенія къ людямъ. Въ одно утро я услышалъ изъ комнаты Вертгейма сильнѣйшее хрипѣніе. Вбѣжавъ туда, засталъ его лежащимъ на кровати съ налившимися кровью глазами, безъ движенія, только сильный хрипъ обнаруживалъ жизнь. Тотчасъ призванный докторъ нашелъ сильный апоплексическій ударъ; всѣ принятыя мѣры ни къ чему не повели; перевезли его въ госпиталь, гдѣ онъ ночью и умеръ, уже не приходя въ сознаніе.

Хожденія на работы и ученія продолжались до конца мая. Въ это время прибылъ въ баталіонъ недавно произведенный изъ капитановъ Ширванскаго полка маіоръ Д—цкій-Б—чъ, въ качествѣ младшаго штабъ-офицера. Уже съ первыхъ дней онъ обратилъ на себя вниманіе своею фигурой, своимъ особаго рода забавнымъ франтовствомъ — перетянутою въ рюмочку таліей, какими-то панталонами *съ раструбами*, преуморительною папахой (тогда въ кавказскихъ войскахъ папахи замѣняли каски), но еще болѣе своимъ писклывымъ фальцетомъ и особымъ складомъ рѣчи, пересыпаемой фразами изъ переводныхъ романовъ и повѣстей отечественныхъ писателей, нынѣ давно забытыхъ. О чемъ бы ни зашла рѣчь,

онъ тотчасъ прерывалъ всякаго стереотипною фразой: „нѣтъ, ужъ позвольте, это вовсе не такъ“. Впрочемъ, какъ лицо не начальственное, держалъ себя пока не свысока, а какъ бы снисходительно товарищески.

Въ первыхъ числахъ іюня объявлено было выступленіе отряда въ горы, и маіоръ Д—цкій, за болѣзнію Козлянинова, назначенъ командиромъ 1-го баталіона. Съ этой минуты онъ былъ неузнаваемъ. Строгій начальническій тонъ, рѣзкій повелительный голосъ, поминутныя требованія къ себѣ ротныхъ командировъ, вмѣшательства во всякое ихъ распоряженіе, прямыя приказанія фельдфебелямъ, противорѣчившія нашимъ приказаніямъ, придирки, мелочность — однимъ словомъ, несноснѣйшее командованіе, ежечаено волновавшее нашу желчь. Преспектива впереди видѣлась далеко непривѣтливая.

3-го іюня въ Темиръ-ханъ-шурѣ собрался отрядъ, выѣхалъ на плацъ генералъ-маіоръ князь Григорій Дмитріевичъ Орбельяни, временно командовавшій войсками въ Дагестанѣ за болѣзнію князя Аргутинскаго-Долгорукаго, отслужили молебенъ, священникъ обошелъ ряды со святою водой и пѣніемъ „спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое“, усердно крестились, обнаживъ головы, наши бодрые, славные солдаты, подходя съ своими копѣйками къ аналою, прошли церемоніальнымъ маршемъ, и съ пѣсенниками впереди тронулись мы, баталіонъ за баталіономъ, чрезъ Дженгу[illegible]й по знакомой дорогѣ на Кутишинскія высоты, куда и пришли на третій день.

Въ два мѣсяца командованія ротой я узналъ всѣхъ людей и полюбилъ ихъ всею душой. Ни пьяницъ, ни воровъ, ни буяновъ; усердные, исправные, добродушно-веселые, всегда радостно меня привѣтствовавшіе, эти истинные представители безропотнаго, выносливаго, мужественнаго русскаго народа не могли не вселить къ себѣ въ маломальски порядочномъ человѣкѣ чувства полнѣйшаго уваженія и расположенія. Не пріученный предшествовавшею службой къ грубымъ казарменнымъ выраженіямъ, я не

имѣлъ духа подражать въ этомъ отношеніи большинству моихъ сослуживцевъ и, не вдаваясь въ фамильярности, не прибѣгалъ никогда къ ругани и кулакамъ. Солдаты очевидно цѣнили это человѣчное обращеніе не менѣе моей заботливости объ ихъ *интересахъ*, а интересы у нихъ были, и нарушались они сплошь и рядомъ. Правильная раздача скуднаго жалованья (1 р. 10 к. въ треть), правильные изъ этого мизернаго жалованья вычеты — на образъ, на цирюльника, въ артельную сумму, на содержаніе ротныхъ лошадей и т. п., бдительный надзоръ за каптенармусами и артельщиками при покупкахъ и разсчетахъ съ маркитантами, наконецъ, правильная раздача спирта—все это, не у всѣхъ дѣлавшееся безупречно, велось у меня подъ строгимъ контролемъ. Разныя льготы фельдфебеля, капральныхъ и другихъ, не упускавшихъ случая пользоваться на счетъ роты лишними фунтами мяса, лишнею чаркой спирта, я прекратилъ, не взирая на издавна укоренившійся обычай. Денежныя письма, получавшіяся на имя людей моей роты, не задерживались ни въ полку казначеемъ, ни у меня; письма солдатъ на родину доставлялись въ ротную канцелярію, и я строго слѣдилъ, чтобъ они съ первою оказіей вѣрными руками были сданы на почту. Ни своихъ, ни другихъ офицерскихъ вещей возить на ротныхъ лошадяхъ я не допускалъ, а напротивъ, съ уставшаго иногда въ походѣ человѣка велю снять ранецъ и положить на свои вьюки. Подобный образъ дѣйствій не ускользнулъ отъ солдатъ, и на каждомъ шагу старались они доказать мнѣ свою благодарность. Иногда, въ несносный жаръ, утомительный маршъ въ гору, по камнямъ, становился для тяжело-навьюченныхъ людей уже слишкомъ труднымъ. Обливаясь потомъ, глотая пыль, мучимые жаждой, солдаты начинали растягиваться, отставать, ложиться у дороги. Я большею частью шелъ впереди самъ пѣшій, и стоило мнѣ подойти и сказать: „ребята, не растягиваться, не отставать, не стыдите 2-й роты предъ отрядомъ", и все сейчасъ поднималось, догоняло и плелось въ своемъ мѣстѣ. Очень

ободрительно дѣйствовало на нихъ и то, что, обращаясь къ кому-нибудь, я называлъ по фамиліи, да еще съ прибавленіемъ какого-нибудь слова, доказывавшаго, что я ихъ хорошо знаю.

„Максимовъ! ахъ ты старый шутъ! а еще подъ *Аршаву* ходилъ„ (то-есть участвовалъ въ кампаніи 1831 года въ Польшѣ); или: „Сливка! не иголку въ рукахъ держишь (онъ былъ портной), а ружье„ — и улыбается Максимовъ или Сливка, и изъ кожи лѣзетъ сдѣлать пріемъ получше, пройти ровнѣе во фронтѣ.

Одно меня сердило, что никакъ не могъ пріучить солдатъ называть меня правильно: сколько ни бился, а какъ спросишь какого-нибудь Михальчука: „какъ зовутъ ротнаго командира?“ — „Поручикъ *Басурмановъ*, ваше благородіе“. Такъ я остался навсегда у солдатъ Басурмановымъ.

Стали мы на Кутишинскихъ высотахъ, на прошлогоднемъ знакомомъ мѣстѣ, разбили лагерь и началась служба. Если баталіонъ не получалъ какого-нибудь наряда и погода позволяла, то производились ротныя ученья, особенно разсыпной строй или егерьское, какъ тогда называли. Эта часть, какъ болѣе осмысленная, болѣе живая, напоминавшая бой, мнѣ настолько нравилась, что я занимался ею съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, особенно, когда не подходилъ маіоръ со своими рѣзкими замѣчаніями, крикомъ и руганью. Въ нѣсколько ученій, благодаря нѣкоторымъ моимъ старымъ отличнымъ унтеръ-офицерамъ, прошедшимъ строгую фронтовую школу еще въ полкахъ 5-го корпуса, и моей, кстати прибавить, необычайной памяти, я просто съ удовольствіемъ и полною увѣренностью въ знаніи дѣла выходилъ съ ротой за лагерь и разыгрывалъ примѣрныя въ маломъ видѣ сраженьица съ воображаемымъ непріятелемъ. Наступленіе и отступленіе съ перестрѣлкой, переправы, усиленіе цѣпи, кучки для защиты отъ атакъ кавалеріи, наконецъ атаки и штурмъ какой-нибудь мѣстности, все это по сигналамъ и барабанному бою— просто увлекали, настраивали на воинственный ладъ. и воз-

вращаешься, бывало, въ лагерь съ лихими пѣсенниками впереди, какъ будто въ самомъ дѣлѣ послѣ жаркаго боя и побѣды... Молодость, вся окружающая обстановка, сама природа, дикая, грозная, какъ бы насыщенная воинственною тревогой—все дѣйствовало на человѣка съ усиленно работающимъ воображеніемъ, легко увлекающагося и бывшаго подъ живыми впечатлѣніями предшествовавшаго образа жизни, среди горцевъ и различныхъ опасностей. Теперь, болѣе чѣмъ черезъ четверть вѣка, со скептическою улыбкой переносишься къ этимъ увлеченіямъ; мелочны, забавны кажутся они, въ виду обуревающихъ насъ болѣе серьезныхъ, зато и болѣе раздражающихъ интересовъ. Но, какъ всякое воспоминаніе, связанное съ молодыми годами человѣка, когда и физическая, и духовная жизнь бьетъ ключомъ, и эти мелочныя событія, живо проходя предъ глазами, доставляютъ особое, трудно передаваемое удовольствіе, понятное всякому, кто

Съ молоду былъ молодъ,
Кто во время созрѣлъ...

Въ числѣ скучныхъ, антипатичныхъ служебныхъ обязанностей были наряды: *въ ночные и въ прикрытіе отряднаго табуна*. Первое означало, что рота должна была находиться всю ночь въ цѣпи, кругомъ лагеря, а мнѣ приходилось или закутавшись въ бурку лежать съ резервомъ на холодной землѣ, не имѣя даже утѣшенія въ куреніи (это строго запрещалось, чтобы огнемъ не открывать непріятелю мѣста нахожденія цѣпей и секретовъ), или же обходить цѣпь. Еще въ хорошую погоду ночь проходила кое-какъ и я развлекался разсказами въ полголоса моихъ юнкеровъ, особенно одного, о которомъ скажу подробно ниже, но когда дождь лилъ какъ изъ ведра, или густой сырой туманъ, рѣзкій холодный вѣтеръ и изморозь на высотѣ шести тысячъ футовъ пробирали насквозь и не было средствъ согрѣться — провести какихъ-нибудь восемь-девять часовъ ночи въ цѣпи было просто пыткой. Я завидовалъ тогда своимъ солдатамъ:

только-что смѣнятъ его изъ цѣпи, онъ повалится на земь, прямо въ лужу, и чрезъ минуту уже спитъ.

Второе, *въ прикрытіе табуна*, было тоже своего рода скучнѣйшею процедурой, а въ дурную туманную погоду и тяжело, и довольно опасно въ смыслѣ отвѣтственности. Послѣ пробитія утренней зари, рота выходила за лагерь, выгонялся весь табунъ отрядныхъ, подъемныхъ офицерскихъ и другихъ лошадей, весь маркитантскій порціонный скотъ, при фурштатахъ и разной нестроевой *безпардонной* командѣ, и прикрывая весь этотъ таборъ, я долженъ былъ отойдти нѣсколько верстъ, гдѣ была получше трава, и весь день до сумерекъ стоять насторожѣ. Придя на мѣсто, разставишь кругомъ пикеты, къ болѣе опаснымъ, по соображенію, мѣстамъ вышлешь съ унтеръ-офицерами усиленные посты, а съ остальными людьми, выбравъ повыше мѣсто для удобства наблюденія, расположишься и торчишь такъ весь день, въ роли оберъ-пастуха. При хорошей погодѣ ничего: кругомъ все видно, читаешь, прогуливаешься, усмиряешь какихъ-нибудь подравшихся конюховъ, возьмешь съ собою все нужное и велишь варить обѣдъ, ставить самоваръ – время проходитъ незамѣтно; но въ непогодь, туманъ и ливень — это было божескимъ наказаніемъ. Двѣнадцать часовъ мокнешь, кругомъ никого не видно, боишься, чтобы какой-нибудь пикетъ не оплошалъ, чтобы какія-нибудь казенныя лошади не отбились и не свалились подъ кручу; читать нельзя; огонь заливаетъ; приходится довольствоваться самою скудною походною закуской; тоска одолѣвала просто невыносимая, и только поминутно, бывало, смотришь на часы, чтобы поскорѣе ударить сборъ и уходить въ лагерь.

Случалось ходить съ ротой въ ближайшія укрѣпленія Ходжалъ-Махи или Аймяки, для прикрытія пріемщиковъ всего отряда, отправлявшихся за полученіемъ провіанта, спирта, для сдачи больныхъ въ лазареты и т. п. Это были лучшія изъ командировокъ, потому что представляли нѣкоторое разнообразіе.

Прошло уже съ мѣсяцъ нашего расположенія на Кутишинскихъ высотахъ; никакихъ тревожныхъ извѣстій, никакихъ движеній, вообще чего-нибудь похожаго на войну не оказывалось. Лагерь сталъ походить чуть не на лагерь внутри Россіи. Ученія, гдѣ-нибудь въ лощинкѣ уши раздирающіе звуки обучающихся горнистовъ или колотящихъ барабанщиковъ; по воскресеньямъ богослуженія и парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ, съ неизбѣжнымъ „перемѣна дирекціи направо", и еще болѣе неизбѣжнымъ визгомъ маіора Д—цкаго на меня за несоблюденіе дистанціи, и еще болѣе, что я марширую предъ взводомъ небрежно, „не выношу носка"... „Такъ нельзя служить-съ" — прибавлялъ онъ, уже видимо чувствуя приливъ вдохновенія для дальнѣйшаго ораторства; но я, пользуясь секундой паузы, отвѣшивалъ поклонъ и удалялся, а маіоръ становился втупикъ: звать ли меня обратно, или же считать дѣло оконченнымъ. Я постоянно держался съ нимъ такой системы. Другіе офицеры входили въ объясненія, оправдывались, препирались, но, конечно, напрасно: маіоръ выходилъ изъ себя, кричалъ, бѣсновался, но на другой день, какъ ни въ чемъ ни бывало, встрѣтится съ тѣмъ же офицеромъ, заведетъ частный разговоръ и зазоветъ къ себѣ закусить. Я же, напротивъ, стою какъ истуканъ и слушаю, не произнося ни единаго слова; шумитъ-шумитъ, подбираетъ разныя грубости изъ богатаго лексикона, бывшаго во время оно въ большомъ ходу — я стою и молчу; при первой же паузѣ, отвѣшиваю поклонъ и ухожу, или спрашиваю самымъ наивнымъ тономъ: *больше ничего не изволите приказать?*

— Ничего-съ, извольте идти!

Я поворачивался чуть не по-солдатски налѣво кругомъ и выходилъ.

Это выводило его изъ себя.

Къ началу іюля пріѣхалъ въ отрядъ и полковой командиръ нашъ, отдавъ приказаніе представить ему поочереди всѣ роты на смотръ. Дошла очередь до моей, и я съ нѣко-

торымъ безпокойствомъ выступилъ изъ лагеря. Я опасался болѣе всего, что Д—цкій настроитъ полковника не въ мою пользу, тотъ отнесется пристрастно, станетъ придираться, дѣлать замѣчанія—и самолюбію моему будетъ нанесенъ сильный ударъ. Вышло противное: самый строжайшій экзаменъ, начатый съ ружейныхъ пріемовъ, кончившійся полнымъ егерьскимъ ученіемъ съ пальбой и т. д., далъ блистательнѣйшіе результаты. П. Н. Броневскій безпрерывно повторялъ свою благодарность мнѣ и людямъ роты, такъ что вернулся я съ продолжительнаго муштрованія, не чувствуя никакой усталости, подмываемый чрезвычайно щекотящими ощущеніями самодовольства. Поблагодарилъ я сердечно своихъ мушкетеровъ, что постарались на смотру, и подарилъ имъ отъ себя ведро водки. Чрезъ нѣкоторое время появился приказъ по полку о результатахъ осмотра полковымъ командиромъ осьми ротъ 1-го и 4-го баталіоновъ, и моя 2-я мушкетерская написана въ *первомъ* нумерѣ по своему отличному состоянію и фронтовому образованію.

Можетъ ли быть что-нибудь мелочнѣе и забавнѣе въ настоящее время, какъ это хвастливое сознаніе въ чрезвычайномъ удовольствіи отъ похвалы полкового командира за хорошее знаніе ротнаго ученія? Я не сомнѣваюсь, что подобный вопросъ невольно явится у большинства читателей. Но это меня не смущаетъ, и я чистосердечно признаюсь, что два-три дня послѣ изданія помянутаго приказа по полку я былъ въ такомъ радостномъ настроеніи, какъ гимназистъ, выдержавшій съ успѣхомъ выпускной экзаменъ и получившій аттестатъ зрѣлости. Все сводится къ данному времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Бываютъ событія для современниковъ первостепенной важности—событія, производящія замѣшательства между государствами, сопровождающіяся кровопролитіями, а въ глазахъ потомства оказывающіяся ничтожными, не стоившими не только крови, но тѣхъ чернилъ, которыя изъ-за этихъ обстоятельствъ потрачены. Въ жизни каждаго человѣка нѣчто подобное тянется отъ дѣтства до гро-

бовой доски. Подумаешь, какъ иной человѣкъ хлопочетъ, суетится съ чрезвычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, выступаетъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, кажущимся и ему и многимъ другимъ необычайно важнымъ, чуть не судьбы человѣчества рѣшающимъ, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и, Боже мой! съ какою улыбкой (хорошо еще если добродушною) будутъ читать объ этомъ жарѣ увлеченія другіе люди, въ свою очередь, занятые опять крайне важными—не чета-де тѣмъ, прежнимъ дѣламъ!.. Все условно.

Между тѣмъ время проходило, ни о какихъ военныхъ дѣйствіяхъ не было и слуха, а слѣдовательно, главныя мечты и желанія оставались неудовлетворенными. За табасаранскій походъ 1851 года вышли награды, и я получилъ Анну 4-й степени „за храбрость"—самая низшая награда, какую только офицеру и можно было дать, награда никого не удовлетворявшая. Я поэтому только и мечталъ, какъ бы скорѣе опять въ дѣло, чтобы получить болѣе существенную награду. Но желанія не осуществились: прошло все лѣто до поздней осени—и ни единаго выстрѣла... Одинъ разъ была снаряжена маленькая экспедиція въ ближайшій непріятельскій аулъ Кудухъ, въ которой приняли участіе главнѣйше милиціонеры, поддержанные вторымъ баталіономъ нашего полка; экспедиція кончилась пролитіемъ крови нѣсколькихъ барановъ, уведенныхъ въ плѣнъ и розданныхъ въ жертву участникамъ экспедиціи. Да и сочинена она была собственно для того, чтобы предоставить пріѣхавшему въ отрядъ адъютанту главнокомандующаго, Клавдію Ермолову (сыну Алексѣя Петровича), случай получить награду...

Кромѣ этого эпизода, былъ и еще одинъ, дававшій сначала нѣкоторыя надежды на драку. Именно: въ сентябрѣ отдано было приказаніе сняться всему лагерю и двумъ Апшеронскимъ и нашему 1-му баталіонамъ быть готовыми къ выступленію съ командующимъ войсками, а 4-му нашего полка баталіону расположиться у подножья Кутишинскихъ высотъ, близъ аула Чоглы (солдаты перекрестили въ Щеглы), съ че-

тырьмя орудіями и милиціей, для охраны этой части края отъ набѣговъ непріятеля. 8-го сентября мы выступили въ Акушу и прибыли 9-го на Дюзъ-Мэйданъ, гдѣ встрѣтились съ двумя баталіонами самурцевъ и дивизіономъ драгунъ. На другой день тронулись дальше и прибыли въ аулъ Губдень, оказавшійся цѣлью похода.

Дѣло было вотъ въ чемъ: Губдень, весьма значительный (въ нѣсколько тысячъ душъ) аулъ Шамхальскаго владѣнія, удаленный отъ Кяфыръ-Кумыка — резиденціи Шамхала, окруженный густыми лѣсами, искони плохо подчинялся своему владѣтелю, а въ послѣдніе годы, войдя въ тайныя сношенія съ мюридами, сталъ уже почти совсѣмъ не признавать власти Шамхала, отказываясь отъ уплаты ему положенныхъ податей и повинностей, скрывать у себя разныхъ абрековъ (бѣглецовъ), содѣйствовать хищническимъ мелкимъ партіямъ и т. п. По жалобѣ Шамхала, князь Орбельяни и двинулся съ отрядомъ въ Губдень, чтобы заставить жителей возвратиться на путь смиренія предъ своимъ владѣтелемъ, а также пугнуть ихъ и за сношенія съ непокорными. Думали мы, что губденцы рѣшатся оказать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ, тѣмъ болѣе, что окружающій ихъ лѣсъ, чрезвычайно крѣпкое мѣстоположеніе самаго аула, каменныя сакли и башни коего облѣпили отдѣльную гору и могли представить весьма и весьма хорошую оборону, наконецъ и многолюдство, да надежды на сочувствіе и помощь Акуши въ случаѣ успѣха, могли увлечь ихъ къ рѣшимости вступить съ отрядомъ во враждебныя отношенія. Намъ уже мерещилась горячая перестрѣлка въ лѣсу, затѣмъ штурмъ аула... Все это вышли пустыя мечтанія. 11-го числа прибылъ въ отрядъ, уже расположившійся на полянѣ въ верстѣ отъ аула, *его высокостепенство* генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Шамхалъ-Тарковскій Абу-Муселимъ-ханъ, для встрѣчи коего, чтобы произвести должное впечатлѣніе на жителей, всѣмъ войскамъ приказано было выдти на линейку, и Шамхалъ (весьма невзрачный, сгорбленный, съ тупымъ выраженіемъ

безжизненныхъ глазъ) объѣзжалъ ряды, произносилъ „*здорово братцы*“, на что раздавалось обычное „здравія желаемъ ваше в—ство!“ (Впрочемъ, этотъ возгласъ обошелся Шамхалу не дешево, ибо онъ пожаловалъ на каждую роту по быку на порцію.) Затѣмъ происходили какіе-то переговоры, споры, увѣщанія, цѣлыя сутки толпились жители то у палатки Шамхала, то у князя Орбельяни; наконецъ, повидимому, достигли миролюбиваго разрѣшенія возникшихъ неудовольствій, и отрядъ 12-го числа снялся съ мѣста. Самурцы ушли въ свою штабъ-квартиру Дешлагаръ; драгуны уѣхали съ княземъ Орбельяни въ Шуру; Апшеронцамъ приказано идти въ Дженгутай, а намъ возвратиться другою дорогой къ Чоглы и тамъ расположиться вмѣстѣ съ 4-мъ баталіономъ, впредь до особаго приказанія.

Пришли мы къ этой позиціи 14-го числа. Семь дней утомительнаго безплоднаго марша въ довольно сильный жаръ, казавшійся намъ такимъ послѣ цѣлаго лѣта, проведеннаго на высотахъ, гдѣ и въ іюлѣ, особенно по ночамъ, иногда зубъ на зубъ не попадалъ, скоро были забыты, и опять потянулись еще болѣе скучные, однообразно монотонные дни. Для разнообразія, я предложилъ двумъ изъ ротныхъ командировъ, съ которыми болѣе сблизился, очередоваться обѣдами и являться съ своею свитой, то-есть съ юнкерами своей роты. Такимъ образомъ, чрезъ два дня на третій обѣды были шумные, всякъ приходилъ съ своею посудой, своими стаканами, разсаживались на походныхъ кроватяхъ, барабанахъ, и за борщемъ да неизмѣнными битками, съ прибавленіемъ кахетинскаго вина, мы большею частію занимались безконечными разсказами анекдотическаго характера и разбирали по косточкамъ начальство.

На позиціи у Чоглы простояли мы до 7-го октября. Послѣднее время дни стояли великолѣпные, такіе осенніе дни, какіе я только на Кавказѣ и встрѣчалъ. День теплый; мягкій, живительный воздухъ; къ сумеркамъ легкій туманъ; ночью холодъ; къ утру морозъ, все покрывалось инеемъ, вода—тоненькимъ слоемъ льда; а съ восходомъ солнца все это исчезало и

самая прекрасная погода, чистое синее небо, какая-то неподвижность въ воздухѣ и во всей природѣ, тишина, нарушаемая стрекотаніемъ множества кузнечиковъ. Ляжешь на какомъ-нибудь холмѣ и подъ этотъ шумъ, подъ едва слышный звукъ скользящихъ кругомъ сѣренькихъ добродушныхъ ящерицъ, проводишь цѣлые часы, перенося взглядъ съ синевы неба на сѣрыя безжизненныя горы, съ журчащей между камней рѣчки на закоптѣлыя каменныя сакли аула, съ бѣлѣющихъ палатокъ лагеря и блестящихъ подъ солнечными лучами ружейныхъ козелъ на дымки, ровною струей поднимающіеся изъ-подъ ротныхъ кухонь, или на пасущихся вблизи, по скату горы, барановъ. Такая мирная картина, такъ располагающая къ спокойствію, а между тѣмъ каждую минуту можно ожидать тревоги, нападеній, убійствъ, стрѣльбы...

6-го октября, вечеромъ, было получено приказаніе: 4-му баталіону съ двумя орудіями выступить въ Шуру, а нашему 1-му съ другими двумя горными пушками, или „ступками“, какъ мы ихъ называли, отправиться въ аулъ Кутиши и расположиться тамъ на зимнія квартиры.

7-го числа 4-й баталіонъ съ полковымъ командиромъ ушелъ, а мы вслѣдъ затѣмъ отправились въ знакомые мнѣ Кутиши, съ ужасною перспективой провести тамъ мѣсяцевъ восемь. Восемь длинныхъ зимнихъ мѣсяцевъ среди дикаго туземнаго населенія, въ сырой полумрачной саклѣ, безъ всякаго дѣла, подъ ежедневными огорченіями со стороны противнѣйшаго маіора и въ обществѣ офицеровъ, большинство коихъ, при всей снисходительности къ нимъ, не могли вызывать ни малѣйшей симпатіи,—поистинѣ перспектива, для примиренія съ которою нужно было не мало силы воли!

XLII.

Я уже упоминалъ въ прежнихъ главахъ объ аулѣ Кутиши и его типической, чисто горской наружности. Во всѣхъ подобныхъ кавказскихъ аулахъ, все равно какому бы племени или вѣрованію ни принадлежали, рѣзко выдаются двѣ особен-

ности ихъ постройки: вопервыхъ, аулъ обращенъ къ солнечной сторонѣ и закрывается съ сѣвера горой, вовторыхъ, строится такъ, чтобы представлялъ возможно сильную оборону противъ непріятельскаго нападенія. Въ виду этихъ двухъ главныхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ и характеру населенія обстоятельствъ, на остальное уже обращалось гораздо меньше вниманія, между тѣмъ какъ, по нашимъ понятіямъ, это остальное и составляетъ главнѣйшія условія для населенія. Горскій аулъ не принималъ въ разсчетъ близость воды, ея количество и качество, количество и качество распашной земли, удобство сообщенія съ ближайшими населенными пунктами и т. п.; все это для горцевъ были второстепенныя вещи, лишь бы въ зимнее время, при отсутствіи топлива, пользоваться лучами солнца, обратившись тыломъ къ суровому сѣверному вѣтру, да имѣть возможность каждому жителю порознь и всему аулу вмѣстѣ отражать нападенія, вызываемыя или кровомщеніемъ, или враждой за спорную землю, или стремленіемъ сильнаго сосѣда поработить слабѣйшаго, или честолюбіемъ какого-нибудь авантюриста и т. д., что втеченіи тысячелѣтій составляло исключительный характеръ существованія этихъ различныхъ мелкихъ общинъ, болѣе или менѣе отличавшихся другъ отъ друга и языкомъ, и вѣрованіями, и обычаями, и наружностью, и образомъ жизни.

Кутиши, весьма значительный аулъ, съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ, принадлежалъ къ обществу или племени Акуша, самому многочисленному, зажиточному, центральному въ Дагестанѣ, вольному *) народцу, управлявшемуся кадіемъ. Главная часть акушинцевъ не отличалась особою воинственностью; ихъ попытки возстанія противъ русской власти оканчивались всегда крупными неудачами, потерей большого числа людей, разореніями. Вслѣдъ за такимъ ударомъ, акушинцы смирялись, клялись въ покорности, ссыла-

*) Вольными мы называли общества, не принадлежавшія къ владѣніямъ мѣстной аристократіи—хановъ, уцміевъ и др.

лись на увлеченіе ихъ сосѣдями, силѣ коихъ они не могли-де сопротивляться и т. п. Но время проходило, нанесенные русскими удары забывались, зажигательныя рѣчи мусульманскихъ фанатиковъ возбуждали легковѣрную толпу, и она опять рѣшалась поднимать оружіе, до новаго пораженія, тѣмъ болѣе неминуемаго, что почти открытая, удобная для движенія войскъ мѣстность Акуши не представляла ни лѣтомъ, ни зимой никакихъ особыхъ преградъ.

Послѣ овладѣнія въ 1834 году Аварскимъ ханствомъ, послѣ истребленія въ 1843 году нашихъ мелкихъ укрѣпленій, разбросанныхъ по Дагестану, что вторично передало въ руки Шамиля отнятую у него въ 1837 году Аварію и все теченіе Кара-Койсу, послѣ присоединенія къ нему всей Чечни, завѣтною мечтой имама было поднять противъ насъ Казикумухъ и Акушу и присоединить эти двѣ важныя части Дагестана къ своимъ владѣніямъ. Эти два общества, сравнительно густо населенныя, зажиточныя, дали бы ему такіе ресурсы въ дальнѣйшей борьбѣ съ нами, какихъ не могли представить всѣ прочія покорныя ему общества. Попытки его въ этомъ направленіи не имѣли успѣха: въ 1844 году онъ было поднялъ акушинцевъ и они массой двинулись въ Шамхальское владѣніе, но при Кака-Шурѣ были разбиты на-голову извѣстнымъ кавказскимъ витяземъ Діомидомъ Пассекомъ, командовавшимъ тогда Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1846 году самъ Шамиль съ значительнымъ скопищемъ занялъ Кутиши, ближайшій къ его владѣніямъ акушинскій аулъ, и отсюда думалъ поднять еще разъ всю Акушу и, при ея содѣйствіи, одержать верхъ надъ ожидавшимся изъ Темиръ-Ханъ-Шуры незначительнымъ русскимъ отрядомъ; а затѣмъ уже, само собою, присоединились бы къ нему жители ближайшихъ ауловъ, и тогда—почему бы и не повториться событіямъ 1843 года?.. Шансовъ на успѣхъ было не мало. Но покойный князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, командовавшій тогда войсками въ Дагестанѣ, собравъ нѣсколько баталіоновъ и два эскадрона нижегородскихъ драгунъ (недавно

переведенныхъ въ Дагестанъ изъ Грузіи, гдѣ они простояли болѣе сорока лѣтъ), двинулся съ ними къ Кутиши такъ быстро, что общее возстаніе Акуши еще не успѣло совершиться, и не обращая вниманія на положеніе аула, амфитеатромъ поднимающагося вверхъ по крутому склону горы, намъ недоступной, гдѣ каждая каменная сакля сама по себѣ представляетъ трудно одолимую крѣпость, не смотря на узенькіе переулки, въ упоръ обстрѣливаемые изъ амбразуръ и дверей всякаго дома,—прямо повелъ войска на штурмъ аула, въ которомъ, кромѣ жителей, было при Шамилѣ до трехъ тысячъ горцевъ, съ двумя орудіями. При этомъ драгуны дебютировали свой выходъ на сцену дагестанской войны изумительнымъ подвигомъ: они въ карьеръ пустились въ атаку на аулъ и, несясь по тѣснымъ закоулкамъ въ одинъ конь, рубили направо и налѣво горцевъ, охваченныхъ паникой отъ этого невиданнаго войска. Блистательная атака совершилась съ такою быстротой, что самъ Шамиль едва успѣлъ вскочить на коня и уйти изъ сакли, въ которой онъ расположился, очевидно не думая такъ скоро покинуть Кутиши. Большой тулупъ, въ которомъ онъ сидѣлъ на коврѣ, сѣкира ѣздившаго всегда за нимъ палача и одно изъ двухъ бывшихъ съ нимъ орудій остались въ нашихъ рукахъ. Понеся огромную потерю, имамъ бѣжалъ, и мечты его разсѣялись прахомъ. Акушинцы благодарили Аллаха, что не успѣли возстать и могли увѣрять въ своей покорности... Кутишинцы же достаточно пострадали и отъ реквизицій шамилевскаго скопища, и отъ нашего отряда. Слѣды, въ видѣ разоренныхъ саклей, оставались долго и видны были еще въ 1851 году.

Послѣ этого были построены укрѣпленія Ходжалъ-Махи и Цудахаръ, обезпечившія и Акушу, и наши сообщенія съ Казикумухомъ отъ серьезныхъ попытокъ Шамиля. Кромѣ того, въ Кутиши на зиму располагался баталіонъ съ двумя орудіями, прикрывавшій и самый аулъ, и ближайшую къ нему мѣстность отъ непріятельскихъ вторженій. принявшихъ

тогда уже не характеръ политическихъ предпріятій, съ цѣлью возмутить край, а простыхъ хищническихъ набѣговъ, для увода плѣнныхъ и угона стадъ у тѣхъ жителей, которыхъ не удалось изъять изъ покорности русскимъ.

Прибывъ въ Кутиши, баталіонъ нашъ расположился по квартирамъ въ отведенныхъ сакляхъ. Каждый старался устроиться по возможности комфортабельнѣе; окна оклеивали намасленною бумагой, двери завѣшивались какимъ-нибудь коврикомъ, земляной полъ покрывался войлоками; солдаты устраивали себѣ нары изъ разныхъ привезенныхъ матеріаловъ и широко пользовались провіантскими кулями и рогожами вмѣсто ковровъ и войлоковъ; для ротныхъ кухонь складывались нѣчто въ родѣ печей со вмазанными въ нихъ большущими котлами. Единственное топливо у жителей — кизякъ не могъ удовлетворять всѣхъ нашихъ потребностей, и потому мы цѣлыми ротами, поочереди, ходили по окрестнымъ полямъ и собирали сухой бурьянъ, растущій въ громадномъ количествѣ на этой каменистой, безплодной почвѣ. Горѣлъ онъ хорошо, даже хлѣбъ пекли солдаты на немъ; но сборъ его портилъ людямъ руки, и они умудрились состряпать себѣ изъ разныхъ лохмотьевъ что-то въ родѣ рукавицъ. Эти наряды за бурьяномъ доставляли, впрочемъ, людямъ нѣкоторое развлеченіе, особенно въ хорошую погоду; а то отъ бездѣлья и отсутствія движенія скука одолѣвала ихъ таки изрядно.

— Эй, выходить за бурьяномъ!—раздавались голоса ефрейторовъ по саклямъ. Тотчасъ начинались шуточки и остроты.

— Слышь, Ахванасьевъ, въ лѣсъ за дровами зовутъ.

— Микитинъ, перчатки надѣнь, неравно съ барышнями повстрѣчаешься.

Кутишинцы говорятъ аварскимъ нарѣчіемъ; разговоръ ихъ, особенно женщинъ, сопровождается крайне непріятными для слуха прищелкиваніями, чмоканьемъ, хрипѣньемъ, какими-то гортанными звуками, напоминающими иногда громкое лаканіе собаками жидкости. Уморительно бывало, когда

женщины повздорятъ и затараторятъ — а это у нихъ поминутно случалось — тутъ уже польется потокъ какихъ-то дикихъ звуковъ, вовсе не похожихъ на человѣческій говоръ.

Наружность мужчинъ и женщинъ, почти безъ исключенія, очень непривлекательна. Весьма некрасивый типъ лица, не похожій ни на монгольскій, какъ у кумыковъ и нѣкоторыхъ кабардинцевъ, ни на кавказскій, какъ у черкесовъ и христіанскаго населенія Закавказья, ни на персидскій, преобладающій въ мусульманскихъ провинціяхъ края, ни даже на чеченскій или лезгинскій, напоминающій по преобладающему числу русыхъ, даже свѣтлорусыхъ людей, народы болѣе сѣверныхъ, европейскихъ странъ. Костюмъ некрасивый, нѣчто среднее между черкесскимъ и татарскимъ, придаетъ имъ аляповатый, неуклюжій видъ. Вообще, повторяю, акушинцы своею наружностью уступали почти всѣмъ другимъ многочисленнымъ племенамъ Кавказа, съ которыми мнѣ пришлось знакомиться. Женщины въ длинныхъ рубахахъ синяго и преимущественно зеленаго коленкора, обшитаго по рукавамъ и подолу красными или желтыми ситцевыми полосками, на головахъ бѣлыя повязки, на ногахъ такая же обувь, какъ у мужчинъ, то-есть, неуклюжій кожаный чувякъ и почти до колѣнъ обмотанный ремешкомъ кусокъ бѣлаго войлока—все, и повязка и рубаха, грязны до невѣроятной степени. Всѣ горцы о мытьѣ бѣлья и понятія не имѣютъ: разъ надѣлъ рубаху, какъ есть изъ отрѣзаннаго отъ всей штуки зеленаго коленкора, лоснящагося фабричнымъ крахмаломъ, и носитъ до тѣхъ поръ, пока клочья не полетятъ. Представьте же себѣ, каково это должно быть у женщинъ, занятыхъ приготовленіемъ кизяковъ по самому простому ручному способу. Къ особенностямъ костюма нужно причислить тулупы, длинные до пятъ, съ широкими откидными воротниками и длинными рукавами, постепенно къ низу съуживающимися и служащими только украшеніемъ, ибо рукъ въ нихъ никогда не вдѣваютъ. Чѣмъ богаче или почетнѣе человѣкъ, тѣмъ шуба его полнѣе, рукава длиннѣе, до самой земли, воротникъ ниже, боль-

ше обхватываетъ плечи и даже украшенъ двумя-тремя овечьими хвостиками, точь въ точь, какъ еще недавно дѣлалось у собольихъ и куньихъ воротниковъ нашихъ дамъ. Изъ этихъ тулуповъ, особенно мужчины, почти никогда не выходятъ; женщины, какъ работающія, чаще оставляютъ ихъ дома; мужчины же—развѣ когда нужно поѣхать подальше или взяться за какую-нибудь работу потяжелѣе.

Во время нашего вступленія въ Кутиши всѣ жители заняты были молотьбой хлѣба на искусственно устроенныхъ, плотно укатанныхъ площадкахъ. Пара бычковъ волокутъ доску, подбитую острыми камешками, на коей сидитъ погонщикъ; снопы превращаются въ мякину (саманъ), которую тутъ же вѣютъ. (Въ это время пройти по аулу просто наказаніе: глаза заноситъ пылью, носящеюся по всему аулу; мелкій саманъ пробирается и въ волосы, и въ платье, и въ носъ, и въ ротъ. Кашель стоитъ всеобщій, на каждомъ шагу слышится чиханіе). Покончивъ съ молотьбой, кутишинцы принялись за унаваживаніе своихъ пахатныхъ террасокъ, разбросанныхъ въ ближайшей окружности аула по склонамъ горъ. Цѣлый день сновали взадъ и впередъ арбы съ навозомъ; бѣднымъ бычкамъ доставалось ужасно: жители употребляютъ вмѣсто кнута длинныя палки съ желѣзнымъ гвоздемъ на концѣ и тычутъ ими несчастное животное, которое жмется и какъ-то судорожно напрягаетъ свои силы, чтобы шибче двигаться. Бычки тамъ маленькіе, какъ обыкновенно вездѣ въ горахъ, гдѣ скотъ очень мелокъ и въ сравненіи съ нашимъ степнымъ скотомъ просто кажется теленкомъ.

Покончивъ съ унаваживаніемъ, кутишинцы успокоились отъ трудовъ и до половины марта предавались полному far niente. Накинувъ свой тулупъ, сидитъ или лежитъ онъ въ сухую погоду на крышѣ своей сакли, или на камнѣ у своихъ дверей, куритъ трубочку, стругаетъ кинжальными ножиками щепку, поджидая собесѣдника. Иногда, въ свѣтлую ночь, зажгутъ гдѣ-нибудь на площадкѣ кучку кизяку и разсядутся кругомъ два-три десятка съ трубочками въ зубахъ; а моло-

дежь-мужчины подъ звуки пискливой зурны неуклюже выплясываютъ. Въ особо солнечные дни, въ которые нерѣдко въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ между 11—3 часами дня бывало такъ тепло, что мы оставались все время на воздухѣ въ однихъ сюртукахъ, — на нѣкоторыхъ площадкахъ разляжется праздная толпа и съ утра до вечера куритъ, ведетъ вялый разговоръ, безсмысленно поглядывая то на работающихъ женщинъ, то на какую-нибудь тощую корову, разовъ пять уже напоенную, нó напрасно жалобно мычащую о горсточкѣ саману; изъ экономіи, да и по ограниченному количеству корма, скотъ въ нерабочую пору оставляютъ въ проголодь и почаще гоняютъ къ водопою, думая этимъ даровымъ продуктомъ поддерживать его силы.

Между тѣмъ женщины работаютъ цѣлый день: то дѣлаютъ кизяки, налѣпливая ихъ для сушки на стѣны; то ткутъ сукно, очень ловко и быстро перебрасывая мотки шерсти съ одного конца въ другой, прибивая всякій разъ желѣзнымъ гребнемъ; то прядутъ или размыкаютъ шерсть; то таскаютъ снопы или корзины съ саманомъ, то приготовляютъ лепешки и варятъ ужинъ, то подметаютъ соръ, то таскаютъ воду — однимъ словомъ, всю жизнь безъ устали работаютъ, сгибаютъ подъ непосильными тяжестями спину. Всѣ старухи уже такъ и остаются въ согнутомъ положеніи, безъ возможности выпрямиться. За все это въ награду женщина пользуется презрительнымъ отношеніемъ высшаго существа—мужчины, и даже мальчикъ, едва вышедшій изъ 7—8 лѣтняго возраста, уже съ высоты своего величія относится къ родной матери.

На всѣхъ перекресткахъ аула кучи грязныхъ мальчишекъ стрѣляютъ изъ лука камешками, или играютъ въ мячи.

Пять разъ въ день въ окнѣ мечети появляется мулла звать правовѣрныхъ на молитву. Какимъ-то особымъ голосомъ, напоминающимъ ночныя завыванія голодныхъ шакаловъ, какими-то звуками, въ родѣ отрывистаго воя—однимъ

словомъ, чѣмъ-то крайне унылымъ, тоскливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно смѣхъ вызывающимъ, раздавался голосъ почтеннѣйшаго муллы, и всякій разъ, бывало, нѣсколько собакъ въ разныхъ концахъ аула поднимутъ вой... Повременамъ чаушъ (десятскій) взберется на крышу возвѣстить аулу какое-нибудь приказаніе кадія. Голосище здоровенный, и защелкаетъ, захлебнется онъ, а въ отвѣтъ раздается съ разныхъ крышъ: „слышимъ, слышимъ!“

Жизнь наша въ аулѣ была скучна, однообразна до нельзя. Два-три офицера, два-три юнкера, съ которыми я болѣе сблизился и каждый день по нѣскольку разъ сходился, не обладали большимъ запасомъ образованія и начитанности, чтобы разговоры могли поддерживаться съ особымъ интересомъ. Все больше вертѣлись на служебныхъ предметахъ, на воспоминаніяхъ о разныхъ эпизодахъ походовъ и военныхъ дѣйствій, или мелкихъ приключеній въ средѣ прекраснаго пола разныхъ укрѣпленій и штабъ-квартиръ. Нѣкоторое исключеніе составлялъ бывшій у меня въ ротѣ рядовой Алексѣй Толстовъ, сосланный по дѣлу Петрашевскаго. Побочный сынъ одного графа, онъ выросъ въ Костромѣ, кончилъ тамъ гимназію и затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, изъ коего чрезъ нѣкоторое время перешелъ въ петербургскій, на восточный факультетъ. Здѣсь, не успѣвъ уйдти дальше арабской азбуки, онъ попалъ въ кружекъ молодежи, затѣявшей агитацію среди рабочихъ, извозчиковъ и т. п., и кончилъ ссылкой рядовымъ на Кавказъ. Человѣкъ онъ былъ не дюжинный, не безъ таланта, и даже упражнялся не безъ удачи въ стихотворствѣ, но поверхностный и безпринципный. Сколько разъ мы съ нимъ ни возвращались къ интересовавшей меня темѣ о цѣляхъ и стремленіяхъ кружка Петрашевскаго, я однако никакъ не могъ добиться чего-нибудь яснаго, положительнаго; туманныя фразы, неясныя опредѣленія, какая-то несознанная перспектива дѣятельности—вотъ все, что онъ могъ мнѣ передать. Даже собственную свою роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ онъ никогда не могъ или

не хотѣлъ мнѣ разъяснить подробно. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ можно было поговорить и о литературѣ, и о музыкѣ, и о сущности нѣкоторыхъ намъ, кавказскимъ дикарямъ, тогда почти неизвѣстныхъ матерій, въ родѣ произведеній Фурье, Фейербаха и др.

Я уже упоминалъ выше, какимъ взглядомъ руководствовался нашъ полковой командиръ въ отношеніи всякихъ разжалованныхъ, и особенно политическихъ; поэтому мое сближеніе съ Т—вымъ, нарушавшее къ тому же строгія требованія дисциплины, могло грозить намъ обоимъ нѣкоторою опасностью, тѣмъ болѣе, что маіоръ Д—цкій готовъ былъ воспользоваться всякимъ случаемъ для каверзы противъ меня, наиболѣе имъ гонимаго офицера. Оттолкнуть совсѣмъ Толстова и третировать его какъ простого солдата я не могъ и не хотѣлъ, но осторожности ради, я требовалъ отъ него несенія службы наравнѣ со всѣми рядовыми въ ротѣ и приказывалъ его наряжать, поочереди, повсюду, такъ что, для виду, возвращаясь съ бурьяномъ, заставлялъ и его нести вязанку, хотя и собранную не его руками...

День за день, сегодня какъ вчера, тянулось время. Ученій негдѣ было производить, другихъ служебныхъ занятій почти никакихъ; прогулка кругомъ саклей, немножко чтенія старыхъ журналовъ, дурачества въ родѣ того, кто дальше броситъ камень или попадетъ имъ въ цѣль и получитъ призъ „на трубку табаку“, или кто скорѣе скажетъ риѳму къ данному слову и т. п., разнообразились глупыми выходками маіора, его безпричинными грубыми распеканіями, или мелкими неказистыми приключеніями нѣкоторыхъ нашихъ сослуживцевъ, топившихъ время въ чаркѣ.

Единственныя развлеченія были командировки съ ротой въ ближайшія укрѣпленія за полученіемъ провіанта, на что употреблялось три дня времени, или бѣганіе на тревоги. Первое доставалось довольно рѣдко, разъ въ полтора-два мѣсяца. Большею частью хаживали мы въ укрѣпленіе Аймяки, гдѣ

тогда стоялъ съ 3-мъ баталіономъ нашего полка полковникъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ (нынѣ туркестанскій генералъ-губернаторъ). Онъ весной 1852 года былъ переведенъ къ намъ въ полкъ и мы смотрѣли на него, какъ на будущаго полкового командира.

Проведя вечеръ-другой въ Аймаки, приходилось завидовать 3-му баталіону, получившему такого командира: вѣжливый, добрый, внимательный, онъ въ этомъ жалкомъ заброшенномъ въ трущобу укрѣпленіи дѣлалъ жизнь своихъ офицеровъ пріятною, тогда какъ намъ, съ неугомоннымъ, назойливо-противнымъ Б—чемъ-Д—цкимъ, скверная и безъ того жизнь въ аулѣ становилась вдвое сквернѣе. Помню одинъ вечеръ, кажется, наканунѣ новаго 1853 года, проведенный мною у Константина Петровича, когда онъ и его супруга коротали время громкимъ чтеніемъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одного изъ романовъ Диккенса, и отъ души хохотали надъ уморительными комическими фигурами Титмарша и его товарищей.

Второе, т. е. бѣганіе на тревоги, бывало чаще и всякій разъ возбуждало ускоренное біеніе сердца, волненія, игру воображенія... Не взирая на постоянныя разочарованія, ибо бѣганіе кончалось *пустою тревогой*, безъ встрѣчи съ непріятелемъ, а слѣдовательно безъ драки и видовъ на награды,— стоило только раздаться барабанной тревожной дроби, какъ все кидалось къ ружью, офицеры на лошадей и неслось въ перегонку въ гору, по узкой усѣянной камнями дорожкѣ на Кутишинскія высоты, и, увы! запыхавшись, достигали высшей точки, чтобъ убѣдиться въ напрасныхъ трудахъ. А *бѣгали* мы на тревогу въ буквальномъ смыслѣ слова: *верстъ шесть въ гору дѣлывали въ часъ* и отсталыхъ бывало не болѣе 10—15 человѣкъ, опаздывавшихъ на какую-нибудь четверть часа. Отдохнувъ съ часъ на высотахъ, раздосадованные, мы возвращались въ аулъ, и никогда не могли добиться толкомъ—что̀, какъ и почему? „Прибѣжалъ, говорятъ, татаринъ съ извѣстіемъ, что „партія“ спустилась съ той (или другой) стороны“, или: „угнавъ скотъ, возвращается чрезъ вы-

соты“. Но куда она дѣвалась, успѣла ли уйдти, или взяла другое направленіе, или извѣстіе было фальшивое—такъ и оставалось скрыто подъ мракомъ неизвѣстности. Только выругаешься, бывало, сгоряча, а послѣ все-таки рады: хоть чѣмъ-нибудь да тоску разсѣяли. Даже солдаты, и тѣ, отдохнувъ отъ *бѣга*, пробавлялись послѣ шуточками и остротами, довольные, что поразмяли ноги.

Съ Темиръ-Ханъ-Шурой поддерживались постоянныя сношенія посредствомъ оказій, для прикрытія коихъ наряжалось человѣкъ сорокъ при субалтернъ-офицерѣ. На девятый или десятый день оказія возвращалась, привозя всякіе продукты, почту, доставляя выписавшихся изъ госпиталя людей и. т. п. А чрезъ пять-шесть дней вновь посылалась такая же оказія.

День возвращенія оказіи составлялъ для насъ своего рода событіе. Около полудня все высыпало изъ полумрачныхъ саклей и стремилось по дорогѣ за версту или двѣ на встрѣчу. И хотя всякій разъ ожиданія такъ же не сбывались, какъ и на тревогахъ, но, тѣмъ не менѣе, въ эти дни непремѣнно начинались болѣе оживленные разговоры, чего-то ждали, новостей, писемъ, какихъ-нибудь особыхъ извѣстій, распоряженій. Даже жители аула, безучастные, апатичные и ужь конечно ничего не ждущіе отъ прихода нашей оказіи, и тѣ приподнимутся и кучками сядутъ на крышахъ крайнихъ домовъ, или выйдутъ иные и на ближайшихъ къ дорогѣ горкахъ расположатся въ видѣ наблюдательныхъ пикетовъ, въ своихъ неизбѣжныхъ тулупахъ и безобразныхъ мѣховыхъ шапкахъ.

Но вотъ показался впереди офицеръ—начальникъ оказіи. Его окружаютъ и осыпаютъ вопросами: „ну, что̀ новаго, что̀ слышно, почту привезли, письма есть, мнѣ, а мнѣ, книгъ взяли изъ библіотеки, табакъ привезли, а кахетинскаго“? Человѣку не даютъ вздохнуть и тотъ только открещивается:

— Да, ей Богу, господа, ничего новаго нѣтъ. Почту привезъ, да все казенные пакеты и нѣсколько солдатскихъ писемъ. Покупки всѣ на повозкѣ первой роты.

— Однако, какъ же это, не можетъ быть, чтобы въ Шурѣ ничего не слышали?

Тотъ только рукой махнетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ въ Шурѣ, зимой, да еще прапорщику, съ его кругомъ знакомства, могло сдѣлаться извѣстнымъ, имѣющимъ общій интересъ?

Офицеръ наконецъ отдѣлался и отправился къ маіору явиться съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи и сдать почту; остальные расхватаютъ ожидаемыя покупки—и чрезъ часъ аулъ опустѣетъ, все скроется по своимъ норамъ.

Опять тишина; опять безконечное переливаніе изъ пустого въ порожнее; опять унылое завываніе муллы, не менѣе душу и уши терзающее упражненіе баталіонныхъ горнистовъ, или писклывый фальцетъ расвирѣпѣвшаго маіора, распекающаго кого-нибудь. Смеркается. Изъ-за бумажныхъ окошечекъ огней почти не видать; на улицахъ совсѣмъ пусто, развѣ пройдетъ гдѣ-нибудь офицеръ съ конвойнымъ солдатомъ (безъ оружія и конвоя ночью опасно было ходить по аулу: фанатики находились и между самыми, повидимому, мирно апатичными жителями) или фельдфебель за приказаніемъ; пробьютъ у сакли баталіонера зорю—и все смолкнетъ, замретъ до утра. Останешься одинъ въ сырой саклѣ пространствомъ въ 5—6 квадратныхъ аршинъ, ляжешь на свои сундуки и читаешь, куришь, думаешь до одури, до галюцинацій...

До чего скука одолѣвала и солдатъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: съ одною оказіей солдатикъ ухитрился привезти контрабанду—живого поросенка (жители возопіяли бы, увидавъ у себя свинью), и все капральство возилось и дресировало его до того, что поросенокъ сталъ выдѣлывать разныя уморительныя штуки: бѣжалъ на зовъ, взбирался на нары, хрюкалъ по приказу, наконецъ — верхъ его искусства — на вопросъ: какъ солдатъ дѣлаетъ казенную работу?—поросенокъ медленно, еле-еле переставлялъ переднія ноги, а на вопросъ: какъ солдатъ дѣлаетъ свою работу?—торопливо топалъ ногами. Просто, мало вѣроятно, и я по-крайней-мѣрѣ не предполагалъ чтобы свиная порода была такъ понятлива, но я раз-

сказываю фактъ. Былъ у нихъ еще молодой гусь, котораго пріучили гоготать при кличкѣ, летать по зову и садиться на плечо, и т. п.

Втеченіи зимы выдался однако свѣтлый, радостный день. Это было 24-го октября. Мы, обыкновенная компанія, собиравшаяся большею частью на молотильную площадку, не вдалекѣ отъ моей сакли, сидѣли, болтая и покуривая, какъ вдругъ барабанъ ударилъ тревогу. Не прошло минуты, на площадкѣ уже не было никого, всѣ бросились въ свои сакли надѣть сюртуки, взять шашки; солдаты, какъ муравьи, выползали изъ своихъ конуръ, и роты, построившись въ назначенныхъ мѣстахъ, ждали своихъ командировъ. Чрезъ 5—10 минутъ уже раздавалось въ разныхъ углахъ аула „здорово, братцы“ и „здравія желаемъ, ваше благородіе“. „Направо, скорымъ шагомъ, маршъ“, и все тянулось въ гору чрезъ аулъ. Одна очередная, дежурная рота осталась въ аулѣ для прикрытія, остальныя три, съ двумя горными орудіями, *бѣжали*, какъ я уже говорилъ. Порядка слѣдованія ротамъ не назначалось, все торопилось и кто скорѣе поспѣетъ къ выходу изъ аула въ гору, тотъ и оказывался впереди, ибо на самой дорогѣ уже обогнать не было возможности. Въ этотъ разъ, впрочемъ какъ и всегда, оказалась впереди 1-я мушкетерская рота капитана Броневскаго (объ немъ скажу ниже); она занимала крайнія сакли, и была ближе всѣхъ къ выходу изъ аула; за нею очутился я со 2-ю ротой, за мною вытянулись горныя орудія, а въ хвостѣ—1-я гренадерская рота и при ней самъ нашъ главнокомандующій, маіоръ Б.-Д. День былъ ясный, теплый, одинъ изъ прекраснѣйшихъ осеннихъ дней; много солдатъ было въ шинеляхъ, многіе въ однихъ рубахахъ, иные въ полушубкахъ, не успѣвъ ихъ сбросить при выходѣ изъ сакли; эти послѣдніе бѣдняги утирали ручьи пота и вдобавокъ выслушивали остроты, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ. „Братцы, глянь-ка, нашъ Лупалка совсѣмъ окоченѣлъ; давайте его оттирать“—и общій хохотъ раздается по рядамъ. А люди между тѣмъ работаютъ ногами, какъ истые скоро-

ходы. Оглянешься—въ хвостѣ роты ряды рѣже, рѣже, и крикнешь: „не отставать"—и опять прибавляютъ шагъ, ужь очень только слабые два-три человѣка въ изнеможеніи опустятся на косогоръ, съ досадой пропуская мимо чужую роту.

Вышли мы на высоты; свѣжій вѣтерокъ охватилъ вспотѣвшихъ людей, говоръ затихъ, всѣ стали оглядываться: гдѣ же непріятель? Ничего не видно; опять будетъ то же что и всегда: пробѣгали напрасно и назадъ. Однако чрезъ нѣсколько минутъ 1-я рота тронулась впередъ къ лѣтнему лагерному мѣсту, куда всегда во время тревогъ мы доходили, ради родниковъ и возможности людямъ воды напиться; за нею я и орудія при мнѣ; гренадеры же еще не вытянулись въ гору. Прошли мы по слегка поднимающейся плоскости еще съ версту, оглядываемся — о, радость и изумленіе! Нѣсколько сотъ конныхъ горцевъ поднимаются въ тылу нашемъ по паралельной дорогѣ изъ Чоглы, гоня стадо барановъ; нѣсколько значковъ развѣваются между ними. Въ эту же минуту вытянулась и вся гренадерская рота, очутившаяся ближе всѣхъ къ непріятелю.

Горцы, очевидно, были озадачены неожиданностью нашего появленія. Они остановились; намъ видно было какъ всѣ значки собрались впереди, какъ столпилась кучка, безъ сомнѣнія, предводителей, какъ въ сторону отъ нихъ бросилось нѣсколько женщинъ и мальчиковъ съ воплями (это были захваченные плѣнные), какъ наконецъ кучка разъѣхалась, раздались звуки пѣсни: „ля-иль-ля, иль-алла" и вся партія собралась, насколько позволяла ей мѣстность, въ плотную массу. Я очень ясно все это видѣлъ и понялъ, что они рѣшились ринуться на проломъ. Никакихъ приказаній отъ оставшагося съ гренадерами маіора я не получалъ; я видѣлъ только, что онъ придвигается къ партіи и можетъ ударить ей во флангъ. Отъ меня раздѣляло партію небольшое углубленіе, родъ полуотлогой балки, чрезъ которую имъ неизбѣжно было проскакать, чтобы попасть на дорогу, ибо на Кутишинскихъ высотахъ хотя плоско, но все плато разрѣзано глубокимъ, скалис-

тымъ оврагомъ, чрезъ который проѣхать можно въ одномъ мѣстѣ, именно гдѣ лѣтомъ становится лагерь, а пѣшимъ, хотя съ трудомъ, можно пробраться еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ, но гораздо дальше, въ обѣ стороны на значительномъ разстояніи. Оставивъ унтеръ-офицера съ двадцатью рядовыми при орудіяхъ, ставшихъ по распоряженію своего офицера, штабсъ-капитана Карлгофа, на позицію такъ, чтобы бить сверху внизъ, когда непріятель спустится въ балочку, я съ ротой прошелъ лѣвѣе, какъ разъ противъ фронта двигающейся партіи. Какъ только горцы окончательно устроились, они бросились маршъ-маршъ къ балочкѣ; гренадерская рота пустила имъ въ бокъ залпъ на разстояніи какихъ-нибудь 300 шаговъ; но тогдашнія наши кремневыя ружья, тогдашніе стрѣлки, особенно при торопливости и дрожаніи рукъ запыхавшихся людей, не произвели дѣйствія: горцы, не обращая вниманія, проскакали мимо. Но только-что они начали спускаться въ балку, раздалось „пли“—и два картечныхъ выстрѣла, въ какихъ-нибудь 50—60 саженяхъ разстоянія, хватили прямо въ кучу; нѣсколько секундъ—новая картечь прозвенѣла. Въ балочкѣ произошло ужасное кувырканіе лошадей, людей, и съ криками „алла-алла“, уже не кучей, а въ разсыпную бросились горцы на меня. Шагахъ можетъ быть въ 80 не болѣе пустила имъ рота на встрѣчу залпъ, и съ этой минуты началось уже не дѣло съ непріятелемъ, а какая-то травля, охота, одиночныя ратоборства разсыпавшихся кругомъ почти одиночныхъ людей. Возлѣ меня остался барабанщикъ Величка, унтеръ-офицеръ Должиковъ и едва ли человѣкъ пять-шесть солдатъ; все остальное бросилось бить штыками, прикладами, ловить лошадей; никакой команды, никакихъ приказаній некому было отдавать; да и что бы я могъ приказывать, когда поле сраженія превратилось въ охоту за несущимися и бѣгущими во всѣ стороны оторопѣвшими горцами?

Между тѣмъ, все, что успѣло проскакать мимо орудій и моей роты, стремилось къ оврагу, чтобы скорѣе пробраться на ту сторону; но должно-быть капитанъ Броневскій плохо

распорядился, потому что хоть и въ разсыпную, а горцы успѣли таки большею частью проскакать чрезъ оврагъ. Еслибы онъ свою роту расположилъ на самой дорогѣ, то непріятелю ничего бы не осталось какъ бросить всѣхъ лошадей и спасаться пѣшкомъ, бросаясь по кручамъ въ оврагъ; а рота-то его, какъ оказалось послѣ, вмѣсто того, чтобъ оставаться на мѣстѣ, увидавъ заварившуюся въ моей сторонѣ кашу, пустилась сюда же бѣгомъ, чтобы скорѣе принять участіе въ дѣлѣ, и, смѣшавшись съ моими людьми, занялась добиваніемъ спѣшенныхъ, одиночныхъ горцевъ, чѣмъ партія и воспользовалась, проскочивъ по дорогѣ чрезъ оврагъ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, встрѣтивъ за моей ротой бѣгущую на встрѣчу 1-ю мушкетерскую роту, въ испугѣ возвращались и опять попадали на моихъ людей, или подбѣжавшихъ сюда же гренадеръ, и, само собою, гибли. Вообще каша была невообразимая, увеличивавшаяся еще тѣмъ, что вмѣстѣ съ нами на тревогу выбѣжали нѣсколько десятковъ кутишинцевъ: смѣшавшись съ непріятелемъ, они ставили солдатъ втупикъ своими криками, защитой горцевъ отъ ударовъ солдатскихъ штыковъ и наконецъ тѣмъ, что многіе солдаты не могли различить кутишинецъ или мюридъ предъ ними.

Такъ или иначе, дѣло окончилось блистательно. Партія около шестисотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Куядинскаго наиба Муса-Дебира, на разсвѣтѣ 24-го октября, прошла чрезъ Кутишинскія высоты между аулами Хахиту (солдаты изъ малороссовъ передѣлали въ Когуты, т. е. пѣтухи) и Тюмень-Чоглы, отбила пятьсотъ барановъ и захватила нѣсколько плѣнныхъ. Одинъ изъ чоглинскихъ жителей какъ разъ въ эту минуту садился на лошадь, собираясь ѣхать куда-то по дѣлу; при первомъ появленіи партіи и нападеніи на пастуховъ, онъ дальнимъ объѣздомъ поскакалъ въ Кутиши и далъ знать старшинѣ, тотъ маіору Б., и вотъ послѣдовала тревога; въ этотъ разъ, благодаря случайной готовности верховаго чоглинца, баталіонъ вовремя поспѣлъ на высоты, единственный путь отступленія непріятеля. Встрѣча

съ нами обошлась партіи очень дорого: убитъ самъ предводитель Муса-Дебиръ, отбита вся захваченная ими добыча, цѣликомъ возвращенная жителямъ; взято три значка; два серебряныхъ знака сняты съ убитыхъ (эти знаки давались Шамилемъ за особыя отличія въ битвахъ съ русскими и ихъ было нѣсколько степеней и видовъ); взято четырнадцать плѣнныхъ, въ томъ числѣ большинство сильно израненныхъ, до пятидесяти лошадей съ сѣдлами, довольно много оружія. Что касается убитыхъ, то валялось не мало тѣлъ, особенно въ балочкѣ, гдѣ дѣйствовала картечь; тутъ же и лошадей убитыхъ и искалѣченныхъ было тоже довольно; въ разныхъ мѣстахъ кругомъ тоже виднѣлись тѣла; но кутишинцы такъ усердно и торопливо подбирали ихъ, стараясь оказать своимъ единовѣрцамъ послѣдній долгъ, что сосчитать намъ тѣлъ не пришлось, да и не особенно хлопотали мы объ этомъ. Примѣрно, можно было сказать, что ихъ было отъ тридцати до сорока. Будь у насъ хоть сотня конницы, конечно русской, не туземной, едва ли бы удалось спастись и четвертой части всей этой партіи, даже послѣ того, какъ она успѣла проскакать черезъ оврагъ. Черезъ часъ или больше послѣ побоища, мы увидѣли вдали поднимавшуюся въ гору отъ Аймяковъ какую-то конницу, очевидно нашу, но тогда партія уже почти достигла высшей точки горнаго плато, при спускѣ къ своимъ непокорнымъ владѣніямъ, и преслѣдовать ее тамъ не было возможности. Впослѣдствіи мы узнали, что видѣнная нами конница была мехтулинская милиція, съ нѣсколькими аварскими всадниками конно-иррегулярнаго полка, съ которыми правитель мехтулинскаго владѣнія маіоръ Лазаревъ, Иванъ Давыдовичъ (нынѣ извѣстный начальникъ колоннъ, штурмовавшихъ Карсъ), получивъ извѣстіе о прорывѣ партіи, поскакалъ на высоты, но не успѣлъ стать ей на перерѣзъ.

Съ нашей стороны потеря была самая ничтожная: раненъ легко въ руку кинжаломъ мой субалтернъ-офицеръ, подпоручикъ Свѣчинъ, и пять человѣкъ солдатъ, всѣ кинжалами, но

не тяжело. Стрѣлять непріятелю было некогда, и только нѣкоторые пѣшіе, не видѣвшіе уже спасенія, выхватывали кинжалы, противъ штыка мало дѣйствительные.

Во время этого дѣла было нѣсколько эпизодовъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ сценъ. Изъ нихъ три происходило на моихъ глазахъ, и я ихъ до сихъ поръ такъ живо помню и какъ бы вижу со всѣми оттѣнками физіономій дѣйствующихъ лицъ, что намѣренъ разсказать ихъ здѣсь, хотя для нервъ читателя невоеннаго они, можетъ быть, и не совсѣмъ привлекательны.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, не успѣвшіе сѣсть на лошадей, или не имѣвшіе ихъ вовсе, уже не помню, были пѣшими. Изъ нихъ подпоручикъ Свѣчинъ, вдругъ вижу, выхвативъ шашку, бѣжитъ за уходящимъ съ кинжаломъ въ рукѣ горцемъ; еще секунда—Свѣчинъ догоняетъ, поднимаетъ шашку, и въ тотъ мигъ, когда долженъ совершиться ударъ, сынъ хозяина моей сакли въ Кутиши подскакиваетъ и поднимаетъ руку, желая прикрыть, защитить мюрида; но Свѣчинъ, лично знающій моего хозяина, уже не успѣваетъ одуматься или удержаться: ударъ шашки блеснулъ—и рука кутишинца, ниже локтя, отлетѣла, пересѣченная какъ сальная свѣчка, кровь фонтаномъ—*буквально фонтаномъ*—брызнула вверхъ—у меня просто въ вискахъ ударило...

— Свѣчинъ, Свѣчинъ! что̀ вы дѣлаете, вѣдь это мой хозяинъ!—крикнулъ я ему и подскакалъ, боясь чтобы онъ не изрубилъ бѣдняка совсѣмъ.

— А чортъ ему велѣлъ соваться не въ свое дѣло!

Бѣднякъ между тѣмъ припалъ на колѣна, лицо исказилось, почернѣло, изъ руки бьетъ ключемъ кровь, а спасенный мюридъ какъ истуканъ стоитъ и смотритъ на насъ всѣхъ. Я едва добился цирюльника своей роты, у котораго были бинты, и приказалъ перевязывать руку своему несчастному хозяину, какъ мюридъ наконецъ опомнился и разомъ бросился на Свѣчина; тотъ успѣлъ уклониться въ сторону, такъ что кинжалъ только слегка задѣлъ его руку,

а мюридъ пустился бѣжать. Барабанщикъ мой, Величка видѣлъ эту сцену, и недолго думая, пускается за бѣгущимъ горцемъ, догоняетъ его и наноситъ ему по затылку такой ударъ поднятымъ съ земли камнемъ, что тотъ падаетъ мертвый...

Удивительный ударъ Свѣчина, отсѣкшій руку какъ свѣчку, миновалъ горца, но *камень барабанщика* все равно убилъ его наповалъ. Какъ тутъ не сдѣлаться фаталистомъ?...

Другая сцена: баталіонный адъютантъ подпоручикъ Николаевъ, недавно переведенный изъ Россіи, еще не успѣлъ обзавестись хорошею шашкой, а былъ съ какою-то форменною, тупою дубиной; какъ пѣшій, онъ очутился въ хвостѣ гренадерской роты и, постепенно подвигаясь, вмѣшался въ общую кучу людей всѣхъ ротъ, гонявшихся за спѣшенными горцами. На моихъ глазахъ Николаевъ догоняетъ одного верзилу, огромнаго роста, косая сажень въ плечахъ, и со всего розмаха хвать его по башкѣ тупою саблей; горецъ отъ страха, не воображая конечно, что имѣетъ дѣло съ тупымъ оружіемъ, валится на землю, вытягивается во весь ростъ, лицомъ къ землѣ, закладываетъ руки на голову и очевидно предаетъ себя волѣ жестокой судьбы. Между тѣмъ, обернись онъ и пырни кинжаломъ, или выхвати свою саблю, и Николаеву пришлось бы удирать. Николаевъ раскраснѣлся отъ тяжелой работы и продолжаетъ полосовать лежачаго мюрида, только пыль летитъ изъ его платья... Я даже разсмѣялся. „Да ну, говорю, бросьте вы его къ чорту; возьмемъ его живьемъ, за что же убивать, когда онъ не защищается“. Но въ эту минуту возлѣ меня ужъ окончательно никого не было и некому было даже явиться на помощь, еслибы мюридъ наконецъ опомнился и вскочилъ на ноги. Наконецъ подбѣжали какіе-то солдаты, и не успѣлъ я ротъ разинуть, какъ два штыка уже вонзились въ спину человѣку, раздался стонъ, судорожныя движенія, конецъ...

Почти два часа продолжалась вся эта исторія. Наконецъ все стихло; кто успѣлъ спастись, ушелъ; непріятеля уже не

было; со всѣхъ сторонъ стали сходиться одиночные солдаты, кто тащилъ за собою коня, кто несъ ружье или цѣлый арсеналъ, кто черкеску или папаху; одинъ принесъ серебряную татарскую печать, по которой кутишинцы и узнали въ числѣ убитыхъ наиба Мусу-Дебира.

Торжествующій маіоръ велѣлъ бить сборъ, и когда роты собрались и построились во фронтъ, онъ, съ видомъ полководца, одержавшаго побѣду, произнесъ не простую благодарность, а что-то въ родѣ превыспренняго спича, изъ котораго солдаты, конечно, ничего не поняли. Затѣмъ, пѣсенники впереди, мы отправились въ аулъ веселые, довольные, забывъ и утомленіе, и голодъ... Такое было время!

Въ виду саклей, мы кстати разрядили ружья, сдѣлали залпъ и съ громкими *ура!* въ разсыпную, бросились по своимъ конурамъ къ горячимъ щамъ. Молчаливо озлобленно смотрѣли только кутишинцы, огорченные пораженіемъ хоть и непріятеля, но все же своего единовѣрнаго сосѣда; да съ нѣкоторымъ уныніемъ и завистью встрѣтила насъ 3-я мушкетерская рота, бывшая дежурною и вынужденная оставаться въ аулѣ. У хозяевъ же моей сакли раздавался вой бабъ, плачъ ребятишекъ и толкотня сосѣдей, по случаю несчастнаго удара Свѣчина... Я поспѣшилъ зайти туда, узнать о положеніи раненаго и сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Онъ, впрочемъ, не долго жилъ послѣ этого.

Вечеромъ, послѣ пробитія зари, маіоръ Б. прислалъ ко мнѣ вѣстоваго съ требованіемъ явиться. Я въ этихъ случаяхъ всегда готовился къ сценѣ и ободрялъ себя не терять хладнокровія, держаться своей системы молчанія и избѣгать вспышки, могущей завлечь слишкомъ далеко. У меня же кстати былъ предъ глазами примѣръ: рядовой Игнатовичъ, очень скромный и приличный человѣкъ, разжалованный изъ поручиковъ Могилевскаго пѣхотнаго полка „за нанесеніе своему баталіонному командиру удара по лицу въ раздраженіи“. Игнатовичъ служилъ не въ моей ротѣ, но я часто приглашалъ его къ себѣ, и однажды на мой вопросъ:

что̀ было причиной его поступка, онъ сказалъ: „былъ у насъ батальонеръ точь въ точь Б.—вотъ и вся причина“.

Надѣвъ сюртукъ и шашку, я взялъ своего конвойнаго и отправился къ маіору. Вхожу. Сидитъ онъ за столомъ и пишетъ.

— Господинъ маіоръ, честь имѣю явиться; изволили требовать.

— Да, да, я посылалъ васъ *просить* къ себѣ. Садитесь пожалуйста. Эй, давайте скорѣе чаю!

Что за притча? думаю себѣ.

— Видите-съ, я о нашемъ молодецкомъ дѣлѣ написалъ рапортъ и, кажется, все обстоятельно; но все же я вѣдь не мастеръ реляціи писать, а вѣдь, знаете, отъ этого зависитъ все; нужно начальству выставить дѣло съ этакой, понимаете, стороны, чтобы того, какъ бы сказать, ну, понимаете, видны были и распоряженія, и маневры, ну, и кто какъ дѣйствовалъ— однимъ словомъ, знаете, этакъ покраснорѣчивѣе... Вотъ, я знаю, вы вѣдь, извѣстно всѣмъ, мастеръ по этой части, такъ прочтите-ка мой рапортъ и гдѣ нужно тамъ что прибавить или измѣнить...

— Съ большимъ удовольствіемъ; только какой же я мастеръ, помилуйте; я увѣренъ, вы отлично сами написали.

— Нѣтъ-съ, вы прочтите и тогда скажите. И, довольный моимъ комплиментомъ, маіоръ передалъ мнѣ рацею на двухъ или трехъ листахъ.

Сталъ я читать. Требовалось много самообладанія, чтобы сохранить серьезный видъ и не фыркнуть со смѣху. Не говоря про безграмотность, про писарскіе обороты и фразы, почерпнутые очевидно изъ читанныхъ въ газетѣ *Кавказъ* или въ приказахъ по арміи реляцій, самая сущность рапорта была такимъ нахальнымъ *сочиненіемъ*, такою фантазіей и для мало - мальски здравомыслящаго читателя неправдоподобностью, что я, тогда еще не имѣвшій случая проникнуть въ тайны *сочиненія* реляцій, былъ просто пораженъ нахальствомъ маіора.

— Ну-съ, какъ же вы находите?—спросилъ онъ, когда я дочиталъ.

— Отлично; тутъ поправлять нечего; развѣ, можетъ быть, немного сократить, а то начальство не любитъ утомляться чтеніемъ длинныхъ бумагъ—сказалъ я, чтобъ удовлетворить желаніе автора знать мое мнѣніе.

— Такъ сдѣлайте же одолженіе, садитесь и поправляйте; даю вамъ *карту бланкъ.* (Маіоръ щеголялъ иностранными словами, разными остротами, каламбурами и пр., по его мнѣнію, признаками свѣтскаго образованія и начитанности.)

Весь рапортъ вертѣлся на томъ, что: „*назначивъ* въ авангардъ 1-ю роту, *я приказалъ* такому-то занять позицію, разсыпать взводъ 2-й ротѣ, съ орудіями стать тамъ-то и занять, дѣйствовать такъ-то, а самъ съ гренадерскою ротой *двинулся* во флангъ и, заставивъ непріятеля броситься туда-то, *я послалъ* приказаніе 2-й ротѣ примкнуть, а орудіямъ, перемѣнивъ позицію, ударить; затѣмъ, замѣтивъ, что непріятель намѣревается, *я тотчасъ послалъ* приказаніе 1-й ротѣ, а самъ со 2-ю ротой“ и т. д., и т. д., все въ томъ же родѣ. Выходилъ какой-то маневръ, наступленіе, отступленіе, смыканіе, разсыпаніе, и главное: что непріятель былъ разбитъ, благодаря такимъ *моимъ* распоряженіямъ, а равно хладнокровному мужеству господъ ротныхъ командировъ, которые съ *самоотверженіемъ воодушевляя своимъ примѣромъ* нижнихъ чиновъ, *вели ихъ въ бой;* а также баталіонный адъютантъ, который *съ быстротой и точностью передавалъ подъ выстрѣлами непріятеля мои приказанія...*“ и т. д. Затѣмъ вычисленія трофеевъ и 59 тѣлъ, брошенныхъ непріятелемъ, кромѣ множества увезенныхъ имъ, по обычаю, съ собою, вмѣстѣ съ ранеными.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ исключить кое-гдѣ нѣсколько лишнихъ повтореній, для виду перемѣнить нѣсколько словъ и опять повторить, что рапортъ такъ прекрасно

написанъ, что я рѣшительно ничего больше и лучше придумать не могу.

Маіоръ былъ просто въ восторгѣ, жалъ мнѣ руку, даже заговорилъ что-то о совершенномъ недоразумѣніи, бывшемъ причиной частыхъ его со мною неудовольствій, о томъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ—однимъ словомъ, принялъ мои слова объ его сочиненіи за чистую монету, и, въ порывѣ торжествующаго самообольщенія, воскликнулъ:

— Апропо-съ, славная мысль сейчасъ пришла мнѣ въ голову! Я васъ командирую съ донесеніемъ къ командующему войсками. Выберемъ лучшихъ двадцать пять лошадей изъ отбитыхъ, посадимъ на нихъ солдатъ и съ коннымъ конвоемъ вы на другой день можете доѣхать. Это, знаете-съ, шикъ будетъ, чортъ возьми! Вдругъ по Шурѣ ѣдутъ верхомъ Дагестанцы съ отбитыми значками; всѣ спрашиваютъ: что такое? Маіоръ Б. со *вѣвренннымъ ему* баталіономъ разбилъ огромную партію!.. Хе-хе-хе, вѣдь это мое почтенье-съ!

Признаюсь, грѣшный человѣкъ, я и самъ въ восторгъ пришелъ отъ геніальной идеи маіора. Прокатиться въ Шуру, при такихъ исключительныхъ условіяхъ, еще болѣе обезпечить себѣ вѣрность полученія награды, быть нѣкоторымъ образомъ героемъ дня въ *столицѣ* — нашей, дагестанской столицѣ — въ самомъ дѣлѣ славно. Я разсыпался въ благодарностяхъ.

Маіоръ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія, засуетился, призвалъ писаря и засадилъ у себя за переписываніе реляціи; потребовалъ фельдфебелей, приказалъ назначить по одному унтеръ-офицеру и семи рядовыхъ отъ трехъ ротъ, бывшихъ въ дѣлѣ, да горниста; послалъ за адъютантомъ, чтобы составилъ приложенія о выпущенныхъ патронахъ, о раненыхъ, числѣ отбитыхъ ружей и проч. Въ довершеніе, не выпустилъ меня безъ ужина и нѣсколькихъ стакановъ кахетинскаго; сыпалъ остротами, шуточками, спрашивалъ,

какъ я думаю, что ему дадутъ? Анну на шею или золотую саблю?..

Ушелъ я отъ него, наконецъ, уже въ полночь.

На другой день, часовъ въ девять утра, выслушавъ многократныя наставленія маіора, что говорить и отвѣчать командующему войсками, я выѣхалъ изъ Кутиши съ 25-ю конными солдатами, неумѣло взбиравшимися на лошадей, со своими неуклюжими ружьищами за спиной, не могшими никакъ вдѣть въ стремена своихъ ногъ, обутыхъ въ сапожища, созданные не для кавалеристовъ.

Отдохнувъ часа два въ аулѣ Оглы у стоявшихъ тамъ ротъ 3-го баталіона, съ завистью слушавшихъ мои разсказы о дѣлѣ, я въ сумерки доѣхалъ до Джангутая и ночевалъ тамъ у Ив. Дав. Лазарева. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что отъ лазутчиковъ уже имѣлъ свѣдѣнія о сборѣ партіи Мусы-Дебира и потому рано утромъ 24-го числа выѣхалъ со своею конницей въ Оглы, около котораго ожидалъ прорыва; но свѣдѣніе о нападеніи получилъ только часовъ около одиннадцати; и хотя проскакалъ верстъ двадцать до высотъ почти въ галопъ, но опоздалъ и, поднявшись на гору, увидѣлъ уже хвостъ уходившей партіи, догнать которую на сильно измученныхъ лошадяхъ не было возможности; тогда онъ вернулся на ночь въ Оглы, и недавно только самъ пріѣхалъ оттуда домой, пославъ уже, впрочемъ, донесеніе командующему войсками о нашемъ успѣшномъ дѣлѣ, по разсказамъ чоглинскихъ жителей.

Я былъ несовсѣмъ доволенъ такимъ извѣстіемъ, ибо мое появленіе будетъ уже не сюрпризомъ...

26-го числа, часовъ въ одиннадцать, я подъѣхалъ со своимъ необычнымъ конвоемъ, обращавшимъ на себя вниманіе всѣхъ встрѣчныхъ, къ дому командующаго войсками. Не успѣлъ я спѣшиться и построить людей въ нѣкоторый порядокъ, какъ на крыльцѣ показался князь Григорій Дмитріевичъ Орбельяни, съ нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ и

съ нашимъ полковымъ командиромъ, смотрѣвшимъ, по обыкновенію, серьезно, что называется сентябремъ.

— Здорово, братцы, Дагестанцы!

— Здравія желаемъ, ваше—ство!

— Ну, спасибо вамъ, молодцы: хорошо побили татаръ.

— Ради стараться, ваше—ство!

Я подошелъ и подалъ пакетъ, а унтеръ-офицеры внесли значки.

— Ну, разскажите намъ, какъ было дѣло, обратился ко мнѣ князь.

На секунду я, признаться, оторопѣлъ. Врать согласно рапорту, думаю, или говорить правду?..

Я началъ лавировать, понемножку скрашивать, но и не говорить о маневрахъ, смыканіи, размыканіи и т. п. Выходило довольно гладко и болѣе или менѣе картинно.

— Славно, славно! Очень радъ, что проучили этихъ негодяевъ. Теперь не скоро сунутся въ другой разъ. Молодцы ваши люди, Павелъ Николаевичъ—обратился князь уже къ полковнику Броневскому.—Пожалуйста, представьте ихъ къ наградамъ; я буду ходатайствовать.

Передавъ нераспечатанный конвертъ исправлявшему должность начальника штаба, Ѳедору Ѳедоровичу Радецкому (нынѣ знаменитому шипкинскому герою), Григорій Дмитріевичъ просилъ его прочитать громко.

Все смолкло. Началось чтеніе. Я стоялъ, какъ на иголкахъ, бросая взгляды по сторонамъ. Князь повременамъ только вставлялъ: „ого, цѣлая битва! ай да Б., молодецъ!“ А у читавшаго и многихъ слушателей улыбки смѣнялись улыбками...

Наконецъ чтеніе кончилось, къ величайшему моему удовольствію. Князь поблагодарилъ меня за пріятное извѣстіе и пригласилъ остаться къ обѣду. Я подошелъ къ полковому командиру и подалъ ему другой пакетъ, въ которомъ былъ дубликатъ реляціи. Онъ вышелъ со мною къ людямъ, въ свою очередь поздоровался съ ними, сказалъ спасибо и при-

казалъ имъ отправляться отдыхать въ полковой дворъ, а меня разспросилъ о разныхъ баталіонныхъ дѣлахъ и затѣмъ замѣтилъ: „мнѣ не нравится однако, что солдатъ посадили на лошадей; это не порядокъ; пѣхота не драгуны; передайте маіору Б.“

За весьма многолюднымъ обѣдомъ князь обратился ко мнѣ со стаканомъ вина и произнесъ: „пью за здоровье молодецкаго 1-го баталіона Дагестанскаго полка“, на что̀ я отвѣтилъ нѣсколькими словами благодарности за честь и отъ имени баталіона выпилъ за здоровье командующаго войсками, что̀ было подхвачено, конечно, всѣми присутствующими съ большимъ оживленіемъ, а П. Н. Броневскій кинулъ въ мою сторону одобрительный взглядъ. Ну, думаю себѣ, это главное, а то если онъ останется недоволенъ, поминай какъ звали сладкія мечтанія о наградѣ...

Разыгравъ въ теченіи двухъ-трехъ дней героя, по десяти рязъ повторяя разсказъ о дѣлѣ предъ высшими и равными, предъ мужскимъ и дамскимъ знакомымъ населеніемъ столицы, насладившись баней, хорошими обѣдами, преферансомъ и пр., я отправился обратно уже съ пѣшимъ конвоемъ: лошадей у насъ взяли, съ тѣмъ, что онѣ будутъ проданы и деньги, по усмотрѣнію полкового командира, будутъ розданы въ роты.

Въ Кутишахъ между тѣмъ всѣ, а маіоръ въ особенности, высмотрѣли себѣ всѣ глаза, въ ожиданіи моего возвращенія. Когда на третій день я подходилъ къ нашей темно-сѣрой, уныло пригнѣздившейся къ горѣ массѣ мрачныхъ каменныхъ саклей, чуть не весь баталіонъ высыпалъ мнѣ на встрѣчу съ вопросами: „ну, что̀, какъ?..“ Я разсказалъ все какъ было и, для утѣшенія Б., прикрасилъ комплименты и похвалы *ему лично* командующаго войсками, промолчавъ пока о замѣчаніи полкового командира насчетъ „драгунъ“. Особенно понравилось маіору, что рапортъ его былъ читанъ при стольких *штабныхъ* и важныхъ лицахъ, и что былъ самимъ княземъ предложенъ тостъ за *его* баталіонъ. Разсказъ

я долженъ былъ повторять нѣсколько разъ, причемъ особенно ударялъ на мѣста, до полководца касавшіяся. Въ результатѣ былъ обѣдъ съ приличною обильною выпивкой, къ которому приглашены всѣ ротные командиры и артиллерійскій офицеръ.

Отдохнувъ и угомонившись отъ цѣлой недѣли сильныхъ ощущеній, я еще долго однако не могъ отдѣлаться отъ носившихся предо мною картинъ и кровавыхъ сценъ 24-го октября. Эта отсѣченная рука, бьющій изъ нея фонтанъ крови, этотъ прокалываемый мюридъ и его ужасный, невыразимый стонъ; еще болѣе—одинъ до гола ободранный, весь исколотый штыками, сочтенный за мертваго, но вдругъ поднимающійся горецъ, съ какою-то мольбой протягивающій къ намъ руки... Ахъ, эти страшныя видѣнія!.. Много ночей къ ряду, только-что начиналъ я засыпать, вставали они предо мною во всей своей ужасающей наготѣ—и нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, и я долженъ былъ опять зажигать свѣчу и браться за книгу...

Удивительно. Не первый же разъ видѣлъ я кровавыя сцены боя; самъ еще въ 1845 году съ какимъ-то непонятнымъ остервенѣніемъ рубилъ бѣгущаго дидойца, въ 1850 рубнулъ по головѣ одного изъ вздумавшихъ напасть на насъ на Лезгинской линіи абрека (все это уже разсказано въ прежнихъ главахъ), въ 1851 въ Табасарани довольно насмотрѣлся на своихъ и непріятельскихъ убитыхъ, а въ этотъ разъ такъ сильно подѣйствовали на меня эти кровавыя картины... И вѣдь я вовсе не былъ слабонервный человѣкъ. Въ самыхъ молодыхъ годахъ много разъ смотрѣлъ на анатомированіе висѣльниковъ, утопленниковъ; хладнокровно присутствовалъ при этомъ отвратительномъ опиливаніи кружкомъ черепа, при распластываніи на части человѣческаго тѣла; наконецъ, сколько видѣлъ ужасныхъ наказаній кнутомъ, шпицрутенами, сколько вѣшаній—было отъ чего притупиться нервамъ... Почему же сцены 24-го октября произвели на меня такое подавляющее впечатлѣніе—рѣшительно не могу себѣ объяснить. Впослѣдствіи, во сколькихъ горячихъ дѣлахъ въ

Чечнѣ и за Кубанью пришлось побывать, сколько сотень труповъ валялось предъ глазами, но такого нервнаго потрясенія, такого разстройства воображенія я уже не испытывалъ болѣе.

XLIII.

Вслѣдствіе описанныхъ происшествій, мои отношенія съ Б. въ теченіе нѣкотораго времени были самыя мирныя, чѣмъ я и воспользовался, вопервыхъ, для того, чтобъ убѣдить его представить Толстова къ производству въ унтеръ-офицеры; вовторыхъ, чтобы снарядить одинъ разъ оказію въ Дешлагаръ, вмѣсто Шуры, за капустой и другими припасами, куда гораздо ближе и не такъ утомительно для ротныхъ лошадей, а главное—куда мнѣ хотѣлось проѣхаться для посѣщенія Э. Ѳ. Кеслера.

Онъ согласился на то и другое.

Въ Дешлагаръ я съѣздилъ по той дорогѣ чрезъ Акушу, по которой мы проходили въ сентябрѣ къ Губденю. Въ самой Акушѣ, огромномъ аулѣ и, судя по постройкамъ, платью жителей и другимъ признакамъ, весьма зажиточномъ, я заѣхалъ къ главному кадію, котораго видывалъ нѣсколько разъ въ Кутиши, еще у покойнаго Соймонова. Объяснялись мы съ нимъ довольно сносно, хотя онъ не зналъ адербиджанскаго нарѣчія, а я кумыкскаго; сходство ихъ однако же приблизительно, какъ между великорусскимъ и малороссійскимъ. Во всякомъ случаѣ, возможность такого разговора, умѣніе сидѣть, поджавъ ноги, помыть извѣстнымъ приличнымъ образомъ руки передъ обѣдомъ, ѣсть руками и т. п., ставили меня совсѣмъ въ другое положеніе, чѣмъ всякаго другого русскаго офицера, если онъ, по должности, не имѣлъ вліянія на жителей.

Кади, почтеннѣйшій старикъ, высокаго роста, съ подкрашенною короткою бородой, въ своемъ неизмѣнномъ, на плечи накинутомъ, тулупѣ, съ подобающими его сану огромнѣйшимъ воротникомъ, украшеннымъ тремя хвостиками, и длин-

ными, до пола, узенькими рукавами, въ коричневой бараньей шапкѣ, напоминающей формою не кавказскую папаху, а скорѣе малороссійскую шапку, имѣлъ чинъ нашего штабсъ-капитана (милиціи). Въ домѣ у него, по крайней мѣрѣ во дворѣ и въ кунацкой, видна была примѣрная опрятность и обстановка, напомнившая мнѣ отчасти обстановку бековъ и зажиточныхъ людей въ Элису. Усѣлись мы съ кади предъ пылавшимъ каминомъ, на коврахъ, закурили трубочки и, въ ожиданіи обѣда, разговорились о разныхъ политическихъ матеріяхъ. Горскіе Талейраны не менѣе парижскихъ знакомы съ правиломъ: употреблять слова для скрыванія мыслей, и потому я уже давно привыкъ къ ходу и смыслу рѣчей собесѣдниковъ подобнаго рода. „Кнезь Аргутъ копъ яхши, Лаваруфъ копъ яхши“ (князь Аргутинскій очень хорошъ, Лазаревъ очень хорошъ, т. е. человѣкъ), „мюридъ яманъ“ (мюридъ не хорошъ). Это вставлялось постоянно, въ полной увѣренности, что мнѣ, русскому, оно должно очень нравиться, и что я, безъ сомнѣнія, доведу это до свѣдѣнія кого слѣдуетъ. На мое замѣчаніе, однако, что весь народъ ихъ сочувствуетъ мюридамъ, чему я, впрочемъ, и не удивляюсь, ибо это слѣдствіе религіознаго и племеннаго единства, кади пресерьезно отвѣчалъ: „народъ глупъ, что̀ онъ понимаетъ? народъ — баранъ: куда пастухъ погонитъ, туда онъ и пойдетъ. Кади яхши, гамусы яхши; халхъ пхэ!“ (кади хорошъ, всѣ хороши; народъ пхэ, т. е. ничто). При этомъ онъ сдѣлалъ какой-то знакъ, дунувъ на свои пальцы, какъ бы желая выразить ничто, нуль, вотъ-де что̀ народъ, если кади хорошъ. Все вертѣлось на этой темѣ, и кади, очевидно, былъ весьма доволенъ моею бесѣдой.

„Сэнъ гюрджи?“—спросилъ онъ меня (ты грузинъ?).

Я щелкнулъ языкомъ—звукъ, означающій отрицаніе (выразить буквами этотъ звукъ, какъ и многіе другіе, имѣющіе на Кавказѣ у всѣхъ почти туземцевъ извѣстное значеніе, нѣтъ возможности).

— Сэнъ эрмены? (ты армянинъ?).

Я опять щелкнулъ отрицательно.

— Урусъ?

Я кивнулъ утвердительно.

— Алла-Алла!—и замоталъ головой въ знакъ удивленія.— Бэла урусъ гёрмадымъ (такого русскаго я не видалъ).

Я разсказалъ ему о своемъ пребываніи въ Элису, моемъ управленіи тамъ, происшествіяхъ съ качагами и проч. Кади только чмокалъ губами, восклицалъ „на“ и приговаривалъ: „Алла-Алла“, и заключилъ вопросомъ: чѣмъ я такъ провинился, что изъ такихъ великихъ людей попалъ въ простого „салдузъ баяръ?“ (т. е. солдатскаго боярина, офицера).

— Ничѣмъ—говорю ему—не провинился; самъ просилъ о переводѣ въ полкъ, чтобъ имѣть больше случаевъ драться съ мюридами и получать чины, кресты.

Онъ только въ крайнемъ изумленіи головой кивалъ, да едва ли и повѣрилъ мнѣ. Отказаться отъ самаго высшаго удовлетворенія честолюбія, состоящаго, по понятіямъ азіятца, въ управленіи народомъ—въ выслушиваніи и разбирательствѣ жалобъ, въ милованіи и караніи, однимъ словомъ въ роли повелителя, пользующагося услугами, поборами, раболѣпіемъ; отказаться отъ такого благополучія, чтобы замѣнить его ничтожною ролью начальника солдатъ и поминутно быть готовымъ подставлять лобъ подъ пулю, ведя скучную жизнь на одномъ маленькомъ жалованьѣ,—для кади это было чѣмъ-то дикимъ, безумнымъ, неестественнымъ; онъ сомнительно на меня поглядывалъ, и увѣренія мои очевидно не убѣдили его.

Наконецъ принесли обѣдъ на большой деревянной доскѣ и поставили предъ нами. Похлебка съ галушками, поджаренные кусочки баранины, впрочемъ не свѣжей, а вяленой (не барана же рѣзать для такого ничтожнаго гостя; вотъ, если-бы кто-нибудь изъ приближенныхъ къ Аргуту или хоть къ Лазаруфу, тогда дѣло другое), кислое молоко съ чеснокомъ, медъ, еще какая-то кашица съ чеснокомъ, очевидно подражаніе персидскому плову—разнообразіе большое. Пообѣдавъ и опять обмывъ руки, мы распрощались съ кади; я

наговорилъ ему кучу благодарностей и комплиментовъ, съ пожатіемъ руки, низкими поклонами и обѣщаніемъ на обратномъ пути заѣхать.

Къ вечеру я былъ въ Дешлагарѣ и сидѣлъ за чайнымъ столомъ уже въ совсѣмъ иной обстановкѣ, чѣмъ за обѣдомъ у акушинскаго владыки.

Кто не испытывалъ самъ, тотъ никогда не пойметъ радостнаго чувства, охватывающаго человѣка, попадающаго изъ лагерной, грязной, дикой обстановки въ европейскій домъ, со всѣми аттрибутами цивилизованнаго комфорта. Послѣ мрачной, сырой сакли попасть въ сухой, свѣтлый, оживленный присутствіемъ европейскихъ женщинъ домъ, да еще прямо за чайный столъ; отъ надоѣвшаго однообразнаго образа жизни, среди однихъ и тѣхъ же лицъ, перейти въ кругъ свѣжихъ людей, имѣющихъ возможность получать болѣе интересныя извѣстія, находящихся въ сношеніи съ Петербургомъ, *два раза* въ недѣлю получающихъ газеты—все это, повторяю, такой праздникъ, такая радость, что неиспытавшему понять ихъ трудно.

Я провелъ въ Дешлагарѣ два дня съ такимъ полнымъ удовольствіемъ, что набралъ значительный запасъ силъ не только для борьбы съ предстоящею еще монотонною, противною жизнью въ Кутиши, но даже для выдерживанія атакъ Б., въ возобновленіи коихъ ранѣе или позже я былъ вполнѣ увѣренъ; а атаки эти, безсмысленно придирчивыя, оскорбительныя—не по смыслу употребляемыхъ словъ, а по своему тону, по этимъ начальническимъ, громкимъ, нарочно громкимъ, чтобы слышали его деньщики, вѣстовые, часовые, извѣстнымъ выкликамъ: „я васъ, милостивый государь, предваряю; извольте слушать, что̀ я вамъ говорю; тутъ вамъ, г. поручикъ, разсуждать не позволяется; вы должны буквально исполнять, что̀ я прикажу“ и т. д., все повышающимся визгомъ, летящими брызгами пѣны, вытаращенными безсмысленно стеклянными глазами—отравляли окончательно жизнь, раздражали, производили нервное разстройство. Попытки мои избавиться

отъ Б. не имѣли пока успѣха: я писалъ полковому адъютанту, просилъ похлопотать о переводѣ въ другой баталіонъ, но безуспѣшно: съ нашимъ крутымъ полковымъ командиромъ не легко было устраивать что-нибудь по желанію своему.

На обратномъ пути, я ночевалъ въ Акушѣ, но, къ сожалѣнію, кади не засталъ дома, и мои надежды поболтать съ нимъ весь длинный вечеръ не сбылись. Въ Кутиши я возвратился безо всякихъ приключеній.

И началась опять прежняя, однообразная жизнь, прерываемая изрѣдка безплодными бѣганіями на тревоги, хожденіемъ за провіантомъ въ Аймяки или Ходжалъ-махи, собраніями на площадкѣ около моей сакли нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей, бросаніемъ въ цѣль камешковъ, подбираніемъ риѳмъ на заданныя слова и т. п.

Все это продолжалось до конца мая 1853 г., когда баталіону приказано было наконецъ выступить изъ Кутиши на новую стоянку въ Чирь-юртъ, на берегу р. Сулака.

Пока перейду къ разсказу объ этой новой мѣстности, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ своихъ сослуживцахъ въ 1-мъ баталіонѣ, за время нашего пребыванія въ Кутиши. Дѣлаю это съ цѣлью дать матеріалъ для сужденія объ элементахъ, составлявшихъ военное общество кавказскихъ полковъ въ половинѣ нашего столѣтія.

Съ главою баталіона, маіоромъ Б., читатель уже болѣе или менѣе знакомъ. Но Францъ Казиміровичъ былъ такой замѣчательный типъ, такой неистощимый матеріалъ, что о немъ можно говорить много, и все еще какъ будто кажется, что онъ недостаточно ясенъ представленію читателя. Попадись этакое золото Гоголю, онъ бы двумя-тремя штрихами создалъ новаго какого-нибудь Ноздрева, и пошелъ бы онъ гулять по всей читающей публикѣ, какъ гуляютъ Чичиковы, Собакевичи и др. Прозвалъ я его маіоромъ Дуркановичемъ и подъ этимъ именемъ какъ-то напечаталъ въ газетѣ „*Кавказъ*“ небольшой очеркъ. Само собою, это было не литературно-художественное произведеніе, а просто фотографическій сни-

мокъ, единственное достоинство коего была вѣрность изображенія. Прочитывая теперь, чрезъ 25 лѣтъ, сохранившіеся у меня отрывки этого очерка, я такъ живо вижу предъ собой всю уморительную фигуру Б., какъ будто я разстался съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ. Особенно рельефно онъ высказался уже весь, такъ сказать во всю величину и своей пошлости, и своей дрянности, когда мы стояли въ Чирь-юртѣ, рядомъ съ штабъ-квартирой Нижегородскаго драгунскаго полка, въ которой завязались знакомства съ полковыми дамами.

Ничего забавнѣе не могло быть, какъ желаніе Б. вставлять французскія слова, закидывать учеными терминами, извѣстными именами и т. п. Все это у него отъ кой-чего слышаннаго на урокахъ въ кадетскомъ корпусѣ и кой-чего прочитаннаго смѣшалось винегретомъ въ головѣ и выходилъ сумбуръ невѣроятный.

— Чтò наша литература!—восклицалъ напримѣръ сей мужъ:— чортъ знаетъ что! Ну, вотъ лежатъ „*Отечественныя Записки*“, а читать нечего; какой-то *Болотъ Тимоѳеевичъ* тянется цѣлый годъ, да *Базарная суета*. (*Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова* и *Базаръ житейской суеты*, Теккерея). То ли дѣло романы *Фева Поваля* (Paul Feval): *Сынъ Тайны*, напримѣръ? просто прелесть! или: *Четыре Мущкатера*, или: *Замокъ*, гмъ, *Замокъ*... Это—литература, а не наша дрянь!

Стоило кому-нибудь ротъ раскрыть, заговорить о чемъ бы то ни было, маіоръ прерывалъ его своимъ рѣзкимъ писклицымъ голосомъ: „нѣтъ-съ, вы не знаете, я все это отлично знаю; я вѣдь былъ первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи, слушайте что я вамъ говорю...“—и понесетъ такую чепуху, что иной разъ казалось—онъ мистифируетъ. Одинъ, напримѣръ, началъ разсказывать о только-что прочитанномъ какомъ-то новомъ снарядѣ для боевыхъ ракетъ, маіоръ тотчасъ вставилъ: „какой новый! все это я давно знаю; я вѣдь былъ первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи: это называется *геометрическій ямбъ*...“ И вѣдь серьезно говорилъ.

Или, чтобы показать свои познанія въ военной исторіи, вдругъ брякнетъ: „еслибы *маршалъ Бaговутъ* подъ Ватерлоо не опоздалъ...“ и т. д. А попробуй кто разинуть ротъ, что „позвольте, маіоръ, вы перепутали: Багговутъ былъ...“ Б. тотчасъ: „слушайте что я вамъ говорю“—и пошелъ нести чепуху дальше.

Былъ у насъ офицеръ Тулубьевъ, умѣвшій рисовать акварелью портреты, не отличавшіеся особыми сходствами лица, но за то аксессуары выходили очень похожи: пуговицы, красные воротники, погончики, ордена и прочее, — все это выходило очень отчетливо. Само собою, Б. усадилъ себя и заставилъ Тулубьева рисовать не столько нортретъ какъ фантазію, изображавшую маіора въ саклѣ, сидящаго на походной кровати, стѣна завѣшана ковромъ, на коемъ красуется *золотая сабля* и на длинной лентѣ *Анна 2-й ст.* Между тѣмъ ни того, ни другого у него еще не было, и онъ только виталъ въ сладкихъ надеждахъ такого благополучія послѣ нашего дѣла съ горцами 24-го октября.

Кто-то замѣтилъ ему по этому поводу: „однако это *анахронизмъ*“. А маіоръ и обрадовался: „да, да—говоритъ,—меня ужь не вы первый сравниваете съ этимъ греческимъ героемъ“ (должно быть слышалъ имя Ахиллесъ и смѣшалъ съ анахронизмомъ!...). И при этомъ случаѣ пресерьезно начинаетъ разсказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ, — какъ онъ съ ротой Ширванцевъ ворвался въ завалы подъ Ахты, или съ тою же ротой прикрывалъ отступленіе всего отряда отъ Чоха, какъ онъ со *своимъ* баталіономъ истребилъ партію на Кутишинскихъ высотахъ, и что съ тѣхъ поръ имя его такъ же грозно для горцевъ, какъ было имя Пассека въ Дагестанѣ или Слѣпцова въ Чечнѣ, что вообще онъ знаетъ какъ слѣдуетъ взять Кикуны (непріятельское укрѣпленіе), какъ покорить Кавказъ, и что выбрать позицію — ему достаточно пяти минутъ: тутъ артиллерію, тутъ кавалерію... „я вѣдь все знаю, я былъ первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи...“

На всѣ руки былъ человѣкъ: пѣть, плясать, писать, но все выходило преглупо, презабавно и полно самодовольства. Была у него толстая книжица въ видѣ бухгалтерской книги; называлъ онъ ее „альбомомъ“. Въ минуты откровенности показывалъ онъ ее, въ увѣренности озадачить богатствомъ этого сборника чужихъ и *собственныхъ* произведеній. Два-три стихотворенія Пушкина, Лермонтова, и вдругъ какія-то вирши скабрезнаго содержанія, съ приписками на поляхъ рукой маіора: „славно, пышно, просто шикъ!“ Далѣе разныя двустишія и остроты самыя безсмысленныя, выписки изъ рапортовъ и приказовъ, отданныхъ по баталіону, копіи съ грамотъ на ордена, выдержки изъ „графы походовъ“ формулярнаго списка, гдѣ упоминается о взятіи заваловъ и пр., куплеты изъ пошлѣйшихъ водевилей, „эпиграмма на попа“ собственнаго сочиненія, акростихъ какой-то, приводившій маіора въ восторгъ и т. д.

Въ дамскомъ обществѣ Б. былъ неподражаемъ. „Медамъ, позвольте изъ вашихъ прекрасныхъ рукъ получить чашку...“ Все равно, обращаясь къ одной, онъ говорилъ „*медамъ*“.— „Лизавета Ивановна, вы пронеслись звѣздочкой надъ нашимъ лагеремъ!“—и самодовольный смѣхъ. „Куда устремленъ пламень вашихъ глазокъ, медамъ?“ При этомъ бросаетъ пронзительный, нахально-глупый взглядъ на особу. Встанетъ посреди комнаты во весь свой ростъ, изобразитъ изъ себя уморительнѣйшую фигуру, поправитъ свой кокъ, помуслитъ тощіе усики, одною рукой подбоченится, другую какъ-то откинетъ, улыбочка во весь ротъ, наполненный цынготными черными зубами, и рисуется.

— Ахъ, медамъ, еслибы вы меня видѣли года два тому назадъ въ Кусарахъ *); вотъ ужъ гдѣ, я вамъ доложу-съ, общество блестящее, всѣ дамы образованныя; особенно одна... Гмъ, да, одна... (нѣчто въ родѣ вздоха). Да-съ, пикники, кавалькады, вечера, иногда безъ танцевъ, а такъ разныя

*) Штабъ-квартира Ширванскаго полка.

игры, фортепьянъ, пѣніе, и маіоръ вдругъ затягиваетъ: „Что жадно глядишь на доро-о-о-о-гу?“ и раздается пискливый, фальшивый звукъ.

— *А ревуаръ де Парисъ*—неизмѣнно произносилъ онъ, уходя изъ общества прекраснаго пола, или какъ онъ говаривалъ: „изъ нашего цвѣтника“. Что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ *де Парисъ*—не знаю.

И этотъ-то шутъ гороховый былъ однако нашимъ командиромъ и позволялъ себѣ грубое, дерзкое обращеніе съ офицерами, нахальнѣйшія ругательства обращалъ къ солдатамъ, тиранилъ безъ вины своихъ деньщиковъ, протежировалъ баталіоннаго маркитанта, поддерживалъ его противъ жалобъ за поставляемую скверную говядину или, въ іюльскій жаръ, вонючую солонину, ползалъ предъ начальствомъ, предъ писаремъ начальника, „предъ собакой дворника“, и не только ничего мы ему не могли сдѣлать, но и избавиться отъ него не удавалось. Такое было время, такъ сложились обстоятельства; строгость фронтовой службы требовала безропотной покорности даже и такому начальству.

Перехожу къ ротнымъ командирамъ. 1-ю гренадерскою командовалъ штабсъ-капитанъ Константинъ Алекс. Ѳедосѣевъ, братъ графини Евдокимовой (тогда Н. И. Евдокимовъ былъ впрочемъ только генералъ-маіоръ и начальникъ праваго фланга Кавказской линіи). Родившись въ крѣпости Бурной, выросши и воспитавшись въ Шурѣ, проведя жизнь въ Ишкарты и ограничивъ свое знакомство со свѣтомъ въ Моздокѣ, а можетъ-быть Ставрополѣ, Ѳедосѣевъ былъ простой, добрый малый, достаточно знавшій службу, чтобы командовать ротой, не простиравшій своихъ мечтаній дальше ближайшей экспедиціи и слѣдующей награды. Зналъ онъ нѣсколько словъ по-кумыкски, перебывалъ во всѣхъ аулахъ, вездѣ имѣлъ кунаковъ, знавшихъ, что онъ родственникъ учь-геза (трехглазый—такъ звали туземцы Евдокимова, у котораго вслѣдствіе раны подъ лѣвымъ глазомъ постоянно былъ черный англійскій пластырь) и потому относившихся къ Ѳедосѣеву съ большимъ почтеніемъ,

чѣмъ ко всякому другому офицеру. Трезвый, аккуратный, въ карты не играющій, всегда исправный, приличный, Ѳедосѣевъ былъ хорошій товарищъ, и мы съ нимъ все время службы въ одномъ полку, да и послѣ, при измѣнившихся для насъ обоихъ условіяхъ, оставались въ хорошихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Теперь онъ, кажется, подполковникъ въ отставкѣ.

1-ю мушкетерскою командовалъ капитанъ Броневскій. Это уже былъ совсѣмъ другого типа человѣкъ. Сынъ генерала, извѣстнаго кажется автора исторіи войска Донского, воспитанникъ пажескаго корпуса, онъ служилъ въ Преображенскомъ полку, послѣ перешелъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ корпуса путей сообщенія, а наконецъ въ Дагестанскій пѣхотный полкъ. Дюссо, Палкинъ, загородные пикники на тройкахъ съ цыганками, праздная, безалаберная жизнь, начинающая шампанскимъ, продолжающая коньякомъ. кончающая сивухой — вотъ и вся исторія, печальная исторія многихъ погибшихъ талантливыхъ людей. Къ этому разряду принадлежалъ и Броневскій. Грустно было смотрѣть на него, достаточно образованнаго, остроумнаго, симпатичнаго человѣка, топившаго все въ водкѣ, въ компаніи съ самою плохою частью полкового общества. Не много помогла и поддержка родственника, полкового командира. Пока онъ еще командовалъ полкомъ, Броневскій кое-какъ держался, а затѣмъ ужь пустился во вся, не взирая на производство въ маіоры. Прикомандировали его къ Апшеронскому полку, оттуда къ Кабардинскому—результата не оказалось никакого. Блѣдная, испитая физіономія, обрюзглый, со всѣми признаками водяной, съ трясущимися руками, онъ, бывало, встрѣчая меня, какъ-то особенно конфузился... Въ Кутиши мы съ нимъ очень рѣдко сходились; если не появлялась тотчасъ на столъ водка съ соотвѣтствующей закуской, въ видѣ икры съ лукомъ, кислыхъ огурцовъ и т. п., то посѣщеніе не имѣло смысла... Это бы еще куда ни шло. Но бѣда въ томъ, что разъ появившійся графинчикъ составлялъ только введеніе, затѣмъ требовалось продолженіе, призывъ

ротныхъ пѣсенниковъ, crescendo, crescendo, доходило до „Насти“, да „ахъ, ты, сякой такой камаринскій мужикъ“, до сниманія сюртуковъ, до положенія ризъ — однимъ словомъ, до оргіи въ самой неказистой обстановкѣ. Я искони былъ не охотникъ до подобнаго веселья; мнѣ претили всѣ эти, якобы неизбѣжныя въ военно-походной жизни, грубыя вакханаліи.

При встрѣчѣ, если онъ былъ трезвъ, то непремѣнно заговоритъ о книгахъ, спроситъ что̀ я читаю, не пишу ли и, какъ бы извиняясь, скажетъ: „а я въ послѣднее время чортъ знаетъ какую жизнь веду; ничего не читаю, отъ всего отсталъ—мерзость какая“... Если же при ветрѣчѣ Броневскій былъ уже „на первомъ взводѣ“, то не воздержится отъ легкаго въ отношеніи меня сарказма и непремѣнно скажетъ: „ну, что̀, какъ идутъ *ученыя* занятія? а мы, вотъ все по части „ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ, да не выпить ли намъ водочки“; куда ужъ намъ учеными дѣлами заниматься!..“

Такъ бѣдный и погибъ; водяная свела въ могилу, кажется, въ 1856—57 году.

Наконецъ, 3-ю мушкатерскою ротой командовалъ поручикъ Филиппов. Протянувъ юнкеромъ нѣсколько лѣтъ въ Минскомъ полку, прибывъ на Кавказъ съ 5-мъ корпусомъ, онъ былъ произведенъ въ офицеры, не пилъ, на службѣ исправенъ, ротныя деньги всегда налицо—чего же больше и требовать?

Изъ субалтернъ-офицеровъ былъ только одинъ, съ которымъ я особенно сблизился—нѣкто поручикъ Щелоковъ, крайне оригинальный человѣкъ. Высокой честности, самыхъ гуманныхъ, утопически гуманныхъ убѣжденій, этотъ несчастный человѣкъ силой обстоятельствъ былъ вынужденъ тянуть противную ему военную службу вообще, а подъ начальствомъ какого-нибудь Б. особенно. Родомъ сибирякъ, воспитанникъ омскаго кадетскаго корпуса, онъ былъ единственною опорой старой больной матери и трехъ незамужнихъ сестеръ, жившихъ въ Тобольскѣ въ крайней нуждѣ. Думая скорѣе подвинуться по службѣ, онъ перепросился на Кавказъ, и попалъ

въ линейный баталіонъ, расположенный въ Закаталахъ. Тамъ замѣтили его относительное образованіе, скромное поведеніе и умѣніе писать оффиціальныя бумаги, отрекомендовали генералу Шварцу и тотъ взялъ его старшимъ адъютантомъ управленія лезгинской кордонной линіи. Начало было очень хорошо: Щелоковъ былъ обезпеченъ казенною квартирой, увеличеннымъ содержаніемъ и дорогою къ лучшему устройству своей служебной карьеры. Но вслѣдъ за тѣмъ состоялось новое назначеніе генерала Шварца начальникомъ 19-й дивизіи; еще чрезъ короткое время открылось злополучное дѣло объ истязаніяхъ при розыскѣ украденныхъ денегъ (см. объ этомъ въ первыхъ главахъ) Шварца; комендантъ Печковскій, особенно покровительствовавшій Щелокову, разжалованъ въ солдаты; перемѣнилось все начальство, привезло своихъ приближенныхъ, и Щелокову пришлось убираться. Чтобы не возвращаться въ линейный баталіонъ, почти лишенный случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ попросилъ перевода въ дѣйствующіе полки, и попалъ въ Дагестанскій.

Началомъ нашего сближенія было то обстоятельство, что мы вспомнили о первой встрѣчѣ нашей въ Закаталахъ у Печковскаго, осенью 1848 года, когда я былъ тамъ проѣздомъ въ Элису, къ своей должности пристава; еще болѣе сблизило насъ, что мы преимущественно подвергались гоненіямъ Б., инстинктивно видѣвшаго въ насъ главный протестъ его самодурству. Щелоковъ не воздерживался отъ отвѣтовъ и оправданій и подвергался болѣе строгимъ взысканіямъ, въ родѣ выговоровъ письменныхъ и арестовъ домашнихъ. Къ тому же, онъ не былъ ротный командиръ и не имѣлъ за собой никакой поддержки, слѣдовательно, маіоръ дѣйствовалъ съ бо̀льшимъ нахальствомъ. Я его всѣми мѣрами удерживалъ отъ крайнихъ раздражительныхъ увлеченій, всякій разъ напоминая о судьбѣ его матери и сестеръ; я увѣрялъ его, что, вооружившись нѣкоторымъ терпѣніемъ, мы непремѣнно дождемся перемѣнъ къ лучшему.— Впослѣдствіи мнѣ таки представился случай вытащить его изъ Дагестан-

скаго полка и перевести въ Навагинскій, но и здѣсь онъ не поладилъ съ какимъ-то придирчивымъ баталіоннымъ командиромъ, наговорилъ грубостей, у него отняли роту и стали преслѣдовать. Наконецъ, когда на Кавказѣ война кончилась, онъ выхлопоталъ переводъ въ Сибирь, въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ въ Омскѣ, и тутъ преслѣдовавшая его судьба завершила свой ударъ: за нанесеніе баталіонному командиру удара по лицу, Щелоковъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ на работы въ Восточную Сибирь. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ покончилъ съ собой...

Этотъ несчастный человѣкъ вовсе не былъ созданъ для военной службы; онъ не настолько имѣлъ самообладанія, чтобы переносить всѣ послѣдствія строгой дисциплины, суровость коей усиливалась вслѣдствіе преобладавшаго тогда въ войскахъ числа грубыхъ, неразвитыхъ офицеровъ; онъ не могъ равнодушно видѣть несправедливости, запусканія лапъ въ солдатское добро и т. п. и слишкомъ громко и рѣзко высказывался, хотя этимъ путемъ нельзя было достигнуть ни малѣйшаго устраненія зла; напротивъ, подвергая себя преслѣдованію, онъ лишалъ самое дѣло защитника, могшаго незамѣтно, безъ громкихъ протестовъ, приносить пользу, вопреки большинству. Я думаю, онъ едвали бы и въ гражданской службѣ, при тогдашнихъ порядкахъ, могъ удержаться; его и тамъ стерли бы съ лица земли. Вообще, и нравственно, и физически это была болѣзненная натура, одинъ изъ тѣхъ, которые не во́время явились на свѣтъ.

Если прибавить къ этимъ лицамъ баталіоннаго эскулапа, вѣчно пьянаго, громко, на весь аулъ выкрикивающаго какія-то артиллерійскія командныя слова (онъ былъ прежде лекаремъ въ конной батареѣ), возбуждающаго смѣхъ солдатъ и страхъ кутишинскихъ бабъ и ребятишекъ, да трехъ-четырехъ прапорщиковъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ большинства субалтерновъ тогдашняго закала — вотъ и весь баталіонъ. Былъ, правда, и еще одинъ замѣчательный человѣкъ, рядовой Каменскій, изъ дворянъ, студентъ казанскаго универси-

тета, съ большими способностями, но—увы!—объ этомъ грустно и вспоминать. Я первый разъ тогда видѣлъ, до чего можетъ пасть человѣкъ. Сосланъ онъ былъ въ солдаты за весьма скверный поступокъ: составилъ какое-то фальшивое свидѣтельство на полученіе денегъ, поддѣлалъ подписи и т. п. Кавказъ представлялъ ему удобный случай загладить грѣхъ молодости; онъ могъ бы возвратить и свои права служебныя, и права уваженія порядочныхъ людей; но вышло не то: падая все ниже и ниже, онъ попался опять въ какой-то мелкой кражѣ, пьянствовалъ, подвергался наказанію розгами... Я, чрезъ Толстова, попытался было въ Кутиши подѣйствовать на этого несчастнаго Каменскаго, возбудить въ немъ мысль о человѣческомъ достоинствѣ, воскресить въ немъ искру раскаянія и готовности начать другую жизнь, я обѣщалъ ему и матеріальную поддержку, и защиту, и ходатайство за него при первомъ удобномъ случаѣ; онъ ночью являлся ко мнѣ съ Толстовымъ (днемъ онъ боялся, чтобы Б. не замѣтилъ; Каменскій былъ не въ моей ротѣ, а въ 3-й мушкетерской; маіоръ сейчасъ бы придрался и заподозрилъ меня въ покровительствѣ, во вмѣшательствѣ въ дѣла чужой роты, а Каменскому досталось бы уже навѣрное), бросался руки цѣловать, рыдалъ, какъ ребенокъ, когда я напомнилъ ему объ университетѣ, о великомъ преступленіи, которое онъ совершилъ надъ собою и достоинствомъ просвѣщеннаго человѣка, доводя себя до тѣлеснаго наказанія, судорожно всхлипывая, увѣрялъ, что ему остался одинъ путь — пулю въ лобъ себѣ пустить,—а чрезъ день, получивъ два-три гривенника отъ солдатъ за написаніе имъ писемъ на родину, Каменскій уже былъ поднятъ мертвецки пьяный у духана... Я махнулъ рукой и пересталъ о немъ думать.

Всѣ сборы къ выступленію были покончены, насиженныя гнѣзда разорены, разный хламъ, ломъ и тряпки великодушно розданы хозяевамъ сакель, къ великому удовольствію ихъ дамъ, и въ одно дѣйствительно прекрасное утро послѣднихъ чиселъ мая, или первыхъ іюня 1853 года, баталіонъ, отпра-

вивъ двумя часами раньше впередъ свой обозъ, при звукахъ пѣсенъ, въ родѣ: „мы похода долго ждали, *си* восторгомъ ожидали", при гулѣ барабановъ, рѣзкомъ пискѣ кларнетовъ, при свистахъ и залихватскихъ выступахъ ложечниковъ, вытянулся длинными рядами изъ Кутиши, провожаемый нѣсколькими стариками, не отказывавшимися отъ запретнаго горячаго напитка, и кучею мальчишекъ.

— *Яхши болъ, баяръ, якши гайда*!—раздается съ крышъ, очевидно коверкая, съ цѣлью руссифицировать татарскія слова.

— *Саголъ, аллахъ сахласынъ*; *твоя марушка да баранчукъ якши болъ*—обратное коверканіе, въ убѣжденіи, что это по-татарски значитъ: желаю здоровья твоей женѣ и дѣтямъ. А всѣ туземцы въ свою очередь думаютъ, что марушка (жена), баранчукъ (ребенокъ) чисто по-русски.

Первый переходъ Оглы, второй Дженгутай, третій Шура. Здѣсь, кажется, мы простояли два дня; осмотрѣлъ насъ полковой командиръ, и выступили въ Чирь-юртъ.

Переходъ отъ Шуры до Чирь-юрта, должно-быть верстъ 40 съ хвостикомъ, особенно въ жаркое время, крайне тяжелъ, утомителенъ и скученъ. Мѣстность первой половины пути слегка холмистая, по обѣ стороны въ нѣкоторомъ разстояніи высоты покрытыя лѣсомъ, большею частью дубнякомъ, вторая половина совершенно ровная, если не считать неизбѣжныхъ балокъ, болѣе или менѣе крутыхъ; кустарникъ вездѣ въ изобиліи, но какой-то печально-сѣроватый, корявый; почва каменисто-песчаная; общій видъ крайне непривѣтливый. Все это вслѣдствіе отсутствія воды и невозможности поселеній. На всемъ протяженіи не встрѣчаются признаки живого существа. Наконецъ, не доходя верстъ 7—8 до Чирь-юрта, показывается рѣка Сулакъ, вырывающаяся здѣсь изъ своего тѣснаго скалистаго ущелья въ долину, принимающая характеръ крупной рѣки, успокоившейся отъ бѣшенаго бурленія и воя среди скалъ, давившихъ ее отъ истоковъ, по всему пути отъ снѣжныхъ и каменныхъ лавинъ. Далѣе виднѣется башня, вооруженная пушкой, въ которой постоянно содер-

жится команда въ 20 человѣкъ солдатъ. На ихъ обязанности наблюдать за прорывомъ непріятельскихъ партій, имѣющихъ въ этомъ мѣстѣ у бывшаго аула Міятлы удобный бродъ черезъ рѣку, и выстрѣлами изъ орудія производить тревогу. На той сторонѣ рѣки, на покатыхъ возвышенностяхъ, хоть и не видно непріятельскихъ ауловъ, но замѣтна ихъ близость: копны сѣна, не сжатыя еще полянки и т. п.

Пройдя еще версты двѣ, дорога подходитъ почти къ самому берегу рѣки; здѣсь, само собою, всякая проходящая команда непремѣнно остановится, чтобы напоить лошадей послѣ сутокъ движенія (ночевать приходилось гдѣ застанетъ темь, безъ воды, а люди запасались въ Шурѣ въ манерки, бутылки, баклажки), да и самимъ помыться, освѣжиться. Горцы ближайшаго аула Зубутъ всегда вертѣлись на своемъ лѣвомъ берегу у этого мѣста и нерѣдко переходили и на правый берегъ, скрываясь въ растущихъ здѣсь деревьяхъ и густыхъ кустахъ гребенчика, поджидая добычи, въ видѣ отставшаго или неосторожно удалившагося отъ колонны. Такимъ-то образомъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ и случился захватъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ Кабардинскаго полка въ 1848 году, о чемъ я разсказалъ въ предшедствующихъ главахъ.

Мы тоже остановились здѣсь, но приняты были всѣ мѣры для предупрежденія какого-нибудь внезапнаго нападенія. Слѣдившіе за нами со своего берега горцы видѣли, что надежды на добычу плохія, и потому, очевидно ужъ ради потѣхи только, пустили намъ нѣсколько выстрѣловъ, на которые солдаты, обрадовавшись случаю, подняли цѣлую трескотню, не умолкнувшую пока нѣсколькимъ не досталось по зубамъ отъ фельдфебелей и капраловъ. Удивительна эта страсть у всѣхъ солдатъ къ стрѣльбѣ; какъ будто вся суть въ томъ, чтобы поскорѣе выпустить свои патроны! Особенно въ тѣ времена, изъ отвратительныхъ, негодныхъ гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей, когда едва изъ десяти человѣкъ одинъ имѣлъ понятіе о прицѣльной стрѣльбѣ, это сыпаніе пулями въ сторону непріятеля составляло какое-то особое, дорогое удовольствіе для

солдатъ, но совсѣмъ безцѣльное и почти безвредное для непріятеля. Особенно въ Чечнѣ это практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ, и преимущественно баталіонами, приходившими въ зимнія экспедиціи изъ другихъ сосѣднихъ районовъ, гдѣ зимою дѣйствій не происходило. Стоило только чтобы, подходя къ лѣсу, противъ разсыпанной цѣпи, раздался одинъ выстрѣлъ какого-нибудь шелопая-чеченца, засѣвшаго гдѣ-нибудь за частымъ орѣшникомъ, или на высокое дерево, какъ пойдетъ по всему лѣсу такая жарня, такіе перекаты то усиливающейся, то ослабѣвающей перестрѣлки, что новый, еще не совсѣмъ ознакомленный съ мѣстными обычаями человѣкъ вправѣ подумать, что идетъ ожесточенный бой, что жертвы валятся конечно десятками, если не сотнями... А если новый человѣкъ да къ тому же „начальство“, которому поручена отдѣльная часть отряда, то онъ засуетится, начнетъ разсылать приказанія, подкрѣпленія и проч. Между тѣмъ единственныя жертвы — напрасно выпускаемые патроны, напрасно расточаемыя казенныя деньги. Старые офицеры уже знали это, и бывало спросишь у иного: „что это тамъ такой сильный огонь открыли?“—„Ничего; *въ сѣрое облачко стрѣляютъ*“.

Чеченцы знали эту слабость нашихъ солдатъ, и даже знали, что она сильнѣе у тѣхъ, что съ красными воротниками, нежели у тѣхъ, что съ черными. (Тогда были полки мушкетерскіе съ красными, и егерскіе съ черными воротниками.) Мѣстные въ Чечнѣ полки Кабардинскій и Куринскій—егеря—уже не такъ предавались страсти „пуцать“, потому что, постоянно находясь въ лѣсахъ съ глазу на глазъ съ чеченцами, и безъ того не могли пожаловаться на недостатокъ случаевъ къ стрѣльбѣ; приходившіе же были исключительно мушкетеры: Тенгинцы, Навагинцы, изрѣдка Апшеронцы и Дагестанцы; ну, и потѣшались же они! Особенно Навагинцы были любители „пуцанія“,—до того, что начиналось распеканіе баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, зуботыченье людей, приказы по отряду; но все это мало дѣйствовало. Чеченецъ, а много чело-

вѣка три-четыре, проберутся противъ этого баталіона съ красными воротниками (они даже въ полушубкахъ все-таки умѣли узнать, гдѣ мушкетеры, по папахамъ и другимъ примѣтамъ), и затѣютъ потѣху: они сдѣлаютъ два выстрѣла, имъ въ отвѣтъ 500; только-что начнетъ утихать, они опять одинъ-два выстрѣла, да еще вдругъ и удачные—ранятъ кого нибудь, — имъ въ отвѣтъ тысяча. А эхо пойдетъ по лѣсу какими-то переливами, и вдругъ среди треска ружейнаго огня раздается „ги, ги, Алла!“ тѣхъ же трехъ-четырехъ шелопаевъ, а въ отвѣтъ огонь еще чаще... Издали невольно думаешь: чортъ возьми, должно быть тамъ уже не шутки! Въ результатѣ: одинъ или два раненые и три десятка тысячъ выпущенныхъ патроновъ...

Но, само собою, не всегда такъ было. Иногда и огня такого не слыхать, а раненыхъ и убитыхъ выносятъ десятками, сотнями; зато гиканіе и ура уже слышны не одиночныя, а цѣлыми хорами, очевидно сотенъ голосовъ, да въ промежуткѣ самый ужасный визгъ и звонъ картечи, пущенной изъ шестифунтовой или батарейной 12-фунтовой пушки; все сопровождается какимъ-то стономъ, трескомъ, адскимъ завываніемъ цѣлаго лѣса. Какъ будто проснулся какой-то міръ лѣшихъ и наполняетъ лѣсъ разными дикими воплями и воемъ, справляя шабашъ!..

Отдохнувъ часа два, мы тронулись дальше, уже все почти берегомъ рѣки и вскорѣ достигли своего назначенія, т. е. бараковъ, устроенныхъ на обрывистомъ правомъ берегу Сулака, напротивъ укрѣпленій Чирь-юрта, возведеннаго на лѣвомъ берегу для прикрытія понтоннаго моста.

Чирь-юртъ собственно названіе аула, но у насъ онъ сдѣлался именемъ, такъ сказать, собирательнымъ. Вопервыхъ, аулъ въ верстѣ выше моста, состоящій изъ 200 домовъ, населенный туземцами, не помню навѣрное—шамхальскаго владѣнія, или той группы кумыковъ, которые занимали низовья Сулака, почти до впаденія его въ Каспійское море, какъ кастековцы, казіюртовцы и другіе. Вовторыхъ, укрѣпленіе охра-

нявшее мостъ-переправу, чрезвычайно важную, какъ единственную на прямомъ сообщеніи Дагестана съ крѣпостями и войсками кумыкской плоскости, или лѣваго фланга Кавказской линіи, готовыми, всегда въ случаѣ надобности, оказывать другъ другу поддержку въ борьбѣ съ сильнымъ тогда непріятелемъ. Въ этомъ укрѣпленіи была штабъ-квартира линейнаго баталіона. Втретьихъ, бараки, построенные для помѣщенія поочереди высылавшагося сюда баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, главною обязанностью коего было давать нужное число рабочихъ для построекъ въ штабъ-квартирѣ драгунскаго полка, а также усиливать охрану прибрежья Сулака отъ вторженія горцевъ. Вчетвертыхъ, штабъ-квартира Нижегородскаго драгунскаго полка, версты двѣ ниже бараковъ по теченію рѣки, на правомъ берегу, постройка коей начата въ 1856-мъ году, съ переводомъ сюда полка изъ Карагача въ Грузіи, гдѣ онъ прожилъ чуть не полвѣка. Вотъ эти-то четыре поселенія и назывались общимъ имеиемъ Чирьюртъ.

Ну, и мѣсто же этотъ Чирь-юртъ, чтобъ ему пусто было! Въ теченіе лѣта, особенно съ половины іюня до сентября, здѣсь отъ 6—7 часовъ утра до 7—8 часовъ вечера дуетъ какой-то сѣверо-восточный ураганъ. Ничего подобнаго ни на Кавказѣ, ни въ южной Россіи я не встрѣчалъ. Бываютъ въ этихъ мѣстахъ лѣтомъ сильные вѣтры, дующіе иногда десять дней сряду, поднимая тучи песку и пыли, сжигая всякую растительность и доводя до отчаянія не только людей, но и животныхъ; но такого вѣтра, такихъ тучъ пыли, песку и *мелкаго щебня*, такого постоянства и аккуратности, въ теченіе не менѣе 70—80 дней, *безъ единаго исключенія*, какъ въ Чирь-юртѣ, я самъ не встрѣчалъ, да и не помню, чтобы читалъ гдѣ-нибудь о другихъ азіятскихъ странахъ. До шести часовъ утра тихо, небо чисто-голубое, солнце во всемъ блескѣ, птички щебечутъ, порхаютъ, разныя летающія насѣкомыя носятся въ воздухѣ, видишь людей, оживленно движущихся, что-нибуь дѣлающихъ; около семи часовъ начинается легкое

поддуванiе, точь-въ-точь какъ будто собиранiе съ силами, какъ раскачиванiе, подготовляющее движенiе слишкомъ тяжелаго предмета; исподоволь поддуванiе переходитъ въ болѣе рѣзкiе частые порывы, начинаютъ закруживаться столбики пыли; птички, насѣкомыя, даже собаки куда-то скрываются; солнце принимаетъ мутноватый отблескъ... Къ восьми часамъ начинается свѣтопреставленiе... Съ воемъ и ревомъ несутся страшныя волны бѣшенаго урагана; окрестность скрывается какъ бы въ сильномъ туманѣ; солнца не видно, изрѣдка только можно замѣтить какой-то тускло-желтый шаръ, точно мѣдный тазъ; ни единаго живого предмета; кругомъ все скрылось отъ этихъ тучъ песку и камешковъ, хлещущихъ въ лицо, проникающихъ въ глаза, въ носъ, ротъ, уши... А вмѣстѣ съ тѣмъ, жаръ невыносимъ: 35 — 40° по Реомюру, и, забравшись въ маленькую конуру, съ плотно закупоренными оконцами, еще, сверхъ того, прикрытыми снаружи соломенными матами, я, бывало, задыхаюсь, истома одолѣваетъ, слабость всѣхъ членовъ какъ у тяжко больного: ни бдѣнiя, ни сна. Въ довершенiе муки, множество сороконожекъ, мокрицъ, пауковъ, клещей, другихъ подобныхъ гадовъ и не мало скорпiоновъ и даже фалангъ, не говоря о мирiадахъ мухъ... И все это собирается въ злосчастные бараки терзать обреченныхъ на жертву людей, терзать, впрочемъ, больше ихъ воображенiе, ихъ нервную систему, чѣмъ тѣла: несчастныхъ случаевъ отъ укушенiя ядовитыхъ насѣкомыхъ я не слыхалъ, хотя не разъ ловили скорпiоновъ. Отъ заноса песку не было никакого спасенiя: сквозь маты и стекла, сквозь стѣны и крыши просасывался этотъ врагъ нашъ, и мы должны были въ ѣдѣ и питьѣ ощущать на зубахъ непрiятное хрустѣнiе песку; также не спасали никакiя мѣры отъ мухъ: и во время варки обѣда, и во время ѣды, онѣ, тоже какiя-то изнеможенныя, обезсиленныя, сотнями валились въ кушанье, отравляя и безъ того въ конецъ отравленное существованiе человѣка...

Иные жаркiе дни были въ особенности невыносимы. Съ

9 — 10 часовъ становилось до того душно въ плотно затворенномъ баракѣ, мухи до того надоѣдали, что приходилось опустить снаружи маты на окнахъ, а изнутри завѣсить ихъ еще чѣмъ-нибудь плотнымъ и лежать въ темнотѣ, безъ движенія, въ поту и истомѣ. Иныя, болѣе счастливыя натуры умѣли заснуть и просыпаться ко времени заката солнца, когда вѣтеръ начиналъ стихать и можно было наконецъ выйдти на воздухъ; но я не принадлежалъ къ числу этихъ счастливцевъ: раздѣнешься, ляжешь, плотно завернувшись въ простыню, спасаясь отъ гадовъ, и мучишься весь день, то вставая, то куря, то опять ложась. Просто пытка! Въ довершеніе всего, вода изъ Сулака мутная, теплая, съ сильною примѣсью сѣрнаго вкуса отъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ, находящихся вблизи у берега.

Какъ болѣе выносливые, притерпѣвшіеся ко всему, солдаты, само собою, не до такой степени терзались и проводили дни во снѣ; но и они проклинали этотъ гнусный Чирьюртъ. Въ это время наряжавшіеся на работы въ драгунскій штабъ люди дѣлали кое-что рано утромъ да вечеромъ, остальные же часы спали себѣ преспокойно гдѣ-нибудь въ тѣни, за вѣтромъ. Другой службы никакой отъ нихъ и не требовали.

Въ одинъ изъ такихъ убійственныхъ дней была получена почта и пріятное извѣстіе о вышедшихъ наградахъ за наше дѣло 24-го октября 1852 г. на Кутишинскихъ высотахъ: маіору Б. Анну 2-й степени, мнѣ и Федосѣеву 3-й съ бантами (мечей тогда еще не существовало), а капитану Броневскому Владиміра 4-й степени.

Но всему бываетъ конецъ и всякое горе излечивается великимъ цѣлителемъ-временемъ. Въ исходѣ августа ураганъ сталъ видимо слабѣть, начинался позже, затихалъ раньше, иной разъ два дня совсѣмъ замолкнетъ, послѣ вдругъ опять какъ-то порывисто, судорожно завоетъ, закрутитъ, подыметъ облака пыли и исчезнетъ, пока не сгинулъ окончательно, освободивъ насъ послѣ трехмѣсячной осады. Началась совсѣмъ другая жизнь.

Почти каждый день ѣздилъ я къ драгунамъ; командовалъ ими тогда князь Ясонъ Чавчавадзе, одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ людей, даже на Кавказѣ. Домъ его былъ настежъ; съ утра до ночи толпились почти всѣ офицеры полка и случайные проѣзжіе гости; все это пило, кушало, расходилось по комнатамъ, занятымъ племянникомъ князя, капитаномъ Захаріемъ Чавчавадзе (нынѣ генералъ-лейтенантъ), отдыхать, опять собирались къ чаю, къ ужину, играли въ карты до поздней ночи. Почти каждый день предъ вечеромъ являлись лихіе пѣсенники и потѣшали своего командира солдатскими пѣснями, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Особенно, помню, восторгался онъ одною: „Ахъ, Дунай мой, Дунай“, при которой пѣсенники двигались какимъ-то хороводомъ и заканчивали самымъ залихватскимъ гикомъ, свистомъ, громомъ, трепакомъ, за что̀ и получали каждый разъ по чаркѣ.

Благодаря знанію грузинскаго языка и знакомству со многими кахетинскими князьями, родственники коихъ служили въ Нижегородскомъ полку, я былъ въ домѣ князя Ясона принятъ какъ свой и пользовался такимъ радушнымъ расположеніемъ его и его добрѣйшей, уважаемой супруги, что это время—лѣто и часть осени 1853 года—принадлежитъ тоже къ одному изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній въ моей долголѣтней кавказской жизни. Къ этому же времени относится и мое доброе знакомство съ княземъ Амилахвари, тогда молодымъ прапорщикомъ, нынѣ генераломъ и бывшимъ начальникомъ кавалеріи въ эриванскомъ отрядѣ генерала Тергукасова, въ послѣднюю войну съ турками.

Милѣйшій нашъ маіоръ, какъ только утихъ ураганъ, тоже воспрянулъ и дорвался до давно желаннаго занятія: сталъ почти ежедневно выводить баталіонъ на ученіе. Въ числѣ доблестей и великихъ качествъ, которыми онъ особенно гордился, было, по его неоднократнымъ разсказамъ, такое знаніе фронтовой науки, что на Кавказѣ едва ли еще могло найтись два-три человѣка ровни ему. Вѣдь не даромъ же

онъ былъ въ корпусѣ „первымъ изъ артиллеріи и фортификаціи!“

— Знаете ли, разсказывалъ онъ однажды: — что въ Дворянскомъ полку меня всегда назначали ординарцемъ къ великому князю Михаилу Павловичу? Одинъ разъ подхожу, беру на караулъ и такую „хватку“ сдѣлалъ, что ложи какъ не бывало: только щепки полетѣли!

Разказсчикъ прибавлялъ, что великій князь, увидя это, сказалъ будто бы: „Молодецъ! Вотъ такихъ бы намъ во всю армію!“

Начались ученія—начались наши мученія: кромѣ крику, суетни, ругани, стремленія къ *красотѣ* ружейныхъ пріемовъ, къ *поэзіи* въ маршировкѣ—однимъ словомъ, къ плацпараднымъ тогдашняго времени тонкостямъ, ничего больше не выходило.

— Господинъ поручикъ такой-то, что вы какъ баба предъ фронтомъ ходите! Извольте маршировать какъ слѣдуетъ. Извольте смотрѣть на меня!—и пустится показывать... И нужно отдать ему справедливость, промаршируетъ такимъ гоголемъ, грудь выпучитъ, животъ втянетъ, голову прямо, глаза на одну точку устремитъ, колѣна не сгибаетъ, носокъ выноситъ, а каблукъ уноситъ, что я начиналъ вѣрить, что онъ былъ первымъ „изъ артиллеріи и фортификаціи“... А ужъ съ полнымъ стаканомъ на киверѣ прошелъ бы, конечно, не проливъ ни капли!

Раза два-три бѣгали мы и на тревоги по выстрѣламъ изъ Міятлинской башни, но, какъ это большею частью водилось, напрасно: прибѣжимъ запыхавшись, услышимъ стереотипную фразу: „партія показалась, съ намѣреніемъ переправиться на нашу сторону, но вернулась“ — и повернемъ назадъ. Одинъ разъ выстрѣлы загудѣли уже слишкомъ часто, такъ что можно было думать ужъ не самую ли башню атаковали горцы; мы бѣжали что̀ было мочи; два драгунскихъ эскадрона проскакали, обогнавъ насъ не доходя до башни; оказалось, что бывшій тамъ прапорщикъ линейнаго баталіона, посланный

въ караулъ на башню въ наказаніе, безъ очереди, на цѣлый мѣсяцъ, нализался зѣло и затѣялъ пальбу. На вопросъ прискакавшаго съ драгунами генералъ-маіора Суслова (ему тогда поручено было общее начальство надъ войсками по Сулаку расположенными), что̀ случилось—пьяный прапорщикъ, подбоченясь, пресерьезно отвѣтилъ ему изъ амбразуры: „Хотѣлъ узнать, какъ здоровье Маріи Ивановны Г.“ (жены одного офицера).

Генералъ взбѣсился, а мы покатились со смѣху.

Только одна тревога оказалась не фальшивою и окончилась не пустяками. Въ одно послѣобѣда пасмурнаго дня, мимо бараковъ нашихъ пронесся 3-й эскадронъ драгунъ, направляясь къ мосту, передавъ при этомъ приказаніе послать слѣдомъ за нимъ двѣ роты. Случилось однако такъ, что̀ въ сборѣ оставалась только одна моя рота, остальныя три были раскомандированы на работы, въ Евгеніевское укрѣпленіе, за чѣмъ-то въ полковой штабъ Ишкарты и т. д. Пришлось мнѣ одному бѣжать за драгунами. Пока я спустился съ обрыва къ мосту, пока перешелъ черезъ скрипящій, стонущій и качающійся мостъ, при энергическихъ напоминаніяхъ и внушеніяхъ смотрителя, офицера изъ финновъ, идти тише, пока взобрался на противоположный крутой подъемъ около укрѣпленія и вытянулся наконецъ съ версту по ровной дорогѣ,—смотрю: эскадронъ уже возвращается шагомъ назадъ. Я тоже остановилъ роту.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я у эскадроннаго командира, капитана Позняка.

— Да сумасшедшій Захарка надѣлалъ хорошаго дѣла: пустился въ бродъ, потопилъ людей и лошадей, наткнулся на огромную партію и едва отдѣлался. Горцы, увидя мое приближеніе съ эскадрономъ, поспѣшили уйти.

Возвратясь въ бараки, я поѣхалъ въ драгунскій штабъ узнать подробности. Оказалось слѣдующе. Партія человѣкъ въ 300 подъѣхала къ Сулаку, ниже штаба верстахъ въ двухъ, и начала осматривать и испытывать броды, очевидно имѣя

намѣреніе перебраться и двинуться куда-нибудь для значительнаго набѣга. Совершенно случайно увидѣлъ ее какой-то изъ женатыхъ поселенцевъ, разыскивавшій заблудившуюся корову что ли, и прибѣжалъ дать знать. Князь Чавчавадзе приказалъ трубить тревогу и одному эскадрону скакать къ мосту, чтобы лѣвою стороной угрожать отступленію непріятеля, если онъ уже успѣлъ переправиться черезъ рѣку, а другому—спѣшить правымъ берегомъ, чтобы или атаковать горцевъ, или не допустить ихъ до переправы. Въ первомъ направленіи поскакалъ 3-й эскадронъ, во второмъ—7-й съ своимъ командиромъ, племянникомъ полковника, капитаномъ Захаріемъ Чавчавадзе, котораго и звали всегда и вездѣ Захарка; съ нимъ и прапорщикъ князь Николай Амилахваровъ, въ качествѣ субалтернъ-офицера.

Проскакавъ съ первыми нѣсколькими человѣками версты двѣ внизъ по теченію, Чавчавадзе видитъ, что вся партія стоитъ на противоположномъ берегу. Не долго думая, онъ бросается въ бродъ. Нужно сказать, что Сулакъ—рѣка значительная, быстрая и глубокая, переправиться въ бродъ можно съ рискомъ, и то не всегда, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, привычному человѣку и коню.

Съ чисто-кавказскою отвагой, съ единственною заботой какъ бы непріятель не ушелъ безъ дѣла, Чавчавадзе не оглянулся даже, чтобы дать эскадрону стянуться, а пустился прямо въ рѣку съ двумя или много съ тремя десятками человѣкъ; на срединѣ рѣки нѣсколько драгунъ опрокинулись и были снесены теченіемъ; одинъ утонулъ, у двухъ утонули лошади, а сами они какъ-то прибились къ берегу; съ остальными Чавчавадзе сталъ подниматься на противный крутой берегъ почти безъ дороги, кому гдѣ удобнѣе было, и когда собралось не болѣе взвода, около 25 драгунъ, этотъ храбрецъ выхватилъ шашку и кинулся въ атаку на толпу въ 300 человѣкъ, стоявшую въ полной готовности. Между тѣмъ, то по два, то по три, прибывали и остальные люди эскадрона, переправляясь выше и ниже по своему усмотрѣнію, и достиг-

нувъ берега, вскачь пускались къ своимъ товарищамъ, врубившимся уже въ непріятеля.

Дерзость ли нашихъ драгунъ, пустившихся въ бродъ и на десять разъ сильнѣйшаго непріятеля въ атаку, боязнь ли какой-нибудь хитрости съ нашей стороны озадачили горцевъ,— не знаю; но даже трудно себѣ представить, какъ они не воспользовались такимъ удобнымъ случаемъ уничтожить эскадронъ почти поодиночкѣ. Стоило имъ смять первую кучку и тогда всѣ догоняющіе, взбиравшіеся на крутой берегъ одиночные драгуны попадали бы имъ въ руки, какъ въ силки. Такъ или иначе, Чавчавадзе и Амилахваровъ, выхвативъ шашки, врѣзались со своими 25 — 30 человѣками и начали работать... Но и горцы не ударили лицомъ въ грязь: человѣкъ 40—50 встрѣтили нападающихъ почти безъ выстрѣла, тоже съ шашками. Произошла рѣзня, чисто кавалерійская рубка: Захарій Чавчавадзе получилъ сильный ударъ по кисти правой руки, не прикрытой эфесомъ (шашки у драгунъ были кавказскаго образца), и другой весьма сильный по лѣвому плечу; но такой счастливый случай: на немъ былъ сюртукъ съ эполетами и ударъ, прорубивъ почти насквозь кованый эполетъ, не причинилъ вреда; не будь эполетъ (а вѣдь на Кавказѣ они надѣвались въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно ходили и на службу съ тогдашними узенькими поперечными погончиками), тамъ бы ему конечно и лечь жертвой неумѣстно безумной отваги. Амилахварову пуля, въ близкомъ разстояніи, вѣроятно пистолетная, попала въ голову, сзади лѣваго уха, причинивъ сильную, глубокую рану. Нѣсколько драгунъ изрублено, нѣсколько ранено, нѣсколько лошадей порублено... Горцы очевидно уже стали приходить въ себя отъ перваго внезапнаго впечатлѣнія, и нашимъ смѣльчакамъ могло придтись совсѣмъ плохо. Въ эту минуту слѣва по дорогѣ замѣчается столбъ пыли, непріятельскій пикетъ дѣлаетъ выстрѣлъ—это показался скачущій Познякъ съ 3-мъ эскадрономъ. Партія начинаетъ медленно отступать, удерживая ружейными выстрѣлами насѣ-

даніе 7-го эскадрона, и отойдя съ версту, потянулась въ гору къ лѣсистому хребту.

Такъ окончилась эта тревога. И Захарій Чавчавадзе, и Амилахваровъ отъ ранъ излечились, безъ особенно вредныхъ послѣдствій. Оба они лежали рядомъ въ комнатахъ дома полкового командира и у нихъ постоянно толпились офицеры; говоръ, пѣсни, шумъ, чаепитіе, закуски—безъ конца, до поздней ночи.

Вскорѣ послѣ этого получили мы извѣстіе о начавшейся войнѣ съ турками, а вслѣдъ затѣмъ приказаніе всему драгунскому полку выступить чрезъ Владикавказъ и Тифлисъ въ Александрополь.

Чирь-юртъ опустѣлъ. Шумъ смѣнился тишиной. Въ драгунскомъ штабѣ остались одни женатые поселяне, нѣсколько нестроевыхъ солдатъ и офицеровъ съ семьями. Весь интересъ сосредоточился на извѣстіяхъ изъ Турціи. Мы крѣпко завидовали драгунамъ и плакались на свою горемычную судьбу. Въ самомъ дѣлѣ: вмѣсто того, чтобъ идти сражаться съ турками, принять участіе въ большихъ сраженіяхъ, отличаться или лечь геройски,—сиди въ опротивѣвшихъ невыносимо-скучныхъ баракахъ, ходи на ученія, выслушивай дерзости пошлѣйшаго Б. и оставайся въ какомъ-то раздраженномъ, почти безнадежномъ положеніи. Охъ, какъ грустно становилось подъ часъ! Какъ хотѣлось хоть какой-нибудь перемѣны, какого-нибудь улучшенія существованія,—въ нравственномъ смыслѣ, конечно,—о матеріальномъ мы мало заботились, привыкли ко всякой гадости; да и съ прекращеніемъ урагана, съ наступленіемъ осени, стоянка оказывалась даже лучше кутишинской.

Вспоминаю объ одной замѣчательной личности, служившей тогда въ драгунскомъ полку, о которой, въ видѣ курьеза, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Былъ тамъ юнкеръ одинъ, князь, да еще свѣтлѣйшій, С—въ. Это былъ богатѣйшій матеріалъ для психологическихъ изслѣдованій. Я, насколько поможетъ мнѣ память, разскажу здѣсь нѣсколько чертъ образа жизни этого антика въ своемъ родѣ.

Любилъ онъ пьянствовать; но не въ самомъ пьянствѣ была суть его удовольствія; напротивъ, еслибъ его пригласили въ офицерскую компанію и предложили шампанскаго, онъ бы непремѣнно отказался. Ему нужно было зайти въ кабакъ, усѣсться тамъ за грязный столъ съ какимъ-нибудь фурштатомъ, чьимъ-нибудь деньщикомъ, потребовать штофъ, зеленаго стекла грязный шкаликъ—и пить, точь въ точь какъ простой народъ нашъ пьетъ, вести сначала пошлый разговоръ, послѣ затянуть пѣсни, а упившись, затѣять драку, быть избитымъ, получить фонари подъ глазами, оказаться съ разодранною шинелью и бѣльемъ, свалиться и заснуть тамъ же, въ кабакѣ, подъ столомъ... Все наслажденіе его заключалось не въ водкѣ, не въ томъ, чтобы нализаться, утопить горе или удовлетворить несчастной болѣзни, запоемъ называемой; нѣтъ, онъ не страдалъ запоемъ, онъ могъ, пожалуй, не пить, ему это все равно было,—ему главное нужно было окунуться совсѣмъ съ головой въ жизнь солдата, простолюдина, пропойцы какого-нибудь, кабачнаго завсегдатая; ему нужно было быть въ роли солдата, фурштата, извозчика, чего хотите, только не аристократа, не привиллегированнаго человѣка, не бѣлоручки. И мало быть вообще въ роли солдата или извозчика—нѣтъ, именно въ той части его роли, когда солдатъ или извозчикъ пьянствуетъ, безобразничаетъ; онъ именно искалъ компаніи съ такими солдатами и деньщиками, съ такими бабами, которыя уже извѣстны были среди своихъ за дрянь, пьяницъ и пропащихъ людей!..

Онъ никогда ничего не читалъ, не писалъ, избѣгалъ всякаго общенія съ интеллигентною частью окружающаго общества. Иной разъ вдругъ оборветъ всѣ сношенія съ солдатскою компаніей и весь окунется въ кругъ духанщиковъ изъ армянъ и мирныхъ туземцевъ ближайшихъ ауловъ: покупаетъ, продаетъ, мѣняетъ лошадей, производитъ какія-то таинственныя сношенія, уѣзжаетъ куда-то, нарядившись въ азіятскій костюмъ, пропадаетъ по цѣлымъ недѣлямъ въ Петровскѣ, въ

Кизлярѣ. Вдругъ опять появится и ознаменуетъ появленіе какимъ-нибудь кабацкимъ скандаломъ.

Въ полку на него махнули рукой. Онъ выпросился въ партизанскую команду, которою завѣдывалъ славный малый поручикъ графъ Менгденъ, а этотъ, убѣдившись въ рѣшительной невозможности что-нибудь сдѣлать съ княземъ, далъ ему волю дѣлать что хочетъ и убираться хоть къ Шамилю, хоть къ самому чорту. Вотъ и шатался онъ по всѣмъ окрестностямъ съ кунаками. Когда же тѣ убѣдились, что онъ богатый человѣкъ, то задумали утащить его въ горы въ плѣнъ и попользоваться знатнымъ выкупомъ. Стали подкарауливать и ждали удобнаго случая. Таковой имъ вскорѣ и представился.

Возвращался какъ-то князь С—въ изъ Петровска въ Чирьюртъ. Отдохнувъ на дорогѣ у казачьяго поста, проглотивъ изрядное количество сивухи въ духанѣ съ казаками, онъ, уже хмѣльной, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Верстахъ въ двухъ отъ поста, изъ балочки вдругъ выскакиваютъ три горца и прямо къ нему. Смекнувъ въ чемъ дѣло, князь пускаетъ коня маршъ-маршемъ по дорогѣ. Горцы за нимъ. Верстъ осьмнадцать удиралъ онъ отъ нихъ и, благодаря отличному скакуну, успѣлъ-таки вскочить въ Чирь-юртъ, хотя погоня насѣдала чуть не на хвостѣ лошади. Горцы отстали уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ драгунскихъ конюшенъ, пустивъ ему въ догонку два выстрѣла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ осторожнѣе.

Впослѣдствіи слышалъ я отъ знакомыхъ драгунъ, что въ Азіятской Турціи князь упросилъ генерала Багговута, бывшаго тамъ начальникомъ кавалеріи, взять его къ себѣ ординарцемъ. Генералъ согласился и думалъ держать его при себѣ въ обыкновенной роли ординарца, для посылокъ со служебными приказаніями и т. п., въ качествѣ личнаго адъютанта; но *князю* такая роль была не по душѣ: онъ предпочелъ присоединиться къ компаніи вѣстовыхъ, чистилъ генеральскихъ лошадей, водилъ ихъ на водопой, обчищалъ навозъ у коновязей и проч.

Таковъ былъ этотъ непонятно-уродливый субъектъ. Нѣ-

сколько лѣтъ спустя, изъ военныхъ приказовъ я узналъ, что онъ произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

XXIV.

Я долженъ возвратиться за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, чтобы разсказать объ одномъ военномъ эпизодѣ, въ которомъ хотя я и не принималъ личнаго участія, но имѣвшемъ нѣкоторое косвенное отношеніе къ послѣдующимъ, лично меня касавшимся событіямъ. Къ тому же и самъ собою этотъ эпизодъ для интересующихся исторіею кавказской войны не лишенъ интереса.

Еще лѣтомъ 1853 года, князь Аргутинскій-Долгорукій, послѣ продолжительнаго отпуска въ Тифлисъ и Петербургъ, настолько возстановилъ свое здоровье, что опять вернулся къ своей должности командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, а исправлявшій его должность князь Григорій Дмитріевичъ Орбельяни уѣхалъ къ своему мѣсту начальника Джаробѣлоканскаго округа и всей Лезгинской кордонной линіи, въ Закаталы.

Въ это же время начавшіяся съ Турціей недоразумѣнія и движеніе русской арміи въ придунайскія княжества заставляли опасаться усиленныхъ враждебныхъ дѣйствій Шамиля и волненій среди покорнаго мусульманскаго населенія на Кавказѣ. Приходилось тѣмъ болѣе объ этомъ подумать, что въ случаѣ войны не малую часть войскъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ, слѣдовало двинуть въ Азіятскую Турцію.

И дѣйствительно, уже въ концѣ іюля князь Аргутинскій получилъ свѣдѣнія, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ значительныхъ скопищъ горцевъ. Чтобы не вдаваться въ обманъ, осторожный князь Моисей Захаровичъ держался своей выжидательной системы и, по обыкновенію, расположилъ войска въ извѣстныхъ пунктахъ на Кутишинскихъ

высотахъ и въ Казикумухскомъ ханствѣ; затѣмъ съ большею частью отряда перешелъ на Турчидагъ. Наконецъ, только 27-го августа, обиженный Шамилемъ пятисотенный начальникъ въ его войскѣ, житель аула Хидатль Гаджіовъ-Ункулау-оглы, во время самаго движенія имама со скопищемъ, бѣжалъ съ двумя товарищами и явился на Турчидагъ, разсказавъ, что Шамиль съ десятью тысячами человѣкъ двинулся къ Джаробѣлоканскому округу, съ тѣмъ чтобы возмутить тамошнее населеніе, переселить часть его въ горы, непослушныхъ разорить и вообще перенести войну въ эту ближайшую къ Грузіи и Тифлису часть края.

Князь Аргутинскій, зная незначительность нашихъ военныхъ средствъ на Лезгинской линіи, не могъ не понять всей важности такого движенія Шамиля,—движенія, которое, въ случаѣ удачи, могло имѣть для насъ неисчислимыя бѣдственныя послѣдствія.

Во всякой войнѣ успѣхъ, хотя бы даже временный и въ стратегическомъ отношеніи не особенно важный, всегда имѣетъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на ходъ дѣла; а въ такой войнѣ, какъ кавказская, гдѣ, кромѣ явнаго непріятеля, у насъ былъ и тайный, въ лицѣ массы мусульманскаго населенія, всякій, даже не особенно значительный успѣхъ Шамиля могъ послужить искрой и произвести взрывъ. Азіятскіе народы чрезвычайно легковѣрны и легкомысленны; во имя религіознаго фанатизма поднять ихъ—задача самая немногосложная. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, что̀ называется, „себѣ на умѣ“. Большинство ихъ всегда ожидало начальныхъ результатовъ враждебныхъ намъ дѣйствій: оказывался успѣхъ на нашей сторонѣ — они являлись съ поздравленіями и готовностью на всякія услуги, увѣряли въ искреннѣйшей преданности и не жалѣли самыхъ сильныхъ выраженій для посрамленія нарушителей спокойствія; но малѣйшая наша неудача — они оказывались въ рядахъ противника, и плохо приходилось, если насъ было слишкомъ мало или, что̀ еще хуже, мы не обезпечили себя съ тыла отъ нихъ. А въ та-

комъ случаѣ, какой обусловливался обстоятельствами 1853 года, когда они знали, что, въ виду войны съ Турціей, войска отвлечены въ другую сторону, при первой удачѣ Шамиля, населеніе Джаробѣлоканскаго округа, сплошь сунитское, весьма воинственное, зажиточное и хорошо вооруженное, могло бы поголовно подняться и произвести въ сосѣдней Кахетіи, до самаго Тифлиса, рѣзню и разореніе ужасное.

Князь Аргутинскій не медлилъ. Того же 27-го августа онъ снялся съ Турчидага и выступилъ въ Казикумухъ, распустивъ слухъ, что идетъ въ Табасарань наказать жителей за неисполненіе данныхъ обѣщаній насчетъ проложенія дорогъ и за непрекращающіяся сношенія ихъ съ мюридами. (См. главы XXXVIII и XXXIX, въ которыхъ я разсказалъ о походѣ въ Табасарань въ 1851 году.) Въ теченіи ночи войска пополнили свои провіантскіе и военные запасы, а 28-го числа отрядъ выступилъ въ составѣ 5$^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, двухъ сотенъ донскихъ казаковъ, нѣсколькихъ сотенъ милиціи, при шести горныхъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ командахъ. Для охраненія же Прикаспійскаго края, которому, за выступленіемъ Шамиля съ десятью тысячами, уже не могла грозить особенно серьезная опасность, были оставлены въ Казикумухскомъ ханствѣ шесть ротъ Дагестанскаго полка при четырехъ орудіяхъ и нѣсколькихъ стахъ милиціонеровъ, подъ командою нашего полкового командира Броневскаго, а на Кутишинскихъ высотахъ—два баталіона Апшеронцевъ при шести орудіяхъ и части милиціи, подъ начальствомъ нашего бригаднаго генералъ-маіора Волкова. Кромѣ того, въ укрѣпленіяхъ, штабъ-квартирахъ и нѣкоторыхъ постахъ остались достаточные гарнизоны, могущіе выдѣлять нѣкоторую часть для движеній къ угрожаемымъ пунктамъ.

Для скорѣйшаго прибытія къ Лезгинской линіи выбранъ былъ ближайшій путь отъ Хозрека на перевалъ Носдагъ. Здѣсь отрядъ захватила ужасная метель (31-го августа). Благодаря тому, что дорога была недавно исправлена, войска

недавно возведено и еще не окончательно вооружено укрѣпленіе Месельдигерское, въ которомъ гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ Мингрельскаго егерскаго полка. Шамиль окружилъ это укрѣпленіе, нѣсколько разъ бросалъ свои толпы на штурмъ, но горсть нашихъ храбрецовъ еще продолжала держаться. Князь Орбельянъ собралъ все, что только могъ стянуть, и съ пятью баталіонами двинулся на выручку укрѣпленія, но, въ виду многочисленнаго непріятеля, занявшаго неприступныя лѣсистыя высоты, атаковать не рѣшался и просилъ князя Аргутинскаго спѣшить сколько возможно для спасенія гарнизона, которому угрожаетъ крайняя опасность...

Въ виду такого извѣстія, уже нельзя было ожидать присоединенія своего аріергарда, и князь М. З. Аргутинскій 6-го сентября двинулся со своею колонной, черезъ Закаталы, къ осажденному укрѣпленію. Узнавъ объ этомъ, Шамиль въ 8 часовъ вечера того же числа еще разъ повелъ штурмъ на Месельдигерскій фортъ, но былъ отбитъ съ урономъ. Тогда, опасаясь встрѣчи съ соединенными войсками двухъ отрядовъ, онъ ночью на 7-е число отступилъ въ Джурмутъ, а затѣмъ въ горы.

Благодаря геройству двухъ мингрельскихъ ротъ, державшихся тринадцать дней противъ десяти тысячъ горцевъ, и изумительному движенію дагестанскаго отряда, предпріятіе Шамиля не удалось, грозныя послѣдствія были предотвращены. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что паденіе укрѣпленія послужило бы сигналомъ общаго возстанія, и тогда движеніе князя Аргутинскаго тоже могло бы быть задержано направленными противъ него въ самыя трудныя мѣста нѣсколькими тысячами человѣкъ; наконецъ, распространились бы волненія даже за Самуръ, Аргутинскому пришлось бы заботиться о его подавленіи уже у себя, въ Дагестанѣ, и онъ оказался бы внѣ возможности спѣшить на помощь лезгинской линіи.

Нужно, однако, сказать, что Шамиль оказался плохимъ, вялымъ, нерѣшительнымъ предводителемъ воинственной толпы.

Въ теченіи двадцати дней, не взирая на то, что, при первой встрѣчѣ съ отрядомъ князя Орбельяна, онъ не только не потерпѣлъ пораженія, но остался въ своей позиціи, Шамиль ничего не сдѣлалъ, ограничился посылкой небольшой партіи за Алазань на почтовую дорогу, гдѣ и были сожжены алмалинская и муганлинская почтовыя станціи, да ограблены нѣсколько проѣзжавшихъ.

Появленіе этой партіи за Алазанью возбудило, однако, въ Тифлисѣ страхъ не малый, и князь Воронцовъ чрезвычайно безпокоился за судьбу отряда князя Орбельяна.

Затѣмъ Шамиль занялся атакой укрѣпленія, въ сущности ему ни въ чемъ не мѣшавшаго, и далъ возможность прибыть дагестанскимъ подкрѣпленіямъ. При ихъ приближеніи, онъ поспѣшилъ отступить, не выждавъ даже атаки нашей, которую на своихъ неприступныхъ лѣсистыхъ горахъ, усиливъ завалами, онъ могъ выдерживать хоть настолько, чтобы причинить намъ чувствительныя потери, и тогда уже отступить, въ чемъ мы, по условіямъ мѣстности, едва ли могли ему воспрепятствовать. Шамиль, впрочемъ, никогда не отличался особыми военными способностями; онъ былъ безспорно хорошій организаторъ и администраторъ—въ духѣ кавказскихъ горцевъ. Всѣ же когда-либо удававшіяся ему военныя дѣйствія были результатомъ лучшихъ его наибовъ: Ахверды-Магомы, Шуаибъ-Муллы, Гаджи-Мурата и нѣкоторыхъ другихъ. Но этихъ джигитовъ въ 1853 году съ нимъ уже не было: они уже сложили свои буйныя головы на службѣ дѣлу мюридизма. Съ нимъ былъ бывшій султанъ элисуйскій Даніель-Бекъ, но этотъ былъ еще менѣе военный человѣкъ, чѣмъ самъ Шамиль. Этого обстоятельства тоже не слѣдуетъ упускать изъ вида при сужденіи о бездѣятельности имама въ теченіи 1853 — 55 годовъ, когда, казалось, ему представлялась возможность причинить намъ значительныя безпокойства — на что̀ и Турція и ея союзники не мало разсчитывали. Шамиль боялся рисковать, хорошо понимая, что одно сильное пораженіе, *ему* нанесенное, можетъ весьма печально

для него отозваться, подрывая обаяніе и страхъ, сопряженные съ его именемъ среди горцевъ. Періодъ его борьбы съ нами между 1840—1856 г., не взирая на очевидные успѣхи наши въ Чечнѣ, вслѣдствіе принятой княземъ Воронцовымъ системы просѣкъ и казачьихъ заселеній, все-таки былъ лучшимъ періодомъ для Шамиля, давшимъ ему возможность окончательно упрочить свою власть надъ разнородными, непривычными къ подчиненности племенами. Онъ былъ близокъ къ основанію чего-то въ родѣ династіи. Честолюбіе его стремилось къ цѣлямъ болѣе серьезнымъ и положительнымъ, чѣмъ честолюбіе какого-нибудь горца Гаджи-Мурата, которому нужна была слава джигита, смѣлаго предводителя партій въ набѣгахъ и битвахъ съ русскими, и потому совершенно естественно, что Шамиль держался болѣе осторожной системы дѣйствій.

Цѣль князя Аргутинскаго была достигнута: онъ освободилъ Бѣлоканскій округъ отъ нашествія. Его войскамъ не пришлось сражаться съ горцами, но ихъ изумительный походъ, ихъ неутомимость, имѣли важный результатъ, а самое предпріятіе и быстрота, съ которою оно было приведено въ исполненіе, составляютъ одну изъ лучшихъ услугъ, оказанныхъ генераломъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ Кавказу. Къ крайнему сожалѣнію, этотъ походъ, вьюги и метели, утомительные подъемы и спуски, неизбѣжныя лишенія, отозвались на разстроенномъ здоровьѣ князя: больнымъ возвратился онъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и чрезъ два мѣсяца ему стало такъ дурно, что пришлось его увезти въ Тифлисъ, гдѣ онъ уже и не всталъ съ постели. Смерть его лишила Кавказъ одного изъ лучшихъ, опытныхъ военачальниковъ и администраторовъ.

Объ этомъ походѣ намъ въ Чирь-юртѣ было извѣстно и мы крайне досадовали на вынужденное бездѣйствіе, особенно при скверной обстановкѣ, въ которой находились.

Съ уходомъ драгунъ, настала совершенная тишина и жизнь приняла самыя скучныя формы. Мы завидовали войскамъ, которымъ выпала счастливая доля выступить въ походъ противъ турокъ. Всѣ наши разговоры только и вертѣ-

лись на предположеніяхъ и фантазіяхъ—потребуютъ ли изъ нашего полка хоть одинъ баталіонъ и который именно будетъ назначенъ. Когда мы узнали, что изъ Дагестана вытребовали въ Турцію два баталіона Ширванскаго полка, надежды наши ожили до того, что мы, въ какомъ-то нервномъ настроеніи, со дня-на-день ждали приказанія выступать... При затруднительности сообщеній съ Шурою, извѣстія оттуда получались весьма рѣдко, и потому довольно было появиться кому-нибудь ѣдущему изъ нашей столицы, хотя бы то былъ маркитантъ, чтобы мы атаковали его вопросами, что слыхать и не требуютъ ли войскъ въ Турцію?

Въ одинъ изъ пасмурныхъ, чисто осеннихъ дней, когда мы съ Ѳедосѣевымъ и Щелоковымъ сидѣли въ баракѣ за чаемъ и въ облакахъ табачнаго дыма въ сотый разъ варіировали на тему похода въ Турцію, или о безобразіяхъ нашего милѣйшаго баталіонера Б., послышался шумъ отъ быстраго движенія колесъ и топота лошадей. Послали узнать, что случилось, и совершенно неожиданно узнали, что пріѣхалъ изъ Шуры „Кузьмичъ“ (т. е. полковникъ Дмитрій Кузьмичъ Асѣевъ, о которомъ я разсказывалъ выше) и остановился у маіора.

— Ну, теперь кончено! сказали мы въ одинъ голосъ. — Очевидно, нашему баталіону идти въ походъ съ Кузьмичемъ; не такого же господина посылать туда, какъ нашъ маіоръ; его, значитъ, на мѣсто Кузьмича 4-мъ баталіономъ пошлютъ командовать. Ура! вотъ такъ штука! Это намъ награда за полтора года муки съ Б—чемъ.

Послѣ пробитія зори, нетерпѣніе наше, въ ожиданіи явки фельдфебелей съ приказаніями, достигло крайняго напряженія; трубки набивались одна за другой, чубуки высасывались съ азартомъ, входившій деньщикъ изгонялся вонъ, какъ будто его присутствіе замедляло разрѣшеніе ожиданій.

Наконецъ докладываютъ: „ваше благородіе, фитьфебель пришли-съ“. (Солдатъ о фельдфебелѣ, даже въ третьемъ лицѣ, не рѣшался говорить въ единичномъ числѣ, а всегда: сказали, пришли, послали и т. д.)

— Ну, давай его скорѣе сюда.

Входитъ.

— Ваше благородіе, во 2-й мушкетерской ротѣ все обстоитъ благополучно.

— Да ты говори скорѣе, какія приказанія?

— Вашему благородію съ ротой, въ восемь часовъ утра, выступать въ Хасавъ-юртъ, для конвоированія полковника Асѣева, ѣдущаго на линію. Изъ драгунскаго штаба прибудутъ 10 казаковъ и урядникъ, а въ укрѣпленіи, при проходѣ мимо, приказано взять одно орудіе. Въ Хасавъ-юртѣ ночевать, а на другой день назадъ.

— А насчетъ похода баталіону ничего не сказано?

— Никакъ нѣтъ-съ, ничего не слыхалъ.

— Ну, хорошо; ступай, приготовь роту; не оставлять лишнихъ людей дома, чтобы не меньше 200 штыковъ было; взять на два дня хлѣба съ собой и одну тройку, на случай кто заболѣетъ или ранятъ; ружья осмотрѣть, чтобы было все исправно.

— Вотъ-те и Кузьмичъ, и походъ въ Турцію! Давайте, съ горя, ужинать...

На другое утро, когда рота моя уже выстроилась у спуска къ мосту, въ готовности двигаться, я отправился явиться начальству.

Не успѣлъ я войдти, какъ Б. уже приподнялся и сталъ въ величественную позу повелителя; онъ, очевидно, хотѣлъ показать предъ другимъ баталіоннымъ командиромъ, какимъ юпитеромъ онъ умѣетъ быть. Но тутъ случился неожиданный имъ казусъ: Кузьмичъ, какъ только увидѣлъ меня, всталъ мнѣ на-встрѣчу и самымъ дружелюбнымъ тономъ забасилъ: „Вотъ кого я вижу—моего любезнѣйшаго „слезнорыдающаго“ (я уже разсказывалъ выше, какъ мы у него въ Дешлагарѣ выпрашивали взаймы денегъ и писали *слезнорыдающія* просьбы); а я и не зналъ, что ты, другъ мой, здѣсь; я думалъ, что, по старому, въ 3-мъ баталіонѣ. Вотъ чудесно: до

Хасавъ-юрта вмѣстѣ пойдемъ, наговоримся и Дешлагаръ вспомянемъ!“

Б., красный, силящійся придать своей физіономіи не то ироническое, не то злобное выраженіе, поглаживаетъ тощіе усики и съ видимымъ неудовольствіемъ возвращается на свое мѣсто. А чтобы поддѣлаться къ Кузьмичу (нельзя же: полковникъ, да и протеже князя Аргутинскаго, въ дружбѣ со всѣми *штабными*—чортъ возьми, это не шутка!), принимаетъ товарищескій добродушный видъ и, вмѣсто приготовленныхъ юпитерскихъ повелѣній, приглашаетъ выпить на дорогу стаканъ чаю. Я поблагодарилъ.

Путешествіе наше до Хасавъ-юрта, верстъ около тридцати, было не весьма пріятно: моросилъ не то мелкій дождь, не то какой-то сквозь сито пропускаемый мокрый туманъ. Кузьмичу пришлось поднять верхъ своего тарантаса, а мнѣ, ѣхавшему верхомъ, надѣть бурку и башлыкъ; поэтому разговоръ затруднялся. На половинѣ дороги, у караульной башни, мы сдѣлали привалъ и тутъ, за завтракомъ, я наконецъ улучилъ удобный моментъ спросить у Кузьмича разрѣшенія мучившихъ насъ предположеній и надеждъ.

Отвѣтъ оказался самый разочаровывающій. „Навѣрное, сказалъ Кузьмичъ, я ничего не знаю, но убѣжденъ, что, за исключеніемъ уже взятыхъ двухъ Ширванскихъ баталіоновъ изъ Дагестана не тронутъ больше ни одного человѣка, тѣмъ болѣе, что изъ Чечни, изъ Владикавказа, съ линіи тоже забрана часть войскъ и, въ случаѣ чего (то-есть успѣшныхъ дѣйствій Шамиля), намъ изъ Дагестана придется туда посылать подкрѣпленія; а если тамъ, на лѣвомъ флангѣ, не пріостановятъ зимнихъ дѣйствій противъ чеченцевъ, то изъ Дагестана имъ непремѣнно пошлютъ два-три баталіона на усиленіе.

Входя въ Хасавъ-юртъ, по обыкновенію при громѣ пѣсенниковъ, бубновъ и барабановъ, я былъ встрѣченъ двумя ѣхавшими верхомъ офицерами Кабардинскаго полка, изъ коихъ одинъ голосомъ зависти и досады спросилъ: „въ Тур-

цію идете?“ У меня сейчасъ мелькнула мысль, что не одни мы, значитъ, только и мечтаемъ объ этомъ, а и господа Кабардинцы, находящіеся въ гораздо лучшей обстановкѣ и — главное — имѣющіе случай драться въ Чечнѣ, тоже рвутся въ Турцію и сидятъ какъ на иголкахъ. Спрашивавшій меня офицеръ былъ майоръ Георгій Константиновичъ Властовъ, съ которымъ послѣ случай свелъ насъ гораздо ближе, и мнѣ еще придется о немъ говорить. Теперь онъ давно мирный гражданинъ, авторъ серьезной книги, трактующей, если не ошибаюсь, объ отношеніи наукъ вообще и новѣйшихъ открытій въ особенности ко Священному Писанію — сочиненіе богословско-философское, судя по отзывамъ газетныхъ рецензентовъ. И какъ вспомню я молодого маіора, досадующаго, что не приходится идти воевать съ османлисами, то какъ-то невольно страннымъ кажется переходъ къ богословскимъ занятіямъ...

Я тогда первый разъ былъ въ Хасавъ-юртѣ, и въ сравненіи съ Ишкартами, нашимъ унылымъ монастыремъ— штабъ-квартирой, Хасавъ-юртъ показался мнѣ весьма бойкимъ, оживленнымъ мѣстомъ. Я явился къ мѣстному воинскому начальнику, который распорядился отвести мнѣ квартиру, а вечеромъ пригласилъ къ себѣ пить чай; роту же мою забрала къ себѣ въ гости одна изъ ротъ Кабардинскаго полка.

Вечеръ у воинскаго начальника, капитана Данилова, я провелъ самымъ веселымъ образомъ. Тамъ былъ походный атаманъ Донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ, генералъ-лейтенантъ Хрещатицкій (отецъ нынѣшняго атамана), почтеннѣйшій сѣдовласый старикъ, смѣшившій всѣхъ весь вечеръ самыми забавнѣйшими анекдотами. Онъ долго стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ, выучился отлично говорить по-польски и вообще вполнѣ познакомился со всѣми мѣстными привычками, взглядами и пр. Запасъ его анекдотовъ, преимущественно о панахъ пробощахъ и каноникахъ, былъ неистощимъ; разсказывалъ онъ по-польски, очевидно стараясь забавить хозяйку дома—польку; но какъ только доходилъ до *жирнень-*

каго мѣста, а безъ таковыхъ ни одинъ изъ анекдотовъ о панахъ-ксендзахъ не обходится, старикъ Хрещатицкій обращался къ Даниловой со словами: a tam panie ktos wola (васъ, сударыня, тамъ кто-то зоветъ). И какъ только она выйдетъ, онъ намъ вполголоса и докончитъ разсказъ... Хохотъ раздается всеобщій; а хозяйка возращается и, какъ будто не понимая въ чемъ дѣло, садится на свое мѣсто. Старикъ начинаетъ новый анекдотъ.

На другой день я въ восемь часовъ выступилъ со своимъ отрядомъ обратно. Не успѣлъ я уйти съ версту за Хасавъ-юртъ, меня догналъ казакъ съ приказаніемъ остановиться и дождаться генерала Рангеля, (солдаты никогда не говорили — Врангель) который желалъ посмотрѣть роту.

Я остановился, построился во фронтъ, а чрезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ въ коляскѣ генералъ-маіоръ баронъ А. Е. Врангель съ командиромъ Кабардинскаго полка барономъ Л. П. Николаи.

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ, ваше—ство!

— Кто старшій офицеръ, пожалуйте ко мнѣ.

Я подошелъ и отрапортовалъ.

— Какъ ваша фамилія?

— Поручикъ Зиссерманъ, ваше превосходительство.

— А мы вѣдь съ вами старые знакомые; очень радъ встрѣтиться. Вы уже давно въ Дагестанскомъ полку? (Знакомство съ барономъ я уже описывалъ; это было въ 1849 году, когда я былъ элисуйскимъ приставомъ, а А. Е. шемахинскимъ губернаторомъ).

— Сколько у васъ людей подъ ружьемъ?

— Двѣсти штыковъ, ваше превосходительство.

— Вотъ такъ рота; вотъ съ этакими молодцами дѣло дѣлать.—Спасибо, братцы, молодцы!—Прощайте-съ, обратился баронъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку, пожелалъ благополучнаго пути и уѣхалъ по дорогѣ къ крѣпости Внезапной.

— Рады стараться, ваше превосходительство! раздалось ему вслѣдъ.

Мы двинулись дальше.

Дѣло въ томъ, что тогда Апшеронскій и Дагестанскій полки хотя квартировали и постоянно находились въ Дагестанѣ, слѣдовательно въ полномъ распоряженіи командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, но числились въ составѣ 20-й дивизіи, вмѣстѣ съ Кабардинскимъ и Куринскимъ полками, штабъ коей былъ въ крѣпости Грозной, а начальникомъ ея былъ командовавшій войсками лѣваго фланга кавказской линіи. И выходило какое-то двоеначаліе, ибо по части строевой мы все же должны были подчиняться начальнику дивизіи, который насъ никогда не видѣлъ и не могъ видѣть, ибо ѣхать въ чужой, другому лицу подчиненный раіонъ— было прямымъ путемъ къ столкновеніямъ и неудовольствіямъ. Такимъ образомъ, начальникъ дивизіи зналъ только на бумагѣ свою первую бригаду.

Баронъ Врангель недавно предъ тѣмъ только-что былъ назначенъ командующимъ 20-ю дивизіей и лѣвымъ флангомъ на мѣсто князя Барятинскаго, назначеннаго начальникомъ главнаго штаба въ Тифлисѣ. Въ мой приходъ въ Хасавъюртъ, баронъ находился тамъ для перваго осмотра своего раіона, для ознакомленія съ войсками и мѣстными условіями. Его поражало малое число людей подъ ружьемъ въ ротахъ Кабардинскаго и Куринскаго полковъ, не достигавшее никогда полныхъ 150 человѣкъ, а зачастую ограничивавшееся 120 и менѣе, и потому онъ просто любовался моею ротой въ 200 штыковъ. Расходъ людей изъ фронта на разныя хозяйственныя надобности былъ на Кавказѣ вообще очень сильный; это уже можно видѣть изъ того, что рота въ 200 штыковъ считалась чѣмъ-то необычнымъ, хотя по штату въ ротѣ было всѣхъ людей 283 человѣка; но особенно отличался этимъ лѣвый флангъ Кавказской линіи, гдѣ, какъ я сказалъ, рѣдко и съ трудомъ добивались 150 человѣкъ въ ротѣ. Както такъ уже сложились тамъ обстоятельства, что и больныхъ

тамъ бывало больше, и потери въ дѣлахъ тоже, и расходъ людей въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

По возвращенiи въ Чиръ-юртъ и окончательномъ разочарованiи въ возможности похода въ Турцiю, тоска одолѣла меня такая, что выносить ее дольше я уже не могъ. Я рѣшился пробраться въ Тифлисъ и оттуда какъ-нибудь къ князю Ильѣ Орбельяну въ Александрополь, съ просьбою перевести меня въ командуемый имъ Грузинскiй гренадерскiй полкъ, находившiйся уже въ Азiятской Турцiи. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что отказа не послѣдуетъ; главная забота была только—какъ бы добраться до него, потому что письменно дѣйствовать было бы совершенно напрасно.

Я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Тифлисъ, сталъ собираться, въ полной увѣренности, что назадъ мнѣ уже не придется возвращаться. Около 10-го ноября получилъ наконецъ разрѣшенiе, съ тѣмъ чтобы роту я сдалъ *во временное* завѣдыванiе другому офицеру. Тутъ только я спохватился, что вмѣстѣ съ отпускомъ нужно было просить и о сдачѣ роты „на законномъ основанiи", чтобы въ случаѣ невозвращенiя не быть ничѣмъ связаннымъ и не подвергнуться какимъ-нибудь придиркамъ, начетамъ и т. п. Нечего было дѣлать: я уѣхалъ изъ баталiона съ видомъ кратковременно-отлучающагося; я былъ радъ какъ ребенокъ вырваться изъ Чирь-юрта, принявшаго въ послѣднее время окончательный характеръ какого-то мѣста заключенiя, подъ надзоромъ невыносимѣйшаго смотрителя, находившаго какъ бы особое наслажденiе терзать заключенныхъ... Еще не выѣхавъ изъ бараковъ Чирь-юрта, я воображенiемъ уже былъ въ Тифлисѣ, въ этомъ казавшемся намъ тогда прекрасномъ, шумномъ, кипящемъ жизнью центрѣ, въ которомъ я встрѣчу добрыхъ знакомыхъ и содѣйствiе къ осуществленiю своихъ завѣтныхъ желанiй, то-есть перевода въ войска, выступившiя противъ Турцiи.

Въ Шурѣ, предъ выѣздомъ, я случайно встрѣтился и познакомился съ командиромъ линейнаго баталiона, располо-

женнаго въ укрѣпленіи Евгеніевскомъ на Сулакѣ, подполковникомъ Бучкіевымъ, тоже ѣхавшимъ въ Тифлисъ. Я воспользовался его любезнымъ предложеніемъ совершить путешествіе вмѣстѣ въ его тарантасѣ, что было, конечно, весьма пріятно. особенно въ такое скверное осеннее время, когда ѣзда на перекладной своего рода пытка; но зато тащились мы, вмѣсто 5—6 дней, въ которые я одинъ, не ночуя, доѣхалъ бы до Тифлиса, цѣлыхъ 11 дней! Тарантасъ тяжелый, и не взирая на пять лошадей, по грязной дорогѣ, ѣхали очень медленно. Какъ только смеркалось, Бучкіевъ располагался на ночлегъ со всѣми возможными удобствами, напоминавшими путешествія помѣщиковъ стараго добраго времени на собственныхъ лошадяхъ. Ставилась складная кровать, вынимались тюфяки, одѣяло и проч. Деньщикъ хлопоталъ около всего этого и около самовара, а поваръ снаряжалъ ужинъ изъ возимыхъ съ собою запасовъ; работы оказывалось столько, что и моему деньщику, ѣхавшему сзади на перекладной, приходилось принять дѣятельное участіе. Бучкіевъ въ этомъ отношеніи рѣшительно не походилъ на своихъ соотечественниковъ, грузинъ, людей во всѣхъ своихъ привычкахъ выказывающихъ вполнѣ „походный" характеръ; никто, какъ они (я говорю о старыхъ временахъ) не примѣняли такъ на практикѣ извѣстнаго à la guerre comme à la guerre, и все это дѣлалось съ особою веселостью, находчивостью. Бучкіевъ, напротивъ, напомнилъ мнѣ совершенно типъ степного помѣщика, которому нужно позавтракать, пополдничать, пообѣдать, повечерять, въ промежуткахъ закусить, да не какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь, а основательно, разнообразно; выспаться хорошенько и удобно, съ тѣмъ, чтобы безотлучныя собачки-мопсы непремѣнно лежали у его ногъ на одѣялѣ. Однимъ словомъ, онъ — грузинъ и военный человѣкъ — напомнилъ мнѣ того выведеннаго въ какомъ-то водевилѣ малоросса-пана, который говорилъ своему слугѣ, ложась спать: „поправь мнѣ подушку, накрой меня, перекрести меня, теперь возьми свѣчку и ступай, а я уже самъ засну..."

Пріѣхалъ я въ Тифлисъ, кажется 23—25 ноября, когда по городу уже носились слухи о большомъ сраженіи съ турками и одержанной побѣдѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ великому своему горю, я узналъ, что въ этомъ сраженіи (при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ) князь Илья Орбельянъ, ведя своихъ гренадеръ въ атаку, былъ смертельно раненъ и вскорѣ умеръ. Такой прекрасный, симпатичный, молодой, на пути къ блестящей карьерѣ, недавно только женившійся — и все это одною шальною пулей уничтожено, разбито въ прахъ! А для меня какой ударъ! Всѣ мои мечты и надежды только на немъ и основывались. Что же теперь дѣлать?

Изо всѣхъ моихъ знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы найти добрый совѣтъ и содѣйствіе, въ Тифлисѣ оставался одинъ только В. П. Александровскій. Къ нему я и обратился.

Выслушавъ мои порыванія къ дракѣ съ турками, В. П. нашелъ ихъ ребячествомъ и далъ мнѣ рѣшительный совѣтъ не забывать стараго кавказскаго правила: „ни на что не напрашиваться, ни отъ чего не отказываться“. Еслибъ еще былъ живъ князь Илья Орбельянъ, лично меня знавшій и заявлявшій прежде желаніе имѣть меня у себя въ полку—дѣло другое: можно было бы прямо ѣхать къ нему и переводъ ужь онъ устроилъ бы самъ. Теперь же затѣять переводъ—значитъ ждать многіе мѣсяцы согласія новаго полкового командира и, можетъ быть, дождаться отказа. Между тѣмъ, главная цѣль перевода, какъ ни толкуй, сводится къ желанію отличій и наградъ. Но того же самаго можно достигнуть и оставаясь въ Дагестанѣ,—гдѣ Шамиль, нѣтъ сомнѣнія, не останется спокойнымъ зрителемъ, — да еще съ меньшимъ рискомъ и лишеніями, чѣмъ въ войнѣ съ турками.

— Приходите вечеромъ чай пить, заключилъ Василій Павловичъ: — у меня будетъ И. Г. Колосовскій (дежурный штабъ-офицеръ главнаго штаба), поговоримъ съ нимъ и послушаемъ, что онъ скажетъ *).

---

*) Василій Павловичъ Александровскій въ февралѣ 1878 года умеръ

Вечеромъ поспѣшилъ я воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чѣмъ разрѣшится неожиданно образовавшійся для меня вопросъ о моей будущности. Участію, которое долженъ былъ принять въ дѣлѣ Иванъ Григорьевичъ Колосовскій, я заранѣе радовался, потому что онъ, бывъ долгое время дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ князя Аргутинскаго въ Шурѣ, зналъ меня по хорошей рекомендаціи своего пріятеля „Кузьмича" и помнилъ меня какъ баталіоннаго адъютанта въ табасаранскій походъ 1851 года, когда я часто являлся въ отрядный штабъ за приказаніями. Въ Тифлисъ же онъ былъ переведенъ недавно.

Вечеромъ В. П. Александровскій передалъ ему причину моего пріѣзда и спрашивалъ, что онъ посовѣтуетъ. Иванъ Григорьевичъ съ первыхъ же словъ оказался совершенно такого мнѣнія, какъ выше изложенное. Онъ только подробнѣе развилъ доводы въ пользу возвращенія въ полкъ.

— Успѣшныя дѣйствія противъ возможныхъ покушеній Шамиля и удержаніе спокойствія въ краѣ считаютъ чуть ли не важнѣе побѣдъ надъ турками. Вотъ, напримѣръ, блистательный походъ князя Аргутинскаго на выручку лезгинской линіи возбудилъ такое удовольствіе главнокомандующаго, что хотя войскамъ не пришлось сразиться съ горцами, тѣмъ не менѣе всѣ будутъ награждены самымъ щедрымъ образомъ. Такихъ случаевъ будетъ не мало, а кромѣ того уже сдѣлано распоряженіе отправлять изъ Дагестана на зиму въ Чечню для наступательныхъ дѣйствій по два-три баталіона,— вотъ и новые случаи для отличій. При этомъ вы въ своемъ знакомомъ кругу, при лучшей обстановкѣ, чѣмъ въ Малой Азіи. Я рѣшительно совѣтую вамъ ѣхать назадъ и вооружиться нѣкоторымъ терпѣніемъ. А чтобъ облегчить вамъ обратный переѣздъ до Шуры, похлопочу найти вамъ какую-нибудь командировку.

въ Ниццѣ, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни. Въ послѣднее время, въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ былъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

Мнѣ осталось только отвѣсить низкій поклонъ и разсыпаться въ благодарности, тѣмъ болѣе, что полковникъ Колосовскій одинъ изъ умныхъ, опытныхъ кавказскихъ офицеровъ и за его словами нельзя было не признавать авторитета.

Часу въ 12-омъ, когда мы вмѣстѣ вышли отъ Александровскаго, Иванъ Григорьевичъ еще разъ подтвердилъ мнѣ свой совѣтъ и приказалъ навѣдываться въ штабъ, чтобъ узнать, когда окажется удобный случай для командировки.

Такимъ образомъ, прожилъ я въ Тифлисѣ еще дня тричетыре. Грязь была большая; на всемъ лежалъ какой-то унылый видъ. Князь М. С. Воронцовъ, здоровье котораго въ послѣднее время сильно пошатнулось, былъ, кромѣ того, крайне огорченъ вспыхнувшею войной, къ которой онъ не готовился. Турки открыли ее внезапнымъ нападеніемъ на приморское укрѣпленіе Николаевское, которымъ и овладѣли, истребивъ почти весь слабый гарнизонъ нашъ. Войскъ въ краѣ было мало, пути сообщенія ужасные, продовольственныхъ припасовъ недостаточно — все это, само собою, не могло радовать князя. Обычные пріемы были отмѣнены; для большаго удобства въ спѣшныхъ занятіяхъ и распоряженіяхъ, начальникъ главнаго штаба, князь Барятинскій, устроилъ себѣ кабинетъ въ домѣ намѣстника, и тамъ къ нему являлись всѣ по служебнымъ дѣламъ.

Во второй или третій приходъ мой въ штабъ, полковникъ Колосовскій встрѣтилъ меня пріятнымъ извѣстіемъ объ истребленіи турецкаго флота у Синопа, о чемъ князь Воронцовъ приказалъ послать съ курьеромъ сообщеніе ко всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ, особенно въ мѣста, населенныя мусульманами, съ тѣмъ, чтобы вездѣ были отслужены молебствія и совершены возможно большія торжества, въ присутствіи представителей туземнаго населенія. Это порученіе и предложилъ Иванъ Григорьевичъ возложить на меня, съ тѣмъ чтобы не позже слѣдующаго утра я уже выѣхалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ меня съ собою, представилъ князю Барятинскому, тутъ же подписавшему всѣ нужныя бумаги и подтвердившему мнѣ

стараться о скорѣйшемъ и повсемѣстномъ распространеніи извѣстія.

Выходя изъ кабинета начальника главнаго штаба, я въ залѣ увидалъ князя Воронцова, что-то говорившаго представлявшемуся въ полной формѣ генералу. Я остановился. Князь взглянулъ въ мою сторону, очевидно узналъ меня и на лицѣ его появилась извѣстная дружественно-привѣтливая улыбка... Это было около 28—30 ноября 1853 года; я въ послѣдній разъ видѣлъ незабвеннаго на Кавказѣ намѣстника, замѣчательнаго государственнаго человѣка, оказывавшаго мнѣ столько незаслуженнаго вниманія. Мѣсяца чрезъ три онъ покинулъ Кавказъ, послѣ девяти лѣтъ блистательнаго управленія, съ тѣмъ чтобъ уже болѣе въ него не возвращаться. Въ 1856 году князь М. С. Воронцовъ, пожалованный предъ тѣмъ въ фельдмаршалы, скончался въ Москвѣ. Впрочемъ, въ 1853 году онъ уже очевидно ослабѣлъ и здоровье его было въ плохомъ состояніи. Не было уже и прежней энергіи и неутомимости въ дѣлахъ. Къ довершенію всего, неоправдавшаяся увѣренность князя, что войны ни въ какомъ случаѣ не будетъ, и что Англія не выступитъ нашею противницей, была поводомъ не малаго огорченія...

Я возвратился въ штабъ, получилъ курьерскую подорожную, прогоны, кучу пакетовъ, и на другой день, въ 8 часу утра, уже трясся на перекладной по адской мостовой армянскаго базара.

XLV.

Описывать свое обратное путешествіе до Шуры я не стану. Была ужаснѣйшая осенняя слякоть, едва проѣзжая дорога такъ грязна, что, не взирая на курьерскую подорожную и впряганіе по пяти, даже семи лошадей въ перекладную телѣгу, случалось дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 8 верстъ въ часъ. Въ Шемахѣ, пріѣхавъ къ губернатору генералъ-маіору Сергѣю Гавриловичу Чиляеву (брату моего бывшаго начальника на лезгинской линіи), для передачи ему

пакетовъ, я засталъ у него нашего командующаго войсками князя Аргутинскаго-Долгорукова, котораго везли въ Тифлисъ совсѣмъ больного, въ крайне печальномъ состояніи. Онъ хотя и сидѣлъ со своею неизмѣнною короткою трубкой въ рукахъ, но очевидно въ какомъ-то отупѣніи, едва сознавая происходящее вокругъ него...

Губернаторъ, прочитавъ извѣстіе о синопской побѣдѣ, обратился къ нему со словами: „Вотъ, князь, офицеръ прискакалъ курьеромъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ на морѣ“. Но Моисей Захаровичъ только посмотрѣлъ на меня своими мутными глазами, какъ-будто силясь что-то вспомнить, и спросилъ: „Вы откуда ѣдете?“—„Изъ Тифлиса, ваше сіятельство; я поручикъ Дагестанскаго полка Зиссерманъ, посланъ до Шуры съ извѣстіемъ о побѣдѣ“. Опять мутный взглядъ и молчаніе.

Очень грустно мнѣ было видѣть князя Аргутинскаго въ такомъ положеніи. Мнѣ живо вспомнился нашъ табасаранскій походъ 1851 года, когда онъ былъ еще въ своей роли дѣятельнаго начальника войскъ; затѣмъ его болѣзнь, когда несли его на носилкахъ и когда я замѣтилъ уже признаки ужасной болѣзни—паралича, возобновившейся теперь въ такой безнадежной степени. Видѣлъ я его тутъ въ послѣдній разъ.

Послѣ обѣда у генерала Чиляева, я поскакалъ дальше. Кажется, за двѣ станціи до Кубы, по дорогѣ, отъ грязи уже рѣшительно не было никакого проѣзда. Меня повезли стороной, глухимъ песчанымъ берегомъ Каспійскаго моря, гдѣ мнѣ пришлось увидѣть оригинальную картину кочевья перелетныхъ съ сѣвера птицъ. Тучи, буквально тучи самыхъ разнородныхъ утокъ, гусей, гагаръ, лебедей, журавлей и другихъ пернатыхъ усѣяли берегъ по небольшому заливу, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ, поднимая при приближеніи нашемъ и непривычномъ имъ звукѣ колокольчиковъ такое гоготаніе, такой гамъ и шумъ, что я былъ просто пораженъ. Попавъ въ первый разъ въ жизни въ самый центръ этого пернатаго царства, я просто изумлялся и ихъ

количеству, и разнородности, и тому, что все это уживалось, повидимому, такъ дружелюбно на небольшомъ пространствѣ. Татары-ямщики передали мнѣ, что когда они нѣсколько дней тому назадъ первый разъ сюда пріѣхали, птицы поднялись какъ саранча, сплошною массой, и произвели такой шумъ, что заглушали слова, а теперь ихъ уже гораздо меньше: вѣроятно, проѣздъ нарушилъ ихъ спокойствіе и значительная часть откочевала куда-нибудь въ другое мѣсто. Вообще обиліе дичи въ этой части Прикаспійскаго края въ тѣ времена было баснословно. Въ окрестностяхъ Дешлагара Э. Ѳ. Кеслеру *), страстному охотнику и отличному стрѣлку, случалось въ одну охоту убивать болѣе *пятидесяти* кабановъ, которыхъ на нѣсколькихъ тройкахъ отвозили домой; дикія козы, олени не переводились у него за столомъ, также какъ фазаны, дупеля; а разныхъ породъ дикихъ утокъ охотники Самурскаго полка били такими количествами, что солдаты варили съ ними щи, солили ихъ впрокъ!

Въ Дербентъ пріѣхалъ я вечеромъ къ губернатору, покойному Ю. Ф. Минквицу. Онъ былъ очень радъ привезенному мною извѣстію, разспрашивалъ о Тифлисѣ, о князѣ Воронцовѣ, у котораго онъ долго былъ адъютантомъ, и убѣдилъ меня остаться ночевать, не рискуя въ темную ночь пускаться по ужасной дорогѣ, по его словамъ еще худшей, чѣмъ проѣханная мною. Послушался я его, и съ большимъ удовольствіемъ растянулся на коврахъ у какого-то персіянина, у котораго отвели мнѣ квартиру. Послѣ шестисуточной убійственной, безостановочной ѣзды, всѣ члены были какъ избитые...

Выѣхавъ на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, я къ вечеру дотащился до Шуры и явился прямо къ бригадному генералу нашему Волкову, оставшемуся, послѣ отъѣзда князя Аргутинскаго, временно-командующимъ войсками; а черезъ день отправился въ полковую штабъ-квартиру Ишкарты.

*) И этотъ старый кавказецъ, отдыхавшій на лаврахъ въ своемъ имѣніи, въ Крыму, въ декабрѣ 1878 г. умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Полковникъ Броневскій весьма подробно разспрашивалъ меня о поѣздкѣ, очень интересовался разсказомъ о синопской побѣдѣ, причемъ весьма мѣтко выразился: „Нахимовъ вразумилъ турокъ“; разрѣшилъ мнѣ остаться нѣсколько дней отдохнуть и затѣмъ отправляться обратно въ Чирь-юртъ къ своей ротѣ. Это послѣднее приказаніе было для меня просто страшнымъ ударомъ. При одной мысли опять попасть въ передрягу къ Б—чу меня коробило. Я рѣшился пустить въ ходъ всѣ средства, чтобъ отдѣлаться отъ 1-го баталіона и перейти въ какой-нибудь другой. Однако въ Ишкартахъ попытки мои ни къ чему не повели. Ни полковой адъютантъ, ни маіоръ Котляревскій, которыхъ я убѣдительно просилъ о ходатайствѣ у полкового командира, не рѣшились взяться за это; самъ я тѣмъ менѣе рѣшался прямо явиться съ просьбою. Таковы были отношенія къ строгому, упрямо педантическому командиру!..

Никакого другого исхода не было; пришлось подчиниться злой судьбѣ и отправляться въ Чирь-юртъ. Черезъ нѣсколько дней я выѣхалъ въ Шуру, чтобы тамъ дождаться первой оказіи отъ нашего баталіона. Но въ Шурѣ совершено неожиданно произошелъ со мною необычайный случай. Когда я явился къ генералу Волкову, у него былъ капитанъ Апшеронскаго полка князь Иванъ Багратіонъ, съ которымъ мы были знакомы по встрѣчамъ въ походахъ. Увидѣвъ меня, онъ вдругъ обратился къ генералу съ озадачившими меня словами: „Вотъ, ваше превосходительство, судьба посылаетъ намъ кладъ; такого „перваго любовника“ въ цѣломъ Дагестанѣ не найдете!“

Я посмотрѣлъ на Багратіона, на улыбнувшагося генерала, съ совершеннымъ недоумѣніемъ. Что̀ за исторія! Какой я „первый любовникъ“, когда я просто ротный командиръ, пришедшій явиться по обязанности службы къ начальству?

Багратіонъ поспѣшилъ разсѣять мое недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что Петръ Аполлоновичъ Волковъ хотя и былъ генералъ съ весьма воинственною, суровою наружностью, но въ

сущности—добрѣйшій человѣкъ, хлѣбосолъ и большой любитель всякихъ удовольствій, кавалькадъ, вокально-инструментальныхъ вечеровъ и особенно любительскихъ спектаклей. Оставшись временно главнымъ начальникомъ въ краѣ, онъ могъ, не стѣсняясь, дать болѣе обширные размѣры устройству любимыхъ развлеченій. Затѣянъ былъ театръ не на шутку, конечно съ благотворительною цѣлью. Багратіонъ—музыкантъ, пѣвецъ, танцоръ,—однимъ словомъ, типъ воспитанника школы гвардейскихъ юнкеровъ или пажей и гвардейскаго кирасирскаго офицера сороковыхъ годовъ—былъ избранъ режиссеромъ и главнымъ распорядителемъ; онъ же писалъ музыку для куплетнаго пѣнія, онъ же обучалъ оркестръ, онъ же направлялъ работы декорацій, распредѣлялъ роли и проч. Труппа составилась такая, что можно бы съ большимъ успѣхомъ выступить на любомъ провинціальномъ театрѣ; особенно женскій персоналъ былъ хорошъ, благодаря супругѣ одного артиллерійскаго офицера, бывшей до замужества актрисой. Недоставало только перваго любовника; всѣ кандидаты не удовлетворяли требовательнаго Багратіона; ломали себѣ головы, гдѣ бы раздобыть таковаго... Въ это-то время я явился, и Багратіонъ, уже не знаю почему, хотѣлъ видѣть во мнѣ недававшійся имъ кладъ.

Я, само собою, сталъ открещиваться отъ предложенной чести, увѣряя, что въ жизни моей никогда на сцену не выступалъ, не умѣю пѣть и одержимъ большою робостью. Ничего не помогало. Мнѣ *приказано* остаться въ Шурѣ, взять роль для перваго представленія, и если дебютъ выйдетъ плохъ, тогда меня отпустятъ. Багратіонъ предложилъ мнѣ поселиться у него въ квартирѣ, и такимъ образомъ, вмѣсто скучнѣйшаго Чирь-юрта и нервнаго разстройства, причиняемаго маіоромъ, я очутился въ столицѣ Дагестана, среди разгара самой кипучей, беззаботной веселости, между славными ребятами!..

Для перваго дебюта, какъ теперь помню, пришлось мнѣ выступить въ водевилѣ *Нѣтъ дѣйствія безъ причины*, въ

роли ревниваго молодого мужа. Роль я зналъ хорошо, на репетиціяхъ удостоился одобреній и Багратіона, и генерала, аккуратно на нихъ присутствовавшихъ; но когда подняли занавѣсъ и я очутился на сценѣ, предъ нѣсколькими стами зрителей, когда въ первомъ ряду креселъ увидѣлъ серьезное лицо полкового командира Броневскаго и мнѣ представился строжайшій приказъ по полку „съ посаженіемъ на гауптвахту“—я растерялся. Сердце забило сильнѣйшую тревогу, потъ выступилъ на лбу, казалось — столбнякъ на меня нашелъ!.. Багратіонъ за кулисами выходитъ изъ себя, дѣлаетъ мнѣ угрожающіе знаки; генералъ хмуро посматриваетъ, въ публикѣ кое-гдѣ улыбка... Гляжу — грозный командиръ мой тоже улыбается и обращаетъ ко мнѣ ободрительный взглядъ; тогда только я вздохнулъ свободнѣе, пришелъ въ себя, и чтобы загладить неловкость, происшедшую на сценѣ отъ моего продолжительнаго молчанія, обратился къ сидѣвшей между тѣмъ въ затруднительномъ положеніи—въ роли моей жены—дамѣ съ нѣсколькими словами собственнаго сочиненія, имѣвшими смыслъ какого-то извиненія въ разсѣянности или нѣчто подобное, что̀ было встрѣчено одобрительнымъ кивкомъ генерала. Затѣмъ, робость исподоволь исчезла, и піеса сошла изрядно. А въ слѣдующія представленія смѣлость все преодолѣвала, даже иной разъ и плохое знаніе роли.

Цѣлые три мѣсяца провелъ я въ Шурѣ, въ качествѣ „перваго любовника“; веселье шло какимъ-то запоемъ: то обѣды, то балы въ клубѣ, то вечера въ частныхъ домахъ, а главное—каждый день репетиціи съ завтраками—источникъ безконечныхъ забавнѣйшихъ сценъ, сплетенъ, мелкихъ интригъ, анекдотовъ. Война насъ ничуть не смущала. Послѣ башъ-кадыкъ-ларскаго и ахалцыхскаго пораженія турокъ, въ Азіятской Турціи все было тихо. На Дунаѣ особыхъ дѣлъ тоже не было. А время-то вѣдь было тогда какое? Единственная газета „Русскій Инвалидъ“ получалась чрезъ 25—30 дней послѣ выхода, да и ту рѣдко читали. Политикой заниматься не приличествовало офицеру; кто любилъ чтеніе, тотъ

удовлетворялъ этой потребности романами, преимущественно переводными: Сю, Феваль, Дюма и К°.

Въ теченіи этой зимы нашъ полковой командиръ былъ переведенъ въ Тифлисъ оберъ-квартирмейстеромъ. По общезаведенному обычаю, въ штабъ-квартирѣ полка устроили ему проводы, на которые былъ приглашенъ генералъ Волковъ. Я поѣхалъ тоже. Былъ парадный обѣдъ, затѣмъ вечеръ. Предъ домомъ зажгли нѣсколько плошекъ и транспарантъ съ вензелемъ П. Н. Броневскаго, съ надписью: „любимому начальнику благодарные подчиненные". Этою надписью виновникъ торжества былъ весьма доволенъ, и узнавъ, что она была моимъ *сочиненіемъ,* изъявилъ мнѣ свою благодарность. На другой день, послѣ завтрака, начались проводы, настоящіе кавказскіе—съ музыкой, пѣсенниками, выстрѣлами, качаніями, скачкою верхомъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ и многократными остановками для тостовъ. На разстояніи 14 верстъ до Шуры, въ теченіи не менѣе пяти часовъ, кутежъ шелъ все crescendo, такъ что пріѣхали уже въ темнотѣ, подгулявъ крѣпко... Даже самъ полковникъ не могъ отдѣлаться отъ настойчивыхъ изліяній преданности и благодарности, долженъ былъ выпить нѣсколько лишнихъ бокаловъ и былъ не въ обыкновенномъ своемъ педантически-строгомъ настроеніи, постоянно повторяя: „Господа, я ничѣмъ не заслужилъ такого расположенія; я четыре года простоялъ на своемъ посту какъ часовой, строго исполняющій свою обязанность". Но публика не унималась. Больше всѣхъ шумѣли чуть ли не тѣ, которые не имѣли никакого повода заявлять свою любовь и преданность, испытывавшіе на себѣ строгую ферулу командира... Но эта забавная черта до такой степени общая во всей Россіи, что распространяться о ней нечего.

Новымъ полковымъ командиромъ былъ назначенъ изъ Самурскаго полка полковникъ Ракусса, о которомъ было извѣстно, вопервыхъ, что онъ корчитъ изъ себя спартанца: спитъ на землѣ, вмѣсто подушки — сѣдло, вмѣсто одѣяла — бурка, питается солдатскою кашей; вовторыхъ, что на штурмѣ возму-

тившагося кайтахскаго аула Шеляги ему раздробило лѣвую руку и ее должны были отрѣзать. Изъ этихъ двухъ свѣдѣній трудно было составить понятіе о будущемъ командирѣ, но предчувствія были не розовыя. Опасались, какъ бы не попасть изъ огня да въ полымя.

Съ наступленіемъ великаго поста театръ прекратился *), пришлось отправляться къ своей ротѣ. Дѣлались ли мною еще какія-нибудь попытки къ переводу въ другой баталіонъ, чтобъ избавиться отъ Б.—я не помню; но если и дѣлались, то вѣроятно кончились неудачно, ибо я вскорѣ очутился опять въ Чирь-юртѣ, въ той же обстановкѣ.

Предъ выѣздомъ туда я былъ въ Ишкартахъ и явился новому командиру. Впечатлѣніе произвелъ онъ на меня самое непріятное. Юпитеровское величіе, неприступность, съ которыми встрѣчалъ офицера П. Н. Броневскій, носили видъ убѣжденія, что таковы должны быть отношенія командира къ подчиненнымъ, что этого требуетъ духъ военной службы и что онъ исполняетъ свою обязанность. Положимъ, что онъ утрировалъ, что для поддержанія дисциплины вовсе не было надобности кидаться въ такую крайность, что между фамильярностью и безсердечно холодною строгостью есть середина, но все же манера Броневскаго выходила какою-то внушительною, вселявшею особаго рода служебный страхъ, выражавшійся въ невольныхъ движеніяхъ „вытянуться въ струнку, опустить руки по швамъ“... У Р. же въ пріемѣ высказывалась только простѣйшая неделикатность, даже презрительность какая-то: ни въ фигурѣ, ни въ голосѣ, ни во взглядѣ не было ничего внушительнаго; онъ не вселялъ ни служебнаго уваженія, ни страха, а досаду, желаніе выругаться. Еще болѣе рѣзкая разница между этими командирами состояла въ томъ, что Броневскій въ отношеніяхъ своихъ къ высшему начальству не выказывалъ ни малѣйшаго подобострастія, раболѣпія,

*) Благотворительныхъ цѣлей мы, конечно, не достигли, но за разные предметы, взятые въ лавкахъ и особенно за завтраки, истребленные на репетиціяхъ, остались нѣсколько сотъ рублей въ долгу...

угодливости; онъ строго исполнялъ приказанія, соблюдалъ дисциплинарныя правила вѣжливости—и только; а въ отношеніи разныхъ „штабныхъ“, вліятельныхъ фаворитовъ и проч. держалъ себя весьма неприступно, и всѣ эти господа его крайне не любили, о чемъ онъ, очевидно, вовсе и не заботился. Р. же, напротивъ, сгибался предъ начальствомъ и угодничалъ всякой букашкѣ, если она только стояла въ какомъ-нибудь отношеніи къ *власть имущимъ*. Стоило какому-нибудь младшему помощнику старшаго адъютанта намекнуть, что онъ нуждается въ парѣ походныхъ сапогъ или вьючномъ сѣдлѣ, чтобы на другой же день изъ полкового штаба явился къ нему завѣдывающій полковыми мастерскими офицеръ, въ сопровожденіи спеціалиста по части сапожной или сѣдельной работы, и чтобы желанная вещь была немедленно изъ лучшаго матеріала сдѣлана и доставлена безо всякаго вознагражденія... Однимъ словомъ, молчалинское правило: „угождать всѣмъ, дворнику, собакѣ дворника“ было правиломъ и господина командира, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобъ и дворникъ, и собака принадлежали къ „штабу“, а для подчиненныхъ своихъ обратно: не только угожденія не допускались, а полное пренебреженіе. Угодничество въ Шурѣ вымещалось этимъ обращеніемъ съ подначальными.

Съ водвореніемъ такого новаго полкового командира, Ишкарты попрежнему стали для меня однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ мѣстъ, и я уже предпочиталъ возвратиться въ Чирь-юртъ къ взбалмошному, назойливому Б., чѣмъ очутиться въ полковомъ штабѣ. Впрочемъ, театральный сезонъ сблизилъ меня настолько съ бригаднымъ генераломъ Волковымъ, добрымъ и любезнымъ человѣкомъ, а также съ нѣкоторыми, близко къ нему стоявшими офицерами, что я былъ увѣренъ, въ случаѣ надобности, найти опору и защиту отъ придирокъ и преслѣдованій, еслибъ они стали выходить за предѣлы терпѣнія.

Возвратясь въ Чирь-юртъ, я даже обрадовался, очутившись опять со своею милою 2-ю мушкетерскою ротой. Не

успѣлъ я слѣзть съ коня у своего барака, какъ всѣ люди уже выстроились и—съ гордостью вспоминаю объ этомъ—встрѣтили меня не обычнымъ „здравія желаемъ, ваше благородіе“, а самымъ задушевнымъ привѣтомъ и „покорнѣйше благодаримъ, что не оставили насъ, опять къ намъ воротились; мы уже сумнѣвались увидѣть васъ, нашего отца-командира“, и т. д. Я былъ до глубины души тронутъ такою незаслуженною привязанностью 280 мушкетеровъ роты, и ихъ пріемъ, ихъ нѣсколько простыхъ словъ вознаградили меня за бывшія и предстоявшія непріятности съ пресловутымъ баталіонеромъ.

Впрочемъ и Б., на первыхъ порахъ по моемъ возвращеніи, держалъ себя какъ-то мирнѣе и даже силился быть любезнымъ. Онъ все заговаривалъ о театрѣ, причемъ разсказывалъ, какъ онъ когда-то въ полкахъ, гдѣ прежде служилъ, тоже игралъ, былъ лучшимъ актеромъ, что безъ него не могло обойтись ни одно представленіе, и т. д.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Чирь-юртѣ—пребыванія не особенно непріятнаго, ибо періодъ вѣтровъ еще не наступалъ, а все большею частью стояла порядочная весенняя погода, которою мы пользовались для производства фронтовыхъ ученій—наконецъ получился приказъ выступить баталіону для занятія двумя ротами (1 и 3 мушкетерскими съ баталіоннымъ штабомъ) укрѣпленія Аймяки, а другими двумя (1-ю гренадерскою и моею) аула Оглы, лежащаго, какъ я уже писалъ, на большой дорогѣ изъ Шуры въ Кутиши и дальше въ глубь Дагестана.

Мы были чрезвычайно обрадованы этимъ новымъ назначеніемъ. Въ Оглы отличный климатъ, прекрасная вода, обиліе фуража, не скучно, вслѣдствіе безпрестаннаго прохода войскъ и проѣзда разныхъ лицъ въ отряды и Шуру и, самое главное, тамъ, по близости съ непріятельскимъ населеніемъ, весьма частыя тревоги; могутъ быть перестрѣлки и—вѣнецъ всѣхъ чаяній и мечтаній—случаи отличиться, получить награду. Я же еще спеціально былъ радъ: попадая съ ротой

въ Оглы, я избавлялся отъ постояннаго присутствія Б., который изъ баталіоннаго штаба Аймяки, въ 17 верстахъ отъ Оглы, въ крайне опасной мѣстности, не могъ часто совершать поѣздокъ. Такая относительная свобода и обезпеченность отъ неизбѣжной назойливой придирчивости и непріятныхъ распоряженій уже сами по себѣ составляли весьма улыбавшуюся перспективу предстоящей стоянки.

Распрощались мы съ драгунскою слободкой, гдѣ нашъ ловеласъ Б. „гулялъ по прекрасному цвѣтнику", и чуть забрезжилъ разсвѣтъ одного прекраснаго майскаго дня, выступили, имѣя приказаніе дойти до Шуры безъ ночлега; а переходъ этотъ, какъ я уже описывалъ, былъ весьма труденъ: 45 верстъ безъ воды, а послѣдняя часть дороги у Шуры гористая.

И дѣйствительно: притащились мы въ Шуру едва въ десять часовъ вечера, крайне утомленные переходомъ, причемъ не обошлось безъ крика, шума и извѣстныхъ распеканій со стороны баталіонера, то за отставшихъ людей, то за приставшихъ артельныхъ лошадей и т. п. Пользуясь темнотою, солдаты не стѣснялись довольно громко по-своему острить надъ Б. и даже крупно ругаться; они хорошо понимали всю несправедливость его притязаній, обращенныхъ къ ротнымъ командирамъ.

Послѣ дневки въ Шурѣ, мы выступили дальше, ночевали въ Дженгутаѣ и на другой день пришли въ Оглы. Здѣсь 1-я гренадерская и я со своей ротой остались, занявъ разъ навсегда опредѣленныя для помѣщенія сакли, а остальныя двѣ роты ушли въ Аймяки. Мы смѣнили нашъ 2-й баталіонъ, выступившій на Кутишинскія высоты.

Мы были вполнѣ убѣждены, что предстоящее лѣто доставитъ намъ не мало работы. Война Россіи съ Турціей и европейскою коалиціей давали, повидимому, Шамилю удобный случай приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и повести серьезныя предпріятія къ возмущенію подвластнаго намъ мусульманскаго населенія. Если уже въ 1853 году,

когда война еще не была объявлена, Шамиль предпринялъ движеніе къ сторонѣ лезгинской линіи, оставшееся безъ успѣха только благодаря энергическому походу князя Аргутинскаго чрезъ главный хребетъ, то теперь, разсуждали мы, ожидать отъ него подобныхъ предпріятій слѣдуетъ непремѣнно. Мнѣ вспоминался даже извѣстный походъ Шамиля въ 1846 году въ Кабарду, когда онъ рѣшился переправиться черезъ Сунжу и Терекъ, среди нашихъ укрѣпленій, станицъ, кордоновъ и отрядовъ, пробылъ нѣсколько дней между кабардинцами и возвратился въ свои горы. Отступленіе его совершилось довольно благополучно и съ незначительною потерей. Онъ тогда не встрѣтилъ особаго сочувствія вліятельныхъ людей и князей кабардинскихъ, которымъ не могла нравиться все нивелирующая, террористическая система шамилевскаго мюридизма. Но въ этотъ разъ обстоятельства были совсѣмъ другія: турецкіе эмиссары могли возбудить не только религіозный фанатизмъ (впрочемъ, среди кабардинцевъ и вообще черкескихъ племенъ, населявшихъ западную часть Кавказа до прибрежья Чернаго моря, мусульманство далеко не пустило такихъ глубокихъ корней, чтобы дѣятельность духовныхъ миссіонеровъ однимъ именемъ Магомета могла обѣщать важные результаты), но пустить въ ходъ разные, болѣе положительные виды на полную независимость, на льготы въ торговлѣ съ Турціей, на доставку запасовъ соли, оружія, патроновъ и проч. для народа, на денежныя вознагражденія и пенсіи предводителямъ и болѣе вліятельнымъ людямъ, на блестящіе пріемы ихъ въ Стамбулѣ... Дѣйствія турецкихъ агентовъ подкрѣплялись разными авантюристами, англичанами, поляками, высаживавшимися на восточный берегъ Чернаго моря и подстрекавшими черкесскихъ старшинъ къ дѣятельной войнѣ противъ насъ, обѣщая имъ золотыя горы отъ англо-французскихъ щедротъ. Повтори Шамиль свою попытку пройти на правый флангъ нашей кавказской линіи, чтобы соединиться съ орудовавшимъ тамъ во имя мюридизма Магометомъ-Эминомъ и произвести рядъ набѣговъ по большой почтовой дорогѣ между

Ставрополемъ и Владикавказомъ, соблазнить успѣхомъ грабежей малокабардинцевъ, ингушей и другія мелкія племена, обитающія на плоскости среди русскихъ населеній — такая попытка, быть-можетъ, въ 1854—55 годахъ имѣла бы для него большій успѣхъ, чѣмъ въ 1846-мъ и надѣлала бы намъ, хоть бы и временно, не мало хлопотъ и ущерба.

Лѣто однако проходило, а въ Дагестанѣ не только никакихъ дѣлъ не было, но даже спокойствіе царило такое полное, какого и въ обыкновенное время не бывало. Что за причина? Дѣло объяснилось вскорѣ. Около половины іюля мы узнали, что Шамиль, собравъ большую толпу своихъ горцевъ и часть чеченцевъ, направился опять къ лезгинской линіи, но уже не къ правому ея флангу, а къ лѣвому, то-есть къ Кахетіи,—что онъ произвелъ тамъ цѣлый рядъ набѣговъ на беззащитныя села грузинъ, разорилъ ихъ, захватилъ много жителей въ плѣнъ и въ томъ числѣ семейство князей Чавчавадзе и Орбельяна, проводившихъ лѣто въ своей кахетинской деревнѣ Цинондалы...

Извѣстіе это поразило всѣхъ; но на меня, такъ долго прожившаго въ Кахетіи, знавшаго всякую тамъ тропинку, всѣ эти мирныя цвѣтущія села, всѣхъ этихъ грузинскихъ князей, оно произвело потрясающее впечатлѣніе!... Я никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ значительная непріятельская партія могла пройти всею открытою долиной Кахетіи, переправиться черезъ Алазань, на почтовую дорогу между Телавомъ, Сигнахомъ и Тифлисомъ, въ самое сердце грузинскаго населенія, и напасть на Цинондалы, большое многолюдное селеніе, забрать всѣхъ княгинь съ ихъ дѣтьми и прислугой въ плѣнъ, и опять переправиться черезъ Алазань безнаказанно?... Разсказывали различно; объясненій, обвиненій и оправданій было много; но дѣло все же оставалось темнымъ.

Шамиль совершилъ такимъ образомъ удачный *набѣгъ*, но только набѣгъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Никакого важнаго результата изъ своего движенія, со значительнымъ сборищемъ, онъ не извлекъ.

Въ Тифлисѣ, послѣ выѣзда князя Воронцова за границу, оставался главнымъ начальникомъ края (на правахъ командира отдѣльнаго корпуса) генералъ отъ-кавалеріи Реадъ, человѣкъ вовсе незнакомый съ Кавказомъ и вообще, по странной случайности, очутившійся въ дѣятельности не соотвѣтствовавшей вовсе ни его подготовкѣ, ни его предшествовавшей служебной карьерѣ. При первыхъ извѣстіяхъ отъ телавскаго уѣзднаго начальства, что 3-го, 4-го іюля шамилевскія орды вторглись въ Кахетію, жгутъ и грабятъ, встрѣчая отпоръ лишь въ нѣсколькихъ милиціонерахъ, тифлиское начальство забило сильную тревогу, можно сказать даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой паники, и стало побаиваться уже чуть ли не за самый Тифлисъ, а еще болѣе за военно-грузинскую дорогу,—единственное сообщеніе тогда съ Россіею. И за какую же часть дороги генералъ Реадъ больше всего тревожился?—За ту, которая лежитъ между Душетомъ, Анануромъ и Кайшауромъ, на южномъ склонѣ хребта, по Арагвѣ, среди исключительно грузинскаго населенія!... Даже ко Мцхетскому мосту придвинули два баталіона съ артиллеріей... Все это въ томъ предположеніи, что Шамаль *чрезъ Тушетію* (?) двинется въ эту сторону и займетъ военно-грузинскую дорогу—предположеніе, не выдерживающее никакой критики и возможное только со стороны людей, не имѣющихъ понятія ни о мѣстности, ни о народонаселеніи, ни — это главное—объ условіяхъ, среди которыхъ Шамилю приходилось дѣйствовать. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ и доказательства моего рѣзкаго опредѣленія; это дѣло будущаго историка кавказской войны; я только мимоходомъ и почти невольно коснулся этого эпизода. Ограничусь только замѣчаніемъ, что если бы хотя половина тѣхъ баталіоновъ, эскадроновъ и пушекъ, которые были приведены въ движеніе около Мцхета, Душета, Тіонеты и въ другихъ мѣстахъ, *послѣ вторженія* Шамиля, были *заблаговременно* расположены за Алазанью, по такъ-называвшемуся тогда лѣвому флангу лезгинской линіи, которому всегда, въ теченіи десят-

ковъ лѣтъ, грозила опасность вторженій, то ни кахетинскихъ селъ бы не разорили, ни княгинь бы въ плѣнъ не увели и не изъ-за чего было бы въ панику впадать, опасаясь за Тифлисъ и Мцхеты...

Находившійся тогда въ Тифлисѣ графъ Соллогубъ сказалъ по этому поводу весьма мѣткій экспромтъ; къ сожалѣнію, не могу въ точности вспомнить его, но было приблизительно что-то въ такомъ родѣ:

Шамиль бѣдой намъ угрожаетъ;
Но ты не бойся, нашъ народъ:,
Тебя оберегаютъ —
Реадъ, Реутъ и Ротъ!.. *).

И вѣдь удивительно, какъ примѣры прошлаго мало дѣйствуютъ на послѣдующее время! Въ 1877 году у насъ опять война съ Турціею и опять на тѣ же кахетинскія мѣстности совершаются горцами (впрочемъ, уже безъ Шамиля) нападенія, опять жгутъ, убиваютъ, угоняютъ стада—и опять не встрѣчаютъ отпора, опять къ защитѣ никто не приготовленъ...

Движеніе Шамиля съ полчищемъ къ Кахетіи и отвлекло его отъ Дагестана. Возвратясь изъ этого дальняго и труднаго похода, потерявъ въ стычкахъ съ милиціями и вооруженными жителями нѣсколько десятковъ человѣкъ, имамъ распустилъ своихъ людей по домамъ. Онъ никогда не могъ долго держать въ сборѣ своихъ партій, особенно въ отдаленныхъ отъ Дагестана мѣстахъ, потому что для этого нехватало самаго необходимаго — продовольствія. Никакихъ, ни общественныхъ, ни частныхъ запасовъ у горцевъ не водится; всякъ перебивается, такъ-сказать, со дня на день. Если поэтому, собирая свое войско, Шамиль могъ разсчитывать, что всякъ возьметъ съ собою на десять дней хлѣба, то для дальнѣйшаго содержанія ихъ уже долженъ былъ самъ позаботиться. При расположеніи въ ближайшемъ сосѣдствѣ со своими вла-

---

*) Реутъ—генералъ-лейтенантъ, членъ совѣта главнаго гражданскаго управленія, и Ротъ,—генералъ-маіоръ, тогда комендатъ въ Тифлисѣ.

дѣніями, это удавалось ему: то посредствомъ реквизиціи въ болѣе обезпеченныхъ аулахъ, то небольшою покупкой хлѣба изъ своей тощей казны, то постоянными отпусками людей по домамъ на нѣсколько дней, и т. д. Но забравшись далеко, онъ не имѣлъ уже этихъ рессурсовъ; нужна была или богатая добыча съ запасами продовольствія, или готовность мѣстнаго населенія довольствовать полчища. Понятно поэтому, что на продолжительное пребываніе шамилевскихъ сборищъ можно было разсчитывать только среди мусульманскаго населенія. Пристань къ нему, напримѣръ, Джаробѣлоканскій округъ, или Нухинскій, или Елисаветпольскій уѣзды—дѣло другое: тутъ нашлось бы продовольствіе для его десяти тысячъ человѣкъ хоть на годъ, и явилось бы затрудненіе только уже другого рода: каждый его ополченецъ былъ семьянинъ, хозяинъ, работникъ и кормилецъ своей семьи; уйти ему надолго изъ дому нельзя, не рискуя разорить свое хозяйство, да и человѣкъ онъ свободный, не привыкшій оставаться долго въ зависимости отъ разныхъ, на военное время назначаемыхъ сотенныхъ, пятисотенныхъ и т. п. начальниковъ. Нужны бы постоянно удачные набѣги, богатая добыча, чтобы разжигать хищническіе инстинкты дикарей и удерживать ихъ въ сборѣ. Ничего подобнаго при движеніи въ Кахетію не представлялось; ближайшія къ этому театру дѣйствій лезгинскія общества—дидойцы, капучи, анцухи и проч. — нищіе дикари, едва имѣющіе возможность удовлетворить своимъ собственнымъ, крайне ограниченнымъ потребностямъ; найти у нихъ продовольствіе для нѣсколькихъ тысячъ лишнихъ ртовъ немыслимо; грузинскія же села не могли служить источникомъ продолжительнаго довольствія, потому что ежеминутно должно бяло ожидать прибытія русскихъ войскъ и конца набѣговъ. Да и добыча, захваченная въ нѣсколькихъ селахъ, была слишкомъ ничтожна для удовлетворенія многочисленной толпы хищниковъ. Самый лакомый кусокъ, то-есть княжескія семейства, Шамиль, конечно, взялъ себѣ. Понятно, что въ толпѣ является неудовольствіе, въ продовольствіи недоста-

токъ, и ничего больше не остается, какъ распустить сборище по домамъ.

Если къ этимъ условіямъ прибавить, что Шамиль, хотя и умный по-своему человѣкъ, но все же не больше какъ простой горецъ, всѣ понятія коего замыкались въ ограниченномъ тѣсномъ міркѣ, которому не могли быть доступны болѣе обширныя политическія соображенія, что онъ къ тому же былъ мало воинственный человѣкъ и въ то время уже лишился лучшихъ своихъ помощниковъ, то станетъ понятнымъ, почему онъ не воспользовался стѣсненнымъ положеніемъ нашимъ на Кавказѣ во время восточной войны и не нанесъ намъ никакого особеннаго вреда. Очень просто: онъ не умѣлъ, еще болѣе—и не могъ предпринять что нибудь важное. Кой же какія попытки его встрѣтили такой отпоръ со стороны нашихъ войскъ, что отбили у него охоту къ наступательнымъ дѣйствіямъ и ограничили болѣе присущею ему ролью обороны со стороны Чечни, гдѣ мы не прекращали системы рубки просѣкъ и отниманія удобныхъ земель. Будь Шамиль болѣе энергиченъ, онъ могъ бы, напримѣръ, вмѣсто набѣга на Кахетію, предпринять движеніе къ кистинскимъ обществамъ Майсти, Цори, Галгай, Джерахи, покорность коихъ намъ была номинальна и вообще сомнительнаго свойства, и съ этими бѣдными дикарями, склонными къ хищничеству, вмѣстѣ вторгнуться на военно-грузинскую дорогу въ *сѣверной* ея части, около Ларса (а не у Мцхета), производить мелкими партіями постоянные набѣги и дѣйствительно до крайности затруднить, даже временно прекратить сообщенія наши съ Россіею, вынудивъ производить ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ пѣхоты. Но онъ очевидно былъ мало знакомъ съ этою частью горъ и кистинскими обществами, не принявшими ученія мюридовъ, ни даже мусульманства въ такой степени, какъ горцы Дагестана и чеченцы. Попытки имама силой обратить ихъ въ мюридизмъ были безуспѣшны и встрѣтили вооруженный отпоръ. Привлечь ихъ на свою сторону и сдѣлать своими дѣятельными соучастниками онъ

могъ бы только, задобривъ вліятельныхъ людей и соблазнивъ ихъ перспективою добычи, не касаясь ни ихъ религіозной, ни бытовой свободы.

Прочитавъ донесеніе о плѣненіи княгинь Чавчавадзе и Орбельянъ, внучекъ послѣдняго грузинскаго царя, покойный государь Николай Павловичъ былъ крайне огорченъ и собственноручно написалъ: „ужасно; употребить всевозможныя средства къ скорѣйшему освобожденію плѣнницъ, и какъ можно чаще сообщать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія объ ихъ судьбѣ". Благодаря настояніямъ его, съ Шамилемъ велись самые энергическіе переговоры. Первоначальныя условія имъ поставленныя были: возвратить ему сына, взятаго еще въ 1839 году при Ахульго мальчикомъ, воспитаннаго въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и служившаго во Владимірскомъ уланскомъ полку; возвратить еще трехъ его родственниковъ, тоже взятыхъ въ 1837 году при Тилитлѣ заложниками и служившихъ въ разныхъ полкахъ; отпустить нѣсколько сотъ плѣнныхъ и сосланныхъ въ Россію горцевъ, наконецъ, выплатить *милліонъ* рублей. На всѣ первыя условія послѣдовало съ нашей стороны согласіе, но о милліонѣ и рѣчи быть не могло. Послѣ длинныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ, кончилось тѣмъ, что Шамиль согласился взять восемь тысячъ полуимперіаловъ, вмѣсто милліона...

10-го марта 1855 года изъ укрѣпленія Куринскаго выступила наша колонна изъ семи ротъ Кабардинскаго полка, при нѣсколькихъ сотняхъ донцевъ, подъ начальствомъ барона Николаи, съ которымъ ѣхалъ сынъ Шамиля Джемаледдинъ и везлись размѣненныя на серебро деньги. (Золота имамъ не хотѣлъ брать, и вообще мелочность и дикость выказали тогда горцы поразительныя). Подойдя къ Мичику, войска остановились; на той сторонѣ расположился Шамиль съ толпою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Обмѣнъ совершился благополучно. Сына встрѣтилъ Шамиль весьма трогательно, но еще трогательнѣе было прощаніе этого бѣднаго молодого человѣка съ нѣсколькими нашими офицерами и особенно съ

юнкеромъ графомъ Буксгевденомъ, его однокашникомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, проводившими его къ самой ставкѣ имама. Онъ плакалъ навзрыдъ, предчувствуя вѣроятно печальное будущее. Наши виды, что онъ можетъ быть пріобрѣтетъ вліяніе на отца и будетъ содѣйствовать къ прекращенію борьбы, или же послѣ смерти его, какъ старшій сынъ, очутится во главѣ горцевъ и тогда изъявитъ покорность—не сбылись... Выросшій и воспитанный въ Россіи, среди другихъ условій жизни, онъ затосковалъ въ горахъ, зачахъ и года черезъ три умеръ отъ чахотки.

Возвращаюсь къ разсказу о моихъ личныхъ похожденіяхъ.

Около пяти мѣсяцевъ прожилъ я въ Оглы. Хожденія за фуражемъ, для чего назначалась цѣлая рота и соблюдались всѣ воинскія предосторожности, конвоированія до Дженгутая транспортовъ, бѣганія на тревоги и пролеживанія цѣлыхъ ночей въ засадахъ и секретахъ, къ сожалѣнію безо всякихъ встрѣчъ съ непріятелемъ,—въ этомъ заключались всѣ служебныя занятія. Чтеніе, неустанные разговоры съ Толстовымъ, встрѣчи и проводы часто проѣзжавшихъ изъ отряда и въ отрядъ офицеровъ составляли наши развлеченія. Въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, жизнь была бы сносною, еслибъ опять не тотъ же Б. Не имѣя возможности лично ежечасно грызть насъ своими визгливыми распеканіями, онъ обратился къ письменной формѣ и закидывалъ меня грубѣйшими предписаніями, приказами, выговорами...

Наконецъ, мнѣ стало уже рѣшительно не въ моготу. Я отправился на Кутишинскія высоты и обратился къ бывшему тамъ генералу Волкову съ убѣдительнѣйшею просьбой избавить меня отъ невыносимаго положенія, повліявъ у полкового командира на переводъ мой въ другой баталіонъ, или и вовсе въ другой полкъ. Получивъ обѣщаніе его устроить это дѣло, я возвратился и сталъ ждать.

Послѣ довольно продолжительнаго времени, въ теченіи коего гоненія продолжались усиленно, я наконецъ дождался приказа о назначеніи меня командиромъ 6-й роты, которую

долженъ былъ принять, когда 2-й баталіонъ будетъ проходить изъ отряда чрезъ Оглы.

Жаль мнѣ было разставаться со своею ротой. Послѣ формальной сдачи ея, мое прощаніе съ людьми было далеко не обычное, такъ что я выступилъ изъ Оглы совершенно съ такими чувствами, какія испытываются при оставленіи родныхъ, близкихъ людей. Въ тѣ времена, когда служба солдатская длилась 25 и болѣе лѣтъ, когда палки играли еще роль повседневнаго явленія, отношенія солдатъ къ ротнымъ командирамъ покоились на другихъ, чѣмъ нынѣ, основаніяхъ и принимали иногда почти родственный оттѣнокъ. Я съ гордостью вспоминаю, что къ рѣдкимъ исключеніямъ такихъ отношеній принадлежали отношенія роты ко мнѣ. Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, но у меня совершенно ясно стоятъ предъ глазами многіе изъ солдатъ, грустно меня провожавшіе и говорившіе: „прощайте, ваше благородіе, дай Богъ вамъ всякаго благополучія; мы васъ никогда не забудемъ". И такимъ голосомъ говорили, что искренность ихъ никакимъ архискептикомъ заподозрѣна быть не могла. Эти слова, этотъ голосъ мнѣ очень памятны и служатъ до сихъ поръ лучшими воспоминаніями моими за длинный, трудный періодъ моей кавказской службы.

Второй баталіонъ, въ который я теперь попалъ, назначенъ былъ на временную стоянку въ полковой штабъ Ишкарты, а оттуда еще неизвѣстно было куда пойдетъ на зиму. Перспектива жизни въ Ишкартахъ уже сама по себѣ не могла настроивать меня на хорошее расположеніе духа, а тутъ, какъ на бѣду, присоединилось еще другое обстоятельство: баталіонный командиръ, недавно опредѣленный на службу изъ отставки, подполковникъ Б—ій оказался чуть ли не хуже самого маіора Б—ча. Вѣкъ свой прослуживъ въ Россіи, воспитанный въ тогдашней военной школѣ исключительно мелочныхъ фронтовыхъ формальностей, когда незастегнутый крючокъ у мундира или потерянная пуговица у солдатской шинели считались чуть не государственнымъ преступленіемъ,

въ той „ремешковой школѣ“, Кавказу мало знакомой, которая была убѣждена, что армія существуетъ для ученій, разводовъ, равненія и проч.,—Б—скій думалъ перенести весь этотъ арсеналъ мученій на кавказскую почву, и съ утра до ночи терзалъ и офицеровъ и солдатъ своими мелочными придирками, внушеніями и приказаніями. Особенно налегалъ онъ на меня и на мою роту. Онъ не кричалъ, не возвышалъ голоса, не бѣсновался съ пѣной у рта, какъ Б., но, какъ говорится, *пилилъ* человѣку голову безъ устали и возбуждалъ уже не минутную злобу и раздраженіе, а просто ненависть. Пискливый тихій голосокъ, польскій акцентъ, іезуитскія язвительныя фразы, ежедневные письменные приказы и запросы — словомъ, терзаніе невыносимое... Я рѣшительно попалъ изъ огня да въ полымя! Я рѣшился окончательно и во что бы ни стало уйти изъ этого полка, въ которомъ, очевидно, ужь судьба преслѣдовала меня, и послалъ письмо къ Э. Ѳ. Кесслеру, умоляя о переводѣ въ Самурскій полкъ.

Съ первыхъ же дней стоянки въ Ишкартахъ баталіонъ ежедневно выводился на ученья, на которыхъ Б—скій былъ въ своей сферѣ; но какъ онъ ни придирался ко мнѣ, какъ будто стараясь во что бы ни стало находить предлогъ для замѣчаній и колкихъ выговоровъ, однако чрезъ нѣкоторое время угомонился. Одинъ разъ послѣ ученія позвалъ онъ меня къ себѣ на квартиру, и вдругъ, къ крайнему моему изумленію, обратился ко мнѣ со словами, которыхъ отъ него я никакъ не ожидалъ.

— Я васъ попросилъ къ себѣ, г. поручикъ, чтобъ откровенно объясниться. Видите ли въ чемъ дѣло: вашъ прежній баталіонный командиръ Б. отрекомендовалъ мнѣ васъ какъ совершенно незнающаго службы, строптиваго, дерзкаго офицера, избавиться отъ котораго онъ считалъ за особенное удовольствіе. Я не могъ не повѣрить старшему, и потому повелъ съ вами такое обращеніе. Однако вижу, что на васъ наклепали, что службу вы знаете, въ ротѣ у васъ тишина и исправность, сами ведете вы себя такъ,

что я, знающій хорошо людей, не могу не отдать вамъ справедливости. Дайте мнѣ вашу руку, забудемъ минувшія непріятности и будемъ служить добрыми товарищами.

Я былъ просто озадаченъ. Что за притча? Б—скій—и такія рѣчи! „Ужь если пошло на откровенности, отвѣчалъ я ему, то позвольте и мнѣ ноговорить подробнѣе.“ Я разсказалъ ему свою предшествовавшую службу, рѣзкость перехода отъ нея, отъ отношеній, въ которыхъ я стоялъ къ высшимъ властямъ въ краѣ, къ отношеніямъ въ полку, начало службы здѣсь съ покойнымъ Соймоновымъ и разницу съ переходомъ въ 1-й баталіонъ къ Б., характеръ коего я очертилъ довольно рельефно, наконецъ, послѣднее короткое время, вынудившее меня уже принять мѣры къ переходу въ другой полкъ. Я объяснилъ Б—скому и неправильность его взгляда вообще на службу, которая на Кавказѣ совсѣмъ не то, что въ какой-нибудь 13-й пѣхотной дивизіи, и что онъ себѣ самому такимъ взглядомъ скорѣе повредитъ, чѣмъ пользу принесетъ.

— Вы можетъ обидитесь, г. подполковникъ—заключилъ я—моею откровенностью, но я съ вами говорю не по службѣ, а какъ съ частнымъ человѣкомъ; къ тому же въ полку оставаться не намѣренъ и до перевода, пожалуй, отрапортуюсь больнымъ и сдамъ роту.

— Нѣтъ, прошу васъ этого не дѣлать. Напротивъ, очень вамъ благодаренъ за откровенность и съумѣю вамъ доказать, что я не такой человѣкъ, какимъ меня считаютъ. Объявляю вамъ по секрету, что нашъ баталіонъ назначенъ на зиму въ Чечню, только время выступленія еще неизвѣстно. Не говорите объ этомъ никому; полковой командиръ строго приказалъ не разглашать этого назначенія.

Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости при этомъ извѣстіи и готовъ былъ обнять Б—скаго. Задушевнѣйшая мечта сбывается: походъ, зимняя экспедиція, новыя мѣста и встрѣчи, драки съ чеченцами, съ которыми мнѣ еще не приходилось встрѣчаться, и въ перспективѣ—отличія, награды... Въ довер-

шеніе всего, возможность лично обратиться къ начальнику дивизіи съ просьбой о переводѣ въ одинъ изъ полковъ, въ Чечнѣ расположенныхъ, и отдѣлаться отъ надоѣвшаго Дагестана, отъ полкового командира Р., Б. и даже Б — скаго, послѣднія слова коего не могли еще изгладить сквернѣйшаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на меня въ теченіи нѣсколькихъ недѣль.

Мы разстались рѣшительными друзьями. Декораціи рѣзко измѣнились: чуть не каждый день благодарности въ приказахъ по баталіону — то за ученіе, то за порядокъ найденный при осмотрѣ въ цейхгаузѣ или ротной канцеляріи. Мой фельдфебель просто блаженствовалъ; прежде не было дня, чтобы баталіонный командиръ по нѣскольку разъ не грызъ его, не ругалъ, не ставилъ на часы, придираясь безовсякой видимой причины и все только ради того, чтобы дѣлать мнѣ непріятности, а тутъ вдругъ—и молодецъ онъ, и самый исправный, и рота 6-я образцовая... Вотъ она извѣстная малороссійская пословица: „паны дерутся, а у хлопцовъ чубы болятъ!“

Наконецъ, около половины ноября, насталъ желанный день. Намъ объявлено приказаніе выступить по данному маршруту въ крѣпость Грозную и поступить тамъ въ распоряженіе начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, генерала барона Врангеля.

Послѣ обычнаго смотра полкового командира и молебствія на плацу, мы выступили въ походъ. Баталіонъ былъ въ отличномъ состояніи. Около 900 штыковъ въ строю, народъ здоровый, сытый, отлично одѣтый и снаряженный; одно чѣмъ мы немного хромали—это составомъ офицеровъ, которыхъ въ полку вообще былъ выборъ крайне ограниченный... Я забылъ сказать, что воспользовавшись дружбой Б—скаго, я чрезъ него выхлопоталъ переводъ къ себѣ въ роту Толстова, вопервыхъ, чтобъ избавить его отъ неминуемыхъ преслѣдованій Б., вовторыхъ, чтобы дать ему случай быть въ дѣлахъ и заслужить награду.

На первомъ же переходѣ къ Чирь-юрту, Б—скій просилъ меня ѣхать съ нимъ впереди, чтобы веселѣе было. Разсказалъ онъ мнѣ свою исторію, какъ онъ, сынъ помѣщика Подольской губерніи, воспитывался у какихъ-то бернардиновъ или доминикановъ, какъ твердилъ латынь, которую не забылъ и до сихъ поръ, какъ готовился въ юристы, какъ любилъ поэзію, какъ страстно читалъ произведенія лучшихъ польскихъ писателей—и вдругъ, молодымъ мальчикомъ, совершенно неожиданно, попалъ въ военную службу въ Литовскій корпусъ, состоявшій почти исключительно изъ поляковъ. Участвовалъ онъ въ польской кампаніи 1830 — 31 годовъ, гдѣ ихъ корпусъ терпѣлъ все пораженія, былъ произведенъ въ офицеры въ Виленскій егерскій полкъ и уже 25 лѣтъ тянетъ лямку военной службы не только безо всякой къ ней наклонности, но совершенно противъ таковой... Въ 1852 году вышелъ было въ отставку съ полною пенсіей, жилъ затѣмъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ надеждѣ найти себѣ какое-нибудь занятіе; но настало 1853 годъ, война съ Турціей, затѣмъ союзники объявили намъ войну, всѣхъ отставныхъ офицеровъ стали приглашать на службу, знакомые посовѣтовали ему проситься на Кавказъ, ибо не ловко было въ такое время оставаться въ отставкѣ, особенно поляку; и такимъ образомъ онъ весной очутился въ Дагестанскомъ полку. Дальше онъ не скрылъ отъ меня, что въ 5-мъ корпусѣ онъ видѣлъ только одно требованіе фронта, ремешковой службы и безпощаднаго повиновенія старшимъ, абсолютнаго подчиненія своей воли другому, власть имѣющему: молчать, не смѣть разсуждать, держать руки по швамъ, поклоняться формѣ, а не дѣлу, такъ же въ свою очередь поступать съ подчиненными—однимъ словомъ, постоянно пребывать подъ страхомъ готовой разразиться надъ головой бѣды, въ видѣ распеканій, выговоровъ, арестовъ, отрѣшеній и такъ далѣе... Всю эту школу онъ прошелъ до тонкости, зналъ все, что̀ требовалось на плацу, но того, что̀ дѣйствительно нужно военному человѣку, въ бою, особенно въ случаѣ необходимо-

сти дѣйствовать самостоятельно, не имѣя возможности поминутно обращаться за приказаніями и разрѣшеніями—это для него было чѣмъ-то въ родѣ неразрѣшимой проблемы; это могло бы его поставить втупикъ, въ безвыходное положеніе. Исповѣдь свою онъ пересыпалъ и латинскими цитатами и еще больше цѣлыми строфами изъ стихотвореній Мицкевича, Пушкина, Лермонтова, которыхъ любилъ не менѣе своего родного поэта.

— Откровенно скажу, заключилъ онъ на другой день похода свой монологъ:—появись теперь предъ нами непріятель, я рѣшительно не зналъ бы, что̀ нужно дѣлать... Я просто рѣшился довѣриться вамъ, полагаясь на вашу опытность и вполнѣ убѣжденный, что вы не выдадите меня ни чеченцамъ, ни еще болѣе своимъ господамъ.

Мнѣ даже конфузно сдѣлалось отъ такой откровенности сѣдого подполковника... Я поспѣшилъ его увѣрить, что онъ напрасно ужь считаетъ себя такимъ будто бы профаномъ въ военномъ дѣлѣ, и что, въ случаѣ надобности, онъ съумѣетъ, безъ сомнѣнія, примѣнить свои фронтовыя знанія къ дѣлу, но что я вполнѣ цѣню его довѣріе и онъ можетъ быть спокоенъ: ни изъ подчиненности, ни изъ скромности предъ другими я не выйду, тѣмъ болѣе, что ни съ кѣмъ изъ офицеровъ не состою въ особенно близкихъ отношеніяхъ.

И уморительный же чудакъ былъ, этотъ Антонъ Ивановичъ Б—скій. Сѣдой, не казистый, въ сѣрой солдатской шинели *), на плохой клячѣ, скупой до скряжничества, ничего не пившій, питавшійся только однимъ чаемъ, да гдѣ можно было достать молокомъ и яйцами, по странной привычкѣ вѣчно брюзгливый, кого-нибудь распекающій, не дающій покоя своему крѣпостному парню, котораго таскалъ за собою въ уморительномъ костюмѣ полухохлацкомъ, полупольскомъ; то крайне безпокоющійся за полковыхъ лошадей, изнуряю-

*) Во время Восточной войны было разрѣшено всѣмъ офицерамъ носить солдатскія шинели, чтобы сдѣлать ихъ менѣе подверженными огню непріятельскихъ стрѣлковъ.

щихся по тяжелой грязной дорогѣ, между тѣмъ, какъ полковникъ Р. поручилъ ему беречь ихъ пуще глаза, то терзающійся сомнѣніями, какъ онъ представитъ баталіонъ въ Грозной, послѣ такого похода, то вдругъ съ паѳосомъ декламирующій стихи...

Пройдя Хасавъ-юртъ, мы потянулись по Кумыкской плоскости, вдоль такъ-называемаго Качкалыковскаго хребта, за которымъ въ долинѣ рѣки Мичикъ толпилась тогда главная масса непокорнаго населенія Большой Чечни. Дорога тянулась по пустынной мѣстности, поросшей колючимъ кустарникомъ, весьма мѣтко названнымъ солдатами „держи-дерево“; стоило только войти въ этотъ колючій лѣсъ никуда негоднаго кустарника, чтобы быть *задержаннымъ* и оставлять клочки своего платья. На Кавказѣ есть много мѣстъ, гдѣ огромныя пространства заросли этимъ неподдающимся ни топору, ни огню, густо и быстро разростающимся мерзкимъ „держи-деревомъ“; они занимаютъ не одну сотню тысячъ десятинъ плодороднѣйшей земли, остающейся втунѣ. Было много толковъ и предположеній о средствахъ уничтожить этого врага изъ растительнаго царства, но на толкахъ въ тѣ времена и кончилось; да и военное время плохо вяжется съ подобными культурными дѣлами. Не знаю, сдѣлано ли что-нибудь въ послѣдній, мирный періодъ времени съ цѣлью очистить огромную Кумыкскую плоскость отъ колючки и сдѣлать ее способною къ обработкѣ и поселенію. Помню, что единственно дѣйствительнымъ средствомъ находили выпахать кустарникъ съ корнемъ особыми для этого устроенными плугами.

Прошли мы мимо укрѣпленія Куринскаго, сторожившаго удобнѣйшій перевалъ черезъ лѣсистый хребетъ Качкалыкъ и угрожавшаго своимъ подвижнымъ резервомъ прорывающимся на плоскость для набѣговъ чеченцамъ; остановились у единственнаго на этомъ пути аула Истису, населеннаго выходцами изъ Чечни, защищаемаго небольшимъ редутомъ, въ коемъ расположена была рота Кабардинскаго полка съ одною пушкой.

Выходцы изъ Чечни были люди, доведенные нашими на-

ступательными движеніями и набѣгами до крайней нужды, усиливавшейся еще требованіями шамилевскаго управленія, безпрестанными сборами въ партіи—то для отраженія нашихъ колоннъ, то для предпринимаемыхъ противъ насъ движеній. Борьба большинству населенія уже начинала становиться не подъ силу, тѣмъ болѣе что ни результатовъ отъ нея, ни близкаго исхода ей не видѣлось. Лучшія земли ближе къ Аргуну и Сунжѣ исподоволь переходили совсѣмъ во власть русскихъ и заселялись казачьими станицами или же, благодаря системѣ широкихъ просѣкъ, открывались для свободнаго во всякое время набѣга нашихъ войскъ, истреблявшихъ всѣ посѣвы и запасы. Все дальше и дальше оттѣсняемые такимъ образомъ къ горамъ, въ менѣе плодородныя мѣста, вынужденные бросать только-что устроенныя жилища, плоды своихъ трудовъ и единственныя средства существованія, и опять въ новыхъ лѣсныхъ трущобахъ вырубать полянки для посѣвовъ, ежечасно ожидая нападенія, которое вынудитъ уйти еще дальше, многіе чеченцы, особенно имѣвшіе и личные поводы неудовольствія на Шамиля или на его наибовъ, рѣшались измѣнять дѣлу мюридизма и переходить на жительство въ мѣста, уже совсѣмъ занятыя русскими, становясь такимъ образомъ покорными намъ. Понятно, что мы такія переселенія поощряли всѣми возможными способами: это ослабляло число враждебнаго населенія, лишало Шамиля бойцовъ, подрывало его не только матеріальное, но и нравственное вліяніе. Переселявшіеся къ намъ не облагались никакими податями, ни повинностями, жили совершенно свободно подъ нашею защитой, сами собою управлялись и сравнительно съ непокорными блаженствовали. Но для Шамиля такія выселенія были самыми тяжкими ударами, и не мудрено что онъ принималъ всѣ мѣры пріостановить ихъ. Увѣщанія, угрозы муками ада за добровольную покорность гяурамъ, разныя обольстительныя обѣщанія скорой перемѣны обстоятельствъ и изгнанія русскихъ съ Кавказа, все болѣе и болѣе теряли свою силу, особенно между чеченцами, вообще менѣе фана-

тично настроенными, чѣмъ другіе дагестанскіе и закавказскіе мусульмане. Мѣры крайней строгости, аресты въ ямахъ, конфискація всего имущества, насильное переселеніе въ отдаленнѣйшія трущобы, наконецъ и смертныя казни зачинщиковъ выселенія, были болѣе дѣйствительны и удерживали многихъ, въ душѣ давно готовыхъ покончить съ нестерпимымъ положеніемъ, но все же не могли прекратить тайнаго выселенія подъ покровительство русскихъ.

Вотъ изъ такихъ-то выходцевъ Большой Чечни составился довольно значительный аулъ Истису (горячая вода) у подножія Качкалыковскаго хребта, между укрѣпленіями Куринскимъ и Умаханъ-юртомъ, у источника минеральной воды. Поселеніе здѣсь этихъ ста или полутораста семействъ чеченцевъ вполнѣ соотвѣтствовало нашимъ видамъ, не только по вышеизложеннымъ причинамъ, но и какъ пунктъ обезпечивавшій отъ набѣговъ довольно большой промежутокъ на ближайшемъ сообщеніи Грозной съ Кумыкскою плоскостью и Хасавъ-юртомъ, и потому для прикрытія аула на случай усиленнаго нападенія на него шамилевскихъ мюридовъ, былъ построенъ небольшой земляной редутъ, вооруженный крѣпостною пушкой и занятый одною ротой Кабардинскаго полка. Аулъ постепенно все увеличивался вновь прибывающими бѣглецами изъ долины Мичика и служилъ соблазномъ для тамошняго населенія. Шамиль рѣшился истребить его и кого захватитъ— увести назадъ. Онъ считалъ это такимъ для себя важнымъ дѣломъ,— важнѣе, конечно, всякихъ демонстрацій въ Закавказскій край для содѣйствія Омеръ-пашѣ,—что собралъ большую партію, кромѣ ближайшихъ чеченцевъ, еще не менѣе пяти тысячъ человѣкъ изъ горскихъ дагестанскихъ обществъ, не имѣвшихъ съ чеченцами ничего общаго, и 2 октября 1854 г. внезапно появился на Качкалыковскомъ хребтѣ въ виду Истису. Жители этого аула постоянно были настороже, а въ этотъ разъ, безъ сомнѣнія, имѣли отъ своихъ родственниковъ свѣдѣнія о движеніи такой значительной силы и могли догадываться о грозящей имъ опасности; поэтому они

были всѣ въ сборѣ и приготовились къ защитѣ. Дрались они съ атаковавшими ихъ мюридами отчаянно, а рота въ редутѣ геройски отбивала бросавшіяся на штурмъ толпы горцевъ. Пушечные выстрѣлы распространили тревогу, и изъ Хасавъ-юрта поспѣшила помощь, состоявшая изъ шести ротъ Кабардинскаго полка, 4-хъ сотенъ донскихъ казаковъ и 4-хъ орудій, подъ начальствомъ полкового командира флигель-адъютанта барона Л. П. Николаи. Не взирая на утомленіе людей, пробѣжавшихъ около 20 верстъ почти безъ отдыха, баронъ Николаи безъ малѣйшаго колебанія атаковалъ въ пять-шесть разъ сильнѣйшаго непріятеля и разбилъ его на-голову! Сотни труповъ покрывали все пространство между аулами и близъ лежащимъ лѣсомъ, столько же въ слѣдующіе дни находили ихъ валявшихся и въ лѣсу, и по дорогѣ черезъ гору, и въ ближайшихъ оврагахъ и лощинкахъ, очевидно умершихъ тяжело раненыхъ. Чеченцы изъ Истису при преслѣдованіи не давали спуска мюридамъ изъ горцевъ... Пораженіе было полное и весьма тяжелое для Шамиля.

Не говоря о потерѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ горцевъ изъ самыхъ дальнихъ обществъ, еще вѣровавшихъ въ его силу, въ успѣхъ борьбы съ русскими, и теперь узнающихъ о такомъ плачевномъ событіи, эта катастрофа ближе всего отражалась на настроеніи всей Чечни и должна была произвести совсѣмъ обратное дѣйствіе: переселенія усилятся, Чечня ускользнетъ изъ его рукъ... Успѣхъ, пріобрѣтенный лѣтомъ въ Кахетіи, ограничился плѣненіемъ нѣсколькихъ грузинскихъ княгинь и полученіемъ значительнаго за нихъ денежнаго выкупа, а пораженіе въ Истису наносило всему дѣлу мюридизма жестокій, трудно поправимый вредъ; оно отбило у Шамиля и послѣднюю охоту предпринимать что нибудь рѣшительное противъ насъ, да и о пораженіи лѣтомъ турокъ въ Кюрюкъ-дара онъ не могъ не знать.

Полагаю, что я достаточно разъяснилъ казавшійся многимъ темнымъ вопросъ: почему во время восточной войны Шамиль не пользовался случаемъ и бездѣйствовалъ?

При чтеніи донесенія объ этомъ молодецкомъ дѣлѣ, въ которомъ Кабардинскій полкъ еще разъ доказалъ, что онъ достоинъ своей старой славы, государь Николай Павловичъ собственноручно написалъ: „Молодцы. Жалую всѣмъ нижнимъ чинамъ по два рубля на человѣка".

Послѣ небольшого привала у Истису, мы тронулись дальше, миновали укрѣпленіе Умаханъ-юртъ, построенное у впаденія Гудермеса и Аргуна въ Сунжу. Не помню, на шестой или седьмой день подошли къ Грозной, которую я тутъ же переименовалъ въ „Грязную" — такая отвратительная, невылазная грязь была въ ней тогда. Да и вообще во весь походъ отъ Ишкарты погода была дождливая, туманная, хандру наводящая.

Подходя къ крѣпости, мы были встрѣчены барономъ А. Е. Врангелемъ, выразившимъ свое удовольствіе баталіону за его численность.

— Представьте мнѣ вашихъ ротныхъ командировъ, обратился генералъ къ Б—скому.

Мы вышли. „Капитанъ такой-то, штабсъ-капитанъ NN, поручикъ Зиссерманъ", выкрикивалъ вытянувшійся въ струнку, держа руку подъ козырекъ, баталіонеръ нашъ. — Когда дошло до меня, баронъ сказалъ: „А, здравствуйте! очень радъ встрѣтиться съ вами здѣсь". Затѣмъ Б—скій и четыре ротные командира приглашены были на другой день къ обѣду.

Вся эта встрѣча, благодарность за состояніе баталіона, весь деликатный радушный пріемъ со стороны главнаго начальника, самая наружность его красиво-симпатичная, приглашеніе къ обѣду — уже достаточно насъ всѣхъ обрадовали и ободрили, а тутъ еще и это личное обращеніе ко мнѣ, и совершенно неожиданная встрѣча съ адъютантомъ генерала, Зозулевскимъ, моимъ старымъ знакомымъ по походамъ на Лезгинской кордонной линіи, на меня особенно такъ подѣйствовали, что я уже давно не чувствовалъ себя въ такомъ отличномъ расположеніи духа... Б—скій, получивъ благодарность, вмѣсто терзавшей его всю дорогу мысли о голово-

мойкѣ, не могъ придти въ себя отъ изумленія и все повторялъ: „тридцать лѣтъ прослужилъ — такого генерала еще не встрѣчалъ! Не кричитъ, не ругаетъ, приглашаетъ къ себѣ... Чудеса!“

Я уже упоминалъ въ одной изъ прежнихъ главъ, что всѣ районы на Кавказѣ носили на себѣ особый типическій отпечатокъ, бросавшійся наблюдательному человѣку рѣзко въ глаза. Но нигдѣ это не было такъ рѣзко, какъ съ переходомъ изъ Дагестана на лѣвый флангъ. Въ Дагестанѣ высшее начальство и штабы держали себя въ родѣ высшей касты браминовъ, допуская въ свой кругъ полковыхъ и нѣсколько батарейныхъ командировъ; все же остальное было въ ихъ глазахъ нѣкоторымъ образомъ паріи, имѣвшіе спеціальное назначеніе нести всѣ тягости черной работы, не разсуждать, не роптать никогда,—ни за грубое обращеніе, ни за безцеремонное обхожденіе наградами въ ущербъ справедливости. На всемъ лежала печать какого-то монастырскаго послушанія, постояннаго страха предъ начальствомъ, представлявшимся чуть не въ образѣ инквизиторовъ, на то и существующихъ, чтобы казнить... Нѣтъ правила безъ исключенія, и, само-собою, въ Дагестанѣ не вездѣ и не всѣ были въ такомъ положеніи; въ другихъ полкахъ удержался другой, болѣе старокавказскій товарищескій духъ; но въ общемъ все-таки культъ служенія лицу; а не дѣлу, дрожаніе предъ начальствомъ и прочіе, сопряженные съ этимъ оттѣнки, слишкомъ ярко замѣчались здѣсь, тогда какъ съ перваго же шага въ средѣ войскъ лѣваго фланга нельзя было не замѣтить преобладающаго духа военнаго удальства и молодечества, отсутствія всякой придавленности, мертвенности... Жизнь кипѣла—жизнь той воинственной, кровь волнующей поэзіи, которую такъ рельефно изобразилъ графъ Л. Толстой въ своемъ *Набѣгѣ* и другихъ разсказахъ. Если лагерь отряда въ Дагестанѣ или стоянку въ какомъ-нибудь мрачномъ аулѣ можно было сравнить со ставкою партіи квакеровъ, то на лѣвомъ флангѣ лагерь слѣдовало сравнивать съ цыганскимъ таборомъ. Если бы судьба бросила

графа Л. Толстаго на службу не въ батарею на лѣвомъ флангѣ, а въ другую, служившую въ Дагестанѣ, мы или вовсе не имѣли бы его прекрасныхъ кавказскихъ типичныхъ разсказовъ и повѣсти *Казаки*, или же онъ написалъ бы другіе, но уже совершенно въ иномъ родѣ разсказы, въ которыхъ преобладало бы угрюмое, ѣдко саркастическое міровоззрѣніе. Впечатлѣнія окружающей природы, обстановка, условія и отношенія, среди которыхъ пришлось бы ему жить въ Дагестанѣ, отразились бы на его творчествѣ неизбѣжно.

Причины такого рѣзкаго различія между Дагестаномъ и лѣвымъ флангомъ заключались и въ природѣ, и въ характерѣ непріятеля, съ которымъ приходилось имѣть столкновенія, и въ самомъ составѣ войскъ, въ Дагестанѣ на половину составленныхъ изъ полковъ 5-го корпуса, пробывшаго два года на Кавказѣ и внесшаго элементъ незнакомой и не свойственной Кавказу придавленности... Въ послѣднее время въ Дагестанѣ мы держались оборонительной системы, встрѣчи съ непріятелемъ сдѣлались рѣдкими и случайными, а въ Чечнѣ (лѣвый флангъ), напротивъ, каждую зиму дѣйствовали наступательно, и слѣдовательно битвы были неизбѣжны и чуть не заранѣе по числамъ разсчитаны. Вслѣдствіе этого, все столично-аристократическое, все поэтически увлекавшееся и честолюбивыми, и боевыми мечтами, все искавшее забвенія отъ неудачъ сердечныхъ, или даже бѣжавшее отъ преслѣдованія кредиторовъ, послѣ извѣстнаго образа жизни въ Петербургѣ, стремилось на Кавказъ и исключительно на лѣвый флангъ. Эти условія еще усилили уже безъ того рѣзкую разницу въ характеристикѣ двухъ наиболѣе обширныхъ и важныхъ военныхъ районовъ, не говоря о томъ, что, по особой случайности, и главными начальниками на лѣвый флангъ попадали все генералы, по своему характеру, по своимъ взглядамъ и пріемамъ, вполнѣ соотвѣтствующіе установившемуся въ войскахъ духу. Фрейтагъ, Козловскій, Нестеровъ, князь Барятинскій, баронъ Врангель, при совершенномъ отсутствіи сход-

ства между собою, всѣ одинаково служили поддержкою выработавшагося въ Чечнѣ своеобразнаго военнаго типа.

Баталіонъ нашъ расположился подъ крѣпостью Грозной въ лагерѣ собиравшихся туда съ разныхъ сторонъ войскъ. Тутъ были и Апшеронцы, пришедшіе двумя днями раньше насъ изъ Шуры, и Тенгинцы, и Навагинцы изъ Владикавказа, разные казаки и артиллеристы. Все это мѣсило отвратительную грязь, и кучи народа тянулись по дорогѣ въ Грозную и обратно. Побывалъ и я тамъ, навѣстилъ Зозулевскаго, походилъ по лавкамъ, изъ которыхъ одна общаго отряднаго маркитанта Лебедева не могла не обратить на себя вниманія: въ ней можно было найти все, отъ грошовой сальной свѣчки, махорки, веревки и гвоздей до бутылки рейнвейна или лафита въ 8 руб., жестянки съ французскимъ черносливомъ, страсбургскихъ пироговъ и коробокъ съ дамскими бархатными шляпками; рядомъ съ говядиной и свинымъ саломъ можно было получить лучшія деликатесы, вестфальскую ветчину и т. п.

На другой день мы обѣдали у генерала барона Врангеля, въ обществѣ еще другихъ офицеровъ одного изъ пришедшихъ въ отрядъ баталіоновъ. Нечего и говорить, что мы были очарованы любезностью хозяина, его радушіемъ, отличнымъ обѣдомъ и господствовавшею за нимъ нестѣсненностью, невольно вызывавшею въ памяти сравненія съ обѣдами у полкового командира Броневскаго, гдѣ сидѣли какъ бы за судейскимъ, а не обѣденнымъ столомъ.

Возвращаясь въ лагерь, Б—скій, все восторгавшійся и не могшій придти въ себя отъ удивленія встрѣтить такого генерала, сказалъ мнѣ: „однако я не совсѣмъ доволенъ“.

— Чѣмъ же вы недовольны? спросилъ я его.

— Я предчувствую, что васъ возьмутъ изъ баталіона въ адъютанты или тамъ вообще въ штабъ, но уже возьмутъ,—я убѣжденъ въ этомъ; и я останусь одинъ, какъ разъ когда начнутся дѣла и вы мнѣ были бы нужнѣе всего. Я ужь го-

товлюсь къ этому удару съ нашего прихода сюда, когда баронъ встрѣтилъ васъ какъ стараго знакомаго.

— Будьте увѣрены, что никто меня никуда не возьметъ и будемъ мы по прежнему съ вами тянуть службу въ 2-мъ баталіонѣ. Но, по окончаніи экспедиціи, не скрою, я намѣренъ похлопотать о переводѣ въ Кабардинскій или Куринскій полкъ, потому что мысль возвратиться въ Дагестанъ, въ полкъ, мнѣ крайне непріятна.

— Ужь не знаю какъ это случится, но убѣжденъ, что долго мы съ вами вмѣстѣ не прослужимъ, отвѣтилъ Б—скій.

XLVI.

Послѣ нѣсколькихъ дней стоянки подъ Грозной, весь собравшійся здѣсь отрядъ (6 баталіоновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 орудій) 4-го декабря выступилъ къ Устаръ-Гардоевской переправѣ черезъ Аргунъ и въ тотъ же день перешелъ на ту сторону рѣки. При переправѣ черезъ эту быструю рѣку, въ морозъ, не легко было пѣхотѣ, особенно нашимъ дагестанскимъ солдатамъ, не привыкшимъ къ подобнымъ переправамъ, да еще зимою. Для предупрежденія несчастій, казаковъ выстраивали въ водѣ противъ теченія плотными шеренгами. Дошла очередь до моей роты; люди, поднявъ ружья и патронныя сумы, пустились въ воду, а я остался на берегу, предупреждая ихъ держаться другъ за друга и не смотрѣть на воду, а то отъ быстроты теченія кружится голова. Сначала все шло хорошо, но вдругъ одинъ упалъ въ самомъ быстромъ мѣстѣ. Я стегнулъ лошадь нагайкой и бросился за нимъ въ рѣку; на самой срединѣ, когда я нагнулся чтобы схватить уже захлебывавшагося солдата, лошадь моя споткнулась и я бултыхнулся съ нею, окунувшись по горло... Къ счастію, я удержался въ сѣдлѣ, лошадь порывистымъ прыжкомъ вынесла меня на тотъ берегъ, а солдата схватили ниже казаки, только ружье его пропало. Положеніе мое было крайне непріятное, тѣмъ болѣе, что уже начало смеркаться,

холодный рѣзкій вѣтеръ съ изморозью пронизывалъ до костей, а до мѣста, гдѣ отрядъ долженъ былъ остановиться, оставалось еще нѣсколько верстъ. Что̀ могло быть легче какъ схватить при этихъ условіяхъ сильнѣйшую горячку? Весь мокрый, съ сапогами полными водой, я прошелъ остальную дорогу пѣшкомъ, и какъ только палатки наши были разбиты, переодѣлся, натерся спиртомъ, напился чаю и легъ, укрывшись всѣмъ что̀ могъ найти сухого. Однако всю ночь у меня зубъ на зубъ не попадалъ, и я уже не сомнѣвался, что вмѣсто похода грозитъ мнѣ болѣзнь, госпиталь... Къ утру только я заснулъ, и какова же была моя радость, когда часовъ въ семь меня разбудили: я вскочилъ совсѣмъ здоровый! Ужъ подлинно, какъ съ гуся вода.

Палатки мигомъ исчезли, наскоро проглотили мы чаю, и отрядъ, усиленный прибывшими ночью изъ крѣпости Воздвиженской двумя баталіонами Куринскаго полка, тронулся дальше.

Не имѣя въ рукахъ ни дневиика, ни хоть бы какихъ-нибудь замѣтокъ, я, къ крайнему сожалѣнію, вынужденъ ограничиваться скуднымъ запасомъ сохранившагося въ памяти матеріала; поэтому, много характеристическихъ чертъ, могущихъ рельефно изобразить и дѣйствующихъ лицъ, и мѣстность, и непріятеля, рѣшительно ускользаютъ. Что же касается самыхъ военныхъ дѣйствій, то освѣживъ ихъ въ памяти оффиціальными документами, изложу ихъ здѣсь въ самомъ сжатомъ очеркѣ.

Главныя цѣли предпринятаго наступательнаго движенія были, вопервыхъ, показать чеченцамъ, что война съ Турціей не ослабила нашихъ силъ, какъ старался увѣрить ихъ Шамиль, и что мы не только готовы отразить всякое ихъ покушеніе на нашей сторонѣ, но и можемъ продолжать наступательныя дѣйствія, заставляя ихъ или покоряться намъ, или терять лучшія свои плодородныя мѣста и уходить дальше къ горамъ, гдѣ имъ придется бороться съ нуждой и недостатками пропитанія; вовторыхъ, имѣлось въ виду разорить

ближайшее чеченское населеніе по рѣкѣ Джалкѣ и прорубить здѣсь просѣку, по которой открылось бы кратчайшее сообщеніе Грозной съ Кумыкскою плоскостью, и была бы возможность, въ случаѣ нападенія на нее значительныхъ непріятельскихъ силъ, подать ей отсюда скорую помощь. Существовавшій же до того кружный путь, какъ обнаружилось въ началѣ октября, при вторженіи Шамиля въ Истису, не допускалъ быстраго соединенія войскъ изъ Грозной на поддержку Кумыкской плоскости. Кромѣ того, густое населеніе чеченцевъ по Джалкѣ, на самомъ близкомъ разстояніи отъ Сунжи и дороги, дѣлало ее такою опасною, что движенія по ней возможны были только для сильныхъ, самостоятельныхъ колоннъ. Всѣ же обыкновенныя сношенія, мелкія команды и т. п. должны были изъ Грозной пробираться за Терекъ, слѣдовать тамъ по гребенскимъ станицамъ, послѣ въ Шелковой опять переходить на правый берегъ Терека и съ оказіями дѣлать еще тридцативерстный переходъ до Хасавъ-юрта. Все это въ сложности составляло разстояніе около 135 верстъ, вмѣсто 60 прямою дорогой.

Въ теченіи первыхъ пяти дней открытыхъ нашимъ отрядомъ военныхъ дѣйствій, ежедневно происходило систематическое сжиганіе сплошнымъ рядомъ тянувшихся по Джалкѣ ауловъ и истребленіе замѣчательно громадныхъ запасовъ кукурузы, проса, сѣна и пр. Дымъ отъ этого пожарища густыми черными клубами застилалъ горизонтъ, и невыносимою гарью пахло кругомъ на десять верстъ. Населеніе бѣжало въ чащи лѣсовъ въ паническомъ страхѣ, предоставивъ сопротивленіе отряду нѣсколькимъ стамъ человѣкамъ, собраннымъ наибомъ Большой Чечни. Но что они могли сдѣлать противъ такого отряда, противъ такой массы казаковъ и артиллеріи? Происходили ежедневныя перестрѣлки, нѣкоторые смѣльчаки пользовались частымъ, трудно проходимымъ орѣшникомъ, и подкрадывались на самое близкое разстояніе къ нашимъ цѣпямъ, дѣлая залпы; иные джигитовали на полянкахъ, но какъ только замѣчали, что въ обходъ имъ скачетъ какая-нибудь

казачья сотня, скрывались въ лѣсъ. Потери наши были весьма незначительны, хотя, какъ я уже говорилъ прежде, по вкоренившемуся обычаю, патроновъ и снарядовъ не жалѣли, и жарня иногда по цѣлымъ часамъ раздавалась такая, гулъ по лѣсу шелъ такой, что можно было думать—бой идетъ самый отчаянный, люди валятся тысячами.

Вообще, съ первыхъ же дней этого перваго для меня похода по Чечнѣ, я не могъ не замѣтить, что не только солдаты, но не мало и разныхъ баталіонныхъ, ротныхъ, батарейныхъ и другихъ командировъ страдали нѣкоторою долей военнаго шарлатанства—иначе трудно назвать эту слабость—нагремѣть, надѣлать побольше шума, пойти на *ура* — единственно съ реляціонными цѣлями. Все это были лихіе служаки, храбрые люди, отлично распоряжавшіеся въ серьезной встрѣчѣ съ непріятелемъ, но любили пустить пыль въ глаза, сочинить дѣло во что бы ни стало, хотя бы пришлось для этого безъ надобности пожертвовать даже людьми, не то что патронами и гранатами...

Вмѣстѣ съ разореніемъ ауловъ, отрядъ занимался и исправленіемъ дороги, ведущей къ укрѣпленію Умаханъ-юртъ, лежащему вблизи впаденія Аргуна въ Сунжу. Сначала пройдено было все разстояніе внизъ по теченію Джалки, а 9, 10 и 11-го чиселъ мы проходили тѣ же мѣста вверхъ по рѣкѣ, довершая истребленіе запасовъ. Въ послѣдній день со стороны непріятеля оказались попытки къ болѣе упорному сопротивленію: къ чеченцамъ прибыли подкрѣпленія съ нѣсколькими пушками; но дѣло кончилось, однако, незначительною потерей: у насъ убитъ 1 и ранено 17 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеръ.

Слѣдующіе восемь дней отрядъ провелъ въ лагерѣ вблизи Умаханъ-юрта. Каждый день назначалась колонна изъ трехъ баталіоновъ, 6 сотенъ казаковъ и 8 орудій для рубки просѣки, шириной на пушечный выстрѣлъ. Морозы усилились до 12, 15—17°, иногда еще и съ рѣзкимъ вѣтромъ. Жизнь въ палаткѣ въ такой холодъ была уже сама по себѣ не изъ

пріятныхъ; мы рыли посрединѣ ямы и насыпали въ нихъ горячихъ угольевъ, доводя температуру до такой теплоты, что можно было перемѣнить бѣлье, писать и оставаться даже безъ шубы; но это средство сопровождалось тяжестью въ головѣ и опасностью схватить какую нибудь простудную болѣзнь: перемѣна температуры въ палаткѣ и внѣ ея была слишкомъ рѣзка. Выступленіе колоннъ назначалось не позже 4 часовъ утра, чтобы къ разсвѣту уже быть на мѣстѣ и начать рубку лѣса, а къ сумеркамъ, то-есть къ пятому часу, возвратиться въ лагерь. Нужно было въ короткіе зимніе дни выгадывать время и торопиться одолѣніемъ работы, чтобы сократить пребываніе отряда въ такой холодъ въ полѣ. Ну, и встаешь въ три часа, приказавъ предварительно наполнить ямку угольями, а то вѣдь за ночь такъ окоченѣешь, что и подняться трудно. Въ нѣсколько минутъ въ палаткѣ дѣлается очень тепло, паръ поднимается кверху, какъ въ банѣ, одѣнешься, выпьешь нѣсколько стакановъ горячаго чаю, и разомъ выскочишь изъ палатки на морозъ и насквозь пронизывающій вѣтеръ, да и останешься уже на воздухѣ часовъ двѣнадцать сряду. Что̀ удивительнаго, если большинство не только офицеровъ, но и солдатъ, выносили изъ продолжительной кавказской службы хроническіе ревматизмы, катарры, пораженія слуховыхъ органовъ, и т. п. Многіе изъ насъ имѣли еще обыкновеніе при умываніи лить себѣ на голову холодную воду, что̀ доставляло особенное удовольствіе, освѣжая отъ давящаго угарнаго воздуха въ палаткѣ; и никто не понималъ, какъ гибельно было это обыкновеніе. Переходъ съ мокрою головой отъ температуры + 17 или 18° прямо на вѣтеръ и морозъ — 15 или 17°, очевидно, долженъ былъ вести къ сильнѣйшимъ катаррамъ. И дѣйствительно, во всей колоннѣ, въ потемкахъ собирающейся предъ лагеремъ, раздавалось постоянное чиханіе и кашляніе. Мнѣ суждено было вынести слишкомъ тяжелыя послѣдствія такой жизни; началось шумомъ и звономъ въ ушахъ, а кончилось глухотой; но думаю, что и всѣ другіе участники чеченскихъ зимнихъ экспедицій болѣе или менѣе запаслись недугами, удручаю-

щими ихъ жизнь въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Въ молодости никто и не думалъ о такихъ пустякахъ, какъ сохраненіе здоровья, о соблюденіи основныхъ гигіеническихъ правилъ, да и кто зналъ эти правила? А послѣ, когда послѣдствія дали себя почувствовать, было уже поздно, болѣзни запущены... Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ.

Итакъ, бывало, въ 4 часа утра, темь непроглядная, выйдешь къ ротѣ, вполголоса поздороваешься (приказано было избѣгать всякаго шума, чтобы не обращать вниманія непріятеля и избѣгать перестрѣлокъ впотьмахъ) и пойдешь среди полупотухающихъ костровъ, среди фантастически вырисовывающихся въ дыму солдатскихъ фигуръ, въ разныхъ видахъ и позахъ окружающихъ костры, мимо продрогшихъ у коновязей лошадей, какъ-то особенно стонущихъ и фыркающихъ. То запнешься за какую-нибудь повозку, то попадешь въ какую-нибудь яму или наткнешься на сплошной рядъ коновязей съ сердитыми часовыми изъ артиллеристовъ, грубо гонящихъ—„куда полѣзли, тутъ нѣтъ дороги", — а темень такая, что ни зги не видно и еле-еле выберешься изъ лагеря на дорогу, гдѣ колонна строится по заранѣе отданной диспозиціи. Происходятъ невольныя остановки и нѣкоторая сумятица. Благоразумный, опытный колонный начальникъ понимаетъ неизбѣжность незначительнаго безпорядка, спутника всякихъ ночныхъ движеній; горячіе же, изъ прикомандированныхъ „для участвованія въ дѣлахъ", выходили изъ себя, бѣсновались, распекали и напрасно нагоняли только скверное расположеніе духа на войска. Отличался у насъ по этой части генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій; но это былъ исключительный типъ какого-то бѣшенаго сумасброда, котораго слѣдовало передать въ руки психіатровъ, а между тѣмъ онъ, очевидно, слылъ въ глазахъ высшихъ начальственныхъ сферъ за полезнаго, опытнаго дѣятеля и въ теченіи еще многихъ лѣтъ, въ генеральскихъ чинахъ, занималъ разныя видныя должности то на лѣвомъ, то на правомъ крылѣ Кавказской линіи, даже командовалъ большими отрядами. Толку

отъ его дѣятельности, само собою, не выходило никакого; изъ терпѣнія выводилъ онъ всѣхъ, отъ наивысшаго въ краѣ лица до послѣдняго вѣстового казака и фурштата, и только уже въ 1861 году, какъ будто окончательно убѣдились въ совершенной непригодности его превосходительства, и онъ оставилъ Кавказъ послѣ двадцатилѣтняго въ немъ пребыванія, увезя съ собою названіе „самоваръ-паши“ (то-есть постоянно кипящій). Затѣмъ онъ командовалъ дивизіей въ Царствѣ Польскомъ во время возстанія; тамъ тоже что-то не отличился особою распорядительностью, былъ зачисленъ въ запасныя войска и прожилъ послѣдніе годы за границей, гдѣ, если не ошибаюсь, недавно умеръ. Да, это былъ оригинальный типъ и мнѣ еще придется впослѣдствіи говорить о немъ, такъ какъ судьба свела насъ одно время въ близкія служебныя отношенія.

Къ числу обстоятельствъ, вызывавшихъ распеканія и непріятности, принадлежали преимущественно — собаки. Какъ ни забавно это можетъ показаться, но собаки бывали причиной крупныхъ непріятностей и волненій въ отрядномъ мірѣ. Откуда и какимъ образомъ при всякомъ отрядѣ, особенно въ Чечнѣ, появлялась цѣлая стая собакъ, очевидно протежируемая солдатами, сказать не могу; но дѣло въ томъ, что стая непремѣнно слѣдовала за колонной, грызлась, лаяла и выла, нарушая тишину, о которой, какъ я уже выше сказалъ, заботились во избѣжаніе ночныхъ перестрѣлокъ. Забота, положимъ, резонная до нѣкоторой степени, но не слѣдовало ей придавать особенно важнаго значенія и дѣлать изъ мухи слона: непріятель и безъ того отлично зналъ, что мы до свѣта пойдемъ на рубку лѣса и что ни задержать насъ, ни нанести особаго вреда онъ не въ состояніи; онъ на ночь располагался въ окрестныхъ аулахъ, укрываясь отъ холода и далеко не такъ снаряженъ былъ и послушенъ своему начальству, какъ нашъ солдатъ, чтобы въ 15° мороза ночью выходить изъ своей сакли ради пустой стрѣльбы.

„Чьи собаки? колоть, гнать ихъ, уничтожить“! раздава-

лись крики. Ничего не помогало: гони не гони, собаки не уходили, а колоть ни у кого и руки не поднимались. Отдавались строгія приказанія, возлагалась отвѣтственность на ротныхъ и батальонныхъ командировъ, и все ни къ чему не вело: въ этомъ случаѣ солдатская оппозиція оказывалась сильнѣе военной дисциплины. Большинство колонныхъ начальниковъ ограничивались двумя-тремя словами неудовольствія; ну, а такой, какъ Рудановскій, доходилъ до того, что вмѣсто собаки готовъ былъ бы тутъ же разстрѣлять солдата или еще лучше—ротнаго командира...

Послѣ нѣкоторой суеты, разспросовъ—пришелъ-ли такой-то баталіонъ или батарея, устанавливаній и перебранокъ, колонна, наконецъ, двигалась. Среди ночной тишины и темноты, всѣми невольно овладѣвало какое-то тревожное состояніе; напряженные взгляды впередъ и въ стороны, едва различающіе очертанія лѣса, казавшагося чѣмъ-то таинственнымъ, разговоры вполголоса, глухое грохотанье и звяканье орудій по мерзлой землѣ, какіе-то неясные звуки, вдругъ откуда-то раздававшіеся, все это настраивало людей къ чуткому ожиданію опасности, внезапнаго залпа въ упоръ, засады и т. п. И хотя это повторялось ежедневно, и мы уже должны бы убѣдиться въ ложности такихъ ощущеній, но они невольно повторялись всякій разъ, пока движеніе длилось впотьмахъ. Вообще, военныя движенія въ темную ночь—вещь крайне утомительная для войскъ и рискованная; самыя опытныя, обстрѣленныя войска легко могутъ отъ какой нибудь неожиданности растеряться, открыть огонь въ своихъ же или подвергнуться паникѣ. Къ ночнымъ движеніямъ слѣдуетъ прибѣгать по возможности только въ крайнихъ случаяхъ, на мѣстахъ, до подробности изученныхъ стоящими во главѣ частей войскъ начальниками. Ночью разстоянія какъ бы удваиваются, малѣйшее препятствіе, въ видѣ небольшого оврага, ручья, кустарника, принимаетъ видъ чего-то неодолимаго; пустѣйшая поломка какой нибудь повозки задерживаетъ всю колонну, а встрѣча съ малочисленнымъ непріятелемъ, съумѣв-

шимъ воспользоваться неожиданностью, можетъ произвести переполохъ и разстройство.

Какъ только показывались первые признаки разсвѣта и густой туманъ начиналъ подниматься, медленно ползя вверхъ по лѣсу, все выше и выше, притягиваемый къ себѣ горами, вся картина вдругъ измѣнялась: начинался говоръ, смѣхъ, закуриванiе трубокъ, все какъ будто выходило изъ невольнаго оцѣпенѣнiя, оживало и двигалось быстрѣе, стараясь согрѣть коченѣвшiе члены. Вся собачья стая, видимо обрадовавшись дневному свѣту, бросалась во всѣ стороны въ перегонку за галками, кувыркалась, каталась по влажной травѣ, выгоняла зайцевъ, бросавшихся, обезумѣвъ отъ страха, въ колонну на потѣху солдатъ, поднимавшихъ гамъ, ауканiе и наивнѣйшее веселiе.

„Шарикъ, Жучка! ахъ ты шельмецъ этакой!“ приласкивалъ собаку солдатъ, съ искреннѣйшимъ добродушiемъ, очевидно сосредоточивая на этой кудластой дворняшкѣ потребность въ привязанности, и совалъ ей кусокъ хлѣба. И не было никакой возможности разсердиться на него, хотя изъза этихъ „шариковъ“ и выходили распеканiя и непрiятности.

Приходили мы на мѣсто, откуда должна была начинаться рубка просѣки. Часть пѣхоты съ артиллерiей выдвигалась впередъ занимать какую нибудь опушку, разсыпала цѣпь и оставалась весь день для прикрытiя работъ; въ обѣ стороны на поляны выдвигались казаки; остальныя затѣмъ войска, составивъ ружья въ козлы, брались за топоры и по лѣсу раздавался стукъ тысячи топоровъ, трескъ валившихся деревьевъ, крики „берегись“, громкiй говоръ; разводились сотни костровъ, дымъ густыми столбами носился кругомъ, раздражая глаза. Не пройдетъ часу, впереди начинается перестрѣлка, сначала рѣдкая, одиночными выстрѣлами, потомъ чаще, чаще, вдругъ затрещитъ, загудитъ, раздастся гулъ пушекъ, звуки рожковъ, гики чеченцевъ, *ура!..* То стихаетъ, то опять усиливается, скачутъ адъютанты и ординарцы, несутся вдругъ маршъ-маршемъ нѣсколько сотъ казаковъ съ прыгающими по кочкамъ конными орудiями, происходитъ,

однимъ словомъ, одна изъ тѣхъ военныхъ сценъ, которыя волнуютъ, возбуждаютъ нервы, рвутъ человѣка въ бой, какъ звуки какого нибудь страусовскаго вальса увлекаютъ молодежь къ танцу, когда ноги какъ бы электризуются и неудержимо готовы пуститься по залѣ...

И досада-жъ брала меня въ такія минуты, когда нашъ баталіонъ былъ на рубкѣ и, вмѣсто участія въ бою, приходилось сидѣть у костра, или похаживать взадъ и впередъ около своей роты, понукая людей не развлекаться, дѣлать свое дѣло, и наблюдать, чтобы были осторожнѣе и не задавило человѣка сваленнымъ деревомъ,—что̀ иногда и случалось и доставляло ротному командиру не мало непріятностей. Когда же нашему баталіону была очередь находиться въ прикрытіи, милѣйшій мой баталіонеръ Б—скій былъ самъ не свой, не скрывалъ предо мною своего смущенія и совершенно терялся... Выходило же однако почти всякій разъ, что не такъ страшенъ былъ чортъ, какъ его малюютъ, и чеченцы оказывались далеко ниже своей старой репутаціи отчаянныхъ противниковъ въ лѣсу. Вели они въ этотъ походъ перестрѣлки какъ-то вяло, какъ будто для очистки совѣсти, не особенно насѣдали и довольствовались тѣмъ, чтобы произвести у насъ переполохъ, вызвать усиленную пальбу, подразнить насъ. Случалось большею частью такъ, какъ я уже описывалъ въ прежнихъ главахъ. Много шуму, трескотни, издали могло казаться, что идетъ отчаянный горячій бой, люди валятся сотнями, а кончалось дѣло нѣсколькими ранеными и то больше уже при нашемъ отступленіи, когда чеченцы, перебѣгая изъ-за одного дерева къ другому, сближались съ нашею цѣпью и стрѣляли почти въ упоръ, или когда мы уже выходили совсѣмъ на поляну, и цѣпь наша оставляла опушку, которую они тотчасъ занимали. Въ этихъ случаяхъ мы сейчасъ выдвигали артиллерію и картечью удаляли ихъ назадъ въ лѣсъ.

И нужно сказать, что въ то время, въ концѣ 1854 года, чеченцы упали духомъ. Начиная съ возстанія 1840 года,

въ первое время, ихъ энергія, отчаянная храбрость и ловкость въ лѣсной войнѣ выказались въ полномъ блескѣ; они наносили нашимъ отрядамъ не разъ сильныя потери и — не зачѣмъ скрывать — даже пораженія. Но въ теченіе четырнадцати лѣтъ безпрестанной борьбы, они уже потеряли многихъ лучшихъ людей, у нихъ мы отняли лучшія плодородныя земли, не мало ихъ переселилось къ намъ, ослабивъ количество враждебнаго населенія; обольщенія и заманчивыя надежды на изгнаніе русскихъ за Терекъ, щедро расточаемыя Шамилемъ, не только не сбывались, но очевидно становились химерой. Наша система просѣкъ, наступательныхъ дѣйствій зимою, разорявшая ихъ въ конецъ и заставлявшая бѣдствовать ихъ семейства, необходимость довольствовать своимъ хлѣбомъ приводимыя Шамилемъ изъ Дагестана полчища лезгинъ, не приносившихъ имъ однако никакой особенной пользы, слишкомъ строгое управленіе наибовъ, и терроръ, посредствомъ коего имамъ усиливался поддерживать чистоту мюридскаго ученія, все это вмѣстѣ сильно поколебало ихъ вѣру въ возможность успѣшной борьбы съ русскими. Съ каждымъ днемъ они становились слабѣе, а русскіе сильнѣе и опытнѣе въ войнѣ съ ними. Въ первые годы у нихъ было значительное преимущество въ кавалеріи, превосходившей нашу численностью, отчасти и качествами; въ пятидесятыхъ же годахъ отношеніе было совершенно обратное. Съ образованіемъ новыхъ казачьихъ поселеній, съ появленіемъ на театрѣ войны лихихъ полковъ линейныхъ казаковъ, несшихъ прежде большею частью только кордонную службу, нѣсколькихъ удалыхъ донскихъ командировъ, съумѣвшихъ довести своихъ донцовъ до замѣчательнаго молодечества, и наконецъ Нижегородскихъ драгунъ, — чеченской конницѣ, ослабѣвшей количественно отъ потери привольныхъ луговъ, уже не подъ силу было бороться съ нашею. Бывали времена, въ сороковыхъ годахъ, когда нѣсколько сотенъ нашихъ казаковъ, въ виду непріятельской конницы, приходилось загонять внутрь пѣхотной колонны, какъ въ ящикъ, а

теперь стоило только показаться коннымъ чеченцамъ, наши казаки неслись въ атаку и не только по чистому полю, но нерѣдко уже съ излишнимъ неблагоразуміемъ въ лѣсъ, въ аулъ, черезъ канавы, плетни, не обращая вниманія на преграды, и непріятельскіе всадники показывали немедленно тылъ, пуская съ необыкновеннымъ усердіемъ въ дѣло свои нагайки...

Да, времена уже очень тогда измѣнились и видно было достаточно ясно, что дни Чечни сочтены, если дѣйствія по принятой системѣ будутъ продолжаться еще нѣсколько лѣтъ съ достаточною энергіей.

Проведя цѣлый день на рубкѣ лѣса, то у костра, когда по мѣткому солдатскому выраженію „спереди Петровки, а сзади Рождество“, то бѣгая взадъ и впередъ, чтобы согрѣть ноги, то прикладываясь къ чаркѣ и закусывая, то болтая съ Толстовымъ, я бывалъ чрезвычайно доволенъ, заслышавъ звукъ барабана „отбой“. Бѣгомъ бросались солдаты къ ружьямъ, стукъ топоровъ мгновенно умолкалъ, фельдфебеля наскоро дѣлали повѣрку людямъ, всѣ нетерпѣливо ждали приказанія отступать, всѣмъ хотѣлось скорѣе въ лагерь, къ горячему борщу и палаткѣ. Часамъ къ пяти начиналось обратное движеніе, медленно, въ порядкѣ, съ готовыми цѣпями для поддержки прикрывавшаго баталіона. Иногда при этомъ происходила перестрѣлка пожарче, иногда слабѣе; если колонный начальникъ былъ солидный, старый опытный кавказецъ, все дѣлалось безъ особой суеты, безъ крику, спокойно; ну, а иной начиналъ суетиться, пороть горячку, маневрировать, безъ толку задерживая только людей, носиться взадъ и впередъ съ громкими приказаніями и очевиднымъ желаніемъ разыграть роль полководца на полѣ сраженія...

Одинъ только день выдался нѣсколько бо̀льшимъ боевымъ оживленіемъ. Непріятель очевидно получилъ подкрѣпленія людьми и пушками; по слухамъ, самъ Шамиль явился. Весь день во время рубки лѣса не умолкала горячая перестрѣлка и гремѣли пушечные выстрѣлы. Артиллерія непріятельская, скрытая

въ лѣсу, стрѣляла въ насъ ядрами, съ какимъ-то особымъ свистомъ проносившимися надъ нашими головами, изрѣдка шлепаясь въ размокшую почву между людьми и обдавая насъ брызгами грязи. При отступленіи, чеченцы съ гикомъ настойчиво насѣдали на арріергардную цѣпь; пули порядкомъ жужжали мимо ушей и пронизывали частые тонкіе прутья орѣшника. По мѣрѣ выхода нашего изъ лѣсу перестрѣлка по обыкновенію ослабѣвала, и только нѣсколько десятковъ конныхъ смѣльчаковъ еще провожали насъ своими выстрѣлами, улепетывая назадъ, какъ только замѣчали приготовленія нашихъ казаковъ броситься въ атаку. Усиленный огонь вызвалъ въ лагерѣ нѣкоторую тревогу, и оттуда были посланы намъ подкрѣпленія, бѣгомъ спѣшившія къ мѣсту рубки. Дѣло обошлось, впрочемъ, довольно благополучно, работа весь день продолжалась обычнымъ порядкомъ, и мы возвратились, имѣя съ десятокъ раненыхъ.

Такъ продолжалось до 19-го декабря. Тянувшіеся сплошною цѣпью по Джалкѣ семнадцать ауловъ съ огромными запасами были превращены въ груды пепла; дорога на нѣсколько верстъ непроходимаго густого лѣса была расчищена и уже не могла представить препятствія движенію небольшой колонны. Все чеченское населеніе, гнѣздившееся здѣсь, бѣжало дальше къ Чернымъ горамъ и бѣдствовало въ лѣсахъ, готовое переселиться къ намъ; удерживаемое лишь бдительнымъ надзоромъ шамилевскихъ наибовъ, оно выжидало удобнаго случая. Вскорѣ часть его прислала къ намъ просить содѣйствія, и подъ прикрытіемъ особой колонны, обезпечившей переправу черезъ Аргунъ, нѣсколько десятковъ семействъ дѣйствительно успѣло скрытно уйдти и поселились вблизи Грозной.

19-го числа весь отрядъ снялся съ позиціи и перешелъ къ крѣпости Воздвиженской, гдѣ и расположился лагеремъ на берегу Аргуна. Въ теченіе трехъ дней, уже описаннымъ порядкомъ, колонны ходили на такъ-называемую Шалинскую просѣку для ея расчистки отъ новѣйшихъ порослей. Нужно

сказать, что сила растительности на Чеченской плоскости изумительна: довольно двухъ-трехъ лѣтъ, чтобы широкая просѣка, самымъ тщательнымъ образомъ прорубленная, на которой кромѣ пеньковъ ничего не осталось, опять заросла частымъ орѣшникомъ до того, что съ трудомъ можно сквозь него пробираться. Естественно, что цѣль просѣкъ—свободное движеніе войскъ и лишеніе чеченцевъ возможности наносить намъ въ этихъ чащахъ пораженія — достигалась только періодическими, разъ въ два три года, расчистками свѣжихъ зарослей. А Шалинская просѣка была одною изъ важнѣйшихъ: она проходила, такъ-сказать, по самому сердцу Большой Чечни къ одному изъ значительнѣйшихъ ауловъ Шали, игравшему особую роль по относительной зажиточности своихъ жителей, по центральному положенію, по вліянію нѣсколькихъ муллъ и извѣстныхъ наѣздниковъ. Къ этому аулу нѣсколько разъ пробирались наши отряды, но на пути лежалъ большой лѣсъ, и проходъ черезъ него стоилъ не малыхъ жертвъ. Кромѣ того, Шамиль, понимая важное значеніе Шали и окружавшей его на нѣсколько верстъ плодородной поляны, устроилъ на протяженіи до полутора верстъ окопъ глубиной въ двѣ сажени; тылъ и фланги этого окопа примыкали къ густому, трудно проходимому лѣсу, а предъ фронтомъ оборона была усилена засѣками. Этими средствами онъ надѣялся преградить намъ доступъ къ Шали и чрезъ него дальше въ глубь самаго густого чеченскаго населенія, къ которому въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ ни съ какой другой стороны мы еще и не предполагали возможности проникнуть. Работа была дѣйствительно громадная, но никакой особенной пользы не принесла. Зимой 1851 года нашими молодцами окопъ этотъ былъ взятъ, по лѣсу прорублена просѣка и доступъ на Шалинскую поляну открытъ; а въ 1852 году чрезъ это представилась возможность двинуться отряду, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, дальше за Басъ, Шавдонъ, къ Гудермесу и со-

рвать завѣсу, скрывавшую до того отъ насъ эту часть непокорнаго края.

Расчищая эту Шалинскую просѣку въ концѣ 1854 года, мы хотя цѣлые дни и перестрѣливались съ непріятелемъ, но это уже не были тѣ отчаянныя драки, какія происходили здѣсь въ 1850—52 годахъ. Тогда чеченцы, поддерживаемые тысячными толпами, приводимыми изъ дальнихъ горскихъ обществъ, еще вѣрили въ возможность успѣшной борьбы и проявляли съ замѣчательною энергіей и смѣлостью свои качества природныхъ мѣстныхъ бойцовъ; успѣхи наши обходились довольно дорого; потери считались всякій разъ сотнями людей. Но за то съ тѣхъ поръ враги были сломлены. Палъ Шалинскій окопъ, русскія войска проникли въ самое сердце Большой Чечни, гордившейся своею неприступностью, запылали аулы, которыхъ со времени возстанія 1840 года не оскверняла нога гяуровъ; вмѣсто лихихъ набѣговъ, пришлось заботиться о собственной безопасности и каждую зиму спасаться въ дальніе лѣса отъ нашего нашествія. Плодородная плоскость, раздольное житье очевидно ускользали отъ нихъ; оставался выборъ между покорностью русскимъ или выселеніемъ въ трущобы, не представлявшія возможности безбѣднаго существованія. Наступилъ періодъ колебаній, и хотя борьба все еще продолжалась, болѣе подъ вліяніемъ страха предъ поселившимся вблизи Чечни въ Веденѣ грознымъ имамомъ, съ его вездѣ шнырявшими опричниками (муртазаками), но, какъ уже сказалъ я, далеко не съ прежнею энергіей и упорствомъ.

24-го декабря отрядъ былъ распущенъ на отдыхъ. Мѣстныя войска разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ, а наши, прибывшіе изъ Дагестана баталіоны ушли въ Грозную и размѣстились по квартирамъ и казармамъ. Здѣсь мы провели восемь дней, въ теченіе коихъ ничего особеннаго не случилось. Я перезнакомился со всѣми офицерами, составлявшими штабъ и свиту барона Врангеля, часто у нихъ бывалъ, что̀ какъ будто внушало милѣйшему моему баталіонеру еще

больше уваженія или расположенія ко мнѣ. Мы съ нимъ оставались все время въ наилучшихъ отношеніяхъ, и я рѣшительно отдыхалъ отъ тѣхъ нравственныхъ пытокъ, какія приходилось испытывать въ предшествовавшіе два съ половиною года въ 1-мъ баталіонѣ.

3-го января, вечеромъ, въ Грозную опять стали собираться баталіоны и казаки, а 4-го, чуть разсвѣло, мы уже выступили, и опять къ Аргуну. Между тѣмъ былъ распущенъ слухъ, что отрядъ идетъ въ противоположную сторону къ рѣкѣ Гойтѣ для рубки просѣки.

День былъ морозный, свѣтлый; солдаты шли весело, живой говоръ раздавался въ рядахъ. Кавалерія выступила раньше и была уже далеко впереди. Подходя къ Аргуну, мы услышали выстрѣлы и всѣ какъ-то невольно прибавили шагу, боясь опоздать. Подошли къ Джалкѣ; тянется рядъ недавно сожженныхъ ауловъ; кругомъ все мертво, уныло, галки стаями носятся надъ нами, оглашая воздухъ печальнымъ крикомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ картинѣ пожарища, разрушенія...

Въ разоренномъ аулѣ Эльдырханъ застали мы отдыхающую кавалерію, которая внезапнымъ появленіемъ разогнала въ паническомъ страхѣ часть населенія, успѣвшаго послѣ нашего ухода въ декабрѣ, возвратиться на свои пепелища, надѣясь кое-какъ провести остатокъ зимы и спасти хоть частицу неистребленныхъ запасовъ; нѣсколько человѣкъ, неуспѣвшихъ бѣжать и вздумавшихъ защищаться, были изрублены, нѣкоторые взяты въ плѣнъ.

Не давая опомниться изумленному, совсѣмъ не ожидавшему насъ здѣсь непріятелю, мы на другой день прошли густой труднопроходимый Ирзелинскій лѣсъ и стали на Шавдонѣ. Прямо предъ нами оказался значительный аулъ Марашъ, съ тянувшимися въ обѣ стороны отъ него по берегамъ топкаго Шавдона аульчиками, жители коихъ считали себя до нашего прихода вполнѣ безопасными. Въ Марашѣ видно было нѣсколько сотъ чеченцевъ, очевидно собравшихся

защищать свой аулъ, прикрытый высокимъ плетнемъ съ фронта и рощей частаго орѣшника съ обоихъ фланговъ. Можно было ожидать жаркаго дѣла. Однако стремительная атака казаковъ, понесшихся подъ командою генерала Бакланова по открытой полянѣ прямо на аулъ и двинутый въ обходъ баталіонъ Тенгинскаго полка заставили чеченцевъ, послѣ минутной перестрѣлки, скрыться въ лѣсъ.

Не успѣли мы оглянуться, аулъ уже пылалъ со всѣхъ концовъ, затрещали скирды и стога, дымъ густыми клубами поднялся кверху, вой убѣгавшихъ бабъ и ребятишекъ сливался съ лаемъ перепуганныхъ собакъ и кудахтаніемъ кружившихся надъ пламенемъ куръ. Потеря наша ограничилась нѣсколькими ранеными, да съ десятокъ убитыхъ лошадей было брошено казаками.

Въ этотъ день мнѣ впервые пришлось увидѣть въ дѣлѣ Якова Петровича Бакланова, донского казачьяго генерала, имя котораго уже нѣсколько лѣтъ повторялось по всему Кавказу и въ военныхъ кружкахъ Петербурга. Въ послѣдствіи онъ еще болѣе сталъ извѣстенъ своими дѣйствіями въ Азіятской Турціи и особенно подъ Карсомъ въ 1855 году; наконецъ, во время безпорядковъ въ Западномъ краѣ, гдѣ онъ командовалъ нѣсколькими донскими полками и успѣшно расправлялся съ разными бандами въ Литвѣ, его боевая извѣстность окончательно утвердилась.

На Лезгинской линіи и въ Дагестанѣ, уже по свойству самой мѣстности, кавалеріи предоставлялась большею частью второстепенная роль; къ тому же и бывшіе тамъ на службѣ донскіе казаки употреблялись почти исключительно для службы постовой, конвойной, разсыльной; многіе исполняли обязанности полицейскихъ служителей и не то конюховъ, не то лакеевъ. Въ Чечнѣ же, гдѣ кавалеріи постоянно выпадала дѣятельность чисто боевая и встрѣчи съ непріятелемъ, имѣвшимъ не мало лихихъ всадниковъ, донскіе казаки иногда не отставали отъ молодцовъ кавказскихъ линейцевъ и нерѣдко совершали подвиги, совершенно измѣнившіе

установившійся ложный взглядъ на утрату будто бы донцами прежней боевой удали. Здѣсь я убѣдился, что не донскіе казаки были виноваты, а мѣстныя условія, начальства и ближайшіе ихъ командиры.

Полки ихъ, попадавшіе въ Чечню, подъ командою такихъ офицеровъ, какъ Баклановъ, Ежовъ, Поляковъ и нѣкоторые другіе, показали—что̀ можно сдѣлать изъ донскихъ казаковъ. Когда подъ Марашемъ Баклановъ построилъ два полка въ колонны и съ командою „пики на перевѣсъ“ понесся маршъ-маршемъ по полянѣ къ аулу, изъ котораго прикрытый плетнемъ непріятель открылъ огонь, когда земля загудѣла подъ копытами тысячи стройно несшихся безъ выстрѣла всадниковъ, а дивизіонъ конныхъ орудій, гремя по мерзлой землѣ, скакалъ среди этой колонны и въ мгновеніе ока снялся съ передковъ у самой опушки, обдавъ ее картечью, тогда я понялъ какъ нелѣпо было представленіе, установившееся о донцахъ, какъ о возчикахъ „летучекъ“ и штабныхъ вьюковъ.

А самъ Баклановъ! Одной фигуры его было достаточно, чтобы воображенію представились тѣ атаманы-молодцы, которые ходили подъ Азовъ или на Кубань въ XVII столѣтіи, или наводили страхъ на европейскія войска въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Косая сажень въ плечахъ, красное карявое лицо, обросшее большими бакенами и усищами, голосъ какъ труба, въ морозъ и самый жестокій вѣтеръ въ одномъ своемъ синемъ чекменѣ съ нагайкой черезъ плечо, зачастую разстегнутый, съ виднѣющеюся красною рубахой, ѣдетъ онъ, бывало, на здоровомъ буромъ конѣ, впереди кавалеріи, съ трубкою въ зубахъ, смотря хмуро, сентябремъ, съ грубою рѣзкостью отдавая приказанія или отпуская непечатныя шуточки и остроты, поднимавшія громкій хохотъ въ ближайшихъ рядахъ. За нимъ его значокъ — подарокъ женскаго монастыря съ Дона: на черномъ полѣ бѣлая мертвая голова и надпись: „чаю воскресенія мертвыхъ“. —Уже одной этой наружности и обстановки довольно было, помимо его несомнѣнной лич-

ной храбрости и умѣнія распорядиться, чтобы создать ему славу незауряднаго витязя, не говоря о томъ, что такими эффектами легче всего дѣйствовать на пріѣзжіе, аристократическіе, столичные военные кружки, искавшіе поэзіи и оригинальныхъ картинъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ, нельзя было, конечно, не замѣтить, что покойный Яковъ Петровичъ былъ не прочь пустить пыль въ глаза, сдѣлать подчасъ изъ мухи слона, то-есть пустую перестрѣлку превратить въ жаркое дѣло, не жалѣть снарядовъ и артиллерійскихъ лошадей, заставляя при отступленіи по вспаханному полю тащить пушки *на отвозахъ* и катать картечью въ десятокъ чеченцовъ, дразнившихъ насъ безвредными пуканіями изъ своихъ винтовокъ... Но это ни чуть не уменьшало его достоинства какъ лихого кавалерійскаго генерала, умѣвшаго поставить казаковъ на подобающую имъ роль самой полезной, боевой конницы. Въ теченіе зимы съ 1854 на 1855 г., я имѣлъ случай сблизиться съ нимъ, заслужить его расположеніе, убѣдиться, что онъ былъ къ тому же человѣкъ разумный и себѣ на умѣ. Послѣ окончанія войны въ Азіятской Турціи, гдѣ онъ оказалъ не мало важныхъ заслугъ, новый главнокомандующій князь Барятинскій назначилъ его атаманомъ всѣхъ донскихъ полковъ на Кавказѣ, затѣмъ, какъ я уже упоминалъ, онъ былъ переведенъ въ Вильну, въ распоряженіе генералъ-губернатора Муравьева. Въ 1867 году я съ нимъ встрѣтился въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, откуда онъ, безо-всякаго назначенія, весьма недовольный возвратился на Донъ, гдѣ и умеръ, кажется въ 1871—72 г.

Въ послѣдующіе дни отрядъ двинулся, сжигая на пути аулы, хутора, истребляя громадное число всякаго рода запасовъ; кукурузы, проса, сѣна оказывалось такое множество, что тутъ я только понялъ, какъ справедливо было названіе Чечни *житницею* горцевъ. При этомъ прорубались черезъ всѣ лежавшіе по дорогѣ лѣса просѣки уже описаннымъ мною порядкомъ. Подоспѣвшія къ чеченцамъ подкрѣпленія вели съ нами безпрестанную перестрѣлку, пушки ихъ выпускали

десятки ядеръ, безъ особаго впрочемъ для насъ вреда. Двигались мы по направленію къ рѣкѣ Гудермесъ, на встрѣчу подходившему съ Кумыкской плоскости отряду барона Николаи.

6-го января поздно вечеромъ, помню, услыхали мы сильную пушечную пальбу и ружейные залпы, встревожившіе весь нашъ лагерь. Всѣ были убѣждены, что отрядъ барона Николаи подвергся ночной атакѣ и вѣроятно при движеніи въ какомъ-нибудь тѣсномъ, пересѣченномъ пространствѣ. Убѣжденіе это еще болѣе усилилось, когда вдругъ, неожиданно, непріятель подкрался къ ближайшему отъ насъ лѣсу и началъ стрѣлять по нашему лагерю изъ нѣсколькихъ орудій,— что заставило немедленно потушить всѣ огни. Я уже говорилъ о ночныхъ движеніяхъ, когда всякая мелочь принимаетъ увеличенные размѣры и воображеніе настраивается на тревожный ладъ, чуя большую опасность. То же нужно сказать и вообще о всякомъ ночномъ дѣлѣ, когда невольно всему придаются преувеличенные размѣры. Такъ и въ этотъ разъ всякому представилось, что происходитъ что-нибудь серьезное, что вѣроятно прибыли большія скопища горцевъ, остановившія слабѣйшую часть отряда, а остальныя обстрѣливаютъ насъ чтобъ удержать отъ движенія на помощь атакованнымъ.

При первыхъ выстрѣлахъ, мы выскочили изъ палатокъ, а когда просвистѣли надъ нашими головами нѣсколько ядеръ, мой бѣдный баталіонеръ порядочно-таки растерялся и сталъ ругать солдатъ и гнать ихъ въ палатки, особенно бранясь за то что люди стали смѣяться и отпускать разныя шуточки по поводу немѣткой стрѣльбы непріятельскихъ пушкарей. Я поторопился вполголоса уговорить его перестать бранить солдатъ, которыхъ приличнѣе ободрять въ такихъ случаяхъ, поддерживая въ нихъ такое похвальное безбоязненное отношеніе къ ядрамъ, а не смущать ихъ, выказывая боязнь... Онъ замолчалъ; но войдя со мною въ палатку, не удержался

отъ фразы, которая вполнѣ характеризуетъ человѣка, прослужившаго однако тридцать лѣтъ въ рядахъ арміи.

— Ну, не варвары ли этотъ народъ: въ нихъ стрѣляютъ ядрами, а они смѣются. Дикари!

Я воспользовался своими хорошими отношеніями къ нему и высказалъ ему, не стѣсняясь, всю фальшь и неумѣстность его взгляда.

— Да, да, вы правы, сказалъ онъ мнѣ. — Вѣдь я говорилъ вамъ, что я вовсе не военный человѣкъ и никакой наклонности къ этой службѣ не имѣю. Кончится война — подамъ въ отставку.

По крайней мѣрѣ нельзя было упрекнуть человѣка въ недостаткѣ откровенности...

Черезъ нѣкоторое время стрѣльба умолкла. Въ лагерѣ воцарилась тишина. Утромъ загадка разрѣшилась: 6-го января, въ день Крещенія, бываетъ полковой праздникъ Кабардинскаго полка, изъ батальоновъ коего и состояла колонна ихъ полкового командира барона Николаи. Вотъ они, расположившись на позиціи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, и отпраздновали по кавказскому обычаю: кутнули порядкомъ и сопровождали тосты залпами...

На другой день мы продвинулись дальше и на рѣкѣ Гудермесѣ сошлись съ ними. Начатый наканунѣ кутежъ еще не совсѣмъ окончился; явилась депутація пригласить начальника отряда барона Врангеля на закуску. Съ нимъ пошли и нѣсколько человѣкъ офицеровъ, приглашенныхъ ото всѣхъ баталіоновъ, въ томъ числѣ и я. Никакія отнѣкиванія не помогли, и подвыпили мы у Кабардинцевъ таки порядочно. Тутъ я въ первый разъ познакомился съ этимъ молодецкимъ изъ молодецкихъ старыхъ кавказскихъ боевыхъ полковъ, не думая еще, что вскорѣ судьба кинетъ меня и совсѣмъ въ его среду. Особенно запечатлѣлось у меня въ памяти знакомство тогда съ однимъ изъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитаномъ Василіемъ Александровичемъ Гейманомъ, извѣстнымъ впослѣдствіи героемъ Арда-

гана и Девебойну, къ сожалѣнію безвременно унесеннымъ въ могилу тифомъ.

Пройдя затѣмъ къ укрѣпленію Умаханъ-юртъ, около котораго разбили лагерь, соединенные отряды въ теченіи недѣли рубили просѣку, окончательно открывшую возможность свободнаго движенія войскамъ между Грозною и Кумыкскою плоскостью и лишили массу чеченскаго населенія весьма значительной полосы плодороднѣйшей сѣверной части Чеченской долины, которую они уже вынуждены были оставить и выселиться дальше къ горамъ, или перейти на жительство въ покорные намъ аулы, и такимъ образомъ мы удаляли отъ Сунжи и своихъ сообщеній непокорное населеніе, постоянно угрожавшее хищническими набѣгами.

Морозы стояли сильные: доходило до 17°, снѣгу выпало тоже порядочно, жизнь въ палаткахъ и вообще служба была не изъ легкихъ, хотя, благодаря обилію лѣса, костры не потухали и случаевъ обмороженія я не помню.

Въ одинъ изъ этихъ дней баталіонъ нашъ былъ не на очереди и оставался въ лагерѣ. Пообѣдавъ съ Толстовымъ, мы вышли изъ палатки и прогуливались взадъ и впередъ, разсуждая о близившемся окончаніи похода и перспективѣ возвращенія въ опротивѣвшій намъ Дагестанъ. Я высказалъ ему мою рѣшимость на другой же день отправиться въ штабъ и попытаться выпросить себѣ переводъ въ Кабардинскій или Куринскій полкъ. Онъ въ свою очередь чуть не со слезами на глазахъ сталъ упрашивать меня не оставлять его на жертву въ Дагестанскомъ полку, гдѣ безъ меня ему просто погибать придется.

Во время этого разговора, когда, признаться сказать, меня брало полнѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ предположеннаго ходатайства о переводѣ, подходитъ казачій урядникъ, ординарецъ, и спрашиваетъ: „гдѣ здѣсь Дагестанскаго полка поручикъ Зиссерманъ?“

— А что̀ тебѣ нужно? говорю;—я поручикъ Зиссерманъ.

— Такъ пожалуйте къ начальнику отряда, барону Рангелю.

Мы съ Толстовымъ только вопросительно взглянули другъ на друга, недоумѣвая зачѣмъ меня требуютъ и боясь даже высказать невольно радостную догадку о возможности быть взятымъ въ штабъ.

Я поспѣшилъ привѣсить шашку, оправиться и пошелъ къ штабнымъ палаткамъ. Смотрю: баронъ Врангель ходитъ взадъ впередъ у своей ставки. Я подошелъ и явился по принятой формѣ.

— А, здравствуйте. Я посылалъ за вами, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе. Отрядъ скоро будетъ распущенъ, баталіоны ваши уйдутъ въ Дагестанъ—не желаете-ли остаться здѣсь, при моемъ штабѣ?

Мое волненіе, моя радость были такъ сильны, что я съумѣлъ только поклониться...

Сейчасъ же было послано письменное приказаніе Б—скому о моемъ откомандированіи и назначеніи офицера для принятія отъ меня роты.

— А что̀, воскликнулъ Антонъ Ивановичъ,—не говорилъ я, что такъ будетъ, не предчувствовалъ я, что намъ не дадутъ съ вами долго послужить? Вотъ такъ всегда меня преслѣдовала судьба: какъ только попадетъ ко мнѣ въ баталіонъ хорошій офицеръ, тотчасъ его въ полковой штабъ или куда-нибудь въ адъютанты!

— Очень вамъ благодаренъ и за преувеличенное доброе мнѣніе, и за расположеніе; но я такъ радъ, что готовъ, кажется, въ присядку пуститься. Желаю вамъ всего лучшаго въ Дагестанѣ, желаю вамъ самыхъ лучшихъ ротныхъ командировъ. Дастъ Богъ, еще увидимся.

Спасибо Б—скому: и поздравилъ онъ меня, и пожеланій всякихъ, и предсказаній блестящей будущности не поскупился онъ высказать самымъ искреннимъ образомъ. Затѣмъ тотчасъ назначилъ офицера принять отъ меня роту, приказавъ ему ограничиться самымъ наружнымъ, форменнымъ пріе-

момъ: „я беру на себя отвѣтственность, если бы чего нибудь не доставало“, прибавилъ онъ.

На другое же утро я перебрался въ отрядный штабъ, гдѣ былъ самымъ дружескимъ образомъ встрѣченъ и старымъ знакомымъ, адъютантомъ барона Врангеля Зозулевскимъ, и другими штабными. Сейчасъ же началась другая служба, другія отношенія, другія впечатлѣнія и взгляды на дѣло.

Одною изъ первыхъ моихъ просьбъ къ новому моему снисходительно-добрѣйшему начальнику была просьба о переводѣ въ одинъ изъ полковъ лѣваго фланга Толстова, исторію коего я разсказалъ вкратцѣ. Баронъ приказалъ мнѣ вытребовать его и представить ему на смотръ, что̀ я, само собою, тотчасъ и исполнилъ.

Толстовъ явился молодцомъ, вполнѣ походнымъ солдатомъ, бойко отвѣтилъ на всѣ вопросы, стоялъ и поворачивался по уставу. Когда онъ ушелъ, баронъ приказалъ мнѣ передать дивизіонному адъютанту, чтобъ отдалъ приказъ по дивизіи о переводѣ Толстова въ Кабардинскій полкъ. О его восторгѣ распространяться нечего.

Послѣдніе два-три дня похода я уже фигурировалъ въ числѣ слѣдовавшей за начальникомъ войскъ свиты адъютантовъ и ординарцевъ, скакалъ въ разныя стороны для передачи приказаній или собранія свѣдѣній и т. п. Къ этому присоединилось особое порученіе: явиться къ полковнику Рудановскому и состоять при немъ въ качествѣ помощника на время занятій его по составленію реляціи о послѣднихъ дѣйствіяхъ отряда. Помощь моя, впрочемъ, выразилась тѣмъ, что Р—скій поручилъ мнѣ наблюсти за исправною перепиской писаремъ его сочиненій. Самъ же, какъ кровный офицеръ генеральнаго штаба, наморщивъ чело, сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ и мнилъ себя творцомъ знатной эпопеи...

14-го января 1855 года отрядъ совершенно закончилъ свои дѣйствія, и мы чрезъ Старый-юртъ возвратились въ Грозную; а дагестанскій баталіонъ, съ которымъ я распро-

щался самымъ дружелюбнымъ образомъ, послѣ дневки, ушелъ назадъ въ свои Ишкарты, 16-го числа.

Съ прибытіемъ въ Грозную, я попалъ въ совершенно новый міръ, само собою, говорю, „міръ“ въ тѣсномъ, служебномъ смыслѣ этого слова. Этотъ періодъ моихъ кавказскихъ служебныхъ похожденій имѣлъ для меня самыя важныя послѣдствія: я былъ брошенъ на дорогу, на которой суждено было мнѣ встрѣтиться и очутиться въ ближайшихъ соприкосновеніяхъ со всѣми кавказскими высшими, наиболѣе выдававшимися дѣятелями новѣйшей, интереснѣйшей эпохи покоренія края; я попалъ въ самый водоворотъ тогдашнихъ кавказскихъ событій, что и дало мнѣ возможность къ болѣе близкому знакомству съ самимъ краемъ и съ разными условіями, вліявшими на ходъ военныхъ и административныхъ дѣлъ. Однимъ словомъ, горизонтъ расширился, и мнѣ открылся самый просторный видъ, не всякому, въ скромныхъ чинахъ находящемуся человѣку доступный...

LVII.

Въ Грозной началась для меня совершенно новая жизнь—жизнь „штабнаго“. Попасть изъ фронтовыхъ офицеровъ въ штабные — все равно — что изъ чернорабочаго въ барина. Вся тягость службы, всѣ лишенія военно-походной жизни, вся оборотная сторона медали разомъ стряхиваются и замѣняются разными удобствами, льготами, почетомъ, конечно, относительными. Поручикъ во фронтѣ—весьма мелкая сошка, которую никто не замѣчаетъ, которою всѣ помыкаютъ, предъ которымъ баталіонный командиръ величина весьма значительная, полковой—недосягаемая, о генералахъ и говорить нечего. Тотъ же поручикъ, попавъ въ „штабные“, сразу превращается въ другого человѣка: и баталіонные, и полковые командиры, и даже генералы становятся его *знакомыми*; его посѣщаютъ, вступаютъ съ нимъ въ любезные неслужебные разговоры, въ немъ многіе даже просто заискиваютъ,

хотя въ сущности онъ, по своему положенію, ничего никому ни удружить, ни повредить не въ состояніи... Такъ ужь искони велось, а вѣроятно и теперь ведется.

Занятія мои ограничивались ежедневнымъ пребываніемъ у начальника лѣваго фланга кавказской линіи генерала барона А. Е. Врангеля въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, причемъ приходилось или написать какое-нибудь полуоффиціальное письмо, или исполнить какое-нибудь приказаніе: послать за кѣмъ-нибудь, навести въ штабѣ какую-нибудь справку, и т. п., что̀ вообще исполняется личными адъютантами. Затѣмъ оставалось много свободнаго времени, уходившаго преимущественно на посѣщенія знакомыхъ семействъ, которыхъ въ Грозной было не мало.

Крѣпость Грозная построена А. И. Ермоловымъ въ 1818 году, на лѣвомъ берегу рѣки Сунжи. Она была основаніемъ прочнаго подчиненія намъ всей Чечни; въ ней сосредоточивалась военно-административная сила, удерживавшая впереди лежащій край въ покорности. Въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, если не считать мелкихъ хищническихъ дѣйствій, да нѣсколькихъ частныхъ попытокъ возстаній, довольно легко усмиренныхъ, чеченцы не выказывали особой враждебности и жили смирно. Если бы воспользовались этимъ продолжительнымъ періодомъ для большаго упроченія нашей власти, еслибъ устроили сносные пути сообщенія, обезпечили себѣ переправы черезъ Терекъ и Сунжу, ввели бы болѣе дѣйствительный административный надзоръ въ главнѣйшихъ аулахъ, позаботились бы хоть о кой-какомъ развитіи промышленности, завели бы хоть одну школу, привлекая въ нее сыновей болѣе вліятельныхъ туземцевъ для изученія русскаго языка и ознакомленія съ основаніями благоустроенныхъ обществъ, да сами старались бы знакомиться со страной и ея населеніемъ, то, быть-можетъ, въ описываемое мною время Грозная имѣла бы совсѣмъ другой характеръ, болѣе мирный, гражданскій. Но ничего этого сдѣлано не было, вѣрнѣе сказать—многое и не могло быть сдѣлано по совершенному недостатку средствъ,

отсутствію правильной обдуманной системы и частой перемѣнѣ главныхъ начальствующихъ лицъ, дѣйствовавшихъ каждый по своему усмотрѣнію и, какъ водится, чаще всего на перекоръ своему предшественнику. Къ этому присоединились еще нѣкоторыя ошибки и даже злоупотребленія, обнаружившіяся особенно послѣ Ахульгинской экспедиціи и назначенія начальникомъ лѣваго фланга генералъ-маіора А. П. Пулло, при коемъ приступлено къ обезоруженію туземцевъ—и все это вызвало въ наслееніи Чечни крайнее раздраженіе. Этимъ воспользовался Шамиль, и въ 1840 году вспыхнуло здѣсь общее возстаніе, котораго подавить въ началѣ мѣстными средствами не было возможности; а двинутый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ этою цѣлью болѣе значительный отрядъ генерала Галафѣева потерпѣлъ въ лѣсныхъ чащахъ пораженіе, доставивъ возставшимъ чеченцамъ и ихъ новому предводителю Шамилю случай полнаго торжества надъ нами. Возгорѣлась упорная война, оконченная лишь чрезъ двадцать лѣтъ на Гунибѣ плѣненіемъ Шамиля.

Подробности этихъ событій не относятся къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ и я коснулся ихъ только вскользь, чтобы читатель могъ уяснить себѣ значеніе Грозной, какъ центра всѣхъ военныхъ операцій, совершавшихся два десятка лѣтъ, съ цѣлью покоренія Чечни. Изъ небольшой крѣпостцы временъ Ермолова, она въ мое время превратилась въ обширный военный городъ, кишащій войсками всѣхъ родовъ оружія, съ большими магазинами, складами, госпиталями и довольно значительнымъ числомъ торговыхъ заведеній.

Жизнь въ крѣпости Грозной была довольно шумная и веселая; по всякому поводу давались обѣды, затѣвались кутежи; танцовальные вечера были очень часты, а азартная картежная игра, и довольно крупныхъ размѣровъ, процвѣтала; дамское общество было очень милое, вполнѣ соотвѣтствовавшее военно-походному тону и сопряженнымъ съ нимъ нравамъ, не имѣющимъ, само собою, и тѣни чего-нибудь пуританскаго... Жили, однимъ словомъ, легко, безъ особыхъ за-

ботъ, о матеріяхъ важныхъ. Если отъ текущихъ мелкихъ дневныхъ приключеній и развлеченій случалось отвлечься, то развѣ для разговоровъ о минувшихъ и будущихъ экспедиціяхъ, о томъ кто будетъ назначенъ новымъ главнокомандующимъ на мѣсто князя Воронцова, уже годъ тому назадъ выѣхавшаго изъ края, и о разныхъ неизбѣжныхъ перемѣнахъ, такъ или иначе отзывавшихся и на насъ, мелкихъ сопричастникахъ дѣятельности; гораздо рѣже говорилось о ходѣ дѣлъ подъ Севастополемъ, вообще о тогдашнемъ положеніи Россіи: отсутствіе гласности, газетъ, представленныхъ однимъ *Русскимъ Инвалидомъ*, отсутствіе въ большинствѣ общества, особенно военнаго, всякаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, выходящимъ изъ ближайшаго тѣснаго круга его служебной дѣятельности, дѣлало насъ невольно индифферентными ко всему, даже къ такой великой злобѣ дня, какова была тогда борьба съ коалиціей, сопровождавшаяся неудачами. Мы, какъ и подобаетъ военнымъ людямъ, постоянно пребывавшимъ на боевомъ положеніи, закаленнымъ въ опасностяхъ, впрочемъ, ничуть не унывали и вѣрили въ силу Россіи: одолѣли же мы Европу въ 1812 году, не взирая на геній Наполеона, на такихъ генераловъ, какъ Даву, Ней, Сенъ-Сиръ, одолѣемъ и теперь. Всѣ разсужденія сводились у насъ къ такому заключенію. Мы тѣмъ болѣе вѣровали въ нашу непобѣдимость, что предъ глазами у насъ были ближайшіе примѣры: пораженіе турокъ княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Кюрюкъ-Дара, когда горсти кавказскихъ героевъ разбивали наголову вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. 1855 годъ былъ еще въ началѣ: скорбные дни Севастополя, Ѳедюхиныхъ высотъ и кровавой неудачи подъ Карсомъ были еще впереди; увѣренности нашей еще ничто не колебало...

Время проходило безъ особыхъ приключеній и лично для меня весьма пріятно, благодаря главнѣйше неисчерпаемой добротѣ и любезности нашего главнаго начальника барона А. Е. Врангеля. Наконецъ, получены извѣстія, что главнокомандующимъ назначенъ генералъ Муравьевъ, старый кавказецъ

временъ Ермолова и Паскевича. Извѣстіе это произвело впечатлѣніе непріятное: почему, на чемъ основывалось оно—я объяснить не могу; я никого не помню изъ находившихся тогда среди насъ, который бы лично зналъ Н. Н. Муравьева и какими-нибудь отзывами не въ его пользу могъ возбудить неудовольствіе; не было и какихъ-нибудь особыхъ ходячихъ слуховъ не въ его пользу; а между тѣмъ, почти инстинктивно, никто не только не радовался, но даже не относился равнодушно къ этому назначенію: „ну, начнется ремешковая служба, лямку тянуть будемъ“—былъ общій говоръ. Когда же стали доходить слухи, что главнокомандующій уже пріѣхалъ въ Ставрополь, посѣтилъ нѣкоторыя укрѣпленія и штабъ-квартиры, вездѣ распекая, повѣряя расходы людей, входя въ разныя мелочи, натоняя, однимъ словомъ, страхъ велій, до такой степени, что этому даже приписывали смерть начальника резервной дивизіи генералъ-лейтенанта Варпаховскаго, (это, впрочемъ, оказалось басней),—общее смущеніе и недовольство распространилось еще болѣе.

Путешествіе генерала Муравьева по Кавказской линіи продолжалось довольно долго, такъ что во Владикавказъ онъ прибылъ, кажется, чрезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Ставрополь. Баронъ Врангель отправился туда навстрѣчу главнокомандующему, и оттуда уже вмѣстѣ съ нимъ, по Сунженской линіи, чрезъ крѣпость Воздвиженскую, прибыли въ Грозную.

Впереди уже неслись слухи о различныхъ неудовольствіяхъ, вслѣдствіе дѣлаемыхъ барону замѣчаній, которыя тотъ не оставлялъ безъ возраженій, къ крайнему огорченію временно-командовавшаго тогда на Кавказской линіи генерала Викентія Михайловича Козловскаго, тоже стараго ветерана временъ ермоловскихъ, храбраго и добраго человѣка, но не обширнаго ума и недостаточно самостоятельнаго. Почтеннѣйшій Викентій Михайловичъ разными знаками и дерганіемъ за полы сюртука старался удерживать барона Врангеля отъ возраженій, но напрасно... „Баронъ Александръ Евстафьевичъ, какъ, вы

раздражаете, какъ, главнокомандующаго, какъ...“—Все предвѣщало неладный исходъ этихъ недоразумѣній, и мы, болѣе близкіе къ барону люди, стали предчувствовать возможность перемѣнъ.

Къ пріѣзду главнокомандующаго, по обыкновенію, былъ выстроенъ почетный караулъ, ординарцы и длинный рядъ офицеровъ, не во фронтѣ состоящихъ. Покончивъ съ первыми, выразивъ легкое неудовольствіе генералу Бакланову за то, что ординарцы-казаки не умѣли исполнить какой-то мудреной кавалерійской команды „вольтъ направо“ (странное требованіе отъ донскихъ казаковъ на Кавказѣ! Этого, безъ сомнѣнія, и нижегородскіе драгуны не съумѣли бы сдѣлать, хоть и ходили героями въ атаку на турецкія каре), Н. Н. Муравьевъ подошелъ къ офицерамъ, которыхъ баронъ называлъ ему по имени. По наружности, по голосу, я уже замѣтилъ, что баронъ Врангель не въ духѣ, онъ даже ошибался въ фамиліяхъ или не тотчасъ вспоминалъ иного офицера. Дошла очередь до меня.

— Поручикъ Дагестанскаго полка... Но фамилія не давалась сразу, и я поспѣшилъ сказать.

— Этотъ же зачѣмъ здѣсь у васъ? обратился главнокомандующій къ барону Врангелю.

— Жалонерный офицеръ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, помилуйте, какой вамъ здѣсь жалонерный офицеръ нуженъ! Развѣ вы дивизіонныя ученія производите?

Понятно, что подобное замѣчаніе, въ присутствіи всѣхъ подчиненныхъ, не могло не оскорбить генерала, главнаго мѣстнаго начальника. Хотя, положимъ, въ жалонерномъ офицерѣ дѣйствительно никакой надобности не предстояло и это званіе было мнѣ присвоено формальности ради, но какая особенная бѣда или какое злоупотребленіе заключалось въ томъ, что начальникъ дивизіи прикомандировалъ къ своему штабу офицера изъ подчиненнаго ему полка? И развѣ подобное замѣчаніе нельзя было сдѣлать послѣ, наединѣ, безъ оскорбленія самолюбія начальника предъ подчиненными? Тогда баронъ

Врангель, не будучи подъ впечатлѣніемъ раздражительности, могъ бы объяснить, что не можетъ обходиться двумя штатными адъютантами и встрѣчаетъ недостатокъ въ довѣренныхъ офицерахъ, для исполненія массы разнородныхъ порученій на пространствѣ обширнаго района и т. д.

Съ своей стороны, я, при сказанныхъ словахъ главнокомандующаго, жестоко струсилъ. „Кончено, думаю себѣ, велитъ тотчасъ отправить обратно въ полкъ“; а самая мысль о такой отправкѣ приводила меня въ отчаяніе. „О, Господи, неужели опять въ Ишкарты или Чиръ-юртъ, въ лапы какого нибудь Б.!

Якорь спасенія нашелъ я только въ пріѣхавшемъ съ новымъ главнокомандующимъ П. Н. Броневскомъ, бывшемъ моимъ полковымъ командиромъ, а теперь опять полковникомъ генеральнаго штаба и корпуснымъ оберъ-квартирмейстеромъ, который, во время возникшаго по моему поводу эпизода, стоя позади Муравьева, улыбался. Помня его вниманіе къ моей службѣ въ полку, я надѣялся на его помощь, и я не ошибся. Послѣ смотра я поспѣшилъ ему представиться, разсказалъ какимъ образомъ попалъ въ Грозную, разсказалъ и о всѣхъ невзгодахъ, вынесенныхъ въ полку послѣ его отъѣзда, и просилъ содѣйствія въ случаѣ главнокомандующій приказалъ бы отправить меня въ полкъ. П. Н. обѣщалъ мнѣ это, присовокупивъ, что едва ли въ немъ представится надобность. И дѣйствительно, я былъ забытъ, къ большому моему удовольствію.

Дальнѣйшее пребываніе Н. Н. Муравьева въ Грозной, въ теченіи двухъ-трехъ дней, было рядомъ однородныхъ дѣйствій, носившихъ на себѣ характеръ большой мелочности, возводимой въ нѣчто, имѣющее государственную важность. Прибывъ на Кавказъ въ началѣ 1855 года, въ такое критическое время, послѣ цѣлаго года междуначалія (иначе нельзя назвать временное завѣдываніе Кавказомъ генерала Реада), генералъ Муравьевъ не спѣшилъ въ Тифлисъ, гдѣ его ожидали самонужнѣйшія военныя и гражданскія дѣла и

гдѣ онъ могъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о положеніи всѣхъ отраслей обширнаго, незнакомаго ему управленія. Въ теченіи пяти-шести недѣль, употребленныхъ на переѣздъ отъ Ставрополя до Тифлиса, онъ заѣзжалъ, какъ уже сказано, въ разныя мелкія укрѣпленія и занимался, между прочимъ, повѣркою списочнаго состоянія людей въ ротахъ, входилъ въ изслѣдованія, зачѣмъ допускаются такіе расходы людей какъ воловщики, угольщики, и т. п., находилъ все это не только лишнимъ, но противузаконнымъ, между тѣмъ какъ на Кавказѣ, по мѣстнымъ условіямъ, войска не могли существовать безъ собственнаго полнаго хозяйства, и слѣдовательно должны были отряжать для этого нужныхъ людей. Не довольствуясь списками, главнокомандующій приказывалъ выводить роты, повѣрялъ людей, входилъ въ словесныя разъясненія съ ротными и баталіонными командирами, вгонялъ ихъ въ лихорадочное состояніе, при которомъ эти господа, вообще не одаренные большимъ даромъ слова и смѣлостью говорить съ начальствомъ, совершенно терялись, не могли дать нужныхъ объясненій и какъ бы оправдывали подозрѣнія и обвиненія генерала.

Трудно теперь вспомнить всѣ различные случаи, вызывавшіе и общее неудовольствіе, и недоумѣніе. Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, сохранившихся въ моей памяти, по которымъ всякій легко можетъ видѣть, что Н. Н. Муравьевъ въ эту эпоху поступалъ какъ бы въ разладъ со своимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ. Не должно забывать, что рѣчь идетъ не объ обыкновенномъ какомъ-нибудь генералѣ, бригадномъ или дивизіонномъ начальникѣ, или даже корпусномъ командирѣ, внутри Россіи, въ мирное время инспектирующемъ свои части; говорится о намѣстникѣ Кавказскомъ, облеченномъ почти царскою властью въ огромномъ краѣ, съ четырехъ съ половиною милліоннымъ разноплеменнымъ населеніемъ, треть коего была не покорна и стояла противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ краѣ, граничащемъ съ двумя главнѣйшими мусульманскими государствами, съ

однимъ изъ коихъ мы были въ войнѣ; говорится о главнокомандующемъ большой полуторастатысячной арміи, разбросанной на громадныхъ тысячеверстныхъ разстояніяхъ, среди исключительныхъ мѣстныхъ условій. Это большая разница, и Н. Н. Муравьевъ очевидно не сразу овладѣлъ своею ролью, не сразу сталъ на высоту взглядовъ, соотвѣтствовавшихъ его новому званію; онъ все еще оставался въ роли командира корпуса внутри Россіи, гдѣ кругъ дѣятельности ограничивался чисто фронтовыми задачами и гдѣ, въ тѣ времена въ особенности, считалось великою заслугой за мелочами забывать о важнѣйшемъ... Не должно забывать также, что Кавказъ, его полититическія и военныя условія, вырабатывали изъ войскъ своеобразные типы, далеко не подходившіе къ типамъ гренадерскаго корпуса, расположеннаго въ Новгородской губерніи, гдѣ Н. Н. Муравьевъ до назначенія на Кавказъ могъ быть увѣреннымъ не встрѣтить критической оцѣнки своимъ дѣйствіямъ. Принципъ слѣпого повиновенія войскъ тутъ ни при чемъ; и тѣ же кавказскія войска, смѣвшія свое сужденіе имѣть, по приказанію Муравьева, шли на штурмъ Карса—разбивать толстые брустверы укрѣпленій своими руками, ложились тысячами и отступали только по приказанію его же. Способность и навыкъ критически относиться къ разнымъ распоряженіямъ не мѣшали исполнять приказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали много людей, оказавшихся способными для самостоятельной дѣятельности, и доказывали присутствіе жизненнаго элемента тамъ, гдѣ въ прочихъ частяхъ арміи господствовала тупая оцѣпенѣлость. Н. Н. Муравевъ, какъ образованный, ученый человѣкъ, долженъ бы сочувствовать подобному направленію, его должно бы радовать, что онъ найдетъ среди подчиненныхъ людей не исключительно пѣшекъ, а мыслящихъ, способныхъ къ обсужденіямъ, что войска его не просто стѣнобитная машина, механически двигающаяся по данному толчку, а живые люди, воодушевленные энтузіазмомъ, честолюбіемъ, умѣющіе примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, къ характеру противника, и т. п.

Казалось бы. такъ. а между тѣмъ во всемъ, что̀ онъ ни дѣлалъ, обнаруживалось совсѣмъ иное.

Молчать, дрожать, не разсуждать, ни о чемъ не думать кромѣ службы (въ ограниченномъ смыслѣ слова), жить чуть не аскетами, на награды и повышенія не разсчитывать, однимъ словомъ — превратиться въ какой-то суровый легіонъ спартанцевъ, окруженный мрачнымъ, сѣрымъ міромъ, безъ малѣйшей улыбающейся надежды впереди — вотъ, казалось, что̀ желалъ генералъ Муравьевъ сдѣлать изъ кавказской арміи, этой веселой, поэтической, беззаботной, полной одушевленія, жаждавшей сильныхъ ощущеніи арміи, окруженной прекрасною, южною, солнечною природой, шумными потоками, живописными ущельями! Смѣющійся Кавказъ превратить въ угрюмую Новгородскую губернію!

Напримѣръ, во Владикавказѣ главнокомандующій смотрѣлъ какой-то резервный баталіонъ; всѣ ружейные пріемы, построенія и маршировка были сдѣланы отлично; смотръ кончился, скомандовали „къ ногѣ", что̀ всегда уже означало передышку, отдыхъ, хотя по уставу слѣдовало еще скомандовать: „стоять вольно"; но одинъ или двое изъ солдатъ, не дождавшись этой команды, кашлянули или чихнули. За это Н. Н. Муравьевъ приказалъ всему баталіону взять на плечо и продержалъ его такимъ образомъ цѣлый часъ, что̀ крайне мучительно для людей. Обратясь къ присутствовавшему тутъ же барону Врангелю, Муравьевъ спросилъ его:

— Ну, какъ вы находите баталіонъ?

— Послѣ того какъ вы остались имъ недовольны, отвѣтилъ баронъ Александръ Евстафьевичъ,—мнѣ уже не приходится высказывать свое мнѣніе.

— Нѣтъ, прошу васъ сказать откровенно ваше мнѣніе.

— По-моему, баталіонъ отличный.

— Да, но шевелится во фронтѣ; тогда какъ баталіонъ долженъ быть какъ „мертвый".

Подъѣзжая изъ Владикавказа, по дорогѣ въ Воздвиженскую, къ станицѣ Самашкинской, Муравьевъ спросилъ у

барона, какія войска тамъ расположены, и получивъ въ отвѣтъ, что 1-й баталіонъ Кабардинскаго полка, предложилъ вопросъ:

— Что̀, это хорошій баталіонъ?

— Отличный.

— А во фронтѣ стоитъ какъ мертвый?..

— Если прикажете—будетъ мертвый, отвѣтилъ баронъ Врангель. Тотчасъ послали впередъ верхового предупредить баталіоннаго командира.

И дѣйствительно, баталіонъ представился „какъ мертвый“... Между тѣмъ нужно знать, что Кабардинскій полкъ, представитель чистаго типа кавказскихъ войскъ, извѣстный своимъ геройствомъ въ дѣлахъ, щеголялъ своею старою боевою славой, своимъ увлекательнымъ воинственнымъ духомъ и какою-то особою, нѣкоторымъ лишь старымъ кавказскимъ полкамъ свойственною выправкой, заключавшеюся именно въ томъ, что онъ не былъ *мертвымъ*, а дышалъ отвагой, силой, былъ исполненъ воодушевленія, написаннаго на всѣхъ лицахъ, выражавшагося и въ особенной манерѣ встрѣтить начальника привѣтственными кликами, не сухими, форменными, а радостно оглашавшими воздухъ и возбуждавшими во всѣхъ удовольствіе. Полкъ привыкъ встрѣчать князя Воронцова, князя Барятинскаго, генераловъ Козловскаго, Врангеля и другихъ водившихъ ихъ въ горячій бой съ одушевленіемъ, увѣренный въ привѣтѣ, въ благодарности, въ поощреніи, а не съ требованіемъ быть *мертвымъ*. Понятно, что впечатлѣніе, произведенное новымъ главнокомандующимъ, не могло быть особенно пріятнымъ...

Въ крѣпости Воздвиженской встрѣтили главнокомандующаго жители ближайшихъ покорныхъ чеченскихъ ауловъ со своимъ наибомъ (старшиной). Вмѣсто привѣтствій или какого-нибудь вопроса о ихъ житьѣ-бытьѣ, Муравьевъ обратился прямо къ наибу съ словами: „Я не князь Воронцовъ, пріѣзжавшій къ вамъ съ подарками; я отъ васъ службы потребую“.

— Мы не за подарками явились, отвѣтилъ ему не смутившійся наибъ,—а по приказанію генерала (указывая на барона Врангеля). Подарковъ отъ васъ не требуемъ, а князю Воронцову очень благодарны.

Отвернувшись съ неудовольствіемъ, Муравьевъ ушелъ, ничего не сказавъ...

Въ Воздвиженской первымъ дѣломъ начались провѣрки расходовъ людей въ расположенномъ тамъ Куринскомъ полку. Зная, вѣроятно, по разсказамъ генерала Козловскаго, что баронъ Врангель недоволенъ командиромъ этого полка, полковникомъ Ляшенко, за неисполненіе нѣкоторыхъ его приказаній, главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Ляшенко для личныхъ объясненій, которыя тотъ и далъ, конечно, въ свою пользу. Тогда генералъ Муравьевъ пригласилъ барона Врангеля и говоритъ ему:

— Вы совершенно напрасно нападаете на полковника Ляшенко; я его подробно разспрашивалъ, и нахожу, что онъ совершенно правъ.

Само собою, это не могло не оскорбить барона, генералъ-лейтенанта, начальника дивизіи, котораго, по голословнымъ объясненіямъ подчиненнаго, какъ будто упрекали въ неправдѣ, и Александръ Евстафьевичъ вынужденъ былъ подробно разъяснить главнокомандующему все дѣло. Вслѣдствіе этого Н. Н. Муравьевъ опять нашелъ, что виноватъ Ляшенко и приказалъ его арестовать, хотя нѣсколько часовъ тому назадъ отпустилъ его съ полнымъ благоволеніемъ и торжествующимъ побѣду надъ безсиліемъ своего ближайшаго начальника... Вскорѣ послѣ этого у Ляшенко взяли полкъ, и онъ уѣхалъ въ Россію.

Все это, если хотите, мелочи; но одно съ другимъ и выставляло именно мелочность главнокомандующаго, вдающагося въ занятія, не свойственныя его званію и положенію.

Я уже выше разсказалъ кое-что о пріѣздѣ Н. Н. Муравьева въ Грозную и прибавлю еще нѣсколько памятныхъ мнѣ эпизодовъ.

Обратясь къ представлявшемуся ему извѣстному донскому витязю генералу Бакланову съ замѣчаніемъ за то, что его казакъ-ординарецъ не умѣлъ сдѣлать „вольтъ налѣво“, главнокомандующій прибавилъ: „извольте собраться для немедленной отправки въ Азіятскую Турцію, гдѣ вы нужны для командованія казаками.

— Я готовъ отправиться куда ваше высокопревосходительство прикажете, только буду просить денегъ на подъемъ, а то мнѣ не съ чѣмъ въ дорогу собраться.

— А верховой конь у васъ есть?

— Какъ же, даже два.

— Ну, такъ садитесь верхомъ и поѣзжайте; *казаку* никакихъ подъемовъ не полагается.

Конечно, Баклановъ жестоко оскорбился, а на всѣхъ присутствовавшихъ такое обращеніе съ заслуженнымъ боевымъ человѣкомъ произвело непріятное впечатлѣніе.

Но оригинальнѣе всего, что послѣ такого отвѣта самъ же Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ, выставилъ въ лучшемъ свѣтѣ заслуги Бакланова и ходатайствовалъ о награжденіи его единовременнымъ пособіемъ въ пять тысячъ рублей, что и было исполнено. Къ чему же этотъ столь рѣзкій и неумѣстный въ отношеніи къ генералу отвѣтъ, въ присутствіи множества постороннихъ лицъ и нѣсколькихъ казачьихъ офицеровъ и даже казаковъ?..

Войдя въ домъ, занятый главнымъ мѣстнымъ начальникомъ, и увидавъ въ одной комнатѣ нѣсколько персидскихъ ковровъ, Николай Николаевичъ обратился къ генералу Врангелю съ вопросами:

— Что это, ковры казенные?

— Да-съ, казенные.

— Ну, и вѣрно особый смотритель для нихъ полагается?

— Нѣтъ-съ, не полагается.

Вопросы были съ ироніей, а отвѣты съ раздраженіемъ, тѣмъ болѣе естественнымъ, что ковры были заведены еще предмѣстникомъ барона и онъ не могъ отвѣчать за дѣйствія

другого, еслибы дѣйствія были даже и самыя противозаконныя, чего уже никакъ нельзя было сказать о нѣсколькихъ коврахъ, пріобрѣтенныхъ на деньги, отпущенныя для меблировки казеннаго дома. Отъ предложеннаго обѣда Муравьевъ отказался и потребовалъ себѣ рѣдьку, гречневую кашу съ постнымъ масломъ и квасу (былъ великій постъ). Спартанская трапеза вызвала всеобщую улыбку...

Должно-быть эти злополучные ковры и десятокъ горшковъ съ красивыми комнатными растеніями особенно возмутили спартанскія наклонности генерала Муравьева, ибо на другое утро адъютантъ его, Клавдій Ермоловъ, показалъ намъ письмо Муравьева къ его отцу, Алексѣю Петровичу, въ Москву, надѣлавшее въ свое время столько шума и вызвавшее рѣзкій отвѣтъ одного изъ кавказскихъ офицеровъ. Письмо это и отвѣтъ на него были впослѣдствіи напечатаны въ *Русской Старинѣ*. Главное содержаніе письма былъ упрекъ кавказской арміи за изнѣженность, за роскошь, за упадокъ ея духа, крайнія заботы о своихъ удобствахъ, причемъ проводилась параллель съ временемъ командованія Ермоловымъ, когда онъ въ 1818 году, при постройкѣ Грозной, жилъ въ землянкѣ, до сихъ поръ скромно стоящей во дворѣ *дворца*, „какъ упрекъ нынѣшнему времени“.

Нѣтъ сомнѣнія, что знаменитое письмо было набросано подъ минутнымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а еще вѣроятнѣе—подъ вліяніемъ сильнаго предубѣжденія противъ управленія князя Воронцова, къ которому, какъ извѣстно, генералъ Муравьевъ питалъ личное нерасположеніе еще со временъ своего командованія 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ Новороссійскомъ генералъ-губернаторствѣ, гдѣ между Воронцовымъ и Муравьевымъ возникли въ срединѣ тридцатыхъ годовъ какія-то неудовольствія, кончившіяся двѣнадцатилѣтнею опалой послѣдняго. Несомнѣнно также, что впослѣдствіи Муравьевъ долженъ былъ сожалѣть о злополучномъ письмѣ этомъ и особенно о его разглашеніи. Какъ человѣкъ умный, не могъ же онъ не сознать всей ошибочности выраженнаго

въ немъ взгляда и, прямо говоря, всей безтактности хулить и унижать армію, во главѣ коей ему предстояло вести войну въ Турціи и покорить Кавказъ. Не помню, гдѣ и отъ кого наслышался я, что и самъ покойный Алексѣй Петровичъ Ермоловъ не одобрилъ письма Муравьева.

Въ чемъ обвинялась кавказская армія? Въ изнѣженности, въ стремленіи къ удобствамъ, къ роскоши, въ упадкѣ духа и дисциплины. Никакихъ основаній къ подобному порицанію, брошенному въ лицо цѣлой арміи, не было. Развѣ съ такими изнѣженными войсками можно было при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ или Кюрюкъ-Дара разбить въ пять разъ сильнѣйшаго непріятеля? Развѣ такой походъ, какой совершенъ княземъ Аргутинскимъ въ 1853 году (о чемъ разсказано мною выше), или такое пораженіе, какое нанесено за три мѣсяца до пріѣзда генерала Муравьева при Исти-су Шамилю шестью ротами Кабардинскаго полка, въ умѣніи коихъ быть *мертвыми* во фронтѣ Н. Н. сомнѣвался, могли быть совершены *изнѣженными, упавшими духомъ войсками?* Развѣ не баталіоны кавказскихъ гренадеръ вынесли на своихъ плечахъ главнѣйшіе удары неудачнаго карскаго штурма на глазахъ самого же Муравьева? Развѣ послѣ этой кровавой неудачи, не отъ нихъ зависѣвшей, они упали духомъ и не исполнили той замѣчательной блокады, которая заставила Карсъ сдаться на капитуляцію? Въ чемъ же новый главнокомандующій нашелъ источники для своихъ неблагопріятныхъ заключеній?

А этотъ упрекъ дворцамъ (въ сущности порядочнымъ домамъ) и предпочтеніе имъ землянокъ—упрекъ прогрессивному движенію въ благоустройствѣ завоеннаго края и въ бытѣ войскъ? Неужели генералъ Муравьевъ желалъ, чтобы послѣ 37 лѣтъ, истекшихъ со времени заложенія А. П. Ермоловымъ крѣпости Грозной (1818—1855), оставались землянки для командующихъ генераловъ и шалаши для офицеровъ и солдатъ? Не правильнѣе ли бы радоваться, что въ дикомъ завоеванномъ краѣ возникло наконецъ прочное поселеніе, съ удобными помѣщеніями, рядами лавокъ, значительнымъ числомъ торго-

выхъ и ремесленныхъ людей, что крѣпость обратилась въ городъ, а сношенія съ туземцами уже не ограничивались одними перестрѣлками, но началось сближеніе торговое, мирное, привлекавшее многихъ чеченцовъ селиться между русскими и строить себѣ дома на европейскій образецъ? Если можно было сдѣлать справедливый упрекъ, то развѣ въ томъ, что при такой массѣ построекъ и разныхъ заведеній никто не подумалъ устроить хоть одну школу, въ которой и русскіе и туземные мальчики могли бы получать начальное элементарное образованіе. Это былъ бы вполнѣ заслуженный нами упрекъ, и генералу Муравьеву представлялся прекрасный случай высказать на первыхъ же порахъ свой просвѣщенный взглядъ, распорядившись устройствомъ школы. Объ этомъ однако онъ и не подумалъ.

И почему, указывая на землянку Ермолова, генералъ Муравьевъ полагалъ выставить въ этомъ какую-то спартанскую черту въ битѣ войскъ тѣхъ старыхъ временъ? При первомъ занятіи дикаго края, въ родѣ Чечни, войскамъ приходится невольно бивуакировать и жить въ землянкахъ и шалашахъ, что намъ приходилось испытывать и въ 1855 году, и послѣ этого. Занимая, по мѣрѣ движенія впередъ въ непокорный край, новыя мѣста, мы также, какъ и во времена Ермолова, жили въ палаткахъ-землянкахъ, мокли и зябли въ отвратительной слякоти, или въ 15—20° морозы терпѣли всяческія лишенія, изо дня въ день вели бой съ непріятелемъ, сдѣлавшимся въ теченіи тридцати семи лѣтъ и дерзче, и опытнѣе, и сплоченнѣе; мы вырубали громадныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, строили крѣпости, станицы, на себѣ вытаскивали всякія тяжести, *голыми руками* сгребали грязь съ новопроложенныхъ дорогъ, безъ чего не было возможности провести не только артиллерію, но даже арбу съ сѣномъ... И когда казалось, силы людей достигли уже крайняго сверхъестественнаго напряженія (въ чемъ особенно, даже старые кавказцы, бывало упрекали генерала Евдокимова), тѣ же изнуренные, нерѣдко полуголые люди лѣзли по ко-

лѣно въ снѣгу или липкой грязи, переправлялись зимою въ бродъ черезъ Аргунъ и Сунжу, и подъ выстрѣлами мѣткихъ винтовокъ взбирались на крутыя лѣсистыя высоты, овладѣвая ими съ боя! И все это дѣлалось просто, какъ нѣчто обыкновенное, безропотно. Говорю это, какъ долголѣтній очевидецъ и участникъ этихъ подвиговъ мужества, терпѣнія и выносливости. Гдѣ же тутъ признаки изнѣженности, упадка духа и славныхъ преданій? Въ чемъ зло, которое генералъ Муравьевъ считалъ своимъ первымъ долгомъ искоренить и казнить? Въ томъ, что вмѣсто землянокъ явились удобные дома, вмѣсто шалашей или деревянныхъ палатокъ—казармы, госпитали, вмѣсто однихъ сухарей и крупъ—огороды и запасы улучшенной пищи для войскъ? Что же бы сказалъ Муравьевъ теперь, когда въ отрасли устройства матеріальнаго быта войскъ дошли до отпуска ежедневно винной и мясной порцій, до консервовъ, чаю, морса, лимоновъ и пр.? Но помѣшали ли всѣ эти „нѣжности“ войскамъ совершить такой походъ, какъ въ 1873 году въ Хиву, или въ 1877 черезъ Балканы?

Проведя въ Грозной сутки, главнокомандующій собрался выѣзжать на Терекъ, чтобы почтовымъ трактомъ черезъ Владикавказъ ѣхать наконецъ въ Тифлисъ. Предъ выѣздомъ, въ залѣ „дворца“, выстроились всѣ начальники разныхъ частей войскъ, и Н. Н. Муравьевъ на прощаніи, послѣ нѣсколькихъ наставленій, все относительно расхода людей, сказалъ слѣдующее: „Такъ вотъ, господа, мои требованія; *быть-можетъ я и ошибаюсь, но уже вы меня не разувѣрите;* извольте подчиняться и исполнять“.

Въ числѣ слушателей находился и я. Признаюсь, я былъ крайне удивленъ такимъ словомъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: „если я ошибаюсь, то разъясните мнѣ, разубѣдите меня“, такой умный человѣкъ вдругъ говоритъ: „я такъ хочу—и баста“! А не прошло нѣсколько дней, и онъ же во Владикавказѣ, выслушавъ докладъ о расходахъ людей въ Навагинскомъ и Тенгинскомъ полкахъ, совершенно тожде-

ственныхъ съ тѣми, противъ которыхъ онъ возставалъ, сказалъ докладывавшему: „еслибы мнѣ всѣ такъ правдиво докладывали дѣла, то я, конечно, былъ бы избавленъ отъ многихъ ошибокъ“. Прекрасно; и это вполнѣ обнаруживаетъ и умъ, и благородство взглядовъ. Но кто же виноватъ, что Н. Н. Муравьевъ въ десяти мѣстахъ не давалъ никому возможности откровенно, безъ трепета предъ грознымъ начальникомъ, высказать сущность дѣла, а только во Владикавказѣ удостоилъ спокойно, безъ предубѣжденій, выслушать адъютанта генерала Козловскаго, подполковника Клингера, тогда какъ до того времени не хотѣлъ спокойно выслушивать начальника дивизіи, да еще такой безукоризненной правдивости человѣка, какъ баронъ Врангель, который и самъ былъ изъ числа тѣхъ начальниковъ—что̀ весьма строго относились къ неправильнымъ расходамъ людей?

Въ двадцати верстахъ отъ Грозной, въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, занятомъ линейнымъ баталіономъ, главнокомандующій приказалъ ударить тревогу, желая удостовѣриться всѣ ли люди явятся на сборное мѣсто. Когда роты построились, Муравьевъ послалъ своихъ адъютантовъ по всѣмъ хатамъ и казармамъ осмотрѣть не остался ли кто дома. Бывшій тутъ же полковникъ Мейеръ, начальникъ штаба казачьяго войска, совсѣмъ постороннее лицо, изъ желанія прислужиться, тоже поскакалъ и чрезъ нѣсколько минутъ съ торжествомъ притащилъ найденнаго въ какой-то лачугѣ солдата, помертвѣвшаго отъ страха. По собраннымъ тотчасъ справкамъ оказалось, что солдатъ только надняхъ выписанъ изъ госпиталя послѣ тяжкой болѣзни и по требованію медика освобожденъ на нѣкоторое время отъ служебныхъ обязанностей, для укрѣпленія въ силахъ. Объ этомъ баронъ Врангель тутъ же доложилъ главнокомандующему, не принявшему однако этого въ резонъ и приказавшему наказать солдата розгами.— Подобало ли это главнокомандующему, и какое впечатлѣніе должна была произвести на войска такая жестокость, да еще несправедливая?...

Пріѣхавъ наконецъ въ Тифлисъ и оглядѣвшись, главнокомандующій послалъ военному министру подробное извѣщеніе о своей поѣздкѣ и ея результатахъ. Бумага эта произвела въ Петербургѣ необычайный эффектъ, все въ ней изложенное было признано весьма дѣльнымъ, многія высшія военныя лица добивались въ военномъ министерствѣ достать копію и проч. Чрезъ много лѣтъ послѣ случилось и мнѣ прочитать этотъ документъ, изъ котораго, оставивъ въ сторонѣ всѣ подробности, главнѣйшій выводъ тотъ, что генералъ Муравьевъ нашелъ на Кавказской линіи несоразмѣрно большое число войскъ, тогда какъ за Кавказомъ въ нихъ чувствовался значительный недостатокъ. Поэтому онъ нашелъ нужнымъ скомбинировать такія распоряженія, вслѣдствіе коихъ оказалась возможность двинуть за Кавказъ 8 баталіоновъ, 3 донскіе казачьи полка и двѣ артиллерійскія батареи. Результатъ, положимъ, немаловажный, но для достиженія его вовсе не требовалось никакихъ особенныхъ соображеній, которыя поражали бы необычайностью и доказывали, что предмѣстникъ Муравьева, князь Воронцовъ, или даже временно послѣ него завѣдывавшій краемъ Реадъ не могли додуматься до того же.

Дѣло въ томъ, что въ 1854 году, для сближенія съ дѣйствовавшими на Кавказѣ войсками ихъ резервовъ, составлявшихъ, при тогдашней организаціи арміи, совершенно отдѣльныя, кавказскому начальству не подчиненныя части, была придвинута изъ Таганрога и его окрестностей кавказская резервная дивизія, состоявшая изъ шестыхъ баталіоновъ каждаго полка, имѣвшихъ свое прямое назначеніе въ образованіи рекрутъ и отсылкѣ ихъ подготовленными въ полки. Затѣмъ, въ виду коалиціи, грозившей Россіи, были сформированы еще и седьмые, запасные баталіоны, образовавшіе особую запасную дивизію, съ тою же цѣлью подготовленія рекрутъ и пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ. И резервная, и запасная дивизіи были расположены на кавказской линіи, какъ для болѣе удобнаго размѣщенія по русскимъ деревнямъ и

казачьимъ станицамъ, что давало имъ возможность спокойно заниматься своею спеціальностью, фронтовыми ученіями, такъ— и это еще важнѣе—для болѣе легкаго и дешеваго ихъ продовольствія, ибо провіантъ, обходившійся *на* Кавказѣ въ 7—8 руб. четверть, *за* Кавказомъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, доходилъ до 25—30 руб. за четверть! Вмѣстѣ съ тѣмъ резервные баталіоны, какъ уже болѣе подученные, расположены были ближе къ мѣстамъ, входившимъ въ сферу дѣйствій непокорныхъ горцевъ за Кубанью и Терекомъ, служили нѣкоторымъ образомъ и усиленіемъ средствъ обороны противъ нихъ—средствъ ослабленныхъ движеніемъ отсюда нѣсколькихъ баталіоновъ въ Турцію. Такимъ образомъ, обѣ эти дивизіи, изъ коихъ первая, резервная, не могла считаться достаточно боевою, а вторая и вовсе къ тому неспособная, имѣли свое спеціальное назначеніе, измѣнить которое могъ только главнокомандующій, облеченный обширною властью и могущій брать на свою отвѣтственность рѣшительныя распоряженія, сопряженныя къ тому же съ весьма значительными затратами казны. Князь Воронцовъ, оставившій край въ мартѣ 1854 года, еще до прибытія резервной и сформированія запасной дивизій, само-собою ничего въ отношеніи ихъ и не могъ сдѣлать, а мало знакомый съ краемъ генералъ Реадъ, какъ калифъ на часъ, не могъ рѣшиться на такого рода распоряженія, тѣмъ болѣе, что обезпеченіе сѣвернаго Кавказа и свободнаго по немъ пути сообщенія съ Россіей не могло не считаться даже важнѣе лишней побѣды надъ турками въ Азіи, гдѣ и съ бывшими уже тамъ войсками Андрониковъ и Бебутовъ одержали четыре блистательныя побѣды. А весь 1854 годъ попытки Шамиля перейти въ серьезное наступленіе, хотя и терпѣвшія неудачи, давали однако поводъ допускать, что онъ будетъ употреблять дальше большія усилія, и при малѣйшемъ успѣхѣ можетъ поставить насъ въ крайне критическое положеніе.

Новый главнокомандующій, пріѣхавъ въ началѣ 1855 года и убѣдившись, что опасенія относительно Шамиля преувели-

чены, нашелъ возможнымъ взять восемь *резервныхъ* баталіоновъ за Кавказъ, прибавивъ къ нимъ и три Донскіе полка съ частію артиллеріи, прибывшихъ на кавказскую линію тоже лишь въ 1854 году, со спеціальнымъ назначеніемъ усилить оборону противъ горцевъ, такъ какъ мѣстные казаки выслали много людей на театръ войны въ Турцію. Эти восемь баталіоновъ, по распоряженію самого же Муравьева, простояли, впрочемъ, все время кампаніи въ окрестностяхъ Тифлиса въ видѣ резерва, и на слѣдующій годъ возвратились опять на линію; продовольствіе ихъ обошлось тамъ втрое дороже.

Кромѣ того, генералъ Муравьевъ приказалъ сдѣлать еще нѣкоторыя измѣненія въ дислокаціи *мѣстныхъ* войскъ, то-есть линейныхъ баталіоновъ, передвинувъ въ одномъ мѣстѣ двѣ роты, въ другомъ одну изъ ихъ постоянныхъ квартиръ на передовыя линіи. Подобныя передвиженія опять-таки могъ совершить своею властью лишь главнокомандующій, да и особое значеніе, въ случаѣ наступленія серьезныхъ обстоятельствъ, они едва ли могли имѣть, ибо одна, даже двѣ роты линейнаго баталіона въ сущности сила весьма проблематическая, хотя бы и противъ кавказскихъ горцевъ.

Въ той же бумагѣ главнокомандующій указалъ на два обстоятельства, по его мнѣнію, весьма вредно вліявшія на положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Вопервыхъ, на слободки женатыхъ солдатъ при разныхъ крѣпостяхъ и штабъ-квартирахъ, принужденныхъ расходовать лишнихъ людей для ихъ прикрытія, для разныхъ построекъ и проч.; вовторыхъ, на переводъ драгунскаго полка изъ его прежней квартиры — Карагачъ въ Дагестанъ,—переводъ, который, лишивъ лезгинскую линію кавалеріи, усилилъ тамъ набѣги горцевъ и поставилъ эту часть края въ постоянно опасное положеніе.

Въ обоихъ этихъ взглядахъ Н. Н. Муравьева очевидно недостаточное знакомство съ мѣстными условіями края. Постараюсь показать это въ самыхъ краткихъ общихъ чертахъ, достаточныхъ однако для всякаго хорошо знакомаго съ Кав-

казомъ, чтобъ убѣдиться, что я не наобумъ рискую обсуживать взгляды такого авторитетнаго дѣятеля.

Что касается слободокъ женатыхъ солдатъ, то достаточно сказать, что мы на Кавказѣ воевали не для того чтобы *разбить непріятеля* и уйти затѣмъ восвояси; мы *завоевывали* край, населенный дикими воинственными горцами-мусульманами, и колонизація его русскими поселеніями была единственная мѣра, дававшая возможность и прочно въ немъ утвердиться, и превратить его не въ постоянный военный лагерь, а въ окраину, подлежащую полной ассимиляціи съ государствомъ. Главными поселеніями были казачьи станицы; но онѣ, по особымъ условіямъ казачьихъ войскъ, не вездѣ могли быть размѣщаемы; для нихъ нужны были большія пространства удобныхъ земель, которыя давали бы имъ средства жить и служить, вполнѣ на свой счетъ. Слободки же семейныхъ солдатъ ютились на ограниченныхъ пространствахъ и были вполнѣ довольны, имѣя огороды и возможность прокормить нѣсколько коровъ. А между тѣмъ пользу они приносили, и немалую, ближайшимъ къ нимъ частямъ войскъ, обреченнымъ на вѣчное бивуакированіе среди враждебнаго азіятскаго населенія. Изъ нихъ выдѣлялась также часть людей въ образовавшіяся исподволь новыя казачьи станицы, для чего однихъ коренныхъ казаковъ оказывалось недостаточно. Были даже такія станицы гдѣ большинство казаковъ состояло изъ перечисленныхъ женатыхъ солдатъ; въ самой Грозной, напримѣръ, вся слободка была обращена въ казаковъ, и составляла такую лихую сотню, что ни предъ какою старою прославленною казачьею дружиной краснѣть ей не приходилось. Эта сотня послужила ядромъ, изъ котораго сформировался второй Сунженскій казачій полкъ, съ честью соперничавшій и съ первымъ Сунженскимъ (Слѣпцовскимъ), и съ Гребенскимъ полками. Князь Воронцовъ, не держась исключительно точекъ зрѣнія корпуснаго командира, а руководясь болѣе широкими взглядами государственнаго человѣка, напротивъ, покровительствовалъ и образованію

слободокъ, и всякимъ постройкамъ торговыхъ, промышленныхъ заведеній, основательно считая упроченіе этимъ путемъ нашего обладанія краемъ болѣе прочнымъ, чѣмъ однимъ оружіемъ. Вызывавшіяся этимъ нѣкоторыя неудобства для фронтовыхъ цѣлей, или нѣкоторыя лишнія затраты, окупались выгодами, плоды коихъ должны были выказаться въ будущемъ; и онъ не ошибся: безъ подобныхъ мѣръ, мы и теперь еще стояли бы *лагеремъ* на Кавказѣ. Что при этихъ случаяхъ бывали и злоупотребленія—несомнѣнно, но гдѣ же и когда совершали люди что-нибудь безъ этой язвы, присущей большинству, и при томъ не въ одной только Россіи? Нельзя же, какъ нѣмцы говорятъ, das Kind mit dem Bade ausschütten, то-есть вмѣстѣ съ грязною водой выбрасывать то, что̀ въ ней мылось.

Перехожу ко второму пункту—лишенію Лезгинской линіи кавалеріи, вслѣдствіе перевода оттуда драгунскаго полка и возникшей отъ этого опасности. Тутъ незнакомство съ мѣстными событіями и условіями выступаетъ еще рѣзче.

На такъ называемой Лезгинской линіи, то-есть на предгорной части Алазанской долины, опасности отъ набѣговъ горцевъ усилились съ 1844 года, вслѣдствіе измѣны и бѣгства къ Шамилю Элисуйскаго султана Даніель-Бека. (Какъ читатель могъ видѣть изъ моего разсказа въ 1-й части). Кавалерія для предотвращенія этихъ набѣговъ, расположенная въ урочищѣ Караагачъ или Царскихъ Колодцахъ, никогда никакой пользы принести не могла, потому что оттуда до мѣста, гдѣ можно было ожидать нападеній, отъ пятидесяти и до ста и болѣе верстъ; за неимѣніемъ тогда телеграфа, извѣщать кавалерію приходилось чрезъ нарочныхъ, и при возможнѣйшей быстротѣ она могла бы поспѣть къ угрожаемому пункту въ двое, трое, даже четверо сутокъ; но горцы никогда не были такъ глупы чтобы ждать прибытія нашихъ войскъ. Они нападали внезапно на слабо или вовсе не защищенныя мѣстности и съ быстротой исчезали въ горныя трущобы, гдѣ кавалерія преслѣдовать ихъ не могла, еслибы даже и поспѣла вовремя.

Расположить же кавалерію на самой линіи предгорій хребта не представлялось возможности, потому что тамъ нигдѣ нѣтъ покосныхъ мѣстъ, а таковыхъ для десятиэскадроннаго драгунскаго полка требовалось не мало. Покупной же фуражъ доставался съ трудомъ въ небольшихъ количествахъ для нѣсколькихъ сотень казаковъ, разбросанныхъ по линіи, и обходился отъ пятидесяти до семидесяти копѣекъ за пудъ—для сороковыхъ годовъ цѣна неимовѣрная. До какой степени вся эта мѣстность не составляла поля кавалерійской дѣятельности, видно изъ того, что если иногда и требовали часть драгунъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, то *пѣшими*,— такъ было въ 1845 году въ отрядѣ генерала Шварца—а въ 1844 году при возмущеніи султана драгуны хотя и прибыли конные, но вся ихъ работа ограничилась тѣмъ, что ихъ *спѣшили* и послали на штурмъ главнаго завала... Такимъ образомъ князь Воронцовъ совершенно правильно оцѣнилъ безполезность присутствія въ этой мѣстности единственнаго на Кавказѣ регулярнаго кавалерійскаго полка, и перевелъ его въ Чирь-юртъ, откуда онъ могъ удобно передвигаться и въ Дагестанъ, и на лѣвый флангъ Кавказской линіи, главнаго театра тогдашнихъ военныхъ наступательныхъ дѣйствій. Это и было въ началѣ 1846 года.

Еще лучше. Въ 1854 году, когда Шамиль самъ предпринялъ съ громаднымъ полчищемъ движеніе къ Кахетіи, въ распоряженіи начальника лезгинской линіи былъ дивизіонъ драгунъ, нѣсколько сотень казаковъ и конная артиллерія; слѣдовательно, по взгляду генерала Муравьева, линія была обезпечена. И что̀ же? Именно въ это время горцы и совершили одинъ изъ самыхъ небывалыхъ въ лѣтописяхъ Кахетіи дерзкихъ набѣговъ, рискнувъ переправиться за Алазань на тифлисскую почтовую дорогу и напасть на селеніе Цинондалы, уведя въ плѣнъ семейство князя Чавчавадзе и много жителей! Кавалерія была въ это время расположена около крѣпости Закаталъ, гдѣ начальникъ линіи генералъ князь Меликовъ держалъ ее въ убѣжденіи, что непріятель вѣрнѣе всего сдѣлаетъ нападе-

ніе къ сторонѣ Элисуйскаго владѣнія и Нухинскаго уѣзда, какъ населенныхъ мусульманами. Разсчетъ, хоть и вполнѣ основательный, оказался однако невѣрнымъ: непріятель двинулся въ противоположный конецъ линіи, и пока до Закаталъ дошло объ этомъ донесеніе съ нарочнымъ, пока кавалерія прошла верстъ восемьдесятъ по 40° жарѣ, непріятеля со всею добычей и плѣнными слѣдъ исчезъ... Вотъ и кавалерія на самомъ мѣстѣ, а не въ Караагачѣ, о которомъ упоминалъ Н. Н. Муравьевъ, а дѣло отъ этого ни чуть не выиграло, и дорогое ея содержаніе оказалось безплоднымъ.

Вообще во взглядахъ генерала Муравьева нельзя не замѣтить странной двойственности: все, что касалось войны въ Малой Азіи, носило слѣды обдуманности; видна была опытная рука военачальника; хотя и тутъ штурмъ Карса, не вовремя и безъ должной подготовки начатый, не можетъ не вызвать критики. Но гдѣ затрогивался собственно Кавказъ, тамъ положительно оказывались узкость взгляда и весьма слабое знакомство съ дѣломъ и мѣстными обстоятельствами. Н. Н. Муравьеву слѣдовало бы съ пріѣздомъ на Кавказъ всецѣло отдаться заботамъ о предстоявшей ему задачѣ подъ Карсомъ и вообще противъ турокъ, оставивъ остальное все пока in statu quo, а ужъ послѣ войны, ознакомившись предварительно съ дѣлами и лично осмотрѣвъ край, начать составленіе соображеній собственно по кавказскимъ дѣламъ. Тогда онъ едва ли впалъ бы въ тѣ противорѣчія и ошибки, которыя вызвали къ нему почти всеобщее нерасположеніе и даже были поводомъ его отозванія. Должно думать, что именно предубѣжденіе противъ своего предмѣстника, заранѣе составленное понятіе о крайнихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, будто бы царствовавшихъ на Кавказѣ, были поводомъ избраннаго новымъ намѣстникомъ образа дѣйствій, въ ошибочности коего, нѣтъ сомнѣнія, онъ и самъ въ послѣдствіи долженъ былъ сознаться.

Вовращаясь къ прерванному разсказу, прошу у снисходительныхъ читателей извиненія за длинное отступленіе, за ко-

торое меня тѣмъ болѣе могутъ упрекать, что оно не относится къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ. Совершенно справедливо. И еслибы читатель зналъ, какъ при воспоминаніяхъ о Кавказѣ, объ этомъ дорогомъ намъ всѣмъ, кавказцамъ, краѣ, дорогомъ по картинамъ чудной природы, по прожитой лучшей порѣ жизни, по поэтической, увлекательной эпохѣ войны, какъ трудно удержаться отъ того, чтобы не говорить обо всемъ—до Кавказа, его исторіи, его дѣятелей касающемся!.. Вѣдь время бѣжитъ и

Каждый маятника взмахъ
Часы минутной жизни коситъ...

Ну и торопишься высказать, что̀ знаешь: авось пригодится матеріаломъ для грядущаго историка, который мастерскою кистью набросаетъ грандіозную картину почти вѣкового періода (1770—1864) борьбы для завоеванія Кавказа.

XLVIII.

Проводивъ наконецъ главнокомандующаго изъ раіона лѣваго фланга линіи, нашъ генералъ возвратился домой. Баронъ былъ очевидно крайне раздраженъ и недоволенъ. Мы, состоявшіе при немъ, предчувствовали, что онъ уже не хочетъ оставаться долѣе на Кавказѣ, и, само собою, были крайне опечалены такою перспективой. Какъ извѣстно, рѣдкій новый начальникъ оставляетъ при себѣ свиту своего предмѣстника, а привозитъ своихъ приближенныхъ людей. Тѣмъ болѣе мнѣ, какъ не занимавшему опредѣленнаго штатнаго мѣста, притомъ числившемуся въ Дагестанскомъ полку, расположенномъ въ Прикаспійскомъ краѣ, подчиненномъ другому начальству, скорѣе всего слѣдовало ожидать остракизма. Поневолѣ уныніе стало закрадываться въ душу и опять началась забота о будущемъ. Но пока на просьбу барона Врангеля объ увольненіи въ отпускъ съ отчисленіемъ отъ должности долго не получалось разрѣшенія, мы стали понемногу успокоиваться, надѣясь, авось гроза пройдетъ мимо.

Потекла опять наша жизнь своимъ порядкомъ въ легкихъ служебныхъ занятіяхъ, въ разныхъ, спеціально кавказскимъ военнымъ штабамъ тогда свойственныхъ удовольствіяхъ и въ мечтахъ о наградахъ за зимнюю экспедицію. Въ этомъ, впрочемъ, намъ пришлось скоро разочароваться: генералъ Муравьевъ оказался также врагомъ щедраго награжденія войскъ и, вмѣсто щедрости, доводилъ свою систему почти до совершеннаго отказа въ наградахъ.

Вскорѣ мы узнали о кончинѣ императора Николая Павловича и присягали царствующему нынѣ Государю. Затянувшееся дѣло подъ Севастополемъ, вмѣстѣ съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, производили какое-то неопредѣленное, тоскливое впечатлѣніе; но, какъ я уже говорилъ, мы, тогдашніе молодые офицеры, какъ-то не очень задумывались надъ дѣлами не близко насъ касавшимися и вообще не унывали, увѣренные, что Россія въ концѣ-концовъ выйдетъ изъ борьбы съ торжествомъ...

Прошелъ весь мартъ мѣсяцъ, насталъ и апрѣль, но вопросъ объ увольненіи барона Врангеля оставался неразрѣшеннымъ, и мы еще болѣе успокоились, какъ вдругъ въ одно утро я былъ потребованъ къ барону. Прихожу, и онъ передаетъ мнѣ письмо къ нему изъ Тифлиса отъ начальника артиллеріи, генерала Бриммера, съ приказаніемъ прочитать и написать *отрицательный* отвѣтъ. Письмо, писанное по порученію главнокомандующаго, заключало въ себѣ убѣдительную просьбу забыть неудовольствіе, вызванное замѣчаніями, быть можетъ и неосновательными, но вполнѣ извинительными новому начальнику, не успѣвшему ознакомиться со своими подчиненными, и взять назадъ прошеніе объ увольненіи отъ должности, пожертвовавъ личнымъ самолюбіемъ пользѣ службы.

Грустно было мнѣ исполнить полученное приказаніе, тѣмъ болѣе, что письмо дышало искреннѣйшимъ расположеніемъ генерала Бриммера, извѣстнаго своею честною прямотой, и доказывало желаніе Н. Н. Муравьева загладить несправед-

ливость въ отношеніи барона, — черта во всякомъ случаѣ прекрасная и смягчавшая установившееся къ нему нерасположеніе. Баронъ Врангель не убѣдился однако доводами Бриммера и, вмѣстѣ съ самою душевною признательностью за его дружеское расположеніе, извѣстилъ, что отъ намѣренія оставить Кавказъ не отказался... Всѣ надежды наши окончательно рушились, и мы стали ждать новаго начальства.

Между тѣмъ свѣдѣнія, получаемыя съ непріятельской стороны, извѣщали, что Шамиль настойчиво увѣряетъ горцевъ, что дѣла наши въ Турціи идутъ скверно, что почти всѣ войска двинулись туда, а въ Чечнѣ никого не осталось, за исключеніемъ гарнизоновъ, что скоро наступитъ часъ ихъ торжества, и такъ далѣе. А пока онъ приказывалъ всѣмъ бѣжавшимъ зимою съ мѣстъ своего жительства чеченскимъ семействамъ опять возвращаться на старыя пепелища по Джалкѣ и Шавдону.

Чтобы разоблачить ложныя увѣренія и обнадеживанія имама, а главное не допустить чеченцовъ вновь поселиться въ разоренныхъ нами зимой аулахъ, баронъ Врангель собралъ небольшой отрядъ изъ десяти ротъ пѣхоты, двадцати сотенъ казаковъ при 8-ми орудіяхъ, и 16-го апрѣля мы двинулись знакомымъ путемъ черезъ Аргунъ на Эльдырханъ и расположились на обширной полянѣ бивуакомъ. Ночью чеченскій наибъ Талгикъ вывезъ два орудія и поставилъ ихъ за ближайшимъ лѣсомъ, открывъ по насъ пальбу, послѣдствіемъ коей была потеря двухъ-трехъ человѣкъ и нѣсколькихъ лошадей. Приказано было кавалеріи, подъ начальствомъ командира Моздокскаго казачьяго полка подполковника Іедлинскаго, скрытно обойти лѣсъ и внезапною атакой постараться захватить непріятеля съ его орудіями. Дѣло однако не удалось, кавалерія наткнулась на предусмотрительнаго непріятеля, завязалась довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ убитыми одного офицера и двухъ казаковъ, да нѣсколько человѣкъ ранеными.

На другой день, убѣдившись въ совершенномъ отсутствіи

кругомъ травы или какихъ-нибудь запасовъ фуража, отрядъ вынужденъ былъ отступить, избравъ для этого другой путь къ Дахинъ-Ирзауской переправѣ черезъ Сунжу. Горцы, получившіе вслѣдствіе распространившейся тревоги значительныя подкрѣпленія, съ двумя пушками, преслѣдовали насъ, и довольно настойчиво, при переправѣ; но, атакованные нашими казаками, были прогнаны, и затѣмъ мы 18-го числа благополучно возвратились въ Грозную. Это незначительное движеніе достигло однако главной цѣли, показавъ непріятелю, что мы довольно сильны для борьбы съ нимъ, и во всякомъ случаѣ поселеніе на старыхъ мѣстахъ не удастся ему совершить безнаказанно. Съ донесеніями объ этомъ въ Тифлисъ былъ посланъ адъютантъ барона Врангеля, Зазулевскій, а въ Ставрополь, къ командующему войсками на всей Кавказской линіи, я.

Живо помню я поѣздку эту со всѣми малѣйшими ея подробностями, хотя уже и прошло съ тѣхъ поръ двадцать пять лѣтъ. Удивительно, въ чемъ въ молодости можно находить удовольствіе! Я чуть не съ восторгомъ принялъ командировку, отъ которой никакого другого удовольствія и результата нельзя было ожидать, кромѣ убійственной скачки на перекладныхъ, на разстояніи 850 верстъ до Ставрополя и обратно, по самой отвратительной грунтовой дорогѣ, кромѣ неизбѣжной боли въ спинѣ, сотрясенія всего организма, безсонницы и разныхъ вредныхъ послѣдствій для здоровья. И вѣдь сколько разъ совершалъ я такія скачки, сколько разъ подвергалъ себя такой добровольной пыткѣ! Какъ вспомнишь теперь, никакъ не воздержишься сказать себѣ: фу, какой же я былъ дуракъ...

Первыя тридцать верстъ до переправы черезъ Терекъ пришлось ѣхать тихо, съ пѣшимъ конвоемъ; но за то, переѣхавъ рѣку и усѣвшись на курьерскую тройку, я понесся сумасшедшимъ образомъ и остальныя около четырехъ сотъ верстъ сдѣлалъ съ небольшимъ въ сутки. Погода стояла великолѣпная, весенняя, все кругомъ въ степи зеленѣло, все кру-

гомъ глядѣло какъ-то такъ мирно, такъ рѣзко не походило на Дагестанъ и Чечню! Даже какъ-то странно казалось, что въ Крыму лилась кровь геройскихъ защитниковъ Севастополя, въ Азіятской Турціи уже сдвигались къ Карсу войска въ ожиданіи новыхъ битвъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, наконецъ, въ Чечнѣ не дальше какъ вчера еще шла стрѣльба, падали люди, а тутъ какая-то невозмутимая тишь: плетутся десятками богомолки съ котомками къ Митрофанію въ Воронежъ, тянется обозъ чумаковъ, ѣдетъ какой-то деревенскій купчикъ на сытомъ конѣ въ долгушкѣ, еле передвигая ноги движется обратная почтовая тройка со спящимъ въ телѣгѣ ямщикомъ. А моя тройка несется, колокольчики монотонно гудятъ въ ушахъ, толчки безжалостно колотятъ, спина ноетъ отъ невозможности облокотиться, и при всемъ томъ воспаленные глаза смыкаются, какой-то неестественный тажелый сонъ тянетъ голову книзу, совершается какой-то болѣзненный процессъ галлюцинацій... Послѣ минутной дремоты, откроются глаза, все окружающее представится смутно, какъ бы въ туманѣ, и опять заснешь, и опять взглянешь, какъ-то машинально скажешь „ну, валяй, валяй", и опять уже спишь... Окончательное пробужденіе происходило у крыльца почтовой станціи, когда телѣга вдругъ остановится и раздастся громкій голосъ ямщика: „курьерскихъ!"

Въ Ставрополь я пріѣхалъ утромъ и прямо къ начальнику штаба генералъ-маіору Капгеру. Принялъ онъ меня весьма любезно, разспросилъ о подробностяхъ нашего движенія въ Чечнѣ, пригласилъ напиться у него чаю, послѣ чего вмѣстѣ отправиться къ командующему войсками. Чай былъ поданъ въ саду; молодая супруга недавно женившагося генерала въ роли хозяйки была очаровательна; сервировка, и печенія, и весь ensemble, при великолѣпномъ солнечномъ весеннемъ утрѣ, были такъ блестяще хороши, что я, втянувшись въ жизнь лагерную съ ея неказистою обстановкой, не могъ не любоваться и не подумать: вѣдь есть же такіе счастливцы на свѣтѣ!..

Пріѣхали къ командующему войсками. Генералъ Козловскій попросилъ начальника штаба прочитать донесеніе; затѣмъ разспросилъ у меня нѣкоторыя подробности, выразилъ сожалѣніе объ оставленіи барономъ Врангелемъ службы на Кавказѣ, вспомнилъ нѣсколько эпизодовъ проѣзда новаго главнокомандующаго по лѣвому флангу линіи, послужившихъ поводомъ неудовольствій и прибавилъ: „А вѣдь я, какъ, старался удержать барона отъ возраженій Николаю Николаевичу; вѣдь нельзя же, такъ, раздражать главнокомандующаго, еслибъ онъ даже былъ и не совсѣмъ правъ, какъ. Теперь отдохните, какъ, отъ дороги, а въ три часа приходите къ намъ пообѣдать, какъ, а тамъ уже Александръ Христіановичъ (Капгеръ), какъ, распорядится насчетъ вашего обратнаго отправленія какъ, какъ".

Я отклонялся и отправился въ *Бѣлый Лебедь*, чтобы скорѣе повалиться на сивернѣйшую койку и заснуть, а то я уже у командующаго войсками едва держался на ногахъ.

Къ тремъ часамъ явился я къ обѣду и былъ представленъ Аннѣ Васильевнѣ Козловской. И самъ Викентій Михайловичъ, и его супруга, были добрѣйшіе гостепріимные люди; его, стараго кавказскаго ветерана временъ Ермоловскихъ, зналъ весь Кавказъ, послѣ женитьбы въ Москвѣ узнала не малая часть Москвы, а въ послѣдніе годы жизни въ Петербургъ узналъ чуть не весь военный Петербургъ. Почтенный, заслуженный человѣкъ былъ покойный Викентій Михайловичъ, лихой боевой офицеръ, типъ стараго кавказскаго офицера безъ страха и упрека, но съ ограниченнымъ образованіемъ. Командовалъ онъ Кабардинсьомъ полкомъ, съ которымъ совершилъ знаменитую экспедицію въ 1845 году въ Дарго, и вынесъ на своихъ плечахъ ужасное отступленіе черезъ Ичкеринскій лѣсъ къ Шамхалъ-Берды. Въ свое время любилъ покутить при военно-походной обстановкѣ, то-есть съ музыкой, пѣсенниками, выстрѣлами, качаніемъ, гамомъ и трескомъ. Вспоминаю по этому поводу даже анекдотъ. Участвовавшій въ 1845 году въ экспедиціи принцъ

Александръ Гессенскій вздумалъ учиться по-русски и завелъ себѣ походный словарь. Услыхавъ однажды ночью въ лагерѣ пѣсни, крики *ура*, гамъ, шумъ, онъ спросилъ у ординарца, что̀ это значитъ:

— Полковникъ Козловскій гуляютъ-съ, ваше высочество.

„Гуляйтъ?“, принцъ бросился къ своему словарю. Каково же было его изумленіе, когда онъ находитъ, что гулять значитъ se promener, spazieren. Какой странный обычай гулять, то-есть прогуливаться при какихъ-то неистовыхъ крикахъ, пѣсняхъ, и пр.! Захотѣлось ему непремѣнно взглянуть на такое прогуливаніе и отправился онъ съ ординарцемъ къ палаткѣ Козловскаго, а тамъ его замѣтили и уже не выпустили, пока принцъ не принялъ участія въ пиршествѣ, пока не осушилъ достаточнаго количества стакановъ, пока не подвергся качаніямъ, вскидываніямъ, лобзаніямъ... Съ тѣхъ поръ онъ узналъ истинное значеніе слова „гуляетъ“, и какъ только гдѣ-нибудь въ лагерѣ раздавались пѣсни, шумъ, принцъ восклицалъ: „а, гуляйтъ, гуляйтъ!“, что̀ доставляло ему большое удовольствіе.

Да, Викентій Михайловичъ Козловскій былъ таковъ, но, само собою, только до женитьбы, то-есть кажется до 1849 — 1850 года; съ тѣхъ поръ, какъ семейный человѣкъ, наконецъ дивизіонный генералъ, онъ уже бросилъ традиціи стараго кабардинца; остались при немъ однако всѣ его оригинальности, дававшія обильнѣйшій матеріалъ для самыхъ забавныхъ остротъ и анекдотовъ, главнымъ спеціальнымъ мастеромъ коихъ на Кавказѣ былъ упомянутый мною выше подполковникъ Іедлинскій.

Кромѣ забавной привычки генерала Козловскаго безпрерывно вставлять въ свою рѣчь „такъ“ и „какъ“, я въ бытность въ Ставрополѣ не могъ не замѣтить не менѣе забавной черты какого-то идолопоклонства предъ всѣмъ аристократическимъ. Съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ и даже гордостью указывалъ генералъ на своихъ двухъ адъютантовъ:

графа Потоцкаго и графа Ржевускаго. (Какъ католикъ, генералъ Козловскій вѣроятно считалъ нужнымъ дать преимущество польской аристократіи, хотя самъ до мозга костей былъ обрусѣвшій человѣкъ и женатъ на русской).

На слѣдующій день обѣдалъ я у генерала Капгера, тоже одного изъ старыхъ кавказскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, о которомъ еще придется мнѣ болѣе подробно говорить въ послѣдствіи, а на третій, получивъ нѣсколько бумагъ, я откланялся ставропольскому начальству и поскакалъ назадъ въ Грозную.

Въ Грозной я засталъ уже извѣстіе, что временно завѣдывать лѣвымъ флангомъ назначается начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, генералъ маіоръ баронъ Вревскій. Это меня очень обрадовало, потому что, какъ я уже разсказывалъ въ началѣ моихъ воспоминаній, еще въ 1845 году баронъ Вревскій, будучи подполковникомъ генеральнаго штаба, пріѣзжалъ въ Тіонеты и тамъ узналъ меня въ качествѣ орудователя всѣхъ дѣлъ мѣстнаго окружнаго управленія. Вспомнивъ объ этомъ знакомствѣ, подумалъ я, едва-ли онъ захочетъ гнать меня назадъ въ Дагестанъ, противъ желанія.

Вслѣдъ за мною возвратился изъ Тифлиса и адъютантъ Зазулевскій съ весьма неободрительными извѣстіями о встрѣченномъ тамъ пріемѣ. Въ прежнее время подобные вѣстники хорошихъ военныхъ дѣлъ принимались весьма привѣтливо, объ удачной экспедиціи тотчасъ отдавался приказъ по арміи; кромѣ письменной благодарности главнокомандующаго начальнику отряда, высылались ему нѣсколько солдатскихъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи наиболѣе заслуживающимъ и раненнымъ, разрѣшалось войти съ представленіемъ объ отличившихся, и т. п. На этотъ разъ ничего подобнаго не оказалось; напротивъ, замѣнившій уѣхавшаго изъ края князя Барятинскаго въ званіи начальника штаба генералъ-маіоръ Индреніусъ отправилъ Зазулевскаго назадъ съ какими-то замѣчаніями о напрасныхъ командировкахъ, или

что-то въ этомъ родѣ, хорошенько не помню. Это была еще одна лишняя непріятность для барона Врангеля, еще одинъ лишній поводъ для крайняго всеобщаго неудовольствія противъ новаго режима. Мы узнали также, что и за всю нашу зимную экспедицію ни на какія награды разсчитывать нечего.

Конечно, служить слѣдуетъ не изъ-за наградъ, а изъ-за обязанности исполнять свой долгъ, и проч. Все это очень хорошо въ теоріи, но плохо примѣнимо на практикѣ; а борьба съ установившимися въ войскахъ обычаями, къ тому же обычаями въ сущности безвредными, ни государственныхъ пользъ, ни нравственности не нарушающими, безцѣльно и напрасно раздражаетъ. Было бы очень хорошо, еслибы, напримѣръ, генералъ Муравьевъ обратилъ вниманіе на то, чтобы награды не доставались преимущественно и всегда гораздо скорѣе и легче разнымъ протеже, адъютантамъ, насылаемымъ изъ Тифлиса „для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ“. и т. п., тогда какъ представленія о дѣйствительныхъ работникахъ, фронтовыхъ офицерахъ, сокращались до minimum'а и хаживали по разнымъ мытарствамъ цѣлый годъ, пока наконецъ получалось разрѣшеніе; но совсѣмъ отказать въ наградахъ за цѣлый рядъ опасностей, трудовъ и лишеній похода въ суровую зиму—похода, увѣнчавшагося несомнѣннымъ полезнымъ результатомъ, это—было совершенно напрасное и несправедливое невниманіе къ войскамъ.

Въ первыхъ числахъ мая пріѣхалъ баронъ Вревскій, а чрезъ нѣсколько дней, сдавъ ему управленіе и отказавшись отъ всякихъ торжественныхъ проводовъ, выѣхалъ изъ Грозной баронъ А. Е. Врангель, котораго я съ Зазулевскимъ проводили до Терека. Съ грустью разстались мы съ начальникомъ рѣдкой доброты и деликатности, безъ всякой надежды увидѣть его когда-либо опять на Кавказѣ.

Баронъ Вревскій объявилъ всѣмъ представившимся ему, что онъ никакихъ перемѣнъ производить не намѣренъ, просилъ всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ и продолжать слу-

жить при немъ такъ же, какъ и при баронѣ Врангелѣ. О знакомствѣ со мною вспомнилъ, и узнавъ, что я занимался у барона его перепискою, не входившею въ прямую обязанность штаба, такъ сказать, полуоффиціальною, заявилъ желаніе, чтобъ я дѣлалъ то же у него и оставался, по возможности, каждый день у него въ домѣ. А такъ какъ вмѣстѣ съ командованіемъ лѣвымъ флангомъ за нимъ осталось и начальствованіе обширнымъ Владикавказскимъ округомъ, то дѣла оказалось вдвое, и мнѣ приходилось работать таки порядочно, а еще болѣе разъѣзжать изъ Грозной во Владикавказъ и обратно, то съ нимъ, то одному. Вообще, служба началась для меня весьма дѣятельная и разнообразная; я былъ ей чрезвычайно радъ, потому что она давала мнѣ обильный запасъ всякихъ свѣдѣній, расширяла кругъ моихъ познаній въ военныхъ и административныхъ дѣлахъ края, наталкивала на много новыхъ знакомствъ съ разными частными начальниками и туземцами,—однимъ словомъ, была мнѣ очень полезна.

Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ человѣкъ образованный, умный, чрезвычайно энергическій, неутомимо дѣятельный, притомъ же достаточно знакомый съ Кавказомъ и мѣстными условіями. Но рядомъ съ этимъ обладалъ и крупными недостатками: фантазія его не знала предѣловъ; увлекаясь ею, онъ никакъ не могъ отдѣлить ее отъ практической возможности исполненія; рѣшаясь безъ достаточно зрѣлаго обсужденія и совѣта съ опытными людьми на дѣло, часто испытывалъ неудачи, въ которыхъ, однако, ни за что не хотѣлъ сознаться. Къ такъ называемымъ вліятельнымъ туземцамъ былъ слишкомъ довѣрчивъ, а вообще къ подчиненнымъ относился какъ-то совершенно безучастно, даже съ оттѣнкомъ презрительности; онъ ни съ кѣмъ не былъ грубъ, не шумѣлъ, не ругался, замѣчанія дѣлалъ вовсе не въ какой-нибудь оскорбительной формѣ, а между тѣмъ не возбуждалъ къ себѣ симпатіи ни отдѣльныхъ лицъ, ни еще болѣе войскъ, къ которымъ онъ обращался

развѣ съ рѣдкимъ форменнымъ привѣтствіемъ, не выказывая заботливости или участія, что солдатами тотчасъ подмѣчается и весьма основательно оцѣнивается. Былъ умъ, были познанія, было достаточно энергіи и силы воли, но не проявлялось чувства; вызывалось невольное подозрѣніе въ крайнемъ эгоизмѣ. Такимъ по крайней мѣрѣ онъ казался мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянныхъ близкихъ къ нему отношеній. Я пользовался все это время его расположеніемъ и довѣріемъ, исполнялъ множество его разнородныхъ порученій, кромѣ благодарности и преувеличенно лестныхъ похвалъ ничего отъ него не слыхалъ, и не имѣю ни малѣйшаго повода набрасывать тѣнь на человѣка, павшаго геройскою смертью въ бою съ кавказскими дикарями. Я воздаю ему должное, но не считаю нужнымъ писать панегирики, скрывая недостатки, свойственные каждому смертному. Заслуги барона Вревскаго въ теченіе. пятнадцати лѣтъ на Кавказѣ несомнѣнны; имя его не исчезнетъ изъ лѣтописей Кавказской войны; а нѣсколько словъ, быть можетъ, впрочемъ и ошибочныхъ (я вѣдь ни непогрѣшимости, ни авторитетности за собою не признаю) о его недостаткахъ, ни умалить его значенія не могутъ, ниже оскорбить его память.

Въ промежуткахъ письменныхъ занятій и разъѣздовъ между Грозной и Владикавказомъ, баронъ Вревскій производилъ экспромтомъ довольно рискованныя движенія въ Чечню, чтобы тревожить непокорное населеніе, наносить ему возможный вредъ и не допускать укореняться убѣжденію въ нашемъ безсиліи, о чемъ Шамиль не переставалъ имъ твердить.

20-го мая мы съ барономъ Вревскимъ изъ Грозной, а полковникъ Мищенко (командиръ Куринскаго полка) изъ Воздвижеской одновременно сдѣлали набѣгъ на аулъ Мискеръ-юртъ, откуда, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, многіе чеченцы желали переселиться къ намъ. При этомъ произошла довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ двухъ убитыхъ

и 39 раненыхъ, а переселилось подъ нашимъ прикрытіемъ всего 40 семействъ.

Вторая экспедиція была уже серьезнѣе, продолжительнѣе и памятна мнѣ особенно по неимовѣрнымъ трудамъ, съ которыми она была сопряжена для всѣхъ, но еще болѣе для насъ, двухъ-трехъ состоявшихъ при баронѣ Вревскомъ и безжалостно гоняемыхъ во всѣ стороны съ приказаніями.

10-го іюля баронъ что-то особенно долго и внимательно изучалъ карту при помощи циркуля. Затѣмъ, поздно ночью, былъ призванъ жившій въ Грозной старый чеченецъ Саидъ, служившій намъ всегда проводникомъ, и переводчикъ, офицеръ милиціи изъ чеченцевъ же, Арцу Чермоевъ *). Послѣ долгихъ разспросовъ и справокъ съ картой, рѣшено было движеніе на слѣдующую ночь, и посланы приказанія войскамъ.

11-го числа мы выступили, когда уже совсѣмъ смерклось, къ Аргуну; параллельно съ нами другою дорогой должна была идти колонна подполковника Іедлинскаго и, сойдясь у рѣки, вмѣстѣ переправиться. Отрядъ состоялъ исключительно изъ одной кавилеріи съ конными орудіями и предполагалось, до прибытія другихъ колоннъ съ пѣхотой изъ крѣпости Воздвиженской, предъ разсвѣтомъ, врасплохъ, захватить часть чеченскаго населенія, рискнувшую таки, послѣ апрѣльскаго движенія нашего съ барономъ Врангелемъ, прикочевать на старыя пепелища, скосить траву и вывезти сѣно къ новымъ мѣстамъ, гдѣ въ лѣсныхъ чащахъ не было возможности заготовить кормъ для скота. — Затѣмъ слѣдовало намъ идти на встрѣчу пѣхотѣ и, по соединеніи, всему отряду двинуться на рѣку Бассъ, для истребленія ауловъ и сплошныхъ посѣвовъ кукурузы — главнаго продкукта продовольствія въ Чечнѣ.

Мнѣ уже случалось какъ-то говорить о неудобствахъ и рискованности ночныхъ движеній. Никогда я такъ не убѣж-

---

*) Нынѣ генералъ со звѣздами...

дался въ этомъ, какъ именно въ этотъ разъ. До Аргуна мы доѣхали безъ особыхъ приключеній; ночь была хоть и безлунная, но не особенно темная. Прибывъ къ переправѣ, мы прождали напрасно около часу колонну Іедлинскаго. Съ коней не слѣзали, дремота одолѣвала сильно и подъ шумъ быстраго потока, большинство клевало носомъ. Баронъ Вревскій вдругъ обращается ко мнѣ: „Поручикъ Зиссерманъ, поѣзжайте, разыщите, куда дѣвался Іедлинскій".—Слушаю-съ.— Поворотилъ я коня назадъ и въ сопровожденіи своего вѣстового казака пускаюсь впотьмахъ въ неизвѣстное пространство. Положеніе самое неудобное, какое только себѣ представить можно: куда ѣхать, когда даже дорогу видѣть нельзя и въ странѣ, гдѣ за каждымъ камнемъ, за каждымъ кустомъ, могутъ преспокойно сидѣть нѣсколько чеченцевъ, скрытно слѣдящихъ за движеніемъ отряда?..

Проѣхалъ я версты двѣ; ничего не видно и за все еще раздающимся шумомъ рѣки ничего другого не слышно. Постояли мы съ казакомъ минутъ съ десять, становится жутко... Рѣшились проѣхать еще съ полверсты, боясь не попасть послѣ и къ рѣкѣ назадъ. Вслушиваемся—какіе-то звуки, ближе, слава Богу, грохотъ орудійныхъ колесъ! Наконецъ подъѣзжаетъ наша кавалерія, я вглядываюсь и узнаю по бѣлой папахѣ Іедлинскаго.

— Албертъ Артуровичъ, ради Бога, скорѣе; баронъ ужасно сердится, что васъ нѣтъ, и послалъ меня разыскать васъ.

— О то, пусть себѣ сердится, а мы по нòчамъ безъ прòводника дорогу находимъ съ трудомъ.

Нужно слышать тонъ, польскій акцентъ и ударенія рѣчи Іедлинскаго, чтобы понять весь юморъ и сарказмъ его словъ; на бумагѣ передать это почти невозможно.

Какъ только мы подъѣхали къ переправѣ, баронъ Вревскій уже отправился впередъ, и мнѣ стоило большого труда пробраться среди тысячи полусонныхъ казаковъ, толкавшихъ и ругавшихъ меня безжалостно, не видя впотьмахъ офицера и сердясь на производящаго безпорядокъ и лѣзущаго впе-

редъ. Наконецъ я таки добрался впередъ и доложилъ, что Іедлинскій присоединился и идетъ въ арріергардѣ, а опоздалъ потому, что съ трудомъ нашли дорогу.

Пройдя нѣсколько верстъ рѣдколѣсьемъ, мы втянулись въ чащу; тропинка позволяла идти только въ одинъ конь, темень сдѣлалась такая, что не по пословицѣ „*хоть* глаза выколи", а буквально—„*выкалывай* глаза", ибо вѣтви хлестали въ лицо, царапали до крови; всякъ старался закрывать глаза рукой отъ невидимой опасности, папахъ и фуражекъ было потеряно не мало... Наконецъ, всѣ сошли съ коней, двигаться уже не было никакой возможности, отрядъ очутился какъ бы въ *темницѣ*. Баронъ Вревскій сердился, выходилъ изъ себя, грозилъ проводнику висѣлицей, но все это, конечно, ни къ чему не вело; пробовали зажигать спички, но направо и налѣво и впереди оказывалась непролазная чаща орѣшника, спички тухли и становилось еще мрачнѣе... Пришлось рѣшиться стоять и ждать разсвѣта, до котораго оставалось менѣе двухъ часовъ.

Проводникъ нашъ, пріятель мой Саидъ, былъ не только внѣ всякихъ подозрѣній въ измѣнѣ или умышленномъ выборѣ безпроѣзднаго пути, но даже скорбѣлъ и безпокоился за неудачу не менѣе насъ: вѣдь всякому было понятно, что появись теперь какихъ-нибудь три-четыре десятка чеченскихъ джигитовъ и гикни съ двухъ сторонъ на сонныхъ казаковъ, растянувшихся въ одинъ конь, на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ, произошла бы неминуемая паника, суматоха и кровавая катастрофа съ немалыми безплодными жертвами... А появленія ихъ можно было ожидать весьма легко: у чеченцевъ были тоже свои лазутчики и повѣрнѣе нашихъ, да и безъ того мы съ вечера могли быть случайно замѣчены и скрытно наблюдаемы двумя-тремя человѣками, которые поспѣшили бы дать знать своимъ о ловушкѣ, въ какую мы попались, благодаря непроницаемому мраку и вполнѣ понятной ошибкѣ проводника. Признаюсь, мы таки не безъ тревоги ожидали разсвѣта и не безъ желчи критиковали ночныя движенія,

совершаемыя на основаніи разсчетовъ, по циркульному измѣренію карты. Такія соображенія и разсчеты могутъ оказаться ошибочными даже на шоссейныхъ дорогахъ, не говоря о грунтовыхъ, гдѣ неожиданное препятствіе ночью отниметъ времени больше, чѣмъ требовалось на полперехода; въ такихъ же мѣстахъ, какія представляютъ азіятскіе военные театры, вблизи такого предпріимчиваго, прирожденнаго и воспитаннаго партизана, каковы азіятскія племена, разсчеты по картамъ могутъ повести къ крайне плачевнымъ результатамъ. Баронъ Ипполитъ Александровичъ, измѣряя циркулемъ на картѣ разстояніе, при мнѣ говорилъ Арцу и Саиду: „Выходитъ никакъ не болѣе 20—25 верстъ; для кавалеріи, какъ бы тихо ни двигаться, пять часовъ за глаза довольно; значитъ, мы, выступивъ въ восемь, подойдемъ къ мѣсту часу во второмъ и будемъ имѣть еще до разсвѣта часа два въ запасѣ для отдыха, для другихъ распоряженій. А?“ Но вопросъ предлагался въ такомъ тонѣ, что милѣйшій Арцу если и не раздѣлялъ взгляда, оспаривать не рѣшался, а какъ-то не выражалъ вполнѣ ни да, ни нѣтъ, да пожалуй и не съумѣлъ бы вполнѣ убѣдительно доказать противное.

Послѣ этого совѣщанія былъ еще приглашенъ управлявшій покорными чеченцами, подполковникъ Бѣликъ и опять Саидъ и Арцу. Повторилась та же сцена. Бѣликъ сталъ что-то приводить не въ пользу вѣрности разсчета барона, но въ тонѣ, съ какимъ онъ говорилъ и въ самой формѣ его рѣчи было всегда нѣсколько грубости или грубой откровенности, что не могло нравиться генералу, мало еще знавшему Бѣлика, и потому его возраженія вызвали раздраженіе и не убѣдили, а какъ бы еще болѣе утвердили барона въ его предположеніяхъ. Все это происходило поздно ночью, и когда Бѣликъ съ чеченцами ушли, я получилъ окончательное приказаніе сейчасъ писать бумаги начальникамъ колоннъ о предстоявшемъ на другой день движеніи; и только запечатавъ и отправивъ ихъ съ нарочнымъ, баронъ ушелъ спать и отпустилъ меня.

Возвращаюсь однако къ нашему критическому положенію въ лѣсу. Держа въ поводу лошадей, сидѣли мы на землѣ, покуривая папироски, вполголоса занимались критикой распоряженій начальства,—*мы*, то-есть кружокъ людей служившихъ при баронѣ Врангелѣ и все еще остававшихся подъ грустнымъ впечатлѣніемъ разлуки съ нимъ: адъютанты его Зазулевскій и Палибинъ, инженерный офицеръ Шлыковъ и я; съ барономъ же Вревскимъ изъ Владикавказа прибылъ одинъ только адъютантъ его Нуридъ, добрѣйшій, безхитростный малый, отличный товарищъ, съ которымъ я весьма скоро вполнѣ сблизился. На насъ двухъ баронъ почти исключительно налегалъ, не давая намъ отдыха: поѣзжайте, передайте, посмотрите и т. д.

Стало свѣтать. Саидъ сейчасъ же пошелъ на рекогносцировку. И что же оказалось? Не больше какихъ-нибудь пятнадцати или двадцати саженъ правѣе шла дорога, по которой мы должны были идти, а попали мы на какую-то едва замѣтную лѣсную тропинку лѣвѣе; да и на этой тропинкѣ стоило пробраться еще только съ полверсты и мы были бы на чистой обширной полянѣ, съ которой Саидъ уже и впотьмахъ нашелъ бы дорогу! И досадно, и смѣшно. Однако нечего дѣлать, нужно торопиться; до мѣста, гдѣ предполагалось застать чеченцевъ, пріѣхавшихъ съ арбами для сбора сѣна, оставалось еще верстъ десять или часа полтора ходу. Но тутъ встрѣтилось вдругъ новое препятствіе: баронъ Ипполитъ Александровичъ заснулъ, и бѣдный Нуридъ напрасно употреблялъ всѣ усилія разбудить и поднять его. Мы приписывали такой крѣпкій сонъ крайнему утомленію: толчки при подниманіи, крики надъ самымъ ухомъ—ничего не помогало. Бились не меньше часа, пока наконецъ баронъ окончательно поднялся, и мы тронулись.

Солнце уже взошло, и день предвидѣлся весьма жаркій, какъ и наканунѣ. Двигались мы торопливымъ шагомъ, почти рысью, однако движенія своего уже скрыть не могли, и когда выѣхали на ту обширную поляну, на которой надѣя-

лись застать сотни занятыхъ уборкой сѣна чеченцевъ, мы нашли ее пустою, кое-гдѣ виднѣлись брошенныя арбы безъ быковъ; едва успѣли захватить человѣкъ двухъ, уже особенно безпечныхъ. Зато въ ближайшемъ къ полянѣ орѣшникѣ уже мелькали и конные и пѣшіе люди, приготовившіеся къ дракѣ. Весь отрядъ нашъ состоялъ изъ двадцати шести сотенъ кавалеріи при шести конныхъ орудіяхъ и десяти ракетныхъ станкахъ—всего менѣе трехъ тысячъ человѣкъ казаковъ донскихъ и кавказскихъ, да осетинскихъ милиціонеровъ изъ Владикавказскаго округа. Баронъ Вревскій остановилъ отрядъ на полянѣ и раздѣлилъ его на три колонны; правую съ командиромъ перваго Сунженскаго полка подполковникомъ Балугьянскимъ, при которомъ три сотни осетинъ съ ихъ приставомъ маіоромъ графомъ Симоничемъ, для обхода орѣшника съ одной стороны; лѣвую подъ начальствомъ командира второго Сунженскаго полка, подполковника Федюшкина, для дѣйствія съ другой стороны, съ тѣмъ, чтобъ обхватить лѣсъ, истребить или парализовать сосредоточившагося тамъ непріятеля и проникнуть на слѣдующую поляну, куда чеченцы вѣроятно успѣли перегнать свой скотъ и рабочихъ. Центральная же колонна, при которой оставался генералъ, должна была демонстрировать, подвигаясь медленно къ лѣсу и служа резервомъ для двухъ другихъ.

Не успѣли колонны отъѣхать и скрыться изъ вида, какъ съ правой стороны послышалась сильная учащенная перестрѣлка и громкіе, пронзительные гики. Баронъ приказываетъ мнѣ скакать туда узнать, что тамъ происходитъ. Скачу версты двѣ—и вижу печальную картину: неопытный начальникъ колонны и взбалмошный осетинскій приставъ, вмѣсто обхвата лѣса, подвинулись прямо къ нему безо всякихъ предосторожностей и были встрѣчены почти въ упоръ залпомъ нѣсколькихъ сотъ чеченцевъ. Цѣлая куча лошадей убитыхъ и искалѣченныхъ повалились, раздались стоны раненыхъ и осетины, совсѣмъ не привыкшіе къ такимъ исторіямъ, потерявъ го-

лову, давали возможность чеченцамъ жарить ихъ почти на выборъ... Насилу удалось ихъ отвести подальше отъ лѣса и разсыпать казачью цѣпь для удержанія чеченцевъ. Небольшое пространство въ какую нибудь версту было усѣяно отличными лошадьми; у многихъ не успѣли снять сѣделъ, многія тяжело раненыя стояли понуривъ головы среди лужъ крови; опѣшенные осетины, все такой видный, прекрасно одѣтый народъ, очевидно старавшійся явиться на первомъ дебютѣ въ Чечнѣ щеголями, тянутся кучками, несутъ убитыхъ и раненыхъ, а Балугьянскій съ Симоничемъ препираются, обвиняя другъ друга въ печальномъ приключеніи...

Я поскакалъ назадъ доложить генералу о происшедшемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о замѣченномъ передвиженіи непріятеля ближе, противъ центральной колонны. Баронъ былъ крайне недоволенъ и огорченъ, потребовалъ къ себѣ Балугьянскаго съ Симоничемъ и жестоко намылилъ имъ голову. Мы не могли безъ смѣха и даже нѣкотораго злорадства выслушивать все продолжавшихся между этими двумя господами пререканій и упрековъ. Оба они были не наши, то есть принадлежали не къ лѣвому флангу, а къ Владикавказскому округу, и мы какъ бы находили подтвержденіе своему, уже признанному преимуществу въ умѣніи воевать, а гдѣ же, молъ, вамъ, господа, соваться въ Чечню; не ваше это дѣло!..

Между тѣмъ, нашъ опытный, бравый Федюшкинъ, не взирая на неудачу правой колонны, отлично исполнилъ свое дѣло, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, порядочное количество скота и съ незначительною потерей отступилъ, не встрѣчая ожидавшейся съ другой стороны колонны. Къ сожалѣнію, самъ Федюшкинъ былъ при этомъ раненъ въ ногу, впрочемъ, неопасно.

Пока все это происходило, перевалило уже за полдень; жара стала невыносима, на свинцовомъ небѣ какимъ-то желтымъ пятномъ, въ видѣ мѣднаго таза, стояло солнце, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. Безсонная ночь, утомленіе, жажда — все соединилось, чтобы лишить и людей, и лошадей

возможности двигаться. При всей моей выносливости и привычкѣ, я едва держался на сѣдлѣ и, казалось, ежеминутно готовъ былъ свалиться. Но баронъ Вревскій оказался неутомимымъ. Послѣ короткаго привала и завтрака, раздалась команда „садись“, и мы опять потянулись сначала нѣсколько верстъ въ одномъ направленіи, послѣ въ другомъ. Непріятель издали слѣдилъ за нами, пуская изрѣдка выстрѣлы. Наконецъ, повернули мы на торную дорогу, и часовъ въ шесть вечера достигли поляны, гдѣ нашли прибывшую изъ крѣпости Воздвиженской колонну донского подполковника Ежова изъ шести ротъ Куринцевъ, при трехъ орудіяхъ, и трехъ сотенъ казаковъ, и тутъ только расположились на ночлегъ. Такимъ образомъ, пришлось почти безъ отдыха пробыть двадцать два часа на конѣ, въ невыносимый зной. Казаки долго помнили этотъ походъ.

Поздно ночью присоединился къ намъ съ колонной еще полковникъ Мищенко, и составился отрядъ изъ 5¼ бат., 29½ сотенъ конницы, при 14-ти орудіяхъ и 14-ти ракетныхъ станкахъ — сила достаточная для серьезныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, не вдаваясь, конечно, въ лѣсныя чащи.

13-го числа двумя колоннами двинулся отрядъ къ большому аулу Кыйсымъ-Ирзау, сжигая по дорогѣ всѣ отдѣльные хутора и поселки. Аулъ, послѣ жаркой перестрѣлки, былъ занятъ и истребленъ до тла. 14-го числа весь день кавалерія занималась истребленіемъ по теченію рѣки Басса обширныхъ посѣвовъ почти дозрѣвавшей уже кукурузы. Косили ее и косами и шашками. Самъ баронъ преусердно работалъ шашкой, заставляя и всѣхъ насъ дѣлать то же, а замѣтивъ, что мы съ Зазулевскимъ перестали, серьезно разсердился и назвалъ насъ „бѣлоручками“.

Въ это время пѣхотная цѣпь, разсыпанная кругомъ, вела довольно оживленную перестрѣлку, и мнѣ безпрестанно приходилось скакать съ приказаніями и вопросами.

15-го числа отрядъ отступилъ къ Аргуну и войска разошлись по своимъ мѣстамъ. Экспедиція обошлась довольно

дорого: мы потеряли убитыми 7 человѣкъ, ранеными 6 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 63 человѣка нижнихъ чиновъ. Лошадей потеряли болѣе ста...

По возвращеніи въ Грозную начались опять дѣятельныя занятія письменными дѣлами, а какъ только являлось что-нибудь болѣе нужное по управленію Владикавказскимъ округомъ, дѣла коего не были подъ рукой, я тотчасъ долженъ былъ скакать во Владикавказъ (100 верстъ по сунженскимъ станицамъ) и на третій-четвертый день возвращаться обратно. Иной разъ становилось уже немножко и тяжело, и хотѣлось бы отдохнуть, но баронъ какъ-то налегъ на меня одного.

XLIX.

24-го апрѣля получилъ я еще особую командировку въ укрѣпленіе Куринское, для изслѣдованія злоупотребленій по выдачѣ жителямъ аула Исти-су денегъ, высочайше пожалованныхъ имъ за отличіе при пораженіи скопищъ Шамиля 2-го октября 1854 года и вмѣсто провіанта, назначеннаго имъ въ пособіе при поселеніи въ нашихъ предѣлахъ. Объ этихъ злоупотребленіяхъ до барона Вревскаго дошли свѣдѣнія частнымъ путемъ, и онъ строго приказалъ мнѣ открыть виновныхъ, донося ему почаще о ходѣ дѣла.

Чтобы добраться до Куринскаго и Исти-су, пришлось совершать кружный путь по Тереку чрезъ Хасавъ-юртъ. Выѣхавъ 25-го августа съ оказіей до станицы Николаевской, я оттуда на почтовыхъ черезъ Червленную и Щедринъ пріѣхалъ въ Шелковую, а на другой день съ оказіей цѣлый день тащился 30 верстъ до Хасавъ-юрта. Явился я здѣсь къ командиру Кабардинскаго полка, свиты Его Величества генералъ-маіору барону Николаи, командовавшему вообще войсками на Кумыкской плоскости, и доложилъ ему о своемъ порученіи, прося содѣйствія добраться до Куринскаго. Хотя я уже во время зимней экспедиціи и имѣлъ случай видѣть барона Николаи, но узналъ его собственно ближе только въ

этотъ разъ. Молодой, чрезвычайно пріятный, симпатичный, вѣжливый, Леонтій Павловичъ Николаи располагалъ къ себѣ всѣхъ знавшихъ его; какъ военный человѣкъ, онъ былъ съ большимъ запасомъ спеціальныхъ познаній, лично очень храбръ и, что̀ еще важнѣе, въ дѣлѣ совершенно хладнокровенъ; не горячился, не выходилъ изъ себя, держалъ себя чрезвычайно ровно, не мѣняясь и въ минуты самаго жаркаго боя. При этомъ идеально безкорыстный, честный человѣкъ. Казалось, такимъ образомъ въ немъ соединились всѣ достоинства и какъ частнаго лица, и какъ военнаго дѣятеля, а между тѣмъ—странное явленіе—сколько я ни зналъ высшихъ начальниковъ, къ коимъ въ служебныхъ отношеніяхъ находился баронъ Николаи, всѣ они вполнѣ его уважали какъ человѣка, но не совсѣмъ цѣнили какъ дѣятеля. Что̀ было этому причиной—я не могу себѣ вполнѣ объяснить; можетъ быть, свойственныя большинству офицеровъ генеральнаго штаба увѣренность въ своей непогрѣшимости и какъ бы нѣкоторое оспариваніе способностей и качествъ всѣхъ не изъ генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего баронъ Николаи не всегда буквально исполнялъ то, что ему предписывалось, а дѣлалъ какъ самъ находилъ за лучшее *). Повторяю: „можетъ-быть“; это мое личное предположеніе только. Хотя онъ не могъ пожаловаться, чтобы его обходили наградами, хотя онъ, еще относительно весьма молодымъ человѣкомъ, былъ уже и генералъ-лейтенантъ, и генералъ-адъютантъ, и начальникъ кавказской гренадерской дивизіи, но удовлетворить его это не могло, потому что все же ему не давали самостоятельнаго назначенія командующаго войсками, съ обширнымъ раіономъ дѣйствій, гдѣ бы онъ могъ проявить свои высшія военныя и административныя способности; между тѣмъ, назначались даже и моложе его чинами на такія должности. Впо-

*) Впрочемъ, баронъ Николаи, что тоже довольно странно, хоть и самъ офицеръ генеральнаго штаба, но особаго расположенія къ этой спеціальности не оказывалъ и никогда у него въ отрядѣ не было офицеровъ генеральнаго штаба.

слѣдствіи онъ вдругъ отдался весь религіозному мистицизму, перешелъ изъ лютеранскаго въ католическое исповѣданіе, сдѣлался ревностнымъ посѣтителемъ католической въ Тифлисѣ церкви, наконецъ вышелъ въ отставку, отрѣшился отъ міра и вступилъ въ южной Франціи въ одинъ изъ самыхъ суровыхъ, аскетическихъ монашескихъ орденовъ... Но это относится уже къ шестидесятымъ годамъ, а когда я пріѣхалъ въ Хасавъ-юртъ, баронъ Николаи былъ еще полонъ надеждъ и боевыхъ стремленій.

Принявъ меня весьма любезно, баронъ много разспрашивалъ о грозненскихъ дѣлахъ, о нашей іюльской экспедиціи, о причинахъ столь значительной потери. Въ словахъ его проглядывала едва-едва замѣтная иронія... Поговорили и о дѣлѣ, за которымъ я ѣхалъ въ Куринское, причемъ баронъ Николаи сомнѣвался, чтобы тутъ были злоупотребленія, которымъ онъ, по своей безукоризненной честности, вообще мало вѣрилъ, а полагалъ, что скорѣе допущены какія нибудь недоразумѣнія или безпорядки. На другой день, приказавъ дать мнѣ полковыхъ лошадей и конвой, Леонтій Павловичъ, послѣ обѣда у него, за которымъ я познакомился съ нѣсколькими прикомандированными къ Кабардинскому полку прусскими офицерами (о нихъ еще буду говорить послѣ) отпустилъ меня, приглашая на обратномъ пути опять заѣхать и сообщить о результатѣ слѣдствія.

Небольшое укрѣпленіе Куринское, построенное у подножія Качкалыковскаго хребта, занималось однимъ баталіономъ Кабардинскаго полка съ двумя полевыми орудіями и Донскимъ казачьимъ полкомъ; этотъ гарнизонъ вмѣстѣ съ тѣмъ назывался „подвижнымъ резервомъ", подчинялся старшему штабъ-офицеру, и на обязанности его лежало охранять ближайшій раіонъ отъ непріятельскихъ партій, служить прикрытіемъ поселившимся вблизи выходцамъ изъ Чечни, содѣйствовать новымъ желающимъ выселиться къ намъ, дѣлать иногда внезапные набѣги на ближайшіе непріятельскіе аулы, находившіеся въ весьма недальнемъ раз-

стояніи за лѣсистымъ хребтомъ въ долинѣ рѣки Мичика. Въ мой пріѣздъ туда начальникомъ резерва былъ командиръ Донского полка подполковникъ Поляковъ, а баталіономъ командовалъ маіоръ Г. К. Властовъ, о которомъ я уже упоминалъ.

Военныя знакомства сводятся весьма легко и скоро; особенно на Кавказѣ мѣстныя условія были таковы, что широкое гостепріимство и легкость сближенія совершались совершенно естественно. Въ такомъ мѣстѣ, какъ напримѣръ укрѣпленіе Куринское, изображавшее собою нѣчто въ родѣ монастыря, брошеннаго среди безбрежнаго моря на островъ, изрѣдка посѣщаемый судами, появленіе новаго свѣжаго человѣка было пріятнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, если человѣкъ былъ „штабный", слѣдовательно, обладающій запасомъ всякихъ свѣдѣній. Рядомъ съ дѣломъ, которымъ я весьма энергично занялся, я не терялъ времени и на новыя знакомства, и на собираніе нѣкоторыхъ свѣдѣній о мѣстности и ближайшихъ непріятельскихъ аулахъ, въ чемъ помогъ мнѣ качкалыковскій наибъ чеченецъ Бата, имѣвшій чинъ штабсъ-капитана милиціи. Этотъ Бата былъ въ своемъ родѣ замѣчательный типъ кавказскаго горца: хитрый, лукавый, всѣмъ и вездѣ льстившій, съ постоянно заискивающею улыбкой на устахъ. Молодымъ человѣкомъ, въ разгаръ войны съ нами, бѣжалъ онъ отъ своихъ къ русскимъ, заявляя желаніе служить *вѣрой и правдой*; его приняли, онъ съумѣлъ поддѣлаться къ начальству, произвели его въ милиціонные офицеры, награждали, баловали; но въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ, явился къ Шамилю съ раскаяніемъ, обѣщаніемъ служить *вѣрой и правдой*, загладить вину и принести пользу пріобрѣтенными среди русскихъ свѣдѣніями. Имамъ его принялъ, обласкалъ, а чрезъ нѣсколько времени до того довелъ свое благоволеніе, что назначилъ его наибомъ, приглашалъ на совѣщанія, бралъ съ собой въ серьезнѣйшія движенія противъ русскихъ и т. д. Въ 1850—51, кажется, годахъ, Шамиль, зная о готовящейся противъ него въ Чечнѣ значитель-

ной русской экспедиціи, сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ изъ дальнихъ дагестанскихъ и лезгинскихъ горныхъ обществъ, а для продовольствія ихъ поручилъ наибу Батѣ заготовить покупкою хлѣба, и отпустилъ ему на это изрядную сумму серебряныхъ рублей. Кушъ на глаза чеченца показался слишкомъ заманчиво-соблазнительнымъ, и Бата, вмѣсто покупки хлѣба, счелъ за лучшее спрятать деньги въ карманъ, а свою особу поручить покровительству великодушныхъ урусовъ, имѣющихъ слабость говорить: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ". Явившись къ нашему начальству, онъ обѣщалъ служить *вѣрой и правдой* и, какъ бывшій наибъ и приближенный къ Шамилю человѣкъ, принести намъ великую пользу своими свѣдѣніями о непріятелѣ. Его приняли; и повелъ онъ свои дѣла такъ, что въ 1855 году я засталъ его штабсъ-капитаномъ и нашимъ наибомъ надъ всѣми аулами покорныхъ чеченцовъ, поселенныхъ вдоль Качкалыковскаго хребта, пользующимся расположеніемъ и довѣріемъ всѣхъ начальниковъ. Хитрый Бата тогда уже видѣлъ ясно, что дѣло Шамиля потеряно, что борьба утратила всякіе шансы на успѣхъ, и что, не взирая на войну съ Турціей, на вражду инглизовъ, на разныя интриги эмиссаровъ, распространявшихъ воззванія не только къ туземцамъ, но и къ офицерамъ и солдатамъ изъ поляковъ въ рядахъ нашей арміи,— не далеко время, когда непокорному Кавказу вообще, а Чечнѣ въ особенности, придется склонить буйную голову и изъявить покорность. Поэтому только, конечно, онъ уже и не помышлялъ о новой измѣнѣ и старался угождать всѣмъ и вездѣ сколько можно.

Со мною, какъ со знающимъ татарскій языкъ, да еще пріѣхавшимъ съ порученіемъ, касающимся его подчиненныхъ чеченцевъ, онъ сошелся весьма скоро и былъ весьма обязательнымъ отвѣтчикомъ на всѣ мои вопросы, за исключеніемъ, конечно, щекотливыхъ, лично его касавшихся. Объяснялся онъ довольно изрядно по-русски и—нужно отдать

ему справедливость—умѣлъ держать себя съ замѣчательнымъ тактомъ.

Прибывъ вмѣстѣ съ Бата въ Исти-су и собравъ общество тамошнихъ переселенцевъ, я спросилъ у нихъ, имѣютъ ли какія-нибудь претензіи, въ чемъ именно и на кого. Оказалось претензій не мало, все о неполученіи денегъ, и хотя прямо не жаловались на подполковника Полякова, но очевидно было, что они или подозрѣвали его, или, вслѣдствіе какой-нибудь интриги, намеками старались набросить на него тѣнь. Записавъ все высказанное жителями, я возвратился въ Куринское и самымъ тщательнымъ образомъ занялся просмотромъ всѣхъ бумагъ и счетовъ по отпуску переселенцамъ пособій. Розыски мои привели къ положительному убѣжденію, что никакихъ злоупотребленій не было, а было наше халатное отношеніе къ дѣлу, крайній безпорядокъ въ веденіи переписки и отчетности и неумѣніе или, вѣрнѣе, нежеланіе разъяснить толкомъ и своевременно жителямъ положеніе дѣла и причины, вслѣдствіе коихъ они получали не сполна или вовсе не получали имъ слѣдуемаго. Одною изъ главныхъ причинъ была просто невысылка въ провіантскій магазинъ денегъ, иногда высылка бумажками вмѣсто серебра, коимъ именно приказано было удовлетворять чеченцевъ и т. п.

Удовлетворивъ лично всякаго разъясненіями по ихъ претензіямъ, а нѣкоторыхъ и деньгами, задержанными просто по канцелярской безалаберности, и получивъ отъ нихъ засвидѣтельствованную наибомъ Бата подписку, что болѣе никакихъ претензій не имѣютъ, я, послѣ двухъ недѣль пребыванія въ Куринскомъ, уѣхалъ въ Хасавъ-юртъ, гдѣ и прожилъ сутки. Баронъ Николаи былъ очень доволенъ, что слова его объ отсутствіи злоупотребленій оправдались.

Въ этотъ разъ я немного ближе узналъ тѣхъ четырехъ прусскихъ офицеровъ, о коихъ упоминалъ выше. Въ разгаръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ изъ Пруссіи и Австріи прибыло нѣсколько офицеровъ для поступленія въ наши полки.

Изъ нихъ четверо пруссаковъ поступили въ Кабардинскій полкъ, именно: Бюнтингъ, фонъ-Шакъ, фонъ-Буденброкъ и Брозе. Первые двое пользовались особымъ расположеніемъ барона Николаи, какъ увѣряли наши офицеры, потому что владѣли французскимъ языкомъ и вообще были аристократичнѣе манерами; другіе же двое, особенно Брозе, пользовались больше расположеніемъ въ полку, потому что держали себя вполнѣ товарищами, несли наравнѣ со всѣми службу, не выказывая ни малѣйшимъ образомъ своего превосходства. Впрочемъ, всѣ четверо были хорошіе офицеры, образованные люди и безупречно храбрые; иными въ Кабардинскомъ полку и быть не приходилось. Судьба ихъ была далеко не одинакова. Брозе, командуя ротой въ небольшомъ укрѣпленіи въ Аухѣ, при какой-то пустой ночной перестрѣлкѣ убитъ, къ крайнему сожалѣнію всего полка. Буденброкъ возвратился въ Пруссію, отличился въ войну противъ Австріи въ 1866 году, и, если не ошибаюсь, въ послѣднюю войну съ французами, командуя баталіономъ, былъ раненъ. Фонъ-Шакъ, будучи штабсъ-капитаномъ, принялъ участіе въ дуэли между княземъ Горчаковымъ и барономъ Фитингофомъ въ Пятигорскѣ въ 1859 году, и разжалованъ въ солдаты. По ходатайству покойнаго князя Мих. Дм. Горчакова, ему возвращенъ чинъ, затѣмъ великій князь Михаилъ Николаевичъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты, а съ производствомъ въ полковники, онъ получилъ въ команду Ставропольскій пѣхотный полкъ, съ которымъ и выступилъ въ нынѣшнюю войну въ Малую Азію. Здѣсь оказалъ много отличій, произведенъ въ генералы, награжденъ Георгіемъ 3-й степени, и теперь командуетъ 2-ю бригадой Кавказской гренадерской дивизіи. Бюнтингъ же, попавшій въ 1859 году, по рекомендаціи барона Николаи, въ адъютанты къ князю Барятинскому, сдѣлалъ быструю карьеру, командовалъ стрѣлковымъ баталіономъ, Эриванскимъ гренадерскимъ полкомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ и, съ производствомъ въ генералы, коман-

диромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Года два тому назадъ, послѣ краткой болѣзни, умеръ въ Петербургѣ.

Изъ Хасавъ-юрта тѣмъ же путемъ по Тереку вернулся я 18-го сентября въ Грозную. Въ мое отсутствіе съ барономъ Вревскимъ приключилась бѣда: онъ заболѣлъ сильною горячкой, въ безпамятствѣ ночью выскочилъ во дворъ и чуть не бросился въ колодецъ, у котораго былъ удержанъ людьми и опять уложенъ въ постель, а затѣмъ отвезенъ во Владикавказъ. На время его болѣзни, для завѣдыванія флангомъ былъ командированъ изъ Ставрополя начальникъ штаба генералъ Капгеръ. Къ нему-то я на другой день и явился, объяснилъ дѣло, по которому былъ командированъ, и представилъ подробное донесеніе съ изложеніемъ моихъ предположеній насчетъ порядка, какой долженъ быть введенъ для избѣжанія на будущее время ропота чеченцевъ и неправильностей въ удовлетвореніи ихъ казенными пособіями.

Кратковременное завѣдываніе генерала Капгера не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Мы очень весело проводили у него время, дѣлами занимались безо взякой ретивости, ибо и самъ Александръ Христіановичъ вообще не любилъ особенно углубляться въ дѣла, и другихъ не заставлялъ; теперь же тѣмъ болѣе можно было не усердствовать, что считалъ себя калифомъ на часъ. Любимѣйшее развлеченіе былъ преферансъ, въ которомъ онъ былъ мастеромъ.

Около половины октября выздоровѣвшій баронъ Вревскій уже возвратился въ Грозную и тотчасъ же самъ занялся со своимъ всегдашнимъ усердіемъ дѣлами, и меня запрегъ еще пуще прежняго, а поѣздки мои во Владикавказъ и обратно до того участились, что я уподобился какому-нибудь кондуктору, совершающему чуть не изо дня въ день свои опредѣленные рейсы. Что̀ тутъ доставалось моимъ бокамъ отъ толчковъ и глазамъ отъ пыли—вспомнить страшно! Было очевидно, что баронъ желалъ превратить свое временное начальствованіе лѣвымъ флангомъ въ постоянное и притомъ съ присоединеніемъ Владикавказскаго округа, что̀ вполнѣ соотвѣт-

ствовало бы его честолюбивымъ мечтамъ. Но пока длилась война, главнокомандующій былъ подъ Карсомъ, озабоченный неудачнымъ кровавымъ штурмомъ и устройствомъ тѣсной блокады, о хлопотахъ по исполненію своихъ желаній барону Вревскому не приходилось и думать: все откладывалось до болѣе удобнаго времени.

Въ числѣ постоянныхъ порученій, бывшихъ поводомъ моихъ разъѣздовъ по Сунженской линіи между Грозной и Владикавказомъ, какъ-то особенно сохранилось въ моей памяти одно, ничего особенно важнаго въ себѣ не заключавшее, но имѣвшее печальныя послѣдствія для командира 1-го сунженскаго казачьяго полка, подполковника Балугьянскаго. Однажды изъ Грозной былъ отправленъ во Владикавказъ пакетъ съ надписью: „весьма экстренно; отправлять отъ поста до поста безъ малѣйшаго задержанія“. Такимъ образомъ бумага должна была получиться на мѣстѣ назначенія самое большое въ сутки (100 верстъ), и столько же времени требовалось для отвѣта. Однако прошло трое, четверо сутокъ—отвѣта нѣтъ; а между тѣмъ это было, кажется, экстренное распоряженіе о какомъ-то передвиженіи части войскъ по поводу предстоявшаго набѣга чеченцевъ, о чемъ были получены въ Грозной чрезъ лазутчиковъ положительныя извѣстія. Послали особаго расторопнаго казака нарочнымъ во Владикавказъ, съ тѣмъ чтобы на другой день былъ доставленъ отвѣтъ, почему не получено донесенія на первое экстренное предписаніе? Каково же было изумленіе барона Вревскаго, когда нарочный вернулся изъ Владикавказа и привезъ извѣстіе, что тамъ никакого экстреннаго пакета не получали и впервые слышатъ о такомъ-то распоряженіи! Гнѣвъ его еще болѣе усилился, когда дали знать, что дѣйствительно чеченцы сдѣлали набѣгъ гдѣ-то на Сунженской линіи, угнали скотъ, захватили плѣнныхъ и ушли совершенно благополучно.

Для разслѣдованія причинъ медленности и розыска виновныхъ, баронъ приказалъ мнѣ немедленно ѣхать отъ поста до поста и во что бы ни стало открыть гдѣ и кто задержалъ

пакетъ и ожидать затѣмъ во Владикавказѣ его пріѣзда. Исполняя это порученіе, я по слѣдамъ, то-есть по постовымъ книгамъ, гдѣ записывались прибытіе и отправленіе пакетовъ и нарочныхъ, добрался на слѣдующее утро до станціи Слѣпцовской, резиденціи командира полка и начальника Сунженской линіи, и тутъ-то именно нашелъ въ кучѣ другихъ, запыленныхъ и пожелтѣвшихъ отъ долгаго пребыванія въ грязной, наполненной мухами канцеляріи сотеннаго командира, и злополучный пакетъ съ его внушительною надписью! Книга для записки пакетовъ и нарочныхъ была въ самомъ безобразномъ видѣ, съ разными помарками и пропусками за цѣлые мѣсяцы...

Порученіе было исполнено, и я рѣшился остаться въ Слѣпцовской до пріѣзда барона Вревскаго, чтобы здѣсь же доложить ему о результатахъ и, если захочетъ, представить corpus delicti въ видѣ пакета и постовой книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ обязанностью явиться къ старшему военному лицу, и отправился къ подполковнику Б., имѣя при этомъ эгоистическій разсчетъ воспользоваться гостепріимствомъ, пообѣдать, поболтать и вообще провести сутки не одному въ казачьей хатѣ на сухояденіи, а пріятно и съ комфортомъ. Все знакомство мое съ Б. ограничивалось конечно только единственною встрѣчей во время описаннаго выше дѣла въ Чечнѣ, гдѣ онъ такъ неудачно дебютировалъ и подвергъ осетинскую милицію большимъ потерямъ, но на Кавказѣ искони гостепріимство было такъ широко, особенно для штабныхъ, что можно было и вовсе незнакомому явиться, разсчитывая на ласковый пріемъ. Оказалось однако, что нѣтъ правила безъ исключенія: сидѣвшій за обѣдомъ съ нѣсколькими офицерами Б., когда ему доложили, что пріѣхалъ изъ Грозной офицеръ, приказалъ ввести меня въ кабинетъ, куда черезъ нѣсколько минутъ и вышелъ, встрѣтивъ меня вопросомъ: что вамъ угодно?

— Честь имѣю явиться, поручикъ такой-то, прибылъ сюда

по службѣ и остаюсь здѣсь ожидать пріѣзда генерала барона Вревскаго.

— Очень хорошо; обратитесь къ станичному начальнику,— онъ вамъ отведетъ квартиру.

Легкій, величественный кивокъ головой, и полковникъ удалился назадъ въ столовую, откуда неслись веселые голоса обѣдавшихъ.

Не скрываю, что я былъ и озадаченъ, и оскорбленъ такимъ пріемомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ однако не могъ я не разсмѣяться надъ оригинальною фигурой, которую сей олимпіецъ-командиръ казачьяго полка изображалъ собою: въ какомъ-то кургузомъ пиджакѣ, бѣломъ жилетѣ, съ заложенными за него большими пальцами обѣихъ рукъ—точь въ точь какъ актёръ Максимовъ въ роли коломенскаго монпера.

Вернулся я въ станицу, въ отведенную квартиру, разочарованный насчетъ пріятныхъ надеждъ, удовольствовался коекакою дрянью вмѣсто обѣда, и проскучалъ до вечера. На другой день пріѣхалъ баронъ Вревскій и остановился въ домѣ полкового командира на нѣсколько минутъ, пока перемѣняли лошадей. Я тотчасъ же явился и спросилъ: не угодно ли выслушать докладъ по исполненному мною порученію?

— Что̀ же, открыли виновныхъ?

— Да, открылъ, ваше превосходительство, и именно здѣсь, въ штабѣ 1-го Сунженскаго полка.

— А, вотъ какъ! разскажите подробности.

Вчерашній пиджакъ стоялъ тутъ же, но уже конечно одѣтый по формѣ, и силился придавать своей фигурѣ оттѣнокъ фамильярности, даже нѣкоторой пренебрежительности въ отношеніи къ барону Вревскому.—Балугьянскій вовсе не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, о какихъ виновныхъ, и совершенно равнодушно взглянулъ на меня, когда я началъ свой докладъ. Но когда я дошелъ до описанія открытыхъ въ ближайшемъ присутствіи его безобразій, въ видѣ кучи валяющихся на столѣ и подъ столомъ пакетовъ, въ томъ числѣ и такого, на коемъ была

надпись „весьма экстренно“, когда тутъ же представилъ и пакетъ, и книгу, прибавивъ, что г. сотенный командиръ не удостоилъ зайти въ канцелярію когда я оттуда послалъ просить его, а писарь былъ *съ похмѣлья*,—тогда г. Б. раздраженнымъ тономъ сказалъ: „Это не можетъ быть; это какая-то фантазія“.

Баронъ Вревскій весьма рѣзко замѣтилъ ему, что состоящій при немъ довѣренный офицеръ не станетъ докладывать ему фантазій, а тутъ и доказательство на лицо въ видѣ пакета и книги; лучше ему заняться устраненіемъ такихъ безпорядковъ и строже наблюдать за линіей.

Послѣ этого мы усѣлись въ тарантасъ и уѣхали во Владикавказъ. Я былъ очень доволенъ, что надутому Б. намылили голову, и думалъ, что на этомъ дѣло окончилось. Вышло иначе. Баронъ приказалъ мнѣ написать ему письмо, смыслъ коего былъ тотъ, что ему на Сунженской линіи очевидно *не везетъ* (это самъ баронъ вставилъ), и потому для него гораздо лучше будетъ похлопотать о другомъ назначеніи. Б., какъ командиръ казачьяго полка, имѣлъ свое непосредственное начальство въ лицѣ наказнаго атамана, и смотрѣлъ на подчиненіе начальнику Владикавказскаго округа слегка, какъ на номинальное, касающееся неважнаго, по его мнѣнію, завѣдыванія линіей, къ тому же сильно опирался на поддержку начальника штаба въ Ставрополѣ, женатаго на племянницѣ Б., и, въ полномъ убѣжденіи, что баронъ Вревскій ему ничего сдѣлать не можетъ, рѣшился отвѣтить на письмо весьма рѣзко, позволивъ себѣ прибавить, что не ему *не везетъ*, а *твоему флату*—намекъ на самого генерала Вревскаго...

Я ничего не зналъ о полученіи барономъ этого письма, и потомъ былъ не мало удивленъ, когда онъ приказалъ мнѣ приготовить предписаніе командиру Владикавказскаго казачьяго полка, полковнику Шостаку, тотчасъ вступить въ командованіе Сунженской линіей, а въ Ставрополь къ атаману, къ командующему войсками и въ Тифлисъ къ начальнику штаба полетѣли письма съ изложеніями дѣла и настойчивымъ требо-

ваніемъ немедленнаго устраненія Б. совсѣмъ изъ-подъ его вѣдѣнія.

Кончилось тѣмъ, что у подполковника Б. взяли полкъ, всѣ дальнѣйшія хлопоты получить другое назначеніе не удавались, онъ вышелъ въ отставку, исчезъ куда-то за границу и, какъ разсказывали, уже много лѣтъ спустя очутился въ По, въ южной Франціи, чуть ли не содержателемъ ресторана. Человѣкъ онъ былъ съ хорошимъ салоннымъ образованіемъ, вертѣвшійся въ Петербургѣ и въ аристократическихъ, и въ литературно-художественныхъ кружкахъ, привыкшій къ роскоши и мотовству, одинъ изъ тѣхъ продуктовъ столичной праздной жизни, для которыхъ пикники, обѣды съ шампанскимъ, ужины съ цыганками и т. п. не только желаніе, но и конечная цѣль бытія.

Послѣ этого порученія имѣлъ я еще одно—въ Малую Кабарду, для улаженія нѣсколькихъ претензій между жителями разныхъ ауловъ другъ къ другу и къ кабардинскимъ князьямъ. Пришлось мнѣ отъ извѣстнаго всѣмъ проѣзжавшимъ по почтовой дорогѣ на Кавказъ минарета переправиться въ бродъ черезъ Терекъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1846 году совершилъ свою знаменитую переправу Шамиль съ 12 тысячами человѣкъ, подъ носомъ отряда барона Меллера-Закомельскаго. Тутъ я узналъ подробности этого выдающагося въ кавказскихъ лѣтописяхъ военнаго эпизода по разсказамъ жителей-очевидцевъ и участниковъ, девять лѣтъ спустя все еще недоумѣвавшихъ, какъ это выпустили тогда Шамиля изъ рукъ...

Дня три провелъ я въ малокабардинскихъ аулахъ; сколько помню, успѣлъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшить задачу моего порученія, ибо согласилъ спорщиковъ къ миролюбивому окончанію, тутъ же возвратилъ и удовлетворилъ за неправильно-отнятое и т. д. Выѣхалъ я изъ Кабарды въ Екатериноградъ и ночевалъ у весьма хорошаго моего знакомаго и вообще прекраснаго человѣка, командира Горскаго казачьяго полка, полковника Товбича, у котораго засталъ

флигель-адъютанта полковника Д., разъѣзжавшаго цѣлый годъ по сѣверному Кавказу для наблюденія за формированіемъ запасныхъ баталіоновъ. Вотъ былъ типъ ремешковаго офицера былыхъ временъ! Вся военная наука, до стратегіи и фортификаціи включительно, въ глазахъ его, заключалась въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ. Будучи ярымъ поклонникомъ Н. Н. Муравьева и всѣхъ его *антикавказскихъ* взглядовъ, г. Д. чрезвычайно былъ огорченъ неудачнымъ штурмомъ Карса, могущимъ повредить славѣ главнокомандующаго, и доказывалъ, что неудача произошла оттого, что „въ войскахъ не было шагу!..“ Мы съ Товбичемъ старались дѣлать самыя серьезныя мины, чтобы не обидѣть флигель-адъютанта-оратора; а послѣ, при встрѣчахъ, вспоминали всякій разъ этотъ вечеръ. Въ 1859 году мой милѣйшій пріятель Товбичъ, въ какомъ-то припадкѣ меланхоліи, кончилъ самоубійствомъ...

Прибывъ назадъ во Владикавказъ, я уже не засталъ тамъ барона Вревскаго, который уѣхалъ въ Грозную, куда поспѣшилъ и я. Это уже было во второй половинѣ ноября (1855). Не успѣлъ я отдохнуть нѣсколько часовъ отъ поѣздки по ужасной слякоти, какъ уже опять приходилось садиться на коня: отрядъ выступалъ въ Чечню для расчистки и расширенія прошлогоднихъ просѣкъ.

19-го ноября, отрядъ изъ 8 баталіоновъ, 10 сотенъ казаковъ, при 10 орудіяхъ, переправился у Тополя съ тѣмъ, чтобы идти на встрѣчу имѣвшему двигаться съ Кумыкской плоскости отряду генералъ-маіора барона Николаи. Послѣдній однако встрѣтилъ на своемъ пути такія значительныя партіи непріятеля, занявшаго лѣса, что не могъ пройти, и соединеніе наше не состоялось. Мы занялись расчисткой просѣки и при этомъ ходили въ ближайшія окрестности разорять чеченскіе аулы по рѣкѣ Багуто-Шавдону. Перестрѣлка все время почти не умолкала. 23 числа, получивъ свѣдѣніе о прибытіи въ Чечню старшаго сына Шамиля Кази-Магомы съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, баронъ Вревскій отвелъ отрядъ назадъ за Аргунъ. Потеря наша за четыре дня огра-

ничилась 7 убитыми и 23 ранеными, въ томъ числѣ одинъ офицеръ.

Въ томъ же 1855 году пришлось мнѣ еще разъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отрядъ изъ 6 баталіоновъ, 9 сотенъ и 8 орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Н. П. Пулло, былъ двинутъ въ Малую Чечню. Не помню теперь, почему баронъ Вревскій въ этотъ разъ не самъ начальствовалъ, а поручилъ отрядъ генералу Пулло (бригадный командиръ), и приказалъ мнѣ состоять на время дѣйствій отряда при этомъ генералѣ, тогда какъ до того я постоянно находился при самомъ баронѣ, или въ командировкахъ по разнымъ особымъ порученіямъ. Кромѣ меня, очутились въ качествѣ адъютантовъ начальника отряда капитаны П. П. Варпаховскій (братъ баронессы Вревской) и Михайловъ, старшій адъютантъ штаба войскъ въ Ставрополѣ.

Дѣйствія продолжались всего пять дней. Рубили просѣки и жгли ближайшіе аулы. Все дѣлалось очень хорошо, безъ особенной суеты, благодаря присутствію и фактическому командованію полковника Мищенко, которому генералъ Пулло благоразумно предоставилъ распоряжаться, оставивъ на свою долю только лестную роль главнаго начальника, разъѣзжающаго съ большою свитой отъ одной части войскъ къ другой, для привѣтствія, благодарности и проч. Для пущей важности, посылался кто-нибудь изъ адъютантовъ узнать и донести, какъ идетъ рубка, или даже усилить артиллерійскій огонь противъ какой-нибудь опушки, въ чемъ никакой надобности не предстояло... Ну, и скачетъ изъ насъ кто-либо передать приказаніе... Съ особымъ рвеніемъ и какою-то торжественнною важностью дѣлалъ это Михайловъ, до того усердствовавшій, что даже охрипъ, бѣдняга.

Потерявъ одного офицера и одного солдата убитыми, трехъ офицеровъ и двадцать солдатъ ранеными, отрядъ 16-го декабря возвратился въ Грозную. Всѣ дни стояли порядочные морозы, отъ 10 до 15°, и пробыть часовъ 8—10 въ такой день на конѣ не легко, да спать въ простой парусинной

палаткѣ не совсѣмъ пріятно. Поэтому я весьма обрадовался краткости экспедиціи, и въѣзжалъ въ Грозную въ наилучшемъ расположеніи духа, усилившемся еще совершенно неожиданнымъ пріятнымъ извѣстіемъ, что я произведенъ въ штабсъ-капитаны *по вакансіи*. Не взирая на постоянное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, на исполненіе по мѣрѣ силъ и умѣнія своихъ обязанностей, наконецъ, состояніе въ теченіи года при главныхъ мѣстныхъ начальникахъ, я съ 1852 года никакой награды не получалъ и дождался производства по вакансіи, что на Кавказѣ, гдѣ въ полкахъ вездѣ были офицеры сверхъ комплекта, было большою рѣдкостью.

Такъ или иначе, я былъ чрезвычайно доволенъ. Отдохнувъ три дня въ Грозной, отрядъ опять выступилъ къ Воздвиженской, и въ теченіи четырехъ дней мы расчищали и расширяли просѣки, уже подъ непосредственнымъ начальствомъ полковника Мищенко, при которомъ я безотлучно и находился; генералъ же Пулло оставался дома въ крѣпости. 24-го войска разошлись къ праздникамъ Рождества по своимъ стоянкамъ.

Всѣ эти движенія и дѣйствія отрядовъ сопровождались обыкновенными аксессуарами мелкой чеченской войны: перестрѣлка то слабѣла, то усиливалась, раздавались гики и *ура*, стукъ топоровъ, скрипъ валящихся деревьевъ, шумъ, говоръ, крики „берегись", когда валился какой-нибудь чинарище въ четыре обхвата, вдругъ проносился гулъ пушечныхъ выстрѣловъ или свистъ непріятельскаго ядра, встрѣчаемаго разными солдатскими прибаутками, слышались звуки сигнальныхъ рожковъ, громко передаваемое отъ части къ части „подать носилки на лѣвый *хланокъ*" (флангъ), топотъ нѣсколькихъ сотъ копытъ по мерзлой землѣ несущихся вскачь казачьихъ сотенъ, и особенное грохотанье скачущей конной артиллеріи. Отъ разсвѣта до сумерекъ кипѣла эта дико-воинственная, своеобразная, полная всякихъ неудобствъ и лишеній жизнь, тѣмъ не менѣе увлекающая въ область той поэзіи, исключительно на Кавказѣ зарождавшейся, которую такъ

мѣтко изобразилъ графъ Л. Толстой въ своихъ разсказахъ. Въ его *Набѣгѣ*, выведенъ поручикъ Розенкранцъ; до какой степени изображеніе вѣрно, можно судить по тому, что когда я въ первый разъ въ Чечнѣ выступилъ съ отрядомъ и увидѣлъ штабсъ-капитана Пистолькорса, разъѣзжающаго въ щикозномъ черкесскомъ костюмѣ, со всѣми ухватками чистокровнаго джигита, я не могъ не подумать: да это Розенкранцъ, какъ есть, на чистоту, безъ прикрасъ. И нѣкоторые изъ грозненскихъ старожиловъ просто мнѣ даже объявили, что Розенкранцъ Толстого и есть онъ, Пистолькорсъ; что съ него-то портретъ и писанъ. А такихъ Пистолькорсовъ было не мало, и увлекались нѣкоторые до того, что готовы были чуть не перейти въ мусульманство и совсѣмъ очечениться... Были такіе, что въ товариществѣ съ двумя-тремя чеченцами ближайшаго непокорнаго аула пробирались ночью въ свое же укрѣпленіе или станицу, чтобъ увести лошадь, или вообще что-нибудь утащить, лишь бы испытать сильное ощущеніе опасности, наткнуться на секретъ, на засаду... Тутъ дѣло шло, конечно, не о лошади или баранѣ, а обо всемъ процессѣ его увода, объ этомъ ползаньи ночью, о разныхъ хитрыхъ, увертливыхъ движеніяхъ для введенія въ заблужденіе часовыхъ, объ удали и восторженныхъ похвалахъ, когда удавалось къ разсвѣту возвратиться въ аулъ съ добычей... Былъ такой случай даже, что свой же офицеръ въ такой ночной экспедиціи съ кунаками-чеченцами нашимъ же секретомъ былъ раненъ!.. О чемъ и разсказывали съ хохотомъ, да и самъ онъ смѣялся, радуясь, что глупая выходка окончилась относительно благополучно, и нога уцѣлѣла. Это — фактъ, и очеченившійся господинъ былъ мой хорошій знакомый, служившій послѣ по управленію чеченцами, нѣкто капитанъ Арамовичъ. Таковы же были и другіе типы разсказовъ гр. Толстаго: стоило хотя не много познакомиться съ капитанами куринскаго полка Руденко или Пилипенко, чтобы узнать въ нихъ Хохлова изъ „Набѣга".

Уже нѣсколько разъ упоминалъ я о полковникѣ Мищенко.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ истаго стараго кавказца, личность настолько въ цѣломъ краѣ извѣстная, что я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что я былъ хорошо съ нимъ знакомъ и часто бывалъ у него въ домѣ, въ Воздвиженской.

Василій Кузьмичъ Мищенко, тоже какъ и описанный мною выше другой „Кузьмичъ", Асѣевъ, началъ тянуть служебную лямку на Кавказѣ юнкеромъ и дотянулъ до генеральскаго чина, пройдя всѣ ступени и побывавъ во всѣхъ роляхъ. Въ Мингрельскомъ егерьскомъ полку былъ онъ и адъютантомъ, и казначеемъ, и ротнымъ, и баталіоннымъ командиромъ, и вездѣ *вполнѣ* на своемъ мѣстѣ. Умный, смѣтливый, хорошо пишущій, знающій и фронтовую службу, и хозяйственную часть въ войскахъ, ко всему этому храбрый офицеръ, онъ не могъ, наконецъ, не обратить на себя вниманія. Въ 1847 году, при осадѣ Салты, онъ, въ чинѣ подполковника, командовалъ баталіономъ мингрельцевъ, и въ траншеяхъ былъ смертельно раненъ пулей въ грудь. Пироговъ, котораго князь Воронцовъ просилъ особенно позаботиться о Мищенкѣ, осмотрѣвъ рану, призналъ ее смертельною и на выздоровленіе никакой надежды не имѣлъ. (Такъ мнѣ разсказывали люди, бывшіе въ Салтахъ въ то время.) Однако, призванный лекарь изъ туземцевъ принялся за дѣло такъ удачно, что раненый былъ исцѣленъ, и прожилъ послѣ того еще двадцать пять лѣтъ въ постоянной дѣятельности, хотя страдалъ хроническимъ кашлемъ—послѣдствіемъ раны. Объ этомъ я уже упоминалъ въ прежнихъ главахъ.

Сначала полагали, что рана помѣшаетъ Мищенко продолжать военную службу, и потому князь Воронцовъ назначилъ его начальникомъ Кубинскаго уѣзда, гдѣ мусульманское населеніе, вблизи Дагестана, въ которомъ велась тогда упорнѣйшая борьба наша съ главой мюридизма, требовало строгаго наблюденія, особенно для прекращенія разбоевъ и обезопасенія почтоваго сообщенія съ Тифлисомъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и произведенный, между тѣмъ, въ пол-

ковники, Василій Кузьмичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ въ Прикаспійскомъ краѣ. Назначеніе, можно сказать, исключительное, потому что начальниками штабовъ уже искони назначались офицеры генеральнаго штаба. Однако Мищенко, хоть и прошедшій академическій курсъ въ Мингрельскомъ егерьскомъ, оказался и здѣсь на своемъ мѣстѣ; я, по крайней мѣрѣ, ни отъ кого не слышалъ чего-нибудь опровергающаго такое заключеніе. Между тѣмъ, бывали другіе начальники штабовъ, изъ спеціалистовъ генеральнаго штаба, дѣлавшіеся притчею во языцѣхъ. Въ этомъ родѣ на лѣвомъ флангѣ былъ, при баронахъ Врангелѣ и Вревскомъ, полковникъ Ф.; даже теперь еще смѣхъ разбираетъ, какъ вспомнишь объ этой почтенной, но крайне потѣшной особѣ. И не одинъ онъ—были и другіе, да не только смѣхъ, но и досаду вызывавшіе... Вспоминая о полковникѣ Ф., мнѣ невольно припоминается стихъ изъ *Горе отъ ума:*

„Халатъ, перстъ указательный, всѣ признаки ученія“.

Этотъ тоже все силился изображать изъ себя ученаго и занятаго важными государственными дѣлами.

Пробывъ, кажется, около двухъ лѣтъ начальникомъ штаба въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Мищенко былъ назначенъ командиромъ Куринскаго полка, и во всѣхъ отрядахъ, какъ я уже и говорилъ, оказывался отличнымъ колоннымъ начальникомъ, хладнокровно распорядительнымъ, не нуждавшимся въ подробныхъ и повторительныхъ разрѣшеніяхъ и приказаніяхъ. Такихъ колонныхъ начальниковъ (чрезвычайно важная въ горной малой войнѣ обязанность), какъ В. К. Мищенко, было еще два-три—не больше. Затѣмъ, произведенный въ генералы, онъ начальствовалъ Владикавказскимъ округомъ и оказалъ важную услугу, нанеся Шамилю въ 1858 году пораженіе, при послѣдней его попыткѣ еше разъ ворваться вблизи нашихъ сообщеній съ Россіей, поднять Кабарду, ингушей и разныя мелкія племена. Это было послѣднее наступательное дѣйствіе со стороны Шамиля, послѣднее судорожное усиліе ко спасенію погибавшихъ двадцатипятилѣт-

нихъ жертвъ, ради удержанія въ своихъ рукахъ власти надъ горцами восточнаго Кавказа. Скопище было у него не малое, отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ, тогда какъ Мищенко имѣлъ подъ рукой, если не ошибаюсь, два баталіона и 4—5 сотенъ казаковъ, съ 3—4 орудіями; тѣмъ не менѣе, пораженіе было полное и бѣгство непріятеля самое послѣднее. Звѣзда имама, очевидно, меркла безвозвратно: подчиненные его уже потеряли и энергію, и одушевленіе, а встрѣтивъ горсть русскихъ войскъ, хорошо направленную и смѣло, не считая непріятеля, вступающую въ бой, не выдерживали натиска и спѣшили убраться по-добру по-здорову.

Затѣмъ, ужь не знаю что тому было причиной, Мищенко, этотъ старѣйшій кавказецъ, почти выросшій тутъ, былъ переведенъ *въ Россію* (это и до сихъ поръ такъ говорится на Кавказѣ), въ Херсонъ комендантомъ, гдѣ пробылъ довольно долго до упраздненія этой должности. Послѣ онъ возвратился въ Тифлисъ состоять при арміи безъ опредѣленнаго назначенія, и тутъ, года три тому назадъ, умеръ. Какъ частный человѣкъ, Василій Кузьмичъ, отецъ многочисленнаго семейства, былъ очень радушный, гостепріимный хозяинъ, умный собесѣдникъ, простой, безъ всякихъ начальническихъ выходокъ и задаванія тона.

Укажу черту характерную для описываемаго времени. Достаточно заботливый о подчиненныхъ, В. К. Мищенко не оставлялъ заботиться и о своихъ личныхъ интересахъ, извлекалъ гдѣ могъ пользу—однимъ словомъ, дѣлалъ то, что дѣлали *всѣ безъ всякаго исключенія* командиры отдѣльныхъ частей, по установившемуся издавна, почти *узаконенному* въ тѣ времена порядку, когда хозяйство лежало всецѣло и обязательно на командирѣ. Я нарочно подчеркнулъ *всѣ безъ исключенія*, потому что весьма немногіе командиры, не извлекавшіе выгоды для себя, или смотрѣли сквозь пальцы, или не умѣли усмотрѣть за казначеями, квартермистрами и т. п. господами, извлекавшими выгоды въ свою пользу. Да и такихъ было на Кавказѣ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ

можетъ быть *три-четыре* человѣка изъ богатой аристократіи; большинство же командировъ было изъ протянувшихъ трудную, долгую службу до вожделѣннаго чина, дающаго право на командованіе отдѣльною частію, и знавшихъ, что первый капризъ начальства, первый недосмотръ, или недостаточно угодливая встрѣча могутъ отправить „по запаснымъ войскамъ", на четверть жалованья и почти безъ надежды опять получить назначеніе. Даже и въ лучшемъ случаѣ, хоть и не попалъ человѣкъ въ запасные, а по болѣзни и утомленію отъ долгой службы пришлось выйти въ отставку — что же ожидаетъ полковника за 35 лѣтъ лямки? *Полная пенсія съ эмеритурой—710 р.* въ годъ! А у него семья изъ 6—8 душъ, а самъ онъ уже ни для какого дѣла не способенъ, да и не приготовленъ. Какъ тутъ было бросить камнемъ въ человѣка за заботу пріобрѣсти какое-нибудь обезпеченіе, особенно при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ выше, то-есть что это узаконилось, не преслѣдовалось, хотя было извѣстно наивысшимъ властямъ, совершалось повсемѣстно, отъ гвардіи до инвалидной команды включительно, людьми съ первыми блестящими именами и до Пафнутьевыхъ включительно, во многихъ случаяхъ было даже *обязательно* для поддержанія нѣкоторыхъ отраслей хозяйства, на которыя казна ничего не отпускала? Но въ то же время образовался во многихъ высшихъ сферахъ престранный взглядъ: на тѣхъ, которые такъ-называемыми экономіями распоряжались широко, растрачивая ихъ на шампанское, балы и пикники, угощеніе и пріемы, карты и проч. смотрѣли дружелюбно, ибо это большею частью были разные скороспѣлые карьеристы изъ гвардейцевъ, protegés, изъ адъютантовъ и маменькиныхъ сынковъ. На тѣхъ же, которые экономіями пользовались для экономіи, то-есть для составленія себѣ обезпеченія, смотрѣли свысока, съ нѣкоторою презрительностью, готовы были повѣрить всякому о нихъ слуху, всякой нелѣпой сплетнѣ и безъ дальнихъ церемоній стереть съ лица земли. Самыми ярыми по-

рицателями являлись именно господа уже прокутившіе и проигравшіе полковыя экономіи и шагнувшіе на высшія должности.

Ну, не странный ли это взглядъ? Какъ будто принципы нравственности, если строго ихъ понимать, или денежный интересъ казны, если о немъ когда-либо заботились, тѣми не нарушались, потому что они все размотали, нерѣдко даже до того все, что и въ полковомъ сундукѣ, и въ полковомъ цейхгаузѣ ничего не оставалось, а тѣми, что̀ откладывали себѣ „на черный день", нарушались? Въ чемъ разница? Напротивъ, послѣдніе всегда были лучшіе хозяева, лучше понимали дѣло и увеличивали свою экономію, благодаря практичности распоряженій, да имѣли за собою, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ трудовой службы; первые же, не смысля ничего въ хозяйствѣ, вовсе и не распоряжались ничѣмъ, предоставивъ все казначеямъ или квартермистрамъ, просто брали деньги и транжирили ихъ зря, обогащая маркитантовъ и шулеровъ. Послѣдніе, безъ протекцій и связей, вполнѣ зависимые отъ перваго самодура-начальника, семейные, не молодые уже люди, имѣли хоть оправданіе въ необходимости позаботиться о будущемъ; первые же, молодые, большею частью холостые, связями обезпеченные въ дальнѣйшемъ движеніи по службѣ до степеней извѣстныхъ, до большихъ содержаній, до женитьбы съ огромнымъ приданымъ, не имѣли этого оправданія, хоть бы предъ собственною совѣстью.

Теперь полковой командиръ получаетъ вдвое больше содержанія и уже не хозяинъ; въ полкахъ есть комитеты и никакихъ употребленій экономій въ свою пользу не должно бы быть. Спасло ли это въ послѣднюю турецкую войну армію отъ холода, голода и нужды, спасло ли больныхъ и раненыхъ отъ страданій, ужасной перевозки и всякихъ лишеній? Въ жестокую стужу, безъ полушубковъ и сапогъ, въ сраженіяхъ безъ патроновъ и снарядовъ, сухари сгнившіе, мука съ червями и проч., и проч.— вотъ явленія послѣдней войны. Но всякій, знавшій старыя времена на Кавказѣ и старыхъ командировъ-хозяевъ въ полкахъ, можетъ смѣло сказать, что не допустили бы они своихъ

солдатъ мерзнуть безъ полушубковъ, ходить въ обернутыхъ тряпками ногахъ, или довольствовать больныхъ мукою съ червями. Эти командиры дѣйствительно старались увеличить экономію и брали ее себѣ, но зато и входили же во всякую подробность солдатскаго житья-бытья, заботились о немъ и въ сущности рѣдкій (исключенія бываютъ вездѣ и во всемъ) наживался такъ, чтобъ обирать солдата: все вертѣлось на томъ, чтобы съ цѣны назначенной отъ казны какъ можно больше выгадать, не понижая качества и количества пріобрѣтаемаго продукта; и хорошій хозяинъ этого достигалъ. Нигдѣ лучше нельзя было производить подобныхъ наблюденій, какъ въ значительныхъ отрядахъ, куда сходились баталіоны разныхъ полковъ. Идетъ, напримѣръ, баталіонъ: люди отлично одѣты, полковой обозъ исправный, лошади сытыя, сбруя прочная, движется безъ остановки, солдатамъ не приходится вытаскивать изъ грязи или болота на рукахъ повозокъ; разобьютъ лагерь—палатки хорошія, не дырявыя, не почернѣвшія отъ гнили, не съ заплатами со всѣхъ сторонъ, и т. д. Это баталіонъ полка, которымъ командуетъ старый, опытный хозяинъ, самъ во все вникающій и, по общему отзыву, составляющій себѣ 15—20 тысячъ экономіи въ годъ... Рядомъ идетъ другой баталіонъ: люди скверно одѣты, много оборванныхъ, полковыя клячи едва передвигаютъ ноги, къ каждой повозкѣ изъ фронта назначается пять-шесть человѣкъ, чтобы поминутно вытаскивать ее; въ этомъ баталіонѣ и больныхъ людей больше, и шанцеваго инструмента меньше, и плоше онъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это баталіонъ полка, которымъ командуетъ одинъ изъ тѣхъ, что̀ періодъ командованія считаютъ періодомъ разгульной жизни, якобы связанной съ военнымъ молодечествомъ, съ духомъ отваги и удали, что̀ прокучиваютъ на этомъ основаніи почти полностью деньги, отпускаемыя на надобности, съ молодечествомъ ничего общаго неимѣющія; при сдачѣ полка новому командиру попадаютъ они въ крайнее затрудненіе, дѣлаютъ долги, и проч.; а затѣмъ и сами они, и многіе наивные люди высшихъ сферъ

пресерьезно говорятъ: „N. N. командовалъ полкомъ и, кромѣ долговъ, ничего не нажилъ“. Это ставится какъ бы въ заслугу, какъ бы рекомендаціей безкорыстія!.. Очевидно, дѣло сводится къ тому, что и тотъ и другой пользовались тѣмъ, что имъ не слѣдовало, съ тою разницей, что одни въ большинствѣ не наносили особаго ущерба дѣлу и имѣли за себя не мало вѣскихъ, смягчающихъ обстоятельствъ, другіе же, совершая то же, пожалуй въ большихъ размѣрахъ и съ очевиднымъ вредомъ для своихъ частей, не имѣли никакого оправданія, и вдобавокъ не только не подвергались никакому порицанію, но выставлялись рыцарями честности!..

Вообще много было и есть теперь престранныхъ взглядовъ, основанныхъ на крайне ошибочныхъ, наивныхъ понятіяхъ о нравственности, объ интересахъ казны. Есть высокопоставленныя лица, безо всякаго лицемѣрія, совершенно искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ считающія себя выше даже всякаго малѣйшаго подозрѣнія, а между тѣмъ и допускающія, и сами дѣлающія такія вопіющія, крупныя злоупотребленія, устраивающія и себѣ и другимъ такія синекуры, что предъ ними стушевываются мелкіе извлекатели выгодъ. Ихъ дѣйствія тѣмъ вреднѣе еще, что они весьма заразительны, имѣютъ свойство *ободряющее*, и рѣшительно развращаютъ понятія большинства служащихъ насчетъ законности и предѣловъ власти въ распоряженіи казеннымъ достояніемъ. По этому поводу можно бы разсказать немало поучительнаго, но это не относится *пока* до моихъ воспоминаній...

L.

Я уже упоминалъ выше, что баронъ Вревскій какъ-то особенно налегалъ на меня, задавая усиленную работу и самыя разнородныя порученія. Подъ часъ приходилось тяжеловато, хотѣлось бы и отдохнуть, и пожуировать въ Грозной или Владикавказѣ, но я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать, что эта разнообразная, усиленная дѣятельность

была мнѣ весьма полезна, расширяя кругъ моихъ свѣдѣній въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ, давая мнѣ случай знакомиться со многими мѣстностями, съ ихъ населеніемъ и разными служебными дѣятелями, выше и ниже поставленными.

Въ промежуткѣ описанныхъ въ предшествовавшихъ главахъ военныхъ дѣйствій и поѣздокъ, баронъ Вревскій возложилъ на меня одно дѣло, о которомъ хочу разсказать подробнѣе.

Въ концѣ сентября 1855 года были мы во Владикавказѣ; въ одинъ день требуютъ меня къ барону. Прихожу и застаю его, по обыкновенію, въ кабинетѣ за бумагами.

— Я хочу передать вамъ одно дѣло, весьма меня интересующее и чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Вамъ извѣстно—говорилъ баронъ Ипполитъ Александровичъ—что не только среди осетинъ, но и у всѣхъ почти горскихъ обществъ, населяющихъ центральную часть главнаго хребта, сохранились памятники, доказывающіе, что они были христіанами. Лишенные въ теченіи многихъ лѣтъ священниковъ, они частью обратились въ мусульманство, преимущественно на плоскости, частью сдѣлались полуязычниками и эксплуатируются разными жрецами и штукарями. Было бы чрезвычайно важно возстановить между всѣми этими обществами православную вѣру; современемъ отсюда христіанство могло бы распространиться и дальше по горамъ, гдѣ населеніе далеко еще не такъ привержено къ мусульманству, какъ въ Закавказскомъ краѣ. Духовное вѣдомство уже больше тридцати лѣтъ взялось за это, но такимъ канцелярски-казеннымъ образомъ, что результатовъ никакихъ не оказывается. Я полагаю, гораздо лучше привлечь къ этому дѣлу частныхъ лицъ, ревнителей христіанской религіи, преимущественно такихъ, которые и сами могутъ жертвовать, и другихъ привлечь къ крупнымъ пожертвованіямъ. Мы можемъ тогда пріискивать хорошихъ священниковъ, увеличивая ихъ казенное содержаніе, можемъ заводить школы, строить церкви, снабжать ихъ принадлежностями и проч. Такъ дѣйствуютъ англичане и французы на даль-

немъ Востокѣ. А? Э? (Покойный Ипполитъ Александровичъ имѣлъ привычку вставлять эти вопросительные звуки въ свою рѣчь, какъ бы вызывая на отвѣты, хотя не очень любилъ, чтобъ его прерывали и, еще болѣе — возражали). Я уже вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми извѣстными лицами по этому предмету—продолжалъ баронъ—и мнѣ выслали много разныхъ прекрасныхъ церковныхъ вещей. Нужно ихъ раздать, нужно сообразить гдѣ и въ чемъ болѣе нуждаются, вообще, что̀ полезно было бы сдѣлать для начала и, главное, какъ распространить въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ нашему предпріятію. Возьмитесь-ка за это дѣло и дайте ему толчокъ. Вотъ вамъ вся моя переписка съ Татьяной Борисовной Потемкиной, сенаторомъ Казначеевымъ и другими лицами; примите всѣ высланныя вещи, скажите въ канцеляріи, чтобы вамъ дали все, что̀ нужно для разъѣздовъ, да съ Богомъ; теперь хорошее осеннее время, самое удобное для поѣздки по горамъ.

— Слушаю-съ, постараюсь исполнить, хотя долженъ доложить вашему превосходительству, что это для меня совершенно новое дѣло и я боюсь не оправдать вашихъ надеждъ на мою дѣятельноссь.

— А? боитесь? а я увѣренъ, что вы сдѣлаете все хорошо. Идите и не теряйте времени; я буду ожидать вашихъ донесеній.

И вотъ я обратился чуть не въ миссіонера. Собравъ всѣ бумаги и письма, накопившіяся въ теченіи года и въ канцеляріи, и въ кабинетѣ барона Вревскаго, взявъ часть пожертвованныхъ вещей, въ томъ числѣ два колокола, обезпечивъ себя подорожными, открытыми приказами, письмами къ разнымъ мѣстнымъ властямъ и проч., я 8-го октября пустился въ странствіе по новымъ, еще незнакомымъ мнѣ мѣстамъ Кавказа.

Стояла прекрасная, теплая погода, такъ-называемое „бабье лѣто“; блестящее солнце разливало яркій свѣтъ на сѣверныя вершины кавказскихъ громадъ, золотило синеватую чащу лѣсовъ Черныхъ горъ, составляющихъ какъ бы

подножіе главнаго хребта, и по зеленѣющимъ обширнымъ равнинамъ Кабарды разбрасывало свои лучи, то исчезавшіе за какими-нибудь кустами, то сверкавшіе въ волнахъ быстрыхъ рѣчекъ. Было, однимъ словомъ, великолѣпное кавказское осеннее время и кругомъ чудная, разнообразная картина, которою не перестаешь любоваться десятки лѣтъ сряду.

Проѣхавъ въ нѣсколько часовъ три станціи, я въ сумерки очутился въ Алагирѣ, у начальника этого сребро-свинцоваго завода, горнаго инженеръ-полковника Иваницкаго, къ которому имѣлъ письмо отъ барона Вревскаго. Это была первая моя встрѣча съ А. Б. Иваницкимъ, человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, впослѣдствіи начальникомъ всей горной части на Кавказѣ и извѣстнымъ всему краю, особенно Тифлису, своими ораторскими способностями. Весьма радушно принятый, я остался въ Алагирѣ слѣдующій день, познакомился съ помощникомъ начальника завода Д. В. Пиленко, тогда кажется поручикомъ *), осмотрѣлъ заводъ, прекрасныя постройки и чисто русскую слободу сибирскихъ переселенцевъ - горнорабочихъ. Какъ неимѣющій никакого понятія о горномъ дѣлѣ, я, само собою, не могъ судить ведется ли дѣло какъ слѣдуетъ, или нѣтъ, предстоитъ ли заводу хорошая будущность, или онъ составляетъ одно изъ тѣхъ казенныхъ предпріятій, которыя выгодны лишь на бумагѣ. Общая молва причисляла заводъ именно къ этой категоріи, на томъ основаніи, что содержаніе завода, военно-рабочей роты, трехсотъ семействъ заводскихъ крестьянъ, значительнаго обоза, занятаго перевозкой руды изъ-за тридцати верстъ отъ рудниковъ и пр., обходится казнѣ, не помню хорошенько, что-то въ *полтораста тысячъ* рублей, а серебра добываютъ чуть ли не *полпуда*. Заводъ однако существуетъ до сихъ поръ и вѣроятно доставляетъ же какую-нибудь пользу казнѣ, иначе двадцатипятилѣтній опытъ заставилъ бы упразднить его. Странно во всякомъ случаѣ. что нигдѣ, ни въ мѣстныхъ, ни въ столичныхъ газетахъ,

---

*) Впослѣдствіи генералъ-маіоръ, начальникъ черноморскаго округа.

мнѣ никогда не приходилось встрѣчать хоть бы два слова объ Алагирѣ; о немъ какъ бы забыли, и живетъ онъ себѣ какою-то замкнутою, отрѣзанною отъ остального міра жизнію.

Черезъ день, вмѣстѣ съ г. Пиленко, выѣхали мы въ Садонъ, гдѣ находятся рудники. Дорога на разстояніи тридцати верстъ была прекрасно разработана и шоссирована — явленіе тогда на Кавказѣ чуть ли не единственное. Въ легкомъ тарантасѣ, не взирая на нѣкоторые крутые спуски и подъемы надъ глубокими обрывами, мы доѣхали меньше чѣмъ въ три часа. Дорога идетъ по лѣвому берегу рѣки Ардона, быстро катящемуся по усѣянному крупными камнями руслу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холодные сѣрные источники вливаются въ рѣку, придавая ей зеленоватый цвѣтъ и распространяя кругомъ тяжелый, непріятный занахъ. Ѣзда по ущелью была совершенно безопасна, благодаря отдаленности отъ непокорныхъ обществъ и мирнымъ наклонностямъ осетинъ. Рудники охранялись маленькимъ фортомъ, очень хорошо и удобно построеннымъ, имѣвшимъ казармы для рабочихъ. Тутъ мы провели ночь, спускались въ *штольни* и *штреки*, гдѣ на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ аршинъ въ основаніи громадной скалистой горы, при свѣтѣ тусклыхъ сальныхъ огарковъ, въ тяжеломъ спирающемъ дыханіе воздухѣ, наполненномъ пороховымъ дымомъ, въ слякоти, образуемой просачивающеюся вездѣ водой, копошились съ кирками и ломами въ рукахъ люди, ради добычи нѣсколькихъ фунтовъ *презрѣннаго металла*... Мракъ, воздухъ подземелья, невольное чувство страха при мысли, какая громада виситъ надъ головами этихъ людей, днемъ и ночью здѣсь работающихъ, какая-то тоска, сдавливавшая грудь при невольномъ представленіи о возможности быть запертыми въ *штрекѣ* (узенькій корридоръ въ скалѣ) внезапно обрушившеюся каменною глыбой,—нѣтъ, не хотѣлъ бы я тамъ оставаться! Что свистъ пуль и ядеръ, смерть носящаяся кругомъ головы въ минуты возбужденія, въ сравненіи съ этимъ подавленнымъ состояніемъ какъ бы заживо погребеннаго человѣка, остающагося въ теченіе двадцати ча-

совъ, до смѣны, внѣ свѣта и свѣжаго воздуха, съ тяжелымъ ломомъ въ рукахъ!

Зрѣлище было для меня совершенно новое, интересное; но пробывъ подъ землей какіе-нибудь полчаса, я съ большимъ удовольствіемъ взобрался по вертикальной лѣстницѣ на верхъ и радостно взглянулъ на свѣтъ солнца, широко вдохнулъ свѣжаго, горнаго воздуха.

Изъ Садона уже не было дальше колеснаго сообщенія и я отправился верхомъ, переѣхавъ на правый берегъ рѣки; дорожка тянулась лѣсомъ, поднимаясь кое-гдѣ такъ высоко по обрыву, что гулъ рѣки едва доносился до слуха. Въ восьми верстахъ, на такъ-называемомъ урочищѣ Св. Николая, я къ удивленію своему увидѣлъ прекрасный, европейской архитектуры домикъ; оказалось, что тутъ имѣетъ пребываніе офицеръ путей сообщенія, производящій изысканія для шоссейной дороги по ущелью Ардона къ перевалу черезъ главный хребетъ въ Имеретію, къ верховьямъ Ріона. Понятно, я заѣхалъ познакомиться и встрѣтилъ весьма любезнаго капитана Есаулова, жившаго среди горъ и лѣса совершеннымъ отшельникомъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ, что не имѣя почти никакихъ замѣтокъ, вынужденъ полагаться на свою слабѣющую память, и потому многое изъ моихъ наблюденій во время постоянной кочевой жизни, при безпрестанныхъ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣнявшихся мѣстностяхъ и лицахъ, представлявшихъ не мало интереснаго, ускользаетъ и, совершенно смутно носясь предо мною, не ложится подъ перо. И въ этотъ разъ, напримѣръ, хоть и помню дико-угрюмую природу ущелій и бѣдныхъ ауловъ осетинъ, во многомъ схожихъ съ хевсурскими, ночи, проведенныя въ дымныхъ грязныхъ сакляхъ, длинные разговоры о житьѣ-бытьѣ этихъ заброшенныхъ въ трущобы бѣдныхъ первобытныхъ людей, ихъ дикія понятія о религіи и прочее, но ничего подробнаго объ этой поѣздкѣ вспомнить и разсказать не могу. Осмотрѣлъ я нѣсколько жалкихъ, выстроенныхъ въ наше время *осетин-*

скою коммиссіею синодальной конторы *) церквей, стоимостью въ *триста* рублей каждая, церквей болѣе похожихъ на сараи или амбарчики, чѣмъ на храмы; видѣлъ нѣсколько развалинъ древнихъ церквей, неизвѣстно когда и кѣмъ построенныхъ, съ сохранившеюся отчасти живописью на стѣнахъ, церквей, при сравненіи коихъ съ возведенными въ наше время—приходилось краснѣть; видѣлъ двухъ-трехъ священниковъ, получающихъ по 150 р. въ годъ жалованья, точно такихъ, какъ я уже описывалъ въ Хевсуріи, поставленныхъ въ само жалкое, унизительное положеніе среди своей полудикой, полуязыческой паствы; видѣлъ вообще нищету и какой-то безпробудный мракъ... Вынесъ я тогда, помню, убѣжденіе, что раздачей нѣсколькихъ колоколовъ и дорогихъ, по бархату вышитыхъ церковныхъ принадлежностей, ни христіанства возстановить, ни просвѣтить этого мрака невозможно, что для этого требуется нѣчто большее, много матеріальныхъ средствъ, много дѣятельныхъ, усердныхъ и подготовленныхъ людей.

У меня сохранилось нѣсколько черновыхъ бумагъ, писанныхъ мною тогда барону Вревскому, и я приведу ихъ здѣсь въ извлеченіи; читатель увидитъ результатъ моей командировки и взглядъ мой на дѣло, выраженный двадцать четыре года тому назадъ, а также нѣкоторыя свѣдѣнія о самой мѣстности. Вотъ чтò я, между прочимъ, доносилъ 31-го октября 1855 года:

„Исполняя возложенное на меня порученіе, я отправился въ Осетію и посѣтилъ всѣ деревни, въ которыхъ есть церкви, роздалъ назначенныя имъ вещи подъ росписки священниковъ и собралъ при этомъ свѣдѣнія какъ о положеніи церквей, о недостаткахъ церковной утвари, такъ равно о степени уваженія осетинъ къ христіанской вѣрѣ и исполненіи ея обрядовъ. Изъ прилагаемаго списка видно, какія церкви чѣмъ еще

*) Грузино-Имеретинская синодальная консисторія въ Тифлисѣ—главное духовное управленіе, тоже что въ обыкновенныхъ губерніяхъ духовная консисторія; а Осетинская контора—при ней особое отдѣленіе по дѣламъ горскихъ приходовъ.

нужно снабдить; но при этомъ считаю долгомъ доложить, что одно украшеніе церквей не можетъ имѣть того благотворнаго вліянія на утвержденіе между осетинами христіанства, которое могло бы быть достигнуто другими, болѣе дѣйствительными мѣрами. Первымъ условіемъ для достиженія цѣли, о важности результатовъ коей нечего и распространяться, я полагаю назначеніе въ эти мѣста священниковъ, которые *при знаніи туземнаго языка* имѣли бы достаточно силы воли и ума, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на легковѣрный, полудикій народъ, и болѣе поученіями, выраженными въ простыхъ наглядныхъ формахъ, а не единственно церковнымъ священнодѣйствіемъ, горцамъ едвали понятнымъ, заставили бы ихъ обратиться на истинный, христіанскій путь. Это тѣмъ болѣе возможно, что живо сохранились еще преданія о нѣкогда бывшемъ здѣсь христіанствѣ. Осетины чтятъ божественность Спасителя, память нѣкоторыхъ св. угодниковъ, исполняютъ нѣкоторые обряды церкви, но тутъ же подчиняются своимъ жрецамъ (дэканози), исполняютъ разные языческіе обряды, приносятъ въ жертву животныхъ и т. п. Хорошій священникъ, съ настойчивостью и терпѣніемъ, въ нѣсколько лѣтъ непремѣнно достигъ бы въ своемъ приходѣ такого нравственнаго вліянія, что слова его исполнялись бы безпрекословно. Подобныхъ пастырей, безъ сомнѣнія, могли бы дать воспитанники, кончающіе въ тифлисской семинаріи курсъ, но имъ необходимо назначить достаточныя средства существованія; теперешніе священники получаютъ отъ 150 до 200 р. въ годъ; этихъ денегъ недостаточно на пріобрѣтеніе насущнаго хлѣба для семьи, нерѣдко въ 6—7 душъ. (Поэтому священниками въ горы и отправлялись только полуграмотные пономари). Отъ жителей священникъ никакого вспомоществованія не имѣетъ, да и не долженъ имѣть; напротивъ, нерѣдки случаи, когда священникъ долженъ оказать помощь, сдѣлать подарокъ и этимъ путемъ пріобрѣсти уваженіе среди людей, которые, при своей крайней бѣдности, чуть не благоговѣютъ предъ всякимъ, обладающимъ скромными достатками.

„Второе и весьма важное условіе къ утвержденію христіанства между осетинами — есть *заведеніе сельскихъ школъ*. Въ Мамисонскомъ ущельѣ іеромонахъ Домети (единственный встрѣченный мною въ горахъ священникъ, соотвѣтствовавшій своему назначенію, обладавшій собственными средствами) содержитъ на свой счетъ 12 мальчиковъ, успѣхи коихъ въ короткое время меня удивили: они порядочно читаютъ по-русски и по-грузински, а нѣкоторые уже довольно хорошо пишутъ. Способностей у горцевъ вообще отнять нельзя, и можно надѣяться, что нѣсколько лѣтъ ученія сдѣлаютъ изъ нихъ людей полезныхъ въ своемъ обществѣ. И теперь уже старики смотрятъ на этихъ едва грамотныхъ дѣтей съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а когда они дойдутъ до того, чтобы съумѣть въ своемъ кругу объяснять идею о Богѣ, о святости христіанской религіи, о величіи русскаго монарха, о главныхъ обязанностяхъ христіанина и члена благоустроеннаго общества,—тогда эти люди пріобрѣтутъ, безъ сомнѣнія, немалое значеніе и это принесло бы прекрасные плоды.

„Іеромонахъ Домети имѣлъ средства привести въ исполненіе это хорошее дѣло; другіе же священники, даже при искреннемъ желаніи, не въ состояніи послѣдовать его примѣру. Мальчиковъ, отдаваемыхъ родителями въ обученіе, нужно содержать, но средствъ на это ни у кого нѣтъ. Въ селѣ Зруги священникъ Іосифъ Сургуладзе, по моему совѣту, съ полною готовностью соглашался завести у себя школу, на первый случай хоть на шесть мальчиковъ; этому примѣру послѣдовали бы вѣроятно и еще нѣкоторые, но имъ нужно отпустить для этого по крайней мѣрѣ по *двадцати* рублей на каждаго мальчика въ годъ. (И на такое-то дѣло у насъ не было источника, чтобы расходовать какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ рублей! Но зато для меблированія квартиры какого-нибудь чиновника IV класса въ Тифлисѣ легко находились многія тысячи)...

„При этомъ считаю нужнымъ доложить обстоятельство о постройкѣ церкви въ селѣ Зруги. Тамъ, на берегу рѣки, есть

развалины древняго храма во имя Божіей Матери, столь уважаемыя всѣми осетинами, что они не рѣшаются проѣзжать мимо верхомъ и на дальнемъ разстояніи сходятъ съ лошадей, снимаютъ папахи и съ большимъ благоговѣніемъ обходятъ эту святыню. Теперь вблизи этихъ развалинъ предположено выстроить новую церковь, для которой уже привезенъ и лѣсъ. Я полагаю, что возобновленіе древняго храма было бы гораздо полезнѣе. Не говорю уже, что сохранился бы памятникъ прекрасной древней архитектуры, памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ; но когда въ этихъ возобновленныхъ развалинахъ раздался бы благовѣстъ и началась бы церковная служба, не только жители Зруги, но и всѣхъ сосѣднихъ ущелій стекались бы туда для молитвы. Возобновленіе этого древняго храма не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій: двѣ стѣны совершенно цѣлы, камень отъ отстальныхъ лежитъ на мѣстѣ и главный матеріалъ почти готовъ; мѣстами сохранилась до сихъ поръ живопись на стѣнахъ. Просвѣщенное содѣйствіе полковника Иваницкаго, принимающаго въ этомъ дѣлѣ живое участіе, вызвавшагося весной съѣздить для осмотра развалинъ и изъявляющаго готовность взять на себя ихъ возобновленіе, даетъ надежду на полный успѣхъ. Деньги, отпущенныя на новую церковь, могутъ быть обращены на этотъ предметъ, а при ихъ недостаткѣ, вѣроятно, найдутся ревнители богоугодному дѣлу и пополнятъ сумму приношеніями.

„Къ удовлетворенію желанія г. тайнаго совѣтника Казначеева, изложеннаго въ переданной мнѣ памятной его запискѣ, прилагаю при семъ планъ церкви въ селѣ Тибы съ масштабомъ иконостаса, рисунокъ Садонской церкви и записку, заключающую въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы его превосходительства, именно:

„1. Книжка для записыванія жертвуемыхъ вещей и именъ приносителей заведена.

„2. О полученіи вещей будутъ посылаться увѣдомленія.

„3. При передачѣ вещей въ церкви, священникамъ даны замѣтки объ именахъ жертвователей, для поминовенія въ церквахъ.

„4. Жителей въ сѣверной горной Осетіи, приблизительно въ шестидесяти деревушкахъ, около восьмисотъ семействъ.

„5. Церкви въ Осетіи существуютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Садонѣ, въ Зрамаги, въ Тибы, въ Нары, въ Сіонѣ, въ Абано. Кромѣ того, предположено строить: въ Зругѣ, въ Кисакави и въ Лисры.

„6. Особенно чтимые святые у осетинъ: болѣе всѣхъ святый Георгій, архангелы Михаилъ и Гавріилъ и святая Марія. Они знаютъ также Илію, Ѳеодора, Іоанна Крестителя, Авраама, Исаака и Іакова.

„7. Источникъ близъ села Калаки, которому приписываютъ сверхъестественное дѣйствіе останавливаться или течь по молитвѣ пришельцевъ, я посѣтилъ. Молитва моя и другихъ присутствовавшихъ со мною лицъ не была услышана: источникъ не останавливалъ своего теченія. Но многіе изъ жителей говорили, что они были свидѣтелями, какъ источникъ по молитвѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, то останавливался, то опять продолжалъ свое теченіе. Судя по торфяному болотистому грунту, изъ котораго источникъ вытекаетъ, можно полагать, что рыхлая земля, обрушиваясь, задерживаетъ теченіе воды, пока она напоромъ не просочитъ себѣ пути, что̀ можетъ случиться и нѣсколько разъ въ часъ. Не выдаю, впрочемъ, этого предположенія моего за непреложную истину, тѣмъ болѣе, что точное наблюденіе потребовало бы много времени.. Вода въ этомъ источникѣ цвѣтомъ и вкусомъ обыкновенная; говорятъ, зимой она гораздо теплѣе другихъ водъ и не замерзаетъ.

„8. Статья въ газеты вмѣстѣ съ симъ посылается". (Статья была воззваніемъ о пожертвованіяхъ; въ какую газету я ее отослалъ, гдѣ была она напечатана—рѣшительно не помню. Должно думать, въ *Кавказѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*. Въ концѣ заявлялась благодарность жертвователямъ и поименовы-

вались нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ: Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ семьей, вдова генерала Тимоѳеева, князь Суворовъ, Оливъ, Кроткая, Карабановъ, княгиня Марія Волконская и другія извѣстныя Москвѣ лица).

Проживъ около двухъ недѣль въ разныхъ осетинскихъ деревушкахъ, я, по обыкновенію, не ограничивался исполненіемъ одного лишь своего порученія, но началъ собирать свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ жителей, записывать слова, выслушивать длинные разсказы стариковъ о разныхъ давно минувшихъ дѣлахъ, ѣздилъ въ глухія боковыя ущелья, гдѣ на едва доступныхъ отвѣсахъ скалистыхъ горъ ютились пять-шесть закопченныхъ сакель, съ неизмѣнною башней, составлявшихъ деревню. Все угрюмо, мрачно, дико, бѣдно. Какое, казалось, существованіе возможно въ такихъ мѣстахъ, какую цѣну должна имѣть жизнь для обитателей такихъ трущобъ? А между тѣмъ и жизнью своею дорожатъ, и къ родинѣ привязанность питаютъ такую, что не уступятъ въ этомъ отношеніи многимъ обитателямъ лучшихъ цивилизованныхъ мѣстностей...

Уѣзжая, я попросилъ іеромонаха Домети и священника Сургуладзе, по начатымъ мною замѣткамъ, продолжать записку объ обычаяхъ и нравахъ горныхъ осетинъ, конечно, на грузинскомъ языкѣ, и доставить мнѣ этотъ матеріалъ для напечатанія при случаѣ. Почтенные отцы исполнили мою просьбу, и ниже читатели найдутъ небезъинтересный очеркъ Осетіи.

Возвратился я тѣмъ же путемъ черезъ урочище святого Николая и Алагиръ во Владикавказъ, откуда черезъ нѣсколько дней, забравъ новый запасъ пожертвованныхъ церковныхъ вещей, отправился по другому направленію—по военно-грузинской дорогѣ до станціи Коби, отсюда верхомъ въ Трусовское общество, населяющее дикое узкое ущелье верховьвъ Терека. Осматривая мѣсторожденіе этой столь извѣстной всѣмъ ѣдущимъ за Кавказъ, одной изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ рѣкъ, я пришелъ къ предположенію, что

названіе Теркъ (это мы уже называемъ Терекъ) имѣетъ основаніемъ латинское слово *Ter*, данное рѣкѣ потому, что она образуется *тремя* потоками изъ одной горы, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи, и тутъ же, у подножія ея, сливающимися въ одну; истоки эти составляютъ подобіе треугольника съ основаніемъ внизу. Конечно, можетъ быть, это и пустая догадка съ моей стороны, но я тѣмъ болѣе могъ ее допустить, что и сами осетины, повидимому, потомки европейскихъ выходцевъ и въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова, напоминающія латинскія, нѣмецкія, даже славянскія.

Въ Трусовскомъ обществѣ я не нашелъ ни одного священника и, сколько помнится, одну жалкую, никогда не открываемую церковь казенной постройки. Жители съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣли на привезенныя вещи, глаза ихъ жадно разбѣгались при видѣ бархатныхъ, золотомъ шитыхъ церковныхъ принадлежностей, и они не могли понять ихъ назначенія. Впрочемъ, я засталъ все населеніе нѣсколькихъ трусовскихъ ауловъ въ разгарѣ пиршествъ и пьянства, повторяющагося каждую осень по случаю поминовенія покойниковъ. При всей подавляющей бѣдности, осетины такіе рабы этого древняго обычая, что, живя весь годъ впроголодь, дрожа надъ каждымъ кусочкомъ ячменной лепешки, доходя до того, что не довѣряютъ собственнымъ женамъ, когда тѣ отправляются на мельницу съ гудою (кожаный мѣшокъ) за плечами и *посылаютъ дѣтей присматривать, чтобы мать тамъ не полакомилась горстью муки*—фактъ поразительной дикости, не встрѣченный мною ни у хевсуръ, ни у кистинъ —разоряются въ нѣсколько дней на поминки, какъ бы совершенно игнорируя предстоящій впереди тяжелый недостатокъ пропитанія!..

LI.

На этихъ поѣздкахъ не окончилось, однако, мое знакомство съ Осетіей. Побывавъ между тѣмъ, какъ я уже описы-

валъ выше, въ двухъ зимнихъ экспедиціяхъ въ Большой и Малой Чечнѣ, проѣхавъ, можетъ быть, десятокъ-другой разъ изъ Владикавказа въ Грозную и обратно, я, 13-го января 1856 года, получилъ отъ генерала Вревскаго опять новое порученіе. Въ этотъ разъ я превращался изъ миссіонера въ полуинженера и полуинтендантскаго чиновника.

Дѣло въ томъ, что во время тогдашней войны въ Азіятской Турціи доставка продовольствія для войскъ, особенно гурійскаго (приріонскаго) отряда, сдѣлалась до такой степени затруднительною, не взирая на баснословную цѣну, свыше тридцати рублей за четверть ржаной муки въ семь пудовъ, что, въ случаѣ продолженія войны, можно было опасаться оставить войска безъ хлѣба. Провіантъ, заготовленный частью на кавказской линіи и привозимый изъ Россіи, двигался единственнымъ путемъ черезъ Владикавказъ, по военно-грузинской дорогѣ до Душета, оттуда сворачивалъ на Гори и черезъ Сурамскій перевалъ и Кутаисъ доставлялся къ расположенію гурійскаго отряда. Кто не видѣлъ этихъ дорогъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, кто не проѣхалъ по нимъ въ осеннее, вообще ненастное время года и не видѣлъ, какъ тащились разнокалиберныя осетинскія арбы то на бычкахъ, то въ одну лошадь, съ грузомъ двухъ и не болѣе трехъ кулей муки, то на верблюдахъ, трупы коихъ валялись десятками, тотъ не въ состояніи себѣ представить, что̀ за ужасное мученіе людей и животныхъ тутъ происходило! А вдругъ снѣжный завалъ или громадная каменная осыпь, или бѣшеный вздутый дождями потокъ загораживали часть дороги и прекращали сообщеніе на цѣлыя недѣли, захватывая транспорты въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было возможности достать какого-нибудь корма для животныхъ. А му̀ки солдатъ высылавшихся на дорогу для ремонтировки, страданія разныхъ командъ, двигавшихся взадъ и впередъ изъ Россіи за Кавказъ и обратно! Ужасно вспомнить..

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, новый главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ предписалъ начальнику Владикавказ-

скаго военнаго округа сдѣлать опытъ доставки части провіанта войскамъ гурійскаго отряда прямо съ линіи, по ущелью Ардона, черезъ Мамисонскій перевалъ въ Имеретію. Баронъ Вревскій возложилъ на нѣсколькихъ милиціонныхъ офицеровъ изъ осетинъ, въ качествѣ подрядчиковъ, доставить двѣ тысячи четвертей муки съ пропорціей крупъ въ мѣстечко Они Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, откуда уже тамошнее начальство должно было позаботиться дальнѣйшимъ транспортированіемъ до расположенія отряда, а мнѣ поручилъ имѣть наблюденіе какъ за успѣхомъ перевозки этого количества хлѣба, такъ равно и за исправностью дороги по Алагирскому и Мамисонскому ущельямъ до Они. Для этого я долженъ былъ отправиться тотчасъ въ селеніе Тиби, куда имѣли прибыть рабочіе осетины, а также команда саперъ и взводъ пѣхоты при офицерѣ. Затѣмъ, по возвращеніи изъ Тифлиса инженеръ-капитана Есаулова, заботы о дорогѣ, вмѣстѣ съ рабочими, я долженъ былъ предоставить ему, а на моей обязанности оставалось уже только наблюденіе за перевозкой провіанта, въ чемъ мнѣ должны были содѣйствовать всѣ мѣстныя власти. Проводивъ первый рейсъ до Они и переговоривъ подробно съ тамошнимъ уѣзднымъ начальникомъ о мѣстѣ для склада и дальнѣйшемъ транспортѣ, мнѣ слѣдовало возвратиться во Владикавказъ, для дачи отчета о ходѣ и положеніи всего дѣла.

Передавая мнѣ это предписаніе, баронъ Вревскій на словахъ поручилъ мнѣ воспользоваться пребываніемъ въ Осетіи, еще разъ вникнуть въ положеніе этой части края и представить ему впослѣдствіи подробный докладъ какъ о церковныхъ дѣлахъ, такъ и о мѣстномъ управленіи, съ моими соображеніями о мѣрахъ для лучшаго ихъ устройства. Но прежде всего, конечно, посвятить главнѣйше всю дѣятельность успѣшному исполненію порученія о доставкѣ черезъ горы провіанта.

7-го февраля я отправилъ генералу Вревскому слѣдующее донесеніе:

„Для исполненія порученія по наблюденію за ходомъ пе-

ревозки провіанта черезъ Осетію въ Они, я прибылъ 20-го января въ Алагиръ, и принявъ тамъ взводъ егерей 6-го резервнаго баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, выступилъ въ Садонъ. Здѣсь, присоединивъ 10 саперъ при унтеръ-офицерѣ, я съ 23-го числа приступилъ къ разработкѣ дороги отъ Садонскаго моста до деревни Нузалъ, чтобы сюда могли проѣхать свободно арбы съ провіантомъ. По неимѣнію въ баталіонѣ шанцеваго инструмента, я вытребовалъ таковой изъ горнозаводской конторы. 25-го числа, когда арбяное сообщеніе съ Нузаломъ возстановилось, я перешелъ къ урочищу Св. Николая и занялся исправленіемъ осыпавшейся во многихъ мѣстахъ дороги до такъ-называемаго Греческаго лагеря (тутъ когда-то жили греки, отыскивавшіе серебряную руду). 27-го числа я перешелъ со всею командой къ этому лагерю и началъ работу далѣе по Касарскому ущелью. На разстояніи болѣе пяти верстъ дороги не существовало и туземцы съ трудомъ пробирались пѣшіе. Въ двухъ мѣстахъ лежали два большіе снѣжные завала, мостики едва держались на полусгнившихъ балкахъ, грозя ежеминутно обрушиться, а въ одномъ мѣстѣ узенькая тропа покрылась льдомъ и дѣлала проходъ невозможнымъ. Я долженъ былъ провести новую дорогу по лѣвому берегу Ардона, сдѣлать три новые, исправить два старые моста, прокладывать по уступамъ горъ тропинки. Громадные камни, мерзлая земля, недостатокъ инструмента—все это весьма затрудняло работу; но преодолѣвая всѣ препятствія, я ко 2 февраля открылъ свободное сообщеніе до села Зрамаги. Въ тотъ же день перевьюченные съ арбъ на лошадей кули провіанта тронулись отъ Нузала, и я перешелъ въ село Тиби, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему ихъ слѣдованію къ селу Калаки. Ночью началась страшная метель, которая въ теченіи трехъ сутокъ прервала сообщеніе даже между деревнями Мамисонскаго ущелья. О переходѣ черезъ перевалъ нельзя было и думать: ужасные сугробы снѣга покрыли все видимое пространство, а безпрерывный вихорь затемнялъ воздухъ. По неимѣнію здѣсь, въ Мамисонѣ, топлива для варки

солдатамъ пищи, я вынужденъ былъ отвести всю команду назадъ къ Греческому лагерю, а участковому засѣдателю поручилъ, какъ только стихнетъ буря, расчищать жителями дорогу до Калаки.

„Затѣмъ къ дальнѣйшему безпрепятственному слѣдованію вьюковъ мною приняты слѣдующія мѣры: мамисонскій засѣдатель расчищаетъ снѣгъ отъ Тиби и оказываетъ вьюкамъ помощь въ трудныхъ мѣстахъ; въ Калаки очищены мѣста для склада провіанта въ бунты; прибывшему вчера капитану Есаулову я сдалъ всю команду солдатъ и онъ съ ними и рабочими изъ Нарскаго участка исправляетъ дорогу въ Касарскомъ ущельѣ. Такимъ образомъ, сообщеніе не прекращается и провіантъ изъ складочнаго магазина въ Нузалѣ до подножія перевала черезъ хребетъ слѣдуетъ теперь безостановочно. До сихъ поръ уже перевезено до семисотъ четвертей, а къ половинѣ марта, можно надѣяться, будутъ тамъ и всѣ двѣ тысячи.

„Что касается перевозки этого количества хлѣба черезъ горы, то, по самымъ подробнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія, оказывается, что раньше половины марта приступить къ этому нѣтъ никакой возможности; да и тогда только можно будетъ переносить мѣшки черезъ гору на людяхъ, а уже отъ села Кадисара, лежащаго по ту сторону хребта, опять везти на вьюкахъ. Для этого, какъ только будетъ малѣйшая возможность перейти горы, я намѣренъ перевалиться въ Они и условиться съ рачинскимъ уѣзднымъ начальникомъ, чтобы при его содѣйствіи имѣть съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей, такъ что осетины будутъ доставлять до вершины, а рачинцы уже далѣе. Иначе на однихъ людяхъ нѣтъ возможности переносить мѣшки муки въ три съ половиной пуда вѣсомъ. При этомъ условіи, и если погода будетъ не особенно неблагопріятна, я почти увѣренъ, что къ концу апрѣля двѣ тысячи четвертей будутъ доставлены изъ Калаки къ Они. Съ конца же мая, когда откроется свободное сообще-

ніе через горы, въ теченіи лѣта удобно можно перевезти уже на лошадяхъ болѣе десяти тысячъ четвертей.

„Считаю нужнымъ доложить, что нарскому и мамисонскому участковымъ засѣдателямъ необходимо предписать безотлучно оставаться до окончанія всей операціи,— первому въ Зрамаги, второму въ Тиби, ибо безъ нихъ отъ жителей никакого содѣйствія ожидать нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ жителей на переноску провіанта черезъ горы за одну лишь плату, предлагаемую имъ подрядчиками, склонить нельзя, то мѣстное начальство должно внушить имъ, что они обязаны сдѣлать это отчасти какъ службу правительству, которое за такую преданность не оставитъ ихъ безъ вниманія, и если уже нельзя заставить подрядчиковъ увеличить плату, то было бы полезно тѣхъ осетинъ, которые займутся переноской провіанта и вообще окажутъ дѣлу усердное содѣйствіе, освободить отъ взноса въ казну на нынѣшній годъ взыскиваемой съ нихъ подати, по 50 копѣекъ съ дома“.

Я привелъ здѣсь эту сухую оффиціальную бумагу для того, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода порученіе выпало въ этотъ разъ на мою долю; но по ней нельзя и приблизительно себѣ представить, что̀ пришлось мнѣ вынести въ теченіи какихъ нибудь трехъ-четырехъ недѣль тогдашняго пребыванія въ Осетинскихъ горахъ. Нужно было крѣпкое здоровье, нуженъ былъ большой запасъ энергіи и, главное, нужна была моя привычка къ трудамъ и лишеніямъ жизни въ горахъ—жизни, суровую школу коей я прошелъ смолоду въ Тушетіи, Хевсуріи, на Лезгинской линіи, чтобы не только не избѣгать и не заявлять неудовольствія, а напротивъ быть совершенно довольнымъ полученіемъ такихъ служебныхъ порученій.

Большею частью всѣ переходы между аулами, между пунктами, на которыхъ совершались дорожныя работы, приходилось дѣлать пѣшкомъ по тропкамъ и безъ нихъ, карабкаясь и цѣплясь за что̀ попало; застигнутый метелью въ одномъ изъ самыхъ жалкихъ аульчиковъ, я трое сутокъ провелъ въ

темномъ, полномъ дыма, грязномъ логовищѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими осетинами и ихъ животными, имѣя постелью бурку, а пищею нѣсколько ячменныхъ, въ золѣ испеченныхъ лепешекъ, съ кусочкомъ соленаго мѣстнаго сыра; но хуже всего было трое сутокъ провести въ бездѣйствіи, въ невозможности даже походить. Я выскакивалъ, наглотавшись дыма и тяжелаго воздуха, на дворъ, чтобы вдохнуть свѣжаго, совершенно какъ кочегары на пароходахъ, но больше двухъ-трехъ минутъ нельзя было оставаться: неистовый вѣтеръ крутилъ густыя тучи снѣга, застилавшія свѣтъ, засыпавшія всякій попадавшійся предметъ сухимъ, твердымъ какъ песокъ снѣгомъ; кругомъ полумракъ, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно, только гулъ и вой то какъ будто утихающій, то усиливающійся, мѣняющій тоны—визжащіе на глухіе, да по временамъ вдали какіе-то раскаты... (вѣроятно шумъ обрушившихся заваловъ). Такова была приблизительно картина, которая могла бы дать богатый матеріалъ для самаго поэтическаго эффектнаго описанія и въ чтеніи производила бы отличное впечатлѣніе; испытывать же ее на себѣ было не совсѣмъ пріятно.

Въ отвѣтъ на мое донесеніе, баронъ Вревскій, одобряя всѣ мои распоряженія и предположенія, предписывалъ не упустить первой возможности для перехода черезъ хребетъ въ Имеретію, чтобы, не полагаясь на разсказы туземцевъ, лично убѣдиться въ возможности переноски части провіанта и вообще въ состояніи какъ этого пути, такъ и дальше до Они; для опыта же, если окажется возможнымъ, взять съ собою хотя небольшое число муки на людяхъ.

Какъ только погода разгулялась, безоблачное небо, полная луна и сильный морозъ предвѣщали продолжительное затишье, я рѣшился приступить къ исполненію этой второй части порученія и перейти черезъ хребетъ. Триста осетинъ согласились взять на себя по мѣшку муки ($3^1/_2$ пуда) для доставки до первой деревни на южномъ склонѣ хребта. Тронулись мы изъ села Калаки часовъ въ 8 утра и пустились

въ сплошное пространство ослѣпительнаго бѣлаго снѣга, покрывавшаго кругомъ громады горъ, принявшихъ подъ этимъ саваномъ однообразный, мертвенный видъ: ни лѣсовъ, ни обрывовъ, ни причудливыхъ очертаній, ни просвѣчивающихъ сребристыхъ водопадовъ,—все исчезло подъ одною бѣлою оболочкой! Ни движенія, ни звука, никакого признака жизни, одна какая-то величественная, торжественная тишина кругомъ...

Второй разъ приходилось мнѣ дѣлать попытку зимняго перехода черезъ главный хребетъ безъ дороги, по цѣлинному снѣгу. Первый разъ это было въ ноябрѣ 1847 въ Хевсуріи, что̀ разсказано уже въ 1-й части. Но въ этотъ разъ дѣло вышло удачнѣе: снѣгъ былъ тверже и намъ почти нигдѣ не приходилось проваливаться по поясъ, а вѣдь это и составляетъ главную трудность движенія.

Впереди на всякій случай шли человѣкъ тридцать рабочихъ съ лопатами, за ними я съ нѣсколькими мѣстными старшинами, далѣе тянулся черною ленточкой длинный рядъ осетинъ съ мѣшками на спинахъ. Щеки у всѣхъ насъ были намазаны растертымъ порохомъ (испытанное хорошее средство противъ рѣжущей глаза бѣливны снѣга); пройдешь съ полверсты—потъ градомъ катится, все влажно, но захватываетъ дыханіе, ноги дрожатъ—приходится останавливаться и присѣсть на снѣгъ; черезъ минуту весь остынешь, чувствуешь, какъ влажное бѣлье на тѣлѣ прохватывается морозомъ,—и торопишься опять въ путь, глотая по-временамъ изъ бутылки краснаго вина. Шагъ за шагомъ, выше и выше, мы къ солнечному закату очутились уже почти на самомъ перевалѣ.

Что̀ это былъ за видъ, когда красное солнце, опускаясь на нашихъ глазахъ прямо предъ нами за вершину перевала, освѣтило лучами весь этотъ снѣжный океанъ! Что̀ за разнообразіе красокъ отражалось въ искрившемся снѣгѣ; какія лилово-фіолетовыя, пурпурно-зеленоватыя тѣни громаднѣйшихъ размѣровъ ложились по склонамъ горъ! Какіе переходы на всемъ фонѣ этой картины совершались, когда исчезъ послѣд-

ній солнечный лучъ, когда на одно мгновеніе все померкло, покрылось какою-то дымкой и вдругъ полная взошедшая луна облила все однимъ чистымъ серебристо-матовымъ свѣтомъ!... Что за волшебная декорація, и какъ она дѣйствовала на меня, хотя я ее и не въ первый разъ видѣлъ! До сихъ поръ у меня подобныя картины предъ глазами, какъ-будто я только наканунѣ ими любовался... Нѣсколько минутъ наслажденія подобнымъ видомъ вознаграждали за нѣсколько дней мерзѣйшей жизни въ осетинскомъ хлѣвѣ; все забывалось, все исчезало въ какомъ-то возвышенномъ настроеніи, вызывавшемъ другія мечты и помыслы!

Перебравшись благополучно черезъ высшую точку перевала (полагаю, не менѣе 7 — 8 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря), мы часовъ около девяти вечера добрались до первой маленькой деревушки Нешретинъ, у самаго истока Ріона, близь коей и должны были провести ночь; ноги рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшей службы.

На другое утро, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, въ болѣе населенной деревнѣ, я сложилъ принесенные триста мѣшковъ муки, поручивъ ихъ попеченію старшины, отпустилъ своихъ осетинъ обратно, а самъ съ нѣсколькимм сопровождавшими меня людьми и съ мѣстнымъ участковымъ начальникомъ верхомъ отправился въ мѣстечко Они, замѣнявшее уѣздный городъ Рачинскаго уѣзда. Самого начальника, маіора Васильева я не засталъ дома и по дѣлу долженъ былъ вѣдаться съ его помощникомъ и секретаремъ. Зато съ семействомъ г. Васильева (всѣ они старые темиръ-ханъ-шуринцы и коренные дагестанскіе жители; отецъ ихъ былъ когда-то комендантомъ въ Дербентѣ и покровительствовалъ Марлинскому) я провелъ вечеръ съ величайшимъ удовольствіемъ, въ европейски обставленной комнатѣ, за чайнымъ столомъ, за русскою рѣчью и разсказами о Шурѣ, тамошнихъ общихъ знакомыхъ и пр. Легко себѣ представить, какимъ раемъ покажется подобное пребываніе въ гостепріимномъ семействѣ

послѣ жизни въ осетинскихъ трущобахъ и послѣ перехода пѣшкомъ черезъ снѣговой хребетъ.

Къ сожалѣнію, я не могъ терять времени и тѣмъ болѣе долженъ былъ торопиться, что малѣйшая перемѣна погоды могла воспрепятствовать обратному переходу черезъ горы. Поэтому, отдохнувъ только однѣ сутки въ Они, я уѣхалъ ночевать въ ту же деревню, гдѣ оставилъ сложенный провіантъ, а на другой день со своими нѣсколькими спутниками благополучно перебрался назадъ черезъ хребетъ въ Калаки. Легко разсказывать о такихъ путешествіяхъ, но каково ихъ совершать—можетъ понять только тотъ, кто самъ испыталъ что-нибудь подобное. Какое напряженіе силъ, какое усиленное сердцебіеніе и дрожаніе во всѣхъ членахъ, какая рѣзь въ глазахъ и звонъ въ ушахъ при этомъ происходятъ — передать трудно. Привыкшему съ малолѣтства горцу и то подъ часъ тяжела становится такая борьба съ суровою природой, а намъ, съ нашими привычками, съ нашими, ослабленными умственными занятіями, нервами и такія путешествія, и такая жизнь въ аулахъ—просто мучительная пытка. Но „что прошло, то будетъ мило", и я теперь, вспоминая о подобныхъ эпизодахъ моей четвертьвѣковой кавказской службы, представляю себѣ ихъ какъ нѣчто пріятное, нѣчто, что̀ съ удовольствіемъ готовъ бы пережить вторично...

По возвращеніи на сѣверную сторону хребта, я осмотрѣлъ еще разъ подробно дорогу по ущельямъ и убѣдившись, что вьюки двигаются безостановочно, уѣхалъ во Владикавказъ для подробнаго личнаго доклада барону Вревскому.

Вспоминаю при этомъ одинъ эпизодъ, подтверждавшій мои описанія жалкаго положенія священниковъ въ Осетіи и вообще въ горныхъ округахъ. Въ селеніи Нузалѣ, какъ я уже говорилъ, складывали провіантъ, привозимый на арбахъ; здѣсь являлись нанятые подрядчиками и вообще желающіе люди съ лошадьми, навьючивали мѣшки для доставки въ Калаки за опредѣленную плату, размѣръ коей не помню, но во всякомъ случаѣ весьма умѣренную. Пріѣхавъ въ Нузалъ, я за-

сталъ толпу человѣкъ во сто съ лошадьми, на которыхъ вьючили муку; обыкновенный въ такихъ случаяхъ гамъ и крикъ меня конечно не удивили, но вдругъ стали раздаваться слишкомъ громкія бранныя слова и, казалось, дѣло доходитъ до драки. Послалъ я узнать, что̀ тамъ происходитъ, и представьте мое непріятное положеніе, когда мнѣ сказали, что шумъ и ссору произвелъ *священникъ, нанявшійся съ своею лошадью возить мѣшки* и не захотѣвшій брать лежащихъ въ складѣ по-очереди, а начавшій разбрасывать и выбирать какіе поменьше и полегче, чему воспротивились другіе погонщики...

Попросилъ я къ себѣ этого пастыря одного изъ осетинскихъ приходовъ и превѣжливо упрекнулъ его въ такомъ несвойственномъ ему занятіи, подрывающемъ уваженіе къ нему его прихожанъ, и тѣмъ болѣе еще конфузномъ, что большинство возчиковъ мусульмане, мулла коихъ не станетъ заниматься возкой вьюковъ.

— Я получаю полтораста рублей въ годъ, а у меня семья въ семь душъ, которыхъ нужно кормить, отвѣчалъ онъ;—въ той же деревнѣ, гдѣ я живу, большая половина жителей мусульмане, мулла ихъ жалованья не получаетъ, но имѣетъ такіе доходы, что живетъ богато, всѣми уважаемъ и почитаемъ, даже нашимъ русскимъ начальствомъ, а я нищій и на меня никто вниманія не обращаетъ. Я воспользовался случаемъ заработать нѣсколько рублей.

Я не нашелся что̀ и сказать ему. Особенно конфузило меня присутствіе нѣскольскихъ осетинскихъ офицеровъ и почетныхъ людей, увѣшанныхъ разными орденами и знаками отличія, принадлежавшихъ безъ исключенія къ исповѣдующимъ мусульманскую вѣру. Они весьма иронически посматривали на несчастнаго христіанскаго священника, наряженнаго въ ободранный полушубокъ и родъ лаптей, и съ большимъ изумленіемъ взглянули на меня, когда я подошелъ къ нему подъ благословеніе...

Не изумительная ли непослѣдовательность нашей политики? Вмѣсто того, чтобы покровительствовать христіанскому

элементу среди горцевъ, оказывать ему если уже не явное предпочтеніе предъ мусульманскимъ, то по крайней мѣрѣ не равнодушіе и даже явное пренебреженіе, чтобъ опираться на него въ борьбѣ со враждебнымъ фанатическимъ исламомъ,— мы въ какой-то непостижимой слѣпотѣ дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. И нигдѣ это не выказывалось такъ рѣзко, какъ именно во Владикавказскомъ округѣ, этомъ центрѣ кавказскаго горскаго населенія. Вы встрѣчали здѣсь цѣлую массу штабъ-и оберъ-офицеровъ, увѣшанныхъ орденами, получающихъ пенсіи, занимающихъ разныя видныя административныя должности, пользующихся большимъ почетомъ у высшихъ русскихъ властей и поэтому значительнымъ вліяніемъ среди туземнаго населенія, и все это были исключительно мусульмане. Думаю, что память не измѣняетъ мнѣ, и потому говорю „исключительно". Я рѣшительно не помню ни одного офицера осетина христіанина; даже въ числѣ низшихъ лицъ, награжденныхъ медалями, солдатскими Георгіевскими крестами, серебрянными темляками и т. п., едва ли на двадцать пять человѣкъ мусульманъ приходился одинъ христіанинъ! Кто составлялъ „сливки туземнаго общества"? Мусульмане. Кого вы могли встрѣтить въ числѣ гостей, вѣжливо, съ почтеніемъ принимаемыхъ нашими высшими начальственными лицами? Почетныхъ туземцевъ мусульманъ, ихъ чалмоносныхъ эфендіевъ и гаджи (побывавшихъ въ Меккѣ). Къ кому обращались за совѣтами, за содѣйствіемъ въ разныхъ важныхъ мѣстныхъ дѣлахъ? Къ нимъ же. Кому предоставляли выгоды, доходныя поставки, начальствованія надъ милиціями и т. п.? Все имъ же, мусульманамъ. Исканіе популярности среди туземцевъ — слабость, которою было одержимо большинство нашихъ главныхъ начальниковъ—къ кому обращалось? Къ мусульманамъ же. Тотъ же баронъ И. А. Врэвскій, одинъ изъ первыхъ обратившій вниманіе на вопросъ о возстановленіи и поддержаніи христіанства среди горцевъ, такъ энергически взявшійся за это, какъ читатели могли видѣть изъ вышеописаннаго, по необъяснимому противорѣчію,

дѣйствовалъ совершенно въ томъ же направленіи и оказывая всякое уваженіе и снисхожденіе почетнымъ вліятельнымъ туземцамъ мусульманамъ и ихъ духовенству, не показалъ ни одного примѣра отличіемъ и возвышеніемъ котораго-нибудь изъ туземцевъ-христіанъ. Я вовсе не партизанъ религіозныхъ преслѣдованій и преимуществъ одной религіи противъ другой; но именно, въ силу принципа равноправности, казалось бы болѣе умѣстнымъ христіанскому государству не быть мачихой своимъ единовѣрцамъ, уже не говоря о политической сторонѣ дѣла. И выходило такъ, что мусульманское населеніе, пользуясь покровительствомъ своихъ вліятельныхъ лицъ, вездѣ и во всемъ стояло впереди христіанскаго; оно жило сравнительно въ гораздо большемъ благосостояніи, смотрѣло свысока и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на своихъ христіанскихъ сосѣдей, возбуждая въ нихъ зависть и нерѣдко желаніе обратиться въ мусульманъ... При такихъ условіяхъ уже неудивительно, что мусульманская часть туземнаго населенія отличалась и большею степенью своего рода интеллигентности, бо̀льшимъ наружнымъ лоскомъ и приличіемъ, тогда какъ христіане были бѣднѣе, грубѣе, необтесаннѣе, менѣе развиты, хотя принадлежали къ одному и тому же племени. Короче сказать, мусульмане были господа, а христіане мужичье.

Нѣтъ ли тутъ аналогіи съ нашею извѣстною слабостью оказывать вообще предпочтеніе всему иностранному въ ущербъ своему, родному? Съ чужимъ, хоть бы то былъ даже чеченецъ, политичнѣе, „въ перчаткахъ“, со всяческимъ снисхожденіемъ, а со своимъ—ну, тутъ нечего церемониться... Для примѣра, вотъ одно распоряженіе изъ относительно недавняго прошлаго: предписывалось закавказскимъ мѣстнымъ начальствамъ, въ случаяхъ тѣлеснаго наказанія туземцевъ, не обнажать, а бить по шароварамъ, такъ какъ обнаженіе считается-де у нихъ за великій стыдъ; но въ то же время и въ тѣхъ же мѣстахъ русскаго солдата и *русскую бабу* можно было сѣчь безъ всякихъ церемоній. Было это, конечно, въ тѣ времена,

когда еще никому не приходило въ голову уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній; но все же какая несообразительность: уважать стыдъ туземца, не думая, что вѣдь и у русскаго должно быть такое же чувство стыда... Женщинъ туземныхъ и вовсэ воспрещалось подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, но для русскихъ этого исключенія не было сдѣлано...

Вообще, нигдѣ въ Россіи нельзя было такъ наглядно убѣждаться въ какомъ-то традиціонномъ пренебреженіи, даже презрѣніи высшихъ служебныхъ классовъ къ своимъ, русскимъ людямъ, и глупомъ, унизительномъ ухаживаніи за всякимъ иноземцемъ, хотя бы туземцемъ-мусульманиномъ. Тотъ же офицеръ, который послѣдняго оборванца, байгуша, пастуха-чеченца или аварца принимаетъ у себя съ рукопожатіемъ, угощеніемъ чаемъ и „ракой",—тутъ же, при этомъ байгушѣ, за пустяшную вину валялъ по щекамъ своего деньщика или вѣстового, изрыгая цѣлый потокъ отвратительной брани, что̀ доставляло байгушу большое удовольствіе... Такъ же складывались отношенія и въ оффиціальныхъ вопросахъ: почти всегда всё въ пользу туземцевъ, въ ущербъ своему войску или казачьему населенію. И вѣдь ни благодарности, ни преданности никакой мы не заслужили...

Между тѣмъ въ составѣ высшей военной администраціи произошла важная перемѣна. Надежды барона Вревскаго не сбылись: начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи и двадцатой пѣхотной дивизіи былъ назначенъ генералъ-маіоръ Евдокимовъ (до того бывшій начальникомъ праваго фланга), а баронъ оставленъ въ прежней своей должности начальника Владикавказскаго округа. Узналъ я объ этомъ совершенно неожиданно по пріѣздѣ въ Алагиръ.

Пришлось опять призадуматься о своемъ положеніи. Что же теперь со мною будетъ? Какъ офицеръ Дагестанскаго полка двадцатой дивизіи, я былъ подчиненный генерала Евдокимова и не могъ уже оставаться въ распоряженіи генерала Вревскаго; слѣдовало, значитъ, возвратиться въ Грозную, ожидать тамъ рѣшенія своей судьбы. А если Евдокимовъ

прикажетъ отправляться въ полкъ? Вѣдь онъ меня совсѣмъ не знаетъ, да безъ сомнѣнія привезетъ съ собою своихъ приближенныхъ съ праваго фланга, какъ это всегда водится, и сочтетъ меня совершенно лишнимъ? Однако въ этотъ разъ я не особенно тревожился, въ полной увѣренности, что баронъ Вревскій оставитъ меня при себѣ, для чего стоило ему только представить о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ девятнадцатой дивизіи, расположенныхъ въ его округѣ. Я поспѣшилъ во Владикавказъ, чтобы поскорѣе разрѣшить всѣ эти сомнѣнія.

Сдѣлавъ подробный докладъ по дѣлу о провіантѣ, а также о моихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ насчетъ церковнаго и административнаго положенія Осетіи, выслушавъ благодарность и нѣсколько незаслуженныхъ лестныхъ отзывовъ о моей служебной дѣятельности, я приступилъ къ своимъ личнымъ дѣламъ и спросилъ барона какъ мнѣ теперь быть послѣ совершившихся перемѣнъ.

— О себѣ не безпокойтесь, сказалъ мнѣ Ипполитъ Александровичъ.— Я напишу генералу Евдокимову, что вы мнѣ необходимы для окончанія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, и онъ прикажетъ считать васъ во временной откомандировкѣ. А послѣ посмотримъ какъ лучше устроить. Приготовьте сейчасъ же оффиціальное письмо отъ меня и отошлите въ Грозную.

— Позвольте мнѣ самому съѣздить съ письмомъ въ Грозную; у меня тамъ вѣдь квартира, лошади, вещи; я уже два мѣсяца не былъ и нужно кое-чѣмъ распорядиться.

— Хорошо, только больше шести-семи дней я не разрѣшаю вамъ быть въ отсутствіи; вы должны довести провіантское дѣло до конца, а это предметъ важный и спѣшный.

На слѣдующій день я уже трясся на перекладной по знакомой дорогѣ, черезъ сунженскія станицы, *домой*.

Въ Грозной я никакого начальства не засталъ: генералъ Евдокимовъ выступилъ съ отрядомъ на Аргунъ, гдѣ тогда строилось укрѣпленіе Бердыкель. Письмо къ нему я передалъ

въ штабъ для отсылки, а самъ занялся своими хозяйственными дѣлишками, которыя нашелъ въ плохомъ состояніи: квартира моя была обворована, пропало много вещей, и воинскій начальникъ утѣшилъ меня тѣмъ, что воры не кто иной, какъ донскіе казаки недавно смѣненнаго полка, выступившаго на Донъ, и что онъ хотя принималъ всѣ возможныя мѣры, но ничего не нашелъ; виноватъ же во всякомъ случаѣ деньщикъ, вѣроятно отлучавшійся ночью изъ дома. На этомъ утѣшеніи дѣло и кончилось.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною тогда въ Грозной (грязь была невылазная), я имѣлъ удовольствіе повидаться съ моей милою второю мушкетерскою ротой Дагестанскаго полка, пришедшею въ составѣ своего баталіона въ Чечню на время зимней экспедиціи; баталіонъ былъ оставленъ однако въ Грозной до особаго приказанія. Почтенный маіоръ Д. Б. (о которомъ я уже такъ подробно разсказывалъ въ предшествовавшихъ главахъ, на мое письмо съ просьбой позволить мнѣ видѣть вторую роту, отвѣтилъ согласіемъ; рота построилась въ станицѣ, и я часа два ходилъ по рядамъ, называлъ поименно моихъ старыхъ сослуживцевъ, что̀ ихъ чрезвычайно радовало, разспрашивалъ гдѣ и что̀ они дѣлали въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ нашей разлуки и т. д. Какъ съ родными встрѣтился я со всѣми этими Черкашиными, Сливками, Максимовыми, какъ объ родныхъ пожалѣлъ о нѣкоторыхъ, успѣвшихъ уже сложить свои кости въ разныхъ дагестанскихъ лазаретахъ и лагеряхъ... На прощанье ротные пѣсенники пропѣли мнѣ мою любимую

«Зеленая роща всю ночь прошумѣла»...

получили на два ведра къ ротному празднику, и на рукахъ пронесли меня къ дому станичнаго начальника, гдѣ я оставилъ свою лошадь...

— Прощайте, братцы! авось Богъ дастъ еще когда-нибудь увидимся; будьте счастливы, выходите цѣлыми, коли придется встрѣтиться съ чеченцами.

— Покорнѣйше благодаримъ, никогда васъ не забудемъ.

Военный читатель пойметъ, какія чувства руководятъ мною, когда я вношу въ свои воспоминанія такія мелочныя, повидимому, событія. Для инвалида не можетъ быть ничего пріятнѣе воспоминаній о тѣхъ, съ которыми приходилось выносить всякія невзгоды, тянуть тяжелую походную службу, пролеживать ночи въ секретахъ, карауля врага и ежеминутно готовясь услышать свистъ пуль. Трудно было, подъ часъ невыносимо трудно, а вспоминать все-таки великое удовольствіе...

Къ назначенному сроку я возвратился во Владикавказъ, гдѣ, казалось, уже суждено мнѣ было оставаться надолго. Жилъ я тогда съ адъютантомъ генерала Вревскаго А. А. Нуридомъ (нынѣ генералъ и батумскій комендантъ), а большую часть дня проводилъ въ такъ-называемой крѣпости, въ домѣ начальника округа или въ канцеляріи. Занятій по всегдашнему было довольно; но о провіантскомъ дѣлѣ, потерявшемъ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о заключенномъ перемиріи и близости мира, свою экстренность, уже не столько безпокоились; ѣхать въ Осетію, къ большому удовольствію, мнѣ уже не пришлось. Я занялся составленіемъ подробнаго донесенія и представилъ его барону Вревскому. Оно, по моему мнѣнію, и теперь еще не лишено нѣкотораго интереса для читателей, которыхъ занимаетъ положеніе Кавказа и особенно для такихъ, которые незнакомы съ этимъ разнообразнѣйшимъ краемъ, и потому я не думаю утомить ихъ вниманія, приведя его почти цѣликомъ.

„Возлагая на меня нѣсколько служебныхъ порученій въ ущельяхъ Осетіи, вы изволили выразить желаніе, чтобъ я старался ознакомиться съ мѣстностью, съ бытомъ населенія, съ его нуждами, съ положеніемъ духовенства и мѣстной власти и затѣмъ представилъ вамъ обзоръ съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ были бы полезны, въ смыслѣ болѣе прочнаго утвержденія христіанства, образованія осетинскихъ дѣтей и водворенія административнаго порядка.

„Посѣтивъ въ теченіи нынѣшней зимы нѣсколько разъ Осетію, вникая во все, что могло относиться къ видамъ вашимъ, я настолько познакомился съ этою страной, что позволяю себѣ изложить здѣсь нѣсколько мыслей насчетъ лучшаго въ будущемъ ея устройства.

„Племя осетинъ, за исключеніемъ нѣкоторой части живущей за Кавказомъ, населяетъ ущелья сѣвернаго склона хребта. Ущелья эти слѣдующія: Трусовское, но верховьямъ Терека, Тагаурское, Савадакское, Куртатинское и Алагирское, выходящія на плоскость Владикавказскаго округа; Нарское и Мамисонское, соединяющіяся сліяніемъ своихъ рѣчекъ въ одно подъ названіемъ Касарскаго и примыкающія къ Алагирскому; затѣмъ нѣсколько Дигорскихъ, въ сосѣдствѣ съ Большою Кабардой. Жители всѣхъ этихъ ущелій осетины (по ихнему Иронъ), говорятъ однимъ языкомъ, совершенно сходны между собою по обычаямъ, нравамъ, образу жизни, степени развитія, отчасти и благосостоянію. Нѣкогда христіане, они въ теченіи долгаго времени и силой смутныхъ обстоятельствъ, долго волновавшихъ Кавказъ, потеряли истинную вѣру, смѣшали темныя преданія христіанства съ языческими обрядами, освятили давностью лѣтъ много безсмысленныхъ суевѣрій, усвоили не мало правилъ ислама и упали на весьма низкую ступень.

„Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ еще при Екатеринѣ II, выразившихся присылкой миссіонеровъ, объ осетинахъ какъ бы забыли, и только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія правительство опять обратило вниманіе на христіанскихъ горцевъ. Туда стали посылать священниковъ, строить церкви, учреждать гражданское управленіе. Но отдаленность этихъ мѣстъ отъ пребыванія высшихъ властей, трудность и большею частью отсутствіе сообщеній, назначеніе туда духовныхъ и гражданскихъ лицъ, большею частью безо всякаго образованія, были причиной, что принятыя мѣры оставались на одной точкѣ; онѣ не подвергались измѣненіямъ къ лучшему на основаніи опыта и ближайшаго знакомства съ мѣст-

ными условіями и, само собою, принесли самые ничтожные результаты. Кромѣ того, разъединеніе ущелій въ административномъ отношеніи было поводомъ отсутствія совокупности въ усиліяхъ правительства достигнуть предположенной цѣли. Такъ Трусовское и Нарское ущелья вошли въ составъ Тифлисской губерніи, Мамисонское—Кутаисской, Дигорскія—въ управленіе центромъ Кавказской линіи, остальныя во Владикавказскій округъ.

„Достаточно одного взгляда на карту, чтобъ убѣдиться въ неправильности подобнаго раздѣленія, противнаго этнографическому и географическому положенію страны. Между южнымъ и сѣвернымъ склонами главнаго хребта встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевалы, большую часть года непроходимые, а единственный удобный доступъ во всякое ущелье есть дорога съ плоскости, по теченію рѣки. Такъ и здѣсь: изъ Владикавказскаго округа сообщеніе со всѣми главными осетинскими ущельями никогда не прекращается, тогда какъ съ Тифлисскою или Кутаисскою губерніями оно можетъ быть только въ четыре лѣтніе мѣсяца, и то съ трудомъ. Поэтому жители въ постоянныхъ сношеніяхъ только съ плоскостью кругомъ Владикавказа, сбывая сюда кое-какія произведенія и пріобрѣтая здѣсь все нужное.

„Гражданское управленіе, введенное прямо среди дикихъ неподготовленныхъ обитателей ущелій, подчиненныхъ Тифлисской и Кутаисской губерніямъ, не могло достигнуть цѣли; они и теперь еще весьма далеки отъ того состоянія, при коемъ гражданскіе законы съ ихъ часто отвлеченными видами, съ ихъ безчисленными формальностями, канцелярскими обрядами, становятся доступными пониманію населенія; имъ нужна была мѣстная власть съ большими правами и значеніемъ, чѣмъ участковый начальникъ, имъ нуженъ справедливый, быстрый судъ, примѣненный къ народнымъ обычаямъ, съ содѣйствіемъ выборныхъ лучшихъ людей. Иногда неизбѣжна строгость, предупреждающая развитіе важныхъ преступленій, и то, что могло кончиться на мѣстѣ наказаніемъ или вре-

менною высылкой одного безпокойнаго человѣка, вслѣдствіе слабости и безправія мѣстнаго начальства, принимало большіе размѣры, превращалось въ цѣлыя возстанія, требовавшія посылки цѣлыхъ отрядовъ войска, многихъ кровавыхъ жертвъ, какъ это и было въ Нарскомъ и Мамисонскомъ ущельяхъ (имѣвшихъ гражданское управленіе губерній) въ 1840, 43, 47 и 50 годахъ, когда отрядамъ въ нѣсколько баталіоновъ съ артиллеріей приходилось совершать боевыя экспедиціи.

„Полагаю, что всѣхъ осетинъ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ хребта, слѣдовало бы включить въ составъ Владикавказскаго округа и подчинить управленію одного начальника, избравъ человѣка, знакомаго съ мѣстностью, обычаями, по возможности и съ языкомъ, снабдивъ его подробною инструкціей. Подъ его руководствомъ, дѣйствія всѣхъ приставовъ, совокупно направленныя къ одной цѣли, повѣряемыя на мѣстѣ, безъ сомнѣнія, привели бы къ желаемому успѣху. Къ этому нужно присовокупить проложеніе дорогъ, поддержаніе христіанства, заведеніе школъ — главныхъ оплотовъ церкви и правительства, нуждающихся, однако, въ энергическомъ содѣйствіи мѣстной власти, безъ которой начальное развитіе ихъ невозможно.

„Подобно управленію мѣстному, разъединено и духовное. Священники Нарскаго и Мамисонскаго ущелій подчинены благочинному, живущему въ селѣ Джави на границѣ Горійскаго ущелья (Карталинія). Ихъ раздѣляетъ едва проходимый хребетъ и духовенство остается безъ надзора и наставленій, дѣйствіямъ ихъ нѣтъ ни одобреній, ни порицаній. За полученіемъ своего скуднаго жалованья они должны отправляться въ Джави, проходя большею частью пѣшкомъ черезъ Рачу и Имеретію, употребляя на это цѣлые мѣсяцы, перенося неимовѣрные труды и лишая приходы своего присутствія. Семейства ихъ живутъ въ Имеретіи, за неимѣніемъ въ Осетіи помѣщеній — второй поводъ продолжительныхъ отлучекъ и издержекъ. Есть и еще много другихъ неудобствъ подобнаго

положенія, очевидныхъ для всякаго, хоть немного знакомаго съ этимъ краемъ.

„Что касается мѣръ, необходимыхъ здѣсь для возстановленія христіанства, то я уже имѣлъ честь доносить 31 октября 1855 года о главнѣйшей, заключающейся въ назначеніи соотвѣтствующихъ священниковъ, знающихъ туземный языкъ, могущихъ поученіями, выраженными въ доступныхъ понятіямъ народа формахъ, внушить уваженіе къ религіи и оказать вліяніе на общественное благоустройство, и поступками милосердія и участія къ нуждающимся подтвердить на дѣлѣ свои слова. Къ такимъ дѣйствіямъ священниковъ, присоединивъ наружное благолѣпіе церквей, торжественность богослуженія и ревностное исполненіе требъ, можно въ нѣсколько лѣтъ поставить народъ на истинный путь, безъ опасеній за легкость уклоненій на ложную дорогу. Выборъ подобныхъ священниковъ безспорно весьма затруднителенъ, но не невозможенъ. Нужно взять ихъ изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ семинаріи, дать имъ содержаніе по крайней мѣрѣ 350 р. въ годъ, нужно построить для нихъ приличное помѣщеніе, чтобъ они могли оставаться неразлучно со своими семействами, обезпечить ихъ надеждой на полученіе за трехлѣтнюю службу наградъ, а за дальнѣйшее добросовѣстное исполненіе обязанностей полученіемъ такихъ приходовъ, которые дали бы имъ возможность отдохнуть отъ трудовъ и тяжелой жизни среди дикихъ горъ. Въ центрѣ Нарскаго и Мамисонскаго ущелій, въ селѣ Зрамага, долженъ жить благочинный или вообще старшее духовное лицо, обладающее познаніями и подготовкой къ миссіонерской дѣятельности. Отсюда ему удобно наблюдать за всѣми приходами; онъ же черезъ Алагиръ долженъ бы получать всю корреспонденцію и суммы на содержаніе духовенства, избавивъ священниковъ отъ далекихъ, трудныхъ странствованій. Кромѣ того, по случаю отдаленія этихъ мѣстъ и неудобствъ сообщеній съ мѣстопребываніемъ экзарха Грузіи, священники лишены возможности пользоваться его поученіями и ободреніями на подвиги самоотвер-

женія; поэтому было бы весьма полезно назначеніе во Владикавказъ кого-либо изъ достойнѣйшихъ архимандритовъ, знакомыхъ съ краемъ, могущихъ въ удобное время посѣщать горскіе приходы, вникать въ нужды духовенства и церквей, убѣждаться на мѣстѣ въ необходимыхъ улучшеніяхъ, представлять о нихъ преосвященному владыкѣ и ходатайствовать у мѣстныхъ начальствъ о нужномъ содѣйствіи. Было бы крайне полезно также: 1) позаботиться о напечатаніи нѣсколькихъ молитвенниковъ на осетинскомъ языкѣ; 2) привести въ извѣстность число мусульманъ-осетинъ, опредѣливъ норму муллъ, примѣрно на сто дворовъ одного, съ запрещеніемъ затѣмъ шляться подъ видомъ муллъ разнымъ подозрительнымъ пропагандистамъ; 3) воспретить жителямъ переходы изъ христіанскихъ въ мусульманскіе аулы, для постояннаго поселенія, что ведетъ къ отступничеству и соблазну, а также заключеніе браковъ между ними, подъ опасеніемъ взысканій. На этой мѣрѣ настаиваетъ все духовенство, приводя примѣры крайняго вреда такихъ отношеній.

„Въ этомъ же селѣ Змарага слѣдуетъ устроить школу, на первый разъ для двадцати четырехъ мальчиковъ ближайшихъ деревень. Живя въ одномъ зданіи, подъ надзоромъ хорошаго наставника, они, при врожденныхъ горцамъ способностяхъ, окажутъ быстрые успѣхи, нѣкоторые подготовятся къ переходу въ другія высшія учебныя заведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь на глазахъ своихъ родныхъ и односельцевъ, убѣдятъ ихъ въ пользѣ поступить также съ прочими дѣтьми. Почетнѣйшіе жители, съ которыми я говорилъ о подобномъ учрежденіи, съ готовностью вызвались оказать возможное содѣйствіе. На расходы по постройкѣ зданія и на содержаніе воспитанниковъ, полагая на каждаго по сорока рублей въ годъ, кромѣ могущихъ быть пожертвованными частными лицами, необходимо и содѣйствіе правительства, въ которомъ оно, безъ сомнѣнія, и не откажетъ: такая цѣль достойна незначительныхъ пожертвованій. Въ случаѣ соединенія Нарскаго и Мамисонскаго ущелій въ одно управленіе, въ этомъ

же селѣ Зрамага должно назначить и мѣстопребываніе начальника. Оно одно изъ удобнѣйшихъ, защищено отъ холодныхъ вѣтровъ, близко къ лѣсу, къ нему во всякое время года свободенъ доступъ и черезъ него проходитъ дорога изъ Осетіи въ Рачу.

„За всѣмъ тѣмъ еще одна во всѣхъ отношеніяхъ важная и благодѣтельная мѣра, это — проложеніе черезъ Осетію въ Имеретію удобной, на первый случай, хоть бы вьючной дороги, ибо возведеніе предполагаемаго постояннаго шоссированнаго пути требуетъ очень много времени и значительныхъ суммъ. Движеніе ли войска, подвозъ провіанта, пересылка легкихъ почтъ, переѣзды лицъ по служебнымъ обязанностямъ, мѣстная торговля, сближеніе искони христіанскаго населенія Имеретіи съ осетинами—все это получило бы облегченіе и развитіе отъ удобной дороги. Подробности ея устройства — дѣло инженеровъ, но я полагаю, что съ 250 человѣками рабочихъ въ два лѣта можно бы ее окончить, устроивъ для зимнихъ переходовъ черезъ перевалъ нѣсколько пріютовъ, снабженныхъ заблаговременно топливомъ и нѣкоторыми другими необходимыми предметами, и расположивъ въ нихъ по нѣскольку человѣкъ, періодически смѣняемыхъ.

„При подобныхъ условіяхъ можно надѣяться на хорошіе результаты по всѣмъ отраслямъ управленія не только однимъ осетинскимъ племенемъ, но и сосѣдними обществмми. Отсюда, какъ изъ центра, могли бы постепенно проникнуть лучи христіанской вѣры и школы съ одной стороны въ Дигорію, Сванетію, Карачай, съ другой—чрезъ военно-грузинскую дорогу въ Хевсурію, Пшавію, гдѣ положеніе дѣлъ и мѣстныя обстоятельства почти тождественны съ Осетіею, а также въ Галгай и другія Кистинскія общества, населяющія хребетъ до верховьевъ рѣки Аргуна, среди коихъ до сихъ поръ остались слѣды и преданія христіанства и гдѣ мусульманство почти не успѣло еще вкорениться.

„Въ заключеніе считаю долгомъ доложить, что усилія къ

украшенію и снабженію церквей разными предметами сами по себѣ не обѣщають результатовъ. Отсутствіе во многихъ приходахъ церквей, неудовлетворительное состояніе существующихъ, недостатокъ мало-мальски соотвѣтствующихъ священниковъ — причиной, что жертвуемые предметы не исполняютъ своего назначенія. Колокола, образа, разныя богатыя украшенія должны бы служить средствами внушенія такому полудикому народу, какъ осетины, большаго благоговѣнія къ торжеству церковной службы и значенію храмовъ, а равно убѣжденія ихъ въ безкорыстной заботливости нашей о ихъ благѣ. Въ настоящее же время почти всѣ пожертвованныя вещи хранятся въ сырыхъ дымныхъ сакляхъ безъ употребленія, а въ селѣ Тиби даже колоколъ отданъ подъ сохраненіе одному изъ жителей, изъ опасенія, *чтобъ его не украли*... Поэтому я полагаю, что съ раздачей полученныхъ въ последнее время изъ Москвы многихъ дорогихъ церковныхъ вещей слѣдуетъ пріостановиться, до принятія другихъ необходимыхъ мѣръ".

Какая судьба постигла мой докладъ и вообще всѣ предположенія генерала Вревскаго, я разскажу ниже; а теперь представлю небольшой очеркъ Осетіи, согласно матеріаламъ, доставленнымъ мнѣ священниками.

LII.

Осетины, называющіе себя *Иронъ* (потому что они будто бы выходцы изъ Рима), населяютъ значительное пространство главнаго кавказскаго хребта и часть плоскости по обоимъ его склонамъ. Языкъ, обычаи, нравы у всѣхъ одинаковы; религія, какъ я уже упоминалъ, смѣсь христіанства съ язычествомъ и исламомъ, а въ части прилегающей, къ плоскостямъ Малой и Большой Кабарды—чисто мусульмане.

Занятыя ими горныя ущелья чрезвычайно суровы и бѣдны; пахатныхъ мѣстъ мало, а пастбища обильны только въ нѣкоторыхъ частяхъ и болѣе по южному склону. Встрѣчаются хо-

лодные сѣрные и кислые источники; послѣдніе носятъ общее названіе *Нарзанъ*. Есть признаки желѣзныхъ и серебросвинцовыхъ рудъ. Народъ большею частію рослый, стройный, въ горахъ болѣе русый и довольно красивый, женщины же преимущественно красивы. Одѣваются въ костюмъ болѣе всего подходящій къ черкесскому. Охотники до верховыхъ лошадей, до украшеній на сбруѣ, одеждѣ и оружіи, какъ и всѣ кавказскія племена. До работы не охочи, взваливая почти всю тягость ея на женщинъ. Живутъ въ каменныхъ, дымныхъ двухъэтажныхъ сакляхъ съ башнями, а на плоскости въ деревянныхъ домахъ; въ первыхъ внизу помѣщается скотъ, а люди за перегородкой; выходятъ же по приставнымъ деревяннымъ лѣстницамъ черезъ верхній, съ одной стороны открытый этажъ. По недостатку въ лѣсѣ, у большинства кроватей нѣтъ, а вмѣсто стульевъ стоятъ большіе камни; огонь раскладывается по срединѣ сакли, надъ нимъ виситъ желѣзная цѣпь съ котломъ для варки пищи, а для печенія хлѣба привѣшиваютъ также каменныя плитки, и кладутъ прѣсныя лепешки въ горячую золу; хлѣбъ большею частію ячменный (карджинъ). Освѣщаютъ сакли лучинами. Пища самая скудная: лепешки съ сывороткой, кусочекъ сыра, иногда копченая баранина; свѣжее мясо изрѣдка, въ случаѣ прибытія гостя, при свадьбахъ, поминкахъ и т. п. Мужчины садятся у огня на стульяхъ, а женщины и дѣти на землю; впрочемъ невѣстка, особенно недавно вступившая въ семью, въ присутствіи свекра и старшихъ мужчинъ не смѣетъ сѣсть, не должна вмѣшиваться въ разговоръ и даже на вопросы отвѣчаетъ наклоненіемъ головы, закрывая лицо; зять предъ своимъ тестемъ тоже отчасти обязанъ держать себя такъ. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ заправляетъ старшая женщина, у которой подъ замкомъ всѣ припасы.

Осетины не отличаются щепетильною нравственностью: почти каждый изъ нихъ ищетъ связей внѣ дома; женщины слѣдуютъ примѣру мужчинъ. Мѣста для свиданій преимуще-

ственно мельницы. Ни особой строгости, ни преслѣдованій въ такихъ случаяхъ незамѣтно.

Пашутъ, какъ и другіе горцы, маленькою сохой, парой, рѣдко двумя парами своихъ невзрачныхъ бычковъ; молотятъ, гоня скотъ по разбросаннымъ на площадкѣ снопамъ.

Празднуютъ пятницу, субботу, воскресенье и понедѣльникъ Соберутся на площадку и, покуривая трубочки, болтаютъ, дремлютъ. Пріѣздъ гостя—большое удовольствіе. Послѣ обычныхъ привѣтствій: „Гаствай?" — „Хорзчари", — примутъ и уберутъ его лошадь, снимутъ оружіе и, какъ только усѣлись, раздается: „наогъ-жирдъ" (что новаго?); затѣмъ начинаются длинные разсказы, плоды собственной фантазіи. Начинаются угощенія, смотря по значенію пріѣхавшаго, съ приглашеніемъ сосѣдей и родныхъ. Обычай требуетъ оберегать гостя, не допустить до него обиды, вступиться за него хоть бы съ оружіемъ въ рукахъ и даже мстить, какъ за родного.

Осетины очень самолюбивы и горды; это не мѣшаетъ имъ однако быть дерзкими и часто изъ-за пустяковъ затѣять ссору, ругань, доходящія до употребленія оружія. Сейчасъ являются миротворцы, разнимутъ, но нерѣдко остается затаенная месть и, при первомъ случаѣ, возникаютъ кровавыя происшествія. Для разбора избираются посредники, иногда нѣсколько разъ, пока они придутъ къ единогласному рѣшенію. Удовлетворенія назначаются матеріальныя и единицей принято считать корову, совершенно такъ же, какъ и у хевсуръ, обычаи коихъ я уже описалъ подробно. Вообще у этихъ двухъ племенъ есть много сходныхъ обычаевъ, хотя они и совсѣмъ не знаютъ другъ друга и говорятъ совершенно разными языками.

Въ бракъ вступаютъ не раньше, какъ по достиженіи мужчиной двадцатилѣтняго, а дѣвушкой пятнадцатилѣтняго возраста, хотя родители задолго до того условливаются и обручаютъ дѣтей. За дочерей берутъ плату обыкновенно шестьдесятъ коровъ, кромѣ необходимыхъ домашнихъ вещей; счетъ коровъ не слѣдуетъ понимать буквально: едва ли во

всей горной Осетіи у кого-нибудь и найдется шестьдесять коровъ; въ этотъ счетъ идутъ всякія животныя и вещи, оцѣниваемыя по стоимости, лишь бы сумма равнялась предполагаемой стоимости шестидесяти коровъ, или около трехсотъ рублей.

Въ назначенный день женихъ отправляется съ компаніей въ домъ невѣсты, имѣя съ собой достаточный запасъ пива (бачанъ) и араки. Старшій въ домѣ беретъ въ одну руку поднесенный ему кусокъ вареной баранины, въ другую—рогъ съ пивомъ, и произноситъ молитву: „Хучау агасъ вадже"—обращеніе къ Богу о дарованіи жизни, дарованіи счастія невѣстѣ и пр. Въ заключеніе обращается къ разнымъ церквамъ, о коихъ онъ слышалъ, со словами: „о, церковь, на горѣ сіяющая, да будетъ сія моя молитва тебѣ угодна и ниспошлешь ты намъ милость щедрую; а ты, Христосъ, ознаменуй насъ тѣми самыми благословеніями, которыми освятился день Твоего рожденія". Послѣ этого другой, откусивъ кусокъ баранины и глотнувъ пива, говоритъ, обращаясь къ первому: „да благословятъ насъ всѣ тѣ святые, имена которыхъ ты сейчасъ упоминалъ, а равно и тѣ, о коихъ ты забылъ вспомнить". Всѣ присутствующіе громко произносятъ: „омеенъ, омеенъ" (аминь). У невѣсты въ это время глаза и уши закрыты платкомъ, хотя къ ней поочередно обращаются съ такими молитвами.

Предъ отправленіемъ невѣсты въ домъ жениха, родители ея приносятъ новый бѣлый войлокъ, а сопровождающіе жениха завертываютъ въ него всѣ назначенныя ей въ приданое вещи: платья, нитки, ножницы и пр. Одинъ изъ нихъ подаетъ невѣстѣ лѣвую руку, въ правой держитъ обнаженную шашку, обводитъ ее три раза кругомъ огня, ударяя каждый разъ шашкой о желѣзную цѣпь, висящую надъ очагомъ; при каждомъ ударѣ, невѣста, все еще съ закрытыми глазами, должна кланяться на всѣ стороны, откуда раздаются дружные голоса, молящіе преимущественно святого Георгія о дарованіи новобрачнымъ и ихъ родителямъ счастія. Затѣмъ, вложивъ шашку

въ ножны, шаферъ ведетъ невѣсту въ домъ жениха, который, между тѣмъ, долженъ постараться незамѣтно ускользнуть впередъ, а то гости начнутъ бить его всю дорогу палками, конечно, шутя. Прибывъ въ домъ, повторяютъ ту же церемонію обвода вокругъ огня.

Пробывъ и пропировавъ у жениха день, иногда два, гости расходятся, получивъ въ подарокъ—кто корову, барана, кто свинью (этихъ держатъ, впрочемъ, мало, и то больше на южномъ склонѣ хребта).

Молодая жена въ теченіи трехъ лѣтъ не должна говорить ни съ кѣмъ, и даже съ мужемъ при другихъ, хотя бы ближайшихъ родныхъ; на вопросы должна отвѣчать или наклоненіемъ головы, или передавая шепотомъ кому-нибудь изъ меньшихъ дѣтей. Все это время она закрывается, прячется въ темные углы и т. п. Если у нея въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ не будетъ дѣтей, она не смѣетъ показаться въ домъ своихъ родителей.

Молодой мужъ первые четыре дня тоже не смѣетъ показываться родителямъ своимъ; они пригласятъ гостей, угостятъ ихъ и пошлютъ за нимъ. При этомъ шафера и родственники-гости отнимаютъ у невѣсты все ея свадебное платье и дѣлятъ между собою; родители ея должны ее снабдить новымъ и одѣвать цѣлый годъ; послѣ уже это становится обязанностью мужа.

Какъ у всѣхъ горцевъ на Кавказѣ, такъ и у осетинъ смерть вызываетъ страшное гореваніе и множество разныхъ педантически исполняемыхъ обрядовъ. Женщины поднимаютъ душу раздирающіе вопли, рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лица, такъ что кровь течетъ ручьями, шрамы остаются надолго, у нѣкоторыхъ на-всегда обезображенныя лица, жены отрѣзываютъ косы и кладутъ въ могилу мужа. Мужчины, подходя къ дому умершаго, въ какомъ-то изступленіи начинаютъ бить себя плетьми по шеѣ и не перестаютъ, пока совсѣмъ не приблизятся къ покойнику; каждый мужчина, входя въ домъ, втыкаетъ палку съ привязаннымъ къ ней кускомъ

ситца въ стѣну поближе мѣста, гдѣ лежитъ умершій; при этомъ раздается громкій плачъ. Но при смерти женщины, даже жены, мужчина не долженъ ни плакать, ни показывать признаковъ скорби и быть видимо равнодушнымъ... Затѣмъ приносятъ оружіе, приводятъ осѣдланную лошадь, обводятъ ее три раза кругомъ покойника и приговариваютъ: „отправляйся верхомъ на тотъ свѣтъ, если желаешь, а то пѣшкомъ трудно тебѣ будетъ совершить такой длинный путь; смотри въ дорогѣ хорошенько за конемъ, не жалѣй ему корма, а по прибытіи на тотъ свѣтъ, разсѣдлай и поставь его въ золотое стойло“. Затѣмъ кладутъ ему въ могилу и плетку, чтобы погонялъ коня, огниво, трутъ, бритву, шило, табакъ. Женщинамъ же даютъ *въ дорогу на тотъ свѣтъ* иголку, нитки, гребешокъ, кусокъ мыла.

Покойникамъ брѣютъ бороду и голову, одѣваютъ ихъ какъ можно богаче и вообще такъ, какъ при жизни не одѣвался; если онъ былъ бѣденъ, то всѣ родственники и даже общество жертвуютъ на это, сколько кто въ состояніи. Могилы дѣлаютъ въ родѣ склеповъ изъ большихъ камней и заваливаютъ отверзтіе наглухо; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ обыкновенно въ землю и у головы ставятъ бутылку араки, а за пазуху кладутъ хлѣбъ, сыръ и пр. (фандакавъ—провизія на дорогу). Всѣхъ присутствующихъ угощаютъ щедро аракой, пивомъ, бараниной. Многіе зажиточные предъ погребеніемъ устраиваютъ стрѣльбу въ цѣль съ призами и лазаніе на высокій столбъ, къ верхушкѣ коего прикрѣпляется кусокъ красной бязи.

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ смерти справляютъ поминки, рѣжутъ быковъ, барановъ, и такія угощенія продолжаются по пяти-шести разъ. Кто побогаче, дѣлаетъ еще въ концѣ общія поминки, убиваютъ до сорока или пятидесяти головъ скота, съ соотвѣтствующимъ количествомъ пива и араки. При семейныхъ поминкахъ безъ гостей кладутъ отъ всѣхъ приготовленныхъ кушаній понемногу въ мѣшочекъ и вѣшаютъ его за дверью въ темный уголъ, въ предположеніи,

что покойникъ незамѣтно появится и покушаетъ; въ то же время, съ нѣкоторою таинственностью, не особенно громко старшій изъ сидящихъ за ужиномъ обращается къ углу и говоритъ: „жалуйте, дорогой нашъ, жалуйте; кушайте, не стѣсняйтесь“... Вообще, какъ я уже упоминалъ, нелѣпый обычай безконечныхъ поминокъ разоряетъ осетинъ и поглощаетъ ихъ скудные достатки на много лѣтъ.

Послѣ похоронъ мать, жена и сестры должны находиться цѣлый годъ въ траурѣ, одѣваться въ черное, не ѣсть ничего скоромнаго, не имѣть никакихъ сношеній съ мужчинами. Въ теченіи этого времени женщины считаются скорбящими (савдарагъ), всѣ должны относиться къ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ, а если кто дерзнетъ ихъ обидѣть, то обязанъ немедленно испросить прощенія и удовлетворить въ такой мѣрѣ, чтобъ обиженная могла устроить поминки... Мужчины же, ближніе и дальніе родственники, въ теченіи года не должны брить бороды, не стричь волосъ и не ѣсть мяса. Послѣ года они должны устроить поминки, пригласить гостей, всѣхъ угостить и за это отъ семьи умершаго получають вознагражденіе по состоянію, отъ десяти до двадцати коровъ. На поминкахъ устраиваютъ скачки съ двумя призами: первый цѣнностью въ двѣнадцать, второй—въ девять коровъ. Всадники пускаютъ лошадей разомъ, сначала медленно, постепенно прибавляя скорости, и во всю прыть пускаются уже обратно. Разстояніе въ оба пути доходитъ до двадцати, тридцати, даже пятидесяти верстъ; но дорогѣ ставятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ наблюдателей. Иногда, при сильномъ утомленіи лошадей, всадники мгновенно пересаживаются на лошадей наблюдателей, а своихъ ведутъ за узду. Такимъ образомъ, скачка ведетъ не столько къ испытанію лошадей, сколько самихъ всадниковъ, ихъ выносливости и умѣнья выдержать на далекомъ разстояніи по горнымъ, каменистымъ тропинкамъ скачку, крайне утомительную и рискованную.

При посѣщеніи родственниковъ умершаго, каждый долженъ произнести (кигъ-мануди) прискорбное привѣтствіе, въ

извѣстныхъ установленныхъ словахъ: „мнѣ очень чувствительно ваше горестное положеніе; да пошлетъ вамъ Богъ впередъ только благополучные дни“ и т. д.

Если покойнику случилось быть преданнымъ землѣ въ праздникъ Вознесенія, то въ годовщину раскрываютъ могилу, осматриваютъ тѣло, зарѣжутъ барана, обмазываютъ кровью трупъ, а печенку и легкія животнаго кладутъ въ могилу и сооружаютъ надъ нею четырехъугольный каменный памятникъ вышиной до трехъ аршинъ; затѣмъ уже всякимъ поминкамъ конецъ.

Роды должны непремѣнно совершаться внѣ дома, и потому женщины заранѣе переселяются въ отдѣленіе, гдѣ содержится домашній скотъ. Послѣ извѣстнаго времени, она возвращается въ домъ, предварительно освящаемый. Радость вызывается рожденіемъ сына, и день этотъ празднуется особо, преимущественно въ одно изъ воскресеній іюня мѣсяца. При этомъ угощаютъ сосѣдей пивомъ, мясомъ и выслушиваютъ разныя благопожеланія. Матери сами не воспитываютъ дѣтей, а отдаютъ постороннимъ.

Праздниковъ у осетинъ безконечное число. Главнѣйшій: въ ноябрѣ цѣлую недѣлю, иногда и больше, въ честь святого Георгія (Васгиргъ), при этомъ истребляется множество скота, пива, араки и пр. Рождество Христово (Чпурсъ), предъ которымъ постятся отъ двухъ до семи дней. Послѣ Рождества во вторникъ, ночью, молятся *діаволу* (банатхи-чавъ-ахсавъ), приносятъ ему въ жертву козла, свинью или курицу, араки, но никого этимъ не угощаютъ. Новый годъ (Наогъ-бонъ); въ этотъ день ходятъ съ поздравленіемъ, держа въ рукѣ пучекъ соломы и желая размноженія дѣтей *мужескаго пола*, скота и всякаго имущества, при этомъ разбрасываютъ солому по полу. Крещеніе (Данисъ-Кафанъ) празднуютъ безъ водосвятія. Всеядная недѣля (Комъ-Охсанъ), въ теченіи коей самый бѣдный осетинъ долженъ зарѣзать двѣ-три скотины. Сырная недѣля (Урсъ-Квиръ), во время коей не ѣдятъ мяса. Великій постъ соблюдаютъ довольно строго. День святого Ѳеодора

(Тутръ). Въ этотъ день нѣкоторыя женщины выходятъ на дороги, останавливаютъ проходящихъ мужчинъ и не отпустятъ безъ подарка. На третьей недѣлѣ поста опять поминки по усопшимъ съ трапезой на столахъ, освѣщаемыхъ маленькими свѣчками. Лазарево воскресенье (Засхасанъ) и Вербное воскресенье (Куту-Гананъ). Пасха (Истиръ-Коаджанъ). Ѳомина недѣля (Болдаранъ). Вознесеніе (Зардиванъ). Сошествіе Святого Духа (Карданъ-Хасанъ). Первое воскресенье въ іюнѣ (Атенагъ). Во всѣ эти праздники большинство отправляется на поклоненіе святымъ угодникамъ, къ мѣстамъ обозначеннымъ кучами камней, къ которымъ приставляютъ свѣчи, прибиваютъ рога и пр. Имена этихъ чтимыхъ, кромѣ Георгія, Михаила, Гавріила, Иліи, Богородицы, вообще Архангела (Тафъ-анджелъ), бываютъ и чисто языческія: богиня грязи, богиня двери, пернатый Илья, землевладѣлецъ, защитникъ пашни, сатана, четыре ангела по временамъ года и т. п. Образовъ въ домахъ нѣтъ.

Отправляясь на поклоненіе, берутъ съ собою запасы, и тамъ, послѣ произнесенія кѣмъ-нибудь изъ старшихъ нѣсколькихъ молитвенныхъ словъ, садятся вмѣстѣ за ѣду, оканчивающуюся попойкой. Молодежь должна прислуживать, поднося рогъ съ водкой, хлопать въ ладоши, пѣть, до тѣхъ поръ, пока рогъ будетъ осушенъ. Вертела, на которыхъ жарились шашлыки, обматываютъ моточками сырца шелка и втыкаютъ въ кучу камней, изображающую памятникъ святому.

Пѣсни у осетинъ преимущественно любовнаго содержанія и крайне циническія. Одинъ запѣваетъ, другіе подхватываютъ, образуютъ кругъ и двигаются какими-то неграціозными прыжками (симгъ). Женщины, особенно незамужнія, должны избѣгать показываться въ такое время, а то раздадутся прескверныя слова. Женщины отдѣльно также поютъ и составляютъ хороводъ; главные припѣвы: „приди ко мнѣ, мое солнце, мой ангелъ“, и т. п. Вообще нравственностью похвастать осетинцы не могутъ; имѣть любовницъ и любовниковъ не

только не предосудительно, но даже какъ бы требуется обычаемъ.

Для обнаруженія истины при разбирательствѣ дѣлъ о воровствѣ, убійствѣ и т. п., употребляютъ присягу, которая бываетъ двухъ родовъ. Приводятъ на площадь осла, собаку или кошку; заподозрѣнное лицо, въ присутствіи общества, должно взять лѣвою рукой животное, а правою кинжалъ или шашку, произнести: „пусть ближайшіе мои *умершіе* родственники съѣдятъ мясо сего животнаго, если я солгу что-нибудь"; затѣмъ разсѣкая животнаго, повторяетъ то же, прибавляя: „если я солгалъ". Всѣ зрители стараются отойти подальше, чтобы не коснулась къ нимъ кровь изрубленнаго животнаго, а заподозрѣнный считается оправданнымъ, хотя часто подозрѣніе все еще тяготѣетъ надъ нимъ. Или же приводятъ человѣка къ развалинамъ древней церкви, къ кучамъ сложенныхъ въ память святого камней, гдѣ онъ въ присутствіи свидѣтелей, держа въ рукѣ палку, долженъ произнести: „да проклянетъ меня сіе священное мѣсто, если я виновенъ въ томъ, въ чемъ меня подозрѣваютъ" и воткнуть палку въ землю. Такая присяга остается надолго въ памяти народной и произнесшій ее тоже остается подъ какимъ-то общимъ упрекомъ. Что же касается присяги по нашему закону, предъ крестомъ, Евангеліемъ и въ *новой церкви*, то она для осетинъ никакого значенія не имѣетъ.

За убійство кого бы то ни было, взрослаго или ребенка, умышленно или безъ умысла, виновный долженъ заплатить 314 коровъ; если онъ не въ состояніи исполнить этого вдругъ, то ему даютъ разсрочку, а между тѣмъ ежегодно, въ видѣ процентовъ, онъ долженъ отдавать роднымъ убитаго по одному быку и извѣстное количество пива. Въ противномъ случаѣ ему грозитъ смерть.

Бѣднымъ помогаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ родные, даже дальніе.

Въ случаѣ воровства, обиженный беретъ осла и собаку и, подойдя къ дому подозрѣваемаго, громогласно объявляетъ

объ украденныхъ у него предметахъ, и что если воръ не сознается или кто знаетъ о немъ не обнаружитъ его, то онъ, обиженный, зарѣжетъ осла или собаку въ память и въ пищу ихъ близкихъ покойниковъ. Угроза эта наводитъ такой страхъ, что самъ воръ или, въ случаѣ его отсутствія, знающіе о немъ торопятся сознаться. Бываетъ, что обиженный воровствомъ путешествуетъ такимъ образомъ въ двѣ-три деревни, гдѣ онъ подозрѣваетъ кого-либо въ воровствѣ, пока не откроетъ виновнаго. Посторонніе, указавшіе вора, получаютъ извѣстное вознагражденіе. Для рѣшенія дѣла избирается обѣими сторонами третейскій судъ, который большею частью присуждаетъ удовлетвореніе втрое противъ украденнаго; судьи сами же исполняютъ роль экзекуторовъ.

Изъ этихъ обычаевъ слѣдуетъ вывести заключеніе, что ослы и собаки считаются какъ бы скверными животными, а между тѣмъ—необъяснимое противорѣчіе: старшіе всегда внушаютъ младшимъ, что осла и собаку слѣдуетъ почитать и беречь, ибо кто ихъ презираетъ, будетъ грѣшенъ и несчастливъ.

Страненъ обычай у осетинъ при встрѣчѣ двухъ человѣкъ, враждующихъ почему-либо между собою. Всякій старается предупредить противника, схватить его за ухо и крикнуть: „будь слугой моихъ покойниковъ“. Это считается большою обидой, ведетъ къ жалобамъ, удовлетворенію въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, а если произошло по недостаточно основательной причинѣ, то обидчикъ подвергается нареканію и нерѣдко презрѣнію общества. Если же оба встрѣтившіеся успѣютъ одновременно схватить другъ друга за уши и произнести означенныя слова, то дѣло остается безъ послѣдствій.

При относительной всеобщей бѣдности, богатыми считаются тѣ, у которыхъ больше мѣдной посуды, оружія, одежды, лошадей и скота. Изъ цѣнныхъ металловъ признаютъ только серебро, и если кому попадется въ руки серебряная монета,

то приберегають ее крѣпко, запрятывая въ землю. Корова, какъ я уже упоминалъ, служитъ монетною единицей въ родѣ рубля, франка и т. п. Всякая вещь цѣнится не на деньги (исключая мелочей, жизненныхъ продуктовъ и проч.), а на коровы. Напримѣръ: корова равна пяти баранамъ, девяти фунтамъ мѣдной посуды, три коровы—одному быку; лошади, оружіе, одежда по достоинству цѣнятся во столько-то коровъ. Вообще счетъ ведется не на деньги, а на разные предметы: козелъ равенъ стоимости шерсти отъ восьми овецъ, а козленокъ—отъ четырехъ, молодой барашекъ цѣнится высоко и равняется цѣнѣ шерсти отъ 15 овецъ, потому что его овчинка идетъ на папаху.

О торговлѣ или промышленности осетинъ и сказать нечего. Если не считать незначительнаго количества продаваемыхъ масла, сыра, овчинокъ, скота, да грубаго домашней ручной работы сукна, сбываемыхъ большею частью странствующимъ мелкимъ торгашамъ мѣной на разные дешевые товары, то, собственно говоря, никакой торговли у нихъ не существуетъ. Часть осетинъ, населяющая плоскости и пользующаяся обширными пастбищами, владѣетъ значительными количествами скота и сбываетъ его на ближайшихъ базарахъ; у многихъ есть довольно крупное пчеловодство; живущіе ближе къ Владикавказу занимаются извознымъ промысломъ и выручаютъ не мало денегъ, перевозя на своихъ двуколкахъ тяжести по военно-грузинской дорогѣ до Тифлиса. Нѣкоторые осетины позажиточнѣе занимаются своего рода процентными оборотами: они отдаютъ нѣсколько овецъ или коровъ взаймы бѣдному съ тѣмъ, что по истеченіи трехъ или шести лѣтъ онъ обязанъ возвратить ихъ съ придачей половины всего приплода за это время.

Ремесла ограничиваются умѣньемъ сложить саклю и башню изъ камня безъ извести, дѣлать косы, топоры, ножики, вкладываемые въ кинжальныя ножны, сѣдла, мѣдныя пуговицы и пряжки для конской сбруи и т. п. мелочи, все самаго грубаго

качества. Есть много доморощенныхъ лекарей, подобно всѣмъ горцамъ успѣшно пользующихъ раны.

Въ пищѣ осетины крайне неприхотливы и ѣдятъ вообще мало; но при посѣщеніи почетнаго гостя или во время свадебъ и поминокъ объѣдаются мясомъ и упиваются пивомъ, особенно аракой до безобразія. Верхъ праздества считается если зарѣжутъ быка; это дѣлается для особенно важнаго гостя, и тогда всѣ мужчины и женщины, стоя, угощаютъ его. Когда рѣжутъ скотъ, то не допускаютъ кровь течь на землю, а подставляютъ чашки, и когда она сгустится, варятъ ее и ѣдятъ. Мясомъ палой отъ болѣзни скотины тоже не брезгаютъ.

Кромѣ пѣнія и пляски, любимое препровожденіе времени у мужчинъ игра на балалайкѣ, сидѣніе кучками на какойнибудь площадкѣ и пустая болтовня или споры о родословныхъ, которыми они очень интересуются. Осенью затѣваются джигитовки, скачка на лошадяхъ со стрѣльбой въ цѣль, съ мелкими призами въ складчину.

Письменности у осетинъ нѣтъ; живущіе ближе къ Грузіи, весьма рѣдкіе, выучиваются грузинской грамотѣ, а на сѣверной плоскости—русской. Путешествовавшій когда-то по Кавказу академикъ Ширренъ составилъ осетинскую азбуку, но она осталась неизвѣстною мѣстному населенію.

Имена у мусульманской части обыкновенныя магометанскія; христіане же хотя и окрестятъ ребенка, но никогда не оставятъ ему имени, нареченнаго священникомъ, а дадутъ ему свое имя или скорѣе кличку, въ родѣ Савкузъ (черная собака), Ковдинъ (щенокъ), Кыбылъ (поросенокъ), Бадо, Гадо, Бесланъ и т. п.

Всѣ эти краткія свѣдѣнія объ осетинахъ относятся главнѣйшимъ образомъ къ горнымъ, населяющимъ ущелья главнаго хребта и числящимся исповѣдующими православную вѣру. Что касается мусульманской части, болѣе зажиточной, менѣе дикой, живущей исключительно на плоскости по сѣверную сторону Кавказскаго хребта, то хотя и у нея много

тождественныхъ съ горными повѣрій, обычаевъ, нравовъ, но есть и нѣкоторые совершенно особые, очевидно, явившіеся уже вслѣдствіе принятія ислама и сближенія съ Кабардой, которая искони считалась на всемъ сѣверѣ Кавказа образцомъ, достойнымъ подражанія. Кабардинцы были въ нѣкоторомъ родѣ кавказскими французами, какъ за Кавказомъ персіяне; оттуда распространялась мода на платье, на вооруженіе, на сѣдловку, на манеру джигитовки; тамошніе обычаи, родившіеся при условіи существованія высшей и низшей аристократіи (князей и узденей), и холоповъ (рабовъ), прельщали и въ другихъ обществахъ людей, занимавшихъ видное положеніе между своими и побуждали перенимать и утверждать у себя такіе же порядки. Въ Осетіи это и удалось, но только отчасти: образовалось сословіе „алдаръ“ (дворянъ), пользовавшихся нѣкоторыми прерогативами и очутившихся собственниками большихъ земельныхъ участковъ, что, какъ водится, подчинило имъ массу населенія, нуждавшуюся въ ихъ земляхъ. Тогда какъ въ горахъ сохранилось полное равенство и никакой осетинъ не считаетъ себя ниже другого, на плоскости уже замѣтно подчиненіе и нерѣдко раболѣпіе къ алдарамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ; въ горахъ тоже есть болѣе или менѣе зажиточные люди, превращающіеся, по свойственной человѣческой природѣ алчности, въ кулака и эксплуататора своихъ ближнихъ, но тамъ и размѣры такъ ничтожны, и кулаки такъ скромны, что ни одинъ осетинъ даже не замѣчаетъ нѣкотораго вліянія, пріобрѣтаемаго такимъ кулакомъ на дѣла своего маленькаго общества, а гордость не допускаетъ его открыто признавать чье бы то ни было превосходство надъ собой; на плоскости сословныя преимущества играютъ уже важную роль, масса тѣмъ болѣе еще подчинена вліянію ихъ, что русское правительство оказало имъ, т. е. алдарамъ, особое вниманіе, возвышая, награждая и призывая къ административной дѣятельности. Что всѣ они тоже были нѣкогда христіанами — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; въ иныхъ старыхъ домахъ сохранились нѣко-

торые христіанскіе обычаи, даже, какъ я слышалъ, старинные образа и т. п. вещи, весьма чтимыя; но не только возвратиться къ православію, а хотя бы отказаться отъ тѣхъ мусульманскихъ взглядовъ, вслѣдствіе коихъ образуется неизсякаемая затаенная вражда ко всему христіанскому, они едва ли когда-нибудь согласятся. Да, впрочемъ, это вопросъ потерявшій для насъ политическое значеніе: съ одной стороны мы уже достаточно твердо стали на сѣверномъ Кавказѣ, чтобы то или другое отношеніе незначительнаго численностью населенія могло намъ въ чемъ-нибудь угрожать, съ другой— ихъ собственные матеріальные интересы такъ связаны съ нашимъ пребываніемъ въ краѣ, что всегда перетянутъ на вѣсахъ отвлеченные религіозные вопросы и симпатіи.

Со времени моего перваго знакомства съ Осетіей прошло двадцать четыре года. Какія произошли тамъ въ это время перемѣны по вопросамъ церковному, административному, школьному и другимъ, о которыхъ я считалъ нужнымъ говорить оффиціально—мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Слѣдуетъ думать, что все двинулось къ лучшему, и я бы теперь не встрѣтилъ уже такую дичь, какъ въ 1855 году... А можетъ быть очередь и до сихъ поръ не дошла еще до Осетіи?..

LIII.

Въ двадцатыхъ числахъ марта 1856 года, баронъ Вревскій получилъ извѣстіе, что главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ ѣдетъ изъ Тифлиса на Кавказскую линію; по маршруту, въ станицѣ Казбекъ былъ назначенъ обѣдъ, а ночлегъ въ Ларсѣ.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ встрѣчѣ и пріему главнокомандующаго, баронъ потребовалъ меня, приказалъ взять съ собою нѣсколько бумагъ, относившихся до предположенныхъ со стороны Владикавказскаго округа военныхъ дѣйствій и приготовить все къ выѣзду, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы быть въ Казбекѣ не позже 10 — 11 часовъ утра. Выѣзжать приходилось не далѣе 2—3 часовъ ночи, по-

тому что на дворѣ стояла отвратительная погода, шелъ снѣгъ съ дождемъ въ перемежку, дорога была въ плохомъ состояніи и ѣхать можно было рысью не вездѣ, а до Казбека 40 верстъ, и все больше въ гору. Баронъ самъ это зналъ и потому сказалъ, что онъ вовсе не будетъ ложиться, и чтобъ я пришелъ въ два часа. Но тутъ-то и случился казусъ: Ипполитъ Александровичъ, сидя на диванѣ съ трубкою въ рукахъ, заснулъ и поднять его было задачей не легкою. Прошло по крайней мѣрѣ два часа, пока мы подняли его и довели до тарантаса, такъ что выѣхали изъ Владикавказа уже съ разсвѣтомъ, и я боялся, что не поспѣемъ въ Казбекъ до пріѣзда Муравьева, что было бы, конечно, крайне непріятно и могло имѣть вліяніе на дальнѣйшія отношенія къ такому педантически требовательному начальнику.

Баронъ Вревскій продолжалъ спать, не взирая на всѣ толчки. Какъ я ни понукалъ ямщиковъ, какъ ни торопилъ перепряжкой, но въ Казбекъ мы пріѣхали поздно: не успѣли еще переодѣться въ парадную форму, какъ главнокомандующій, съ крайне ограниченною свитой, состоявшею изъ двухъ адъютантовъ и одного гражданскаго чиновника, кажется на перекладной, въѣхалъ во дворъ станціи, не встрѣченный съ почетнымъ рапортомъ... Черезъ нѣсколько минутъ однако баронъ уже вышелъ къ нему и остался довольно долго.

Часа черезъ два все было готово къ отъѣзду. Выходя со станціи, генералъ Муравьевъ взглянулъ *вопросительно* на меня, вытянувшагося въ струнку, руку подъ козырекъ (мнѣ сейчасъ вспомнилась сцена годъ тому назадъ въ Грозной, когда онъ тоже по поводу меня дѣлалъ замѣчаніе барону Врангелю); баронъ Вревскій замѣтилъ это и доложилъ: „штабсъ-капитанъ З., состоитъ при мнѣ“. Ну, думаю, вотъ начнется розыскъ, какимъ образомъ офицеръ 20-й дивизіи, изъ Дагестана, состоитъ при начальникѣ Владикавказскаго округа?—Однако, кромѣ вторичнаго вопросительнаго взгляда ничего не послѣдовало; гроза миновала и я успокоился. За то разыгралась прекомическая сцена съ другимъ офицеромъ.

сцена отчасти характеристическая въ отношеніи личности Н. Н. Муравьева, о которомъ мнѣнія такъ расходятся.

Въ числѣ встрѣчавшихъ былъ и капитанъ путей сообщенія Линниковъ, завѣдывавшій участкомъ военно-грузинской дороги отъ Коби до Ларса. Человѣкъ очень способный, знающій, извѣстный какъ строитель моста черезъ Куру у Мцхета, но, какъ говорили, крайне неуживчиваго характера, дерзкій, бывшій уже разъ разжалованнымъ въ солдаты. Вотъ къ нему-то и обратился Муравьевъ съ вопросомъ, въ голосѣ коего слышалось неудовольствіе.

— А что, теперь дорога лучше будетъ той, которую мы проѣхали?

— Напротивъ, гораздо хуже, ваше высокопр—во.

— Вы что же, г. капитанъ, шутить со мною желаете?

— Помилуйте, какія шутки; я отвѣчаю на вашъ вопросъ.

Въ это время все стоящее сзади затаило духъ, въ ожиданіи неизбѣжной катастрофы; особенно былъ пораженъ и смущенъ начальникъ округа путей сообщенія, полковникъ Альбрантъ, совсѣмъ поблѣднѣвшій...

— Ну, значитъ, и ѣхать мнѣ дальше нельзя?

— Очень можно; сообщеніе не прекращено.

— Да, ѣхать, съ опасностью свернуть себѣ шею?

— Нѣтъ, зачѣмъ же; я ручаюсь, что изволите доѣхать благополучно.

Альбрантъ дѣлаетъ изъ-за спины Муравьева самые энергическіе жесты, умоляя Лепникова замолчать; прочіе опустили глаза въ землю и съ серьезною миной слушаютъ потѣшный разговоръ капитана съ главнокомандующимъ, да какимъ, съ Н. Н. Муравьевымъ, нагнавшимъ страху такого по всему Кавказу, что иные ставили свѣчи св. угодникамъ предъ его пріѣздомъ...

— Вы ручаетесь! чѣмъ же вы мнѣ отвѣчаете, если я себѣ сломаю ногу или руку?

— Всѣмъ, чѣмъ угодно: службой, чиномъ.

— Желаю вамъ наилучшаго успѣха на службѣ и побольше чиновъ, но себѣ желаю цѣлыхъ рукъ и ногъ.

— Будутъ цѣлы, не безпокойтесь.

— Ну, смотрите, чтобъ я не остался безъ руки. Поѣдемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сцена была разыграна не безъ умысла: у всѣхъ великихъ людей есть-де свои странности; не взирая на строгость, на суровость, они иногда позволяютъ себѣ пошутить и снисходительно относиться къ болтовнѣ маленькаго человѣчка. Это годится, молъ, для анекдота, который будутъ распространять... Иначе я, по крайней мѣрѣ, не умѣю себѣ объяснить этотъ мелкій эпизодъ, вовсе не соотвѣтствовавшій угрюмому Н. Н. Муравьеву.

Въ Ларсъ пріѣхали мы уже въ сумерки; въ мѣстахъ узкихъ или гдѣ колеса экипажа раскатывались въ сторону, главнокомандующій выходилъ и дѣлалъ свои замѣчанія о дорогѣ и работахъ на ней. Уже тогда было предположеніе перенести дорогу отъ Дарьяла на лѣвый берегъ Терека и пробить ее въ скалахъ, во избѣжаніе нѣсколькихъ бѣшеныхъ водопадовъ, „бѣшеной балки“ и другихъ крайнихъ неудобствъ, съ которыми инженеры боролись десятки лѣтъ, истрачивая огромныя казенныя суммы и все-таки не избѣгая перерывовъ сообщенія нерѣдко на нѣсколько дней. По распоряженію князя Воронцова, приступлено было даже къ началу этой гигантской работы и на первый разъ было нанято нѣсколько грековъ, извѣстныхъ мастеровъ въ каменныхъ работахъ, для взрыва скалъ и трасированія тропинки. Генералъ Муравьевъ нашелъ это пустою затѣей, лишнею тратой денегъ, и приказалъ прекратить работу. Между тѣмъ, черезъ десять лѣтъ, пришлось возвратиться къ этому проекту и, благодаря проложенной въ скалахъ великолѣпной дорогѣ, теперь ѣзда въ этихъ мѣстахъ совершается легко, безо всякихъ препятствій, во всякое время года.

По пріѣздѣ въ Ларсъ, баронъ Вревскій объявилъ мнѣ, что главнокомандующій измѣнилъ отчасти свой маршрутъ и уже не остановится во Владикавказѣ на сутки, какъ прежде пред-

полагалось, а проѣдетъ дальше, и только во время перемѣны лошадей желаетъ видѣть свободныя отъ службы войска въ шинеляхъ, безъ ружей; что поэтому слѣдуетъ сейчасъ же послать нарочнаго съ соотвѣтствующими приказаніями. Я написалъ записку къ коменданту и отослалъ ее съ казакомъ въ Владикавказъ, а самъ отправился въ офицерскую комнату казармы, гдѣ былъ отведенъ для барона ночлегъ, и распорядился насчетъ самовара. Только-что я расположился пить чай, мечтая о скорой возможности завалиться на боковую послѣ цѣлыхъ сутокъ, проведенныхъ безъ сна въ дорогѣ, пришелъ баронъ и объявилъ, что Муравьевъ приказалъ ему ѣхать во Владикавказъ и встрѣтить его тамъ утромъ, при войскахъ. „Прикажите запрягать лошадей, прибавилъ онъ— а пока напьемся чаю; въ полночь будемъ дома и успѣемъ еще выспаться“.

Нечего дѣлать, ѣхать такъ ѣхать. Проклиналъ я, конечно, всѣ эти начальническіе капризы: ночь была, что называется, хоть выколи глаза; валилъ мокрый снѣгъ и холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь.

Черезъ полчаса лошади были уже готовы, но тутъ опять случился казусъ: Ипполитъ Александровичъ, сидя за чаемъ, заснулъ. И началась уморительная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, досадная сцена: и я, и лакей его, Петрушка, напрасно бились разбудить спящаго; мы и звали, и толкали, и поднимали — ничего не помогало: откроетъ глаза, скажетъ „хорошо, подай трубку“, и опять повергается въ летаргію... Мнѣ первый разъ случилось видѣть человѣка, страдающаго такою странною, необычною болѣзнью; лицо у него становилось мертвенно-блѣднымъ и весь онъ походилъ скорѣе на трупъ, чѣмъ на живого человѣка! Въ этотъ разъ припадокъ былъ особенно силенъ, и по меньшей мѣрѣ три часа бились мы съ нимъ, пока подняли на ноги и вывели къ тарантасу. Несчастный ямщикъ и лошади все это время дрогли.

Дотащились мы до Владикавказа часу въ четвертомъ, послали за комендантомъ, пошли различныя приказанія и рас-

поряженія, уже некогда было спать, потому что въ девятомъ часу долженъ былъ прибыть главнокомандующій.

Встрѣтили мы его на такъ-называемомъ Тенгинскомъ форштадтѣ; осмотрѣлъ онъ выстроенные батальоны, обошелъ, по своему обыкновенію, съ хмурымъ видомъ ряды, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, и, поговоривъ съ полчаса съ барономъ Вревскимъ, уѣхалъ, не приказавъ провожать себя дальше.

Генералъ Муравьевъ, какъ только въ Тифлисѣ получены были положительныя извѣстія о прекращеніи восточной войны, поторопился выѣхать на кавказскую линію, имѣя въ виду безотлагательно приступить къ соображеніямъ и распоряженіямъ о дѣйствіяхъ противъ Шамиля, для окончательнаго покоренія Кавказа. Онъ и не воображалъ тогда, что дни его пребыванія въ краѣ были уже, такъ сказать, сочтены. Да и предположенія его, какъ увидимъ дальше, едва-ли обѣщали скорое достиженіе цѣли—покоренія горцевъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого проѣзда, баронъ Вревскій приказалъ мнѣ составить представленія главнокомандующему по тремъ предметамъ: объ операціи перевозки провіанта черезъ горы и мѣрахъ къ успѣшному ея ходу, еслибы предстояла надобность; о новомъ административномъ устройствѣ Осетіи; о средствахъ возстановить въ ней православіе,—все согласно моимъ запискамъ, и ѣхать мнѣ въ Тифлисъ для личной передачи ихъ начальнику штаба и для словесныхъ ему объясненій, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, потребуетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ былъ представиться и экзарху Грузіи, передавъ ему письмо барона по церковнымъ дѣламъ Осетіи.

Данное мнѣ порученіе принялъ я съ большимъ удовольствіемъ; я такъ былъ убѣжденъ въ цѣлесообразности моихъ соображеній по всѣмъ тремъ предметамъ, ожидалъ отъ нихъ такъ много пользы краю, что мысль подкрѣпить ихъ еще личными разъясненіями въ Тифлисѣ и содѣйствовать тѣмъ скорѣйшему ихъ осуществленію не могла не льстить мнѣ.

Я, поэтому, не долго собирался и выѣхалъ изъ Владикавказа въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Былъ уже апрѣль, на плоскости весна въ самомъ разгарѣ, кругомъ все зеленѣло и улыбалось; но, отъѣхавъ какихъ-нибудь 15—20 верстъ къ горамъ, сырой холодъ давалъ себя чувствовать, напоминая, что въ горахъ весна еще только въ зародышѣ и борется съ остатками жестокой зимы. Близъ Казбека уже показались въ балкахъ почернѣвшія кучи снѣга, а отъ Коби онъ покрывалъ все видимое впереди пространство сплошною рыхлою массой. Ѣзды никакой больше не было, сообщеніе было возможно только пѣшкомъ, а вещи перевозились осетинами въ маленькихъ ручныхъ саночкахъ. Предстояло опять совершить пѣшій переходъ черезъ горы, и я отнесся къ этому довольно равнодушно; но положеніе нѣкоторыхъ пассажировъ, сидѣвшихъ уже нѣсколько дней въ Коби, не могшихъ рѣшиться на такой переходъ, было комически-печально. Одного изъ нихъ, какого-то интендантскаго чиновника, ѣхавшаго съ порученіемъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, я, впрочемъ, убѣдилъ послѣдовать моему примѣру и заручиться матеріаломъ для разсказа о *своихъ подвигахъ* по возвращеніи въ столицу.

Послѣ ночлега въ Коби, мы на разсвѣтѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ осетинъ и двухъ салазокъ съ вещами, пустились въ путь. Читатель уже отчасти знакомъ по моимъ разсказамъ о трудности и утомительности пѣшаго путешествія зимою черезъ Кавказскій хребетъ и потому считаю лишнимъ повторять, какъ совершили мы его въ этотъ разъ. Интендантскій чиновникъ и стоналъ, и бранился, и съ первыхъ же верстъ собирался возвращаться, и частенько прикладывался къ горлышку плетеной фляги; но мои ободренія и пристыживанія предъ осетинами дѣлали свое,—онъ подвигался потихоньку впередъ. Дорога, впрочемъ, была далеко не такъ трудна, какъ въ Хевсуріи или Осетіи, потому что здѣсь, на военно-грузинской дорогѣ, этой единственной артеріи, связывавшей Россію съ Закавказьемъ, движеніе было постоян-

но, хотя и при посредствѣ пѣшихъ людей, и тропинка болѣе или менѣе сносная, особенно раннимъ утромъ, когда снѣгъ скрѣпленъ морозомъ. Въ это время года существуетъ главная опасность отъ заваловъ, потому что снѣгъ, смягчаемый днемъ теплыми солнечными лучами, держится на откосахъ горъ уже не такъ крѣпко и при малѣйшемъ толчкѣ или сотрясеніи можетъ ринуться внизъ; иногда даже достаточно полета крупной птицы, звука почтовыхъ колокольчиковъ вблизи слабо держащейся массы снѣга, чтобъ она двинулась съ мѣста и завалила все, что̀ ей попадется на пути.

Часамъ къ тремъ пополудни одолѣли мы восемнадцать верстъ до станціи Кайшауръ, лежавшей уже на южномъ склонѣ, хотя еще очень высоко, и кругомъ занесенной снѣгомъ; но со̀лнце грѣло здѣсь уже гораздо сильнѣе и ручьи бѣжали кругомъ. На этой станціи застали мы другого интендантскаго чиновника, попавшаго въ дѣйствительно бѣдственное положеніе. Еще въ началѣ февраля былъ онъ отправленъ изъ Петербурга въ Тифлисъ съ значительною суммой денегъ звонкою монетой и приказаніемъ экстренно доставить ее. Прибывъ въ Коби и узнавъ, что сообщеніе возможно только на вьюкахъ, потому что громадные снѣга завалили дорогу и осетинами расчищена только узкая тропинка, чиновникъ нанялъ вьючныхъ лошадей, навьючилъ на девяти по два боченка денегъ и, въ сопровожденіи десятка осетинъ да нѣсколькихъ конвойныхъ донскихъ казаковъ, пустился въ дорогу. Добрался онъ благополучно до вершины; но тутъ на Гудъ-горѣ вдругъ рухнулъ завалъ и пять или шесть вьюковъ съ боченками, а также два или три осетина исчезли, унесенные страшною массой снѣга и камней въ бездну, при взглядѣ на которую у непривычныхъ людей морозъ по кожѣ пробираетъ!.. И вотъ уже болѣе *полутора мѣсяца* сидѣлъ бѣдный чиновникъ въ Кайшаурѣ, терпя голодъ, холодъ, всяческія лишенія и нравственную пытку. Мнѣ тѣмъ болѣе было жаль этого господина, что онъ, человѣкъ уже не молодой, слабаго здоровья, былъ не изъ тѣхъ интендантскихъ, которые грѣются около теплыхъ

мѣстъ и смачныхъ дѣлъ, а просто—состоящій для порученій при главномъ управленіи въ Петербургѣ и, кромѣ своего жалованья да путевыхъ денегъ, ничего въ своемъ завѣдываніи не имѣлъ. По его словамъ, мѣстное начальство приняло всѣ мѣры для охраненія отъ расхищенія денегъ и была надежда, что, какъ только снѣгъ стаетъ, можно будетъ ихъ собрать. Въ послѣдствіи я слышалъ, что дѣйствительно главная часть была собрана, хотя боченки разбились въ дребезги, и изо всей суммы въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей окончательно пропало двадцать или тридцать тысячъ; чиновникъ же никакой отвѣтственности не подвергся.

Спустившись съ Кайшаура въ ущелье Арагвы, я попалъ изъ царства зимы и снѣговъ прямо въ царство лѣта. Не существуй убійственной перекладной, отвратительныхъ станцій и вѣчной пѣсни: „нѣтъ лошадей", — поѣздка отъ Квешетъ до Тифлиса всегда могла считаться одною изъ великолѣпнѣйшихъ для людей, неравнодушныхъ къ прелестямъ и разнообразію природы. Теперь, когда тутъ отличное шоссе, когда можно достать хорошій экипажъ, особенныхъ задержекъ въ лошадяхъ не бываетъ, когда остается единственный еще недостатокъ — отсутствіе на всемъ пути какого-нибудь маломальски сноснаго ресторана,—дѣло совсѣмъ другое и всякому русскому туристу можно смѣло посовѣтовать предпринять эту поѣздку, вмѣсто заграничныхъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я на другой же день отправился явиться къ начальнику штаба генералъ-маіору И.

Въ 1845 году, съ назначеніемъ князя Воронцова намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказскою арміей (вмѣсто прежняго отдѣльнаго кавказскаго корпуса), состоялось переименованіе начальника корпуснаго штаба въ начальники главнаго штаба арміи. Мѣсто это получило весьма важное значеніе ближайшаго помощника главнокомандующаго. Занято оно было генералами Гурко, послѣ П. Е. Коцебу, наконецъ княземъ Барятинскимъ. Но съ пріѣздомъ Н. Н. Муравьева, первымъ дѣломъ его было стать къ послѣднему въ такія от-

ношенія, что князь Барятинскій поспѣшилъ оставить свою должность и уѣхать изъ края, затѣмъ упразднить самое званіе начальника *главнаго* штаба, замѣнивъ его попрежнему обыкновеннымъ *не главнымъ*, на каковое мѣсто и былъ назначенъ генералъ-маіоръ И., человѣкъ скромный, не выдававшійся до того изъ ряда обыкновенныхъ штабныхъ дѣятелей. Примѣняясь къ духу новаго главнокомандующаго, генералъ И, повидимому, считалъ нужнымъ тоже придавать всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, если можно такъ выразиться, окраску какой-то сухости, педантизма, чистаго военнаго бюрократизма (а таковой гораздо несноснѣе гражданскаго, ибо прямо противорѣчитъ духу и жизни военной организаціи). Ничего этого я тогда, конечно, не зналъ и отправился къ нему съ привезенными бумагами, приготовившись къ самой лучшей встрѣчѣ и интереснымъ объясненіямъ, тѣмъ болѣе что генералъ отчасти зналъ меня во время служенія въ Дагестанѣ, гдѣ онъ былъ также начальникомъ штаба. Но никогда въ жизни моей не случилось мнѣ испытать такого буквальнаго примѣненія поговорки: „окатить ушатомъ холодной воды“, какъ въ этотъ разъ!

— По какому случаю вы здѣсь? былъ первый вопросъ.

Я объяснилъ.

— Какъ же это вы попали къ начальнику владикавказскаго округа?

Объяснилъ я и это.

— О чемъ эти бумаги?

— О мѣрахъ къ улучшенію администраціи въ Осетіи и возстановленіи тамъ православія, ваше превосходительство.

— Помилуйте, время ли *теперь* *) такими дѣлами (боюсь солгать, а кажется, сказано было такими *пустяками*) заниматься? Удивляюсь барону Вревскому! Хорошо, оставьте бумаги; я ему отвѣчу письменно. Дѣлать вамъ здѣсь нечего; отправляйтесь назадъ и доложите барону, что васъ или слѣ-

---

*) Именно *теперь*-то и казалось время, послѣ окончанія войны.

дуетъ возвратить въ свой полкъ, или перевести въ одну изъ подчиненныхъ ему частей.

Легкій поклонъ и—аудіенція была окончена.

Выйдя, какъ ошпаренный, изъ дома начальника штаба, я готовъ былъ сейчасъ же броситься на перекладную и бѣжать изъ Тифлиса; но долженъ былъ исполнить въ точности данныя мнѣ порученія, и потому отправился къ экзарху Грузіи. Преосвященный Исидоръ встрѣтилъ меня, по своему обыкновенію, весьма любезно и со вниманіемъ выслушалъ разсказъ о моемъ путешествіи по Осетіи, о церковныхъ дѣлахъ, о моихъ предположеніяхъ къ ихъ устройству, жалѣлъ, что въ его распоряженіи имѣется слишкомъ мало средствъ для необходимыхъ расходовъ, что онъ всегда готовъ содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ барона Вревскаго, которому искренно благодаренъ, и поручалъ мнѣ передать ему его нижайшій поклонъ и благословеніе. Съ удовольствіемъ выслушалъ экзархъ мой отзывъ о похвальной дѣятельности іеромонаха Домети и въ заключеніе прибавилъ, что главная помощь дѣлу должна идти отъ свѣтской власти. На этомъ кончилась и вторая аудіенція, очевидно, не имѣвшая практическаго результата. Духовное вѣдомство, чуть ли не болѣе гражданскаго и военнаго, страдало бюрократизмомъ и вся его дѣятельность вертѣлась на формальной сторонѣ. Не отношу этого къ личности экзарховъ Грузіи, а къ системѣ, къ вкоренившимся взглядамъ, къ рутинѣ, съ которою экзархъ, еслибъ и захотѣлъ, едва ли въ силахъ былъ бы бороться. Нужно не только вино новое, но и мѣхи новые...

Послѣ этого мнѣ уже дѣйствительно не оставалось ничего болѣе дѣлать въ Тифлисѣ, на которомъ, къ тому же, лежала тогда печать чего-то угрюмо-скучнаго. Печальное окончаніе войны, возросшая дороговизна, тяжелый характеръ муравьевскаго режима, смѣнившаго веселый, привѣтливый періодъ временъ воронцовскихъ, отсутствіе общественныхъ собраній и развлеченій, придавало городу монотонно-унылый видъ. На слѣдующій же день, добившись съ великимъ

трудомъ почтовыхъ лошадей, я выѣхалъ и послѣ сквернаго путешествія по изрытой, убійственно тряской дорогѣ, послѣ вторичнаго перехода пѣшкомъ черезъ перевалъ, донельзя утомленный и скучный, пріѣхалъ во Владикавказъ.

Выслушавъ мой докладъ о результатахъ поѣздки, баронъ Вревскій ничего не сказалъ; только нѣкоторая перемѣна въ лицѣ и особое выраженіе глазъ, которыми онъ имѣлъ привычку исподлобья смотрѣть, обнаружили скрытую досаду. Когда же я передалъ ему слова начальника штаба, лично меня касавшіяся, то онъ сказалъ: „странно, что отъ генерала Евдокимова нѣтъ до сихъ поръ отвѣта на письмо о васъ. Напишите ему отъ меня еще разъ, можетъ то письмо затерялось, и просите, чтобъ онъ разрѣшилъ вамъ остаться здѣсь еще на нѣкоторое время“.

Письмо я заготовилъ тотчасъ же и послалъ; но положеніемъ своимъ, крайне неопредѣленнымъ и шаткимъ, оставался недоволенъ, съ нетерпѣніемъ ожидая какого-нибудь конца.

Прошло, однако, еще недѣли двѣ, я оставался во Владикавказѣ при обычныхъ разнородныхъ занятіяхъ, когда, наконецъ, получился давно ожиданный отвѣтъ генерала Евдокимова, отъ 22-го апрѣля, изъ Грозной. Прося извиненія за медленность въ отвѣтѣ, происшедшую вслѣдствіе нахожденія въ отрядѣ и разъѣздахъ, онъ писалъ, что не можетъ отказать барону Вревскому въ удержаніи меня, сколько онъ найдетъ нужнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ принять во вниманіе, что ему, какъ человѣку новому, извинительно желать возвращенія офицера, знающаго край, и потому просилъ, какъ только окажется возможнымъ, отправить меня обратно въ Грозную. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, я получилъ отъ одного изъ родственниковъ генерала Евдокимова, служившаго при немъ адъютантомъ и знакомаго со мною еще въ Дагестанѣ, записку, что Евдокимовъ ждетъ скорѣйшаго моего пріѣзда для разныхъ важныхъ порученій.

Весьма лестный для меня призывъ совпадалъ и съ моимъ собственнымъ желаніемъ. Въ Грозную влекла меня перспек-

тива не прекращавшихся въ Чечнѣ военныхъ дѣйствій, которыя, очевидно, должны были принять большіе размѣры, съ окончаніемъ турецкой войны и освобожденіемъ большаго числа войскъ. Поэтому, явясь къ барону, призвавшему меня для сообщенія мнѣ содержанія полученнаго письма, я, на вопросъ его—что̀ думаю теперь сдѣлать,—отвѣтилъ: если позволите, я отправлюсь въ Грозную. На что̀ и послѣдовало согласіе, съ выраженіемъ благодарности за службу, и прочее.

Сдавъ бывшія у меня на рукахъ бумаги по провіантскому и церковному дѣламъ, я распрощался съ веселымъ Владикавказомъ, въ которомъ жилось, сравнительно съ другими укрѣпленіями и штабами, очень весело и удобно, и уѣхалъ въ Грозную.

Разставаясь съ барономъ Ипполитомъ Александровичемъ Вревскимъ, я уносилъ о немъ хорошее впечатлѣніе, не вытекавшее изъ какихъ либо личныхъ моихъ отношеній (я чрезъ него ничего не выигралъ по службѣ, никакихъ наградъ или повышеній не получилъ), а единственно только изъ оцѣнки его, какъ образованнаго, умнаго генерала, полнаго энергіи и предпріимчивости въ военныхъ и административныхъ дѣлахъ. Выше уже я въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ его достоинства и недостатки. Къ этому остается прибавить развѣ еще нѣсколько словъ о немъ, какъ частномъ человѣкѣ. Въ этомъ отношеніи у него было много особенностей, напоминавшихъ стародавнее барство, страсть окружать себя приживальцами, арапченками, бульдогами, большою крѣпостною и некрѣпостною дворней, фаворитами и проч. Третировалась вся эта компанія тоже чисто по старымъ барскимъ преданіямъ: преимущества не оказывалось ни арапченку, ни бульдогу, ни приживальцу, ко всѣмъ одинаково презрительное отношеніе. Щедрый, даже почти расточительный, гостепріимный, не особенно строгій или придирчивый, но все на такой ладъ, что ничьей особенной симпатіи не пріобрѣтавшій, баронъ Вревскій казался холоднымъ эгоистомъ. Мнѣ не случалось встрѣчать или даже слышать о его врагахъ въ высшихъ служебныхъ сферахъ, но

точно также не слышалъ я и о его друзьяхъ или поклонникахъ. Въ послѣднее время моего пребыванія при немъ, онъ женился на дочери генерала Варпаховскаго, сіявшей молодостью, красотой, образованіемъ и всѣми качествами, способными вызвать полнѣйшую симпатію. Съ тѣхъ поръ домашняя обстановка отчасти измѣнилась, многія личности куда-то скрылись и самъ баронъ сталъ какъ будто мягче и привѣтливѣе *). Назначенный вскорѣ послѣ этого командующимъ войсками на лезгинской линіи, съ которою онъ былъ знакомъ съ 1845 года и гдѣ я его тогда первый разъ видѣлъ подполковникомъ генеральнаго штаба, какъ будто уже готовившимся къ этому назначенію, баронъ Вревскій въ 1858 году, при неудачной атакѣ лезгинскаго аула Китури, самъ повелъ на штурмъ колонну и, тяжело раненый, черезъ нѣсколько дней умеръ. Это былъ чуть не единственный примѣръ въ Кавказской войнѣ смерти въ бою генералъ-лейтенанта, главнаго начальника отряда. Порывъ храбраго человѣка, увлекшагося атакою трудно доступнаго аула, въ которомъ каждая сакля представляла крѣпость, и желавшаго загладить удачею свою ошибку... При этомъ пало много жертвъ и въ томъ числѣ подполковникъ генеральнаго штаба Гарднеръ, пронизанный одиннадцатью пулями...

По поводу Гарднера вспоминаю, какъ зимою съ 1854 на 1855 годъ къ намъ, въ Грозную, прибыли только что выпущенные изъ академіи три офицера генеральнаго штаба, именно: Гарднеръ, Цытовичъ и Ружицкій. Какая различная судьба постигла этихъ трехъ товарищей, одновременно начавшихъ кавказскую службу! Гарднеръ, красавецъ собой, свѣтски воспитанный, безпредѣльно честолюбивый, но не особенно даровитый, постоянно рвавшійся въ экспедиціи и неудовлетворившійся незамѣтною ролью въ Чечнѣ, гдѣ генералъ Евдоки-

*) Недавно, къ искреннему сожалѣнію моему и, безъ сомнѣнія, всѣхъ знавшихъ баронесу Юлію Петровну Вревскую, прочиталъ я въ газетахъ извѣстіе о смерти ея отъ тифа въ Болгаріи, гдѣ она подвизалась въ качествѣ сестры милосердія.

мовъ, имѣвшій свой особенный взглядъ на людей, не отличалъ его предъ другими, добился наконецъ перевода на Лезгинскую линію, погибъ, какъ выше сказано, ринувшись на штурмъ со словами: „ну, теперь пойдемъ за Георгіевскими крестами"! (Такъ разсказывали участники этого дѣла).

Ружицкій, солидно образованный, скромный, но съ явными признаками іезуитской скрытности, прослужилъ на Кавказѣ, ничѣмъ не выдаваясь, до начала шестидесятыхъ годовъ, и какъ только начались въ Царствѣ Польскомъ смуты, поспѣшилъ выйдти въ отставку, чтобы выступить предводителемъ бандъ, подъ извѣстнымъ именемъ Крука... Куда онъ дѣлся, когда безумное дѣло было проиграно, не знаю; кажется, эмигрировалъ въ Швейцарію.

Цытовичъ, нынѣ генералъ, начальникъ 39-й пѣхотной дивизіи, принималъ дѣятельное участіе въ послѣдней войнѣ въ Азіятской Турціи...

LIII.

Изъ всего моего предшествовавшаго разсказа, обнимающаго почти четырнадцать лѣтъ кавказской службы, читатель могъ видѣть, какъ судьба или, выражаясь проще, прихоти случая бросали меня изъ одного угла обширнаго, разнообразнаго края въ другой, изъ одной сферы дѣятельности въ другую, совершенно различную отъ прежней, наконецъ, отъ одного изъ выдававшихся дѣятелей къ другому. Но никогда еще ни одинъ переходъ не имѣлъ для меня такого значенія и не сопровождался такими послѣдствіями, какъ возвращеніе изъ Владикавказа отъ барона Вревскаго въ Грозную къ новому, мѣсяца три-четыре предъ тѣмъ только назначенному туда, генералу Н. И. Евдокимову.

До этого времени я генерала Евдокимова никогда не видѣлъ; свѣдѣнія мои о немъ ограничивались разсказами нѣкоторыхъ офицеровъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, которымъ Евдокимовъ командовалъ первые четыре года послѣ сформиро-

ванія (1846 — 1850). Въ числѣ этихъ офицеровъ были два близкіе его родственника, съ которыми я находился въ хорошихъ отношеніяхъ; командуя въ одномъ баталіонѣ ротами, во время продолжительныхъ стоянокъ въ лагеряхъ и аулахъ, мнѣ много разъ приходилось выслушивать ихъ разсказы о старыхъ дагестанскихъ событіяхъ — временахъ главныхъ начальниковъ Фези и Клюки, когда Евдокимовъ, еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, выдавался уже изъ ряда обыкновенныхъ офицеровъ своими способностями, знаніемъ края и его населенія, своими военными подвигами, сдѣлавшими его извѣстнымъ и выдвинувшими его, человѣка незнатнаго происхожденія, нигдѣ неучившагося, никакими связями не поддерживаемаго, на видную служебную ступень генерала и начальника праваго фланга кавказской линіи. Само собою, разсказы родственниковъ не вполнѣ совпадали съ тѣмъ, что говорили другіе; но различіе оказывалось только въ отношеніи качествъ Евдокимова, какъ человѣка; тутъ слышались отзывы нерѣдко сильно порицательные: и тяжелый онъ человѣкъ, не располагающій къ себѣ; и холодный эгоистъ, думающій только о своихъ интересахъ; и поддается вліянію безчисленной родни—людей недостаточно развитыхъ, возбуждающихъ интриги, разныя неудовольствія и проч. Но какъ служака, какъ военный человѣкъ—способный, распорядительный, храбрый — въ этомъ противорѣчій не было. И я долженъ признаться, что, слушая разсказы о дѣятельности Евдокимова въ Дагестанѣ, въ самый интересный періодъ нашей войны съ горцами, о его нѣкоторыхъ геройскихъ подвигахъ, я подчинялся невольному увлеченію, становился его поклонникомъ и не придавалъ порицательнымъ отзывамъ никакого значенія. Я часто подумывалъ даже, что вотъ къ такому генералу попасть на службу было бы какъ разъ по мнѣ, по моимъ наклонностямъ и жаждѣ неутомимой дѣятельности, исключительныхъ порученій, сопряженныхъ съ опасностями, и т. п.

И вотъ, когда уже прошло нѣсколько лѣтъ, когда о ге-

нералѣ Евдокимовѣ я совсѣмъ забылъ, случай прямо привелъ меня къ нему. Ѣхалъ я въ Грозную съ нетерпѣливымъ любопытствомъ скорѣе увидѣть человѣка, поклонникомъ котораго былъ заочно и у котораго разсчитывалъ встрѣтить хорошій пріемъ, послѣ такого лестнаго для меня письма къ барону Вревскому. Я не ошибся. Съ перваго же представленія я уже достаточно ясно видѣлъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и какого рода служба предстоитъ.

— Очень радъ, *почтеннѣйшій* (привычка почти ко всѣмъ обращать это слово, безо всякаго намѣренія оскорбить, вызывала крайнее неудовольствіе многихъ), что вы наконецъ пріѣхали. Мнѣ не хотѣлось огорчать барона Вревскаго, а то я васъ давно бы вытребовалъ. Слышалъ я, что вы служили долго гдѣ-то въ горахъ, провели чрезъ непокорныя общества полковника В. (объ этомъ я подробно разсказывалъ въ первыхъ главахъ), знаете туземные языки и умѣете писать; такого-то человѣка мнѣ и нужно.

Черезъ нѣсколько дней по войскамъ лѣваго фланга былъ отданъ приказъ, что, за отсутствіемъ генеральнаго штаба полковника Фока, завѣдываніе походною канцеляріей и дѣлами отдѣленія генеральнаго штаба поручается мнѣ. Нужно сказать, что по тогдашнимъ штатамъ у начальника лѣваго фланга были самыя жалкія средства: одинъ старшій адъютантъ съ нѣсколькими писарями и переводчиками; офицеръ же генеральнаго штаба назначался изъ Тифлиса безъ опредѣленнаго званія, — и былъ онъ нѣчто среднее между старшимъ адъютантомъ и начальникомъ несуществовавшаго штаба. Такимъ офицеромъ генеральнаго штаба послѣднее время былъ полковникъ Фокъ, поспѣшившій вскорѣ послѣ прибытія генерала Евдокимова уѣхать изъ Грозной; кажется, оба были другъ другомъ недовольны еще прежде, на правомъ флангѣ. Да иначе и не могло быть, потому что Евдокимовъ требовалъ дѣла, серьезной работы, а Фокъ упражнялся въ канцелярской отпискѣ.

Вскорѣ послѣ этого было получено извѣстіе, что главно-

командующій возвращается изъ своей продолжительной поѣздки въ Ставрополь и по Прикубанскому краю и остановится во Владикавказѣ, куда приглашаетъ генерала Евдокимова выѣхать ему на-встрѣчу, для личныхъ объясненій по важнымъ дѣламъ. Это было, кажется, уже въ первыхъ числахъ іюня, когда еще никакихъ положительныхъ слуховъ о смѣнѣ Н. Н. Муравьева не было, хотя неизвѣстными путями смутная молва уже произносила имя князя Барятинскаго.

Поѣхали мы во Владикавказъ. Всю дорогу у насъ почти не прерывался разговоръ; разсказы о моихъ похожденіяхъ въ горахъ Тушетіи, на Лезгинской линіи, въ Элисуйскомъ владѣніи, очевидно, чрезвычайно занимали генерала; онъ безпрестанно вставлялъ замѣчанія, доказывавшія его полное знаніе мѣстныхъ условій и характера туземцевъ; онъ вспоминалъ и разсказывалъ эпизоды своей давно минувшей дѣятельности въ должности Койсубулинскаго пристава, имѣвшіе аналогію съ моими; разговоръ принималъ самый оживленный тонъ, тѣмъ болѣе, что, врагъ всякаго излишняго этикета и крайне простой въ обращеніи, Евдокимовъ, меня по крайней мѣрѣ, вовсе не стѣснялъ и я могъ говорить совершенно свободно. Даже мои, быть можетъ, не совсѣмъ политично-откровенныя сужденія о разныхъ начальствующихъ лицахъ, указыванія ихъ недостатковъ или промаховъ, не только не вызывали его неудовольствія (какъ это случилось со мною, напримѣръ, при представленіи въ 1850 году князю Аргутинскому, о чемъ разсказано выше), но онъ или соглашался со мною, или смѣялся при анекдотической сторонѣ характеристики, или возражалъ и требовалъ доказательствъ моимъ заключеніямъ. Точно также онъ, не стѣсняясь, высказывалъ мнѣ и свои мнѣнія о разныхъ высшихъ начальствующихъ лицахъ, съ которыми ему приходилось имѣть столкновенія или которыя мѣшали ему на правомъ флангѣ приводить въ исполненіе военныя предположенія; онъ развивалъ свои мысли, которыми руководился въ дѣйствіяхъ за Кубанью и пред-

полагалъ дѣйствовать въ Чечнѣ, если дадутъ ему возможность и средства. Однимъ словомъ, еще въ первый разъ за мою, тогда ужь четырнадцатилѣтнюю службу на Кавказѣ пришлось мнѣ очутиться въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ къ начальнику, который какъ будто не обращалъ никакого вниманія на громадную разность положеній — генерала и штабсъ-капитана — и говорилъ въ такомъ тонѣ и о такихъ предметахъ, какъ другіе на его мѣстѣ допускаютъ только развѣ по отношенію къ исключительно приближеннымъ помощникамъ. И къ тому же человѣкъ серьезный, такъ сказать, родившійся и выросшій на службѣ, составлявшей для него единственный кругъ познаній и идей, ничего другого не видавшій и не знавшій, Евдокимовъ никакихъ другихъ предметовъ для разговора не находилъ и не любилъ, какъ только относившихся къ военно-административнымъ дѣламъ Кавказа, или, по меньшей мѣрѣ, къ свойствамъ и обычаямъ туземцевъ, къ быту и потребностямъ войскъ. Съ какимъ вниманіемъ и удовольствіемъ выслушивалъ я его, какъ гордился, нерѣдко встрѣчая въ его выводахъ мои собственныя мысли, отчасти письменно высказанныя раньше нѣкоторымъ начальствующимъ лицамъ, отчасти не совсѣмъ еще ясными, убѣдительными мнѣ самому казавшіяся; какъ я поучался, какъ расширялся предо мною горизонтъ знанія всего относившагося до кавказскихъ дѣлъ, распространяться не стану.

Н. И. Евдокимовъ, тогда еще далеко не достигшій ни той славы, ни тѣхъ высокихъ почестей,—едва ли ему когда-либо даже снившихся, — которыхъ онъ достигъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, ни той вражды, какую онъ противъ себя возбудилъ, — былъ уже тѣмъ не менѣе человѣкъ, у котораг было чему поучиться, конечно въ отношеніи кавказскихъ дѣлъ. Я знаю, что и до сихъ поръ, послѣ полутора десятка лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, какъ Евдокимовъ сошелъ съ служебнаго поприща, и послѣ шести лѣтъ, минувшихъ со дня его смерти, ни вражда, ни традиціонное у многихъ дурное о немъ мнѣніе не измѣнились; первыя нѣ-

сколько строкъ, сказанныя мною о немъ, вызовутъ, пожалуй, у немалаго числа читателей изъ старыхъ кавказцевъ возгласъ: а, панегирики Евдокимову пишетъ! что нѣкоторымъ образомъ будетъ означать и мнѣ прямое порицаніе; но я этимъ не смущаюсь и буду идти въ дальнѣйшихъ разсказахъ о моей кавказской службѣ своимъ путемъ, путемъ правдиваго изложенія дѣяній и происшествій, какъ я ихъ понималъ (а рѣчь пойдетъ дальше о событіяхъ болѣе важныхъ, имѣющихъ уже болѣе общій интересъ). Не слѣдуетъ забывать только, что если и до сихъ поръ я не могъ обходиться безъ пропусковъ, по причинамъ не требующимъ объясненій, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ теперь описываемаго мною времени наступилъ періодъ, о которомъ говорить и совсѣмъ еще не время...

Во Владикавказѣ генералъ Евдокимовъ имѣлъ у главнокомандующаго продолжительную аудіенцію. Послѣ многихъ разспросовъ о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ, Н. Н. Муравьевъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній о дѣйствіяхъ, которыя онъ имѣлъ въ виду произвести съ цѣлью покоренія Кавказа, и потребовалъ отъ генерала Евдокимова изложить свои предположенія въ особой секретной запискѣ.

Прекрасная ли весенняя погода, удовлетворительный результатъ продолжительной поѣздки, или что другое было причиною хорошаго расположенія духа главнокомандующаго, не знаю; но въ этотъ разъ онъ былъ гораздо привѣтливѣе и съ войсками, и съ представлявшимися ему должностными лицами, не глядѣлъ такимъ сентябремъ, какъ въ прежнія посѣщенія, а за даннымъ въ честь его барономъ Вревскимъ обѣдомъ даже очаровалъ всѣхъ своею любезностью и поражалъ всѣхъ своею мецофантовскою лингвистикой: съ баронессой Юліей Петровней и ея сестрой говорилъ по-французски, съ ихъ компаньйонкой миссъ Боссъ по-англійски, съ бывшимъ тутъ же дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Ѳ. Крузенштерномъ (въ послѣдствіи начальникомъ главнаго управленія намѣстника) по-нѣмецки, наконецъ съ

приглашеннымъ къ обѣду плѣннымъ турецкимъ полковникомъ — по-турецки. Казалось, вліяніе Кавказа и его нравовъ уже стало отражаться на хмуромъ спартанцѣ, какимъ намъ казался генералъ Муравьевъ. На меня нѣсколько разъ, впрочемъ, онъ бросалъ вопросительные взгляды и я сидѣлъ за столомъ, какъ на иголкахъ, ежеминутно ожидая какого-нибудь грознаго замѣчанія насчетъ присутствія здѣсь офицера изъ Дагестана и приказанія немедленно отправиться въ свой полкъ; но дѣло обошлось благополучно. Я тутъ же однако далъ себѣ слово выйти изъ этого глупаго положенія и настойчиво просить генерала Евдокимова о переводѣ въ Кабардинскій полкъ, что вслѣдъ за тѣмъ и состоялось, съ согласія командира полка барона Николаи.

Пробывъ во Владикавказѣ сутки, мы отправились обратно въ Грозную; главная тема нашихъ разговоровъ въ дорогѣ была: соображенія главнокомандующаго о предстоящихъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, свѣдѣнія болѣе всего его интересовавшія, наконецъ то — что нужно будетъ ему написать по этому поводу.

Изо всего, что генералъ Муравьевъ говорилъ, было ясно, что онъ хлопочетъ о возможно меньшемъ размѣрѣ средствъ для предстоящихъ дѣйствій; угодить ему оказывалось возможнымъ, ограничиваясь однимъ баталіономъ солдатъ вмѣсто четырехъ, одною пушкой вмѣсто батареи и ста рублями денегъ вмѣсто десяти тысячъ. Съ одной стороны, воспоминанія о временахъ Ермоловскихъ, когда двѣ роты съ единорогомъ и сотня донцовъ считались самостоятельнымъ отрядомъ, когда весь корпусъ кавказскій состоялъ изъ двухъ дивизій пѣхоты, а съ другой, упорное желаніе доказать, что онъ не нуждается, подобно своему предмѣстнику Воронцову, въ большой арміи и милліонахъ денегъ, затемняли въ глазахъ Н. Н. Муравьева истинное положеніе дѣлъ и послѣдствія радикально измѣнившихся мѣстныхъ обстоятельствъ и условій.

Выслушавъ все со вниманіемъ, я въ Грозной тотчасъ же

сѣлъ за работу и дня черезъ два—три была отправлена съ нарочнымъ въ Тифлисъ слѣдующая записка: „Въ проѣздъ черезъ Владикавказъ, ваше высокопревосходительство изъявили желаніе, чтобъ я представилъ свои соображенія о средствахъ покоренія *Большой Чечни* (почему Н. Н. Муравьевъ хлопоталъ исключительно о Большой, а не обо всей Чечнѣ, для меня совершенно непонятно), *не касаясь при этомъ другихъ частей Кавказа.*

„Приступая къ исполненію приказанія вашего, я не могу избѣгнуть отступленія и считаю необходимымъ коснуться въ этомъ случаѣ мѣръ относительно обезпеченія за нами Салатавіи и мѣстностей, прилегающихъ къ Кумыкской плоскости, что связано съ дѣломъ о Большой Чечнѣ.

„Разрѣшеніе вопроса: слѣдуетъ или не слѣдуетъ намъ проникать въ глубь ущелій главнаго хребта и ближайшихъ его высокихъ отроговъ, для покоренія обитающихъ тамъ враждебныхъ племенъ, зависитъ отъ многихъ частныхъ обстоятельствъ. Рядъ событій со времени возгорѣвшейся здѣсь войны показалъ, съ какими затрудненіями и жертвами сопряжено достиженіе цѣли; обсужденіе этого важнаго вопроса должно быть всестороннее и въ полной зависимости отъ могущихъ быть употребленными средствъ. Поэтому, я полагаю ограничиться пока занятіемъ первыхъ уступовъ горъ, чѣмъ достигнутся уже не малые результаты. Пріобрѣтая тамъ важные стратегическіе пункты въ видахъ будущаго наступленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ становимся твердою ногой впереди плоскости, упрочиваемъ на ней нашу власть и лишаемъ населеніе ея возможности продолжать противъ насъ враждебныя дѣйствія. Занимая пункты, чрезвычайно удобные для расположенія нашихъ войскъ, мы лишимъ непокорное населеніе предгорныхъ ущелій лучшихъ мѣстъ, богатыхъ всѣмъ нужнымъ для его существованія; это, должно думать, заставитъ ихъ предпочесть покориться намъ и поселиться вблизи укрѣпленій, нежели уходить въ глубь безплодныхъ горъ, гдѣ коренному населенію тѣсно и недостаетъ пропитанія. Кромѣ

того, стѣснивъ этимъ способомъ сообщеніе остальныхъ горцевъ съ плоскостью, безъ которой они едва ли долго въ состояніи обходиться, мы, быть можетъ, вынудимъ ихъ если не къ немедленной покорности, то хотя къ необходимости задуматься о будущемъ.

„Руководясь этою идеей, т. е. пользой прочнаго занятія предгорій, я на ней основываю уже и предположенія мои, ниже сего изложенныя.

„Если мы ограничимся однѣми мѣрами покоренія плоскости Большой Чечни между Аргуномъ, Сунжею и Мичикомъ, то непріятель, усилившись не желающими покориться жителями отсюда, будетъ имѣть еще достаточно силъ тревожить насъ своими набѣгами и въ Чечнѣ, и на Кумыкской плоскости, и по линіи Сулака. Намъ необходимо занять такую линію, которая обезпечивала бы всѣ наши владѣнія въ этихъ мѣстахъ, которая доставила бы намъ полное спокойствіе на Терекѣ и Сулакѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ угрожала бы горнымъ непокорнымъ обществамъ и удерживала ихъ отъ покушеній на наши владѣнія по сѣверному склону хребта, до военно-грузинской дороги. Для этого представляется полезнымъ слѣдующее:

„1) Построить въ селѣ Автурѣ укрѣпленіе на 1 баталіонъ, 4 сотни казаковъ и 4 подвижныя орудія. Это можетъ быть исполнено въ теченіе нынѣшней зимы, вмѣстѣ съ предварительною расчисткой широкихъ просѣкъ.

„2) Въ Умаханъ-юртѣ поселить казачью станицу въ 400 семействъ.

„3) Прорубивъ отъ Автура широкую просѣку чрезъ Маюртупъ къ рѣкѣ Мичику, построить въ верховьяхъ его, верстахъ въ шести-семи выше Османъ-тала, укрѣпленіе на 1 баталіонъ, 2 сотни и 2 орудія.

„4) Занять и укрѣпить село Чишки, лежащее у сліянія Чанта съ Шаро-Аргуномъ, въ семи верстахъ выше крѣпости Воздвиженской; это составитъ оконечность праваго фланга новой линіи.

„5) Штабъ-квартиру Кабардинскаго полка перенести въ верховья рѣки Ярыкъ-су къ Кишень-ауху, а между нею и предположеннымъ укрѣпленіемъ на Мичикѣ, прорубить для свободной связи просѣки и впослѣдствіи устроить укрѣпленный пунктъ на рѣкѣ Аксаѣ, приблизительно между Сагунтой и Шаухалъ-берды.

„6) Изъ Кишень-ауха продѣлать дорогу черезъ Алмакъ къ старому Бортунаю и тамъ расположить штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка, съ частью кавалеріи. Расположеніе здѣсь войскъ неразлучно съ покорностью всей Салатавіи и даже, легко быть можетъ, Андіи, жители коей, склонные болѣе къ торговлѣ и промышленности, чѣмъ къ обычной жизни хищныхъ племенъ, вѣроятно, воспользуются нашимъ сосѣдствомъ, чтобы пріобрѣсти свободный доступъ къ торговымъ пунктамъ для сбыта своихъ издѣлій: бурокъ, суконъ и проч.

„Послѣ проведенія такой линіи, должны быть упразднены укрѣпленія Умаханъ-юртъ, Куринское и Герзель-аулъ, какъ теряющія всякое значеніе. Хасавъ-юртъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ можетъ остаться штабомъ Донского казачьяго полка и слободкой нѣсколькихъ женатыхъ солдатъ. Крѣпость же Внезапная пріобрѣтетъ важное значеніе какъ складочный пунктъ, къ которому откроется тогда безопасное сообщеніе отъ Каспійскаго моря черезъ Чирь-юртъ, который въ свою очередь будетъ пунктомъ запасовъ для Бортуная, а расположенный въ Чирь-юртѣ драгунскій полкъ послужитъ общимъ резервомъ.

„Кромѣ объясненныхъ выгодъ устройства подобной линіи, слѣдуетъ присовокупить еще одно важное обстоятельство: занятіе нами названныхъ пунктовъ, безъ сомнѣнія, заставитъ Шамиля бросить свою резиденцію Ведень и переселиться въ Технуцалъ или Карату. Съ удаленіемъ же изъ Веденя, вліяніе его на Чечню, Ичкерію, Салатавію и Андію можно будетъ считать утеряннымъ, что само по себѣ уже достаточно облегчитъ намъ исполненіе задачи.

„Затѣмъ, для окончательнаго обезпеченія военно-грузинской дороги и покорнаго населенія, въ той части хребта живущаго, необходимо утвердиться въ Аргунскомъ ущельи, отрѣзавъ такимъ образомъ непокорнымъ горцамъ всякій доступъ въ тѣ мѣстности. Для исполненія этого предпріятія, предлагаемая мною линія тоже послужитъ важнымъ облегченіемъ: она значительно уменьшитъ численность непріятеля, могущаго оказывать на Аргунѣ, въ лѣсистой и гористой мѣстности, сильное сопротивленіе. Движеніе же туда въ настоящее время однихъ войскъ Владикавказскаго округа, хотя бы и при нѣкоторой демонстраціи войсками лѣваго фланга, безполезно, ибо ни занять, ни утвердиться въ Аргунскомъ ущельи не представляется теперь возможности.

„Успѣшное приведеніе въ исполненіе всѣхъ предлагаемыхъ мною мѣръ будетъ зависѣть отъ размѣра средствъ, къ тому назначаемыхъ, отъ совокупности и единства дѣйствій отрядовъ, съ разныхъ сторонъ къ этой цѣли направленныхъ, а также отъ энергіи начальниковъ отрядовъ, обязанныхъ общими силами стремиться къ достиженію указанной цѣли. Подробности исполненія, зависящія отъ разныхъ мѣстныхъ условій, могутъ быть развиты не задолго до открытія дѣйствій и опредѣленія матеріальныхъ средствъ.

„Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія эти встрѣтятъ сильное сопротивленіе со стороны Шамиля; но это насъ, конечно, не остановитъ, а понесенныя потери щедро вознаградятся пріобрѣтеніемъ результатовъ, важность коихъ не замедлитъ выказаться вслѣдъ за окончаніемъ предпринятаго дѣла, когда войска наши водворятся на показанныхъ пунктахъ и между ними откроется свободное, удобное сообщеніе“.

Я почти дословно привелъ здѣсь эту записку, чтобы показать, какими взглядами руководился генералъ Евдокимовъ, вслѣдъ за прибытіемъ своимъ на новое мѣсто назначенія начальника лѣваго фланга кавказской линіи; хотя нужно сказать, что онъ далеко не вполнѣ выразилъ въ ней свои соображенія, охватывавшія гораздо большій кругъ и стремив-

шіяся къ болѣе обширной цѣли, ибо долженъ былъ соображаться съ высказанными во Владикавказѣ главнокомандующимъ взглядами... Полагаю, что такія оффиціальныя бумаги не лишены интереса для всѣхъ служившихъ на Кавказѣ, едва ли равнодушныхъ ко всему напоминающему имъ славную эпоху нашей многолѣтней боевой дѣятельности тамъ, да не безполезны и какъ матеріалы для историковъ нашего завоеванія и владычества въ Кавказскомъ краѣ.

Черезъ нѣкоторое время изъ Тифлиса было получено предписаніе главнокомандующаго, въ которомъ, *не упоминая ничего о приведенной выше запискѣ,* онъ писалъ: „Предполагая осенью нынѣшняго года и лѣтомъ будущаго значительно усилить войска лѣваго фланга, чтобы *разомъ подвинуть впередъ* предпріятія наши противъ Большой Чечни, я имѣлъ въ виду исполнить слѣдующее: 1) пролагать широкую просѣку отъ Воздвиженскаго черезъ Шали, Автуръ и Маюртупъ къ укрѣпленію Куринскому. 2) Построить укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Мичика, близь впаденія Гонзоула, съ мостомъ. 3) Построить одно изъ двухъ предполагаемыхъ мною укрѣпленій на просѣкѣ отъ Воздвиженской къ Мичику и два поста на сообщеніи его съ Бердыкелемъ и Воздвиженскимъ; постройку же другого укрѣпленія съ промежуточными постами исполнить въ послѣдующее время. Мѣста для укрѣпленій предполагаю избрать около Шали и для другого въ Автурѣ, Гельдигенѣ или Маюртупѣ“. Для этихъ работъ предполагалось назначить достаточное число войскъ изъ другихъ районовъ, такъ чтобы дѣйствія продолжались съ двухъ сторонъ: отъ Куринскаго примѣрно 8-ю, а изъ Воздвиженской 10 баталіонами, и главнокомандующій требовалъ представить ему немедленно соображенія въ какихъ именно пунктахъ поставить укрѣпленія и посты, на какое число войскъ и какія понадобятся для того средства кромѣ добавленія баталіоновъ. Изъ этого предписанія видно, что генералъ Муравьевъ, не предполагая въ сущности ничего новаго противъ прежде намѣченныхъ уже плановъ дѣйствій, отчасти приведенныхъ въ

исполненіе еще княземъ Барятинскимъ и барономъ Врангелемъ, и даже раньше ихъ, какъ я уже описывалъ выше, съуживалъ только рамку до весьма скромныхъ размѣровъ; достиженіе цѣли, то-есть общее покореніе горцевъ, очевидно, должно было раздѣлиться на многіе послѣдовательные періоды и затянуться на весьма долгое время. А между тѣмъ только-что окончившаяся Восточная война ясно указала настоятельную необходимость порѣшить съ Кавказскою войной какъ можно скорѣе, чтобы новое возбужденіе Восточнаго вопроса, возбужденіе, въ коемъ не могъ сомнѣваться ни одинъ мало-мальски смыслящій и нечуждый политикѣ человѣкъ, не застало насъ съ тяжелою гирей на ногахъ, связывавшею свободу нашихъ движеній...

Генералъ Евдокимовъ отвѣчалъ на это, что указать пункты, наиболѣе удобные для укрѣпленій и постовъ, можно будетъ только послѣ внимательной рекогносцировки мѣстностей, которую можно будетъ произвести осенью; о средствахъ, приблизительно потребныхъ для довольствія войскъ, представилъ вѣдомость, а въ заключеніе прибавилъ, что считаетъ необходимымъ не ограничиваться одною Большою Чечней, но заглянуть зимой и въ Малую Чечню, гдѣ скопилось до четырехъ тысячъ семействъ, давно уже никѣмъ не тревожимыхъ, безнаказанно производящихъ набѣги и, что еще важнѣе, доставляющихъ большую поддержку своими храбрыми людьми тѣмъ непріятельскимъ силамъ, которыя борятся съ нами въ Большой Чечнѣ; наконецъ настаивалъ на необходимости скорѣе поселить по нижнему теченію Сунжи двѣ казачьи станицы, (у Чертугая и Умаханъ-юрта) для обезпеченія сообщеній нашихъ съ Терекомъ и самыхъ станицъ по Тереку.

Предписаніе главнокомандующаго было отъ 4-го іюля, отвѣтъ ген. Евдокимова отъ 14-го, а 26-го, если не ошибаюсь, сдѣлалось извѣстнымъ назначеніе князя Барятинскаго на Кавказъ...

Впрочемъ, нужно сказать, что слухи объ этой перемѣнѣ носились уже раньше, но мы, конечно, не вполнѣ имъ

довѣряли; только съ пріѣздомъ въ Грозную Р. А. Фадѣева, кажется, въ двадцатыхъ числахъ іюня, и генералъ Евдокимовъ начиналъ давать вѣру этому слуху, а я уже сдѣлался вполнѣ вѣрующимъ и вполнѣ восторгавшимся новымъ назначеніемъ, новою жизнью, предстоявшею всему краю, новою эпохой...

Р. А. Фадѣевъ былъ артиллерійскій поручикъ, числившійся по спискамъ горной батареи, расположенной въ крѣпости Воздвиженской, но никогда въ этой батареѣ не служившій; пользуясь извѣстностью умнаго, образованнаго человѣка, отлично владѣющаго перомъ, онъ съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій противъ турокъ находился при командовавшемъ корпусомъ въ Азіятской Турціи князѣ Бебутовѣ и писалъ реляціи о сраженіяхъ. И князь Бебутовъ, и князь Барятинскій (тогда начальникъ главнаго штаба арміи, принимавшій участіе въ знаменитомъ сраженіи при Кюрюкъ-Дара) весьма благоволили къ Фадѣеву. Но Н. Н. Муравьевъ, прибывъ въ Тифлисъ и побудивъ князя Барятинскаго уѣхать съ Кавказа, не преминулъ обратить свое вниманіе и на поручика Фадѣева, котораго общее мнѣніе считало дѣйствительнымъ авторомъ извѣстнаго письма къ Муравьеву въ отвѣтъ на его эпистолу къ А. П. Ермолову, хотя письмо было писано княземъ Д. И. Мирскимъ, который и не скрылъ этого предъ самимъ главнокомандующимъ, за что и былъ высланъ съ Кавказа въ Севастопольскую армію. Такъ или иначе, Фадѣева приказано было отправить къ своей батареѣ. Когда онъ прибылъ въ Воздвиженское, я не помню, и хотя я пріѣзжалъ туда нѣсколько разъ въ теченіе 1855 года, но, кажется, не встрѣчалъ его тамъ и не былъ съ нимъ знакомъ. Въ іюнѣ же 1856 года, кажется, послѣ возвращенія нашего изъ Владикавказа, Р. А. Фадѣевъ явился въ Грозную, былъ особенно отличнымъ образомъ принятъ ген. Евдокимовымъ, который, познакомивъ насъ, предложилъ мнѣ оказать пріѣзжему гостепріимство и жить вмѣстѣ. Съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ я это желаніе генерала и мы помѣстились въ двухъ

комнатахъ моей скромной квартирки. Съ этого времени началось наше близкое знакомство, безконечныя бесѣды, воспоминанія о табасаранскомъ походѣ 1851 года, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ Фадѣева, обращавшаго на себя вниманіе несоотвѣтствующею прапорщику объемистостью тѣла. Все мое свободное время наполнялось цѣлыми потоками плановъ о лучшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, предположеніями о переустройствѣ администраціи всего края, разборкой по косточкамъ всѣхъ начальствъ, оцѣнкой ихъ способностей и распредѣленіемъ имъ должностей; однимъ словомъ, конца не было разнообразнѣйшимъ, занимательнѣйшимъ преніямъ, оживляемымъ блестящимъ остроуміемъ Фадѣева. Въ это время онъ и посвятилъ меня въ тайну предстоявшаго вскорѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, во многія изъ его предположеній, давно уже созрѣвшихъ; онъ нарисовалъ мнѣ блестящій образъ князя, умѣющаго узнавать и давать ходъ полезнымъ людямъ, предсказывая наступленіе для Кавказа новой эры, полной самыхъ неожиданныхъ результатовъ...

Въ ожиданіи скорыхъ важныхъ перемѣнъ, замѣтно было нѣкоторое затишье въ дѣлахъ, ограничивавшихся обычною текущею перепиской и ремонтными работами въ крѣпостяхъ и штабъ-квартирахъ. Къ тому же, по прежде заведенной системѣ, на лѣвомъ флангѣ и вообще лѣтомъ никакихъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій не предпринималось. Я воспользовался этимъ временемъ для поѣздки въ Пятигорскъ на воды, куда меня посылали доктора для поправленія здоровья, начинавшаго уже довольно часто напоминать мнѣ, что четырнадцать лѣтъ кавказской службы не проходятъ совсѣмъ безнаказанно. Генералъ Евдокимовъ разрѣшилъ мнѣ ѣхать, но не засиживаться, и быть готовымъ по первому призыву возвратиться въ Грозную.

Оставивъ Фадѣева хозяйничать въ квартирѣ, я усѣлся на перекладную и уѣхалъ, томясь подъ палящими лучами іюльскаго солнца, глотая густую пыль, тучами носившуюся надъ телѣгой, испытывая, однимъ словомъ, всѣ прелести тогдаш-

нихъ путешествій по почтовымъ трактамъ. Черезъ двое сутокъ я былъ въ Пятигорскѣ, показавшемся мнѣ какимъ-то прекраснымъ мѣстомъ, въ которомъ можно „наслаждаться жизнью“... Черезъ день докторъ отправилъ меня въ Есентуки пить № 17-й.

Тогдашніе Есентуки не то, что теперь: тогда жизнь тамъ, даже для неизбалованнаго удобствами человѣка, не казалась особенно привѣтливою. Квартиры въ казачьихъ домикахъ, на улицахъ грязь невылазная въ дождь, пыль и вонь въ сушь; устроенныхъ ваннъ не было, и кто хотѣлъ купаться, долженъ былъ возить на быкахъ минеральную воду къ себѣ на квартиру, гдѣ она смѣшивалась пополамъ съ обыкновенною водой, почти всегда грязною; ни ресторана, ни какого-нибудь угла, куда могли бы собираться посѣтители, никакого развлеченія,—о газетѣ и говорить нечего,—да впрочемъ тогда и во всей Россіи о газетахъ мало кто хлопоталъ; однимъ словомъ, дни проходили скучно, уныло, вода казалась мнѣ тогда какъ-то особенно противною, напоминая вкусомъ чернила, и я рѣшился уѣхать въ Кисловодскъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прекрасный воздухъ и нѣкоторыя бо̀льшія удобства обѣщали пріятное пребываніе.

Въ то время на пятигорскихъ водахъ находился М. Н. Муравьевъ, министръ государственныхъ имуществъ, братъ главнокомандующаго. Само собою, мѣстныя начальства оказывали ему и какъ министру, и еще болѣе какъ брату намѣстника, всякій почетъ—встрѣчали, провожали, полиціймейстеръ даже являлся ежедневно съ рапортомъ, и Мих. Ник. его принималъ, видимо довольный такимъ вниманіемъ.

Гуляя по пятигорскому бульвару, онъ имѣлъ привычку останавливать прохожихъ офицеровъ и подвергать ихъ подробнымъ допросамъ: какъ звать, гдѣ служитъ, давно ли и зачѣмъ пріѣхалъ, а нѣкоторымъ производить нѣчто̀ въ родѣ экзамена по его служебнымъ знаніямъ. Дошло до того, что большинство офицеровъ, какъ только замѣтятъ приближавшуюся фигуру М. Н., стремглавъ бросались въ сторону, пры-

гали черезъ перила и канавки, спасаясь бѣгствомъ отъ вопросовъ угрюмаго министра. По этому поводу разсказывалось не мало анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ особенно остался у меня въ памяти.

Встрѣчаетъ министръ на бульварѣ господина въ черкесскомъ костюмѣ, безо всякихъ признаковъ офицерскаго чина, но съ Анной на шеѣ.

— Вы русскій офицеръ? спрашиваетъ онъ неизвѣстнаго.

— Да, русскій офицеръ (ударенія ужъ сами по себѣ вызывали смѣхъ).

— Гдѣ же вы служите? говоритъ Мих. Ник. съ нѣкоторою строгостью въ тонѣ, какъ бы недовольный развязностью офицера.

— Командую бригадой ко̀заковъ.

— А, такъ вы генералъ; извините пожалуйста, я и не обратилъ вниманія, что у васъ бѣлая папаха. (Тогда была форма во всѣхъ кавказскихъ войскахъ папахи черныя, а генераламъ бѣлыя).

— Я не генералъ, а полковникъ.

— Какъ же вы бѣлую папаху носите?

— О то, *теперь гѐнераловъ узна̀ютъ уже не по гло̀вамъ, а по но̀гамъ.* (Предъ тѣмъ только-что дали всѣмъ генераламъ красные панталоны).

Муравьевъ взглянулъ на отвѣчающаго, пожалъ плечами и, крайне недовольный, удалился.

Господинъ въ черкесскомъ костюмѣ былъ нашъ милѣйшій, всѣмъ извѣстный Албертъ Артуровичъ Іедлинскій, о которомъ я ужъ упоминалъ. Это былъ неистощимый мѣшокъ остротъ и каламбуровъ, пользовавшійся, однако, почти всеобщимъ расположеніемъ. Да и заслужилъ онъ этого какъ человѣкъ благородныхъ правилъ и добросовѣстно относившійся къ своимъ обязанностямъ; главный недостатокъ его была лѣнь и какая-то безалаберность, что-то напоминающее нѣмецкаго студента-бурша. Вѣчно безъ денегъ, раздающій направо и налѣво все, что̀ у него есть, пьющій вудку зъ во̀-

дою, весь въ рукахъ своей прислуги, Іедлинскій оставилъ по себѣ надолго память своими безчисленными, часто чрезвычайно ѣдкими и мѣткими остротами. Вспоминаю еще преуморительный случай. Какъ-то зимою въ чеченскомъ отрядѣ приходитъ Іедлинскій въ штабъ и заявляетъ quasi-начальнику штаба Фоку, что вотъ-де лошади его полка (Моздокскаго) уже нѣсколько сутокъ безъ сѣна стоятъ и начинаютъ хвосты у себя отгрызать, и что, въ случаѣ движенія или тревоги, онъ не въ состояніи будетъ тронуться съ мѣста.

— Всѣ распоряженія,—говоритъ Фокъ, —уже сдѣланы и сѣно будетъ доставлено на арбахъ изъ Грозной.

— Это вы мнѣ третій разъ уже говорите, — отвѣчаетъ Іедлинскій, — а сѣна все-таки нѣтъ. Нельзя же допустить казачьихъ лошадей до *здыханья* изъ-за вашихъ распоряженій и переписокъ.

— Что жъ дѣлать, распоряженія сдѣланы; сѣно привезутъ, нужно повременить.

Послѣ этого Іедлинскій подзываетъ своего полкового адъютанта, стоявшаго поодаль, и говоритъ ему пресерьезно, при томъ же Фокѣ.

— Хорунжій Сафоновъ, подите, *соберите всѣхъ лошадей* и *объявите имъ*, что г. начальникъ штаба уже сдѣлалъ всѣ распоряженія о доставкѣ сѣна и чтобъ *онѣ потерпѣли*.

Раздается взрывъ хохота и несчастный Фокъ скрывается въ палатку, а Іедлинскій преравнодушно уходитъ.

Служилъ онъ прежде на правомъ флангѣ и не пользовался особымъ расположеніемъ генерала Евдокимова, не любившаго балагурства и распущенности. Наконецъ, Іедлинскій выкинулъ штуку, выходившую за предѣлы даже самой крайней снисходительности, которую онъ таки иногда употреблялъ во зло. Онъ въ одинъ прекрасный день, въ 1850 году, выступилъ со своими казаками и артиллеріею, и гдѣ-то на Лабѣ велъ сильную перестрѣлку, чуть ли не два часа сряду. Затѣмъ отправилъ оффиціальное донесеніе, что, погнавшись по тревогѣ за сильною непріятельскою партіей въ нѣсколько

тысячъ человѣкъ, онъ ее настигъ, нанесъ ей жестокое пораженіе и безъ потери возвратился.

Генералъ Евдокимовъ, получивъ донесеніе это, чрезвычайно удивился, какъ это партія, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, могла появиться на Лабѣ, когда онъ, имѣя хорошихъ лазутчиковъ, не былъ объ этомъ предупрежденъ, чего прежде не случалось. Явились сомнѣнія въ дѣйствительности самаго происшествія, тѣмъ болѣе, что такая продолжительная, сильная перестрѣлка окончилась безо всякой у насъ потери. Поэтому Іедлинскому было послано предписаніе донести болѣе подробно о дѣлѣ, причемъ сказано было, что генералъ недоумѣваетъ, *какая это партія* могла быть?

На это подполковникъ Іедлинскій оффиціальнымъ рапортомъ отвѣтилъ, что дѣло происходило такъ, какъ онъ прежде описалъ, *а партія была та самая, которая помѣшала въ 1850 году проѣхать по лабинской линіи Наслѣднику Цесаревичу*. Чтобы понять эту послѣднюю фразу, нужно сказать слѣдующее: когда въ 1850 году Государь Императоръ, бывъ Наслѣдникомъ, предприняль путешествіе на Кавказъ, то по маршруту назначено было изъ станицы Усть-Лабинской слѣдовать по рѣкѣ Лабѣ, гдѣ недавно предъ тѣмъ были поселены казачьи станицы и построенъ рядъ промежуточныхъ постовъ. По прибытіи, однако, Высокаго Путешественника въ Усть-Лабу, Ему доложили, что вблизи лабинской линіи собрались значительныя непріятельскія партіи и что для вполнѣ обезпеченнаго проѣзда пришлось бы сосредоточивать въ разнихъ пунктахъ большіе отряды войскъ, что̀ сопряжено съ затрудненіями и потерею времени; а потому лучше отмѣнить поѣздку по Лабѣ и ограничиться обыкновеннымъ старымъ почтовымъ путемъ до Кубани. Такъ поѣздка по Лабѣ и не состоялась. Но злые языки увѣряли, что причина перемѣны маршрута была совсѣмъ другая, что посты и укрѣпленія на Лабѣ находились въ такомъ жалкомъ видѣ, не взирая на отпущенныя для ихъ постройки большія суммы, что боялись показать ихъ Его Высочеству, и что главный винов-

никъ, генералъ Евдокимовъ, выдумалъ присутствіе большой непріятельской партіи, чтобы скрыть свои прегрѣшенія. Теперь понятенъ отвѣтъ Іедлинскаго. Но, не говоря о непозволительности допускать подобныя вещи въ сношеніяхъ подчиненнаго съ начальникомъ, самая ссылка на молву была неосновательна, потому что все это было чистою клеветой въ отношеніи Евдокимова. Довольно сказать, что назначеніе Евдокимова начальникомъ праваго фланга послѣдовало въ апрѣлѣ, а пріѣздъ Государя Наслѣдника послѣдовалъ въ сентябрѣ того же года. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ никакихъ построекъ и даже ремонтировокъ только-что пріѣхавшій Евдокимовъ сдѣлать не могъ, и, слѣдовательно, если посты и укрѣпленія были въ неудовлетворительномъ видѣ, то виноватъ былъ предмѣстникъ Евдокимова. Устройство же линіи началось за семь лѣтъ до его назначенія.

Въ частныхъ письмахъ своихъ къ его старому покровителю и интимнѣйшему другу, генералу Клюки фонъ-Клугенау, стоявшему съ дивизіей въ Царствѣ Польскомъ, Евдокимовъ, 17-го августа 1850 года, писалъ между прочимъ: *) „прибывъ изъ Дагестана на пути къ новому назначенію въ Ставрополь, я встрѣченъ былъ извѣстіемъ о волненіяхъ въ краѣ, произведенныхъ Магометъ-Эминомъ, агентомъ Шамиля, и сборахъ значительныхъ непріятельскихъ партій, вслѣдствіе чего командующій войсками предложилъ мнѣ торопиться къ мѣсту, и на другой день прямо чрезъ Прочный Окопъ я уже очутился на Лабѣ, черезъ которую 23 апрѣля переправился для прикрытія покорныхъ намъ темиргоевцевъ. *Не найдя ни малѣйшаго устройства въ дѣлахъ фланга*, мнѣ пришлось увидѣть себя въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ краѣ мнѣ незнакомомъ; однако надо было дѣйствовать и я проводилъ въ трудахъ и дни и ночи“. Далѣе: „послѣ отраженія второго покушенія на нашу линію, Магометъ-Эминъ отпра-

*) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ только недавно доставлены мнѣ однимъ изъ сыновей генерала Клугенау.

вился покорить своей власти шапсуговъ и оставилъ меня въ покоѣ, но я уже былъ боленъ: лабинскій нездоровый климатъ подѣйствовалъ на меня такъ неблагопріятно, что меня едва довезли до Прочнаго Окопа, затѣмъ желчные припадки до того усилились, что я, бросивъ свой постъ, уѣхалъ въ Кисловодскъ, гдѣ оставался три недѣли и, благодаря климату и совѣтамъ доктора Андреевскаго поправился, а 13 августа возвратился къ мѣсту".—„Назначеніемъ своимъ, продолжаетъ Евдокимовъ, я похвалиться не могу. Кордонъ по Кубани, Лабѣ и въ верховьяхъ этихъ рѣкъ составляетъ болѣе *700 верстъ*; мнѣ предстоитъ оборонять эту линію съ 12 полками казаковъ, изъ коихъ 4 разсыпаны на внутреннихъ постахъ и по почтовому тракту, да съ восемью баталіонами пѣхоты, большая часть коихъ должны занимать гарнизоны въ станицахъ и укрѣпленіяхъ по Лабѣ. Съ большимъ трудомъ и съ опасностью для нѣкоторыхъ пунктовъ имѣю возможность сосредоточить отъ 10 до 12 ротъ и до 2 тысячъ кавалеріи, но, не отдаляясь отъ пѣхоты, я не могу предупреждать непріятеля на такомъ огромномъ пространствѣ, а непріятель въ 6 или 7 тысячъ лучшей конницы можетъ бросаться на любой пунктъ и, конечно, не туда, гдѣ есть въ готовности наши войска. Угадать намѣреніе непріятеля дѣло весьма трудное, лазутчиковъ теперь почти нѣтъ, Магометъ-Эминъ ихъ убиваетъ, да и вообще доставлять удовлетворительныя извѣстія сдѣлалось невозможнымъ, потому что власть Эмина до того усилилась, что за-лабинскіе черкесы, подобно дагестанскимъ горцамъ, идутъ туда, куда имъ приказано, не зная сами, для какой цѣли. Словомъ сказать, Магометъ-Эминъ становится вторымъ Шамилемъ... На мнѣ лежитъ теперь бремя защиты слабой страны со слабыми средствами, и я часто задумывался надъ возможностью перемѣнить мѣсто службы... Кавказъ удостоивается въ нынѣшнемъ году посѣщенія Государя Наслѣдника и мы всѣ теперь озабочены приготовленіями для встрѣчи. Слава Богу, дарующему мнѣ случай увидать одну изъ нашихъ царственныхъ особъ. Петербургъ отъ насъ далекъ; человѣку

небогатому трудно туда попасть, и если уже суждено лечь моимъ костямъ въ степяхъ Кавказа, то всё же отрадно для русскаго сердца увидѣть хоть одного изъ тѣхъ, которыхъ мы привыкли чтить владыками нашей земли. Его Высочество будетъ въ Екатеринодарѣ и выѣзжаетъ оттуда по *лабинской линіи* до Прочнаго Окопа, черезъ Пятигорскъ и Владикавказъ въ Тифлисъ".

Въ другомъ письмѣ къ генералу Клугенау, отъ 17 октября того же 1850 года, Н. И. Евдокимовъ разсказываетъ интересовавшемуся всѣмъ происходившимъ старому кавказскому ветерану нѣкоторыя подробности, болѣе разъясняющія „эпизодъ перемѣны маршрута", эпизодъ, послужившій основаніемъ сплетни на Евдокимова и получившій на Кавказѣ легендарный характеръ.—„Въ предыдущемъ письмѣ я говорилъ вамъ, кажется, что мы всѣ въ хлопотахъ приготовленій къ встрѣчѣ Государя Наслѣдника, удостоившаго посѣщеніемъ Кавказъ. *Еще въ началѣ августа* я говорилъ въ Кисловодскѣ князю М. С. Воронцову, что проѣздъ по лабинской линіи въ это время года опасенъ, ибо обмеленіе рѣкъ даетъ возможность непріятелю къ набѣгамъ въ наши предѣлы, что, по положенію этого края, указываетъ время опасныхъ безпокойствъ именно тогда, когда Его Высочество намѣренъ посѣтить лабинскую линію, то-есть 18 сентября, и что хотя *опасенія идутъ не за Его Особу, но Ему было бы непріятно, если по поводу обращенія войскъ на Его конвоированіе, могло случиться что-либо неблагопріятное для края. И главнокомандующій, и П. Е. Коцебу оправдывали мое мнѣніе* (то-есть раздѣляли) и готовы уже были довести это до свѣдѣнія Его Высочества, какъ пріѣхалъ командующій войсками *) и убѣдилъ всѣхъ, что опасенія напрасны. Написали маршрутъ, основанный на совершенномъ спокойствіи края. Между тѣмъ уже 8 сентября появились свѣдѣнія о приготовленіяхъ горцевъ къ сбору, а 12 числа зашевелились всѣ за-лабинскія племена,

*) Генералъ Завадовскій.

и на рѣку Бѣлую прибылъ отъ шапсуговъ самъ Магометъ-Эминъ. 14 числа *дознано навѣрное*, что сборище стягивается на правомъ берегу Бѣлой, а 16-го, что оно 10 числа тронется на линію, то-есть въ самый тотъ день, когда будетъ ѣхать Его Высочество. *Начальникъ Черноморскаго кордона ген.-лейт. Рашпиль, подтверждая эти извѣстія*, донесъ, что цѣль сборища—напасть на поѣздъ Наслѣдника, а затѣмъ обратиться къ исполненію главной цѣли—покоренію карачаевцевъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, основаніемъ служилъ разсчетъ, что русскія войска, разставленныя для обезпеченія проѣзда своего Государя, не успѣютъ сосредоточиться и, слѣдовательно, не въ силахъ будутъ противустоять огромной массѣ кавалеріи, собранной Магометъ-Эминомъ,—разсчетъ, совершенно основательный, но не удавшійся по слѣдующему случаю: Его Высочество, по причинѣ бурной погоды, не могъ посѣтить Новороссійскъ и прямо черезъ Тамань прибылъ въ Екатеринодаръ днемъ прежде, чѣмъ назначено по маршруту; отъ этого днемъ прежде изволилъ Онъ прибыть и въ Усть-Лабу, гдѣ, *выслушавъ предложеніе главнокомандующаго*, согласился на перемѣну пути вмѣсто Лабы по Кубани". Дальше разсказывается, какъ сборище горцевъ 18 сентября двигалось къ станицѣ Воздвиженской и, узнавъ о перемѣнѣ поѣзда Цесаревича, остановилось въ Длинномъ лѣсу, и проч.

Всякому безпристрастному человѣку не можетъ не показаться достаточно яснымъ, что исторія, сочиненная по поводу перемѣны маршрута, въ отношеніи къ генералу Евдокимову была чистѣйшая клевета.

Дерзкій рапортъ Іедлинскаго былъ представленъ по начальству и наказаніе его ограничилось переводомъ съ праваго на лѣвый флангъ полковымъ же командиромъ. Другому, быть можетъ, это и не сошло бы такъ съ рукъ, но Іедлинскій пользовался покровительствомъ князя и княгини Воронцовыхъ, вслѣдствіе дальнихъ родственныхъ его связей съ фамиліею графовъ Потоцкихъ, и вообще расположеніемъ мно-

гихъ высшихъ лицъ, какъ человѣкъ остроумный, образованный, пріятный собесѣдникъ и вообще хорошій.

Съ назначеніемъ генерала Евдокимова начальникомъ войскъ лѣваго фланга, Іедлинскій опять очутился подъ его командой; но нужно отдать справедливость обоимъ: первый и не подумалъ преслѣдовать, а второй прибѣгать къ искательству или даже перемѣнѣ своей обычной манеры. Уже вскорѣ послѣ прибытія Н. И. Евдокимова на лѣвый флангъ, Іедлинскій, находясь въ Чечнѣ въ отрядѣ, былъ зачѣмъ-то потребованъ къ генералу, который высказалъ ему какое-то замѣчаніе по службѣ. Іедлинскій началъ длинное объясненіе и съ нѣкоторою горячностью, размахивая руками, возражалъ не совсѣмъ тономъ подчиненнаго.

— Да что вы мнѣ тутъ разсказываете эту длинную исторію и размахиваете руками, сказалъ генералъ.

— Ото, ваше превосходительство, еслибъ я былъ сòбака, то махалъ бы хвòстомъ, а какъ я чѐловѣкъ, то мàшу руками.

— Ну, ну, идите съ Богомъ, отвѣтилъ ему разсмѣявшись Евдокимовъ; некогда мнѣ съ вами балагурить.

Я при этой сценѣ, впрочемъ, не былъ, но разсказывали мнѣ многіе.

Анекдотамъ объ Іедлинскомъ не было конца, и такимъ оставался онъ всегда и въ генеральскихъ чинахъ. Впослѣднее время онъ находился при фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ, и 4-го іюля 1878 года скоропостижно умеръ въ Варшавѣ.

LIV.

Пріѣхавъ въ Кисловодскъ, я на слѣдующее же утро встрѣтилъ въ паркѣ М. Н. Муравьева и былъ имъ остановленъ. Послѣдовалъ обычный рядъ вопросовъ и нѣчто въ родѣ легкаго экзамена. Онъ, повидимому, остался доволенъ и вѣжливо раскланялся. Я думалъ, что этимъ уже отдѣлался совсѣмъ; но не тутъ-то было: и министръ, и я одинаково, кажется, были поклонниками леченія всѣхъ болѣзней холодною

водой и съ разсвѣтомъ выходили погружаться—онъ въ цѣльный нарзанъ, а я въ бассейнъ ключевой 8° воды, изъ которыхъ выскакивали и бросались въ паркъ или въ тополевую аллею бѣгать и согрѣвать окоченѣвшіе члены. Посѣтителей въ это время было въ Кисловодскѣ вообще очень мало, а встающихъ на разсвѣтѣ еще меньше, поэтому встрѣчи наши были неизбѣжны и постоянны. Всякій разъ Мих. Ник. меня останавливалъ, завязывалъ разговоръ и мы продолжали цѣлый часъ ходить взадъ и впередъ. Забрасывалъ онъ меня вопросами о Кавказѣ, о его населеніи, о военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ; наконецъ, коснулся какъ-то своего любимаго предмета — межеванія, развивая мысль, что безъ межеванія нѣтъ прочнаго землевладѣнія, а безъ этого привязанности къ своему мѣсту и сельско-хозяйственному труду, и что онъ полагаетъ, не въ этомъ ли слѣдуетъ искать причину неудовольствія и волненій кавказскаго населенія...

Не отвергая значенія правильнаго размежеванія, къ которому полезно было бы приступить въ частяхъ края съ давно покорными населеніями, напримѣръ, въ Кабардѣ, на Осетинской плоскости, я однако убѣждалъ его, что непокорность и война горцевъ вовсе не отъ этой причины зависятъ; я, въ свою очередь, попалъ на свой любимый предметъ — на войну на Кавказѣ, ея причины, развитіе и проч. Слушалъ онъ меня съ большимъ вниманіемъ и, очевидно, интересовался мало знакомымъ ему предметомъ.

Одинъ разъ онъ вдругъ, прервалъ меня вопросомъ: вы видѣли моего брата, главнокомандующаго?

— Какъ же, говорю, имѣлъ честь три раза уже видѣть, и разсказалъ, гдѣ и когда.

— Что̀ же, онъ говорилъ съ вами?

— Нѣтъ, говорить не приходилось; да и гдѣ же главнокомандующему вступать въ разговоръ съ оберъ-офицеромъ.

— Жаль; братъ мой старается приближать къ себѣ знающихъ людей и цѣнитъ ихъ труды. Я готовъ при случаѣ извѣстить его о васъ.

Я поклонился.

Что̀ же это, однако? думаю себѣ. Неужели онъ, министръ, братъ намѣстника, не знаетъ, что не сегодня завтра уже состоится оффиціально назначеніе другого намѣстника на Кавказъ, а брату его придется сойдти со сцены? Или это такъ слѣдуетъ по правиламъ высшей политики? Или же, наконецъ, въ послѣдніе дни послѣдовала перемѣна въ предположеніяхъ, о чемъ онъ могъ получить извѣстіе изъ Петербурга? Понятно, вопросъ занималъ меня очень, но заговорить объ этомъ я не рѣшался.

Прошло нѣсколько дней, встрѣчи и разговоры продолжались попрежнему и я не только не избѣгалъ ихъ, подобно другимъ, но былъ ими весьма доволенъ: Мих. Ник. Муравьевъ, хотя по своей наружности и манерамъ гораздо болѣе несимпатичный, чѣмъ его братъ, Николай Николаевичъ, безспорно былъ человѣкъ высокаго ума, съ обширнымъ образованіемъ и громаднымъ запасомъ знаній и опыта. Все, что̀ онъ ни говорилъ, нельзя было не слушать со вниманіемъ, за исключеніемъ, конечно, чисто военныхъ вопросовъ, которыхъ онъ, впрочемъ, рѣдко касался. Меня даже удивляло, что такой угрюмый, серьезный человѣкъ, находившійся на такой высотѣ служебнаго положенія, снисходилъ до продолжительныхъ и, главное, касавшихся важныхъ предметовъ разговоровъ съ неизвѣстнымъ ему мелкимъ армейскимъ офицеромъ.

Въ одно прекрасное утро, однако, выскочивъ по обыкновенію изъ ледяной купальни и бросившись бѣжать къ аллеѣ, раньше парка согрѣваемой солнечными лучами, я не встрѣтилъ Муравьева и удивился. Что бы это значило?

Загадка вскорѣ разъяснилась. Въ аллеѣ показался мой старый знакомый, управлявшій почтовою частью на Кавказѣ, М. И. Бутовскій, и съ *торжествующимъ* видомъ объявилъ, что вчера вечеромъ получилъ съ эстафетой приказъ о назначеніи князя Барятинскаго намѣстникомъ, и что Мих. Ник. Муравьевъ вечеромъ же экстренно потребовалъ лошадей и ускакалъ, не

останавливаясь въ Пятигорскѣ... Очевидно, извѣстіе было для него неожиданностью.

„Слышали, знаете?“ раздавалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ были рады, веселы, какъ бы торжествуя какую-то личную побѣду. Надъ кѣмъ, надъ чѣмъ побѣду, почему торжествуютъ, большинство едва-ли съумѣло бы объяснить; какое-то инстинктивное чутье лучшаго будущаго, послѣ общаго недовольства настоящимъ, увѣренность, что съ Кавказа снимается, если такъ можно выразиться, тяжесть монастырской аскетической атмосферы; что вмѣсто мертвящей, суровой тишины, постояннаго дрожанія въ ожиданіи каръ, настаетъ прежняя жизнь, прежнія ожиданія щедрыхъ наградъ, что судьба края переходитъ въ руки истаго кавказца, участника Даргинской экспедиціи, взятія Гергебиля, командира Кабардинцевъ, начальника лѣваго фланга и иниціатора первыхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Чечни, помощника всѣми любимаго князя Воронцова, однимъ словомъ, въ руки князя Барятинскаго, молодого, рѣшительнаго, щедраго, пользующагося полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ въ высшихъ сферахъ. Все это и было причиной всеобщей радости и какъ бы общаго торжества надъ Н. Н. Муравьевымъ, какъ вводителемъ нигдѣ нелюбимой, но на Кавказѣ въ особенности, псевдо-спартанской системы, налагающей тяжелую печать суровости и мертвенности на всѣхъ и вся.

Второй разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ общественнаго настроенія по случаю полученія извѣстій о назначеніи новаго главнаго начальника на Кавказѣ. Въ началѣ 1845 года я былъ въ Тифлисѣ, когда узнали о назначеніи графа Мих. Сем. Воронцова, и я уже разсказывалъ въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній какой эффектъ произвело это извѣстіе, въ какой восторгъ пришли всѣ отъ мелкаго чиновника какого-нибудь присутственнаго мѣста до высшихъ генераловъ, начальниковъ войскъ, отъ тифлисскихъ дамъ до армянскихъ торговыхъ людей. Почему, главнымъ образомъ, радость была такая общая? Потому что предше-

ствовавшее управленіе генерала Нейдгардта было не по душѣ Кавказу. Не говоря о печальныхъ неудачахъ нашихъ въ это время въ Дагестанѣ, гдѣ Шамиль торжествовалъ побѣды, вся манера управленія была не въ духѣ кавказскаго населенія, ни туземнаго, ни русскаго гражданскаго, ни войскъ. Безспорно умный человѣкъ, генералъ Нейдгардтъ хотѣлъ перенести систему—плодъ долголѣтней привычки — псевдоспартанскую (болѣе подходящаго выраженія придумать не могу) на Кавказъ, и черезъ два года оставилъ край, не возбудивъ ничьего сожалѣнія, ничьей симпатіи... Совершенно то же повторилось и съ Н. Н. Муравьевымъ. Къ обоимъ можно отнести извѣстную поговорку: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ“, поговорку, которую они игнорировали, думая передѣлать на свой ладъ жизнь, привычки и взгляды цѣлаго края, отличающагося крайнею своеобразностью не только туземнаго населенія, но и всего пришлаго русскаго, тоже подчиняющагося общимъ мѣстнымъ условіямъ. Нельзя отвергать, что и въ противуположной системѣ—назову ее примѣрно „щедроразмашистою“—не все было безупречно и можно было пожелать измѣненій и улучшеній; но слѣдовало для этого избрать путь постепенности, незамѣтнаго уклоненія, а не вдаваться въ крайности, тѣмъ болѣе, что эта система, будь она даже и весьма вредна въ смыслѣ государственныхъ интересовъ (чего, впрочемъ, нельзя сказать: дѣло только въ размѣрахъ ея примѣненія), всегда привлекаетъ массу и создаетъ себѣ приверженцевъ. Вступать въ борьбу съ системой значило вступать въ борьбу съ общими убѣжденіями, мнѣніями и наклонностями; а люди, подобные Нейдгардту и Муравьеву, при всемъ умѣ, и образованности, и благонамѣренности, воспитались, однако, исключительно въ такой школѣ, которая, безъ сомнѣнія, забывала даже о существованіи въ русскомъ языкѣ слова „общественное мнѣніе“. Такимъ образомъ и цѣли своей они не достигли, и сами же только лишились высокаго служебнаго положенія, попавъ въ число потерпѣвшихъ fiasco, и въ

памяти кавказскаго населенія не оставили особенно благопріятныхъ воспоминаній. Оба эти почтенные главные начальника Кавказа очень много хлопотали, между прочимъ, соблюсти экономію въ казенныхъ расходахъ и доходили до того, что самолично занимались просмотромъ переписокъ объ отпущенныхъ какому-нибудь подпоручику прогонныхъ деньгахъ. (До чего доходятъ крайности!) Стремленія самыя прекрасныя, но не достигшія никакого результата, потому что нѣсколько десятковъ или хоть бы и сотень тысячъ рублей, ими сбереженныхъ, были каплею въ морѣ громадныхъ расходовъ и ничуть не измѣняли той системы, при которой вкоренилась вовсе *не на одномъ лишь Кавказѣ* язва расхищенія...

Въ сороковыхъ годахъ служилъ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку полковникъ Челищевъ, замѣчательный каррикатуристъ. Въ числѣ удачнѣйшихъ его произведеній помню картинку, изображающую генерала Нейдгардта въ солдатскомъ мундирѣ, въ лаптяхъ, но въ очкахъ и съ Георгіемъ на шеѣ, переходящаго черезъ горы съ Кавказа въ Россію, согнувшись подъ тяжестью лежащаго на спинѣ большого мѣшка, съ надписью „100,000 рублей экономіи“. Сходство было замѣчательное, работа вообще талантливая и самая соль каррикатуры очень мѣткая... Если бы Челищевъ оставался на Кавказѣ и въ 1856 году, то такую же картину могъ повторить и въ отношеніи Муравьева.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о назначеніи новаго главнокомандующаго, приведшимъ въ нѣкоторое волненіе и меня, уже давно къ этому подготовленнаго, получилъ я письмо изъ Грозной отъ адъютанта и ближайшаго родственника генерала Евдокимова, чтобъ я немедленно возвращался, потому что дѣла къ пріѣзду князя Барятинскаго предстоитъ весьма много, а времени остается мало. Я тотчасъ же и уѣхалъ въ Пятигорскъ, а на другой день уже трясся на незабвенной перекладной, подъ палящими лучами солнца и въ тучахъ пыли, по почтовому тракту, черезъ Георгіевскъ и Моздокъ, въ Грозную.

По всему пути, съ кѣмъ ни встрѣчался, съ кѣмъ ни говорилъ, всѣ также торжествовали и радовались новому назначенію. Но въ Грозной ликованіямъ не было конца: здѣсь считали князя Барятинскаго своимъ; здѣсь онъ жилъ, бывъ начальникомъ лѣваго фланга; здѣсь онъ водилъ отряды въ Чечню, здѣсь прежде командовалъ полкомъ, отличался; здѣсь онъ, такъ-сказать, оказказился, свыкся и полюбилъ край, усвоилъ взгляды на систему военныхъ дѣйствій; здѣсь исключительно всѣ были его приверженцами, не исключая самихъ чеченцевъ, уважавшихъ храбраго, рѣшительнаго человѣка и любившихъ его щедрость. Не менѣе другихъ былъ доволенъ и генералъ Евдокимовъ, вѣроятно, предчувствовавшій свое блистательное будущее, да и самымъ своимъ назначеніемъ на лѣвый флангъ обязанный, хоть и неоффиціально, князю Барятинскому, потому что Н. Н. Муравьевъ имѣлъ въ виду на это мѣсто пригласить изъ Варшавы князя Д. О. Бебутова...

До пріѣзда новаго главнокомандующаго, имѣвшаго прибыть на Кавказъ по Волгѣ черезъ Астрахань по Каспійскому морю, оставалось не больше двухъ мѣсяцевъ. Евдокимовъ хотѣлъ при первой же встрѣчѣ представить нѣсколько записокъ по разнымъ болѣе важнымъ предметамъ, и пришлось мнѣ, не теряя времени, засѣсть за работу. Сколько могу вспомнить, писалъ я и о мѣрахъ для избѣжанія затрудненій при перенесеніи полковыхъ штабъ-квартиръ на новыя мѣста, и о надѣленіи покорныхъ чеченцевъ землей, и объ измѣненіи предположеннаго надѣла землею станицъ Сунженскихъ казачьихъ полковъ, и объ облегченіи рубки просѣки въ чеченскихъ лѣсахъ, и о ближайшихъ предстоящихъ зимою дѣйствіяхъ. Нужно сказать, что вмѣстѣ съ назначеніемъ князя Барятинскаго главнокомандующимъ послѣдовало совершенно новое распредѣленіе военно-административныхъ районовъ: вмѣсто начальниковъ лѣваго фланга, Владикавказскаго военнаго округа и центра кавказской линіи, образовалось одно обширное управленіе „командующаго войсками лѣваго крыла линіи“, которымъ и былъ назначенъ генералъ Евдокимовъ, произве-

денный въ генералъ-лейтенанты. Сфера дѣятельности его вдругъ утроилась, пришлось заняться дѣлами прежнихъ трехъ управленій, изъ коихъ два были ему совершенно незнакомы; на первыхъ же порахъ нѣкоторыя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя мною при баронѣ Вревскомъ во Владикавказскомъ округѣ, весьма пригодились.

Дѣла вдругъ оказалось столько, и все спѣшнаго, что я буквально не находилъ свободнаго часа для отдыха; штабъ еще не былъ сформированъ, средства оставались прежнія. Приходилось писать, и диктовать, и поминутно отрываться, чтобы ходить къ звавшему меня начальству за различными приказаніями; не успѣешь сдѣлать одного, уже требуютъ опять, получены экстренная бумага или письмо,—нужно сейчасъ отвѣчать, а въ промежуткѣ еще ѣхать куда-нибудь. Такъ это продолжалось мѣсяца полтора, когда наконецъ полученъ былъ маршрутъ и приказаніе встрѣтить главнокомандующаго въ Дагестанѣ, въ городѣ Петровскѣ.

Въ двадцатыхъ числахъ сентября, Н. И. Евдокимовъ съ Фадѣевымъ и со мною выѣхалъ изъ Грозной по Тереку въ Хасавъ-юртъ. Переночевавъ здѣсь у барона Николаи, мы на другой день, по знакомой мнѣ дорогѣ, отправились въ Чирь-юртъ и затѣмъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На половинѣ дороги встрѣтилъ насъ конвой, высланный командующимъ войсками въ Дагестанѣ княземъ Орбельяни; это была партизанская или охотничья команда Дагестанскаго пѣхотнаго полка, въ числѣ коей нашлось еще много солдатъ, помнившихъ Евдокимова своимъ полковымъ командиромъ. По дорогѣ отъ Ишкартъ они охотились и убили огромнаго оленя, котораго и поднесли своему бывшему командиру. Экземпляръ былъ рѣдкій по своей величинѣ и по громаднымъ рогамъ,—ничего подобнаго я до того не видѣлъ; поставленный на ноги, олень былъ не меньше обыкновенной лошади. Самъ охотникъ, Евдокимовъ былъ чрезвычайно доволенъ, наградилъ людей, и затѣмъ мы тронулись дальше, пріѣхавъ поздно вечеромъ въ

Шуру, гдѣ насъ встрѣтили весьма лестно и проводили на приготовленныя квартиры.

Славное, веселое время это было. Полные ожиданій и розовыхъ надеждъ, мы жили съ Фадѣевымъ въ Шурѣ, катаясь какъ сыръ въ маслѣ, ежедневно на приглашенныхъ обѣдахъ и вечерахъ, проводя утра въ нескончаемыхъ бесѣдахъ. Мнѣ особенно это время врѣзалось въ памяти: два года тому назадъ, въ той же Шурѣ, незамѣтный поручикъ, ротный командиръ, робко являющійся по службѣ къ начальству, теперь вдругъ, какъ приближенное лицо къ командующему войсками хоть и чужого района, чествуется уже не по чину и окружается знаками особаго вниманія... До того дошло, что въ одно утро, когда мы съ Фадѣевымъ еще прохлаждались на постеляхъ и хохотали надъ какою-то забавною исторіей, вдругъ растворяются двери и въ полной парадной формѣ входитъ командиръ Дагестанскаго полка полковникъ Ракусса, два года тому назадъ не считавшій умѣстнымъ заговорить внѣ службы со своими подчиненными поручиками... Я было вскочилъ, извиняясь и чуть ли не кутаясь въ одѣяло, но Р. уложилъ меня назадъ, совершенно по-товарищески усѣлся на постели и проболталъ цѣлый часъ, приглашая навѣстить его въ Ишкартахъ. Когда онъ вышелъ и я разсказалъ удивленному Фадѣеву всю суть и источникъ посѣщенія, мы не могли не воскликнуть въ одинъ голосъ: „о, человѣкъ!..“

Чрезвычайно бурная погода на морѣ задержала князя Барятинскаго въ Астрахани и пріѣздъ въ Петровское состоялся, кажется, десятью днями позже, такъ что мы прожили въ Шурѣ совершенно неожиданно недѣли двѣ. Наконецъ 12 октября князь высадился въ Петровскѣ. Парадныя встрѣчи тамъ и въ Шурѣ были обставлены самою шумною торжественностью, иллюминаціями, криками *ура*, и проч. Первыя минуты уже были разительными контрастами съ только-что минувшимъ муравьевскимъ временемъ, когда встрѣчи сопровождались могильнымъ молчаніемъ и сугубымъ страхомъ.

Въ первый же вечеръ пребыванія на Кавказской землѣ,

въ Петровскѣ, новый главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

„Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ быть вождемъ вашимъ.

„Трудиться буду, чтобъ оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

„Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя".

Достаточно сравнить этотъ приказъ съ извѣстнымъ письмомъ Муравьева къ А. П. Ермолову, которымъ онъ ознаменовалъ свое прибытіе на Кавказъ, выразивъ Кавказской арміи порицаніе за ея изнѣженность, дряблость и распущенность, чтобы понять всеобщее торжество и радость. А кто вѣрнѣе оцѣнилъ кавказскія войска—тотъ ли, кто удивлялся имъ, или тотъ, кто порицалъ ихъ — доказали послѣдующія событія: черезъ три года палъ Шамиль и кончилась почти вѣковая война на восточномъ Кавказѣ, черезъ пять лѣтъ умолкъ послѣдній выстрѣлъ на западномъ.

Пріемъ, оказанный главнокомандующимъ генералу Евдокимову, не оставлялъ никакихъ сомнѣній въ полномъ къ нему довѣріи и расположеніи; изъ продолжительныхъ совѣщаній онъ вынесъ убѣжденіе, что предположенія его будутъ осуществляться. „Ну, почтеннѣйшій", говорилъ онъ мнѣ, „все идетъ отлично; скоро закипитъ у насъ дѣло въ Чечнѣ".

Въ Шуру въ это время пріѣхалъ изъ Тифлиса, для представленія и съ разными докладами главнокомандующему, и начальникъ штаба И. По какому-то дѣлу Евдокимовъ послалъ меня къ нему, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ передать представленія къ наградамъ за зимнія военныя дѣйствія въ Чечнѣ въ 1855 и 56 годахъ, возвращенныя при Муравьевѣ безъ согласія на дальнѣйшій ходъ. Вхожу и говорю: „Ваше превосходительство, Николай Ивановичъ приказалъ мнѣ доложить вамъ, и проч."

— А, очень радъ васъ видѣть, садитесь пожалуста.

Окончивъ докладъ по дѣлу, я передалъ представленія, сказавъ, что Николай Ивановичъ покорно проситъ дать имъ ходъ.

— Кланяйтесь Ник. Ив. и доложите, что все будетъ исполнено, какъ только возвращусь въ Тифлисъ.

Поклонъ, пожатіе руки—и я вышелъ.

И это былъ тотъ же генералъ, о пріемѣ котораго въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Тифлисѣ, когда я пріѣхалъ съ докладами отъ барона Врѣвскаго, я разсказывалъ выше. Какая перемѣна декорацій! Каковъ попъ, таковъ приходъ...

Послѣ дневки въ Шурѣ, главнокомандующій предпринялъ поѣздку черезъ Ишкарты на высоты къ Гимринскому спуску. Благодаря прекрасной погодѣ, всѣмъ удобствамъ, какія только по мѣстнымъ условіямъ возможно было доставить, усердію мѣстныхъ властей и особенно командира Дагестанскаго полка Р., въ районѣ коего все происходило, благодаря, наконецъ, всеобщему оживленію и радостному настроенію, — поѣздка оказалась однимъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ въ ряду пережитыхъ мною въ теченіе долгихъ лѣтъ кавказской службы. Въ свитѣ князя Барятинскаго былъ флигель-адъютантъ князь Эмиль Витгенштейнъ *), сопровождаемый своею молодою, прелестною супругой, урожденною княгиней Кантакузенъ; ея присутствіе среди военнаго движенія, на фонѣ грозно-величественной картины, развертывающейся съ Гимринскихъ высотъ, имѣло нѣчто особенно оригинальное. Тутъ же былъ графъ Соллогубъ, авторъ извѣстныхъ повѣстей и *Тарантаса*, сыпавшій каламбурами и остротами, въ чемъ оказывалъ ему не малую поддержку Р. А. Фадѣевъ; было еще много разной салонной столичной молодежи и художникъ отъ редакціи парижской *Иллюстраціи* M-r Blanchard, почтенный старичокъ, весьма бойко дѣйствовавшій карандашомъ въ своемъ альбомѣ, набрасывая виды грозныхъ ущелій, сдавленныхъ громадными скалами, типы воинственныхъ туземцевъ, военныхъ сценъ, и рядомъ—полукомическія ухаживанія за княгиней Витгенштейнъ...

*) Впослѣдствіи нашъ военный агентъ въ Парижѣ во время осады пруссаками, недавно умершій.

Заключивъ эту своего рода рекогносцировку-пикникъ отличнымъ завтракомъ, съ нѣсколькими бокалами шампанскаго и тостами, сопровождавшимися бѣглымъ огнемъ бывшаго съ нами баталіона,—мы отправились обратно и къ вечеру прибыли въ Шуру. А на другой день главнокомандующій, послѣ прощальной аудіенціи, на которой фигурировали и мы съ Фадѣевымъ въ качествѣ откланивающихся (я удостоился при этомъ лестныхъ замѣчаній), уѣхалъ изъ Шуры черезъ Дербентъ въ Тифлисъ, а мы съ генераломъ Евдокимовымъ старымъ путемъ назадъ въ Грозную.

Такъ начался новый кавказскій періодъ,—по своимъ военнымъ результатамъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ... Но время это къ намъ еще слишкомъ близко и читатель пойметъ, почему разсказы о немъ неудобны. — Ограничиваться узкою рамкой моихъ личныхъ похожденій, мелкихъ приключеній и т. п. значило бы лишить работу всякаго интереса, да и не могу я этого сдѣлать, потому что не имѣю ни дневника, ни замѣтокъ; память же сохранила преимущественно то, что связано съ дѣломъ, съ дѣйствіемъ общаго характера. Такимъ образомъ я кладу перо, чтобы взяться за него опять, когда наступитъ благопріятное, соотвѣтствующее время, если, конечно, судьба дастъ дожить до того времени *).

Въ заключеніе посвящу еще нѣсколько страницъ краткому очерку Чечни, о которой я, по своему обыкновенію, не упустилъ случая собрать кое-какія свѣдѣнія.

LV.

Параллельно сѣверному склону главнаго Кавказскаго хребта тянется довольно высокая, покрытая густыми лѣсами, преимущественно чинарами (букъ), цѣпь горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Черныхъ. (Покрытыя лѣсомъ, онѣ, въ сравненіи съ

*) Строки эти были въ типографіи, когда получено извѣстіе о скоропостижной смерти князя Барятинскаго въ Женевѣ.

высящимися за ними снѣговыми, скалистыми громадами, всегда темны, отчего и названіе черныхъ). Отъ ихъ подножія до другого незначительнаго безлѣснаго гребня, называемаго Сунженскимъ, стелется обширная плодородная долина протяженіемъ болѣе полутораста верстъ, покрытая густыми лѣсами и часто трудно проходимымъ орѣшникомъ, омываемая отъ юго-запада на сѣверо-востокъ рѣкою Сунжею и прорѣзанная множествомъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, впадающихъ въ Сунжу. Вся эта долина до праваго берега рѣки Терека заселена ингушами, назрановцами, галашевцами, карабулаками и чеченцами, принадлежащими по языку и обычаямъ, съ незначительными различіями и оттѣнками, къ одному чеченскому племени (Начхэ). Восточную часть этой долины омываетъ рѣка Мичикъ въ сліяніи съ Гумсомъ; тутъ чеченцы называютъ себя мичиковцами. Еще восточнѣе, въ гористой, менѣе плодородной части, вдаваясь болѣе въ уступы черныхъ горъ, по рѣчкамъ Ахташъ, Яманъ-су и Ярыкъ-су живутъ самые воинственные изъ чеченцевъ, называя себя ичкеринцами и ауховцами. Небольшая часть живетъ на безлѣсной плоскости, между Сунжей и Терекомъ. Рѣка Аргунъ, протекая изъ главнаго хребта съ юга на сѣверъ, прорѣзываетъ Черныя горы и плоскость на двѣ части, впадая въ Сунжу. Лежащая по правому берегу Аргуна часть до Ичкеріи и Ауха названа Большою, а по лѣвому — Малою Чечней. Такимъ образомъ чеченское племя занимаетъ бассейны рѣкъ Сунжи и Аргуна и сѣверозападный склонъ Андійскаго хребта до его подножія. Есть еще выше, въ ущельяхъ главнаго хребта, по рѣкѣ Ассѣ и малымъ притокамъ ея, равно и Аргуна, общества, извѣстныя подъ общимъ названіемъ кисты или кистины: галгаевцы, цоринцы, митхо, майсти и др., которыхъ слѣдуетъ, однако, причислить тоже къ чеченскому племени, ибо языкъ, одежда и многіе обычаи у нихъ тождественны; я полагаю даже, что эти кисты суть собственно родоначальники тѣхъ жителей лѣсистой плоскости, которую мы называли Чечней, по имени одного большаго аула *Чеченъ*, ставшаго намъ извѣстнымъ еще

со времени персидскаго похода Петра I, когда нашимъ войскамъ пришлось въ первый разъ встрѣтиться здѣсь въ бою съ горцами этой части Кавказа.

Всѣ свѣдѣнія о происхожденіи и времени поселенія чеченцевъ въ этой странѣ ограничиваются нѣсколькими изустными преданіями. Одни говорятъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, князь Турло, владѣтель селенія Мехельда въ дагестанскомъ обществѣ Гумбетъ, отправился на охоту, дошелъ до Ханкала (Ханъ-Кале, по-татарски, ханская крѣпость), близь берега Аргуна на плоскости, и построилъ себѣ здѣсь временный балаганъ изъ шкуръ. Кочевавшіе въ окрестностяхъ калмыки окружили его и хотѣли взять, но онъ со своими людьми не только отразилъ, но даже прогналъ ихъ далеко и рѣшился поселиться на этомъ мѣстѣ. Къ нему присоединились нѣсколько семействъ изъ аргунскихъ обществъ Шубутъ и Нашахой, значительная фамилія Чермо изъ Дагестана и Агшпатой изъ Галгая (на Ассѣ). Каждой фамиліи назначали особый участокъ земли, на протяженіи во всѣ стороны, „куда стрѣла долетитъ“, и такъ исподоволь образовалось чеченское населеніе, распространившееся по всей лѣсистой долинѣ.

Другіе разсказываютъ, что нѣсколько жителей изъ Нашахой, стѣсненные на прежнихъ мѣстахъ недостаткомъ земли, а быть можетъ и гонимые кровомщеніемъ, двинулись внизъ по теченію Аргуна и поселились на плоскости, выбравъ удобное мѣсто. Занятая земля оказалась богатѣйшимъ черноземомъ, не видавшимъ въ теченіе вѣковъ плуга и обезпечившимъ ихъ неприхотливыя потребности, а непроходимыя лѣсныя дебри, множество быстрыхъ горныхъ рѣчекъ и топкихъ ручьевъ (Шавдонъ), ограждали ихъ отъ сильныхъ сосѣдей, лезгинъ, кумыковъ, кабардинцевъ. Съ теченіемъ времени, увеличившееся народонаселеніе, обращая лѣсныя чащи въ пахатныя поля, все болѣе распространялось по плоскости и образовало, такимъ образомъ, самостоятельное общество, богатое средствами для хлѣбопашества и скотоводства, ставшее

послѣ грозой своимъ сосѣдямъ. Это второе преданіе, полагаю, болѣе вѣроятно.

Въ первое время чеченцы составляли безъ различія одинъ классъ вольныхъ людей, подчинявшихся освященнымъ временемъ обычаямъ. Каждая фамилія (тохумъ) избирала старшину, который и вѣдалъ общественныя дѣла, разбиралъ мелкіе споры и прочее. Если же случались болѣе важные споры, фамильные, то обращались къ старшинамъ другихъ тохумовъ. Одно время представители отъ всѣхъ фамилій собрались въ Ичкерію близь аула Цонтери, и на урочищѣ Кетишкортъ произошло нѣчто въ родѣ вѣча, на которомъ и состоялось положеніе объ адатѣ (обычномъ правѣ), которымъ должно было руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ дѣлъ о бракахъ, наслѣдствахъ и раздѣлахъ имѣній, предоставленныхъ суду шаріата (религіозному). Были послѣ попытки совсѣмъ уничтожить адатъ, для чего опять собирались на Кетишкортѣ, но неудачно; большинство не хотѣло подчиняться шаріату, пока желѣзная рука Шамиля, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, не подчинила все духовной власти.

Земля не считалась частною собственностью, она принадлежала всякому, кто хотѣлъ ею пользоваться. Съ теченіемъ времени только явились нѣкоторыя разграниченія между аулами, но владѣніе осталось и понынѣ общиннымъ. Каждый годъ, когда настаетъ время пахать, всѣ однотохумцы собираются на свои поля и дѣлятъ ихъ на столько равныхъ дачъ, сколько въ тохумѣ семей, а затѣмъ жребій рѣшаетъ, кому какой участокъ пахать, и въ теченіе года онъ уже считался собственностью. Лѣса же составляли общую народную собственность, каждый пришелецъ, новый поселенецъ, имѣлъ право вырубить участокъ лѣса, поселиться на немъ и тѣмъ самымъ становился собственникомъ.

Какъ сказано, въ Чечнѣ всѣ были равны, никакихъ сословныхъ подраздѣленій не было; не было порабощенныхъ, не было общественныхъ переворотовъ, не было завоеваній.

Ни князей, ни узденей, какъ въ сосѣднихъ земляхъ кумыковъ и кабардинцевъ, у Чечни не было. Мы всѣ уздени, говорили чеченцы, принимая этимологическое значеніе слова: узъ-денъ или эзю-данъ, отъ себя, то-есть зависящій отъ себя. Единственный немногочисленный классъ рабовъ были плѣнные; потомковъ прежде захваченныхъ называли „лая“, вновь захватываемыхъ „іессырь“; послѣдніе различались отъ первыхъ неопредѣленностью своего положенія, потому что на первыхъ порахъ можно было ожидать еще ихъ выкупа или обмѣна, а „лай“, уже забывшій свое происхожденіе, потерявшій связи со своимъ отечествомъ, составлялъ неотъемлемую собственность своего владѣльца. Положеніе „лаевъ“ было безусловное рабство, подобно существовавшему въ древности. Рабъ считался вещью своего хозяина, которою онъ могъ распоряжаться по прихоти; его можно было продать увѣчить, убить; пріобрѣтенную имъ собственность владѣлецъ могъ отнять для себя; однимъ словомъ „лай“, вся его жизнь, весь его трудъ—все было принадлежностью его господина... Каковы бы ни были притѣсненія и жестокости, рабъ не смѣлъ уйти, поступить къ другому, жаловаться,—онъ могъ только наложить на себя руки... Бывали исключенія; иногда „лай“ бѣгалъ отъ своего тирана къ какому-нибудь уважаемому въ обществѣ человѣку и искалъ у него защиты. Если тотъ его принималъ и становился его защитникомъ, то отправлялся къ владѣльцу, уговаривалъ, просилъ смягчить обращеніе, не взыскивать за побѣгъ и, получивъ обѣщаніе, возвращалъ раба назадъ; если же увѣщанія не дѣйствовали и тотъ требовалъ возвращенія своей вещи—„лая“, то защитникъ не имѣлъ права его удерживать... Иногда случалось рабамъ откупаться на волю; тогда они обращались къ кади, который съ согласія владѣльца составлялъ бумагу—отпускную, передавалъ выкупную сумму, и „лай“ становился свободнымъ, получалъ названіе „азатъ“.

Общаго управленія у чеченцевъ, до признанія ими власти Шамиля, не было. Каждый тохумъ вѣдался выбраннымъ стар-

шиной; но власть ихъ была ничтожна и необязательна; кто не хотѣлъ у нихъ судиться, расправлялся самъ, а если и обращались къ нимъ, то, при недовольствѣ рѣшеніемъ, не подчинялись ему. Но подобные случаи бывали исключеніями; большею же частью судъ старѣйшинъ уважался, и строптивыхъ не уважали въ обществѣ; нѣкоторое чувство подчиненности такъ присуще всякому человѣческому обществу, что и среди этого дикаго, необузданнаго населенія оно не могло не пріобрѣсти правъ гражданства. Какъ бы ни былъ наклоненъ такой человѣкъ къ необузданной волѣ, какъ бы нестерпима ни была для него всякая узда, все же не можетъ онъ не покоряться опытности, превосходству ума, авторитету человѣка, пользующагося общимъ уваженіемъ.

Болѣе важныя дѣла, касавшіяся всей деревни или нѣсколькихъ тохумовъ, рѣшались мірскими сходками, для которыхъ не существовало, впрочемъ, никакихъ правилъ. Сбѣгались старъ и младъ, крикъ, шумъ, споры и толки безъ конца; часто кончалось это драками, оружіемъ, и побѣжденная сторона, хотя и правая въ спорѣ, должна была бѣжать и селиться на новыхъ мѣстахъ. Самый сборъ мірской сходки происходилъ нерѣдко безтолковѣйшимъ образомъ: вскочитъ кто-нибудь изъ жителей на кровлю мечети и начнетъ сзывать народъ, подражая муллѣ, зовущему на молитву; большею частью праздное населеніе сбѣгалось на площадь и сзыватель дѣлалъ какое-нибудь предложеніе или заявлялъ свое дѣло. Если оно оказывалось пустякомъ, не стоящимъ вниманія, толпа съ хохотомъ расходилась, но никакой претензіи на виновника безпокойства не заявляла: для всякаго азіятца какой-нибудь „хабаръ“, новость, шумъ очень занимательны и представляютъ хорошій случай разсѣяться отъ бездѣлья.

Въ первыя времена своего поселенія, чеченцы жили спокойно, никѣмъ не тревожимые. Сильные сосѣди ихъ, кумыки и кабардинцы, едва ли и знали о новыхъ выходцахъ, скрывавшихся въ своихъ дремучихъ лѣсахъ; приманки тутъ не было никакой: ни богатства, ни множества стадъ, вообще ни-

какой добычи. Сами чеченцы, въ свою очередь, чувствовали свою слабость и никого не тревожили; напротивъ тѣ, которые очутились ближе къ кумыкамъ или кабардинцамъ, искали покровительства у тамошнихъ князей, платили имъ небольшую дань за защиту отъ притѣсненій и назывались „кментъ“ — приверженцы. Князья не вмѣшивались въ ихъ управленіе, а только заступались за нихъ, если кто-нибудь угрожалъ имъ. Когда же населеніе Чечни умножилось, образовались большіе зажиточные аулы, появились многочисленныя стада, сосѣди разлакомились и хищные инстинкты взяли верхъ. Набѣги въ Чечню стали любимымъ поприщемъ для удалыхъ кабардинскихъ и кумыкскихъ джигитовъ-наѣздниковъ; при разрозненности чеченскаго населенія, сопротивленіе было слабо и робко, такъ что набѣги всегда были удачны и почти безъ потерь. Такое положеніе дѣлъ заставило чеченцевъ подумать о средствахъ защиты, и они рѣшились призвать къ себѣ какого-нибудь князя, который учредилъ бы порядокъ, соединилъ разрозненныя силы и оградилъ ихъ отъ хищниковъ. Выборъ палъ на гумбетовскихъ князей Турло, славившихся своею храбростью, умомъ и приверженностью къ нимъ горцевъ Дагестана. Турловы приняли предложеніе и явились съ многочисленною дружиной приверженцевъ, готовыхъ идти за ними повсюду и сражаться какъ противъ внѣшнихъ, такъ и противъ внутреннихъ враговъ. Власть князей Турловыхъ, основанная на добровольномъ выборѣ и выгодахъ народа, скоро окрѣпла и принесла хорошіе плоды. Чеченцы, подчинившись всѣ одному лицу, обязанные одинакими повинностями и службой, впервые убѣдились въ пользѣ единства; разрозненные, не знавшіе до сихъ поръ другъ друга, они теперь сблизились и познали свою силу. При первой тревогѣ, князь выѣзжалъ и всѣ должны были слѣдовать за нимъ для отраженія врага общими силами, не ограничиваясь уже, какъ прежде, только защитой каждымъ своей частной собственности. Кабардинскіе и кумыкскіе наѣздники, встрѣчая въ своихъ набѣгахъ сильный отпоръ, пе-

рестали гоняться за опасною добычей. Чечня стала богатѣть, отдохнула отъ грабежей и, въ свою очередь, превратилась въ грозу сосѣдей: съ сознаніемъ своей силы, съ развитіемъ воинственнаго духа, толпы чеченскихъ смѣльчаковъ сами уже стали налетать на Кабарду и кумыковъ, за Терекъ, для хищническихъ подвиговъ.

Имя Турловыхъ пріобрѣло общее уваженіе; они пользовались большимъ вліяніемъ, способствовали учрежденію нѣкотораго внутренняго порядка, но власть ихъ все-таки опиралась на добровольномъ подчиненіи и не имѣла прочныхъ основаній. Когда миновались бѣдствія и слабость, полудикое общество, со врожденнымъ отвращеніемъ къ покорности и любовью къ необузданной волѣ, не подчинилось чувствамъ признательности и заслугамъ князей. Видя свое развившееся благосостояніе, свое возраставшее могущество, въ сравненіи съ ослабѣвавшими вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ силами прежнихъ грозныхъ сосѣдей, чеченцы почувствовали тяжесть власти, стали оказывать неповиновеніе князьямъ, и Турловы вынуждены были уйти отъ нихъ на берега Терека, гдѣ и поселились между жившими здѣсь издавна болѣе мирными чеченцами. Не случись этого, быть-можетъ, покореніе Чечни русской власти обошлось бы безъ долгой кровавой борьбы, подобно тому какъ Кабарда и кумыки подъ вліяніемъ своей аристократіи избрали благоразумный путь и избѣгли многихъ бѣдствій.

По преданіямъ, сохранившимся среди чеченцевъ, они были нѣкогда христіане, но переселились изъ горъ на плоскость уже мусульманами. Сохранились у нихъ смутные разсказы объ отношеніяхъ къ шамхалу Тарковскому, которому оказывали особый почетъ, а на случай его пріѣздовъ и угощенія даже держалась особая посуда; еще болѣе къ Омеръ-хану Аварскому, съ которымъ чеченцы хаживали въ набѣги на Грузію, въ Персію (вѣроятно, въ ханства нухинское, шекинское и др.); у одного старика еще въ мое время хранился какой-то особенной формы большой мѣдный кувшинъ, при-

везенный его отцомъ изъ такого набѣга. Когда Омеръ-ханъ умеръ (кажется въ началѣ этого столѣтія), нѣкоторые ходили въ Хунзахъ на похороны и, возвратясь, разсказывали о великолѣпіи, о *семи мѣркахъ золота*, оставшихся послѣ него; о странныхъ обычаяхъ плача надъ мертвымъ, совершавшихся множествомъ женщинъ, особенно изъ Андіи, и т. п.

Въ числѣ особыхъ обычаевъ у чеченцевъ много сходнаго со всѣми другимм кавказскими горцами; то же кровомщеніе, тотъ же счетъ на коровъ, опредѣленная цѣна на разные случаи, и т. д. За убійство, напримѣръ, мужчины 190, женщины 130 коровъ; если убійца не платилъ, то бѣжалъ навсегда или его убивали; за ружейную рану, несмертельную, 10 коровъ, холоднымъ оружіемъ 5, если жен е рубнетъ кинжаломъ, а кольнетъ, то тоже 10 коровъ какъ за ружейную рану; за увѣчье глаза 80 коровъ, (глазъ считался главнымъ органомъ); за носъ же только 18; за каждый палецъ по 3; за воровство, кромѣ возвращенія украденнаго, взыскивается еще трехлѣтній жеребчикъ или быкъ. За похищеніе дѣвицы должны были пригнать 10 скотинъ и сдѣлать угощеніе, а дѣвицу возвратить, а если прибавляли къ этому 10 рублей денегъ, то похищенная, по согласію, оставлялась уже женою похитителя.

Женитьба сопровождалась тоже своеобразными обычаями. Пришедшихъ за невѣстой родственниковъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей угощали, а при отправленіи съ невѣстой догоняли и мужчины били гостей палками (въ шутку), а женщины портили имъ ножницами платье. Все сопровождалось пѣснями, пляской, стрѣльбой. Женихъ долженъ прятаться цѣлую недѣлю и болѣе; приходя послѣ ночью въ домъ, онъ на зарѣ исчезалъ, а товарищи его дѣлали при этомъ выстрѣлы.

Каждый можетъ по капризу выгнать отъ себя жену, возвративъ только калымъ; больше четырехъ женъ не позволяется имѣть. Если мужъ застанетъ жену наединѣ съ другимъ, то имѣетъ право обрубить обоимъ носы...

Похороны не сопровождались особыми церемоніями; въ старыя времена женщины собирались плакать, но послѣ это вывелось. Поминки совершались самыя скромныя, только для бѣдныхъ, и дѣлали ихъ скрытно.

Въ Чечнѣ всегда было нѣсколько извѣстныхъ вожаковъ, собиравшихъ шайки для набѣговъ. Съ минуты выступленія до возвращенія, всѣ обязаны были безпрекословно подчиняться вожаку. За неудачу онъ не отвѣчалъ, а при успѣхѣ получалъ двѣ трети добычи. Возвращались съ пѣснями, выстрѣлами, возбуждая похвалы своихъ односельцевъ, пѣсни женщинъ. До какой отчаянной отваги доходили чеченцы въ своихъ набѣгахъ, приведу одинъ, вспомнившійся мнѣ сейчасъ примѣръ. Собралось ихъ одиннадцать человѣкъ, перебрались за Терекъ и пустились высматривать добычу на почтовой дорогѣ, недалеко отъ станицы Червленной или Ищорской (хорошенько не помню). Одинъ изъ казачьихъ пикетовъ ихъ, однако, замѣтилъ, далъ знать въ станицу, поднялась тревога; а дѣло близилось уже къ разсвѣту. Чеченцы рѣшились уходить поскорѣе домой, тронулись къ Тереку — въ одномъ мѣстѣ выстрѣлы, въ другомъ тоже, все пикеты (не вездѣ можно было переправиться). Что дѣлать? рѣшили броситься въ противоположную сторону, въ ногайскія степи, тамъ пережидать тревогу и черезъ день, два уйти за Терекъ. Между тѣмъ собравшіеся по тревогѣ казаки, по добытымъ отъ секретныхъ пикетовъ свѣдѣніямъ, убѣдились, что хищники взяли направленіе по почтовой дорогѣ и затѣмъ въ степь, и пустились за ними. Сколько чеченцы ни торопились, но на усталыхъ голодныхъ лошадяхъ не могли уйти отъ погони; видя приближеніе казаковъ, они свернули къ одному изъ степныхъ песчаныхъ кургановъ, бросили лошадей, взобрались на верхушку кургана и рѣшились защищаться. Ихъ окружили и предложили сдаться; они отвѣчали выстрѣлами и у насъ оказалась потеря. Началась перестрѣлка; наконецъ, съ прибытіемъ новыхъ командъ казаковъ — составившихъ всего человѣкъ до двухсотъ—рѣшили штурмовать курганъ; назна-

ченные для этого люди тронулись. Между тѣмъ у чеченцевъ уже не стало патроновъ, дальнѣйшая защита становилась невозможною, и они рѣшились умереть, но не сдаваться... Сдѣлавъ послѣднiй залпъ по приближавшимся людямъ, они *привязали себя предварительно другъ къ другу ременными поясами, чтобы не разлучаться* и чтобы кто-нибудь не впалъ въ искушенiе отдаться живымъ, обнажили шашки и кинжалы, надвинули папахи на глаза и съ заунывнымъ пѣнiемъ мюридскаго религiознаго лозунга—„ля иль-ля, иль-ля-ля" (нѣтъ Бога кромѣ Бога) ринулись на встрѣчу наступавшимъ казакамъ... Послѣдовала дико-кровавая сцена, одна изъ тѣхъ, которыя составляли отличительныя черты кавказской войны и производили сильное впечатлѣнiе на всѣхъ, отъ простого солдата до стараго боевого офицера, отъ родившагося, такъ-сказать, среди подобныхъ сценъ линейнаго казака и до случайно попавшаго сюда образованнаго человѣка,—сцена потрясающая. Нѣсколько минутъ какихъ-то смѣшанныхъ дикихъ возгласовъ, стоновъ, два-три выстрѣла и—конецъ. Одиннадцать труповъ валялись кучкой, поливая песокъ своею кровью, а казаки выносили своихъ тяжело раненыхъ товарищей и одного или двухъ убитыхъ.

Такъ вотъ съ какими людьми вели мы войну, какими людьми приходилось намъ управлять. Мудрено ли, что подобныя происшествiя, случавшiяся сплошь и рядомъ съ разными варiацiями, вырабатывали изъ кавказскихъ войскъ особые типы людей, рѣзко отличавшихся отъ обыкновеннаго армейскаго типа, и что цѣлыя части войскъ проникались совершенно особымъ духомъ, особенными наклонностями и привычками (тѣмъ болѣе при двадцатипяти — тридцатилѣтнихъ срокахъ службы), ничего общаго съ уставными, рутинными не имѣвшихъ. Для извѣстныхъ цѣлей, это была великая, незамѣнимая школа...

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Читай:
Стран.	18	строка	30	Гаджи-Мураиба	Гаджи Мурада
»	58	»	34	въ	къ
»	59	»	28	южномъ	горномъ
»	60	»	12	возы	обозы
»	64	»	22	и начальства	у начальства
»	175	»	35	иселъ	чиселъ
»	297	»	15	отклопялся	откланялся
»	311	»	12	24 Апрѣля	24 Августа
»	365	»	25	Горійскаго ущелья	Горійскаго уѣзда